

Kava Hiau

1911

Annotation

Действие романа «Завещание Инки» разворачивается в Аргентине. Одни герои романа ищут сокровища, другие — кости доисторических животных, третьи — просто приключения, но всех их объединяет динамичный сюжет. Роман принадлежит к числу наиболее удачных произведений писателя. Адресован юношеству и всем, кто не утратил вкус к приключениям и романтике.

- [Карл Май](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

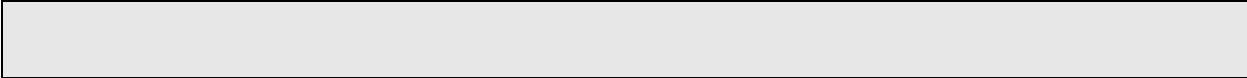
Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Карл Май
Завещание Инки

Роман впервые опубликован в детской газете «Гуте камерад» («Gute Kamerad»), где печатался отдельными фрагментами с октября 1891 г. по сентябрь 1892 г. Почти сразу же после завершения газетной публикации в Штутгарте вышло отдельное издание этого романа.

Интерес Карла Мая к Латинской Америке проявился на фоне общего роста в Германии интереса к этому материку. При создании этого произведения К. Май использовал большое количество литературных источников, в основном, газетных и журнальных статей об Аргентине, но также и две книги немецких путешественников Бурмайстера и Целлера:

H. Burmeister. Reise durch La-Plata-Staaten, mit besonderer Rücksicht auf die physische Beschaffenheit und Kulturzustand der Argentinischen Republik. Halle, 1861

H. Zoller. Pampas und Anden. Sitten— und Kulturschilderungen aus dem spanischen-redenden Sudamerika mit besonderer Berücksichtigung des Deutschtums. Berlin/Stuttgart, 1884.

Глава I

ЭСПАДА

Коррида де торос, коррида де торос!»^[1] — Эти выкрики звучали на перекрестках прямых, как стрелы, улиц Буэнос-Айреса уже который день. Исходили они от зазывал-глашатаев, одетых в пестрые костюмы, украшенные бантами и лентами. Впрочем, они не столько зазывали, сколько, казалось, просто делились с каждым встречным своей собственной радостью, своим ликованием. И вот уже весь город охватила лихорадка ожидания корриды: о ней писали все газеты, во всех местах, где собирались мужчины — от самых фешенебельных ресторанов до низкопробных таверн, шли разговоры только о корриде.

Слово «коррида» — своего рода пароль для каждого испанца или его потомка, фитиль, запалив который непременно жди мощного выплеска эмоций. Таков характер этого народа! И его не переломить никаким морализаторам, пытающимся доказать с упорством, достойным лучшего применения, что корриду-де нужно запретить. Станет испанец слушать этих зануд, как же! Ноги сами собой несут его к арене, с которой доносится рев быков, несущихся, словно ураган, на лошадей и тореадоров.

Итак, да здравствует коррида!

Ее в Буэнос-Айресе не было уже много лет. В этом виновны политики, которые постоянно затевают друг с другом какие-то грязные игры. Последнюю такую игру, обернувшуюся войной, повел парагвайский диктатор Лопес. Он напал на Аргентинскую Конфедерацию, и это стоило народам обеих воевавших стран пятидесяти тысяч погибших, военных затрат в сорок миллионов долларов, а также ста тысяч жертв эпидемии холеры, распространявшейся в условиях войны ^[2], как пожар в лесу, страдающем от засухи. Но на минувшей неделе аргентинские войска одержали очень важную победу над вояками Лопеса. Вот почему расцвечен огнями иллюминации Буэнос-Айрес, готовятся увеселения, любимые народом, и сам президент Сармьенто одобрил идею проведения корриды.

Несмотря на то что времени для подготовки корриды было маловато, ее устроители приложили максимум усилий, чтобы она прошла как можно более ярко. Буэнос-Айрес не нуждался в том, чтобы приглашать тореадоров со стороны, вполне можно было рассчитывать на своих собственных, за которыми числилось немало блестящих подвигов на арене, и многие из них

никогда не имели поражений и даже легких ран, нанесенных быками. И вдруг, в самый канун корриды, никому доселе не известный приезжий из Мадрида, несколько дней назад снявший номер в одном из лучших отелей аргентинской столицы, объявил о своем намерении участвовать в бое быков. Впрочем, недоумение членов комитета по подготовке корриды очень скоро сменилось радостью, как только выяснилось, что этот самонадеянный чужестранец — вовсе даже не неизвестный, а напротив, очень знаменитый человек — лучший матадор Испанского королевства сеньор Крусада.

Не успели жители Буэнос-Айреса взвесить все «про» и «контра» в связи с этой новостью, как о своем желании участвовать в корриде заявили еще два сеньора, правда, уже не в качестве тореадоров. Один из них владел огромными стадами. Некоторое время назад этот сеньор, затратив немалые средства, приобрел несколько североамериканских бизонов, чтобы скрестить их — с обычными коровами, но хозяева бескрайних прерий оказались такого дикого и неукротимого нрава, что ему не оставалось ничего другого, как немедленно избавляться от них. И вот этот самый сеньор заявил во всеуслышание, что предоставляет самого сильного из своих бизонов для корриды, причем совершенно бесплатно. Другой сеньор, решивший внести свою лепту в проведение корриды, был не беднее первого, но удивил другим. Он владел большой асиендой ^[3] в окрестностях Сан-Николаса, и его работники не так давно поймали в сети ягуара, повадившегося регулярно навещать овечьи отары. Пятнистый разбойник был коварен и хитер и множество раз уходил из ловушек, приготовленных для него, целым и невредимым, но вот наконец-то попался. Сначала асьендеро ^[4] хотел продать своего разорителя подороже, но потом в приливе патриотических чувств заявил, что дарит ягуара комитету по подготовке корриды.

Итак, предстоящая коррида обещала стать поистине незаурядным событием. «Крусада», «бизон», «ягуар» — эти три слова склонялись в Буэнос-Айресе на все лады. Осмелится ли знаменитый матадор сразиться с бизоном и ягуаром, и, если осмелится, кто выйдет победителем? Ставки в спорах росли, как на дрожжах. Разумеется, возбуждение публики не могло не передаться и аргентинским тореадорам.

Тореадорами называют всех, кто сражается с быками на арене, но внутри своего профессионального клана они подразделяются еще на несколько разрядов — в соответствии с той ролью, которую они выполняют в ходе корриды. Первыми на арену выходят, как правило, пикадоры. Они

сидят верхом на лошадях, в руках у них копыя, которыми они покалывают животное — как бы «разогревая» его. Следом за ними появляются чулос, или бандерильеры; в их обязанности входит прежде всего слежение за тем, чтобы в случае, если пикадор окажется в опасности, отвлечь быка яркими тряпками, а если это не поможет, то покалыванием палками с заостренными крючками на концах. И наконец, выходит главное действующее лицо всякой корриды, ее герой и звезда — матадор, при шпаге и плаще, непременно в великолепном костюме. Его мастерство и жизнь — две чаши весов, которые приходят в движение при каждой атаке быка. Слово «матадор» происходит от испанского глагола «матар», что означает «убивать», «умерщвлять». Матадоров иногда называют еще и «эспада», то есть «владеющий шпагой». В каких-то испаноязычных странах предпочитают говорить «матадор», в других — «эспада», а что касается Аргентины, то здесь больше прижился второй вариант. Матадоры, они же эспады, от прочих тореадоров отличаются еще одним немаловажным качеством: если все прочие их коллеги чувствуют себя на арене работниками, то они — артистами, владеющими высоким искусством нанесения смертельного удара разъяренному животному.

...И вот уже надтреснутыми, почти совсем осипшими от постоянных выкриков голосами глашатаи разносят по городу новую весть: «Коррида завтра!» На Буэнос-Айрес опускается теплый, наполненный золотым светом фонарей и ароматом цветущих деревьев вечер. На улицах появляются взволнованные, спешащие куда-то мужчины, но очень скоро жизнь на них замирает, зато заполняются все места в ресторанах и кафе. Особой популярностью в этот вечер пользуются кондитерии — открытые кафе, на террасах которых можно не только съесть пирожное или мороженое, но самое главное — вместе со своими горячими единомышленниками и не менее пламенными противниками обсудить прогнозы на завтрашний день в связи с главным его событием — корридой.

Кафе «Париж» — одно из самых уютных в Буэнос-Айресе — в этот вечер было полным-полно, пустых столиков почти не осталось. Атмосфера в зале была до того наэлектризована предвкушением завтрашних событий на корриде, что никому не казалось неловким или бестактным откровенно прислушиваться к тому, что говорится за одним из столиков, за которым сидели трое аргентинских эспад, желавших на завтра показать свое искусство и испытать судьбу. Эспады были согласны между собой в одном: совершенно напрасно комитет допустил до участия в корриде испанца. Но ничего, они сделают все возможное, чтобы поставить заезжую знаменитость на место, да и где же еще это делать, как не в столице

Аргентины, где имеются свои герои, которые не чета этим хилым испанцам, вся слава которых — ну просто-таки дутая, вот и все. Распалившись от сознания собственной значительности, один из эспад громогласно заявил, что уложит на землю североамериканского бизона одним ударом и готов биться об заклад со всяким, кто пожелает, что слово свое сдержит. Пожелавших сделать это в кафе «Париж» нашлось немало.

Неподалеку от этого центра всеобщего внимания стоял столик, за которым сидели четыре щеголевато одетых сеньора, из которых особенно привлекал к себе внимание один. Судя по его мощному торсу и широким плечам, он обладал недюжинной силой, несмотря на свой далеко не юношеский возраст — ему было, судя по седой, хотя еще и густой шевелюре и окладистой седой бороде, лет примерно пятьдесят или около этого. Загорелое и обветренное его лицо наводило на мысль, что этот человек может оказаться всего лишь обыкновенным гаучо из пампы ^[5], однако его безукоризненно элегантный, сшитый по последней парижской моде костюм говорил о совершенно обратном. Трое его тоже загорелых спутников выглядели не менее элегантно. Загадочная четверка сидела молча, но после хвастливого заявления эспады о том, что он убьет бизона ударом ножа, один из них нарушил молчание и обратился к белобородому с вопросом:

— Карлос, ты слышал, что сказал сейчас вон тот говорун?

Белобородый ничего не ответил, только кивнул головой в знак того, что, мол, да, слышал.

— И что ты скажешь по этому поводу?

Белобородый опять обошелся без слов — пожал плечами и иронически улыбнулся.

— И я так думаю, — поддержал его спрашивавший. — Я что-то слышал о том, что с местными быками удаются иногда такие фокусы, но ты охотился на этих североамериканских зверей и лучше, чем мы, знаешь их. Скажи все-таки: что ты думаешь об этом? А мне кажется, что этот эспада, похоже, попадет в трудное положение, если заключит столько пари.

— Согласен. Словами бизона не уложишь.

Эти слова белобородый Карлос произнес несколько громче, чем требовалось для того, чтобы его расслышали соседи по столику. Расхваставшийся эспада услышал их, вскочил со стула и спросил весьма с нервной язвительностью:

— Сеньор, не могли бы объяснить получше, что именно вы имеете в виду?

Белобородый не спеша смерил его фигуру равнодушным взглядом и

спокойно ответил:

— Почему бы и нет? Но сначала я хотел бы узнать ваше имя.

— Мое имя в этой стране известно любому ребенку! Я Антонио Перильо!

Лучистые глаза белобородого великана на мгновение затуманились. Он опустил веки и произнес все тем же равнодушным тоном:

— Мое имя известно не меньше вашего. Я — Хаммер.

— Это немецкое имя?

— Немецкое, вы не ошиблись.

— Значит, вы немец?

— Естественно.

— В таком случае вам лучше держать ваш рот на замке, особенно когда дело касается здешних обычаев! Я — портеньо, если это вам о чем-нибудь говорит!

Он произнес слово «портеньо» с неподражаемым пафосом и при этом еще с гордостью огляделся вокруг. «Портеньос» называют себя коренные жители Аргентины в отличие от различного рода переселенцев и эмигрантов, и любой из «портеньос убежден, что, безусловно превосходит приезжих некими неоспоримыми достоинствами, а кроме того, обладает в этой стране несравненно большими правами по сравнению с чужаками. Но напрасно эспада думал, что произведет большое впечатление на великана своим выпадом. Тот, казалось, не придавал им вообще никакого значения. Эспада просто вышел из себя и, едва сдерживаясь, процедил сквозь зубы:

— Вы позволили себе пренебрежительно отозваться обо мне. Не желаете ли взять свои слова обратно?

— Зачем же? Не вижу в этом никакой необходимости. Как вам уже известно, я — немец. Все немцы любят точность, и если я сказал, что словами бизона не уложишь, то, значит, так оно и есть.

— Каррахо! ^[6] Какая наглость! Я, самый знаменитый в этой стране эспада, должен терпеть издевательства какого-то немца! Интересно, что вы скажете на то, что я готов немедленно распороть ваше немецкое брюхо моим аргентинским клинком?

— Ничего. Я ничего не скажу, потому что угроза ваша — пустая и не стоит ответа, — ответил Хаммер и переменял позу на более комфортную для его большого тела, не сводя взгляда с портеньо.

В этом взгляде можно было прочесть многое, но только не злость. Однако на распутившегося эспаду этот взгляд подействовал, как удар током. Он подскочил к обидчику и, запинаясь от захлестнувшей его ярости, спросил:

— И вы что же, не принесете мне извинения за ваши оскорбительные слова в мой адрес?

— Нет, не принесу.

— Тогда я докажу всем здесь собравшимся, что вы трус! И сделаю это немедленно!

И он бросился на немца с кулаками. Но тот ловко и резко уклонился от удара, потом схватил эспаду за обе руки, прижал их вплотную к его туловищу и так, с прижатыми руками, и поднял его в воздух и отшвырнул к стене.

Одновременно с тем, как тело эспады рухнуло вдоль стены на пол, все посетители кафе повскакали со своих мест. Антонио Перильо был одет хотя и не столь хорошо, как его противник, но тоже на европейский лад, поэтому трудно было ожидать, что он сумеет спрятать под тесным сюртуком длинный нож, которым пользуются обычно гаучо [7] и с которым все прочие, заносчиво именуящие себя «портеньос», как правило, не расстаются. Однако Перильо все же вытащил откуда-то такой нож и, бешено сверкая глазами, пошел с ним на противника. Но тот даже ни на дюйм не сдвинулся со своего места, подождал, пока Перильо подойдет поближе, и молниеносным движением перехватил занесенную над ним руку с ножом, сжав ее с такой силой, что эспада, взыв от боли, выронил нож на пол. И тогда немец бросил ему презрительно:

— Веди себя потише, Антонио Перильо! У тебя отвратительные манеры! Мы находимся в Буэнос-Айресе, а не в Салине-дель-Кондор. Ты понял?

— Салина-дель-Кондор? — испуганно пролепетал утративший вдруг весь свой боевой пыл эспада. — Где это? Я не знаю такого места...

— Ты знаешь его, негодяй. И не смей со мной юлить! Учти: ты можешь провести кого угодно — только не меня.

— Но я никогда там не был... Не понимаю, что вы имеете в виду, — продолжал изображать растерянность эспада.

Впрочем, он и на самом деле был растерян, правда, по совсем другой причине, а не потому, что его приняли за кого-то другого, как могло показаться со стороны. Но об этой, истинной, причине его замешательства речь еще впереди.

— Я имею в виду, — чеканя каждое слово, произнес продолжавший сидеть на стуле белобородый, — то, что ты только что, когда так сильно побледнел, бедняжка, нечаянно произнес шепотом. Рано или поздно я заставлю тебя сказать то же самое во всеулышание.

— Нет, — продолжать упорствовать эспада, — я все-таки никак не

пойму, о чем вы говорите и чего от меня хотите. Я не желаю вас знать! — с жалким нахальством поверженного выдавил он из себя.

— Вот в это я охотно верю. Еще бы, у тебя немало оснований всячески избегать меня. Но запомни на всякий случай хорошенько вот что: как только ты мне понадобишься, чтобы поквитаться с тобой, я достану тебя хоть из-под земли, негодяй!

Сказав это, белобородый поднялся со стула, подождал, пока его спутники рассчитаются с официантом, аккуратно снял свою шляпу с вешалки и не спеша направился к выходу. В эти несколько минут посетители кафе могли увидеть его в полный рост и лишний раз убедились в том, что с таким Голиафом ^[8] лучше не связываться.

Только когда дверь за ним и его спутниками закрылась, к эспаде вернулось самообладание. Он вернулся к своим приятелям. Один из них встретил его отнюдь не сочувственными словами:

— Какой позор, Антонио Перильо! Он буквально размазал тебя по стенке!

— А ты у нас храбрец! — ответил язвительно опозорившийся. — Ну давай тогда, догони его, попробуй потягаться с этим быком! Почему же ты не бежишь за ним, а? Ладно, я сам отвечу на свой вопрос: ты знаешь, что ни за что не справишься с ним, и я сильно сомневаюсь, что такой человек вообще тут найдется.

— Вполне возможно, что ты и прав, — пошел на попятную дружок Перильо. — Но он обращался к тебе на «ты». Какая фамильярность! Как ты мог позволить такое? Ведь ты же обращался к нему на «вы»!

— Да! Ну и что! Если хочешь знать, я не придаю этим китайским церемониям никакого значения. Не хватало еще о такой ерунде думать!

— А с чего это вдруг он пристал к тебе с какой-то Салиной-дель-Кондор? Что он имел в виду?

— Да откуда мне знать? Этот немец, видно, немного чокнутый, у него какая-то бредовая идея в мозгу. Всем на свете известно: немцы — большие чудачки, чего только не выдумают в своих дурацких фантазиях. Не случайно ведь среди них полным-полно лунатиков!

Возможно, эта захватывающая для разговора портеньос между собой тема и получила бы свое дальнейшее развитие, если бы неожиданно в проеме входной двери не появился новый посетитель кафе, сразу же обративший на себя всеобщее внимание. Это был, судя по одежде и всему облику, гаучо, но, что удивительно, на редкость маленького для пастухов роста. Впрочем, и его одежда при ближайшем рассмотрении оказалась тоже не совсем обычной для гаучо, уж очень живописна: это был, пожалуй,

сценический костюм, а не просто штаны, рубаха и все такое прочее, в чем удобно приглядывать за скотиной. Во всяком случае, этот костюм, безусловно, заслуживает отдельного описания.

Начнем с рубашки и штанов. Они выглядели ослепительно белыми. Штаны, закатанные выше колен, судя по количеству образовавшихся складок, были непомерно велики маленькому гаучо. Поверх рубашки, рукава которой тоже были закатаны до локтей, вокруг его торса была обмотана чирипа — теплое, хотя и тонкое шерстяное одеяло. Обмотавшись таким одеялом, гаучо обычно прикрепляют его к телу кожаным поясом, что сделал и маленький незнакомец, но поверх пояса он привязал еще и ярко-красный шарф, концы которого торчали в разные стороны. Ярко-красным было и пончо, покачивающееся на его плечах. Это тоже одеяло, но выполняющее роль плаща, с отверстием посередине для головы. Ноги пришельца из пампы были обуты в высокие сапоги, которые носят все гаучо. Эта обувь совершенно не похожа ни на какую другую на свете.

Вот как делаются эти сапоги. С задних ног забитой лошади снимается шкура, при этом обходятся без единого надреза; еще теплую, ее кладут в горячую воду, чтобы легче было счистить с нее жесткий волосяной покров. Пока эта кожа еще влажная, ее натягивают на икры ног, как чулки. Когда кожа высыхает и по мере высыхания твердеет, она превращается в нечто необычайно прочное. Сапоги гаучо прекрасно защищают его икры и верхнюю часть ступней, но пальцы ног и ступни оставляют неприкрытыми. Человек в такой обуви одновременно и обут, и босиком, но здесь надо учитывать то обстоятельство, что гаучо почти не ходят по земле, разве что внутри своей хижины или палатки.. Конструкция стремени гаучо весьма своеобразна, под стать обуви: в него помещается только большой палец ноги. Зато шпоры просто огромны.

И в этом маленький гаучо был верен традиции — на пятках у него при каждом шаге погромыхивала пара массивных шпор, или, вернее сказать, небольших колес. На макушке его головы красовалась серая фетровая шапочка с кисточкой, а под ней был повязан красный шелковый платок, концы которого он обмотал вокруг шеи. Такие платки спасают и от палящего зноя, и от пыли, а кроме того, очень эффектно развеваются во время скачки. Разумеется, как всякий гаучо, малыш был вооружен: за шарф на поясе у него были заткнуты длинный нож и пистолет, а на широком ремне, перекинутом через плечо, висела двустволка, длиной почти в рост своего владельца. Но было в облике миниатюрного «пастуха из пампы» одно, и весьма странное, нарушение традиционного облика его собратьев по профессии: в руках он держал две книги. Ну были бы это дешевые

примитивные книжонки из тех, что продаются для развлечения людей малокультурных и полудиких, — еще куда ни шло, хотя среди гаучо грамотных людей раз, два и обчелся, но нет, он держал солидные многостраничные фолианты в добротных кожаных переплетах. Это были издания кайзеровской Академии естественных наук в Берлине — труды д'Альтона и Вайса.

Эти-то книги и заставили всех посетителей кафе «Париж» уставиться на маленького гаучо, как на какую-нибудь невиданную доселе диковину. Подумать только: гаучо с книгами! Такого еще никогда и никому видеть не приходилось. Но всеобщее внимание нисколько не смутило этого редкого книголюба. Он очень приветливо произнес, обращаясь ко всем сразу: «Добрый день!» — и, заметив освободившийся столик, уверенно направился к нему. Усевшись, тут же открыл одну из своих книг и стал как ни в чем не бывало листать ее, время от времени задерживаясь на какой-нибудь странице глазами.

Пробежавший было между столиками шепот сменился глубокой тишиной. Малыш, казалось, загипнотизировал сразу всех посетителей кафе. Но было похоже, что он даже не заметил того, какое впечатление произвел, и спокойно занимался своим делом, не поднимая головы, не реагируя даже на постепенно вновь разгоревшиеся вокруг него споры по поводу предстоящей корриды. К нему подошел официант. Выяснилось забавное совпадение: официант был одного роста со странным маленьким гаучо.

— Чего изволите? — спросил официант.

— У вас имеется пиво? Я хотел бы выпить «церевизии», как оно именуется по-латыни.

— Да, сеньор, пиво у нас есть, по цене шесть бумажных талеров ^[9] одна бутылка.

— Принесите мне бутылку, или «ампулу», а также «лагену» по-латыни.

Официант с большим удивлением взглянул на странного посетителя, пересыпавшего обычные фразы ученой латынью, но вслух своего удивления выказывать не стал, молча принес бутылку и высокий стакан и наполнил его. Маленький гаучо, однако, не стал немедленно пить пиво: все никак не мог оторвать своих глаз от книги. Однако его прилюдное уединение вскоре было нарушено. И сделал это не кто иной, как все тот же недавний возмутитель спокойствия Антонио Перильо. Подойдя к малышу, он вкрадчиво произнес:

— Прошу прощения, сеньор, но мы, кажется, знакомы.

Гаучо наконец оторвался от книги, встал со своего стула и вежливым тоном ответил:

— Мне очень жаль, сеньор, но я должен вас разочаровать. Вы ошиблись, мы с вами не встречались.

— Понятно. Очевидно, у вас есть причина меня не узнавать. Но я ее не знаю, так что, может быть, вы сообразоволяете объяснить мне, в чем состоит эта причина?

— Причина? По-латыни «кауза», кажется? Впрочем, сейчас это не важно. Гораздо важнее то обстоятельство, что я вас действительно не знаю.

— Но я уверен, что мы уже встречались с вами раньше, правда, не здесь, а в верховьях Ла-Платы.

— Но я никогда там не был, уверяю вас, сеньор! Я вообще всего неделю в Аргентине и за это время еще ни разу не покидал Буэнос-Айреса.

— Но могу я, по крайней мере, узнать, кто вы, собственно, будете и где в таком случае находится ваш дом?

— Мой дом — в Ютербогке, или Ютербоге, а также Ютербокке, выбирайте тот вариант названия моего родного города, который вам больше по душе. Я не возьмусь утверждать, какой из них верный, но сам склоняюсь больше к варианту «Ютербогк», потому что окончание этого названия объединяет в себе два других его варианта — «бог» и «бокк».

— О вашем родном городе мне никогда не приходилось слышать. Будьте добры, скажите, как вас зовут?

— Охотно. Моргенштерн. Доктор Моргенштерн.

— А чем вы занимаетесь?

— Я ученый, или, точнее говоря, исследователь-одиночка.

— И что вы исследуете?

— Я зоолог, сеньор. А в Аргентину прибыл для того, чтобы разыскать останки глиптодонтов, мегатериев и мастодонтов [\[10\]](#).

— О, да я и слов-то таких никогда не слышал!

— Я имею в виду доисторических гигантских броненосцев, ленивцев и слонов.

Лицо эспады вытянулось. В полной растерянности и недоумении он спросил:

— Вы это серьезно, сеньор?

— Да, я нисколько не шучу.

— И где же вы собираетесь искать этих зверей?

— Ну, разумеется, среди животных, обитающих в пампе. Еще неизвестно, все ли из них исчезли во время деливиума.

— Деливиума? А, сеньор, я понял: вы говорите со мной на этом языке,

чтобы дать мне тем самым понять, что я вам мешаю...

— Что вы, что вы! Этот язык вполне понятен каждому человеку. Взгляните хотя бы на эти книги, их авторы являются знатоками деливиума — Всемирного потопа, иначе говоря. Вы непременно должны ознакомиться с этими трудами и...

— Нет, умоляю вас, только не это! — перебил его эспада. — Про этих господ я никогда ничего не слышал, а вас, напротив, знаю гораздо лучше, чем вы можете предположить. Неужели вы всерьез полагаете, что этот маскарадный костюм мог изменить вашу внешность до неузнаваемости?

— Маскарадный костюм, говорите? Хм. Должен признать, до определенной степени вы, пожалуй, правы. Я и в самом деле не собираюсь менять профессию и становиться на всю оставшуюся жизнь гаучо.

— А почему бы и нет, сеньор? Вы же, как я помню, отлично ездите верхом.

— Простите, сеньор, я не понял: это что, шутка? Впрочем, можете не отвечать, не имеет значения, шутка это или нет, поскольку вы задели очень серьезную для меня тему. Я предпринимал уже несколько попыток сесть на лошадь, по-латыни «эквус», и освоить то, что на этом благородном древнем языке называется «экво вехи», а именно искусство верховой езды. Но несмотря на все мое усердие, к сожалению, это искусство примерно на девять десятых так и осталось для меня непознанным.

Эспада был, как, я думаю, уже стало понятно каждому моему читателю, не из тех людей, кого можно легко смутить. Но на этот раз ответ ученого поставил его в тупик, он не понимал, как и о чем можно дальше вести разговор с этим человеком, но, однако, все же попытался изобразить на лице некое подобие вежливой улыбки и пробормотал:

— Простите мне мою навязчивость, сеньор. Я готов ждать сколько угодно, когда наступит момент, подходящий для того, чтобы вы могли снять свою маску и раскрыть свое инкогнито.

На этом эспада счел разговор законченным, развернулся и направился к столику, где его горячие приятели уже нетерпеливо постукивали ногами по полу. Маленький гаучо посмотрел ему вслед, покачал головой и тихо пробормотал: «Снять маску!» Какой чудак этот сеньор!»

И он снова углубился в свои книги. Однако сосредоточиться на этот раз ему не удалось. Официант — тот самый, что был с ним одного роста, — подошел и спросил:

— Сеньор, почему же вы не пьете свое пиво? Мне очень жаль этот прекрасный напиток и вас тоже. Когда пиво так долго стоит открытым, оно теряет часть своего неповторимого вкуса.

Гаучо, он же доктор Моргенштерн, взглянул на него, поднял стакан и сказал:

— Благодарю вас, сеньор! Человек не должен забывать о своих потребностях и удовольствиях, а пить, по-латыни «поттио», пиво — безусловно, не только необходимо, но и весьма приятно.

После этой тирады он собрался было продолжить свое прерванное чтение, но официант отчего-то все не уходил, и он спросил:

— Вы хотите узнать у меня что-нибудь еще, сеньор?

— Да, с вашего позволения. Я невольно слышал, что вы упомянули в разговоре с сеньором Перильо город Ютербогк в Германии...

— Да, это мой родной город, и я живу там.

— Значит, вы немец?

— Ну разумеется, немец.

— О, сеньор, какой это приятный сюрприз для меня! Вы позволите мне поговорить с вами по-немецки?

— По-немецки? Неужели и вы тоже немец?

— Да, герр доктор, мы земляки, — с гордостью заявил маленький официант, — я родился и жил в Штралау на Руммельсбургском озере под Берлином.

— Вы из Штралау? Какая приятная неожиданность! Но почему вы оказались здесь, чего вы хотите добиться в этой стране?

— Разбогатеть, конечно!

— И только?

— Да, больше мне ничего не нужно. Но, знаете, герр доктор, и здесь это оказалось не так-то легко, как казалось издалика. Более того: сейчас я даже попал в затруднительное финансовое положение, надеюсь, правда, что это временные трудности.

— А дома у вас остались какие-нибудь близкие родственники?

— Нет, я круглый сирота. Ни близких, ни дальних родственников в Германии у меня нет... Было и еще одно обстоятельство, подтолкнувшее меня к тому, чтобы уехать: дело в том, что я всю жизнь очень хотел стать профессиональным военным, но для этого мне, видите сами, как минимум, дюйма два роста не хватает... Вот и пришлось искать счастья на чужбине.

— А как давно вы здесь, друг мой?

— Пять из своих двадцати пяти лет.

— И чем вы занимались все это время, если не секрет?

— Понемногу всем, что не осуждает закон. Сегодня я — официант, а завтра могу стать докером.

— Но почему вы оказались именно здесь, в столице страны? Вы

можете не отвечать, если это вам по какой-то причине делать не хочется, но я спрашиваю не ради праздного любопытства.

— Я отвечу. Здесь я по той простой причине, что из Буэнос-Айреса самый короткий путь до Тукумана. Там я уже несколько раз находил довольно неплохо оплачиваемую работу. Моей обязанностью было смотреть за лошадьми в разных экспедициях, отправляющихся в Анды.

— Так вы, значит, умеете ездить верхом? — обрадованно спросил доктор.

— Не хуже, чем герои Фрейлиграта [\[11\]](#), смею надеяться. В этой стране чему угодно обучишься гораздо быстрее, чем в любой другой.

— Это прекрасно! Но я хотел бы услышать от вас о самом главном, что интересует меня как ученого. Здесь, в Аргентине, должны встречаться в земле кости погибших животных...

— Да их тут полно!

— Отлично! Видите ли, кости некоторых из них интересуют меня в чрезвычайной степени.

— В самом деле? Таких оригиналов, как вы, мне до сих пор не приходилось встречать. Вам повезло, что вы встретили именно меня. Я покажу вам места, где валяется множество костей разных животных.

— Доисторических?

— Вот уж за это поручиться не могу. Знаю только, что недостатка костей животных в пампе нет.

— И костей гигантов животного мира тоже?

— Это каких гигантов? Быков, что ли? Да сколько хотите!

— Нет, я имею в виду животных покрупнее, мастодонтов, например, то есть гигантских слонов.

— Я ни разу не слышал, герр доктор, чтобы здесь кто-нибудь охотился на гигантских слонов.

— А на мегатериев?

— Хм. Не слышал.

— А на глиптодонтов?

— Тоже...

— Это естественно, если принять за аксиому предположение о том, что эти животные, жившие на Земле еще до грехопадения Адама и Евы, вымерли окончательно...

— Ах, вот в чем дело, ну, теперь-то мне понятно, почему не видно их костей среди травы. Вам, вероятно, нужны такие кости, которые ищет профессор Бурмайштерн для своего музея естественной истории. Они в пампе тоже встречаются, но лежат глубоко в земле, их нужно раскапывать.

Мне не раз попадались кости лошадей, живших не иначе, как до грехопадения наших прародителей.

— Совершенно верно, лошади тогда тоже жили. То, что вы рассказали, очень интересно для науки! Представьте, мой друг, находятся еще ученые, которые утверждают, будто доисторическая лошадь могла обитать только в Старом Свете. Ну согласитесь, они же смешны, эти ограниченные упрямы, не так ли?

— Ну, в общем, откровенно говоря, я в этом мало что смыслю... Так, значит, если я вас верно понял, вы затеваете экспедицию за костями древних животных?

— Меня чрезвычайно радует ваша сообразительность. Да, в самое ближайшее время я собираюсь отправиться к гаучо, чтобы составить из них костяк своей экспедиции. Вот и оделся даже на их манер, чтобы они с самого начала нашего знакомства испытывали ко мне доверие. Но прежде всего мне необходим слуга. Вы мне очень понравились, у вас честное и смышленное лицо. Но что такое? Судя по вашей реакции, кажется, вас вовсе не обрадовало мое предложение? Ответьте прямо, прошу вас: вы пойдете ко мне слугой?

— Почему бы и нет? Особенно если вы будете мне хорошо платить и содержать так, что мне будет не на что жаловаться.

— В таком случае, приходите ко мне завтра, обо всем и договоримся. Кстати, вы знаете банкира Салидо?

— Да. Его контора недалеко отсюда. Но живет он в другом доме, на окраине города, где все местные богачи обитают.

— Прекрасно. Там же в качестве гостя банкира временно проживаю и я. Так что жду вас в его доме завтра. А сейчас, с вашего позволения, я хотел бы еще немного почитать.

— Хорошо, герр доктор, я к вам завтра приду, и, думаю, у нас с вами наладятся хорошие отношения. Я готов вырыть для вас из-под земли все кости, какие вам только понадобятся.

И официант отошел.

Моргенштерн стал опять читать, но теперь уже не мог сосредоточиться и рассеянно потягивал пиво, вновь и вновь невольно возвращаясь мыслями к только что состоявшемуся разговору.

Расплатившись, он вышел из кафе и, свернув налево, двинулся по улице, которая вела к дому банкира. Темнело. Ученый был настолько погружен в свои мысли, что совершенно не обратил внимания на то, что за ним, стараясь держаться в тени, следовали два человека. В одной из этих таинственных фигур можно было угадать силуэт Антонио Перильо, рядом

с ним шел какой-то рослый человек, которого не было в кафе.

— Ну что, — нетерпеливо прошептал эспада, обращаясь к своему спутнику, — это он или нет?

В этот момент на лицо ученого как раз упал свет от одной из ближайших витрин, и рослый ответил:

— Никаких сомнений! Это он, что бы он там ни сочинял.

— Ага, сбрил бороду, вырядился гаучо и думает, этого достаточно, чтобы обвести нас вокруг пальца! Тоже мне, шутник! Ну ничего, хорошо смеется тот, кто смеется последним. Слушай, я обязательно должен знать, где он живет. Проследи-ка за тем, куда он отправится!

— А ты что, разве не пойдешь со мной?

— Нет, он может обернуться и узнать меня. Тогда уж он наверняка что-нибудь заподозрит. Иди, не мешкай, а я подожду тебя вон в том кафе.

И они разошлись. Перильо отправился, как и сказал, в кафе, а его рослый приятель продолжил слезку за немцем. Улица, по которой не торопясь шел он, была идеально прямой, словно проложенной по линии туго натянутого шнура. В Буэнос-Айресе много таких улиц. Город застраивался по единому плану, напоминающему шахматную доску, и весь состоит из строго прямоугольных кварталов. Может быть, это и несколько скучновато с точки зрения градостроительства, зато в аргентинской столице очень легко ориентироваться.

Окрестности Буэнос-Айреса нельзя назвать особенно живописными, здесь не встретишь ни холмов, ни долин, ни лесов, ни кустарниковых зарослей. Город лежит на ровной почве травянистой бескрайней пампы, словно подарок на подносе. Не сразу отыщешь здесь взглядом линию горизонта, в дымчато-синеватом мареве земля и небо, кажется, сливаются в единое целое, имя чему — простор. Буэнос-Айрес — портовый город, но репутация здешней гавани у моряков всего мира невысока. Вода в Ла-Плате тоже ни у кого восхищения не вызывает, из-за глинистых берегов она всегда мутная, грязная.

Верхние этажи многих домов в центре Буэнос-Айреса напоминают мансарды Парижа, но на этом сходство двух городов и заканчивается, иногда достаточно удалиться от какой-нибудь из прекрасных площадей аргентинской столицы всего на пару кварталов, чтобы очутиться в совершенно ином мире — мире жалких лачуг, где прописана нищета. Но пройдешь еще несколько десятков метров, и вновь потянулась цепь изящных фасадов на безукоризненно прямых улицах. Впрочем, такое встречается во многих городах мира, в Южной Америке этот контраст разве что немного ярче, потому что люди здесь темпераментны и все свои

страсти — от отчаяния до любви к роскоши выставляют как бы немного напоказ. В этом смысле ведущее за город шоссе на окраине города, застроенное богатыми виллами, — довольно откровенная витрина благосостояния их владельцев. Здесь стоят дома не выше четырех этажей. Немало и одноэтажных, напоминающих своей ухоженностью разлегшихся на солнце холеных, сытых животных. Крыши многих вилл со стороны двора имеют небольшой уклон, это делается для того, чтобы собирать с них дождевую воду. Еще не так давно ее использовали даже в качестве питьевой. Но если не принимать во внимание этот специфический уклон, то можно сказать, что крыши самых богатых домов аргентинской столицы — невысокие и довольно плоские. Это продиктовано соображениями целесообразности. Во-первых, здесь выпадает мало дождей. Во-вторых, когда со стороны Кордильер налетает сильный ветер — памперо, от него менее всего страдают именно невысокие крыши. А кроме того, на таких крышах очень неплохо коротать вечера после дневного зноя.

А теперь вообразите, что, следуя за доктором Моргенштерном, мы обнаружили на этом шоссе и несколько вилл не самых роскошных, ну, скажем так, средней руки. За фасадами многих из них не один двор, а три, четыре и даже больше дворов и двориков. Подобные дома на местном жаргоне называются «квинтами», должно быть, потому, что по-латыни слово «квинта» означает пятую часть чего-либо. К одной из таких квинт и направлялся ученый из Германии.

Того, кто полагает, будто в Буэнос-Айресе, куда ни ткни пальцем, непременно попадешь в гаучо, я должен разочаровать: толпа, текущая по его улицам, ничем не отличима от европейской, во всяком случае, на первый взгляд: одеваются здесь по последней парижской моде. Это и неудивительно: число выходцев из Европы, постоянно живущих в этом городе, довольно значительно. Только половину его населения составляют коренные аргентинцы, остальные — это немцы, французы, испанцы, итальянцы и швейцарцы. Молодые люди, с детства варящиеся в этом этническом котле, говорят, как правило, на нескольких языках и не растеряются ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке.

Буэнос-Айрес в переводе с испанского означает «хорошие ветры» [\[12\]](#), но, когда солнце раскаляет плоские крыши, в помещениях с низкими потолками становится невыносимо душно, буквально нечем дышать. Но на деревья как источники прохлады здесь особенно рассчитывать не приходится. Лесов в восточной части страны почти нет. Лимонные и апельсиновые деревья в Аргентине встречаются довольно редко, а тропические фруктовые деревья не растут вовсе. И в то же время климат

этой страны слишком жарок для яблонь, слив, вишен. Однако здесь прекрасно чувствуют себя виноград, груши, персики и абрикосы. Их, как правило, очень крупные плоды на вкус просто изумительны: сочные, нежные. Все квинты утопают в садах.

Квинта банкира Салидо в этом смысле не была исключением, разве что дом выглядел немного покрасивее соседских. Банкир был очень гостеприимным человеком и общался с людьми не только своего круга, но и с художниками, артистами, учеными, а со многими из них, живущими в Европе, даже состоял в переписке. С доктором Моргенштерном банкир познакомился сначала заочно, первое письмо помогло завязаться оживленной переписке, и вот настал день, когда доктор получил приглашение приехать в Аргентину, и он не замедлил воспользоваться любезностью Салидо.

Однако вернемся к Антонио Перильо, который сидел в кафе. Естественно, и здесь все разговоры крутились вокруг завтрашнего боя быков. Перильо не был знаком ни с кем из людей, окружавших его, и никто из них тоже его не знал в лицо. Говорили все больше о Крусаде, и, судя по всему, его шансы на победу по сравнению с шансами аргентинских эспад в народе расценивались как гораздо более предпочтительные. На все лады обсуждались, конечно же, вероятные перипетии корриды в связи с намерениями строителей выпустить на арену ягуара и дикого бизона.

— Кровь прольется в любом случае, — безапелляционно заявил один из мужчин. — За бизона насчет этого не поручусь, потому что не знаю, на что он способен, но ягуар — свиреп и живуч, как черт, с первого удара его никогда не уложишь.

Перильо не смог удержаться, чтобы не вставить своего замечания:

— Да трус он, этот ваш ягуар! Я берусь прикончить его одним ударом ножа!

— Да-да, разумеется, если до этого он не разорвет вас на части, — подняли его на смех посетители кафе.

— Я говорю совершенно серьезно, — раздраженно процедил сквозь зубы эспада. — Неужели вы никогда не видели, как ягуар удирает от человека, особенно когда гаучо ловят его своими лассо?

Ему ответил немолодой, загорелый человек, до сих пор не принимавший участия в разговоре:

— Вы абсолютно правы, сеньор. Ягуар бежит от человека, и особенно он боится гаучо с его лассо. Но ведь вы имеете в виду так называемого речного ягуара, я не ошибся?

— А что, разве бывают еще какие-то иные ягуары?

— Их не особенно много видов, но ягуары, живущие по берегам рек, существенно отличаются от своих собратьев, обитающих в пампе или горах. Дело в том, что река до какой-то степени балует зверя. К ней приходит на водопой множество зверей, беззащитных перед кошкой с ее когтями. Но постепенно постоянная сытость делает ягуара, живущего у реки, глупым, а что ему в самом деле хитрить: засел в кустах и прыгнул сзади на ничего не подозревающего зверька — вот и вся его охотничья тактика. Другое дело — ягуар из пампы. Голод делает его злым и изобретательным. Горный же ягуар нападает даже на таких больших и сильных животных, как лама. И ему ничего не стоит напасть на человека среди бела дня.

Знатоку ягуаров ответил Антонио Перильо, который уже что называется, «закусил удила».

— О, да вы, сеньор, я вижу, большой специалист по ягуарам. В таком случае, не могли бы сделать для всех здесь присутствующих одно небольшое уточнение: приходилось ли вам хотя бы однажды выбираться за пределы этого благословенного города?

— Приходилось.

— И где же именно довелось вам побывать?

— В Боливии, Перу, я путешествовал и по Гран-Чако [\[13\]](#).

— Значит, вы встречались там с дикими индейцами?

— Ну конечно.

— Ай-ай-ай! И как же это вышло, что они вас не съели?

— Слухи об их людоедстве, думаю, сильно преувеличены. Меня, например, постоянно сопровождал человек, который, если бы только захотел, легко смог бы употребить меня себе на ужин. Хотя, между прочим, пока руки мои еще в силе, несмотря на возраст, каждый, кто захочет поднять меня на смех, может схлопотать неплохой удар в челюсть. Прошу вас, сеньор, иметь это в виду.

— Ну-ну, право же, вы чересчур разгорячились, почтенный! Никто и в мыслях такого не держал. — Перильо, которого недавняя стычка с седобородым немцем в кафе «Париж», похоже, все же чему-то научила, даже сделал легкий поклон. — Я только хотел сказать, что ягуар опасен гораздо меньше, чем это принято считать.

— Он опасен для всех людей, кроме одного-единственного человека на свете.

— Кого вы имеете в виду?

— Вы и сами могли бы догадаться, кого. О нем слышали многие, и его имя само по себе уже доказывает мои слова.

— Вы говорите об Отце-Ягуаре?

— Да, о нем.

— Я тоже кое-что слышал об этом парне. Рассказывают, будто он ходит на ягуара с голыми руками, но я лично в это не верю.

— А я видел это собственными глазами.

— Видели? Хм... И где же это чудо случилось?

— В Гран-Чако.

— Где вы случайно на него наткнулись?

— Нет, я часто путешествую вместе с ним и его парнями, хотя большинство из них и гораздо моложе меня.

— О-о-о! — прокатилось по залу. Несколько человек подскочили к немолодому оппоненту Перильо, подхватили его на руки и стали качать. Столы тут же были придвинуты друг к другу, всем хотелось послушать рассказ о знаменитом человеке, имя которого в Аргентине знает действительно почти каждый ее житель. Но его компаньон начал неожиданно:

— Отец-Ягуар не особенно любит разговоров о себе, а уж рассказывать какие-то истории, связанные с его делами, просто запрещает нам. Поймите меня, сеньоры, я не могу нарушить этот запрет!

— Но расскажите хотя бы, как он выглядит! — попросил Перильо.

— Как любой другой человек.

— А сколько ему лет?

— Что-то около пятидесяти.

— Он местный?

— Сеньоры, я никогда не держал в руках его документов.

— Но не могли бы вы, по крайней мере, сказать, действительно ли он обладает такой огромной силой, как о нем рассказывают?

— Я сам видел, как он ломал быкам шеи и прижимал их головами к земле.

— Карамба! [\[14\]](#) Видно, он и вправду силен. Если, конечно, вы не преувеличиваете.

— Не имею такой привычки! Кстати, могу добавить вот еще что: никому не пожелаю почувствовать на себе, что такое кулаки Отца-Ягуара.

— А не могли бы вы сказать нам, чем он, собственно говоря, занимается в свободное от ломания бычьих шей время? Иногда говорят, что он йербатеро [\[15\]](#), а то называют золотоискателем или сендадором [\[16\]](#), который проводит караваны через Альпы. Однажды я слышал, будто он — глава какой-то политической партии мятежников.

— Он прежде всего человек, но обладающий редкими достоинствами. Не думаю, что вам довелось когда-нибудь общаться с подобными людьми. Ни с какими мятежниками он не связан и никогда в жизни с ними вообще не якшался. Он просто друг всех порядочных людей и враг всех подлецов. И если вы случайно не относитесь к первым, то лучше вам никогда не становиться ему поперек дороги.

— Сеньор, — заявил, с трудом сдерживаясь, Перильо, — должен заметить, что ваши намеки становятся все более двусмысленными и язвительными. Впрочем, я не сержусь на вас, но крайне удивлен: неужели мои слова о том, что ягуар — зверь трусливый, могли вызвать столь сильное раздражение?

— Бог с вами, об этом я уже и напрочь забыл. Но вы утверждали также, что убьете зверя одним ударом ножа, а это свидетельствует о том, что вы либо хвастун, либо человек беспечный и легкомысленный. Скорее всего ягуар, которого завтра выпустят на арену, — речной, но он может оказаться и зверем из пампы. Вы должны знать, как от него отбиваться. Если же вас интересует мое мнение на этот счет, то мне гораздо более опасным кажется бизон.

— О, на этот счет можете не волноваться. Мы, эспады, не уличные драчуны, и обычно все как следует продумываем. Все, понимаете?

— Хочется верить, что это так. Учтите, разъяренный бизон — настоящее чудовище.

— Откуда вам-то это известно?

— Все от того же Отца-Ягуара, который положил их сотни.

— Неужели в пампе? — сыронизировал Перильо.

— Нет, в прериях Северной Америки, где он раньше охотился.

— Ах, он и там бывал. Значит, он не портеньо, а чужак. Это мне не особенно импонирует.

— Неужели? Представьте себе, Отца-Ягуара совершенно не волнует, импонирует вам это или нет.

— Это потому, что пока он меня не знает. А вот когда узнает, будет считать за честь для себя пожать мне руку.

— Любопытно! Ну так назовите же свое славное имя.

— Антонио Перильо!

— Как? Неужели тот самый Перильо, что завтра должен участвовать в корриде?

— Да, тот самый.

И он посмотрел на старика взглядом, в котором ясно прочитывалась свойственная всем чрезмерно честолюбивым людям постоянная

потребность получать похвалы. Однако на этот раз ожидания эспады оказались напрасны.

— А скажите, пожалуйста, сеньор, с какой целью вы сражаетесь с животными? — спросил его старик.

— Я убиваю их.

— За что?

— Что за вопрос! Эспада убивает быка, чтобы продемонстрировать свое искусство.

— Я бы не сказал, что «искусство» в этом случае — подходящее слово. Тоже мне подвиг — прикончить загнанное, замученное, обессиленное животное. Я тоже убиваю зверей, но это хоть как-то оправдано: чтобы существовать, мне требуется поддержать свои силы с помощью их мяса. А бой быков — это убийство, которое сродни преступлению, настоящее живодерство. Вас следует называть вовсе не эспадой, а десольадором [\[17\]](#).

Взбешенный Перильо вскочил со стула, готовый наброситься на старика с кулаками. К счастью, в этот момент дверь распахнулась и в кафе вошел приятель Перильо, которого он посылал следить за псевдозоологом. Гнев Перильо словно вышел паром, и он сказал старику с подчеркнутой холодностью:

— Вы можете бросать в мой адрес сколько угодно оскорблений, но унижить меня вы все равно не сможете, потому что я во всех отношениях выше вас.

— То же самое сказала одна муха льву, пролетая над его головой. Но тут подлетела птичка и проглотила заносчивую муху. Какая печальная история, не правда ли?

Перильо сделал вид, что не слышит этих слов. Впрочем, это и в самом деле его уже почти не тронуло, он был озабочен теперь совершенно другим. Никто в кафе не обращал особого внимания на них с приятелем, и тем не менее они внимательно осмотрелись по сторонам и перешли на шепот.

— Я вижу, ты снова решил устроить заварушку, — сказал приятель Перильо. — Неймется тебе! Держи себя в руках, парень! Нам сейчас ни с кем нельзя связываться. Один враг может в такой момент навредить так, что и десять друзей потом не помогут исправить.

— Этот старый болтун не может принести нам серьезного вреда. Скажи-ка мне лучше поскорее, что тебе удалось узнать?

— Я хорошо разглядел коротышку и теперь уверен — это точно он. До сих пор я все же немного сомневался в этом, но теперь, когда увидел, где он живет, все мои сомнения отпали.

— И где же он живет?

— В доме банкира Салидо.

— Тысяча чертей! Это здорово осложняет все дело!

— Да уж! Думаю, коротышка рассказал банкиру обо всем.

— Можно не сомневаться!

— Слушай, а ты уверен, что он тебя тоже узнал?

— Я готов поклясться в этом. Одного никак не пойму: почему он выдает себя за другого? Неужели только из осторожности? Даже если и так, мы все равно должны заставить его замолчать.

— Да, и как можно скорее.

— Деньги помогут в этом?

— Нет коротышке плевать на деньги, он богат.

— Ну тогда остается только одно средство...

— Вот именно... Эх, жаль у нас времени совсем мало. А завтра утром может быть уже поздно: он наверняка обратится в полицию. Скажи, а удалось тебе разузнать, в какой именно комнате этой квинты он поселился?

— Да, я дождался пока он войдет в дом и перемахнул через забор. К счастью, на этой квинте сразу за домом нет стен между дворами, а сразу начинается сад. Очень скоро я увидел коротышку в дверях, выходящих в сад. Потом он поднялся по лестнице, прошел в отведенную ему комнату и зажег там лампу. Я хорошо разглядел его, не сомневайся, потому что он довольно долго стоял у самого окна.

— Сколько всего окон в этой комнате?

— Два.

— Жалюзи на них есть?

— Нет.

— А какой-нибудь приставной лестницы ты случайно рядом не заметил?

— Ха! Я тоже сразу подумал о лестнице и осмотрелся по сторонам. И знаешь, сразу же увидел именно то, что нам нужно. На одном из деревьев, судя по всему, недавно обрезают сучья и забыли возле него приставную лестницу. Она достаточно длинная, чтобы достать до самых окон.

— Хорошо, очень хорошо! Сейчас идти туда еще рановато, а к полуночи будет в самый раз.

— А если он к этому времени еще не успеет заснуть?

— Не имеет значения. Он не должен встретить завтрашнее утро. — Перильо огляделся по сторонам. — Пойдем-ка! Что-то мне перестало здесь нравиться.

Перильо заплатил за свое мороженое, и они вышли на улицу.

Рестораны и кафе в этот день закрывались несколько позднее обычного. Надо заметить, что жители Буэнос-Айреса в большинстве своем примерные семьянины и спать ложатся вовремя. Но этот вечер был особенным, неповторимым, потому что предшествовал дню праздника.

Последний посетитель из кафе «Париж» вышел нетвердой походкой только в 11 часов вечера. А вскоре на улице показался и наш знакомый — маленький официант. Были первые дни декабря — начало лета в Южном полушарии. Горело довольно мало фонарей: экономные аргентинцы учитывали то, что было время полнолуния. Официанту не хотелось идти домой, он не чувствовал даже обычной в конце дня усталости. Неожиданная встреча с земляком, предложение работать у него — эти два события дня словно вливали в него новые силы, будоражили воображение и мысли. И он решил прогуляться, чтобы на ходу все как следует обдумать. Недолго думая, направился в ту же сторону, куда, как он заметил, пошел, выйдя из кафе, доктор Моргенштерн.

Любой человек, как известно, совершает иногда безотчетные, подталкиваемые только интуицией поступки. Вот так случилось и с официантом. Неизвестно почему ему вдруг захотелось подойти к тому дому, где остановился доктор, а этот дом он хорошо знал. На шоссе было довольно тихо, не горел ни один фонарь, лишь лунный свет освещал силуэты особняков. Но внезапно эту тишину нарушил звук чьих-то шагов. Официант прислушался, и в голове его промелькнула мысль о том, что было бы очень приятно в такую ночь неожиданно встретиться с каким-нибудь добрым и милым человеком, поговорить о том, о сем... Но — что это? — человек, который двигался по направлению к нему, явно не хотел, чтобы его заметили: шаги были осторожными, крадущимися. Официант на всякий случай прижался поплотнее к забору и стал ждать, что произойдет дальше.

Наконец посередине улицы показался какой-то мужчина, прошел мимо него, остановился, а за ним, тоже крадучись, шел еще один. Тихо переговариваясь между собой, они подошли к забору и очень ловко преодолели его.

«Воры!» — подумал официант. Но что они хотят украсть в саду? О фруктах в начале лета не могло быть и речи. И официант тоже очень осторожно перелез вслед за незнакомцами через забор. Он напряг зрение и очень скоро увидел возле дома двух непрошенных ночных посетителей. Один из них крался вдоль стены дома, другой напряженно всматривался в освещенные окна одной из комнат на втором этаже. Тот, что крался, куда-то исчез, но вскоре опять появился — на этот раз уже с длинной приставной

лестницей в руках.

Что в конце концов они собирались делать? А может, это шутка или розыгрыш? В любом случае, шума пока лучше не поднимать. И он стал еще внимательнее следить за незнакомцами. Один поднимался по лестнице, другой ее придерживал. Тот, что забрался на лестницу, долез до окна комнаты, заглянул в него и что-то сказал нижнему. Официанту показалось, что в руках у мужчины, стоящего наверху, блеснул какой-то металлический предмет. Верхний стал быстро-быстро спускаться. Они зашептались. Официант не мог поднять головы, чтобы получше разглядеть их, но то, что они говорили, он слышал отлично.

— Он читает, — прошептал верхний.

— А как он сидит? — спросил его нижний.

— Левым боком к окну.

— А лицо его открыто?

— Да, и правую щеку он подпер ладонью.

— Ага, похоже, наш приятель задремал. Очень хорошо. Мы прикончим его во сне.

Речь шла об убийстве! Официант настолько испугался, что на несколько мгновений как будто окаменел. Тот малый, что заглядывал в окно, опять полез по лестнице, но теперь он стоял несколько ниже — очевидно, чтобы остаться незамеченным. В руках у него снова появился блестящий предмет, который оказался пистолетом. Он держал его в поднятой правой руке и целился в окно. Опасность вернула официанту самообладание. Он бросился на стрелявшего и повис на нем. Раздался выстрел.

— Пусти, мерзавец, а то прихлопну тебя, как таракана!

Снова прозвучал выстрел, и официант ощутил острую боль в левой руке. Раненный, он больше не мог держать убийцу. Тот вырвался и растворился в темноте. Его компаньон удрал еще раньше.

Выстрелы разбудили обитателей дома: он ожил, свет вспыхнул во всех его окнах. В окне, бывшем только что мишенью, показался немного растерянный доктор Моргенштерн, живой и невредимый, и произнес с возмущением:

— Какой-то болван стрелял в меня. Невозможно спокойно почитать!

Пораженный официант воскликнул:

— О, это вы, доктор!

— Кто это там, внизу? Мне кажется, я уже где-то слышал ваш голос.

— Это я, Фриц Кизеветтер, герр доктор.

— Фриц Кизеветтер? Но я не знаю человека с таким именем.

— Мы с вами познакомились сегодня днем в кафе «Париж», и вы предложили мне быть вашим слугой.

— Ах, да, припоминаю. Но скажите, ради Бога, что это вам пришло в голову стрелять в меня?

— Стрелять в вас? Но стрелял вовсе не я.

— Кто же тогда? Вы что же, были не один?

— Нет, я был здесь, как мечтающий Шиллер ^[18] в саду, то есть совершенно один.

— Вы что, тоже живете в этом доме?

— Нет.

— Тогда что вам было здесь нужно?

— Спасти вас — вот что. А вы, вместо того, чтобы поблагодарить меня за это, подозреваете в покушении на вас. У меня просто нет слов!

Тем временем в саду собирались обитатели квинты, кто со свечой, кто с фонарем в руке, а кроме того, каждый держал в руках что-нибудь увесистое, чтобы, если понадобится, применить этот предмет в борьбе с преступником. Было бесполезно что-либо объяснять. Уже через минуту Фриц Кизеветтер был связан, да при этом еще и избит. Его хотели тут же доставить в полицию, но он смиренно попросил сначала выслушать его. Доктор поддержал эту просьбу небольшой адвокатской речью:

— Тот, кого вы только что связали, как преступника, сеньоры, занимается, насколько мне известно, сугубо мирным делом, а кроме того, есть все основания предполагать, что в покушении участвовали, по крайней мере, двое. Этому молодому человеку я предложил работать у меня. По моему, подобное предложение еще никогда не оказывалось мотивом убийства. Да посмотрите на него повнимательнее: у него же лицо честного человека! Но даже если внешность его обманчива и на самом деле он неисправимый злодей, у него все равно нет никаких оснований меня убивать. Я предлагаю дать ему возможность высказать все имеющиеся у него доводы в собственную защиту, по-латыни «дефиницию». Фриц мне уже кое-что рассказал, но не до конца, появившись здесь, вы не дали ему возможности оправдаться. Так пускай он все же сделает это. А мы с вами тем временем поищем следы других людей. Где-то, мне кажется, должна остаться шляпа одного из них. И, наконец, последнее, что я хотел сказать: вы совсем не обратили внимания на то, что Фриц ранен, и рана его довольно сильно кровоточит. Ему нужен как можно быстрее врач, а вовсе не полицейский.

Многие сразу же согласились с маленьким ученым из Германии. Кто были убийцы на самом деле и почему они покушались на жизнь никому

ничего плохого не сделавшего доктора, осталось для них тем не менее непонятным. Различные домыслы, на разные лады толкующие это происшествие, еще примерно с неделю бродили по городу, но ни один из них не вызывал доверия. Однако вернемся в сад банкира Салидо в вечер этого происшествия.

— А вы могли бы узнать нападавших в лицо, ну, по крайней мере, хотя бы одного из них? — спросил хозяин дома официанта.

— О втором ничего не могу сказать, — ответил Фриц, — но того, что стоял на лестнице, я видел неплохо, поскольку прямо на его лицо падал свет из окна. Возможно, я и ошибаюсь, но мне показалось, что это был эспада Антонио Перильо или кто-то, очень похожий на него.

Это свидетельство, однако, ничего не прояснило, а только еще больше запутало все уже возникшие версии происшедшего. Да, конечно, у Антонио Перильо была не слишком хорошая репутация, но чтобы известный тореадор ни с того ни с сего поднял руку на человека? Да еще совершенно безобидного! В кафе ведь они беседовали вполне дружелюбно, и тому имеется множество свидетелей. Правда, Перильо говорил что-то непонятное о маске, которую якобы надел на себя маленький немец. Поразмыслив еще немного над этими обстоятельствами, сеньор Салидо решил все же сообщить обо всем случившемся в саду его дома в полицию. И очень скоро в доме появились двое полицейских в голубых мундирах. Они тщательно осмотрели все следы, собрали показания всех свидетелей и, посоветовавшись, сделали вывод о том, что надо бы негласно разузнать, что делал и где был Антонио Перильо этой ночью. Негласно потому, что это могло бы не понравиться публике, которая завтра придет на корриду.

А вскоре появился и врач и, осмотрев Фрица Кизеветтера, объявил, что ничего страшного с ним, к счастью, не случилось, но некоторое время он должен побыть на квинте, чтобы отлежаться и прийти в себя.

Глава II

КОРРИДА ДЕ ТОРОС

На следующее утро кассы Пласа-дель-Торос (площади Быков), как называют в Буэнос-Айресе открытый цирк, осаждали толпы горожан. У банкира Салидо проблем с билетами не было: он заранее забронировал четыре места для себя, своей супруги, доктора Моргенштерна и своего юного племянника.

Сеньора Салидо была немкой, урожденной Энгельгардт. Ее родной брат жил в Лиме, столице Перу, занимался тоже банковскими операциями, и дела его шли очень неплохо. У Энгельгардта было двое сыновей, в которых бездетный сеньор Салидо души не чаял. Один из его племянников, младший, шестнадцатилетний Антон, гостил в его доме уже довольно давно — осень и начало зимы. Во время плавания на пути Аргентину, у мыса Горн, юношу сильно укачало, и потому возвращаться в Лиму он захотел через перевал в Андах. Тут необходимо заметить, что ни одно путешествие по Южной Америке, как бы тщательно оно ни готовилось, до сих пор не обходилось без всякого рода непредвиденных ситуаций, порой очень опасных и даже приводящих к трагическим последствиям. Проводниками в таких экспедициях бывают обычно арьерос — погонщики мулов, народ в большинстве своем грубоватый и суровый. Далеко не всякому из них можно было поручить опеку над неопытным, во многом наивным юношей, почти мальчиком. Вот какие мысли волновали сейчас банкира Салидо, и даже больше, чем предстоящая коррида.

А на трибунах яблоку негде было упасть. Они начали заполняться еще за два часа до начала представления. Пустовали только ложи президента и других высокопоставленных лиц государства. На огромных, развешанных в нескольких местах цирка плакатах можно было прочесть программу корриды, написанную гигантскими буквами. Играли оркестры. Едва заканчивал свою мелодию один, как тут же вступал другой. Нетерпение зрителей нарастало в унисон с зажигательными ритмами аргентинских песен. Наконец на одной из трибун кто-то начал аплодировать, и тут же цирк превратился в одно огромное существо, без устали рукоплещущее, страстно жаждущее излюбленного развлечения, как жаждет капризный ребенок обещанной игрушки.

На арене появились тореадоры. Несмотря на ажиотаж публики,

сделано это было без всякой аффектации, как бы невзначай. Не обращая никакого внимания на зрителей, тореадоры начали спокойно, нарочито неторопливо разравнивать граблями и метлами какие-то небольшие бугорки на песке. Это было не столь уж необходимо с практической точки зрения — разумеется, арена была подготовлена служителями как следует, но первое появление тореадоров на публике — своего рода ритуал, закамуфлированный под уборку парад главных действующих лиц сегодняшнего представления. Наконец из какой-то совсем незаметной двери в стене появился разряженный в пух и прах красавец и очень медленно, плавной поступью прошел в центр арены. Остановился, приняв картинно красивую позу, выдержал паузу в несколько секунд и объявил, что сегодня и здесь состоится коррида! Но голос его заглушил рев бизона.

Зрителей от арены отделяла всего лишь дощатая ограда, которую легко мог пробить не только сильно разогнавшийся бык, но и тело отброшенного животным тореадора, если вдруг, не дай Бог, ему случится здесь пролететь. Места возле этого, совершенно ненадежного, почти символического ограждения — самые опасные для зрителей и потому, естественно, самые дешевые. Здесь и сидел Фриц Кизеветтер, билет которому презентовал его новый господин. Выше располагались места, защищенные значительно лучше. Здесь сидели банкир и трое его спутников. Судьбе было угодно, чтобы по левую руку от доктора Моргенштерна оказался тот самый белобородый великан, которого мы уже встречали в кафе «Париж», вместе с четырьмя своими вчерашними спутниками, а по правую — юный перуанец, которого доктор с энтузиазмом талантливого педагога взялся просвещать в области традиций корриды.

— Должен вам сказать, молодой человек, — начал он, — забавы, сопряженные с убийством животных, изобретены человеком не сегодня и даже не вчера. Этот довольно грубый вид развлечения придумали древние греки, точнее фессалийцы, а римляне в период Империи всячески культивировали и развивали его. Надо быть снисходительными ко вкусам древних язычников, но не будем забывать, что мы-то — христиане и не должны одобрять этого безобразия.

— Но, сеньор, — возразил юноша, — почему же тогда вы, христианин, все-таки пришли сюда сегодня и готовы любоваться кровавым зрелищем...

Никто не умеет так точно и правдиво показать суть проблемы, как делают это иногда люди непосредственные по натуре и не искушенные в правилах хорошего тона. Замечание юноши как будто немного смутило ученого, однако он быстро нашелся:

— Но разве бой не состоялся бы, если бы я не пришел?

— М-м-м... Состоялся бы.

— Таким образом, вы не можете не признать, юноша, что мой протест все равно ничего бы не изменил. Во всяком случае, сегодня и в этой стране. А кроме того, меня извиняет то обстоятельство, что я смотрю на корриду как на явление, то есть глазами ученого, присутствующего на своего рода зоологическом спектакле. Но, должен вам заметить, что своему пристрастию к эпохе деливиума я, как ученый, не изменю никогда, какие бы еще замечательные зоологические спектакли мне не довелось увидеть.

— Интересно, а в доледниковые времена происходило где-нибудь что-либо подобное? — снова спросил любознательный племянник банкира. И лукавая улыбка тронула его губы. Кажется, у него уже появилось определенное отношение к одержимости доктора Моргенштерна своей наукой, и отношение это было ироническим.

Доктор заметил эту улыбку, однако, бросив на юношу испытующий взгляд, ответил совершенно невозмутимо:

— На ваш вопрос нельзя ответить однозначно, короткими «да» или «нет». Думаю, мы вправе порассуждать в связи с этим не только о времени, непосредственно предшествовавшем прохождению ледника по Земле, но и о гораздо более раннем периоде истории человечества. Существуют наскальные рисунки, изображающие, как человек гонит друг на друга ящеров, а также мастодонтов на мегатериев. Мы живем, конечно, в иное время, но что касается отношения к животным, то, увы, почти ничем от древних дикарей не отличаемся, как ни прискорбно это признавать. Мы...

Его голос потонул в реве труб: оркестр грянул туш. Президент появился в своей ложе и подал знак к началу корриды. В одно мгновение только что бушевавшая публика стихла. Над цирком повисла тишина... Оркестр заиграл марш, распахнулись ворота, и на арену выехали пикадоры. Под ними были далеко не лучшие лошади: для пикадоров обычно подбирали таких, которых не будет жалко, если их покалечат. За пикадорами шли бандерильеры и эспады. Выйдя на арену, они сначала расположились по ее периметру, а как только пикадоры собрались в центре, отошли назад, в ниши за бетонными опорами арены.

Президент снова подал условный знак, по которому надлежало выпустить первого быка. В барьере, отделяющем арену от загона для животных, распахнулись ворота, и первый бык ворвался в круг, замкнутый в буквальном смысле этого слова, круг своей жизни и смерти.

Это мощный и красивый черный бык с острыми, выдвинутыми далеко вперед рогами. Опьянев от неожиданно предоставленной ему после тесного загона свободы, он стал прыгать то в одну, то в другую сторону Но

вдруг, заметив пикадоров, пошел прямо на них. Они моментально собрались в одном месте, но быка это не остановило, наоборот, он прибавил скорость и на всем ходу пропорол брюхо крайней лошади. Пикадор, сидевший на ней, захотел было выпрыгнуть из седла, но застрял ногой в стремях и упал на землю вместе с лошастью. На помощь ему тут же бросились бандерильеры. Искусно манипулируя тремя, потом четырьмя яркими полотнищами, они закрывали быку весь обзор. Тот остановился, и это спасло упавшему на землю пикадору жизнь. Раненую лошадь его товарищи быстро оттащили в сторону

Дальнейшие события разворачивались в таком темпе, что было уже почти невозможно рассмотреть отдельные движения тореадоров, все смешалось в один яркий, движущийся и ревуший калейдоскоп. Пикадоры были в костюмах, точно копирующих костюмы средневековых испанских рыцарей, бандерильеры, напротив, — в современных, но тоже испанских костюмах, богато украшенных позументами и лентами

Черный бык помотал головой, чтобы убрать ненавистные яркие тряпки, повисшие у него на лбу, но сразу сделать это ему не удалось, и он бешено взревел. Можно было не сомневаться: следующая его атака будет страшной. Бандерильеры очень хорошо это понимали и, собрав всю свою волю, забыв обо всем на свете, кроме этой черной рогатой головы, ждали... И тут раздалось.

— Пропустите меня к нему!

Этот красивый, звучный голос принадлежал Крусаде, матадору из Мадрида. Бандерильеры, однако, не торопились пропускать звезду корриды на арену. Они понимали, что риск, которому он себя подвергает именно в этот момент, когда бык разъярен до предела, огромен. Но Крусада повторил свое требование, и они отступили. Испанский матадор был в костюме алого цвета. В левой руке он держал мулету — кусок красной, блестящей шелковой ткани, закрепленной одним краем вдоль палки, а в правой — сверкающую под лучами солнца обнаженную шпагу. Крусада остановился шагах в десяти от быка. Это был с его стороны дерзкий вызов по отношению к быку, который тот, уж само собой, ни за что не спустит жалкому человечешке. Теперь уже ничто не застило глаза животному: перед ним стоял враг, с наглым самодовольством играющий своей пошлой красной тряпкой. Нет, уже за одно только это его надо немедленно проучить как следует! Бык наклонил голову и бросился на человека. Матадор не двинулся с места, пока рога быка не оказались совсем близко от него — примерно в двух дюймах. Все дальнейшие действия человека уместились в одно ослепительно короткое мгновение: точным, элегантным

и молниеносным движением он вонзил свою шпагу прямо в грудь быка! Тот сделал, спотыкаясь, еще несколько неверных шагов вперед и, уже мертвый, рухнул на песок... Матадор вытащил шпагу из его груди и под восторженный рев трибун прижал ее к своей гордо поднятой голове. Он был беспредельно счастлив: и здесь, в далеком от его родины Буэнос-Айресе, оценили его артистизм и мастерство!

Вышли остальные тореадоры, чтобы унести поверженного быка и раненую лошадь. Президент подал знак выпускать на арену второго быка. Второй ранил одного из бандерильеров и эспаду, после чего испанец прикончил его. Третий бык заporол двух лошадей и задел Перильо. Крусада заколол и его. Женщины забрасывали Крусаду цветами после каждой победы. Перильо, раненный в ногу, хотя и легко, все же должен был покинуть арену, но в его душе бушевали злость и зависть к конкуренту.

Теперь по программе корриды должен был следовать ее гвоздь — схватка ягуара с бизоном, в которой приезжей знаменитости предстояло потягаться в искусстве боя с аргентинскими эспадами.

Открыли ворота, за которыми до сих пор находился ягуар. Зверя держали на длинном лассо, закрепленном на его шее металлическим карабином. Ягуар старался высвободиться из петли, но у него ничего не получалось, и злость переполняла все его существо. Казалось, он не обращал ни малейшего внимания на публику. Несколько дней зверя совсем не кормили, и теперь он, время от времени нервно вздрагивая, слизывал с лап собственную кровь, капавшую из раны, натертой туго натянутой веревкой на шее. Это был крупный, сильный и еще не старый зверь.

Резко распахнулись ворота загона, в котором находился бизон. Все ожидали, что он немедленно бросится на ягуара, но дикий бык почему-то не торопился нападать и стал медленно вышагивать по арене, словно понимал: для того, чтобы произвести как можно более выигрышное впечатление на публику, сначала надо покрасоваться перед ней. Это был великолепный экземпляр своей породы, почти три метра в длину, могучий, состоящий, казалось, из одних только мышц, весом никак не меньше трех тонн. Но вот он наконец остановился, напрягся, отбросил со лба одним движением пряди гривы, застилавшие ему глаза, и остановил свой взгляд на ягуаре... Ягуар с ревом рванулся с лассо, но люди на другом его конце удержали кожаный ремень. Бизон же удостоил этот выпад противника всего лишь тем, что скосил один глаз на него. Казалось, он раздумывал, стоит ли ему вообще связываться с таким суетливым и истеричным зверем. Но ягуар продолжал рваться в бой. Бизон наклонил голову к земле, продемонстрировав всем свою великолепную мощную шею и затылок, и

оглушительно заревел. Это была заявка на серьезные намерения. Ягуар это понял и попятился назад, рыча, но уже потише. А бизон, тяжело ступая, прошагал мимо него, даже голову отвернул, выказывая тем самым свое глубочайшее презрение к противнику. Но в то же время дикий бык не пренебрегал осторожностью. Теперь уже никто среди зрителей не сомневался, что ягуар спасовал перед хозяином североамериканских прерий.

Пока между противниками шло выяснение отношений, приват-доцент Берлинского университета доктор Моргенштерн продолжил свою популярную лекцию для юного соседа:

— Североамериканский бизон находится в близком родстве с европейским туром, или первобытным быком. Это родство доказывают сходные у обоих выпуклости черепа, широкий лоб, короткие, круглые, выдвинутые вперед и вверх рога, лохматая поросьль в изгибе шеи и на груди, горб на спине и сильно развитые передние мышцы туловища. Но у бизона более крупная голова, более густая шерсть и более короткие ноги, чем у тура. Тур приручается легче, чем бизон...

Последние слова доктора потонули в реве трибун.

— Расшевелите его петардой, петарду ему! — выкрикнул один из зрителей, и все остальные тут же подхватили это требование.

Президент жестом показал, что разделяет желание публики. Один из спутников белобородого, сидевший от него по правую руку, спросил великана:

— Как ты думаешь, Карлос, разорвет ягуар его или нет? Мне кажется, бизона он боится все-таки больше, чем петард.

— Я о другом думаю. Как бы не случилось несчастья, — ответил тот. — Посмотри: ягуар закусил веревку лассо, сейчас он ее перегрызет, освободится и набросится не на бизона, а на человека.

Служители цирка, занятые подготовкой петард к зажиганию, не очень внимательно наблюдали за ягуаром, грызшим веревку. Наконец они подожгли петарды и одну за другой стали бросать их в пятнистую дикуую кошку. Ягуар высоко подпрыгнул и в этом прекрасно исполненном пируэте выплюнул из пасти огрызки веревки. Теперь он был свободен!

Публика встретила это неожиданное происшествие овацией, все подумали, что его освободили специально для схватки с бизоном. Противники с минуту изучали друг друга, потом бизон наклонил шею, а ягуар стал метаться по арене. Сделав несколько резких движений, он припал на задние лапы и замер, как делают все кошки перед прыжком, не сводя наполненных ужасом мутно-желтых глаз с бизона.

— Смотри внимательно! — воскликнул белобородый. — Сейчас произойдет то, о чем я говорил, — ягуар ретируется к ограде и перепрыгнет через нее.

— На все воля божья, но этого не случится! — воскликнул приват-доцент, до которого донеслись эти слова. — Зверь будет смотреть мне в глаза, и только мне одному!

Он вскочил со своего места и сделал вид, будто собирается убежать, но толпа мешает ему сделать это. Этот маневр маленького человека в ярко-красном пончо достиг своей цели — привлек внимание ягуара. Зверь напрягся, издал короткий, но злобный рык и, сделав длинный прыжок, достиг дощатого барьера. Ему удалось зацепиться передними лапами за его верхний край.

Цирк замер от ужаса. Воцарилась такая тишина, что слышно было, как ягуар царапает когтями доски. Все, кто сидел близко от барьера, в панике вскочили со своих мест. Еще бы: когти и острые, как ножи, зубы давно не кормленного зверя могли пролить реки крови! Люди прижались друг к другу, ожидая, что вот сейчас он прыгнет еще раз и... Но ягуар оставался висеть на барьере, потому что его глаза были прикованы к одному человеку, и им был не кто иной, как тот самый белобородый великан, что накануне корриды в кафе «Париж» назвался Хаммером.

За те несколько секунд, что ягуар готовился к прыжку, он сорвал пончо с плеч ученого и выхватил у него из-за пояса длинный нож. Пончо он накинул на свою левую руку, а нож взял в правую.

— Тихо! Никому не двигаться! — произнес он своим низким, рокочущим, далеко слышным голосом, и каждый, кто находился поблизости от него, явственно ощутил, что этому приказу не подчиниться невозможно.

Двумя огромными шагами Хаммер перемахнул через мгновенно опустевшие скамейки. Еще шаг, и Хаммер оказался у самого барьера. На расстоянии всего лишь вытянутой руки от него на барьере висел зверь. Не сводя с человека горящих, словно готовых выстрелить зарядами злобы глаз, ягуар, наконец, подтянулся на ограде и принял позу нападения: три лапы — опора, четвертая, приподнятая — ударная... Хаммер взял нож в зубы и кулаком правой руки ударил ягуара по черепу. Зверь пошатнулся, его задние лапы соскользнули с барьера, но он, не переставая злобно шипеть, попытался все-таки удержаться на передних лапах. Сохраняя удивительное хладнокровие, Хаммер ударил его еще раз — на этот раз его кулак обрушился на нос зверя. Изогнувшись всем туловищем и судорожно дернув всеми четырьмя лапами, ягуар упал на песок. И в тот же миг маленький

ученый перемахнул через барьер, шлепнувшись на песок рядом со зверем.

«О-о-о!» — прокатился по рядам тысячеголосый вопль. Пришедший в себя после ударов Хаммера ягуар стал готовиться к прыжку...

И тут произошло такое, чего никто из зрителей не смог бы даже вообразить: Хаммер вынул нож изо рта, припал на левую ногу и простер к зверю обернутую пончо левую руку. То ли сама эта поза, то ли властный взгляд широко раскрытых глаз человека, но что-то исходящее от него устрашающе подействовало на зверя. Он стал медленно пятиться назад. Было хорошо заметно, что его бьет мелкая дрожь. И так же медленно и постепенно, шаг за шагом, Хаммер стал надвигаться на ягуара, ни на секунду не выпуская его из поля своего зрения. Ягуар вдруг весь как-то съежился, и, как испуганная собака, поджав хвост, стал, как-то жалко семеня, быстро отступать. С трибун раздались крики:

— Чудо!

— Он — герой!

И наконец:

— Да это же Отец-Ягуар!

И вот уже трибуны скандируют: «О-тец-Я-гу-ар! О-тец-Я-гу-ар!» Эти выкрики окончательно деморализовали зверя: ошеломленный, ничего не понимающий, словно лишенный этой орущей толпой людей всех своих инстинктов, а заодно и воли, он трусливо жался к двери, из-за которой совсем недавно так рвался в бой. А его победитель, перекрывая своим мощным басом шум трибун, прокричал:

— Откройте дверь! Да поскорее же, черт вас побери!

Дверь распахнулась. Вплотную к ней стояла клетка с распахнутой дверцей. Служащий, чьей обязанностью было присматривать за зверем, выскочил из специального люка и захлопнул дверцу клетки, в которую стремительно вбежал ягуар. Это было проделано чрезвычайно эффектно, и новая россыпь аплодисментов стала наградой ловкачу! Публика разошлась не на шутку: казалось, аплодисменты не стихнут уже никогда.

Отец-Ягуар вернулся на свое место и, подойдя к приват-доценту, вернул ему пончо и нож со словами:

— Благодарю вас, сеньор! И примите мои глубочайшие извинения за то, что я взял эти вещи у вас без спроса — мне просто не хватило времени на необходимые в этих случаях церемонии.

— О чем вы говорите? Право же, не стоит беспокоиться о таких пустяках. Я вовсе не в обиде на вас, несмотря на то, что, срывая с меня пончо, вы заодно сдернули с моей головы и шляпу с платком, — ответил доктор Моргенштерн. — Но вы меня заинтриговали: зачем вам

понадобился нож, мне теперь понятно, но с какой целью вы сорвали с меня пончо?

— Пончо, конечно, не щит, но от когтей и зубов ягуара его плотная ткань иногда может защитить.

— Сеньор, должен заявить вам, что вы — настоящий герой, по гречески «герое». Ваше мужество, которое по-латыни может быть названо «фортитюдо», «витус белика», а также «стренуитас», изумило меня. Говорю вам это от чистого сердца. Вы превратили дикого зверя в домашнюю кошку. Но что теперь будет с бизоном?

— Скоро увидите, — ответил Хаммер.

А бизон все это время, пока шла схватка человека с ягуаром, преспокойно валялся на песке. Публика же требовала нового выхода тореадоров, которые будут с ним сражаться. Прошло несколько минут, и они вышли в том же порядке, что и в начале корриды. В схватке с бизоном право на соло, безусловно, принадлежало испанцу Крусаве. Это было ясно всем. Держался матадор из Мадрида соответственно — каждое его движение было наполнено значительностью. Публика уже предвкушала, как сейчас увидит еще одну демонстрацию его блестящего мастерства, как вдруг неожиданно на арену вышел, прихрамывая, Антонио Перильо. Рану его врачи признали легкой, и он, воспользовавшись этим заключением специалистов, настоял на том, чтобы его не лишали чести принять участие в столь престижном представлении, как сегодняшняя коррида. Просьбу эспады уважили.

Пикадоры окружили лежащего бизона. Но он на это никак не прореагировал, всем своим видом демонстрируя, сколь мало вся эта суэта его волнует. И тогда один из пикадоров метнул копьё в этого обнаглевшего флегматика. Оно вонзилось в его горб, и довольно глубоко. Бык тут же вскочил на ноги, проявив на этот раз удивительно быструю и острую для такой огромной туши реакцию. В следующее мгновение бизон бросился на лошадь пикадора, и, опрокинув ее наземь вместе с человеком, метнулся к следующему своему противнику. Тот поспешил ретироваться, но скорость бизона превосходила скорость его лошади, и она тоже была повержена, и, падая, к тому же сломала себе шею, а всадник пулей вылетел из седла. При этом бык даже не взглянул и ухом не повел в сторону других пикадоров и бандерильеров со всеми их копьями и палками. Бегущий от него пикадор не кричал, а вопил о помощи, но его товарищи ничем не могли ему помочь. Бизон набросился на несчастного и терзал его до тех пор, пока тот не превратился в труп. И только тогда он отступил на несколько шагов и издал такой рев, по сравнению с которым рычание ягуара было просто писком

младенца. Со всех трибун неслись возгласы восхищения, летели букеты цветов, и только один человек был удручен этой сценой. Этим человеком был, конечно же, доктор Моргенштерн.

Бизон поиграл мышцами на спине и в конце концов стряхнул с себя копье, убедившись, что оно упало на песок, стал озираться в поисках новой своей жертвы, и нашел ее очень быстро и легко. Бандерильеры вытащили первого из потерпевших неудачу бандерильеров из-под его лошади, он собрался было уносить ноги, но почувствовал вдруг сильную боль в бедре. Бандерильеры подхватили своего товарища на руки и быстро понесли его к выходу из арены. Но бизон в несколько прыжков догнал их и стал своими острыми рогами косить людей направо и налево. Только одному из бандерильеров удалось спастись. Двое, истекая кровью, остались лежать на песке. Один из бандерильеров, самый юный и смелый, выхватил копье из рук ближайшего к нему пикадора, но, как только он занес его над головой, чтобы вонзить в туловище быка, тот, разгадав намерение юноши, мгновенно развернулся и подставил под удар голову. Копье скользнуло по твердой, как железо, лобной кости черепа бизона, а в следующее мгновение храбрец взлетел в воздух и замертво упал между копытами дикого быка.

Куда только подевалась недавняя флегма бизона! Теперь он резво, как козленок, скакал по арене. Напрыгавшись вволю, перешел на галоп и заметался в поисках новой мишени. Тореадоры бросились кто куда. Те, кто не успел добежать до ворот арены, прижались к барьеру. Лошадей им пришлось бросить на произвол судьбы. Некоторые из животных, к счастью, оказались не менее сообразительными, чем их наездники, и успели вовремя скрыться за спасительным барьером.

Это была полная капитуляция, но толпа на трибунах, ставшая за время корриды как бы единым организмом с общей волей, словно какой-нибудь туповатый самодур-генерал, не хотела мириться с очевидным поражением своего войска. С трибун несло:

— Эс-па-ды, впе-ред! Эс-па-ды, впе-ред!

Постепенно, однако, зрители поняли все же, что боеспособных противников бизона на арене осталось всего двое — Крусада и Перильо, и начали выкрикивать их имена. Крусада к этому моменту уже скрылся за воротами, а Перильо, не успевший убежать из-за своей хромоты, сидел на песке у самого барьера. Услышав доносящееся с трибун собственное имя, он выкрикнул:

— Поищите другого дурака! Этот бык — настоящий демон, вот пусть с ним дьявол сам и сражается!

Боже, сколько же насмешек, — обидных прозвищ, оскорблений

обрушилось на его голову! Но самолюбие Перильо осталось, тем не менее, глухо к ним, как будто его целиком, без остатка поглотил страх. Этот страх сейчас владел всем существом портеньо. Зрителям, наконец, надоело требовать чего-то от Перильо, и они оставили его в покое, переключившись на Крусаду. Выйти теперь на арену означало для него рискнуть жизнью, не выйти — славой, что было в его судьбе почти равносильно жизни. Однако в любом случае бросаться очертя голову на дикое, разъяренное животное, никак не подстраховавшись, — по меньшей мере глупо, и тут Перильо был совершенно прав. Крусада, наконец, решился: он выйдет на арену, но в сопровождении тех бандерильеров, задачей которых будет отвлечь быка в случае возникновения опасной для его жизни ситуации. Трое таких смельчаков нашлось, и они подошли к Крусаде с суровыми непроницаемыми лицами, не забыв, тем не менее, предварительно потребовать от организаторов корриды особой оплаты своей роли при испанском матадоре.

Вчетвером они и двинулись навстречу бизону. «Браво!», «Браво!» — подбадривала их публика. Но им было не до нее. Бык-убийца подходил то к одному, то к другому трупу, от человека — к лошади, от лошади — к человеку. словно желая удостовериться, что они действительно мертвы, он снова брал их тела на рога и слегка подбрасывал, а может, это у него был такой зловещий способ развлечения. Теперь он выглядел как монстр из кошмарного сна: вся шкура бизона была залита человеческой кровью, алый след тянулся за ним по песку: это кровоточили нанесенные копьями пикадоров мелкие поверхностные раны, которые нисколько не угрожали жизни быка. Заметив, наконец, нового своего противника, он встряхнул гривой, взрыл землю копытами и испустил устрашающий дикий рев.

— Как ты думаешь, Карлос, что сейчас произойдет? — спросил Отца-Ягуара все тот же его спутник.

— Тому, кто не успеет убежать от бизона, — конец, — ответил он. — Выпускать людей на этого зверя — величайшая глупость, какую можно только вообразить, нет, даже преступление, и больше ничего! Они обречены, Джеронимо, как это ни печально!

— Значит, по-твоему, на свете вообще не найдется такого человека, который смог бы с ним потягаться?

— Хм. Один вроде есть...

— Ты кого имеешь в виду? Уж не самого ли себя?

— Скоро, я думаю, увидишь, кого. А теперь будь внимателен. Они начинают.

Крусада начал приближаться к быку очень медленно и осторожно, в

левой руке — мулета, в правой — обнаженная шпага. Красивое, мужественное лицо, классических пропорций торс, затянутый в великолепный костюм, отточенные до совершенства движения — никто из зрителей, кроме Отца-Ягуара и его спутника по имени Джеронимо, не сомневался, что это идет победитель. И бизон своим звериным чутьем безошибочно угадал, кто именно из четверых людей представляет для него главную опасность: конечно же, этот разодетый в красное мальчик с нахальными повадками вечного любимца фортуны.

Крусада отошел от бандерильеров на несколько шагов вперед и ощутил прилив воодушевления. Пока все для него шло хорошо. Он не сводил глаз с широкой груди бизона — своей цели. Вдруг его словно током ударило: пробежала нервная дрожь по мускулам. Развернув мулету одним элегантным движением, он подпрыгнул и в прыжке бросился на бизона, нацелив шпагу точно на середину его груди. Прыжок был изумительно красив, но это был прыжок смерти. Бык резко наклонил голову, и клинок шпаги, повернувшись плашмя от удара о мощную лобную кость животного, которую он был не в состоянии пробить, как-то неловко, со скрежетом соскользнул с его головы. Бизон мотнул головой, и один из его рогов вошел в тело матадора. Все трое бандерильеров тут же метнулись к нему, но бык одним угрожающим движением дал понять им, что их ждет, и они бросились наутек. Оставшись один на один с распростертым на песке телом своего поверженного противника, зверь подцепил его рогами, подкинул в воздух, словно тряпичную куклу, и с яростью швырнул опять на землю. Но этого ему показалось, видно, мало, и он вдобавок ко всему еще потоптался на нем всеми своими копытами.

— Позор! Ничтожные трусы! Мокрицы! — неслось со всех сторон в адрес удиравших бандерильеров.

Эти выкрики повлияли на беглецов. Они остановились и повернулись лицами к бизону. Но кровавое чудовище просто схватка с человеком, похоже, уже не интересовала. И он повел себя так, словно хотел поиграть с оставшимися пока еще в живых людишками в кошки-мышки, перекрыть им путь к отступлению, и бросился наперерез им к воротам. Бандерильеры развернулись и побежали к барьеру, каждый в свою сторону. Бизон ринулся за ними, но сразу всех троих ему было все же никак не поймать. Двое успели перелезть через край барьера, а вот третий... Бедолаге не хватило какого-то мгновения, чтобы успеть подтянуться на руках, которыми он все-таки успел ухватиться за край барьера. Бизон проткнул ему ногу своим рогом. К счастью для раненого, бык решил вытянуть рог из его тела обратно, очевидно, чтобы ударить еще раз, и теперь уже наверняка

прикончить. Кровь хлестала из страшной рваной раны, но безумный страх многократно увеличил силы бандерильера. Ему удалось-таки перенести центр тяжести своего тела по другую сторону барьера. Второй, гораздо более яростный удар рогов пробил барьер насквозь, но в этом месте за ним оказалась как раз колонна. Рог ненадолго застрял в ней, но вот уже и колонна затрещала...

На трибунах началась паника. Зрители с близлежащих к этой колонне мест, сминая друг друга, иногда в буквальном смысле по головам друг друга, бросились наверх. Столпотворение на верхних рядах грозило вот-вот окончиться падением трибуны.

И тут все услышали:

— Оставайтесь на своих местах, сеньоры! Ничего не бойтесь! Я попытаюсь справиться с этим бизоном!

Конечно, это был не кто иной, как Отец-Ягуар. Одним движением он скинул с плеч свой модный пиджак, снова выхватил из-за пояса приват-доцента нож и широкими шагами спустился по опустевшим скамейкам вниз. Уже перемахнув через барьер на арену, он издал боевой клич индейцев Северной Америки, который они применяют как в бою, так и на охоте: «Х-и-и-и-и-и!» Специфическое звучание этот клич приобретает благодаря вибрирующим пальцам, плотно прижатым к губам, в то время как горлом человек, издающий этот клич, тянет как можно дольше одну высокую ноту.

Это тремоло трудно сравнить с каким-нибудь другим звуком и ни с чем невозможно спутать. Бизон вскинул свою окровавленную голову и бросился на Отца-Ягуара.

У тысяч зрителей на трибунах одновременно замерли сердца... Должно быть, этот смельчак лишился разума, если решился броситься на бизона с ножом. Он, конечно, силен и ловок невероятно, не чета тем, кого бык сегодня уже отправил в мир иной, но есть же предел человеческих возможностей, маловероятно, чтобы даже такому великану и атлету, как он, удалось победить этого бешеного зверя. Никто, ни один человек на трибунах не верил в это в те страшные несколько минут, пока человек и зверь сближались.

Отец-Ягуар смотрел на бизона точно таким же взглядом, как и на ягуара недавно: не мигая, пристально и жестко. Глаза животного заволокла пелена ярости, но все же он понимал, что на этот раз у него будет противник посерьезнее всех прежних, вместе взятых. Бизон остановился и начал медленно-медленно припадать на передние ноги. Отец-Ягуар же не прекратил своего движения, но с этого момента пошел тоже очень

медленно, словно хотел предварительно выверить свою позицию в бою с максимальной точностью. Оба противника, будучи опытными бойцами, сосредоточивались, собирались... Бизон почувствовал готовность к бою первым. Поднял голову, заревел и вновь опустил свои рога к самой земле, приготовившись к атаке.

Все ждали, что сейчас Отец-Ягуар отскочит, но он не сдвинулся с места ни на сантиметр. То, что произошло в следующее мгновение, не все и не сразу поняли. Единственное, что было очевидно, — так это то, что Отец-Ягуар в мгновение ока оказался почему-то позади бизона. А произошло на самом деле вот что: бородатый матадор вдруг взмыл вверх, перевернулся в воздухе — то есть сделал головокружительное цирковое сальто и приземлился на обе ноги, даже не пошатнувшись при этом, почти у самого хвоста бизона.

«А-а-а-ах!» — выдохнул цирк. Бизон развернулся и снова устремился на человека. Но тот с не меньшей, чем в первый раз, ловкостью повторил свой необыкновенный трюк. И еще раз. Теперь уже ожидавшие повторения трюка зрители сумели разглядеть и по достоинству оценить технику исполнения этого поистине смертельного сальто. С невероятным, немислимым для любого обычного человека хладнокровием Отец-Ягуар использовал лоб чудовища в качестве подкидной доски: со снайперской точностью он уверенно ставил ногу в сапоге между рогами бизона и с силой отталкивался от этой твердой костяной опоры. Вдобавок ко всему проделывал он это с улыбкой на лице, словно был действительно всего лишь цирковым акробатом и работал всего лишь на потеху публике.

Ничто другое не могло взбесить быка сильнее, чем это хладнокровие человека. Но он никак не мог дать выход своему бешенству, и от этого силы начинали покидать его. Не переставая реветь, но теперь уже не грозно, а заунывно, он постепенно стал утрачивать координацию движений, глаза его налились кровью, временами он спотыкался и шатался из стороны в сторону. Отец-Ягуар понял, что пришло время для заключительной коды [19] в его сегодняшнем неожиданном выступлении на арене. Сделав подряд еще несколько сальто туда и обратно, он интуитивно, но безошибочно уловил тот момент, когда бык окончательно потерял всякую ориентацию в пространстве, и остановился... Блеснул под лучами солнца нож, и его лезвие вонзилось по самую рукоятку в затылок бизона. И сразу же Отец-Ягуар выдернул нож обратно. Крупная дрожь пробежала по ногам дикого быка, потом он несколько раз конвульсивно вздрогнул всем своим огромным телом, клоня голову все ниже к земле, и наконец, некрасиво и неуклюже расплзаясь на всех своих четырех ногах, словно на скользком

льду, опустился на песок.

Цирк безмолвствовал. Несколько мгновений зрителям казалось, что все, что только что произошло на их глазах на арене, — иллюзия, наваждение... Отец-Ягуар, не дожидаясь, когда у публики пройдет этот шок удивления от увиденного, попросил своего спутника по имени Джеронимо принести ему пиджак. Тот сделал это, спустившись на арену точно таким же образом, что и Отец-Ягуар. За ним то же самое сделали и остальные товарищи Карлоса Хаммера. Герой корриды тщательно отряхнул пиджак и надел его, не забыв обратить внимание на то, хорошо ли легли борта. После этого четыре статных, прекрасно одетых господина, ступая неторопливо, словно на прогулке в парке, при полном безмолвии трибун прошли к выходу с арены.

Едва они удалились, всеобщее оцепенение наконец прошло. Самые азартные из зрителей устремились на арену. Их примеру последовали и тореадоры. Президент страны, испытывавший волнение, смешанное с недоверчивостью, в не меньшей степени, чем все остальные зрители, несколько раз переспросил, действительно ли бизон мертв.

Ему ответили:

— Мертвее не бывает! Убит одним ударом ножа в затылок!

И тут публику словно прорвало. Поднялся невероятный гвалт: раздавались крики «Ура!», «Браво!», какие-то хлопки, кто-то от избытка эмоций даже начинал петь. Наконец зрителей охватило одно общее желание — немедленно воздать все положенные и сверх того почести герою сегодняшнего дня, и они начали требовать:

— Отца-Ягуара сюда!

Служащие цирка бросились вслед за ним, но вскоре вернулись обратно ни с чем. Теперь уже на арене яблоку негде было упасть, всем хотелось подойти поближе к поверженному чудовищу.

Чтобы навести на арене хотя бы маломальский порядок, пришлось служащим обращаться за помощью к тореадорам.

Глава III

ОТЕЦ-ЯГУАР

В ближайшие после корриды дни Отец-Ягуар стал самой популярной личностью в Буэнос-Айресе: его подвиги на арене описали все газеты, мальчишки уже на следующий день стали играть в него, многие девушки признавались своим подружкам по секрету, что видели его во сне. А уж сколько всякого рода толков, связанных с корридой, ходило среди свидетелей происшедшего, просто невозможно упомянуть.

Но самое удивительное состояло в том, что герой корриды бесследно исчез. Никто не мог похвастаться тем, что хотя бы мельком где-нибудь видел его. «Судя по тому, как он был одет в день корриды, у него в Буэнос-Айресе имелись какие-то важные дела. Следовательно, он должен находиться все еще где-то в городе», — утверждали одни. «Да вы просто не знаете эту породу людей! — возражали им другие. — Они задыхаются в ваших пиджаках и галстуках, и Отец-Ягуар, разумеется, давным-давно сменил эти причиндалы городских франтов, которые он надел, наверное, просто ради забавы, на кожаные рубаху и штаны и дышит ветрами пампы».

Был вечер. В доме банкира Салидо все разговоры так или иначе крутились вокруг последних событий, тем более что волнения, пережитые членами этой семьи во время корриды, были на самом деле нешуточными — они сидели на трибуне в том самом месте, непосредственно под которым разворачивались самые драматические события на арене. Казалось, тема корриды и всего, что с ней было для них отныне связано, никогда не исчерпает себя: каждый находил в ней что-то свое — какие-то нюансы и подробности, другими не замеченные. Отец семейства накануне этого званого вечера разослал своих слуг по всему городу с поручением разузнать о таинственно исчезнувшем Отце-Ягуаре хоть что-нибудь, но слуги, вернувшись, все, как один, развели руками.

— Я вынужден признать, что допустил досадную оплошность, — сокрушался банкир, — мне следовало поблагодарить храбреца сразу же после его схватки с ягуаром! Правда, меня до какой-то степени оправдывает то обстоятельство, что времени для этого, в общем-то, не было, но все равно у меня осталось чувство неловкости за свое поведение...

«У меня нет даже такого оправдания, как нехватка времени, — с

грустью думал про себя доктор Моргенштерн. — Ведь этот необыкновенный человек, которого все здесь называют таким романтическим прозвищем „Отец-Ягуар“, нашел же время, чтобы поблагодарить меня за то, что воспользовался без моего на то позволения моими ножом и пончо. А ведь он спас и меня: кровожадный взгляд ягуара был направлен тогда именно на мою персону. Бог мой, что подумал обо мне наш спаситель? Я совершил непростительный грех, ведь даже животные не лишены чувства благодарности. За исключением, конечно, отдельных особей, у которых что-то не в порядке с психикой, и некоторых отрядов — насекомых, пресмыкающихся и микроорганизмов. А я-то, человек, по-гречески „антропос“, по-латыни „гомо“, так опростоволосился! Теперь, чтобы искупить свою вину перед сеньором Ягуаром, я должен служить ему всю свою оставшуюся жизнь!»

Вошел слуга и сообщил хозяину дома, что пришел какой-то господин, который просил передать, что хотел бы иметь с сеньором Салидо конфиденциальную беседу, и подал банкиру визитную карточку нежданного гостя. На карточке было написано «Карлос Хаммер», и больше ничего. Банкир с минуту вспоминал, кто же такой этот Хаммер, но, так и не вспомнив, велел слуге проводить гостя в свой кабинет и, выждав некоторое время, тоже направился туда.

Войдя в кабинет, он еле удержался от того, чтобы не подпрыгнуть от радости, как школьник: его неожиданным гостем оказался не кто иной, как Отец-Ягуар собственной персоной! Банкир бросился к нему, схватил за обе руки и стал трясти их, взволнованно говоря:

— Сеньор, если бы вы знали, как я счастлив! Позвольте мне от всего сердца приветствовать вас в моем доме. Добро пожаловать! Мы бесконечно признательны вам за все, что вы совершили на арене. Буэнос-Айрес такого еще не видел и вряд ли когда-нибудь еще увидит!

Хаммер широко, как все доброжелательные и открытые люди, улыбнулся и ответил:

— Сеньор, больше спасибо за лестное обо мне мнение, но я должен сразу же сказать, что пришел к вам по делу. Есть одно серьезное обстоятельство, которое дает мне право претендовать на несколько минут вашего внимания.

Он достал из своего портмоне сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его банкиру. Тот внимательно прочитал то, что было там написано, и сказал:

— Ту сумму, которую просит меня предоставить вам мой компаньон из Кордовы, вы получите. Сейчас я распоряжусь о том, чтобы все было

оформлено немедленно.

— О, право, не стоит так спешить, сеньор. Я воспользовался этой запиской прежде всего как поводом для знакомства с вами. Благодарю вас за вашу готовность пойти мне навстречу, но деньги мне понадобятся не сию минуту. У меня есть еще несколько дней на сборы.

И он дал понять, что спешит и собирается вскоре откланяться, но банкир жестом, означающим, что не примет никаких возражений, остановил его и сказал:

— Сеньор! Вы спасли жизни членов моей семьи и мою. Поймите меня, я просто не имею права позволить вам сейчас уйти. — Заметив, что Карлос Хаммер слегка растерялся после этих его слов, банкир решил ковать железо, пока горячо: — Ну вы же, как благородный человек, наверное, не хотели бы выглядеть невежливым в глазах дамы? Я очень прошу вас: позвольте мне представить вас моей супруге!

— А я прошу вас отказаться от этой мысли, сеньор, — ответил Хаммер. — Все решил простой случай, а моей заслуги тут никакой нет.

Он произнес эти слова с такой обезоруживающей искренностью и прямоотой, что не могло возникнуть ни малейших сомнений в том, что он действительно скромный человек, а не хочет им казаться в глазах других, как это бывает иногда с героическими натурами. Впрочем, небольшой избыток честолубия для таких людей вполне извинителен: будь они на самом деле скромниками, то, скорее всего, и подвигов никогда никаких не совершали бы. Но Хаммер, очевидно, и в этом превосходил общеизвестные мерки. Салидо, несмотря на свойственную ему восторженность, был неглупым человеком, он это понял и прибегнул к тонкому дипломатическому ходу:

— Сеньор, дело в том, что мы с вами просто по-разному оцениваем то, что вы совершили. Я не стану переубеждать вас, но прошу подумать вот о чем: мои домашние могут расценить ваш уход как нежелание принять благодарность именно от нас.

— Хорошо, я готов, — на этот раз просто и коротко ответил Хаммер.

Он тоже был умен, и сумел не перейти ту тонкую грань, за которой скромность переходит в свою противоположность — нелепое жеманство, однако, в свою очередь, выдвинул также одно дипломатическое условие — никто не должен произносить по его адресу никаких благодарностей, комплиментов и тому подобного.

Банкир охотно согласился с этим условием и, обрадованный, повел Отца-Ягуара в гостиную. Их появление вызвало настоящий фурор, но более всех остальных был потрясен приват-доцент. Ухватившись обеими руками

за ладонь Хаммера, он воскликнул:

— Сеньор, мое сердце переполняет радость, по-латыни «гаудиум», или «летиция». Считаю своим долгом выразить вам признательность за то, что...

— Стойте! — вмешался банкир. — Сеньор Хаммер находится здесь, среди нас, только благодаря данному мною ему обещанию, что мы не будем ни слова говорить о том чувстве благодарности, которое все испытываем по отношению к нему. Извините, дорогой доктор, что мне пришлось перебить вас, а теперь можете продолжать, но не касаясь запретной темы. Так что вы хотели нам сказать?

— Право, уж теперь и не знаю... — растерянно пробормотал ученый.

— Ну тогда расскажите нам, будьте так любезны, о ваших любимых доисторических животных, — предложил находчивый хозяин дома.

Это был верный ход. Доктор Моргенштерн моментально воодушевился:

— О да, это, безусловно, самая интересная для разговора тема из всех, которые мне известны! Скажите, сеньор Хаммер, а не приходилось ли вам в этой стране когда-нибудь находить скелет мегатерия или, может быть, даже мастодонта?

— Приходилось, и не раз.

— И где же именно, где?

— В пампе. Тому, у кого глаз в этом отношении наметан, совсем нетрудно их там обнаружить.

— Замечательно! Но давайте уточним: вот, скажем, У вас именно такие зоркие глаза?

— Не мне об этом судить, сеньор. Могу только сказать, что я несколько раз путешествовал через пампу в качестве проводника научных экспедиций.

— И вам удавалось находить взаимопонимание с учеными?

— Я не могу ни утверждать, ни отрицать этого, поскольку мне неизвестно их мнение на сей счет.

— Да, но, чтобы найти и верно классифицировать Доледниковые растения и животных, надо обладать определенными познаниями в палеонтологии. Неужели ученые не заметили, что вы этими познаниями обладаете? Кстати, для всех присутствующих я хотел бы разъяснить, что ископаемые останки древней флоры и фауны в наше время часто пребывают в сильно измененном виде по сравнению с их первоначальным состоянием.

— Важное уточнение, — подтвердил с улыбкой Хаммер. — Господин

Моргенштерн имеет в виду процессы обугливания, выщелачивания и образования специфических налетов на костях древних животных при формировании нефтеносных пластов земли.

Доктор Моргенштерн от удивления аж отступил на шаг назад, словно хотел получше разглядеть гиганта Хаммера, и, пораженный, сказал:

— Сеньор, вы выражаетесь, как профессор палеонтологии! А это моя самая любимая наука. Я давно мечтаю написать книгу о животных силурийского периода».

— О, я вполне разделяю ваше особое пристрастие к этому периоду, — сказал Хаммер. — Силур дает богатейший материал для научных изысканий. Ведь тогда на земле существовали уже десятки тысяч различных видов животных.

— Десятки ты... — у доктора от изумления перехватило дыхание — тысяч видов? Вам это точно известно? Что же за виды вы имеете в виду?

— Иглокожих, червей, членистоногих, моллюсков и некоторых других, но уже более высоко развитых, например, акул. Обитатели суши появились здесь только в девоне, насекомые и рептилии встречались уже в карбоне и мезозое, то есть в триасе, юре и меле.

— А какие млекопитающие, по вашему мнению, тогда уже обитали на суше? — с нетерпением спросил ученый.

— В отложениях позднего триаса можно обнаружить следы хищников, первоптиц — в поздней юре. В третичном периоде они играли ведущую роль в животном мире, такую же, как в свое время появившиеся еще до них рептилии.

— А человек? Его следы вы здесь встречали?

— Он появился в этих краях в поздне третичный период.

Это утверждение привело ученого в полный восторг. Он даже слегка подпрыгнул на месте от избытка чувств и торжественно возвестил, обращаясь ко всем присутствующим:

— Этого можно было ожидать! Именно здесь, в Аргентине! Такое предположение высказывал в свое время еще профессор Гибель в своем знаменитом труде о фауне доисторического периода. — Затем доктор опять переключил свое внимание исключительно на Отца-Ягуара. — Сеньор Хаммер, ради Бога, присядьте рядом со мной. Располагайтесь поудобнее... Я должен задать вам несколько принципиально важных вопросов, связанных с зоопалеонтологией. Скажите, пожалуйста, как вы думаете: почему хвосты у всех доюрских рыб раздвоенные, как у нынешних акул и скатов? Почему аммониты, достигшие наивысшего развития в поздней юре и нижнем мелу, в альпийском триасе встречаются лишь эпизодически?

Причисляете ли вы наутилуса и лингулу к завершившим свое развитие видам и что вообще вы хотите доказать, ссылаясь на примеры дифференциации животного мира, если вам хорошо известно, что...

— Стоп, стоп, стоп! Бог меня простит, я думаю, если я прерву ваш ученый диспут! — воскликнул сеньор Салидо, с комическим выражением лица зажав свои уши ладонями. — С вашего позволения, я напоминаю вам, сеньоры, что вы сейчас находитесь отнюдь не в меловом периоде развития Земли, а в начале двадцатого века от Рождества Христова, и конкретно — в моем доме. К сожалению, многое из того, о чем вы с таким увлечением и, я бы даже сказал, с упоением беседуете, нам, всем остальным, совершенно неизвестно и непонятно. Не лучше ли вам отложить разговор на эту животрепещущую для вас тему на другое время? Я понимаю, насколько она волнует вас, но все же примите, пожалуйста, во внимание тот неоспоримый с научной точки зрения факт, что далеко не все люди сведущи в зоопалеонтологии в такой же степени, как вы.

Отец-Ягуар в ответ на этот протест лишь добродушно рассмеялся, но доктору Моргенштерну было не до смеха. Он очень не любил, когда его прерывали, а что касается чувства юмора, то тут я должен прямо сказать: это замечательное свойство человеческой натуры, увы, не входило в число достоинств приват-доцента Берлинского университета. Несмотря на то, что после просьбы хозяина дома Карлос Хаммер уже не поддерживал беседу о доисторических животных, доктор не мог остановиться еще минут пятнадцать и говорил, говорил... Все на ту же тему, разумеется, пока его не остановил уже Хаммер, сославшись на то, что должен спешить, поскольку на улице его ожидают трое его товарищей. Банкир счел необходимым опять вмешаться и заявил совершенно категорически, что ни за что не отпустит так рано столь дорогого гостя, и сам отправился на улицу, чтобы лично пригласить спутников Отца-Ягуара в свой дом. Те охотно согласились зайти на квинту. Как только они вместе с хозяином вошли в гостиную, слуги принесли еще вина, и атмосфера в доме банкира окончательно лишилась первоначального налета некоторой чинности — шутки и остроты стали сыпаться, как из рога изобилия.

Отец-Ягуар приветствовал своих товарищей с дружеской непринужденностью, однако те держались с ним почему-то подчеркнуто сдержанно и почтительно, как ученики-отличники с авторитетным и уважаемым учителем.

Поскольку, напоминаю, благодарить и хвалить Отца-Ягуара за его подвиги во время корриды в тот вечер было, условно говоря, неприлично, но совсем забыть об этом никак невозможно, то беседа в гостиной

постепенно перетекла в культурно-исторический аспект зрелищ, подобных корриде, и уж тут-то доктор Моргенштерн сумел еще раз блеснуть своей эрудицией. Он стал рассказывать дамам о гладиаторах Древнего Рима, потрясая их воображение разными историями из жизни «самнитов» и «фракийцев», «ретиариев» и «мурмиллонов» [\[20\]](#). И вдруг неожиданно, словно вспомнив что-то гораздо более существенное и важное, замолчал на полуслове и, повернувшись снова к Отцу-Ягуару, воскликнул:

— Как жаль, что вы не жили в то время!

— Но почему же жаль? — удивился тот.

— Потому что тогда ваши подвиги были бы непременно отражены в «Описаниях римских обычаев» Фридлиндера и в «Государственном устройстве Древнего Рима» Маркквардта [\[21\]](#).

— Сеньор, вы чрезвычайно любезны, но должен вас огорчить, я предпочитаю жить сегодня. Несмотря даже на то, что интерес к моей персоне со стороны таких знаменитых ученых, которых вы назвали, был бы лестным для меня.

— Возможно, вы и правы, но все же ваше имя, несомненно, попадет на скрижали истории, — заявил на это ученый с самым серьезным видом. — Ваше выступление в качестве тореадора на корриде в Буэнос-Айресе есть настоящий подвиг, и настолько уникальный, что просто не может избежать самого подробного научного толкования. Мне же как первому ученому, ставшему по воле случая его свидетелем, очень бы хотелось узнать для начала: в чем именно заключается специфика смертельного удара ножом, с помощью которого вы повалили этого дикого американского бизона?

— Это просто результат тренировки. Я не раз убивал бизонов этим способом. Но, конечно, как вы, наверное, уже догадались, не в Аргентине, а в Соединенных Штатах.

— В Соединенных Штатах! В таком случае, я должен задать вам еще один вопрос: приходилось ли вам бывать в знаменитой Мамонтовой пещере в штате Кентукки, где, как считают многие исследователи тайн природы, до сих пор обитает какое-то загадочное доисторическое животное, так называемый «огайский зверь»?

— Дорогой доктор, давайте поговорим об этом все же в другой раз, как просил нас хозяин дома.

— Значит, — стал искренне недоумевать доктор, — высказывать вам благодарность нельзя, на беседы о доисторических животных тоже наложено табу. Я не понимаю, о чем тогда вообще можно разговаривать? Будучи немцем...

— Так вы — немец? — прервал его на этот раз уже Отец-Ягуар.

— Да. Немец. И, как всякий немец, человек серьезный. Прошу иметь это в виду. Я изучаю доисторических животных, — не преминул добавить этот педант.

— А я, хотя и ваш земляк (я родился в Майнце), наверное, нетипичный немец, то есть несерьезный человек, дилетант. Главное, что я с удовольствием готов изучать, — жизнь в ее современном варианте, как я это понимаю. Я люблю приключения, путешествия.

— Бог мой, вы родились в Майнце, то есть в Могонтиаке, как его называли в древности, в городе, основанном Друзом! [\[22\]](#) Как это замечательно! — возликовал ученый, не обратив никакого внимания на иронию, заключенную в словах своего земляка. — Но что привело вас в Северную Америку?

— Страсть к приключениям.

— А в Южную?

Хаммер секунду помедлил с ответом. Отсвет какого-то тяжелого воспоминания промелькнул в его глазах, и он сказал со сдержанной грустью:

— Меня привело в эту страну одно обстоятельство, о котором мне сейчас не хотелось бы распространяться.

Сеньор Салидо понял, что опять возникла необходимость вмешаться в разговор двух немцев. Он знал, что доктор Моргенштерн сейчас может произнести что-нибудь, причиняющее боль его собеседнику, потому что уже давно заметил, что любознательность доктора Моргенштерна, к сожалению, довольно часто заставляла его изменять некоторым правилам вежливости и деликатности, обязательным для всякого воспитанного человека,

— Дорогой сеньор Хаммер, а вы знаете, мы довольно долго разыскивали вас, — переменял он своим вмешательством тему разговора, — но безуспешно, из чего я сделал вывод, что вы остановились не в отеле. Я угадал?

— Я и мои товарищи остановились у своих друзей, — ответил ему Отец-Ягуар.

— И сколько еще времени вы пробудете в Буэнос-Айресе?

— Недолго. Я планирую в скором времени отправиться в Анды.

— Входит ли в ваши намерения добраться до Лимы?

— Возможно, мы и заглянем туда, но я еще не принял окончательного решения.

— Вы знаете, сеньор Хаммер, я спрашиваю об этом отнюдь не из

праздного любопытства. У меня гостит племянник из Лимы. Пришло время ему возвращаться домой. Я знаю, что вы — человек прямой, и хочу услышать от вас откровенный ответ на мою просьбу: вы можете взять с собой моего племянника?

— А сколько ему лет?

— Шестнадцать недавно исполнилось.

— Тогда ему лучше остаться при вас, он пока еще не дорос до такого путешествия.

— О, уверяю вас, сеньор Хаммер, он уже далеко не ребенок и, кстати, что касается чисто физических параметров, довольно рослый и атлетичный парень.

— Это, безусловно, хорошо его характеризует, но скажите мне, сеньор, отдаете ли вы себе отчет в том, с чем может столкнуться неопытный юноша в тех местах, где и не всякий-то взрослый мужчина не оплошает в случае чего?

— Вполне. Кстати, не поймите меня так, что я вас хочу расположить к себе с помощью своих денег, но я заявляю, что готов финансировать вашу экспедицию полностью.

— Нет-нет, никаких дополнительных субсидий нам больше не требуется. Я привык жить на собственные средства. Работал иербатеро в Гран-Чако, был гамбусино [\[23\]](#) в Перу, чинчильеро [\[24\]](#) в Андах, каскарильеро [\[25\]](#) в Бразилии. Мои спутники тоже люди бывалые. Поймите меня тоже: никто из нас не испугается взять на себя ответственность за юношу, но все мы привыкли рисковать не раздумывая, а присутствие в экспедиции вашего племянника, само собой разумеется, потребует от нас соблюдения осторожности.

— Благодарю вас за такой ответ! Вы говорите как человек дальновидный и честный. Я, может быть, и повторяюсь, однако скажу еще раз: мой племянник Антон — отнюдь не маменькин сынок, как вы, наверное, предполагаете. Он отлично стреляет из ружья и неплохо держится в седле, кроме того, знает из собственного опыта, что такое Анды, дважды он уже переходил по горным тропам из Перу в Боливию. Наконец мальчик предприимчив по складу своей натуры. Да вы сами можете убедиться в том, что я несколько не преувеличиваю, мальчик здесь. Антонио! — позвал он племянника. — Подойди, пожалуйста, к нам! Сеньор Хаммер на днях собирается отправиться в Перу...

Глаза юноши загорелись. Он действительно выглядел взрослее своих лет, хотя в миловидных чертах его лица еще не до конца исчезло нечто

совсем детское. Хаммер, привыкший при знакомстве с людьми доверять не столько чужим рекомендациям, сколько собственной интуиции, почувствовал безотчетную симпатию к юноше и протянул ему руку, но заговорил с ним все же довольно строгим тоном:

— Скажите мне, молодой человек, только совершенно откровенно и, если можно, взвесив все свои возможности: хорошо ли вы представляете себе все, что может ожидать человека, путешествующего через Гран-Чако?

— О да, сеньор. — Юноша слегка запнулся, подумав о том, что от него, как от взрослого, ожидали трезвого ответа, а не мальчишеского азартного желания во что бы то ни стало попасть в экспедицию, и выпалил решительно: — Я полагаюсь на свое ружье и свой нож!

— Этот ответ мне нравится, не скрою, — сказал Хаммер. — Но скажите: а где вы научились владеть тем и другим?

Этот вопрос несколько смутил юношу, но он не стал хитрить, а, переведя дыхание, сказал все как есть:

— ...Я знаю, что в Германии ребята моего возраста знают и умеют значительно больше, нежели я, и быстрее достигают своей цели, потому что много и упорно занимаются с отличными учителями и тренируются под руководством отличных тренеров. Я же пока учусь в институте искусства и промышленности, и только, потому что мне предстоит стать наследником дела моего дяди. Но отец уже нашел для меня и моего младшего брата учителя-немца, и через пару лет я начну посещать какой-нибудь университет в Германии. Стрелять из ружья и обращаться с ножом я учился сам, но вы можете проэкзаменовать меня, если пожелаете.

— Ну нет, — ответил ему Карлос Хаммер с улыбкой, — в экзаменаторы я не гожусь, а вот научить тому, что сам умею, пожалуй, могу попробовать. Тем более что мы с вами, как я понял, оба немцы.

— Сеньор, учителя лучшего, чем вы, я никогда не мог бы себе пожелать! — заявил Антон и тут же, устыдившись собственной пылкости, добавил рассудительно: — Хотя я родился и далеко от Германии, я все же считаю ее своей родиной. По-моему, верно сказано, что для немца родина везде, «где наш язык звучит и Бог поет на небесах».

Услышав, что Антон привел известную всякому немцу стихотворную строку, приват-доцент не выдержал и вмешался в разговор своих соотечественников:

— О да! Как я понимаю вас! Эта строка поэта Эрнста Морица Арндта, родившегося 26 декабря 1769 года в Шаритце-на-Рюгене и умершего 29 января 1860 года, волнует необыкновенно. А вы знаете, что стихотворение, из которого она взята, положено Генрихом Маршнером на прекрасную

мелодию, сочиненную им специально для мужского хора? Кстати, в моем лице вы видите не только ученого, но, кроме всего прочего, еще и члена певческого союза города Ютербогга «Немецкая лира». Я там пою первым басом, мой диапазон — от ля-бемоль большой октавы до ля первой октавы.

И он тут же проиллюстрировал свои слова, вдохновенно затянув: «Не надо спрашивать немца, где его отчий дом, он у него на всем шаре земном!»

Ученый был уморительно серьезен и выглядел поэтому чрезвычайно забавно. Все заулыбались, а Отец-Ягуар наклонился к плечу Антона и сказал с легкой иронией в голосе:

— Смотрите, что происходит с нашим соотечественником, когда в нем начинают играть патриотические чувства. Ну, а нам с вами, я думаю, лучше вернуться к теме путешествия через Анды, поскольку я могу сказать вам, что уже принял решение: я беру вас в нашу экспедицию. В связи с этим вы прежде всего должны узнать, что мы ставим перед собой несколько задач. Одна из них — сбор парагвайского чая в дебрях Гран-Чако. Там останется довольно много моих спутников...

— В Гран-Чако? — снова перебил их ученый. — А там еще попадаются окаменелости, сеньор Хаммер?

— Попадают, и в гораздо большем количестве, чем где бы то ни было, но местные индейцы весьма неодобрительно относятся ко всякого рода раскопкам, вплоть до того, что могут за это и жизни лишить. У них это запросто.

— Так-так. Следовательно, любители древностей еще не всю землю там перекопали?

— Верно. Я знаю немало таких мест, где достаточно лишь слегка копнуть землю лопатой, как тут же наткнешься на что-нибудь любопытное.

— Ура! Я тоже отправляюсь с вами в Гран-Чако! Такой шанс упускать нельзя!

— Не торопитесь, герр Моргенштерн, — ответил ему Отец-Ягуар. — Должен поставить вас в известность: из Буэнос-Айреса в Гран-Чако добираться несколько сложнее, чем из Ютербогга в Берлин. А кроме того, там, увы, пока еще не создано ни единого певческого союза.

— Ну и что? Я могу петь прямо с листа, «прима вета», как говорят музыканты. Если мне, конечно, предоставят ноты. Так вы берете меня в свою экспедицию?

— Я надеюсь, вы все же шутите, доктор?

— Да нет же! — искренне изумился доктор Моргенштерн, — Уверяю вас, я более чем серьезен.

— Прошу вас, герр доктор, хорошо подумайте и задайтесь трезвым вопросом: а по силам ли вам подобное путешествие? И потом, как вы себе представляете — ну где индейцы, которые ни читать, ни писать не умеют, возьмут ноты для вас?

— Есть у них ноты или нет, в общем-то, не имеет для меня большого значения, — несколько смутившись, ответил ученый, но тут же заявил с прежним пафосом: — Ради скелета мастодонта или глиптодонта я готов пожертвовать всем, даже собственной жизнью! Неужели вы откажете соотечественнику?

— Хм. Мне кажется, вы не вправе так нажимать на меня. Я ведь вам пока что ничего не обещал, герр доктор. Кроме того, еще не определена даже дата нашего отъезда, а за время, которое пройдет до него, очень многое может измениться.

И разговор перешел на другие темы, но Отец-Ягуар прекрасно понимал, что лишь на время сумел отделаться от настырного палеонтолога, и продолжал мысленно искать благовидный предлог, под которым можно было отказать этому одержимому. И в то же время ему не хотелось обижать резким отказом этого симпатичного любителя динозавров.

Тем временем гости банкира начали потихоньку прощаться и расходиться. Направился к сеньору Салидо, чтобы поблагодарить за оказанное гостеприимство, и Отец-Ягуар. Но бдительный приват-доцент Берлинского университета, уже не тратя времени на долгие предисловия, взял гиганта под руку, вернее сказать, ухватился за его локоть снизу, и спросил:

— Итак, сеньор, сколько лошадей я должен приобрести?

Отца-Ягуара редко можно было поставить в тупик, но на этот раз он был застигнут врасплох и спросил с искренним недоумением:

— Лошадей? Зачем это?

— Ну как же? Для нашего с вами путешествия! Поскольку для раскопок мне потребуются инструменты: лопаты, кирки, следовательно, везти их должны специальные выючные лошади.

— А больше вам ничего не нужно? — В голосе Карлоса Хаммера прозвучали ноты раздражения, он, кажется, начинал понемногу терять самообладание, не покидавшее его до сих пор никогда, даже в самых опасных ситуациях.

— Что вы имеете в виду? — заинтересовался приват-доцент.

— Ну, например, железнодорожный вагон. А как же! Или вы полагаете, что, поймав мастодонта, сможете отвести его до самого Ютербогга на поводке?

— Сеньор, мне кажется, вы сердитесь на меня, — догадался наконец доктор. — Прошу вас, не надо сердиться! Давайте все спокойно обсудим. Я не стану обременять вас связанными с моим участием в экспедиции какими-то бытовыми сложностями, и поэтому я возьму с собой слугу.

Хаммер аж пошатнулся от изумления.

— Что? Слугу? Ага, слугу, значит... Понял, понял.

— Да вы не волнуйтесь так! Мой слуга — тоже немец, родом из Штралау на Руммельсбургском озере.

— Из Штралау, говорите? Я думаю, на этом самом Руммельсбургском озере неплохая должна быть рыбалка, особенно если прихватить с собой на зеленый бережок пивка и копченую свиную ножку. А вот в Гран-Чако, должен сказать откровенно, с рыбалкой, к сожалению, ничего не получится!

И дав понять, что разговор окончен, он твердым и быстрым шагом вышел из гостиной банкира Салидо. Трое спутников Отца-Ягуара догнали его. Банкир проводил их до самых ворот своей квинты. И тут они ненадолго задержались, обмениваясь традиционными словами прощания. Подошел следователь из полицейского участка, тот самый, что недавно расследовал покушение на доктора Моргенштерна. Он сообщил сеньору Салидо, что Антонио Перильо, как установлено проверкой, — вне подозрений, поскольку у него имеется неопровержимое алиби на тот вечер. Мужчины перебросились несколькими фразами по поводу этого известия.

Пока шел этот короткий разговор, на противоположной стороне шоссе из темноты возникли две фигуры, старавшиеся не привлекать к себе внимания и двигаться почти неслышно. В густой тени пышных кустов олеандров, растущих на заботливо разрыхленной садовниками почве, и то и другое им прекрасно удавалось. Даже полицейский, несмотря на свой профессиональный нюх, ничего не заметил бы, если бы и обратил вдруг свое внимание на противоположную сторону шоссе. Таинственные двое незнакомцев, один — постарше, другой — помоложе, остановились, явно прислушиваясь и приглядываясь к тому, что происходит возле дома банкира. Вглядевшись в черты лица более молодого, в нем можно было бы узнать Антонио Перильо.

— Черт! — прошептал эспада. — Мне позарез надо знать, о чем они там говорят.

— А ты меня спроси об этом! Я почти наверняка могу угадать это, — сказал его немолодой спутник. — Полицейский только что сообщил им очень любопытную новость: оказывается, ты был у меня в то самое время, когда здесь стреляли.

— Хотелось бы, чтобы он тебе поверил! Какая все же это была глупость — стрелять в саду дома, битком набитого свидетелями! Один ловкий удар ножом на темной улице, и коротышка без всякого шума и крика... Пстой, пстой... А это кто? Ты случайно не знаешь вон того здорового малого, что стоит сейчас спиной к нам?

— Первый раз вижу!

Словно специально для того, чтобы дать Перильо ответ на интересующий его вопрос, из-за туч выглянула полная луна и осветила Хаммера, как раз в этот момент повернувшегося лицом к эспаде.

— Носят же его черти, где не нужно! — с досадой воскликнул Перильо.

— Да кого же, кого? — не понял его спутник.

— Ты не узнал его? Ах, да, я и забыл совсем, что ты же не был на корриде. Это и есть тот самый проклятый Отец-Ягуар, опозоривший всех нас.

— Оте... Отец... Ягуар?.. — Спутник Перильо вытянул шею, чтобы получше разглядеть того, чье имя только что с дрожью в голосе произнес.

— Что это с тобой? Ты что, раньше о нем что-нибудь слышал?

— «Слышал» — это не то слово. Вот это новость так новость!

— Скажи, что ты о нем знаешь? Кто он такой на самом деле?

— Скажу, скажу... Он тот, кого североамериканские индейцы зовут Метана Му.

— М-м-м... Не понимаю.

— Белые охотники в Штатах называют его также Лайтнингхэнд.

— Да скажи же наконец, как это будет по-испански!

— Мексиканцы прозвали его «Эль Мано Релампагеандо».

На всех трех языках это означает «Человек-молния», или «Молниеносная Рука».

— Как? Это он? О Боже? Неужели такое бывает? Он же — брат того... Того, кого ты тогда...

— Да, да, того самого парня, которого... я тогда... Вот так да: значит, в Аргентине Лайтнингхэнд удостоился еще одного прозвища! Отец-Ягуар! Скажите, пожалуйста! А знаешь, зачем сюда прибыл этот, так сказать, великий, по местным понятиям, Ягуар? Он идет по моим следам, чтобы посчитаться за смерть брата!

— Берегись его — вот и все, что я могу тебе на этот счет сказать.

— Не учи ученого, мальчик! Он давно ищет меня и пока не — нашел, а я его не искал, но встретил! Нет, ему до меня никогда не добраться. Этому, с позволения сказать, ягуару, я не по зубам! Он не успеет...

— Ты что, и его тоже хочешь?..

— Догадливый ты, однако, парень, Антонио!

— Так же, как его брата?

— Именно так же! Или ты думаешь, что я должен позволить ему жить для того, чтобы он в конце концов все-таки поймал меня? Это совсем не исключено, потому что все его прозвища ему не просто так давались, уж ты мне поверь. Впрочем, об этом мы поговорим в другой раз, а сейчас хорошо бы узнать, что это он делал в доме банкира Салидо. Там ведь поселился и этот проклятый коротышка, вырядившийся гаучо. Вряд ли это случайное совпадение.

— Это и меня чрезвычайно интересует.

— Они явно как-то связаны между собой, великан и коротышка. В другое время я бы посмеялся над этой дурацкой парочкой друзей. Но так или иначе, раз они заодно, то пусть оба сразу и замолкнут навеки. Хочешь помочь мне в этом деле?

— О чем ты спрашиваешь? Мой нож, моя рука и мои пули — в твоём распоряжении.

— Хорошо. Но сначала мы должны узнать, где живет этот самый Отец-Ягуар. Слушай, слушай, что они там болтают...

Следователь собрался уходить первым и, к удовольствию Перильо, еще раз громко повторил, что эспада, как явствует из показания свидетеля, невиновен. После того, как следователь ушел, Отец-Ягуар в свою очередь окончательно распрощался с банкиром и вместе со своими друзьями двинулся вверх по шоссе.

— За ними! — прошептал старший из бандитов. — Глаз с них не спускай!

Глава IV

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Спустя примерно сорок дней после вечера в доме банкира Салидо, описанного в предыдущей главе, в гавани Санта-Фе пришвартовался пароход, прибывший из Росарио. Среди пассажиров, сошедших с него, были два человека очень невысокого роста, одетых, как гаучо, и при этом полностью идентично. На плечах обоих колыхались ярко-красные пончо. Это были наши старые знакомые — доктор Моргенштерн и нанятый им в Буэнос-Айресе слуга по имени Фриц Кизеветтер. Надо очень постараться, чтобы найти где-нибудь еще одну столь же колоритную пару людей одного, очень небольшого роста. Не только одежда, но и снаряжение у них было тоже, как у братьев-близнецов: у каждого за спиной висело ружье, а из-за пояса выглядывали рукоятки двух револьверов и длинного ножа.

На причале, чуть поодаль от толпы встречающих стояли два офицера, внимательно вглядывавшиеся в лица спускавшихся с парохода пассажиров. Они явно кого-то встречали, но не хотели это афишировать.

— Боже мой, неужели к нам прибыл сам... — воскликнул один из них, в звании капитана. — Это же полковник Глотино! Но как странно он одет! Не пойму, что нам делать: то ли отдавать ему честь, то ли лучше воздержаться от этого? Вполне вероятно, что полковник не хочет, чтобы его узнавали, и в то же время, если мы проигнорируем его, он может это понять неправильно.

— Подождем, пока он сам нас заметит, — рассудительно предложил офицер помоложе, старший лейтенант.

«Гаучо» ступили на причал. И тут у обоих офицеров автоматически сработал рефлекс всякого военного, срабатывающий при приближении старшего по чину: они отдали честь одному из «гаучо», которого посчитали переодетым полковником Глотино.

— Доброе утро! — тепло и как-то очень по-домашнему поздоровался с ними доктор Моргенштерн (а именно его и спутали офицеры со своим начальником). Это приветствие, а особенно тон, которым оно было сказано, прозвучало настолько дико для уха военного человека, что офицеры несколько опешили. Но увидев, как второй «гаучо» приложил средний и указательный пальцы правой ладони, сложенные вместе, к полям своей войлочной шапочки, подумали, что, пожалуй, насчет конспирации они

предположили верно, военная косточка ведь вот все равно дала о себе знать в этом характерном жесте.

— Сегодня прекрасная погода, не правда ли, сеньоры? — светским тоном начал разговор приват-доцент, он же «полковник» в глазах капитана и лейтенанта.

— Да, вы, как всегда правы, господин полковник, — ответил ему капитан. — Позвольте узнать: вы планируете здесь задержаться?

— Еще не знаю, но это вполне вероятно.

— Прикажете подготовить вам квартиру?

— Нет, нет, что вы? Какие могут быть приказы?

— Понял, — сказал капитан и многозначительно кивнул «полковнику» — дескать, он в курсе дела, законы конспирации соблюдает, — а потом добавил, понизив голос: — Но квартира все равно будет предоставлена в ваше распоряжение.

— Прекрасно, — ответил приват-доцент. — В таком случае, я займу ее.

— Разрешите сопровождать вас до крепости Санта-Фе, господин полковник?

— С удовольствием разрешаю. Только почему вы называете меня полковником?

— Мы можем называть вас как угодно — как прикажете! Независимо от того, выполняете ли вы в Санта-Фе секретную миссию или прибыли с официальной, но негласной инспекционной проверкой.

— Какая секретная миссия? Какая проверка? Бог с вами! Я вообще не военный, а ученый, доктор зоологии, и моя фамилия Моргенштерн, а прибыл я в Аргентину из Германии.

— Позвольте узнать: как нам называть сеньора, который прибыл вместе с вами?

— Это Фриц Кизеветтер, мой слуга, он родом из Штралау на Руммельсбургском озере. Это тоже в Германии.

— То есть вы оба выступаете здесь в качестве «иностранцев»? О, как это удачно придумано! Иностранцам в Аргентине всегда доверяли почему-то больше, чем соотечественникам. Ну что ж, как иностранцев мы просто обязаны проводить вас до крепости, и, самое главное, это ни у кого не вызовет ни малейших подозрений на ваш счет.

Крепость Санта-Фе была возведена еще во времена испанских конкистадоров. Фасад ее украшали романтичные балкончики — в точности такие же, как где-нибудь в Севилье, и все же в целом здание производило мрачное впечатление — толстые стены, все окна забраны тяжелыми

решетками. Присмотревшись к окнам повнимательнее, можно было заметить, что из-за решеток выглядывают изможденные, обросшие бородами и длинными спутанными волосами лица. Перед входом в крепость стояли часовые.

Доктор тихо сказал своему слуге:

— Похоже, эта крепость одновременно является и тюрьмой. То есть здесь держат в заключении разбойников и воров, по-латыни «экспилаторов», или «бультуриосов». Неужели и нас они тоже приняли за нарушителей закона?

— Не думаю, — ответил ему Фриц. — Судя по тому, как нас встречали, у них в отношении нас вполне приличные намерения, хотя не худо было бы на всякий случай все же узнать, какие именно.

Солдаты у входа в крепость отдали им честь. Пройдя через узкий, вытянутый внутренний двор, немцы в сопровождении капитана поднялись по лестнице, идущей вдоль внешней стороны стены, вошли в здание. Здесь капитан подвел их к открытой двери, за которой была небольшая комната. Подобная комната, на военном жаргоне, «цыганка», есть почти в каждом гарнизоне в Южной Америке, предназначена она для приема важных гостей, поэтому обставлена с претензией на роскошь, правда, как правило, довольно неуклюжей претензией, но все же на фоне казарменного быта выглядит даже уютно. У порога «цыганки» старший лейтенант почтительно распрощался с «полковником». А капитан сказал:

— Господин майор, комендант крепости, сегодня находится в Паране [26], так что обязанности коменданта временно исполняет ваш покорный слуга. Что прикажете, господин полковник? Ой, прошу прощения, господин доктор?

— Приказов не будет, но у меня есть одна небольшая просьба к вам: не могли бы вы узнать: где остановился иербатеро, которого называют «Отец-Ягуар», прибывший в Санта-Фе вчера или позавчера?

— А он прибыл сюда по морю?

— Да, из Буэнос-Айреса.

— Узнать это не составит большого труда. Надеюсь, что смогу доложить вам об этом иербатеро уже через полчаса.

И он вышел, а в комнату вошел унтер-офицер с подносом в руках. На подносе были мясо, фрукты и бутылка бордо, популярного на берегах Ла-Платы, как ни одно другое вино на свете. Все это унтер-офицер быстро и услужливо расставил на небольшом столике.

— Должен признать, герр доктор, — философски заметил Фриц Кизеветтер, — аргентинские офицеры кое-что смыслят в радостях жизни.

И наполнил до краев бокалы. После чего оба «гаучо» с аппетитом поели, не забывая отдавать должное вину. Глядя на эту трапезу, унтер-офицер, прислуживавший им как официант, стал сильно подозревать, что второй маленький человек, принимавший все услуги как должное, конечно же, вовсе никакой не слуга, а тоже какой-то важный военный чин, только еще более, чем полковник, засекретившийся, из чего он сделал вывод, что очередной военный переворот в стране произойдет уже совсем скоро.

Как только «гаучо» дали понять, что они до предела насытились, унтер-офицер все так же ловко и быстро собрал приборы и тарелки со столика и спросил, не желают ли гости выкурить по сигарете. Гости были не прочь покурить, и унтер-офицер удалился за сигаретами. Как только немцы остались одни, доктор сказал Фрицу, наклонившись совсем низко над столом, чтобы из-за открытой двери никто случайно их не услышал:

— Здесь все же что-то не так. Я занимаюсь чистой наукой, а они почему-то присвоили мне звание полковника. С какой такой стати, интересно...

— С такой же, с какой собака делает стойку на задних лапах, выпрашивая у хозяина кусочек колбасы. Им что-то нужно или же они как-то зависят от этого полковника Глотино, за которого приняли вас, хозяин. Но лучше всего не думать об этом вовсе! Да по мне пусть хоть в генералы произведут, если при этом будут кормить нас так же вкусно, как сегодня. Не знаю, как вы, а я, со своей стороны, возражать не стану.

— Но, Фриц, а не кажется ли тебе, что нас просто принимают за других людей?

— А даже если и так? С нашей-то стороны никакого умысла по этой части не было, следовательно, мы несколько не виноваты в том, что у них такая скверная память на лица и они способны принять одного человека за другого.

— Ну как ты не поймешь: это их заблуждение, по-латыни «эррор», может, в конце концов, поставить нас в весьма затруднительное положение.

— Выпутаемся как-нибудь.

— Но последствия, почему ты не думаешь о том, каковы могут быть последствия? Фриц, Фриц, мне кажется, ты не чужд слабости, которую древние римляне называли «левитас».

— Хм. Может, и не чужд, у меня вообще много слабостей... Только что это слово означает по-немецки?

— Легкомыслие.

— Герр доктор, я готов поспорить с вами на этот счет.

— Что ж! Я готов принять твои возражения.

— Разве древние римляне отказывались от вкусной еды, когда бывали голодны?

— Нет. То есть, может быть, и было среди них немного таких чудаков, но вообще они любили хорошо поесть.

— Ага! Вот что, оказывается, роднит Фрица Кизеветтера с древними римлянами! А раз у нас так много общего, меня нельзя назвать легкомысленным.

Приемами демагогии Фриц владел виртуозно. Доктор на секунду задумался, в чем именно состоит неверность этого «постулата», но не успел ничего возразить. Вошел капитан и доложил:

— Отец-Ягуар прибыл в Санта-Фе вчера после полудня. С ним были двадцать три мужчины и один юноша. Все они уже отбыли в лагуну Поронгос.

— На лошадях?

— Да.

— Спасибо за эти очень ценные для меня сведения. Я должен непременно догнать Отца-Ягуара. Вы поможете нам раздобыть лошадей?

— Разумеется, господин полковник! Сколько именно лошадей вам нужно?

— Четыре — две ездовых, две вьючных.

— Купить их или взять из конюшни в гарнизоне крепости?

— Лучше купите. Гарнизонные лошади прошли определенную выучку, а я — наездник начинающий, будет лучше, если мы с лошадью окажемся одинаково неумелыми.

— Хорошо, — сказал офицер и улыбнулся, давая понять, что по достоинству оценил шутку полковника, известного, кроме всего прочего, и своим великолепным умением держаться на лошади. — Когда прикажете подать лошадей?

— Через час!

Капитан удалился. Зато тут же вновь появился унтер-офицер с сигаретами. Доктор Моргенштерн, начиная, кажется, понемногу входить в роль «полковника», обратился к нему на это раз с вальяжностью, подобающей образу, в котором он невольно оказался:

— Любезнейший, а нельзя ли доставить сюда мой багаж, оставшийся на пароходе? Надеюсь, это не слишком затруднит вас. Там, в нашем багаже, находится набор, по-латыни «сарцина», инструментов и связка книг, обернутая куском кожи, именуемая по-латыни «фасцис».

— Будет доставлено немедленно! — выкрикнул громко, как на плацу, унтер-офицер, развернулся на каблуках и вышел строевым шагом.

Прошло еще четверть часа. Появился капитан и доложил, что лошади готовы.

— Сколько они стоили? — поинтересовался доктор.

— Нисколько, господин полковник, — ответил капитан и опять улыбнулся: полковник продолжал шутить.

— Но я все же предпочел бы заплатить за них.

— С зоологов здесь денег брать не принято, — сострил, стараясь попасть в тон шутке старшего по званию, капитан.

— Но почему? — искренне изумился приват-доцент.

— Таков уж обычай здешних мест, ничего не поделаешь.

— Поразительно! Эта страна была колонизирована испанцами, перенявшими обычаи, а вместе с ними и многое другое из культурного наследия древних римлян. Но никогда, ни единого раза я не встречал в литературе примеров того, чтобы римляне безвозмездно предоставляли лошадей ученым, в частности, зоологам. Надо обязательно заняться более глубоким изучением этого вопроса. Судя по тому, как легко вам предоставили лошадей для никому здесь не известного ученого из далекой чужой страны, этот обычай в его культурно-историческом аспекте имеет огромное значение в современном быту. Не менее удивительно и то, что обычай этот прижился именно в Аргентине — ведь во многих отношениях эта страна очень закрыта для чужеродного влияния. Особенно в том, что касается сохранения останков древних живых существ, но это, надо сказать, к счастью для науки. Под этими существами я, кстати, в данном случае имею в виду не только мастодонтов и мегатериев, но и человека третичного периода. Уважаемый господин капитан, скажите, а не приходилось ли вам когда-нибудь прежде встречать в пампе, ну если не кости человека третичного периода, то хотя бы следы его стоянок?

— Третичного периода? Стоянок? — ошарашенно переспросил капитан. — Может быть, господин полковник будет настолько любезен, что разъяснит мне, кого именно он подразумевает под человеком третичного периода?

— О, простите мне, капитан, мою забывчивость, ради Бога! Я как-то все время упускаю из виду, что большинство людей ничего не знает о древней истории Земли. Поясню поэтому кое-что специально для вас вкратце. Уже довольно давно в пластах земной коры древнего происхождения были найдены доказательства того, что доисторический человек был знаком с огнем и пользовался каменными орудиями труда. Потом обнаружили три хорошо сохранившихся человеческих скелета. Можно смело утверждать, что эти люди жили именно в третичный период,

поскольку их позвоночник состоит из тринадцати позвонков, в то время как у «гомо сапиенс», человека разумного, то есть у нас с вами, их только двенадцать. А через несколько десятков тысячелетий у человека может оказаться еще меньше позвонков, что, кстати, лично меня нисколько не удивит.

— А из этого следует, — вставил свое слово Фриц солидно, — что еще позднее бедняга человек может и вовсе лишиться всех своих костей. Безвозвратно. Какая будет утрата!

— А ты знаешь, я не стал бы отрицать право подобной гипотезы на существование, — поддержал его доктор, не раскусивший лукавства своего слуги. — Изменения в образе жизни человека идут поистине страшными темпами, иногда скачкообразно. Мы пока не улавливаем этой закономерности, потому не можем представить себе в полной мере, какие последствия может вызвать этот процесс. В доказательство права этой гипотезы на существование могу привести в качестве примера строение коренных зубов пещерного медведя. Вы видели их когда-нибудь, мой друг? — обратился вдруг ученый к капитану, начисто забыв во время своей краткой популярной лекции, где находится и с кем разговаривает.

— Нет, мне не приходилось видеть зубы медведя, — ответил после некоторого замешательства вконец растерявшийся капитан.

— Эти зубы, а особенно коренные, по-своему...

И тут доктор вынужден был прерваться. Вошли солдаты, которые внесли его багаж. Он быстро развязал тюк с книгами, проверил, все ли они на месте. Капитан взял одну из книг и начал рассеянно ее перелистывать. Ученый труд, который он держал в руках, назывался «Древние формы жизни в пампе». На форзаце книги было каллиграфически выведено: «Доктор Моргенштерн. Ютербогк». Заинтригованный капитан открыл вторую книгу уже специально на форзаце, увидев ту же надпись, оживился. Схватил и раскрыл на форзаце третью, четвертую, пятую книгу... Сомнений не оставалось: все эти книги были узко специального назначения, и они могли принадлежать только одному человеку, а именно тому, кто только что продемонстрировал свою ученость, кто сам просил называть его именем, обозначенным на книгах, и кого он считал до этой минуты полковником Глотино. Капитан почувствовал, как внутри у него все похолодело. Он спросил:

— Как вас по имени, сеньор... зоолог?

— Доктор Моргенштерн из Ютербогка.

— И это... ваше подлинное имя? — Капитан сглотнул слюну от волнения.

— Разумеется.

— И вы можете это доказать?

— Нет ничего легче. Я покажу вам свой паспорт.

— На стол его! Немедленно! — заорал капитан. У него сдали нервы. Трясущимися руками он взял паспорт доктора, внимательно изучил его и отшвырнул с презрением. Куда только подевалась его недавняя несколько приторная любезность — теперь он больше всего напоминал игрока, сделавшего крупную ставку в рискованной игре, но проигравшегося в пух и прах. — Какая наглость! Но и какое сходство! Просто невероятно! Мошенники! — Он уже почти вопил, как базарная торговка.

— Мошенники? Это вы про нас-то? Сеньор, не соблаговолите вы в таком случае объяснить, на каком основании вы делаете это заявление? Мне кажется, что никаких оснований, «инанитер», как сказали бы древние римляне, у вас на это все-таки нет!

— Послушайте вы, как вас там, лучше оставьте меня в покое с вашими римлянами. Не понимаю, какое вы вообще имеете к ним отношение, если у вас в паспорте черным по белому написано, что вы немец! И как вы посмели выдавать себя за полковника Глотино, родственника самого генерала Митре?

— Как я посмел выдавать себя за полковника? — От возмущения доктор Моргенштерн даже подскочил на месте. — Нет, это я должен вас спросить: как это вы посмели обвинять подданного Германии во лжи без всякого к тому повода? Если вы приняли меня за кого-то другого, то это — ваша ошибка, а я тут ни при чем.

— Да замолчите же вы наконец! Я имею полное право арестовать вас!

— Охотно верю, что сделать это вы сможете, но оправдаться потом за свою глупость — вряд ли. Немца нельзя брать под стражу просто так, потому, что кому-то он, видите ли, показался несимпатичным. За это вам придется ответить по всей строгости закона!

— Ваши претензии смешны и неуместны! Я вас поил-кормил, мои люди достали для вас лошадей, а теперь выясняется, что вы — всего-навсего какой-то гринго, немецкий книжный червь, которого черт случайно занес в Санта-Фе!

Доктор Моргенштерн густо, как мальчишка, уличенный в мелкой краже, покраснел, но от ответного выпада на этот раз воздержался. И тогда в разговор вмешался Фриц, уже давно порывавшийся сделать это.

— Советую вам, сеньор, быть поаккуратнее в выражениях, иначе вам придется выслушать обстоятельное и, я полагаю, утомительное для вас объяснение, как следует держать себя с известным немецким ученым,

которого вы походя назвали «гринго» и «книжным червем». А пока я скажу только, что он не из тех людей, которые живут — только небо копят!

— Это вы кого имеете в виду? — вскипел лейтенант, явно принявший последний пассаж Фрица на свой счет.

— Кого я имею в виду, того и имею. Но если вам показалось, что эти слова относятся к вам, то разубеждать вас не буду. Я хочу сказать о другом: меня удивляет, как это вы, капитан, опускаетесь до того, что унижаете собственное офицерское достоинство какими-то мелочными претензиями относительно того, что мы тут у вас съели и выпили. Неужели вы думаете, что мы не в состоянии оплатить счет за ваше угощение? А лошадей вы можете вернуть, мы купим себе других. Итак, будьте любезны, сеньор капитан, назовите мне, пожалуйста, сумму, которая причитается с нас за обед. Кстати, имейте в виду: с вином вас, мягко говоря, надули — это не бордо, это бурда какая-то! Уж не знаю, из чего ваши местные умельцы ее варганят, но она ужасна и с настоящим благородным бордо ничего общего не имеет.

Фриц достал из кармана кошелек и начал, намеренно не торопясь, с демонстративной тщательностью пересчитывать деньги, которые были в нем. Капитан побледнел, на скулах его заходили желваки. Его душила ярость.

— Что? Ты, видно, сильно не в себе, малый, если думаешь, что я приму деньги от какого-то ничтожного лакея! — Капитан опять орал самым вульгарным образом.

— Это кто это тут ничтожный лакей? — не давал ему спуска Фриц. — Ах, это вы ко мне так обращаетесь? Извините, сеньор, не по адресу! Меня зовут Фриц Кизеветтер, и я — да будет вам известно, пруссак. Неужели вам никогда никто не объяснял, что для того, чтобы перейти с пруссаком на «ты», сначала нужно выпить с ним на брудершафт. Но у меня, знаете, почему-то не возникает желания пить с вами на брудершафт, так что, будьте настолько любезны, перестаньте мне «тыкать», сеньор капитан!

— Скажите, какая важная персона нашлась! Да вот я сейчас возьму и прикажу своим солдатам взгреть тебя так, чтобы еще целый год твоя спина отливала синевой. И будь уверен, они это сделают!

— Да только попробуйте! Я — подданный короля Пруссии. Его влияние простирается достаточно далеко для того, чтобы найти вас где угодно и примерно наказать за недостаточно уважительное отношение ко мне.

Но эти слова только подлили масла в огонь. Офицер распахнул дверь и выкрикнул в коридор:

— Эй кто-нибудь, идите сюда! Возьмите этого негодяя за шкуру и выкиньте его отсюда. Не миндальничайте с ним. Чем больше синяков он получит, тем лучше!

Солдаты переглянулись между собой. Они ничего не понимали. Всего какой-то час назад на их глазах капитан вел себя заискивающе с этими странными маленькими гаучо, что называется, смотрел им в рот, и вдруг такая перемена... Воспользовавшись их замешательством, Фриц быстро выхватил из-за пояса револьвер и, проведя его дулом широкую дугу в воздухе, сказал:

— Не беспокойтесь понапрасну, высокочтимые сеньоры, я хоть и люблю, когда со мной обращаются вежливо, но не до такой же степени! Меня не надо сопровождать. Фриц Кизеветтер привык обходиться без почетного эскорта. — Повернувшись к солдатам спиной, он спокойно продолжил, обращаясь уже к своему хозяину: — Пойдемте отсюда, герр доктор. — И взвалил себе на плечи тюк с инструментами.

Казалось невероятным, как такой маленький человек мог поднять такую тяжесть. Солдаты невольно почувствовали уважение к нему и расступились. Но капитан прикрикнул на них:

— Вы что, олухи небесные? Вам же было приказано вытолкать его отсюда! А во дворе арестуйте его!

На этот раз солдаты послушались своего командира. А тот с торжествующим видом повернулся к доктору и заговорил со злой иронией в голосе:

— Ну как, сеньор, теперь, я надеюсь, вы убедились, что с аргентинским офицером всякие мошеннические фокусы даром не проходят? Мне, знаете, что еще сейчас очень интересно: а что вы станете делать, если я прикажу арестовать и вас тоже?

Доктор Моргенштерн ответил ему с олимпийским спокойствием:

— Обращусь через посла моего монарха к вашему президенту, и тогда под арест пойдете уже вы, а не я. Но ничего, слишком сильно по этому поводу не огорчайтесь — ведь в результате полученного урока вы, наконец, научитесь хорошим манерам.

— А вам не кажется, сеньор зоолог, что вы слишком много себе позволяете? — с тихим бешенством произнес капитан.

— Не кажется. Я позволяю себе ровно столько, сколько требуют от меня обстоятельства и позволяет мне мое положение.

— Насчет вашего положения вы определенно заблуждаетесь. В таком случае я должен просветить вас на сей счет: положение ваше сейчас, прямо скажем, очень незавидно.

— А ваше еще менее того. Офицер, арестовывающий человека, к которому еще совсем недавно он обращался «господин полковник», по моему, должен опасаться со стороны своего начальства упреков в потере бдительности, что, насколько мне известно, в армии любой страны считается позором, если не преступлением.

На последнем слове он сделал первый шаг и, уже не глядя на капитана, вернее, глядя перед собой так, словно в комнате, кроме него самого, вообще никого не было, двинулся к двери. Со двора доносились шум и крики. С верхних ступеней наружной лестницы ученый сразу увидел клубок из человеческих тел во дворе крепости, в центре которого, словно ядро, вращалось тело его слуги в красном пончо. Доктор бросился ему на помощь, но еще раньше Фриц как-то изловчился и вытащил из-за своего пояса револьвер и навел его на солдат. Они отступили на пару шагов, но окружили его кольцом. Маленький и юркий, немец, вращаясь вокруг собственной оси, не опускал револьвера... Но еще секунда, две, три, и кто-то из солдат обязательно подловит тот краткий миг, когда Фрица можно будет сбить с ног. Но тут он сам предоставил им такой шанс — неожиданно споткнулся и упал... И сразу образовалась куча мала. Моргенштерн, не раздумывая, снял ружье со своего плеча и ударил одного из солдат прикладом по голове. Тот повалился на землю с остекленевшими глазами.

— Быстро все назад! — прокричал доктор. — Я — полковник Глотино. Капитану плохо. Приказываю вам: немедленно окажите ему помощь и приведите к нему врача!

Хитрость сработала. Солдаты бросились кто за врачом, кто «на помощь» капитану, не забыв, однако, на прощание дать Фрицу несколько тумаков. Пошатываясь и морщась от боли, он медленно встал на ноги и сказал:

— И это, называется, воины! Тридцать на одного, да у меня еще и такой большой тюк за спиной был!

— Они тебя не покалечили? — с беспокойством спросил ученый, как только они вышли за ворота крепости.

— Не знаю... Но руки-ноги вроде бы двигаются... Ох, ну и мужланы! Представляете: я им спокойно говорю: «Пропустите, а то буду стрелять», а они меня взяли и вышвырнули на эту железную лестницу, будь она неладна. Все ее ступеньки ребрами пересчитал. Черт! Даже искры из глаз посыпались...

— Хорошо еще, что обошлось только этим. Надо признать, мы сами отчасти виноваты во всем, что тут случилось. Ну разве это не глупость — выступать в чужой роли? Ну ладно, сделанного уже не исправишь, а что

нам дальше делать, как думаешь? Ты можешь что-нибудь предложить?

— Пойдемте в какой-нибудь отель. Там отдохнем, а заодно и обдумаем, что нам делать дальше.

— А разве в этом городке есть отели?

— Очень может быть. В Аргентине полно, знаете ли, отелей всяких сортов. Правда, в здешних комфорт, я думаю, такой, знаете... как бы это поточнее выразиться, а вот: доисторический...

Доктор Моргенштерн улыбнулся. Фриц же продолжил свою остроту:

— Не исключено, что мы там что-нибудь и раскопаем.

И они действительно очень скоро совсем недалеко от крепости наткнулись на неказистый домишко, на котором, однако, гордо красовалась вывеска с надписью: «Гостиница для приезжих». Дом словно врос в землю: низкая, широкая дверь вела в полуподвальное помещение без окон, на месте которых были лишь две заложенные кирпичом оконные ниши. Из-за глухого забора за домом доносились лошадиное ржание и перестук копыт.

— Знаешь, Фриц, — задумчиво сказал ученый, — что-то мне не особенно нравится этот отель, по-моему, он больше похож на какой-то подозрительный притон или, в лучшем случае, ночлежку для бродяг.

— Это так, — согласился Фриц, — но разве вам не кажется, что здесь очень многие дома напоминают притоны?

— Что ж, ты прав, пожалуй, а раз так, рискнем!

И они вошли в дом. Внутри него была всего одна плохо освещенная комната. Столов и стульев в ней видно не было. На полу лежали соломенные маты. Кое-где стояли низкие скамеечки. На одной из таких скамеечек сидел хозяин гостиницы, чрезвычайно худой и грязный человек неопределенного возраста, по виду настоящий разбойник с большой дороги. Однако он довольно любезным тоном осведомился о том, чего желают сеньоры. Фриц, опустив свой тюк на глинобитный пол, сказал:

— Нам нужны четыре лошади, две верховых и две вьючных.

— Вы хотите взять их в аренду?

— Нет, купить.

— А куда направляются сеньоры?

— В Гран-Чако. Далее — на Тукуман, а может, и еще дальше.

— У меня есть прекрасные лошади на продажу. Будьте добры, подойдите сюда! — И он жестом пригласил немцев к двери, ведущей во двор.

— Сеньоры! — раздалось вдруг у них за спиной.

Они обернулись. В одном из углов комнаты с мата поднимался человек, которого они поначалу не заметили, потому, наверное, что он спал.

— Я слышал, вы направляетесь в Гран-Чако, — продолжил незнакомец. — Вы позволите в связи с этим дать мне вам несколько советов?

— Охотно, — ответил приват-доцент, разглядывая неожиданно появившегося доброхота.

Самым забавным было то, что одет он был почти так же, как доктор и его слуга, то есть как гаучо, причем в его одежде красный цвет тоже превалировал над остальными цветами. Только сапоги у него были другого типа — с высокими голенищами и очень прочные, судя по их виду. В остальном же этот человек был полной противоположностью хрупкому, тонкокостному зоологу. Что же касается его лица, то его у него как бы и не было, хорошо разглядеть на нем можно было только нос и глаза. Густая черная борода покрывала сплошь его щеки и подбородок. На голове незнакомца красовалась широкополая шляпа, из-под которой виднелся платок, концы которого свешивались на спину. В общем, он показался доктору не очень симпатичным.

Расправив затекшие после сна на жестком, тонком мате широкие плечи, незнакомец продолжил:

— Откуда вы прибыли, сеньоры?

— Из Буэнос-Айреса.

— Вы аргентинцы?

— Нет, — ответил приват-доцент, — мы иностранцы[^] я — зоолог по специальности, а в Гран-Чако направляюсь для того, чтобы заняться там поисками скелетов доисторических животных.

— Вот как! Может, вы имеете в виду мастодонтов?

— Да, я надеюсь найти их останки.

— А останки мегатериев?

— Тоже. Но откуда вам известно о том, что когда-то на Земле существовали такие животные?

— Я в некотором роде ваш коллега, сеньор.

— Вы ученый? — обрадовался доктор. — И может быть, даже зоолог?

— М-м-м. Пожалуй, меня можно назвать отчасти и зоологом, потому что вообще-то я хирург, а человек отчасти — животное, во всяком случае, по строению его скелета. Кстати, мое имя довольно известно в этой стране. Позвольте представиться: доктор Пармесан-Руис-дель-Ибериоде-Сагрунна-и-Кастельгардь-анте!

— Очень, очень приятно! А я — доктор Моргенштерн из Германии. Моего слугу зовут Фриц Кизеветтер.

— Прекрасные имена — хорошо звучат и легко запоминаются. А мое

полное имя такое длинное потому, что я, как вы, наверное, уже догадались, сеньоры — потомок древнего кастильского рода. Скажите, пожалуйста, — продолжил он без всякой связи с предыдущей фразой, — а что вы думаете по поводу ампутации ноги способом, при котором удаляются сначала мягкие ткани, а потом головка бедренной кости из ямки тазобедренного сустава?

— Головка бедренной кости... — стал рыться в своей бездонной памяти Моргенштерн и через минуту обрадованно воскликнул: — «Ос феморис» вы имеете в виду, не так ли? А таз по-латыни будет «пельвис»! Но я все же не совсем понимаю вас, коллега... Что случилось с этим человеком, которому вы хотите ампутировать ногу? Он что, тяжело ранен или травмирован? Или у него уже началась гангрена?

— С человеком все в порядке, и обе ноги у него вполне здоровы.

— Тогда позвольте мне еще раз спросить вас: а зачем, собственно, нужно отнимать у него ногу, в таком случае? — продолжал недоумевать совершенно ничего не понимавший доктор Моргенштерн.

— Что за вопрос, коллега! Да я же имею в виду вовсе не какого-то конкретного человека, а некий, так сказать, абстрактный индивидуум. С абстрактным человеком может произойти все, что угодно, и, кстати, случай, который я подразумевал, вполне вероятен. Так как вы думаете: я обладаю для проведения этой операции необходимым мастерством?

— Я даже уверен в этом, сеньор, несмотря на то, что еще не видел вас в деле. Но я, честно говоря, вздохнул с большим облегчением, когда узнал, что вы имеете в виду абстрактного, а не конкретного человека, потому что сначала мне показалось, что вы хотите, чтобы я ассистировал вам в процессе ампутации ноги у несчастного.

— В этом нет никакой необходимости. Я умею ампутировать любые конечности так быстро, что пациенты не успевают даже опомниться.

Произнося последние слова, он начал так активно жестикулировать, имитируя технику ампутации, что доктор Моргенштерн невольно в испуге отшатнулся и пробормотал не совсем уверенно:

— Я здоров... У меня ничего не болит... Мне не требуется ампутация ни ног, ни рук.

— Жаль, жаль. Очень жаль, что вы не ранены и у вас нет ни единого перелома. Вы, без сомнения, получили бы большое удовольствие от знакомства с искусством, с которым я умею освобождать человека от любой части его тела, когда она становится непригодной для дальнейшей эксплуатации. Инструменты всегда при мне. Значит, по поводу моего метода ампутации ноги вы ничего не можете сказать? Ну ладно. Но может

быть, у вас есть какие-то мысли по поводу методов удаления плечевого сустава? Вам приходилось когда-нибудь присутствовать при подобной операции?

Приват-доцент почувствовал, что ему становится дурно, но через силу все-таки ответил:

— Нет. И я хочу заверить вас, что оба моих плеча, так же как и я сам, не нуждаются в хирургическом вмешательстве.

— Я разочарован и огорчен, коллега. Хотя вы и ученый, но, оказывается, не способны пожертвовать собой во имя науки.

— Сеньор, я несколько не сомневаюсь, что вам блестяще удаются любые операции, но, к сожалению, я не располагаю временем для продолжения беседы на эту интереснейшую медицинскую тему. Мне еще требуется найти сильных и выносливых лошадей для длительного и трудного путешествия в горах, и если я не подберу их из тех животных, что предлагает нам хозяин этой гостиницы, вынужден буду немедленно отправиться на поиски лошадей куда-нибудь еще...

— Вам очень повезло, — перебил его хирург, — что вы встретили здесь меня. Я помогу вам найти отличных лошадей. Мне и самому сейчас тоже нужна крепкая лошадка, так что наши интересы на сегодня все-таки совпадают, хотя, к сожалению, и не во взглядах на хирургию.

— И у кого же в Санта-Фе вы собираетесь купить лошадей?

— Не в самом Санта-Фе, здесь хороших лошадей, или, скажем так, настолько хороших, чтобы устроили вас, нет. Но совсем недалеко от города, примерно в полчасе ходьбы, есть одна небольшая эстансия [\[27\]](#), на которой водятся отличные лошадки.

Доктор Моргенштерн опустил глаза на свои специфические «сапоги» и сказал:

— Нет, так далеко идти пешком нам будет очень тяжело. А как еще можно туда попасть?

— А мы поедem верхом. Возьмем у хозяина гостиницы четырех лошадей на время и еще попросим, чтобы он предоставил нам в сопровождение одного своего слугу, который потом и приведет лошадей обратно.

— Так поехали сейчас же в это поместье.

— Подождите! К чему такая спешка? Покупкой лошадей мы вполне можем заняться завтра с утра. Дело в том, что самого эстансьеро сейчас нет в поместье, он отъехал ненадолго по делам и вернется домой, как мне известно, только сегодня к вечеру.

— Ну тогда я поищу лошадей в другом месте.

— Но скелеты ваших любимых мастодонтов и мегатериев никуда не сбегут за один день, раз уж до сих пор преспокойно пролежали непотревоженными в земле.

— Дело не в этом. Мне нужно поскорее добраться до лагуны Поронгос, где в данный момент находится одна экспедиция, в которой я тоже хочу участвовать.

Хирург насторожился.

— Это какую же, интересно знать, экспедицию вы имеете в виду? Постойте, постойте... Уж не экспедицию ли Отца-Ягуара с его спутниками?

— Его, — удивился в свою очередь доктор Моргенштерн. — А вы знаете этого замечательного человека?

— Еще бы! Как самого себя! И вхожу в ту компанию, которую он собрал на этот раз. Мы все должны были встретиться здесь, в Санта-Фе, но мне пришлось немного задержаться в Пуэрто-Антонио, и я, к сожалению, опоздал — они уже уехали отсюда.

Доктор Моргенштерн, начавший уже немного побаиваться не в меру экспансивного врача, теперь обрадовался такому совпадению и спросил:

— Вы надеетесь догнать экспедицию Отца-Ягуара?

— А что тут сложного? Я же хорошо знаю маршрут, которым они собираются следовать.

— О! В таком случае, не возьмете ли вы и нас с моим слугой в компанию?

— Присоединяйтесь, пожалуйста, сеньор. Вы, кажется, только что посетовали на то, что никогда еще не видели меня в деле? Я рад за вас: теперь такая возможность у вас будет. Наш путь пройдет по диким и глухим местам, где хозяйничают воинственные индейцы, которые любят нападать исподтишка, и уж тогда наверняка не обойдется без того, чтобы кому-нибудь не пришлось бы ампутировать руку или ногу.

Приват-доцент снова внутренне непроизвольно содрогнулся при этих словах, которые, несомненно, расценил бы как циничные, не будь они произнесены столь простодушно-хвастливым тоном.

— Хорошо, я тоже очень этому рад, — ответил он хирургу. — Мы, пожалуй, подождем с покупкой лошадей до завтра. Но что мы будем делать до этого? И где остановимся?

— Ну где же, как не в самом поместье? Уверяю вас, там вам очень понравится: нас радушно встретят, отлично накормят, напоят и угостят неплохими сигаретами.

— Все это прекрасно, но я не курю, сеньор.

— Как! Неужели совсем не курите? Ну так знайте, что в этих местах вы — просто какая-то белая ворона. Во всяком случае, в отношении курения. Здесь курят все, независимо от возраста и пола, — мужчины, женщины, старики, старухи, дети и даже, кажется, младенцы в люльках. А можно узнать, почему вы, сеньор, не курите?

— Потому что опасаюсь никотинового отравления организма.

— Тогда у вас должна быть какая-то другая слабость. Ага, я догадался: вы, наверное, гурман, не жалеете денег для услады желудка. А я не могу без курева, привык. Оно успокаивает мои нервы, помогает восстанавливать силы, когда я устаю, вдохновляет, когда я никак не могу на что-то решиться. — И со свойственной хирургу импульсивностью он тут же перескочил на другую тему: — У вас есть еще какие-нибудь дела в Санта-Фе, кроме покупки лошадей?

— Есть, к сожалению, — со вздохом ответил ученый. И рассказал хирургу вкратце о своих злоключениях в крепости, попросив дать ему немного времени, чтобы выручить книги, оставшиеся там.

— О книгах можете не беспокоиться, — успокоил его доктор Пармесан. — Я доставлю их вам.

— Как? Вы? Вы лично?

— А почему бы и нет? Если, конечно, вы заплатите мне за это, ну, скажем... два бумажных талера. Вы можете не сомневаться, дело выгорит, большинство солдат и офицеров в крепости — мои большие приятели.

В который уже раз этот странный человек поражал доктора Моргенштерна до глубины его существа. «Ничего себе аристократ, потомок древнего рода гордых кастильцев! — подумал приват-доцент, когда получивший „добро“ на сделку бородач удалился в сторону крепости. — За какие-то два несчастных талера не гнушается предлагать свои услуги в качестве посыльного, как какой-нибудь прощелыга. Конечно, каждый человек имеет определенное право на свои причуды, и у кого, положила руку на сердце, их нет, но чтобы так чудить... «

Хирург действительно очень скоро появился в гостинице со связкой книг. А выполнив свое обещание, тут же исчез снова, чтобы купить табак для изготовления самодельных сигарет.

Хозяин гостиницы охотно за скромную плату предоставил в распоряжение трех «гаучо» лошадей и одного из своих слуг, и вскоре четверка всадников выехала в сторону эстанции, на которой «водились замечательные лошадки». И вновь, в который уже раз за сегодняшний день, хирург поразил приват-доцента. На всем протяжении улиц городка дети, едва завидев черную бороду дона Пармесана, тут же бросались

врассыпную с криками: «Отрезатель мяса! Отрезатель мяса едет! Бегите все, а то он вам что-нибудь ампутирует!» В любых странах дети ведут себя подобным образом при приближении городского сумасшедшего: и ругаются, и одновременно дразнят его. Но эти выкрики на хирурга действовали почему-то так же, как крики «Браво!» на тщеславного тореадора. Он высоко задрал свой бородатый подбородок и, весь исполненный чувства собственного достоинства, сказал доктору Моргенштерну многозначительно:

— Слышите, сеньор? Вот оно, подтверждение моей широкой известности в этой стране. Народ знает своих лучших людей.

Хотя относительно того, что такое настоящая слава, у доктора Пармесана были более чем своеобразные понятия, но что касается особого пристрастия местных жителей к табаку, то тут он нисколько не преувеличивал. В пампе на самом деле редко встретишь человека без сигареты в углу рта, если только он в этот момент не несетя во весь опор на лошади, ест или спит, — кажется, только в этих и еще всего нескольких жизненных ситуациях сигарета исключается, а в остальных она неизменно украшает собой лицо жителя пампы. Пока добирались до эстансии, доктор Моргенштерн смог вполне в этом убедиться.

Что же касается поместья, то и оно оказалось в точности таким, как говорил о нем хирург, — небольшим, но способным предоставить отличных лошадей хоть для целого кавалерийского эскадрона.

Глава V

НА ЭСТАНСИИ

Каждый, кому приходилось когда-нибудь путешествовать по аргентинской пампе, или кампо, как еще называют эти бескрайние травянистые равнины, плавно перетекающие одна в другую, хорошо знает, что там встречаются три основных разновидности усадеб, поместий, имений, хозяйств — можно называть их по-разному, в зависимости от того, какую конкретную роль выполняет данный островок жизнедеятельности человека в этих полудиких местах.

Итак, вид первый — так называемое ранчо. Я говорю «так называемое», потому что любой житель Северной Америки расхохотался бы во все горло при виде этих «ранчо», под этим словом он привык подразумевать нечто гораздо более добротное и основательное, хотя и совсем не обязательно богатое. В Аргентине же «ранчо» именуют небольшие хижины, крытые соломой или камышом. Очень часто стены этих домишек на несколько футов уходят в землю. Их обитатели слышали, конечно, кое-что о том, что в городах многие люди пользуются разной мебелью, но сами привыкли во всех случаях жизни обходиться маленькими скамеечками и гамаками. Свои нехитрые трапезы они готовят на очаге, выложенном из глины, потому что камни в пампе — большая редкость. Этому очагу не требуется никакого дымохода, его роль с успехом выполняют отверстия в стенах. Дыра побольше, начинающаяся от пола, — это вход, дыры поменьше и начинающиеся повыше — что-то вроде окон. Я говорю «вроде», потому что ни стекол, ни рам эти окна не имеют, разве что кто-нибудь приспособит промасленный лист бумаги вместо стекла, но такое здесь редко увидишь, подобные вещи в пампе расцениваются как глупое и ненужное излишество. Убогие жилища для бедных людей...

Самые бедные в пампе, а одновременно и самые большие ее труженики, — конечно, гаучо. Это слово попало в испанский язык из языка индейцев и произносится оно в Аргентине, вообще говоря, несколько по-иному, чем мы обычно это делаем, через небольшую паузу, вот так: «гаучо», с точки зрения правильности, так его надо бы и писать, но, как известно, слова порой живут по своим собственным законам, особенно при переходе из одного языка в другой. Приходится этим законам следовать. Итак, пишем без всяких пауз «гаучо», и все.

Аргентинские гаучо, как правило, метисы и чрезвычайно гордятся своим происхождением от сыновей далекой Испании, несмотря на то, что их затерявшиеся в глубине веков европейские предки, некогда полубившие прекрасных индейцев, не оставили своим южноамериканским потомкам ничего, часто даже собственного имени. Кроме несколько гипертрофированного чувства собственного достоинства, гаучо унаследовали от своих испанских предков, пожалуй, еще одно свойство человеческой природы, — необыкновенное, неукротимое свободолюбие. Эти два качества, соприкоснувшись друг с другом, создали в условиях крайней бедности характер независимый и вспыльчивый. Я имею в виду, конечно, его, так сказать, типические черты, свойственные одному человеку в большей степени, другому — в меньшей. Но, так или иначе, а все гаучо — очень гордые люди, именуют и себя и друг друга «кабальеро» [\[28\]](#), сами очень вежливы и невежливости по отношению к себе не выносят и не прощают. Тут стоит заметить, что в данном случае под вежливостью понимается не совсем, конечно, то же самое, что в Европе, но главное, что стоит усвоить, на всякий случай, — никогда не стоит с гаучо вести себя хотя бы в чем-то вызывающе. Самый распоследний оборванец, если он гаучо, обращается к другому не иначе, как «ваша милость», запросто вставляет в свою речь разные изысканные по форме словесные обороты, невзирая на недостаток, а то и вовсе отсутствие образования. Парадокс, но это так. Те из европейцев, кто вздумает относиться к этим людям «по одежке», совершат огромную ошибку. Если вы тоже придерживаетесь этого ошибочного правила при знакомстве с новыми людьми, то рискуете, как минимум, услышать какую-нибудь грубость в свой адрес, к которой гаучо переходят от рафинированной вежливости так же легко и не раздумывая, как дают шпоры своим лошадям. А если уж гаучо, разгневавшись, перешел с вами на язык проклятий, то, учтите, тут и до удара ножом недалеко. Надеюсь, чувство меры не откажет вам в подобной ситуации, если вы, не дай Бог, в ней случайно окажетесь. Помните: остановиться никогда не поздно, и гаучо вполне может оценить ваше великодушие и готовность прощать.

Если же вы с самого начала знакомства относитесь к этим людям с достаточным уважением и терпимостью, то вполне можете рассчитывать на... — нет, не простую любезность, а на гораздо большее — искреннюю доброжелательность, привязанность и даже, может быть, любовь. Гаучо могут стать вашими самыми верными друзьями на всю жизнь. В качестве примера расскажу одну небольшую историю. Один гаучо, настолько бедный, что у него в доме не было даже ни одной скамеечки, а в качестве

стула он использовал лошадиный череп, когда узнал, что у некоего путешественника-иностранца где-то в пампе выпали из кармана часы, и тот страшно огорчен, целый день скакал по округе от одного ранчо к другому и ко всем встречавшимся ему людям обращался с одним и тем же наивным вопросом: не попадались ли кому случайно на глаза часы в траве. Но самое удивительное, что часы он эти все-таки нашел, хотя это было настолько же маловероятно, как и обнаружить пресловутую иголку в не менее одиозном стоге сена. Видно, фортуна все же особо благоволит к людям, чистым душой. Рассеянный европеец тем временем уже махнул рукой на свою пропажу и почти совсем забыл о ней. Он был уже довольно далеко от того места, где обнаружил пропажу часов, и гаучо скакал целых два дня, чтобы догнать его. Когда же растроганный до глубины души путешественник попытался предложить этому бедняку денежное вознаграждение, тот, не произнеся в ответ ни слова, тут же резко развернулся и умчался обратно в пампу... Вот такая красивая и трогательная история.

С детства ездящие верхом, гаучо — искусные и неутомимые наездники. В этом они равны таким признанным всеми мастерами верховой езды, как вестмены и индейцы Северной Америки. Гаучо чаще всего можно найти в двух местах — или дома, или в седле, причем мальчика в седле можно искать лет так, примерно, с двух. А в более старшем возрасте девочки, выросшие на ранчо, очень часто не уступают своим сверстникам в умении держаться на лошади. Женщины пампы скачут так же залихватски, как и их мужья, сидя в седле на мужской манер. Нередко можно видеть, как семейная пара садится на одну лошадь вместе, но спинами друг к другу, лицо женщины при этом обращено назад, а сама она держится на лошади без всяких специальных для этого приспособлений. И вот в таком странном, на взгляд европейца, тандеме эти двое умудряются еще и мчаться галопом.

Но кое в чем гаучо заслуживают порицания. Например, они весьма жестоко обращаются со своими лошадьми. Гаучо ничего не стоит водрузить седло на израненную, больную спину лошади, да еще после этого резко дать ей шпоры. Лошадь надолго запоминает эту боль, и она просто безумеет, когда видит гаучо с лассо в руках. Даже еще не осознав, чем именно для нее чревата эта крутящаяся веревка, ясно понимает по угрожающей позе человека, что добра от него не жди. Если в результате яростного сопротивления животного гаучо в конце концов задушит петлей веревки лошадь, он не только ее не пожалеет, но даже из-за того, что его собственные усилия пропали даром, нисколько не огорчится. Табуны в пампе не считаны, и он совершенно равнодушно начнет отлов другой

лошади, оставив загубленную на съедение стервятникам. И если вам уже приходилось слышать о том, что пампа просто усеяна лошадиными скелетами, поверьте, это никакое не преувеличение — так оно и есть.

Жизнь однообразная, суровая, монотонная, отдаленность от школ и прочих очагов цивилизации, невозможность при таком образе жизни получить хотя бы элементарное образование, постоянное общение с полудикими животными, конечно, сказываются, на психологии и поведении гаучо. Тонкие материи ему непонятны и недоступны. И это, как я предполагаю, одна из причин того, что в Аргентине постоянно происходят то революции, то мятежи, а если и не происходят, то все равно идет какое-нибудь брожение, зреют заговоры, за которыми непременно следуют новые катаклизмы в жизни общества. Исходный же импульс этого брожения, если глубоко разобраться, — горячность и постоянная готовность гаучо при малейшем намеке на то, что его честь как-то задета, выхватить из-за пояса свой револьвер. И чем чаще это происходит, тем, естественно, быстрее и шире, вплоть до высших слоев общества, распространяется всякого рода нетерпимость к чужому мнению или действию. Вот и получается, что каждая очередная перетряска в правительстве, — не что иное, как вполне логичное завершение цепочки событий, начавшейся с угрожающего размахивания револьвером по любому поводу и вовсе без оно, хотя внешне пастух из пампы и государственный чиновник или армейский офицер вроде бы ничем между собой не связаны.

Однако я, кажется, увлекся. Пора, однако, после столь пространныго отступления о своеобразии гаучо как человеческого типа вернуться к нашей классификации поселений в пампе.

Итак, второй их вид — асиенда. Асьендеро — владельцы асиенд — занимаются земледелием и животноводством, изредка держат лошадиные табуны.

Третий вид — эстансия. Эстансьеро не занимаются земледелием совершенно. Их дело — разведение животных, и они — основные работодатели для гаучо. Стада самых богатых эстансьеро насчитывают иногда сотни тысяч голов крупного рогатого скота или лошадей, а также овец.

Круглый год, несмотря ни на какие погодные катаклизмы, эти животные пребывают под открытым небом. Границы между огромными по площади владениями в пампе никак не обозначаются, стада и табуны часто смешиваются. Поэтому все хозяева метят своих животных особым тавром. Изображение, аналогичное тому, что используется в качестве тавра, непременно украшает и ворота на эстансию как своего рода герб хозяина.

Такое изображение красовалось и на воротах эстансии, к которой подъехали наши герои — доктор Моргенштерн, его слуга Фриц, хирург дон Пармесан и слуга хозяина гостиницы из Санта-Фе.

Рядом с домом имелся корраль для животных, а за ним открывалась большая площадка, обсаженная высокими, с мощными стволами кактусами.

Быки и коровы, привыкшие к воле, словно понимают, а может, так оно и есть, что, если их загоняют в корраль, значит, должно произойти нечто из ряда вон выходящее. И, уверившись в этом, они отказываются подчиняться своим пастухам, а самые строптивые даже угрожают им своими рогами. Но на бунтовщиков есть управа — болас [\[29\]](#).

«Болас» называют метательный снаряд, состоящий из трех свинцовых или железных шаров. К каждому из них прикреплен прочный, длинный и в результате специальной обработки эластичный, как шелковая лента, кожаный ремень. Концы всех трех ремней связываются вместе. Гаучо берет один из шаров в левую руку, правой же, предварительно прицелившись, поочередно кидает два других в животное. Два первых шара увлекают за собой тот, что лежит у гаучо в левой руке, а он, уловив этот момент, придает третьему шару дополнительное ускорение и вращательное движение. Ремни закручиваются вокруг ног быка или лошади (а гаучо обычно метят в их задние ноги), и животное падает на землю.

Лошади и быки панически боятся болас, не меньше, чем лассо. Едва завидев эти шары в руках человека, они начинают с ужасающим топотом носиться вокруг яростно что-то орущего человека. Адская круговерть! Но всегда в стаде находится старый, опытный вожак, который предпочтет подчиниться человеку, чем рвать свои жилы. Вожак первым покорно направится в корраль, а за ним, растерянные, но все же повинующиеся стадному чувству, потянутся постепенно и остальные... Ворота корраля захлопываются, гаучо делает небольшой круг победителя.

Наши путешественники попали как раз к началу такого отлова быков. Для немцев все происходящее было чем-то вроде захватывающего циркового представления, и они следили за ним затаив дыхание. Только заперев ворота корраля, гаучо заметили наконец странную компанию. Гаучо, державшийся среди остальных как старший, выехал немного вперед по сравнению с остальными и, смеясь, воскликнул:

— О небо! Вы только посмотрите, кабальерос, кто к нам пожаловал! Сам сеньор мясник! Неужели вы, дон, вознамерились отрезать что-нибудь у нас? Но должен вас огорчить — все мы тут, как на грех, здоровы и бодры. Так что советую вам спрятать ваши инструменты подальше, целее будут!

Доктор Пармесан был задет за живое.

— Ваши шутки неуместны, ибо вы в моем лице имеете дело с истинным кабальеро! — раздраженно ответил он. — Мои предки жили в старинных фамильных замках в Кастилии и прославили наш род победами в сражениях с маврами, тогда как о ваших никто сейчас и не вспомнит. Перед вами дон Пармесан-Руис дель-Иберио-де-Сагрунна-и-Кастельгуардьанте! Запомните хорошенько это имя, ваша милость!

— Хорошо, хорошо, дон Пармесан, уже запомнил. Но я вовсе не желал вас обидеть. Вы же знаете, что на самом деле все мы здесь относимся к вам, как потомку древнего испанского рода, с большим уважением. Ну простите меня великодушно, если я неудачно пошутил!

— То-то же. Ну ладно. Искреннее раскаяние я не могу не принять и прощаю вас, поскольку мне известно, что вы способны по справедливости оценить мое профессиональное мастерство. Вы, конечно, помните, что при операции по трепанации черепа я применяю не круглый инструмент, как все прочие хирурги, а долото. А если речь идет об исцелении от рака, то, я считаю, не стоит терять время на лечение цикутой, наперстянкой и белладонной, а нужно как можно скорее прибегнуть к экстирпации [\[30\]](#). Скальпель в руки, и...

— Ради Бога, дон Пармесан, давайте поговорим об этом как-нибудь в другой раз! — взмолился гаучо. — Я и мои парни с большим удовольствием поучились бы у вас, да вот беда — у нас здесь нет хирургических скальпелей. Я вижу, на этот раз с вами прибыли еще два благородных сеньора, по отношению к которым было бы с нашей стороны, я думаю, неэтично углубляться в медицинские проблемы. Могу ли я просить вашу милость представить их нам?

— Сеньоры направляются в Гран-Чако, и мы только что познакомились. Они высокообразованные люди, но их имена... словом, они... трудно произносимы...

— Моя фамилия Моргенштерн, а фамилия моего спутника — Кизеветтер, — сказал приват-доцент. — Мы хотели бы купить у вас четырех лошадей и были бы очень рады, если бы вы предоставили нам такие экземпляры этих прекрасных животных, которые древние римляне называли «суперсум» или «реликвии».

— Ну что вы, сеньор, наши животные — отнюдь не реликвии, но эстансьеро, я думаю, охотно продаст вам нескольких лошадей. К большому сожалению, сейчас его нет, но к вечеру он должен вернуться домой. А пока его нет, здесь всем распоряжаюсь я. Предлагаю вам, сеньоры, чувствовать себя как дома. Сегодня мы собираемся клеймить скот. Если пожелаете,

можете принять участие в этом деле.

— Благодарю вас, — ответил ему доктор Моргенштерн, — мы присоединимся к вам с большим удовольствием. Мне лично еще ни разу в жизни не приходилось видеть, как клеймят скот, а тем более участвовать в этом.

— Но сначала я рекомендую вам заглянуть в дом хозяина. Там вас встретит мажордом, — сказал гаучо.

Приват-доцент велел слуге хозяина гостиницы возвращаться обратно в Санта-Фе вместе с лошадьми, и трое путешественников направились к дому хозяина эстансии. Навстречу им вышел приветливо улыбающийся человек, судя по всему, тот самый мажордом, и радушно предложил пройти в дом.

Хотя эстансьеро при таких, как у него, стадах не мог не быть состоятельным человеком, но тем не менее его жилище выглядело ничуть не более комфортабельно, чем жилище рядового немецкого рабочего, во всяком случае, та комната, в которую мажордом ввел гостей. Стены ее были абсолютно голы. Посреди комнаты стоял простой, грубо сколоченный стол, возраст которого, судя по потертостям и зазубринам на его крышке и ножках, исчислялся не одним десятилетием. Возле стола стояли два стула, похоже, годившиеся столу в дедушки, и несколько традиционных в аргентинских домах низких скамеечек — этот стол, стулья и скамеечки и составляли все убранство комнаты, если, конечно, не относить к нему гитару, прислоненную к стене в одном из углов. Гитара, по сравнению со всем остальным, была хороша, пожалуй, даже роскошна и потому выглядела в этом жилище аскета предметом случайным и чужеродным. Мажордом предложил гостям садиться и удалился на кухню дома, чтобы распорядиться насчет мате.

Мате — это так называемый парагвайский чай, растущий на склонах Гран-Чако. Употребляют его в виде порошка грубого помола, приготовляемого из листьев и стеблей *Plex paraguensis* [\[31\]](#). Маленькую щепотку этого порошка кладут в небольшой сосуд, выдолбленный из тыквы, — калebas и заливают кипятком. Этот чай не пьют, а тянут через специальную тонкую металлическую трубочку, называемую бомбильей. Бомбилья, естественно, сильно нагревается. С иностранцами, впервые пробующими этот своеобразный напиток, случается все время один и тот же казус: они обжигают себе губы и язык.

Все три гостя получили по калebasу с мате. Хирург начал потягивать его сразу, как только взял в руки, но делал он это с большой осторожностью, очень небольшими порциями, на что, к сожалению, доктор

Моргенштерн не обратил никакого внимания. Фриц предпочел не торопиться, давно зная, что горячий мате может обжечь рот, Он подумал, что надо предупредить об этом хозяина, но не успел это сделать, и доктор отдал традиционную для всех иностранцев дань мате: несмотря на то, что бомбилья была на ощупь очень горячей, сразу же и резко потянул из нее незнакомый напиток... Что он почувствовал, может представить себе каждый, кто пробовал хотя бы раз какую-нибудь жидкость, подогретую до восьмидесяти градусов по Реамюру [32]. Словом, уже через секунду доктор Моргенштерн обжег себе язык и гортань... С огромным трудом ворочая языком, он простонал:

— Боже праведный, мои губы, небо, глотка, по-латыни «лабиа»... Это же адский напиток, им только грешников в преисподней пытаться...

— То же самое примерно сказал и я, когда в первый раз попробовал мате, — резонерски заметил Фриц. — Дело в том, что вы слишком сильно втянули в себя воздух из бомбильи. Но ничего страшного, герр доктор, скоро ваш желудок успокоится, в нем установятся нормальные давление и температура, и вы сможете продолжать пить чай.

— Да ты что? Продолжать пить? Моя глотка горит огнем!

Бесполезно было уговаривать доктора сделать еще хотя бы несколько глотков мате. Пожав плечами, Фриц и хирург спокойно допили парагвайский чай из своих калebas. Мажордом пригласил гостей пройти к корралю, где все уже было готово к началу родео [33]. Дон Пармесан снял с себя все, что было на нем красного цвета — пончо, чирипу и головной платок. Доктор Моргенштерн на этот раз внимательно наблюдал за ним и спросил:

— Позвольте поинтересоваться, сеньор, зачем вы это делаете?

— Как! Разве вы этого не знаете? Тому, кто в красном, нельзя приближаться к быкам. Этот цвет приводит их в бешенство.

— Вы так полагаете? Относительно воздействия красного цвета на животных наукой доказано лишь то, что он вызывает идиосинкразию [34] у индюков. Но утверждение, что он якобы так же действует и на быков, опровергнуто многими зоологами. Поскольку я тоже зоолог и на мне сейчас надето много красного, то я смогу экспериментально проверить, правы они или нет.

— Но, сеньор, — возразил хирург, — это же очень опасно!

— Истинного исследователя не должны волновать подобные соображения. Я ничего с себя не сниму, — не сдался ученый.

— И я тоже, — не менее решительно заявил Фриц. — Будучи слугой

зоолога, я и сам чувствую себя немного зоологом

Было непонятно, шутит он, по своему обыкновению, или говорит серьезно, но более всего это походило на искреннее желание поддержать доктора. Мажордом имел особое мнение по этому спорному для науки вопросу, но не считал нужным его высказывать. Итак, пришло время идти к корралю.

Кроме ворот, через которые в него загоняли скот, он имел еще один вход — узенькую калитку, в которую едва мог протиснуться один человек. Ею и воспользовались гости эстансии. Мажордом остался за изгородью.

Родео было в полном разгаре. Большинство животных сбилось в одном месте и испуганно жалось к изгороди в наиболее удаленной от людей части корраля. Бычки и телочки, которые, собственно, и были предметом внимания гаучо, по глупой своей молодой задиристости сами выбегали на свободное пространство. Каждое животное, на боку которого следовало выжечь тавро, сначала нужно было поймать и спутать его ноги так, чтобы оно не смогло оказывать никакого сопротивления во время варварской, иначе не скажешь, но необходимой процедуры. Отловом занимались, как всегда на этой эстансии, пятеро наиболее ловких гаучо, так сказать, специалисты в этом деле. Остальные поддерживали огонь в костре и раскаляли над ним клейма.

Все шло свои чередом. Бычка со спутанными ногами сначала отгоняли от его собратьев, потом накидывали петлю лассо ему на рога и подтаскивали поближе к огню, здесь один из гаучо накидывал еще одно лассо на голову животному. При этой операции особенно важны меткий глаз и уверенная рука, веревка должна обвить шею животного таким образом, чтобы у него перехватило дыхание. Как только этот момент наступает, четверо остальных ловцов подсакивают к поверженному животному и старательно связывают ему ноги. Потом все они садятся на лошадей и разъезжаются в разные стороны. Концы лассо прикрепляются к их седлам, так что путы, сдерживающие бычка, натягиваются до предела и не дают ему пошевелить ни единым мускулом.

И тут появляется главное действующее лицо этой драмы, в роли, конечно же, злодея — с раскаленным клеймом на длинной металлической ручке. Мгновение спустя, когда над шкурой животного на левой задней ноге начинает куриться дымок от сожженных мяса и шерсти — зримое выражение страданий бычка, — его наконец отпускают... Он ревет от ужаса и боли, но, сделав несколько кругов, начинает понемногу понимать, что безопаснее всего быть со стадом, и бежит к нему. Какой горькой ценой дается опыт!

Процедура клеймения проходит далеко не всегда как по маслу.

Иногда веревка ляжет не слишком-то плотно на шею бычка, или он вдруг неожиданно как-то особенно сильно взбрыкнет и вырвется. Тут уж не зевай, смотри в оба. И снова идут в ход лассо и болас.

Фриц воспринимал все происходящее на родео, как азартный спортивный болельщик. В один из кульминационных моментов родео он поделился своими эмоциями с хозяином:

— Это здорово! Я тоже мог бы так. А вы, герр доктор?

— Я не могу ответить на этот вопрос с точностью, — задумчиво произнес доктор Моргенштерн. — У меня нет подобного опыта, и я не имею никакого морального права что-либо утверждать или отрицать в связи с этим. Впрочем, я готов, как говорил уже, провести эксперимент с этими жвачными животными — выяснить наконец для науки, насколько правы или, скорее, не правы те, кто утверждает, что быков раздражает красный цвет, как тут недавно говорилось. Фриц, ты сможешь мне в проведении этого эксперимента?

— Охотно, если они не покалечат меня.

— Можешь быть совершенно спокоен на этот счет.

— Да? Но я еще не забыл того бизона, что на корриде молотил своими рогами всех подряд.

— Так ведь это был бизонус американус, а тут мы видим перед собой совершенно другой вид животного, хотя и того же отряда. Я предлагаю следующий план: одеты мы с тобой одинаково, на нас обоих много красного, поэтому один из нас, допустим, я, подходит к быку, а ты — к корове. Таким образом мы и выясним, кто из них реагирует на красный цвет — генус мускулиnum ^[35] или генус фемининум ^[36].

— А что мне делать, если вдруг мой генус разозлится?

— Такое вряд ли может случиться. У этого вида жвачных животных самец гораздо злее самки. Итак, ты готов начать эксперимент?

— Да, я помогу вам решить эту зоологическую загадку.

— Знаешь, в данном случае более правомерно говорить не о зоологии, а о зоопсихологии,

И немцы, не предупредив никого о своих намерениях, один за другим вышли из-за ограды возле костра, на котором гаучо раскаляли свои клейма. Фриц сразу же, как они условились, направился к корове, уже освобожденной от пут.

— Назад! Назад! — во всю силу своих легких закричали гаучо.

Но Фриц все равно не остановился. И, подойдя к корове совсем близко, метнул в нее лассо. Она равнодушно посмотрела на него своими

прекрасными глазами с поволокой, и он ей не понравился... Корова выставила свои рога вперед, как перед нападением, крутанула головой, как бы объявляя ультиматум, и... унеслась со всех ног прочь от Фрица.

— Ну слава Богу! — наперебой восклицали гаучо — Быстрее сюда, за забор, сеньор! Разве вы не знаете, что от красного цвета корова может взбеситься?

— До сих пор я не имел точных данных на этот счет и вот решил проверить, так ли на самом деле обстоит дело, как люди говорят.

— Ради Бога, не вздумайте проверять это еще раз, иначе все может закончиться гораздо хуже, чем сейчас.

В их глазах проглядывала скорее досада на этого маленького смельчака за то, что он посмел без их разрешения приблизиться к корове, чем беспокойство за его жизнь. Фриц хотел было попытаться убедить их, что они заблуждаются насчет влияния на корову красного цвета, но потом подумал: «Да Бог с ними, пусть остаются темными!», подошел к доктору Моргенштерну и спросил его:

— Ну как? Вы довольны мною? Мне кажется, эксперимент удался.

— Разумеется, — подтвердил доктор, кивнув головой. — Корова уже совсем было собралась броситься на тебя, но, к счастью, вдруг вспомнила о чем-то другом. Несомненно, красный цвет ей не понравился, но все же не до такой степени, чтобы она впала в агрессивное состояние. Можно на основании проведенного тобой эксперимента сделать следующий вывод: у генус фемининум красный цвет вызывает некоторую антипатию. Теперь надо повторить то же самое с быком.

Пока они беседовали, гаучо отловили еще одну телочку и выволокли ее своими лассо на открытое место. В стаде телочка все время держалась около старого быка, который первым зашел в корраль. До сих пор он был совершенно равнодушен ко всему происходящему, но когда ремни болас, нацеленных на телочку, просвистели совсем рядом с его ухом, бык воспринял это как нападение на себя самого, выскочил из стада и понесся прямо на огонь. Гаучо, стоявшие рядом с костром, замахали руками и гортанно закричали. Очевидно, это были сигналы, которые должны были заставить быка повернуть обратно. И он остановился — совсем недалеко от людей у костра, не сводя с них налитых кровью глаз. Один из гаучо быстро выхватил из костра горящую головешку и метнул ее так, что она пролетела над самыми рогами быка. Тот повернулся, собираясь, казалось, ретироваться с поля сражения, но неожиданно сделал еще пол-оборота вокруг собственной оси и злобно заревел.

Причиной этой перемены его намерений было появление

Моргенштерна, подошедшего уже достаточно близко к животному.

Бык подбежал к ученому и на секунду приостановился, чтобы поточнее нацелить на него свои острые рога.

— На место! На место! — закричали гаучо.

Еще мгновение, и рога быка пронзили бы насквозь тщедушное тело ученого, но, видимо, эти крики возбудили в мозгу разъяренного животного определенный рефлекс, и сила, которая была выше и могущественнее его ярости — воля человека, заставила быка повернуться... Рога прошли в нескольких сантиметрах от ребер приват-доцента. Сделав несколько шагов по направлению к гаучо, бык опять остановился — оказывается, он еще не окончательно оставил свои намерения относительно человека-коротышки в красном.

— Назад! Назад! — снова закричали гаучо, обращаясь на этот раз уже к ученому, и несколько человек вскочили на лошадей, чтобы отвлечь на себя внимание быка.

Это им удалось, и ученый со всех ног бросился бежать, сохраняя при этом, как ни странно, счастливое выражение лица. А бык, снова поискав глазами противника, неожиданно обнаружил его позади себя. Бык резко развернулся, но и ученый успел снова перебежать за заднюю часть его тела. Этот синхронно совершавшийся противниками маневр повторился еще несколько раз, но так быстро, что гаучо не решались применять ни лассо, ни болас, опасаясь задеть человека.

Доктор чувствовал, что у него сбивается дыхание. Еще немного, и силы окончательно оставят его. Где же спасение? Где? И тут его осенило — обеими руками он ухватился за хвост быка.

Бык застыл на месте. Он испытывал совершенно новое для себя, дотоле неведомое и странное до жути ощущение. Что-то, угрожающее большой бедой, повисло у него на хвосте. Бык попытался стряхнуть с хвоста это что-то, взбрыкнув сначала задними, а потом передними ногами. Не получилось. О! Что за рев издал он, уже вконец обезумев. Такого, наверное, даже гаучо никогда прежде не слышали. Во весь опор, как будто за ним гналась компания чертей, бык помчался назад, к своему стаду, а тело доктора несло, волочась по песку, за ним.

Если бы жизни человека не угрожала при этом прямая опасность, гаучо, конечно, от души поохотали бы над этой картиной. Бороздя ногами песок, приват-доцент тормозил движение животного. Бык, злясь от этого еще больше, время от времени упрямо повторял попытки сбросить груз со своего хвоста, и тогда тело ученого взлетало в воздух, как тряпичный лоскут. Но доктор так крепко держался за хвост, словно сросся с ним. И все

же постепенно сила в его руках иссякала, наконец наступил момент, когда он выпустил хвост, напомилавший теперь растрепанную мочалку. Бык ошалело понесся дальше.

Но теперь-то уж гаучо могли отвести душу и нахохотаться до колик в животе, что с огромным удовольствием тут же и сделали. Быка же этот смех вверг в паническое состояние. Если бы он обладал способностью размышлять, то, несомненно, дал бы сейчас самому себе торжественный обет никогда в жизни, ни под каким предлогом не поддаваться на провокации доктора Моргенштерна, зоолога из немецкого города Ютербогга.

А наш зоолог, как ни странно, вышел из этой переделки совершенно целым и невредимым. Он поднялся с земли, отряхнул свою одежду и медленно — все-таки у него довольно ощутимо кружилась голова — побрел к тому самому месту, где стоял перед началом своего научного эксперимента... Подъехали гаучо и, продолжая хохотать, поздравили его с победой над грозным противником. А старший гаучо сказал совершенно серьезно:

— Вы были очень неосторожны, сеньор! Теперь, я надеюсь, вы на собственном опыте убедились, что с быками шутки плохи? Не понимаю только, почему вы так старались привлечь к себе внимание быка и коровы, да еще и не один, а на пару со своим другом?

— Мы пытались найти ответ на одну зоопсихологическую загадку.

— Простите, я что-то не понял — какой загадки?

— Зоопсихологической. То есть я хотел экспериментальным путем установить, действительно ли красный цвет, как утверждают некоторые, раздражает представителей этого семейства данного вида жвачных парнокопытных.

— Боже мой! И из-за такого пустяка вы подвергали свою жизнь смертельной опасности! Да вы спросили бы меня об этом. И я бы вам объяснил все как есть.

— Вы тоже зоолог?

— Нет. Но я — гаучо. — Последнее слово он произнес с гордостью. Так обедневший аристократ произносит: «Я — граф», подразумевая, что этим все сказано.

— Это я понял, но в науке принимается во внимание мнение только признанных авторитетов.

— Сеньор, хотя меня и нельзя причислить к научным авторитетам, но я все же кабальеро [\[37\]](#), и прошу вас иметь это в виду! Неужели вы думаете, что кабальеро способен лгать?

— Нет, что вы, мне такое и в голову не придет. Я знаю, что все гаучо привыкли говорить то, что думают. Но, что касается действия красного цвета на быка, согласитесь, вы не можете привести в защиту своей точки зрения убедительных аргументов. А неаргументированное мнение нельзя считать доказательным с научной точки зрения.

— Да, я не ученый, ну и что? Позвольте мне напомнить вам, что хотя вы и ученый, но, кроме этого, наш гость в данный момент, и мне непонятно, почему вы хотите меня оскорбить! Кстати, я очень рад, что вы как специалист наконец-то смогли понять то, что мы, простые пастухи, знаем очень хорошо. Но вообще-то я хотел поговорить с вами о другом: своим неосторожным поступком вы подвергли собственную жизнь большой опасности. Этот вывод можно посчитать за научный?

— О какой опасности вы говорите?

— Неужели вам неизвестно, что такое эстампеда?

— Нет.

— Тогда запомните на всю свою жизнь, эстампеда — это лошадиный табун или коровье стадо, возбужденное чем-то и сметающее все живое на своем пути. Поверьте мне, для человека нет ничего более страшного, чем оказаться на пути у эстампеды. А с вами это чуть было не произошло, причем по вашей собственной вине, я повторяю, и вследствие вашего легкомыслия, сеньор ученый. Надеюсь, хоть на этот раз вы примете во внимание мое мнение, чтобы никогда больше не попадать в такое положение ради какого-то пустого экспериментирования с красными тряпками.

И он резко отвернулся от приват-доцента, давая понять, что продолжение разговора считает бессмысленным. Остальные гаучо молча последовали примеру своего вожака. Немцы все поняли и тоже молча, понуро опустив головы, вышли из корраля. Уже за изгородью Фриц, тяжело вздохнув, сказал своему хозяину:

— Этот финал нашего родео напоминает мне утреннее происшествие в крепости Санта-Фе. А у вас, герр доктор, нет такого же ощущения?

— Что ты имеешь в виду, Фриц?

— Мы снова изгнаны. Во второй раз за один и тот же день. Грустно... Здесь, на эстансии, это было сделано, в общем-то, в рамках приличий, но зато господин офицер из крепости и его подчиненные вели себя просто похамски. Забавно, что оба эти приключения имеют одинаково печальный результат: лошадей мы до сих пор не приобрели. Если наши дела и дальше пойдет так же, то не исключено, что нас вышвырнут из Гран-Чако, выгонят из Перу и выдворят из Южной Америки навсегда. И будем мы, несчастные,

сидеть на каком-нибудь необитаемом острове посреди Тихого и одновременно Великого океана и лить горькие слезы, пока нас, бедолаг, не подберет случайно оказавшееся рядом судно... Мне уже сейчас хочется плакать. Одно у нас утешение — установлена научная истина: красный цвет раздражает не только индюка!

— Да-да, ты совершенно прав, дружище! — воскликнул доктор Моргенштерн, не уловивший, как обычно, иронии в словах своего слуги. — Теперь я смогу сделать в Академии наук соответствующий доклад. Научный мир наконец узнает о том, что быки испытывают отвращение к красному цвету.

— Ага, и не забудьте, пожалуйста, упомянуть, что коровы его тоже б-р-р... испытывают.

— Разумеется, хотя это отвращение самцы и самки проявляют в разной степени. Ты все же не подвергся нападению, а меня бык поставил в весьма щекотливое положение.

Фриц усмехнулся: нет, герр доктор все же был неподражаем: «щекотливое положение», подумать только, но вслух сказал;

— Да-да, в весьма щекотливое... Но мне больше всего вот что интересно: почему красный цвет, который лично мне, например, очень даже нравится, вызывает такое бешенство у этих рогатых?

— Исчерпывающего ответа на этот вопрос я не могу тебе пока дать. Главное, мы установили факт, а причины, его вызывающие, еще надо исследовать. Можно предположить, что красные лучи спектра проходят сквозь хрусталик бычьего глаза с меньшей интенсивностью, чем лучи других цветов, что видно на примере лабораторного опыта со стеклянной призмой. Призма — в какой-то степени модель хрусталика глаза. Так вот: колебания красных лучей спектра при этом равны всего лишь пятистам миллиардам ^[38] в секунду.

— И быку это доподлинно известно? — продолжал мягко иронизировать над хозяином слуга.

— Нет, я думаю, что об этих данных он не имеет ни малейшего представления. Но ты сравни: фиолетовый луч, к примеру, совершает восемьсот миллиардов колебаний в секунду. Разница в триста миллиардов колебаний для глаза жвачного животного, видимо, очень существенна. Когда я сделаю окончательные выводы из этого факта, любой посетитель цирка придет в восторг.

— Почему именно посетитель цирка? — изумился Фриц.

— Ну, это же очень просто: дрессировщики, которые отныне будут знать, как проще всего укротить зверей, добьются необычайных успехов в

работе с дикими животными. Секрет прост, и его открыл не кто иной, как твой хозяин: надо просто хватать зверей за хвосты. Конечно, производить такие манипуляции не очень-то удобно, но, несмотря на это, дрессировщики, я думаю, ухватятся за новый метод. Да что там дрессировщики! Не исключено, что появится новый вид спорта. Когда держишь за хвост дикое животное, у тебя рождается ни с чем не сравнимое ощущение. Я убежден: каждый хоть раз в жизни должен его испытать.

— Да? Ну это, знаете... еще как сказать. У меня, например, откровенно говоря, нет никакого желания хватать за хвост льва или огромную анаконду.

— Наука, дорогой Фриц, как известно, требует жертв. Недаром же ученые говорят: «Опыт — отец результата». И я ради науки готов на любые жертвы. А ты почему-то — нет.

— А что касается меня, то я предпочел бы изучать методы дрессировки диких зверей по книжкам, а не цепляясь за хвост индийского королевского тигра.

Они так увлеклись своим разговором, что совершенно не заметили, как сзади к ним подошел хирург. Поэтому когда он заговорил, они даже вздрогнули.

— Сеньоры, — тоном строгого воспитателя заявил дон Пармесан, — гаучо очень сердиты на вас. Я предупреждал, но вы не вняли моим словам. Теперь они будут игнорировать нас, вот увидите. Однако жаль, что быку не удалась сегодня его охота, — как всегда неожиданно перескочил он на другую тему.

— Жаль?! — Доктор застыл на месте от безмерного удивления. Цинизм этого врача-ампутатора разил наповал.

— Да, мне не повезло на этот раз, увы. Если бы бык не был так сильно напуган, у меня появилась бы возможность продемонстрировать вам свое врачебное искусство.

— Каким образом? — удивился в свою очередь Фриц.

— Я смог бы вам что-нибудь ампутировать или раздробить несколько костей. Все необходимые для этого инструменты при мне. А кстати, сеньор Федерико [\[39\]](#), что вы думаете по поводу экстирпации носовой кости черепа?

— Носовой кости? — переспросил Фриц и машинально, с нервной поспешностью потер собственный нос, словно проверяя, на месте ли он. — Нет уж, сеньор Пармесан, экстирпируйте что угодно у кого хотите, а на мой нос, прошу, не заглядывайтесь! Да вы, как я погляжу, опасный человек... У нас, ваших друзей, вы хотите обязательно что-нибудь отрезать или раздробить. Слыхано ли такое? Знаете что, сеньор? Я вам так скажу: ваша

навязчивость с ампутацией не доведет вас до добра!

— Меня поражают подобные упреки из ваших уст, сеньор Федерико! Вы же не какой-нибудь дикий гаучо, который, кроме своей пампы и лошадиных или коровьих хвостов, никогда ничего в жизни не видел. Как можно намекать истинному кабальеро, что он якобы плохой специалист? Это оскорбительно для дворянина, и вы рискуете получить ответное оскорбление в свой адрес. Запомните эти мои слова на всякий случай. А теперь давайте-ка лучше пройдем в корраль для лошадей, чтобы выбрать себе животных для покупки у здешнего эстансьеро.

Корраль, однако, был пуст. Лошади паслись неподалеку, но это была уже территория пампы. Эстансия, как я уже говорил, была не из самых крупных, и приходилось только удивляться тому, сколько же прекрасных животных содержалось на ней.

Здесь нам с вами, пожалуй, будет полезно слегка коснуться особенностей экономики Аргентины. В этой стране на Ла-Плате животноводство — главная отрасль хозяйства, основа ее процветания. Эстансьеро разводят лошадей, коров и овец. Когда путешествуешь через пампу, едва ли час пройдет без того, чтобы не встретить здесь стадо. Считается, что в среднем на каждом квадратном километре пампы пасутся двадцать тысяч овец, триста, а в самые благоприятные по погодным условиям годы, когда не бывает засухи, до восьмисот голов крупного рогатого скота.

Лучшие пастбищные угодья предназначаются в Аргентине для овец, дающих отличную шерсть. О лошадях и быках здесь заботятся гораздо меньше. Они находятся целиком на попечении гаучо и их собак, эстансьеро дает пастухам указания относительно лишь своих намерений продать или, наоборот, купить партию животных, причем, как правило, незадолго до проведения больших ярмарок в «саладеро». Этим словом, образованным от испанского глагола «салар» — «солить», обозначается большое строение, являющееся одновременно бойней и местом, где засаливают шкуры убитых животных и перерабатывают их мясо и жир. Одно из самых знаменитых саладеро находится во Фрай-Буэнос, где производится лучший мясной экстракт. Здесь ежедневно забивают по девятисот голов крупного рогатого скота, после чего с помощью специальных агрегатов прессуют мясо. Такая машина за один только час перерабатывает мясо двухсот овец. И получается, что одна овца дает всего лишь три килограмма мясного экстракта.

Но вернемся к нашему повествованию.

Прогулявшись немного по пампе и своими глазами убедившись в том,

что лошади действительно превосходны, доктор Моргенштерн, Фриц и хирург вернулись на эстансию. Родео уже закончилось, корраль для быков и коров был почти пуст, успокоившиеся после недавних потрясений животные мирно пощипывали травку на воле. Гаучо удерживали только двух коров, которых намеревались забить на мясо. Коровы чувствовали, что их ожидает, и ревели от страха.

Гаучо убеждены, что мясо коров бывает гораздо вкуснее, если непосредственно перед забоем они бывают разгоряченными, и поэтому гоняли их вкруговую по корралю. Когда коровы были уже, что называется, в мыле, гаучо накинули им на шею лассо. Задыхающиеся животные издавали жуткие хрипы и мычание. Но бессердечные пастухи хладнокровно продолжали свою живодерскую акцию: поставив коров на колени, начали отрезать у них, еще живых, куски мяса, естественно, прямо с кожей. Мычание коров перешло на какие-то запредельные частоты звуков. Это было невыносимо слушать. Моргенштерн и Фриц направились прочь, подальше от этого жуткого места. Хирург же остался возле корраля и вытащил свой нож из-за пояса, ожидая момента, когда и ему будет позволено отрезать кусок от тела измученной коровы.

Гаучо, нацепив сочащиеся горячей кровью куски мяса на деревянные палочки или прямо на лезвия своих ножей, стали жарить их над огнем. Кровь, капая на огонь, шипела, и в этом шипении слышался слабый отзвук предсмертных хрипов животных. От огня поднимался легкий дымок со специфическим запахом, но у гаучо он не вызывал никаких неприятных эмоций и не мешал им тут же отправлять это мясо к себе в рот. Откусят прожарившийся кусочек от большого куска и снова суют его в огонь, нахваливая вкус этого «асадо кон куэро» ^[40], большого деликатеса, по их понятиям.

Костер, возле которого все это совершалось, начал понемногу угасать. Немцы вернулись к нему. Темнело, и вот-вот должен был появиться эстансьеро. Немцев общество гаучо демонстративно не замечало, как и предсказывал хирург, продолжавший надоедать всем своими откровениями из области методики ампутации. Впрочем, никому он особенно не досаждал, потому что никто из гаучо и не подумал бы его слушать.

Если бы мажордом не предложил доктору и его слуге перекусить, они так бы и остались голодными.

Откуда-то из клубящихся над пампой сумерек вдруг как-то неожиданно возник эстансьеро, хотя и был он давно ожидаем. Моргенштерн без каких-либо предисловий с ходу заявил, что хотел бы приобрести у него лошадей. Эстансьеро же первым делом выразил радость

от того, что видит перед собой европейцев и надеется узнать у них свежие новости о жизни в Старом Свете, так сказать, из первых рук. Гаучо тем временем продолжали свою трапезу, поглощая один за другим куски мяса под скабрзные шутки и разные жутковатые истории. Время от времени кто-нибудь из них затягивал какую-нибудь патриотическую песню под аккомпанемент гитары, и тут же к певцу присоединялся целый хор хрипловатых, но по-своему красивых мужских голосов, Гаучо, как правило, очень музыкальны от природы, а уж такого, кто не играл бы на гитаре, просто не найдешь среди них.

Заметив хозяина, пастухи наперебой начали рассказывать ему, что сегодня случилось на эстансии, и не преминули по ходу дела дать исчерпывающую с их точки зрения характеристику доктору Моргенштерну, нимало не смущаясь его присутствием. Они сказали, что этот сеньор — безусловно, человек достойный и благородный, но большой оригинал и плоховато знает реальную жизнь, особенно в том, что касается обращения с животными, поэтому они не представляют себе, как он будет путешествовать по Гран-Чако, куда намеревается отправиться завтра.

Эстансьеро выслушал их с интересом, потом задал несколько вопросов по поводу того, как прошло родео, и уже после этого обратился к ученому:

— Прошу вас, сеньор, будьте настолько любезны, поделитесь со мной своими планами. У меня создалось такое впечатление, что вы не очень хорошо представляете себе, с чем сопряжено путешествие в Андах.

— Напротив, сеньор, — возразил ему приват-доцент, — я очень хорошо знаю, что нас может ожидать. Я читал книгу французского путешественника Амеде Жака ^[41] об экспедиции, маршрут которой проходил от Рио-Саладо до Чако.

— Мне никогда не приходилось держать эту книгу в руках, но, должен вам признаться, даже если бы я и имел ее перед собой, все же не стал бы полностью полагаться на мнение автора. Видите ли, никто не может передать с помощью описаний, пусть даже самых красочных, какие лишения и опасности подстерегают человека, отважившегося туда забраться. Хотя бы потому, что автор книги просто не мог испытать все из них. Он описывает одни ситуации, а вы попадете в другие. Дело в том, что в Гран-Чако надо быть постоянно готовым к любым неожиданностям. Подумайте об этом серьезно, прошу вас, обсудив все «за» и «против» со своим слугой, а сейчас ответьте мне вот на какой вопрос: когда вы планируете расстаться с так называемым доном Пармесаном?

— А почему мне надо с ним расставаться? Несмотря на все его странности, он все же приятный, образованный человек.

— Он — сумасшедший, и не более того.

— Но ведь он... — прекрасный хирург.

— Вы так полагаете? Значит, он сумел внушить вам это, только и всего. Дело в том, что все, что связано с хирургией, в его устах — это бред, навязчивая идея. Несмотря на то, что в его заплечном мешке вы на самом деле можете найти хирургические инструменты, этот сеньор еще ни разу в жизни не отрезал ни у кого ни единого волоса или ногтя.

— Бог мой, идея-фикс... — пробормотал обескураженно доктор. — И он только воображает себя хирургом...

— А что тут особенно, с другой стороны, если взглянуть на вещи философски, — сказал эстансьеро. — На белом свете полным-полно людей, одержимых какой-либо страстью, переходящей порой в болезненную манию, но никто почему-то не считает их безумцами. Может, только по одной-единственной причине — не придают этому бреду никакого значения, вот и все. Ведь, если не копать глубоко, многие безумцы ничем особенным от нормальных людей не отличаются, тем более если не предлагают никому ничего ампутировать. Я знаю, например, одного человека, чья идея-фикс заключается в том, чтобы повсюду раскапывать кости животных, живших на земле миллионы лет назад. Я думаю, если бы Ной был уверен, что эти одержимые представляют собой что-то ценное для науки, он бы непременно захватил кого-нибудь из них, живших на земле и до Потопа, в свой ковчег, но он почему-то этого не сделал.

— Сеньор, вы ошибаетесь, — возразил приват-доцент, — раскопки костей доисторических животных — вовсе не идея-фикс, а вполне достойное и чрезвычайно важное для науки занятие. Тот, о ком вы говорите, видимо, палеонтолог, в таком случае, вести раскопки — это его профессия, так же как, кстати, и моя. Вы меня очень заинтересовали этим человеком. Скажите, он находится где-то поблизости, не так ли?

— Да, сейчас поблизости.

— А я могу с ним познакомиться?

— Познакомиться? — Эстансьеро улыбнулся и продолжил: — Я подразумевал вас, сеньор.

— Меня? О... — Уже готовое сорваться с губ ученого удивленное восклицание словно застряло у него в горле. Наконец, сглотнув слюну, он смог выговорить: — По-вашему, я служу... бредовой идее?

— Разумеется. Не поймите меня дурно, сеньор, но это действительно так. Ну зачем вам на самом деле эти ящеры и динозавры, а?

— Я понял: вы имеете в виду практическую пользу. Хорошо, я вам отвечу. Так вот: с этой точки зрения, хотя в чистой, так сказать,

академической науке она и не учитывается, ящеры, как вы говорите, называемые по-латыни «лацерта», могут помочь мне прославиться как ученому.

— Хорошо, такой практический резон, как желание славы, мне более понятен. Но все равно: зачем же вам мечтать о какой-то известности, славе, если вы их не дождетесь, потому что погибнете в пути?

— Погибну? Вы это утверждаете безоговорочно, или, как говорили древние римляне, «индибитатус»?

— Да, потому что я ясно вижу, что у вас на уме только эти доисторические существа, тогда как сейчас для вас гораздо более важно позаботиться о собственной безопасности в дороге. Вы плохо вооружены, у вас нет даже самого необходимого.

— Ах, вот вы о чем? Но оружие все-таки у нас с Фрицем есть. Я взял с собой книги, кирки и лопаты, а лошадей мы купим у вас. Кроме того, с нами будет сеньор Пармесан, хорошо знающий все тропы Чако.

— А если я вам скажу, что он лишь однажды добрался до границы Чако?

— В это я, простите, сеньор, при всем уважении к вам, поверить, ну, никак не могу. Отцу-Ягуару, насколько мне известно, сумасшедшие не требуются.

— В таком случае, я вынужден буду продолжить, сеньор. Кто в наших краях не слышал об Отце-Ягуаре? Вот этот «хирург» и сослался на него для придания своей персоне веса в ваших глазах. Повторяю, человек, называющий себя доном Пармесаном и прочая, уж не помню все его титулы, — просто болен духом. Попробуйте, пожалуйста, смоделировать для себя, хотя бы чисто теоретически, поведение одержимого, который день и ночь бредит хирургией, когда ему вдруг случайно попадаетесь на глаза вы — человек явно неопытный в путешествиях, но тем не менее безрассудно рвущийся в Гран-Чако. Даже его воспаленный мозг в состоянии сделать одно простейшее умозаключение: где неопытность, там непременно жди ран и увечий. Но вы совершите громадную, роковую ошибку, если будете всерьез рассчитывать на него в случае каких-нибудь непредвиденных обстоятельств. Ничего он на самом деле не знает и не умеет.

Эстансьеро говорил очень убедительно, с обезоруживающей искренностью. Моргенштерн растерялся, не зная, что и отвечать ему. И тут в их беседу вмешался Фриц:

— Сеньор, напрасно вы так за нас беспокоитесь. Вы, видно, плоховато знаете нашего брата, пруссака. Мы пройдем всюду, где другие отступят,

такой уж мы народ. К слову сказать, я уже однажды переходил через Анды, думаю, что и на этот раз мне удастся это сделать. Мы вовсе не безумцы, а, напротив, чрезвычайно здравомыслящие люди. Вот так.

Произнося эту тираду, Фриц смотрел вовсе не на хозяина эстансии, а на доктора. Это у него выходило невольно, потому что на самом деле он хотел не столько убедить эстансьеро, что он их не за тех принимает, сколько внушить своему хозяину побольше уверенности в собственной правоте.

Эстансьеро, видно, решив махнуть рукой на упрямых немцев, ответил Фрицу с нескрываемой обидой:

— Поступайте, как знаете! В конце концов, какое мне дело до вас, вы же рискуете собственными жизнями, а не моей. Тем не менее я искренне желаю вам удачи, сеньоры! — воскликнул он и уже совершенно безразличным тоном осведомился, где бы сеньоры хотели переночевать.

Сеньоры никаких особых пожеланий на этот счет не высказали, и им в качестве постелей было предоставлено по вороху меховых шкур, что оказалось совсем неплохо. Засыпали немцы под звуки песен гаучо, доносящиеся из корраля, и спали крепко. Когда они проснулись, солнце уже поднималось над горизонтом. Свежее, ясное утро сулило отличный день. Бодрые, деловитые гаучо как ни в чем не бывало уже хлопотали вокруг животных, словно и не провели они почти бессонную ночь. Над огнем был подвешен котелок, над которым поднимался аппетитный пар. В котелке варилась похлебка «пучеро» — смесь мяса, маисовых зерен, маниоки, сала, капусты и свеклы. Появился, потягиваясь, хирург, спавший вместе с гаучо в одном из ранчо, и все приступили к завтраку. В качестве питья вновь был предложен мате, от которого доктор после некоторого раздумья отказался.

После завтрака эстансьеро и оба немца вышли в пампу к тому месту, где паслись лошади. Несмотря на обнаруженную накануне вечером разницу во взглядах на предполагаемое путешествие, хозяин эстансии не уронил своего достоинства кабальеро: оказалось, он уже сам, встав с первыми лучами солнца, выбрал для немцев четырех прекрасных лошадей. По отношению к хирургу он, правда, не проявил такого великодушия и любезности. Дон Пармесан сам выбирал для себя лошадь и заплатил за нее гораздо дороже, чем доктор за всех своих, но тем не менее выбор его оказался, как выяснилось впоследствии, неважным. Путешественники сделали попытку расплатиться с хозяином за еду, но это было воспринято как нечто совершенно неприемлемое. У одного из гаучо дон Пармесан купил его старое седло, посчитав, что оно надежнее, чем любое новое. Немцы же приобрели у хозяина эстансии четыре новехоньких седла — два

для верховой езды и два, специально приспособленных для перевозки тяжелых грузов. Здесь я должен заметить, что аргентинские седла — нечто совершенно особенное и замечательное в своем роде. К собственно седлу прилагается и прикрепляется множество разнообразных полезных предметов, необходимых в пути для разбивки лагеря.

Итак, больше у наших путешественников никаких дел на этой гостеприимной эстансии не оставалось. Эстансьеро до конца выдержал роль радушного хозяина, которую, впрочем, он играл вполне искренно, несмотря на то, что своего скептического мнения о немцах, как о путешественниках, не изменил, — к этому его обязывала честь кабальеро. Пожелав своим гостям на прощание счастливого пути, он все же не удержался и дал им совет держаться подальше от коренных обитателей Гран-Чако, а если уж придется с ними столкнуться, соблюдать максимальную осторожность. Племена Чако, сообщил он, постоянно воюют друг с другом, и индейцы, чуть что им не по нраву, тут же хватаются за свои отравленные стрелы.

Это предостережение было вовсе не лишено оснований. Индейцы Южной Америки действительно сплошь и рядом пользуются остро отточенными стрелами, которые они посылают во врагов или животных из духовых ружей или специальных духовых трубок. Яд для своих стрел они добывают чаще всего из коры стрихнинового дерева или из одного из видов лиан, который называется «маракури». Ядовитые экстракты индейцы получают путем каких-то колдовских операций также и из таких вполне безобидных, в общем-то, растений, как перец и лук, но, конечно, гораздо чаще из растений-эндемиков ^[42] Южной Америки. Важнейшая составная часть многих из этих растительных ядов — алколоид курарин (чаще его называют просто «яд кураре»), он проникает в кровь животного и человека так же легко и быстро, как яд кобры, мгновенно парализует работу легких, кровь перестает циркулировать по венам, и наступает смерть. К примеру, ягуар после того, как в него попала отравленная стрела, живет всего лишь две минуты.

Глава VI

ВЕРХОМ ЧЕРЕЗ ПАМПУ

Путь доктора Моргенштерна и его спутников пролегал в междуречье Рио-Саладо и Рио-Саладильо. Начали они свое путешествие в быстром темпе, благо, утренняя прохлада позволяла делать это без особого напряжения сил, а задавал темп скачки хирург. Как оказалось, он был отличным наездником, но при этом, к сожалению, совершенно немилосердным по отношению к лошади. Дон Пармесан так яростно гнал и прищипывал ее, что немцы, будучи не в силах смотреть на такое истязание животного, стали уговаривать его прекратить это, но хирург в ответ только хохотал. Фриц тоже неплохо сидел в седле, чего, увы, никак нельзя было сказать о докторе Моргенштерне. Он прилагал огромные усилия к тому, чтобы сохранить равновесие в седле, и это ему, в общем, как ни странно, удавалось, но стоило совершенно невероятного напряжения всех его сил. Лицо ученого, его плотно сжатый рот, расширенные зрачки говорили об этом достаточно красноречиво.

Вот уже путешественники, не снижая скорости, проехали деревянный мост через Рио-Саладо, потом небольшое поселение немцев-колонистов под названием «Эсперанса», то есть «Надежда», но останавливаться в нем не стали. Миновав колонию, они повернули на Кордову. Их подстегивало и вдохновляло желание как можно скорее догнать экспедицию Отца-Ягуара, но не только это: что ни говори, во время скачки по бескрайним просторам пампы в душе каждого человека рождается какое-то особенное чувство, сродни тому, что поднимает птицу в полет. Впрочем, лишь до поры до времени, а точнее, до того момента, пока лошадь под всадником еще полна сил. Я нисколько не шучу: с древних времен человек прекрасно знает, что часть ее энергии передается всаднику, и умеет пользоваться этим. Но когда усталость наваливается одновременно и на всадника, и на его лошадь, тут уж романтическое воодушевление постепенно гаснет и куда-то исчезает...

— Стойте! — с трудом, потому что не хватало дыхания, воскликнул наконец доктор. — Моя лошадь не может дальше скакать. Я чувствую, что причиняю ей боль своими шпорами. Ей нужен покой, по-латыни «транквилилас».

— Согласен, — отозвался Фриц. — Мне тоже начинает казаться, что отдых минут на пятнадцать нам совсем не помешал бы. И еще я хочу

сказать, что, если мы и дальше будем скакать в таком же темпе, то к вечеру будем уже в Китае, а зачем, спрашивается, нам забираться сейчас так далеко? У нас и тут достаточно всяких дел.

Однако хирург и слышать ничего не хотел ни про какие остановки и обосновал это так:

— Если сегодня к вечеру мы не будем в форте Тио, то до лагуны Поронгос за завтрашний день добраться никак не успеем. Я еду дальше.

— Бог в помощь! — невозмутимо парировал это заявление Фриц и, не обращая больше на хирурга ни малейшего внимания, спрыгнул с лошади и с выражением величайшего блаженства на лице растянулся на траве.

Но доктор Моргенштерн был настроен более серьезно, чем его слуга.

— Если вы, дон Пармесан, хотите загнать свою лошадь, — гневно воскликнул он, — то поезжайте дальше, но, учтите, другую вам негде будет взять! Вы безобразно обращаетесь с лошадьё. Древние римляне назвали бы ваше отношение к этим замечательным животным «атравитас» или «круделитас», а также «дуритас» или «имманитас» и даже, я думаю, «севита», и все эти слова означают разные оттенки жестокосердия и грубости, чтобы вы знали.

— То, как я обращаюсь со своей лошадьё, — мое личное дело, — огрызнулся, как уличный хулиган, хирург. — И никто не смеет указывать мне, что я могу с ней делать, а что — нет. Она — моя собственность, и этим все сказано.

— А я убежден, что никакая, даже баснословно высокая цена, заплаченная за животное, еще не дает человеку права истязать ее. В этом вопросе, — заключил он, — мы с вами расходимся в принципе, но просто по-человечески у меня ваше обращение с лошадьё вызывает возмущение. Кстати, мы вас не удерживаем!

И демонстративно отвернулся от хирурга. Тот, подумав немного, счел за лучшее для себя все-таки остаться с немцами, но выразил свое недовольство глухим бормотанием себе в бороду. Потом ровно на полчаса замолчал. Едва истекла тридцатая минута их привала, вновь стал твердить, что, мол, пора ехать, правда, говорил он это уже не вызывающим, как прежде, а довольно нудным тоном. Вдруг послышался перестук колес. Они оглянулись. И увидели катящий по пампе на всех парах почтовый дилижанс. Это был единственный в здешних краях транспорт, регулярно курсировавший между Кордовой и Санта-Фе и перевозящий как почту, так и пассажиров.

Здесь, я думаю, читатель позволит мне сделать очередное маленькое отступление от основной линии нашего повествования, потому что такой

предмет и даже, я бы сказал, явление жизни, как аргентинский почтовый дилижанс, заслуживает отдельной новеллы.

Тот, кто уже, возможно, предположил, что этот вид транспорта имеет много общего с немецкой почтовой каретой, сильно заблуждается. Разница между ними примерно такая же, как между ласковым майским ветерком и ураганной силы ветром «памперо». Тут надо принять во внимание еще одну важную вещь: под дорогами в Аргентине понимается нечто совсем иное, чем в Европе. Начнем с того, что в пампе нет никакого материала, подходящего для укладки дорожного полотна, и уже отсюда многое, я думаю, станет ясно. Здесь, когда говорят «дорога», то зачастую подразумевают всего лишь любой более или менее четкий след лошадиных копыт, оставшийся после того, как проехала группа всадников или предыдущий, по расписанию дилижанс. А вообще по пампе каждый ездит как ему вздумается, хотя, конечно, придерживается каких-то ориентиров, указывающих направление к нужной ему цели. Если же путнику попадаются низины, болота или неширокие, но с крутыми берегами речушки, он ищет выход из трудного положения, полагаясь чаще всего лишь на собственную сообразительность и находчивость.

Почтовые станции в пампе под стать этим дорогам. Чаще всего в этой роли выступает все то же убогое ранчо, в котором нет даже намека на какой-либо комфорт.

С чем сравнить этот экипаж, я сразу даже и не найдусь. Обратимся, пожалуй, к той сфере человеческих знаний, в которой столь хорошо чувствует себя один из главных героев этого романа доктор Моргенштерн, поскольку тут аналогии могут оказаться очень точными и выразительными. Так вот: аргентинский дилижанс своей побитостью, обшарпанностью и общей непрезентабельностью наводит на мысль о том, что он вполне мог быть современником пещерных медведей. Внутри этого дилижанса помещаются обычно восемь пассажиров, в то время как в немецкой почтовой карете всего четыре. Места для размещения багажа, естественно, не хватает, и каждый пассажир держит поэтому свою поклажу на собственных коленях.

Дилижанс несет упряжка в семь лошадей, запряженных цугом. Четверка перед кучером, майоралом, сидящим на козлах, впереди четверки две лошади, а перед этими двумя еще одна, на которой сидит форейтор, то есть тот, кто задает темп всей упряжке и выбирает направление движения. Есть и восьмая лошадь — под пеоном, едущим где-нибудь сбоку от упряжки, задача которого — подгонять животных и вообще следить за их состоянием и настроением. Если какая-нибудь из лошадок вдруг начинает

недовольно пофыркивать или пытается вставить на дыбы, он быстренько приведет строптивицу в чувство с помощью кнута. На козлах за майоралом имеются дополнительные места, на которых, как правило, устанавливается какой-нибудь багаж. Ящики, тюки и коробки громоздятся и на крыше дилижанса, да еще там умудряются пристроиться несколько человек, которым не хватило места внутри дилижанса.

Сбруя этой упряжки на удивление примитивна: на каждой ездовой лошади всего лишь кожаная подпруга, соединенная с помощью лассо с поводьями майорала, — вот и все.

У майорала есть острая палка, которой он подгоняет ближайших к себе лошадей, и длинная плеть, которой можно достать и переднюю лошадь. Такие же плети имеются также и у форейтора и пеона, так что лошадям не приходится ожидать гуманного к себе отношения ни от кого из них.

Майорал, фореитор и пеон, по первому впечатлению, очень напоминают разбойников с большой дороги: грубоватые, одетые, по большей части, в какие-то полурваные и не слишком-то чистые куртки и штаны, с обветренными суровыми лицами. Но это тот самый случай, когда внешность обманчива. На самом деле они, как правило, очень честные, порядочные и по-своему деликатные люди. Все дело в том, что, согласно неписаному профессиональному кодексу чести аргентинских лошадиников, ездить по пампе надо так, чтобы у всех пассажиров, что называется, искры из глаз сыпались, и никак иначе.

Каждый рейс дилижанса начинается со своеобразного, скажем так, звукового сигнала, сравнимого разве что с рычанием готовящегося к нападению тигра. Издает этот рык майорал, и тут же его подхватывают фореитор и пеон. Пассажиры давно привыкли к этому диковатому ритуалу и несколько его не пугаются. Европейца, случайно оказавшегося в таком дилижансе, поражает не только то, с каким олимпийским спокойствием принимают они этот «сигнал», но и вообще все, что связано с такой поездкой. Трясаясь, подпрыгивая и раскачиваясь, несется по пампе лихой дилижанс, а внутри его при каждом толчке начинается броуновское движение баулов и чемоданов, не говоря уже о шляпах: пассажирам не всегда удается удержать их на месте, несмотря на все свои старания. Да что там вещи, и сами люди порой летают по салону дилижанса не хуже вещей. При этом непроизвольно хватают друг друга за ноги, за руки, за что придется...

Представьте себе такой, вполне типичный для подобного путешествия диалог:

— Что это вы ищете в моей бороде, сеньор?

— Простите. Это тряска виновата. А зачем вам моя цепочка от часов?

— О, извините меня, ваша милость, я ухватился за нее случайно.

— Нет, это вы меня извините, ваша милость!

Голоса их дрожат от тряски, того и гляди что-нибудь свалится им на головы, но вежливость прежде всего...

Вдруг раздается страшный грохот. Это свалился с крыши и раскололся от удара один из деревянных ящичков. Выясняется, что в этом ящичке, адресованном на имя профессора из университета в Кордове, было отличное красное вино, но несколько бутылок при падении ящичка разбилось. Тут же принимается оперативное и вполне коллегиальное решение: вино из разбитых бутылок употребить по назначению, остальные, то есть целые, бутылки упаковать заново как можно более тщательно, а ящик перевязать ремнями. Но вот все это сделано, выпитое вино, естественно, создает особое настроение, и продолжается изысканный диалог пассажиров:

— Тысяча извинений, сеньор, не могли бы вы оказать мне любезность и убрать ваш тюк с моих коленей?

— Охотно, ваша милость! А где же ваша шляпа, сеньор?

— У вас на голове, ваша милость!

— Но где же тогда моя?

— О, вы только не огорчайтесь, сеньор: она случайно вылетела в окно.

К счастью, шляпу подобрал пеон. Как только это выясняется, поднимается буря восторгов, но тут же возникает новое затруднение — путь дилижансу преграждает ручей или небольшая, но быстрая речка. Пеон и добровольцы из пассажиров начинают собирать камни-голыши, которых в пампе не так-то уж и много. Наконец какое-то подобие брода готово, и с поистине адским грохотом дилижанс форсирует речушку. Кажется, по законам физики это никак не может произойти, однако происходит, и вот уже под радостное гиканье кучеров дилижанс мчится дальше. Но тут кучерам приходит охота показать высший класс езды по пампе, со скоростью примерно километров 25 в час. И начинается... На лошадей кричат уже все одновременно, включая и наиболее азартную часть пассажиров. Дилижанс на полном ходу раскачивается и кренился не менее резко, чем судно в открытом море в шторм. И тогда фореитор, чувствуя себя рулевым на мостике, начинает совершать маневры. В это время главное для кучера на козлах — не зевать. Как только фореитор заставляет передних лошадей круто менять направление движения градусов, скажем, на десять, майоралу нужно наклонить корпус дилижанса в сторону, противоположную направлению поворота, градусов уже на тридцать. Для

этого четверка лошадей должна, в свою очередь, наклониться на шестьдесят градусов. И так то в одну сторону, то в другую. Почему во время этого безумного аттракциона у пассажиров головы не отваливаются, остается загадкой...

И вот, наконец, дилижанс добирается до одной из редких в пампе почтовых станций. Совершенно обессиленных лошадей меняют на свежих, несмотря на то, что те протестуют — отфыркиваются и встают на дыбы. Гонка по пампе начинается снова, все в том же безумном темпе...

Весной и осенью, когда трава в пампе сочна и вкусна, лошади стойко переносят все тяготы пути и немилосердного с собой обращения. Но когда безжалостное палящее солнце высушивает землю и превращает шелковистую зелень травы в мертвенно шуршащий, лишенный всякой окраски сухостой, лошади выбиваются из последних сил, таща тяжелый экипаж. Если в таком состоянии попытаться заставить их перейти на быстрый аллюр, они просто упадут замертво, и все. И это никакая не натяжка, а суровая правда: с тихой покорностью и выражением трагической обреченности во взгляде лошади ложатся на землю и вскоре испускают дух. Во время агонии их конечности судорожно дергаются, глаза наливаются кровью, челюсти оголяются. Стервятники, эти санитары пампы, уже тут как тут, заранее облюбовывают для себя наиболее аппетитные части тела несчастного животного, которые будут потом грубо, с отвратительной жадностью рвать своими зловещными клювами. Уже через несколько часов после смерти лошади на земле остается только ее обглоданный скелет. А ведь это существо еще недавно преданно и даже, я бы сказал, радостно служило человеку, загнавшему его ради какой-то своей прихоти или корысти, а может, и просто так, по глупости. Но если кому-нибудь вдруг придет в голову произнести вот эти самые слова перед аргентинцами, увы, он не встретит ни понимания, ни сочувствия...

Дилижанс — именно такой, какой я описывал, то есть совершенно дикого вида, за долгую жизнь которого лошадей было загнано тьма тьмущая, и обгонял сейчас доктора Моргенштерна, его слугу Фрица и дона Пармесана. Пеон чуть приотстал от упряжки и любопытствовал:

— Куда направляетесь, сеньоры?

— К форту Тио, ваша милость, — ответил хирург.

— И мы туда же! Не желаете ли, сеньоры, чтобы я предупредил коменданта форта о вашем скором прибытии?

— Да, мы были бы вам очень обязаны в этом случае, сеньор, — ответил ему доктор.

И, кивнув, пеон резко дал шпоры своей лошади, у которой шла пена

изо рта, и устремился вдогонку за мчащимся экипажем — только его и видели.

— Ну и ну! — сказал Фриц, осуждающе покачав головой. — У нас в Германии такой жестокий лошадиный очень быстро бы остался без работы. А этого еще именуют «ваша милость». Скажите, пожалуйста, какая важная персона! Герр доктор, а что вы думаете по поводу обращения с лошадьми в Аргентине?

— Мне нечего сказать тебе, дорогой Фриц, — грустно ответил ему доктор. — Ты ведь и сам хорошо знаешь, что я осуждаю жестокость по отношению к животным. Но когда я пытаюсь понять людей, проявляющих эту жестокость, то мне приходит в голову вот что: таковы правила, по которым жили их предки, а теперь живут и они, привыкшие к такому обращению с лошадьми с детства. Что поделаешь, они, несмотря на свою вежливость с людьми, и не подозревают о том, что по-настоящему интеллигентный человек любит и бережет все живое, а не только себе подобных. Древние римляне называли это благородное свойство человеческой души «перспиенция».

Жестокие люди, однако, находились и среди них. Увы... Человек не совершенен, мой друг, таким он был во все времена, таким и останется.

Доктор наверняка ответил бы на вопрос Фрица с гораздо большим негодованием, если бы не был таким уставшим. Ему было очень неловко перед своими спутниками за свое неумение сидеть в седле, и он молил Бога, чтобы они не заметили, что отдых требуется не только его лошади, но и ему самому. Во второй половине дня путешественники сделали еще один привал, но, несмотря на это, вопреки опасениям дон Пармесана все же к вечеру добрались до форта Тио.

В Аргентине, как вы, мои читатели, уже поняли, многие привычные нам понятия и явления приобретают порой весьма своеобразные и неповторимые черты, присущие только этой прекрасной и удивительной стране. Вот и в понятие «форт» здесь вкладывают не совсем тот смысл, что в других странах, в частности, в государствах Северной Америки. Форт Тио представлял собой не очень большую площадку, густо обсаженную колючими кактусами — живой изгородью. На этой площадке разместились несколько убогих ранчо, которые служили казармой для человек двадцати солдат во главе со своим командиром, лейтенантом, исполнявшим обязанности коменданта этой, в общем-то, бутафорской крепости. Ворота форта, смотревшиеся довольно странно в обрамлении стволов кактусов, были распахнуты настежь. Как только путешественники подъехали к ним, навстречу им вышел сам лейтенант.

— Добро пожаловать! — приветливо воскликнул он. — Сеньоры, я бесконечно рад видеть вас... -

Он запнулся. Доктор и Фриц сразу поняли, в чем дело. Комендант не сводил глаз с хирурга. Похоже, дон Пармесан был в междуречье Рио-Саладо и Рио-Саладильо весьма популярной персоной. Придя, наконец, в себя после этой неожиданной встречи, лейтенант весело расхохотался и воскликнул:

— Сеньор хирург! Судьба благосклонна к нам, вы снова посетили наш Богом забытый уголок! Поведайте же быстрее, какие новые блестящие операции удалось провести вам с тех пор, как мы с вами расстались в Росарио?

Он не скрывал иронии, заложенной в этом вопросе. Хирург ответил ему с видом не понятого и оскорбленного в своих лучших побуждениях человека:

— Советую вам справиться об этом непосредственно у тех людей, которых я оперировал. А, кстати, господин лейтенант, у вас или ваших подчиненных не возникло с тех пор, как мы расстались, нужды в ампутации ноги?

— Должен вас разочаровать, сеньор, такой надобности никто из нас не испытывает, как это ни прискорбно для вас, все мы здоровы и отлично себя чувствуем.

— Но может быть, кто-нибудь желает, чтобы у него удалили нижнюю челюсть?

— Пожалуй, и такого человека среди нас не найдется. Я, например, со своей стороны, могу вам точно сказать, что я не смогу обходиться без нижней челюсти, да и без верхней тоже. Но может быть, мы оставим эту тему? С вами, я вижу, прибыли еще два сеньора. Познакомьте же нас!

— О... — замешкался дон Пармесан, — это благородные сеньоры, прибыли в нашу страну из Европы, но у них такие имена... такие... — труднопроизносимые, одним словом.

Приват-доцент поспешил представиться сам, а также отрекомендовал лейтенанту Фрица. После этого они спешили и по приглашению лейтенанта направились к тому ранчо, которое он занимал, как комендант форта, один. Оказалось, пеон, сопровождавший дилижанс, сдержал свое слово, что было приятно уже само по себе, и предупредил лейтенанта о скором прибытии трех путешественников, которым потребуется ночлег.

Солнце уже садилось, и солдаты начали загонять во двор форта своих лошадей и коров. Последних здесь держали в качестве ходячего запаса мясного провианта.

Беседа коменданта форта с ученым из Германии тем временем продолжалась. Слово за слово, и лейтенант постепенно начал понимать, что имеет в данном случае дело с человеком чрезвычайно наивным и непрактичным. Но, чтобы проверить, верное ли он составил себе представление об этом тщедушном иностранце, собирающемся вести палеонтологические раскопки в Гран-Чако, лейтенант задал вопрос:

— Вы хотите ждать здесь ученых и их слуг, которые придут вам на помощь?

— Нет-нет, я никого ждать не буду. Со мной ведь уже есть один компетентный в данной области человек, сеньор Пармесан, и одного слуги мне вполне достаточно.

— Я поражен. Нет, вы и в самом деле считаете, то больше вам ничего не нужно, никакой помощи?

— Ничего и никого.

— А, я понял. Вы, конечно, шутите, сеньор! Но все же ответьте мне, хотя бы в порядке шутки: как вы представляете себе собственное существование в суровых условиях Гран-Чако? Есть у вас с собой, например, мука?

— Мука? Нет.

— А вяленое мясо, сало, жир?

— Тоже нет.

— Ну тогда хотя бы кофе, чай, какао, табак?

— Нет.

— Господи! — Лейтенант начинал терять терпение. — А порох, серные спички, одежду, обувь? Ножницы вы прихватили с собой?

— Вся моя одежда на мне, — невозмутимо ответил приват-доцент, — и у меня еще есть мешочек пороха.

— Но этого очень мало! Что вы собираетесь есть? А пить? Котелок для варки у вас имеется?

Перечисляя один за другим необходимые во всяком путешествии предметы, лейтенант словно задался специальной целью найти хотя бы что-нибудь в опровержение своего первоначального мнения о докторе Моргенштерне, как о крайне неприспособленном к жизни человеке. Но напрасно он это делал.

— Котелка у меня нет потому, что я и не собирался ничего варить, — все с тем же непробиваемым хладнокровием ответил ему приват-доцент, — Мы будем пить воду из ручьев и есть мясо дичи.

— Должен вам сообщить, что Гран-Чако вовсе не изобилует ручьями. По ту сторону Рио-Саладо простираются почти безводные

труднопроходимые лесные дебри. Если вы не возьмете с собой запаса чистой питьевой воды, вам придется неделями обходиться без нее. А если не будет дождей? Что же касается дичи... Вы хорошо стреляете?

— Мой слуга Фриц — отличный стрелок. А кроме того, мы можем взять на вооружение опыт североамериканских трапперов: они питаются в основном мясом зверей, которых ловят в свои капканы.

— Но здесь не Северная Америка, сеньор, — скептически усмехнувшись, сказал лейтенант. — Кстати, и местные индейцы очень отличаются от североамериканских, встречи с ними далеко не всегда хорошо кончаются для белого человека.

— Они не сделают мне ничего плохого, если я не причиню им зла, а в мои намерения это не входит.

— Да? Как же вы, право, наивны. Послушайте: мы регулярно платим им дань в виде лошадей, быков, овец только за то, чтобы они не трогали стада в пампе. Официально мы называем эту дань подарками, что, конечно, является лицемерием с нашей стороны, но таковы правила игры, ничего не поделаешь, к сожалению. Мало того: несмотря на то, что мы эти правила неукоснительно соблюдаем, индейцы, со своей стороны, вовсе не считают нужным их придерживаться. Они частенько переходят границу и уводят из пампы сотни голов скота, иначе говоря, просто воруют. Но если бы они угоняли только скот, это было бы еще полбеды. Им ничего не стоит выкрасть и человека, чтобы потом потребовать за него выкуп. А знаете, как они объявляют свои ультиматумы? Очень просто: являются, как к себе домой, к представителям власти и говорят, сколько хотят получить, не соглашаясь ни на какие переговоры или поиск компромиссов.

— Но как же можно идти у таких нахалов на поводу? — возмутился ученый. — Их нужно наказывать!

— Об этом и речи быть не может. Если не выполнить их условия, человек, взятый ими в заложники, неминуемо погибнет, у нас нет средств для его освобождения. Поймите: вы очень просто можете оказаться в роли такого заложника.

— О нет, со мной этого произойти не может. Вы ведь меня совсем не знаете, а между тем я чрезвычайно хитер.

— Охотно верю, что в какой-то определенной области знаний вы, сеньор, может быть, и очень хитры, но только не в науке путешествий по Гран-Чако. Да что там долго говорить: та одежда, что сейчас надета на вас, никакая не одежда для Гран-Чако, в зарослях все это очень быстро превратится в лохмотья.

— Хорошо, я приму ваши советы к сведению.

— И потом, ну скажите: что это за сапоги на вас?

— А что? Отличные сапоги. В таких все гаучо ходят.

— Да в том-то и дело, что никуда они в них не ходят, а только скачут верхом на лошади, да в своих ранчо пройдутся разок-другой по полу, вот и все. Ну как вы собираетесь босыми ступнями ходить по камням Гран-Чако?

— Я планирую там передвигаться исключительно верхом на лошади.

— Но ваша лошадь может погибнуть!

— На этот случай у меня есть резервная. О, я все продумал! Послушайте, я же не сказал вам еще самого главного: в Гран-Чако мы отправимся не одни, а с друзьями.

— И кто же эти ваши друзья?

— Отец-Ягуар и его люди.

— О! Так вы знакомы с Отцом-Ягуаром?

— Да. Мы встречались с ним недавно в Буэнос-Айресе, Получилось так, что в эти места он прибыл раньше нас, но скоро мы его догоним.

— Что ж, с Отцом-Ягуаром вы будете действительно под надежной защитой. Он проезжал мимо форта недавно и проследовал в лагуну Поронгос, где, как мне помнится, намеревался пробыть два дня.

— Мы хотим быть там завтра к вечеру.

— Это вполне вероятно. Скажите, а Отцу-Ягуару известно о том, что вы собираетесь искать останки доисторических животных?

— Да, и он даже говорил мне, что в Гран-Чако их можно встретить чуть ли не на каждом шагу.

— А дал ли он вам свое твердое согласие на ваше участие в экспедиции? — со вновь проснувшимся недоверием к чудаку-ученому спросил лейтенант.

— Этого я, к сожалению, не могу утверждать, — вздохнув, ответил доктор. — Я обращался к сеньору Хаммеру с такой просьбой, но он, откровенно говоря, отказал мне.

— Да... Об этом я и сам мог бы догадаться. Разумеется, у Отца-Ягуара есть дела поважнее раскапывания костей. Значит, вы преследуете его, так сказать, тайно?

— Да, пожалуй, тайно, что по-латыни значит «кланкулум» или «кландестинус», а также «фуртинус» или «латито».

— Нет, вы, положительно, редкостный чудак, сеньор! К каким-то давно умершим древним римлянам вы относитесь с гораздо большей почтительностью, чем к необыкновенному, знаменитому живому человеку! Да оглянитесь вокруг! В пампе полно мест, где можно без всяких хлопот раскапывать кости. И при этом не подвергать свою жизнь ни малейшей

опасности, в то время как в Гран-Чако с любого дерева на вас может спрыгнуть ягуар или индеец, который не уступит этому зверю в свирепости...

— О! Встреча с ягуаром меня совершенно не страшит, я буду только рад ей.

— Рады? Ну я и не знаю, что ответить на это! — сказал лейтенант и развел руками.

— Понимаете, — стал объяснять ему доктор, — мне, как зоопсихологу, чрезвычайно интересно провести один эксперимент с этим животным. Я открыл средство, с помощью которого можно укротить без труда любого, самого свирепого зверя.

— Но такого средства не существует и существовать не может, — тихо, как говорят с упрямым капризничающим ребенком, произнес лейтенант.

— Сеньор, вы ошибаетесь!

— Ну так поведайте мне в таком случае, что это за чудодейственное средство.

— Извольте. Я отнюдь не делаю секрета из своего открытия и с удовольствием поделюсь с вами тем, что мне открылось в процессе одного, можно сказать, нечаянно проведенного мною эксперимента. Если вы хотите остановить дикого зверя, вам нужно просто схватить его за хвост, полатыни называемый «гауда».

На этот раз у лейтенанта не нашлось уже никаких слов для возражения, и он застыл на месте с открытым ртом, глядя на ученого с тем неподдельным крайним изумлением, с каким люди обычно смотрят на что-нибудь до абсурда нелепое.

— Вы удивлены? — улыбнувшись, спросил приват-доцент. — Это для вас явилось неожиданностью?

— Да, вы правы, этого я не ожидал, не ожидал... — сказал офицер, и у него вырвался короткий нервный смешок.

— Не надо смеяться, сеньор, я проверил свой вывод на практике.

— Хватать ягуара за хвост... Какая блестящая мысль!

— Да, это остроумно и в то же время просто, как все гениальное, не побоюсь этого слова.. Пока человек находится позади зверя, тот не может его укусить.

— Но ягуар невероятно гибок и изворотлив. Он может изогнуться как угодно и все равно схватит вас в конце концов.

— Нет, этого он делать не станет, потому что заревет от страха и убежит прочь.

— Нет, это в чистом виде безумие — то, что вы говорите! Я прошу, умоляю вас, слышите: никогда не проводите подобных экспериментов! Это будет стоить вам жизни!

— О вы совершенно напрасно принимаете меня за сумасшедшего. Ягуар для меня опасен гораздо менее, чем некоторые двуногие, например, один капитан из крепости Санта-Фе.

— Капитан из Санта-Фе? А когда вы встречались с ним?

— Вчера.

— Тогда это может быть только один капитан, а именно капитан Пелехо. Он был для вас, говорите, опасен... Что это значит? Он что, хотел вас арестовать?

— Ну да, произошло недоразумение, в котором нет ни малейшей нашей вины, но капитан Пришел из-за этого в неопишущую ярость. Может быть, вы хотите знать подробности этого неприятного происшествя?

— Мне бы очень хотелось узнать об этом, — ответил офицер, и лицо его при этом странно вытянулось.

И простодушный ученый, которому даже в голову не пришло поостеречься, хотя любой другой человек на его месте непременно это сделал бы, рассказал лейтенанту все, как оно было. По мере того, как он переходил от одного эпизода этой истории к другому, лицо лейтенанта становилось все более серьезным и мрачным. А когда приват-доцент закончил, комендант форта заговорил с ним уже совершенно иным, чем до сих пор, тоном, сухо и официально:

— Сеньор, сожалею, но должен поставить вас в известность: капитан Пелехо — мой непосредственный предшественник на посту коменданта этого форта, а также мой нынешний начальник, и я его очень уважаю. Сейчас он инспектирует форты, расположенные вдоль границы с Гран-Чако, сегодня находится в форте Учалес, а завтра должен прибыть к нам. Так что вам, ради вашей же собственной безопасности, будет лучше покинуть наш форт до его прибытия.

— Не стоит вам, право, так уж сильно беспокоиться о моей безопасности, — спокойно ответил доктор. — Я не боюсь вашего начальника.

— Мне глубоко безразлично, сеньор, есть у вас причина его опасаться или же ее не существует. Но я — его подчиненный и, в соответствии с принятой в армии Аргентины субординацией, отвечаю перед ним за каждое свое деяние. Не надо быть провидцем, чтобы догадаться, что ему не может понравиться то, что я предоставил вам свой кров. Сейчас, на ночь глядя, я, конечно, вас с территории форта не выгоню, но и ночевать с вами под

одной крышей тоже не могу. Вы должны понять меня и поискать себе место для ночлега в каком-нибудь другом ранчо.

После этих слов он резко встал и вышел, держа голову неестественно прямо и слегка закусив нижнюю губу. Доктор задумался, но раздумья его вскоре прервал хирург, который сообщил, что подготовил для всех троих спальные места, и спросил:

— А что это вдруг случилось с лейтенантом? Он вышел отсюда с таким лицом... Вы чем-то рассердили его?

— В общем, да, хотя, видит Бог, нисколько не желая этого. Мой рассказ об одном происшествии почему-то вызвал у него сильное раздражение. Однако для нас сейчас предпочтительнее думать не об этом, а о том, как бы получше выспаться.

Хирург привел доктора Моргенштерна в ранчо, обитатели которого ради гостей покинули его стены. В маленьком калесе чадил масляный фитилек, скупо освещавший хижину. На полу лежало несколько охапок сена, это были те самые «спальные места», о которых говорил хирург. На них путешественники немедленно и плюхнулись и спали всю ночь крепко, не хуже, чем на перинах.

Поднялись они очень рано, в тот час, когда ночная тьма только-только начинает расползаться серыми клочьями утреннего тумана. Солдаты еще спали. Путешественники отыскивали своих лошадей, сами открыли запертые на ночь ворота форта и выехали в пампу.

Фриц и хирург, бывавшие прежде в лагуне Поронгос, уверенно определили направление, в котором им следует двигаться, и тройца бодро двинулась вперед.

На этот раз доктор Моргенштерн переносил трудности скачки галопом уже гораздо легче, чем накануне. Останавливались путешественники только затем, чтобы дать лошадям вдоволь наесться влажной от росы травы, удовлетворяя таким образом сразу две их потребности — в еде и питье.

Но и сами путешественники начинали чувствовать голод. Вот тут-то ученому и пришлось внутренне признать правоту лейтенанта: за всю первую половину дня они не встретили никаких других представителей фауны, кроме стервятников, а поскольку всем известно, что мясо у них жесткое и невкусное, то и охотиться на них не стали — это не имело никакого смысла. К счастью, дон Пармесан оказался гораздо предусмотрительнее обоих немцев: накануне вечером он приобрел у одного из солдат в форте порядочный кусок свежего мяса. Радостно оживленный оттого, что может накормить своих спутников, исполняя роль сильного по

отношению к слабым, он рассек кусок на три равные части и, надо сказать, довольно ловко.

Чтобы поджарить мясо, они развели костер из сухой травы. Она вспыхнула очень сильно, и мясо скоро было готово. А когда путешественники оторвались, насытившись, от еды, то заметили невдалеке какое-то шевеление в траве. Фриц и хирург насторожились.

— Что там? Что вы заметили? — спросил их доктор.

— Там копошится вискаша, — ответил Фриц, — местный кролик.

— Где?

— Вон там... впереди, нет, чуть левее, герр доктор! Выбрался на прогулку, значит, голубчик... Эти вискаши — ребята компанейские, он тут не один должен быть.

Вискаша равнинная — действительно один из видов кролика, прижившийся в пампе, больше похож на шиншиллу, чем на зайца или кролика, и гораздо крупнее своих европейских родственников. Относительно компанейского характера вискаши Фриц был тоже прав: эти животные живут семьями, норки их имеют не один вход, а, как правило, несколько, словно в домах состоятельных многодетных буржуа, и располагаются точно в центре бугорков, которых на глинистой почве пампы встречается в иных районах немало.

Оглядевшись по сторонам, наши путешественники выбрали один из таких бугорков в качестве объекта для охоты. Моргенштерн и хирург начали немедленно его раскапывать. Фриц взял свое ружье наизготовку. Опытный охотник поступил бы, конечно, совершенно иначе и уж наверняка не ушел бы с этого места без добычи. Раскапывая норку так открыто, можно напугать вискаш, и они быстро-быстро разбегутся. Но новичкам, по известным всем законам капризной фортуны, почему-то везет: уже через несколько минут Фриц выпустил несколько зарядов в животных и издал победный клич. В руках у него болтались два вискаши. Их тушки погрузили на вьючных лошадей, и компания двинулась дальше.

Вскоре трава стала более влажной и мягкой. На севере замаячили силуэты отдельных деревьев — верный признак того, что лагуна была уже совсем близко. Это были лимонные деревья, и, значит, где-то рядом с ними имелось озеро или болото, иначе они не смогли бы выдержать суровых для них климатических условий пампы. Солнце уже приближалось к горизонту, когда путники увидели, наконец, вдали блеснувшую красновато-золотистыми отсветами на темнеющей воде полосу моря... Все бугорки и вмятины на траве под косыми лучами закатного солнца обозначились теперь гораздо более резко и отчетливо, чем днем, и стали видные

отпечатки лошадиных копыт. Скорее всего, рассудили наши путешественники, эти следы оставила экспедиция Отца-Ягуара. Стало совсем темно. Путешественники один за другим стали вздыхать — эх, сейчас бы пришпорить лошадей, но не видно ни зги...

Молча они спешили и расседлали лошадей, связав им ноги таким образом с помощью лассо, что животные могли передвигаться только крохотными шажками. Потом развели костер из сухих ветвей лимонных деревьев, благо на земле их валялось предостаточно. Мясо вискаши оказалось не очень вкусным, но, впрочем, вполне съедобным, признали все трое, сделав, правда, одну маленькую оговорку: если ты весь день провел в седле и твой желудок не сохранил после скачки даже воспоминаний о завтраке. После ужина все трое завернулись в свои пончо и чирипы и улеглись спать.

Утром они обнаружили, что находятся на восточном берегу лагуны, вблизи впадения в нее Рио-Дульсе ^[43]. Это название река получила за свою необычайно вкусную воду. Но таков ее вкус лишь в нижнем течении. А в местах, где река пересекает солончаковые почвы, употреблять ее воду в пищу из-за горько-соленого вкуса, напротив, невозможно, да и название у нее там иное — Рио-Саладильо ^[44].

Позавтракав остатками жареной крольчатины, доктор Моргенштерн, Фриц и хирург двинулись дальше по вчерашнему следу. Он долго шел вдоль берега, потом постепенно стал отклоняться от него. Вскоре они наткнулись на следы лагерной стоянки большой группы людей: несколько кострищ и довольно большую площадку, истоптанную и выщипанную лошадьми. Но как давно стояли здесь люди, они не могли определить точно, для это надо получше знать природные особенности почвы и растительности в пампе. От лагеря следы пошли в северо-восточном направлении. Потихоньку в голову доктора Моргенштерна стало закрадываться сомнение: а вдруг эти следы принадлежат вовсе не экспедиции Отца-Ягуара? Оказалось, он был не одинок в своих сомнениях. Дон Пармесан вскоре высказал то же соображение вслух.

— Нет, нет, — уверенно возразил ему Фриц, — можно наверняка утверждать, что это все-таки их следы. Я внимательно их изучил: здесь проехали двадцать четыре всадника, а их в экспедиции Отца-Ягуара именно столько, считая, конечно, и его самого.

— Но он, насколько мне известно, — сказал хирург, — собирался от лагуны двинуться к Гран-Чако, то есть на северо-запад или север отсюда, а никак не на северо-восток.

— Но почему бы не предположить, что у него появились какие-то веские причины для того, чтобы на время отклониться в сторону от первоначально намеченного маршрута? На время, понимаете... — возразил дону Пармесану теперь уже ученый, сначала думавший так же, как и он.

— То есть, если я вас правильно понял, — сказал хирург, — вы считаете, что нам нужно продолжать держаться этих следов?

— Да, конечно. Дело в том, что Отец-Ягуар, несмотря ни на какие вновь появившиеся обстоятельства, в любом случае должен быть где-то поблизости от этой лагуны. Других следов мы здесь не встретили, следовательно, вероятность того, что это следы именно его экспедиции, очень высока.

Хирург сказал, что эти доводы его убедили, и они повернули на северо-восток. Снова пошла плоская, бескрайняя пампа. И опять на горизонте небо и ковер травы сливались в одну неразделимую сине-зеленую полосу. Следы от лошадиных копыт были видны прекрасно. В полдень путникам встретился бьющий из-под земли родник, возле которого они снова обнаружили следы новой лагерной стоянки, и решили последовать примеру экспедиции Отца-Ягуара — отдохнуть также на этом самом месте.

Доктор Моргенштерн достал свой походный компас, соединенный с цепочкой от карманных часов. Прибор показал, что следы имеют тенденцию постепенно отклоняться от северо-восточного курса, пожалуй, можно даже было сказать, что теперь они шли уже на восток, а еще точнее, в направлении ост-норд-ост, и это вновь открывшееся обстоятельство очень не понравилось хирургу. Он разочарованно покачал головой и сказал:

— Если мы и дальше будем придерживаться этого же направления, то до Гран-Чако будем добираться всю оставшуюся жизнь. Если я не очень ошибаюсь, то, двигаясь этим курсом, мы минуем долину Рио-Саладо, где расположены переправы Пасо-де-лас-Кан и Пасо-Квебрахо. Я опять начинаю сильно сомневаться в том, что мы идем по следу экспедиции именно Отца-Ягуара, а не кого-нибудь другого. Не лучше ли нам, пока не поздно, вернуться к лимонным деревьям и повернуть все-таки к Гран-Чако?

— Не согласен! — запротестовал Фриц. — Сначала было бы разумнее догнать тех, по чьим следам мы идем, кто бы эти люди ни были, они, я уверен, поделятся с нами своими припасами... Очень есть хочется!

Последний аргумент оказался для дона Пармесана особенно весомым. Он согласно кивнул головой и сказал:

— Резонно. Пока мы ехали, я все время высматривал какого-нибудь зверя, чтобы подстрелить его нам на обед, но, кроме этих чертовых

стервятников, ни единой божьей твари в округе не заметил. Так и быть! Едем дальше по этим следам.

Они проехали еще несколько часов, не теряя нить следов из виду. День уже начинал клониться к вечеру, когда хирург вдруг натянул поводья и взволнованно, но очень тихо сказал:

— Страус! Там ходит страус! Вот оно, спасение от голода, сеньоры...

Действительно, невдалеке, низко наклонив голову к земле и что-то в ней роя, стоял страус-нанду. Он был настолько поглощен своим занятием, что не обращал совершенно никакого внимания на появившихся совсем близко от него людей.

— Но я слышал, — задумчиво произнес Фриц, — что страуса очень трудно поймать.

— Ваша милость права, — отозвался хирург, — но нам необычайно повезло — вот же он, совсем рядом с нами!

Доктор Моргенштерн очень серьезным тоном добавил:

— Сеньоры, позвольте мне высказать мнение исследователя-экспериментатора. Мне известен верный способ поимки этой птицы.

— И в чем же он состоит? — нетерпеливо спросил дон Пармесан.

— Как вы, вероятно, знаете, страус имеет обыкновение прятать свою голову.

— Об этом я слышал.

— Отлично. Как только он это сделает, мы подберемся к нему так же незаметно, как царь Давид к филистимлянам [\[45\]](#).

— Сеньор, я что-то не совсем вас понимаю. А вы, случайно, не шутите?

— Нисколько.

— В таком случае попробуйте сами заставить нанду спрятать свою голову

— О, это вовсе не так уж трудно, как вы предполагаете.

— Но все же как это сделать? Скажите!

— Не понимаю, право, почему вы так недоверчивы, сеньор. Вы же не знаете ни одного верного способа поимки страуса, а я знаю хотя бы этот.

Пармесан только открыл рот, чтобы снова что-то возразить доктору, как его перебил Фриц:

— Не спорьте, пожалуйста, сеньоры! У меня возникла одна идея. А в то, что страус бегаёт быстрее лошади, вы верите, дон Пармесан?

— Нет. Это утверждение противоречит тому очевидному факту, что нанду часто пасется рядом с лошадьми и коровами.

— Хорошо, тогда я предлагаю отложить на время эту теоретическую

дискуссию и посмотреть на эту птичку в деле. Значит, сделаем вот как: я сейчас слезу с лошади и залягу в траве с ружьем, а вы с доктором вспугнете его с двух сторон и погоните на меня. Могу обещать, что постараюсь не промахнуться.

Предложение Фрица было тут же одобрено. Доктор Моргенштерн направился к страусу с правой стороны, а хирург — с левой.

Вообще-то нанду ловят совсем не так. С помощью болас это удастся гораздо лучше, чем с помощью ружья.

Но так или иначе, а охота на страуса уже началась. Он же по-прежнему не замечал людей. И вдруг резко и неожиданно повернулся несколько раз вокруг собственной оси.

— Э! Да никак, — пробормотал залегший в траве Фриц, — это дама, и она собирается нести яйца! Все ясно: потому она и роет землю так остервенело — гнездо готовит. Ох, и аппетитный же омлет из них должен получиться, а главное, что его будет много, очень много. — И Фриц сглотнул слюну.

Оба загонщика гигантской птицы находились уже близко от ее хвоста, не более, чем в сотне метров. Обменявшись условными знаками, доктор и хирург одновременно пришпорили своих лошадей и с двух сторон устремились прямо на птицу. Тут уж страусиха наконец уразумела, что на нее охотятся, и рванула с места в карьер... Но где было лошади угнаться за ней!

Фриц, ощутивший вдохновляющий прилив охотничьего азарта, уперся левым локтем в землю и поднял ствол своего ружья. Грянул выстрел. Страусиха подпрыгнула, неуклюже растопырив крылья, потом закрутилась на одном месте, скорость ее вращения все возрастала, возрастала, и вдруг, как подкошенная, она упала на землю.

Фриц встал из травы, взял под уздцы свою лошадь, но направился не к убитой им страусихе, а к своим спутникам.

— Удалось! Удалось! — ликовал хирург, стремительно соскочив с лошади.

Фриц было хотел удержать его, но не успел, и через несколько секунд дон Пармесан был уже возле поверженной птицы. Однако страусиха была еще жива. Собрав остатки своих сил и злости на людей, она подняла голову на длинной шее и клюнула хирурга в плечо, да так сильно, что пробила плотную ткань пончо и сквозь дыру в нем вырвала из плеча кусок мышцы с кожей.

— О небо! О ад! — страшно закричал несчастный дон Пармесан, судорожно подпрыгивая от дикой боли. Потом простонал: — Эта дьяволица

еще жива... Она меня ранила... Теперь я умру... О-о-о!

Подождал Фриц и выстрелил в страусиху еще раз. После этого внимательно осмотрел рану хирурга. На первый взгляд, она была неопасной и неглубокой, хотя кровь из нее текла довольно интенсивно. А в клюве мертвой птицы был поистине намертво зажат кусочек плоти хирурга. С огромным трудом, но все-таки разжав клюв, Фриц вынул из него этот кровоточащий кусочек и протянул его дону Пармесану со словами:

— Сеньор! Для такого искусного хирурга, как вы, я думаю, не составит особого труда приладить этот кусочек говядины на его законное место.

— Говядины? — проревел хирург. От его голоса в этот момент кровь стыла в жила. — Или вы немедленно заберете свои слова обратно, ваша милость, или я вызываю вас на дуэль!

— Хорошо, хорошо, — сразу пошел на мировую Фриц, — беру свои слова обратно и прошу у вас прощения. Но можно, я все-таки верну этот кусочек м-м-мышцы туда, где ему надлежит быть?

— Это совсем не трудно. Но для такой операции нужны две руки, а у меня сейчас действует всего одна. Хотите помочь мне?

— Конечно, буду рад, сеньор!

— Тогда возьмите этот кусочек, постарайтесь вложить его в рану как можно точнее, так, чтобы все края его и раны совпали, а потом перевяжите плечо моим кушаком.

Моргенштерн тоже включился в проведение этой операции и помог Фрицу сделать все так, как рекомендовал хирург.

Закончив операцию, они смогли, наконец, рассмотреть убитую страусиху и нашли, что от обычной курицы эта птица отличается лишь ростом и весом. Уже ощущая во рту вкус куриного мяса, путешественники взвалили тушу страусихи на одну из своих выючных лошадей, а затем внимательно осмотрели то место, где она что-то так старательно рыла. Там, в ямке, лежали, как и предполагал слуга доктора, яйца. Гнездо было расположено не очень-то далеко от цепочки следов лошадиных копыт. Да уж, небольшого, видно, ума была эта неосмотрительная птица!

Вскоре, придерживаясь все тех отпечатков лошадиных копыт на траве, наши путешественники двинулись дальше. Теперь они держали курс на север.

— Ну как, ваша милость, вы довольны? — спросил хирурга Фриц. — Мы движемся на этот раз точно к Гран-Чако, не так ли?

— Это меня радует, конечно, но меньше, чем вы могли бы ожидать, — морщась от боли и с трудом сдерживая уже готовый вырваться стон,

ответил ему дон Пармесан. — Сделав такой огромный крюк, мы в результате подойдем к Чако со стороны Монте-де-лос-палос-Негрос, а у подножья этой вершины растут непроходимые леса. Тогда как, если бы повернули на север немного раньше, наш путь в Гран-Чако был бы несравненно более легким.

— Вы считаете, следовательно, что мы уже выехали из долины Рио-Саладо?

— Неужели в этом можно сомневаться?

Дон Пармесан задал этот вопрос тихо и как-то вяло, хотя, казалось бы, по логике его же собственного характера и поведения, ему следовало произнести его с таким праведным возмущением. Можно было подумать, что он желал получить новое доказательство недоверия к себе. Но, скорее всего, причиной вялости хирурга была просто сильнейшая боль, которую он испытывал, хотя и не жаловался на нее, в чем надо отдать ему должное.

Фриц озадаченно молчал, но тут произошло нечто, подстегнувшее всю троицу, словно электрический разряд: они заметили с правой от себя стороны пасущихся пампасовых оленей [\[46\]](#). Они поняли друг друга без лишних слов и тотчас взяли правее, не сводя трех пар глаз с одного молодого оленя, несколько отдалившегося от остального стада.

Олень заметил опасность и устремился к стаду, однако не слишком быстро, словно он моментально сообразил, что лошадям его все равно ни за что не догнать. Некоторое время между оленем и его преследователями сохранилась одна и та же дистанция, но, как только лошади перешли на быстрый аллюр, олень тоже прибавил скорость и без особого напряжения быстро добежал до своего стада, оставив охотников далеко позади себя. Теперь уже в движение пришло все стадо, устремившись к видневшемуся невдалеке лесу, в котором вскоре и скрылось. Путешественники остались не солоно хлебавши, Одно у них было утешение: они заметили, что на опушке леса блеснула под солнцем гладь воды.

— Увы, — меланхолично произнес дон Пармесан, — жаркое от нас сбежало. Сеньоры, вам приходилось когда-нибудь раньше есть мясо страуса-нанду?

— Я не пробовал его ни разу в жизни, — признался доктор. — Какого оно вкуса?

— Не отличишь от подметки, причем сильно стоптанной! Только умирая с голоду, можно заставить себя его есть.

— А масло, по-латыни «бутриум», не может его смягчить?

— Я лично никогда не пытался этим заниматься, сеньор, и не стану пытаться. По одной простой причине: ни за что на свете не соглашусь

расходовать понапрасну такой чудесный продукт, как масло, на такое плохое мясо. А почему, интересно, вы задали этот вопрос? У вас что, разве есть масло с собой?

— Нет, но на теле страусихи имеются ее собственные жировые отложения, которые можно было бы использовать в кулинарных целях.

— Жир? У страусихи! У такой-то резвой бегуньи? Да нет у нее никакого жира, разве что небольшой намек на него.

— Пожалуй, вы правы, энергия, затрачиваемая птицей при быстром беге, сжигает все ее жировые отложения, если они вдруг у нее и появятся на короткое, относительно спокойное для нее время. И все же, должен вам сообщить, жир у нее должен быть: внутри каждой мышцы любого животного есть жировые прослойки.

— Ну, если мы будем жарить страусиное мясо, надеясь на эти прослойки, то оно получится у нас не мягче хорошего кресла из дуба. Нет, и пытаться не стоит, только время потеряем. Лучше сразу подумать о какой-нибудь иной возможности подкрепиться. К тому же, поскакав за оленями, мы потеряли нашу путеводную нить — следы неведомых нам пока всадников. Надо бы вернуться к этим следам.

— Поздно, к сожалению, — сказал Фриц. — Вот-вот стемнеет. Пора подумать и о ночлеге. Благодарение Богу, хоть лошади наедятся здесь прекрасной травы. Не стать ли нам всем тоже травоядными? Сколько проблем сразу бы отпало!

Фриц был, как в большинстве случаев, прав, но не учел одного очень важного обстоятельства: за ночь трава впитывает очень много влаги, и наутро следы на ней различить будет невозможно.

Путники подъехали к лесу, спешили, осмотрелись. Лес был довольно густой, состоявший из кактусов нескольких видов, а также огромного разнообразия видов бобовых растений. Край леса огибал неширокий ручей, впадавший невдалеке в небольшое озерцо с прозрачной, чистой водой. Возле него наши путешественники и расположились. Вскоре разгорелся костер, и — делать было нечего — они взялись за приготовление жаркого из страусиного мяса. Разделка птицы оказалась делом далеко не простым. Кожу они с нее стянули вместе с перьями. В желудке у страусихи были остатки растений, песок, камни, а еще лезвие ножа и шпора от сапога гаучо. Страусиха, похоже, была не особенно разборчивой в еде. Мясо ее, однако, с виду не производило впечатление грубого и резалось довольно легко. Дальнейшее исследование внутренностей птицы показало, что яиц она могла снести еще очень много: самые маленькие из них были размером с горошину, а иные — с кулак

молотобойца. Самые крупные из них путешественники положили в золу от костра, но запах, который пошел от печеных яиц, нельзя было назвать приятным. Грудинная часть мяса страусихи выглядела очень аппетитно и была немедленно отправлена на вертеле из ветки в огонь, но едва Фриц взял в рот первый кусочек этого жаркого, как тут же его и выплюнул, и еще очень долго потом прокашливался, словно в горле у него сильно першило.

— Кошмар! — наконец выдал он из себя. — Это и верно настоящая подметка!

Доктор Моргенштерн не смог откусить и самого маленького кусочка.

— Хм... — вслух подумал Фриц. — А что, если сделать из этой подметки отбивную?

Положив свой кусок мяса на землю, он отбил его как следует дулом своего ружья. Мясо стало как будто бы несколько мягче, во всяком случае, на вид... Но когда его снова подержали над огнем, приобрело твердость настоящего камня.

— Итак, — резюмировал Фриц с профессорским видом, — мы убедились в абсолютной верности гипотезы о том, что мясо маленьких птичек гораздо вкуснее и нежнее мяса гигантских представителей царства пернатых. Мы зря израсходовали наш порох, друзья мои, вот что я вам скажу! Да еще понапрасну взяли грех на душу, убив эту совершенно бесполезную для нас птичку. Ужасно! Где же нам теперь добывать пропитание?

Над головой Фрица раздался какой-то непонятный шорох, словно там, прячась за сплетением зеленых плетей одного из бобовых, сидел некто, собиравшийся дать ответ на вопрос Фрица, почти риторический в сложившихся обстоятельствах. Фриц поднял глаза. Да, это был прямой ответ, воплощенный в животном, сильно напоминавшем ящерицу и отдаленно змею, словом, небольшого дракона, и не сводившем своих светлых мерцающих глаз с огня. Не раздумывая, Фриц выстрелил в него. Животное упало к его ногам.

Доктор и хирург подскочили к Фрицу.

— Что это? Кто это? — удивленно спросил ученый. — Да ведь это... Кто бы мог подумать! Неужели?

— Да-да. Игуана собственной персоной, — разрешил его сомнения Фриц.

— Игуана! — радостно повторил хирург. — Замечательно! Ее мясо — самый большой деликатес на свете! Но имейте в виду, это очень злое животное, чуть что — кусается. Пока не убедитесь, что игуана мертва, лучше не приближайтесь к ней.

Убитая игуана лежала на земле абсолютно неподвижно. И все же Фриц и хирург подходили к ней на цыпочках, затаив дыхание.

Игуана, или, по-другому, лигуана, — большая южноамериканская ящерица, живущая на деревьях. На ее широкой плоской голове растянута в зловещем оскале большая пасть с несколькими рядами острейших зубов. На спине торчит не менее ужасный колючий гребень. Туловище венчает длинный-преддлинный хвост. Лапы у игуаны мощные, с длинными когтями. На горле болтается кожаный мешок. Эта ящерица великолепно плавает и необычайно проворно передвигается по ветвям деревьев. Питается как животными: мелкими птичками и насекомыми, так и растениями: молодыми побегами деревьев, листьями и цветами. Обычные размеры игуаны — полтора метра в длину и метр в высоту, разумеется, если считать вместе с гребнем. Мясо этого монстра действительно, как сказал дон Пармесан, очень вкусное и нежное.

Но доктор задал своим спутникам весьма неожиданный для них вопрос:

— Неужели вы не остановитесь перед тем, чтобы употребить в пищу этот экземпляр редкого представителя местной фауны?

— Конечно. Игуана особенно вкусна, если зажарить ее на костре прямо с чешуей. А вы, сеньор, разве не знаете этого? — ответил ему хирург, в свою очередь, вопросом на вопрос.

— Странно, право, сеньор, что именно вы подвергаете сомнению мои знания зоолога. Да, мне хорошо известно, что мясо этой ящерицы люди употребляют в пищу, но меня вы можете исключить из числа едоков на этот раз. Я предпочел бы в данном случае даже весьма часто используемых в китайской кухне дождевых червей, трепангов и голотурий, но ни за что не буду есть игуану.

— Подождите еще немного, ваша милость, не ложитесь пока спать! — сказал хирург. — Скоро жаркое уже будет готово, и, может быть, когда вы его увидите и понюхаете, как оно пахнет, передумаете...

И он протянул руку с ножом к игуане, чтобы начать ее разделывать. Но неожиданно Фриц отвел его руку, сказав несколько вызывающим тоном:

— Пойдите, сеньор! Давайте уточним одну небольшую деталь. Ответьте мне: кто из нас подстрелил игуану?

— Ну вы...

— Правильно. Следовательно, она — моя собственность. Каждый, кто захочет отведать ее мяса, должен мне заплатить за это.

— Заплатить? Но это же смешно! Позвольте узнать, сеньор, на каком основании вы утверждаете такие странные вещи?

— На том же, на каком вы хотели посчитаться со мной, вызвав меня на дуэль за «говядину».

— Но в том случае все было правильно и справедливо. Если кабальеро подвергся оскорблению, сатисфакция по законам чести обязательна.

— А в случае с игуаной тоже, если как следует в нем разобраться. Вы потребовали от меня платы за свою собственность в виде выстрела, который вполне мог бы оборвать мою жизнь. Я же поступаю гораздо гуманнее, требуя с вас за свою всего лишь денег. Итак, довольно этих выяснений отношений, фунт мяса игуаны сегодня стоит... пятьдесят бумажных талеров — вот сколько. Но я передумал и вообще не буду его продавать.

— Сеньор... Но вы... шутите?.. — весь дрожа, спросил хирург.

— Я серьезен, как никогда. Тот, кто требует сатисфакции в виде выстрела за ничтожный проступок от своего товарища, не вправе рассчитывать на снисходительность по отношению к себе.

Фриц отрезал от туши игуаны порядочный кусок мяса, нацепил его на заостренную ветку и пристроил над пламенем костра. И очень скоро от мяса поднялась тонкая струйка волшебного аромата...

— Хм. Недурно! — заметил Моргенштерн. — Если эта ящерица и на вкус в самом деле так же хороша, как идущий от нее аромат, я, пожалуй, не устою...

На это отступничество доктора Фриц, поглощенный процессом приготовления экзотического жаркого, никак не прореагировал.

Ему уже приходилось пробовать мясо игуаны, и он хорошо представлял себе, что произойдет с его спутниками, когда оно будет полностью готово.

Наконец этот вождельный всеми тремя путешественниками момент наступил. Изумительно вкусный запах, казалось, поглотил все остальные на берегу озера, во всяком случае, он тут главенствовал и мог свести с ума голодного человека... Тем не менее хитрец Фриц продолжил пытку для своих спутников: медленно отрезал себе маленький кусочек мяса, положил его в рот и изобразил на лице величайшее наслаждение, закатив глаза к небу и как бы от восхищения слегка помычав. Для донна Пармесана это было слишком, он не выдержал и, начисто забыв о своей обиде, робко спросил:

— Сеньор, вы действительно не желаете продать ни одного куса?

— Нет.

— И даже самого маленького кусочка?

— Даже самого маленького.

— Скажите тогда... — дон Пармесан сглотнул слюну, — а сколько стоит тот кусочек, который вы сейчас едите?

— Вы — неплохой едок, поэтому для вас всего лишь сто бумажных талеров.

— Ну и ну! И таких денег вы требуете за один лишь небольшой кусок? Да его всего раз десять укусишь, — дон Пармесан опять сглотнул слюну, — и ничего не останется...

— Я знаю, что вы способны делать огромные укусы, сеньор. Нормальных укусов в этом куске двадцать. Десять — это как раз фунт. Так что вы должны мне за два фунта ровно сто бумажных талеров.

— Но это неслыханно дорого! Я прошу вас, скиньте цену, ну вспомните о том, что я все-таки раненый!

— О, я, разумеется, помню про это. Раненый должен соблюдать диету, а самое лучшее для него — несколько дней вообще ничего не есть. Забыть о еде, и все!

— Это невозможно, когда рядом жарится такое ароматное мясо! Сеньор, вспомните, как поступают, в таких случаях благочестивые люди, думающие о ближнем своем. Я готов заплатить вам!

И он достал трясущимися руками кошелек из кармана.

— Не надо, спрячьте ваши деньги! — воскликнул сбросивший наконец маску стяжателя Фриц. — Я ничего с вас не возьму. Мне просто очень хотелось преподнести вам один урок, чтобы раз и навсегда поняли, что нехорошо, неприлично предъявлять по мелочным поводам претензии к товарищу, то есть, как вы только что сказали, «ближнему своему», с которым делишь все трудности и опасности пути и в любой момент можешь попасть в ситуацию на грани жизни и смерти. Я никогда бы не поступил так, как вы. «Все мое — твое» — это главный закон в таком путешествии, на которое мы решились. И, конечно же, игуана — общая собственность. Ешьте, сколько хотите!

Конфликт был исчерпан. Произнеси Фриц еще несколько фраз, дон Пармесан, вполне возможно, уже не перенес бы этого просто физически. Главное, что он понял из нравоучительного спича Фрица, это то, что все преграды отпали и можно есть! Быстренько-быстренько он отрезал себе порядочный кусок мяса и впился в него зубами. Фриц тоже отрезал себе еще кусочек. Подошел доктор Моргенштерн. Некоторое время он молча взирал на трапезу своих спутников, а потом робко поинтересовался:

— Фриц, а что, это действительно так вкусно?

— В высшей степени!

— Тогда, пожалуй, и я попробую немножко. Но, прошу вас обоих

иметь в виду, только для того, чтобы потом иметь право сказать, что я ел мясо игуаны.

— Я, разумеется, так сразу и понял, герр доктор. В самом деле, ну что будут говорить о вас в Ютербогке, когда узнают, что вы путешествовали по Южной Америке и не попробовали мяса игуаны! Это же нонсенс! Так я отрезаю?

— Конечно, отрезай!

И Фриц очень быстро зажарил для своего хозяина новый кусок мяса. Доктор попробовал его, нашел, что вкус мяса оказался не хуже того аромата, что оно распространяло, пока жарилось, но интерес исследователя все-таки победил в нем аппетит проголодавшегося человека. Он пристально всмотрелся в структуру волокон мяса игуаны, потом повертел кусок так и этак и, наконец, изрек:

— Эта ящерица заслуживает того, чтобы быть переведенной в более высокий разряд животного мира. Такого нежного мяса нет ни у птиц, ни у рыб, ни у млекопитающих. Я обязательно отмечу этот факт в одной из своих будущих научных работ

Доктор, его слуга и хирург доели мясо в молчании, ибо слов, отражающих то наслаждение, которое они испытывали, уже не находили... Спать они улеглись с приятными мыслями, и сон их был глубоким и спокойным.

Глава VII

ГИГАНТСКАЯ ХЕЛОНИЯ

Когда Фриц проснулся на следующее утро, то первое, что он увидел, — хирурга, который хлопотал над разгоравшимся костром, собираясь заняться приготовлением завтрака из остатков мяса игуаны. С резвостью берлинского уличного мальчишки Фриц выскочил из своего пончо, свернутого на ночь коконом, и подбежал к дону Пармесану, жизнерадостно заявив, что тоже давно не ел ничего вкусенького.

Эти его слова разбудили доктора Моргенштерна. Сквозь еще не разлипшиеся после сна ресницы он осмотрелся по сторонам. Утро было ясное, тихое, свежее. Капельки росы на изумрудно-зеленой траве поблескивали в косо падающих на землю лучах восходящего солнца, как осколки бриллиантов. Сквозь прозрачную гладь озера просматривалась дно. Притяжение этого магического кристалла чистой воды было так велико, что ученый залюбовался им. И вдруг резко вскочил на ноги, воскликнув:

— Друзья мои! Я совершил потрясающее открытие: мы можем разнообразить свое меню. В этом прекрасном водоеме, оказывается, водится рыба! Только как же ее поймать?.. У нас нет ни сети, ни удочек.

— Я знаю, как это сделать, — заявил Фриц. — Мое пончо, как мне кажется, может на время стать неводом. Поможете, доктор?

Доктор ответил согласием, и они вошли в воду, держа пончо за концы с противоположных сторон. Озеро было неглубоким, и они смогли достать серединой провисшего полотна пончо почти до дна. Очень скоро над пончо появились несколько меланхолично ворочающих плавниками рыб, видно, никем никогда не пуганных. По сигналу Фрица, рыболовы резко подняли вверх свой импровизированный невод. Через несколько секунд выяснилось, что в пончо находится весьма приличный улов. Вдохновленные успехом, рыбаки проделали эту операцию еще и еще раз. Теперь, по крайней мере, дня три голодная смерть им больше не угрожала, а рыба, судя по ее аппетитному виду, должна была оказаться очень вкусной. Однако требовалась упаковка, способная сохранить как можно дольше улов от порчи. Опять же по совету Фрица они, сев на корточки, занялись заворачиванием каждой рыбины во влажные широкие листья, сорванные с одного из ближайших деревьев. Доктор и тут показал себя старательным

работником. И вдруг он замер на месте: его взгляд случайно упал на нечто странное. Это был круг в траве почти правильной формы, внутри которого трава была значительно ниже, чем по соседству, зеленый цвет ее приглушали обширные пятна болезненной желтизны, а также цвет песка, проглядывавшего сквозь редкие здесь чахлые кустики травы. Привстав, доктор увидел, что круг значительно больше, чем показалось ему сначала, а периметр его очерчен четкой линией песка, вдоль которой не росло уже ни травинки. Столь локальное вкрапление песка на глинистой почве было тоже странным и необъяснимым. Заметив, что хозяин чем-то озадачен, к доктору Моргенштерну подошел Фриц. Обращаясь вроде бы к нему и в то же время ни к кому в отдельности, доктор рассуждал вслух:

— Интересно! Круг выпуклый к середине, трава внутри него чахлая. Может быть, какая-то преграда мешает ее корням получать полноценное питание?

Чтобы проверить свое предположение, он взял нож и воткнул его в землю. Лезвие ножа вошло примерно на пять дюймов и наткнулось на что-то твердое. Он повторил то же самое на другом месте — с тем же успехом. Следовательно, предположение было верным.

Но откуда все же здесь песок? Вокруг, на всем пространстве, которое был в силах охватить его взгляд, не видно ни песчинки. И почему в центре круга почва приподнимается? Доктор продолжал втыкать нож в землю, каждый раз делая при этом несколько поворотов лезвия.

Фриц спросил его:

— Что вы делаете, герр доктор?

— Пытаюсь понять, что это такое. Скажи, Фриц, слышал ли ты когда-нибудь о так называемых ведьминых кругах?

— Слыхивал кое-что, и не раз. Так называют круги на лугах, вытопанные ведьмами, которые выплясывают свои дикие шотландские танцы в Вальпургиеву ночь [\[47\]](#).

— Никогда не слушай рассказы суеверных невежд. Эти круги обязаны своим происхождением некоторым видам грибов, мицелий [\[48\]](#) которых располагается кольцеобразно.

— Все, понял! Значит, это тоже «ведьмин круг»?

— Может быть, может быть... но очень своеобразный. Когда в подобных местах, так сказать, танцуют ведьмы, трава бывает вытоптана равномерно, здесь же она растет клочками, а на периферии круга, напротив, ее нет совсем. И откуда же, в конце концов, взялся этот песок?

— Так это его ведьмы на помеле принесли.

— Никогда не говори подобных глупостей, я тебя прошу! Ты ведь и сам не веришь в этих ведьм!

— Не верю. Потому что их всех сожгли в свое время, и правильно сделали. А может, тут кто-то клад закопал? Или погребено какое-нибудь доисторическое животное?

— Что? Что ты сказал? Фриц, ты не представляешь, до какой степени ты можешь оказаться прав.

— Насчет клада или животного?

— Насчет и того, и другого, потому что если здесь покоятся действительно останки мамонта или какого-нибудь еще из его современников, то для меня эта находка может оказаться настоящим кладом, нет, гораздо ценнее! Да и ты сам, я думаю, не сможешь остаться равнодушным к ней.

— Пожалуй. И смогу сказать, как сказал глухой, получив оплеуху: «Это я хорошо расслышал». Я бы — откровенно говоря — предпочел, конечно, клад. Но думаю, в таких местах, как это, главное — докопаться до того, что закопано, а тогда уж решать, ценная это находка или нет

— Ты прав, надо немедленно начинать копать! Неси-ка сюда инструменты!

Когда доктор и его слуга уже начали копать, подошел дон Пармесан и напомнил, что для того, чтобы догнать экспедицию Отца-Ягуара, надо немедленно трогаться в путь. Доктор попытался было объяснить ему, почему им необходимо задержаться здесь на некоторое время, но хирург и слышать ничего не хотел об этом, пока ученый не сказал ему, что, если они найдут здесь скелет мегатерия или нечто ему подобное, он заплатит ему тысячу бумажных талеров. В глазах хирурга вспыхнул огонек интереса, и он спросил:

— Неужели вы настолько богаты, сеньор?

— Мое состояние позволяет мне не скупиться на затраты в подобных случаях.

— Тогда я буду помогать вам, даже если эти раскопки займут целую неделю.

И они дружно заработали, Фриц и дон Пармесан штыковыми лопатами, а доктор — киркой. Очень скоро под слоем глинистой почвы они наткнулись на какой-то непреодолимо твердый слой. Доктор осторожно, руками разгреб землю вокруг одного из таких мест, где этот слой уже проглянул. Это было что-то чрезвычайно твердое, гладкое, напоминавшее черепаховый панцирь, при ударе лопатой отзывавшееся глухим звуком, характерным для стен, за которыми имеются какие-то пустоты. Доктор

подпрыгнул, как Арлекин в итальянской комедии дель арте [\[49\]](#), и ликующе выкрикнул:

— Эврика! Эврика! Я нашел! Нашел!

— Что вы нашли? — спросил Фриц, глядя на то место, куда входила его лопата.

— Животное, гигантское животное. Это глиптодонт, без всякого сомнения, глиптодонт!

— Никогда не слышал, чтобы в Штралау или Ютербогке какую-нибудь божью тварь называли таким странным словом.

— Это гигантский броненосец.

— То есть животное с гигантским скелетом! А оно не нападет на нас?

— Ну что ты? Оно давно мертво. Этот зверь жил на земле еще до потопа.

— Ой, значит, этот бедолага утонул... А какой он был величины, этот пловец-неудачник?

— Примерно как нынешние тапир или носорог. Метра полтора в длину.

— Понятно. Голыми руками такого не возьмешь. Ну ничего! Вот сейчас мы его достанем и рассмотрим как следует этого красавца.

— Но надо принять во внимание одну важную вещь: даже небольшое повреждение скелета глиптодонта сразу снизит ценность нашей находки. Надо очень осторожно обращаться с ним.

— Хорошо! Мы будем раскапывать его... с нежностью!

И они с хирургом продолжили свою работу, не обращая на доктора уже никакого внимания, а между тем поглядеть на него стоило хотя бы для того, чтобы увидеть своего рода олицетворение энергии вдохновения: глаза его светились, лицо покраснелось, руки дрожали, весь он был как в лихорадке. Доктор все больше расширял площадь открывшегося панциря, сопровождая свою работу подробными объяснениями, и при этом выступал в роли лектора. Темой этой своеобразной лекции, предназначенной для его спутников, была, естественно, доисторическая эпоха в жизни нашей планеты и животные, существовавшие в те времена. Фриц и дон Пармесан слушали и продолжали копать, отбрасывая песок лопатами... И вдруг — о-о-о! — Фриц мгновенно ухнул куда-то вниз с жутким воплем. Его спутники моментально выскочили из ямы.

— Надеюсь... — еле дыша произнес ученый, — с ним не случилось никакого несчастья, по-латыни «инфортуниум»...

— Он провалился, провалился... земля разверзлась под ним... — ответил растерянный и не на шутку перепуганный дон Пармесан.

Доктор осторожно приблизился к яме и прокричал в ее непроглядно-черную глубину:

— Фриц, Фриц, дорогой, ты жив?

— Жив и прекрасно себя чувствую! — донеслось оттуда.

— Как это произошло и куда ты провалился?

— Деятнадцатый век сбросил меня со своего баланса, и я попал прямо в эпоху потопа.

— Ты ранен?

— Нет. Этот парень в панцире недурно воспитан и ведет себя вполне прилично. Сидит тихо, меня не трогает.

— Вылезай быстрее! Ты можешь отравиться ядовитыми газами!

— Да что вы? Тут очень уютно. Идите лучше вы ко мне! Я тут занял вам два местечка. Учтите, два местечка в доисторическом периоде! Где еще вы получите такой шанс!

Шутливый тон ответов Фрица успокоил доктора, и он начал спускаться в яму. Сначала, на протяжении примерно четырех футов, она шла вертикально вниз, а дальше под довольно острым углом уходила тоннелем вбок. Фриц, судя по его голосу, находился где-то в той стороне. И он подтвердил это сам, прокричав:

— Герр доктор, я вижу ваши ноги! Вы находитесь как раз возле брюха этого гигантского зверя. Присядьте пониже, я втащу вас сюда за ступни. Тут есть очень удобная для этого канавка!

Так он и сделал. Оказавшись наконец рядом с Фрицем, доктор осмотрелся. Они находились в небольшой пещере, видимо, как-то связанной с той ямой, в которую провалился Фриц и из которой сюда проникал дневной свет, достаточно четко обрисовывавший внутренность пещеры. Она была овальной, локтя два в высоту, здесь, пожалуй, могли совершенно свободно расположиться сидя человека три. Потолок пещеры довольно темного цвета по форме напоминал внутренний изгиб емкости тарелки, а пол был совершенно ровным и отчасти покрыт песком, из-под которого проглядывала глина.

— Ну как? Что скажете насчет этой мамонтовой пещеры? — весело спросил Фриц.

— Нет, о мамонте здесь не может быть и речи. Как я уже говорил, это глиптодонт.

— А что, разве эти животные состояли из глины?

— Конечно, нет! Ты можешь убедиться в этом сам, потому что мы сейчас с тобой сидим не где-нибудь, а внутри туловища, вернее, скелета глиптодонта. Его скелет нельзя спутать, по-латыни «пермуто», со скелетом,

например, мегатерия. У глиптодонта круглая, приплюснутая голова. Панцирь, покрывающий его от шеи до хвоста, оставляет открытым только живот и состоит не из круглых, а шестиугольных пластинок, сцепленных друг с другом таким образом, что они составляют очень прочное и твердое покрытие. Мы очень легко можем определить по хвосту, в какой именно части скелета глиптодонта находимся: передней или задней.

Он приподнялся и ощупал потолок «пещеры». Фриц покачал головой, сказав:

— Раз он такой весь бронированный, а на брюхе у него никакой покрышки нет, то по бокам, я так понимаю, должны быть выемки от боковин панциря, а тут все забито глиной.

— Это произошло, видимо, под давлением земных слоев. Вот уберем мы эту глину и извлечем на свет Божий боковые стенки панциря. Сделаем так: я пришлю сюда к тебе на помощь хирурга, и вы будете разгребать глину снизу, а я сверху. До вечерних сумерек, по-латыни «крепускулум», надо закончить эту работу.

И они стали разгребать наслоения глины. Доктор работал, не замечая того, что пот струится по его лицу ручьями. Он думал только о славе, которая его ожидает, если ему удастся обнаружить это ископаемое в его естественном склепе. Он докажет, что панцирь броненосца по форме вовсе не труба, а перевернутая чаша. Но вот Фриц и хирург разрушили наконец глиняные стенки этого склепа. Но никаких боковых сторон панциря не обнаружилось...

— Да-а, — протянул Фриц, — видно, у существ этого вида была мода носить панцири только на спине.

Доктор Моргенштерн был совершенно обескуражен и ничего не отвечал. Понуру опустив голову, он уставился сумрачным, застывшим взглядом себе под ноги... Помрачнели и два его товарища, не зная, как вести себя в этом случае. И вдруг ученый энергично вскинул подбородок. Лицо его словно осветилось изнутри, и он издал ликующий крик:

— Фриц, ты снял у меня камень с сердца. А я уже начинал думать, что все наши усилия напрасны. Итак, это животное имело щит только на спине, по-латыни «глипеус». Панцирь, панцирь... А скажи мне, пожалуйста, друг мой дорогой, каких ты знаешь существ, в название которых входило бы слово «панцирь»?

— Пожалуйста. Житель Шильды! [\[50\]](#)

— Ладно, тебе все бы только шутить! Я все больше склоняюсь к мысли, что мы нашли вовсе не броненосца, а черепаху [\[51\]](#), гигантскую

черепахе невероятно огромных размеров даже для этого вида доисторических существ. Хотя я прежде никогда ничего не читал и не слышал о них. Какая удача, что именно мы обнаружили ее здесь! Представляю, какую сенсацию вызовет мое сообщение об этом в ученом мире!

— Если это действительно она!

— Никаких сомнений. И я сейчас докажу, что это так.

Он зачерпнул своей шляпой воду из озера, вылил ее на панцирь и стал его начищать пучком травы.

— Видишь, — торжествуя заявил зоолог, — я был прав: это не что иное, как рог, и весьма мощный. А эта выпуклая плита — спинной панцирь гигантской черепахи, по-латыни называемой «хелония мидас».

— Эти слова меня очень радуют, если только мы опять не ошибаемся. А вдруг черепахи юрского периода в результате всех изменений, которые этим несчастным пришлось претерпеть, превратились в древесных лягушек?

— Да ты, видно, не в себе, Фриц! Надо же такое сказать! Кстати, древесная лягушка по-латыни будет «хила»! Могу поклясться, что мы имеем дело с останками гигантской черепахи!

— Но разве у черепахи не два панциря?

— Два: сверху и снизу...

— Но у этого животного в наличии только один. Должно быть, второй оно где-то потеряло или проиграло.

— Фриц, ты опять говоришь глупости. Тело черепахи находилось между двумя панцирями, но оно давно истлело, в результате чего и образовалась эта пещера. А ее пол — не что иное, как второй панцирь, прикрывавший живот черепахи снизу. Я уверен, что мы его непременно обнаружим под слоем глины.

— Хотелось бы в это верить. Но, судя по звуку, который получается, когда мы бьем по этому полу, под ним — пустота.

— А звук-то — гулкий... Это только подтверждает мое предположение. Панцирь резонирует так оттого, что ты стоишь приблизительно над его центром, то есть в низшей точке. Надо поскорее до него докопаться.

— Но, ради Бога, только не сейчас, давайте сначала чего-нибудь все-таки съедим. Ведь уже наступил полдень, и у нас есть чудесная рыба, которую мы можем испечь или зажарить на костре.

Хирург поддержал слугу доктора, но сам доктор согласился на это с большой неохотой. Сейчас он не ощущал голода вообще, настолько

захватили его раскопки. И когда Фриц и дон Пармесан начали приготовления к обеду, ученый отошел в сторону, его все время тянуло к этому панцирю... Он поскреб его, постучал по нему, прислушался... подошел к своим спутникам и сказал:

— Я не буду есть. Не могу успокоиться, пока не найду нужный панцирь. Мой желудок, по-латыни «вентрикус» или «стомахус», как будто зашнурован.

— Это плохо для здоровья, — рассудительно сказал Фриц. — Но я против этого! Вот я, когда бываю сильно чему-нибудь рад, то ем за двоих. Если вы, герр доктор, не расшнуруете ваш желудок, то погибнете от голода из-за этой черепахи. Какая будет потеря для науки! Нет, определенно вредно так сильно волноваться.

— Ты меня не понимаешь, Фриц! Эта находка грандиозна и уникальна. И потому-то мне сейчас нет дела ни до чего на свете.

— А можно узнать: что конкретно так занимает вас сейчас?

— Разные проблемы, и одна из них — правильно ли мы определили это животное.

— Почему вы сомневаетесь? Ведь мы, как мне кажется, уже пришли к выводу, что это — черепаха.

— Да, но в науке, в зоологии в частности, принято закреплять за всеми видами живых существ и растений, кроме их современных названий, еще и латинские. Как же назвать эту нашу находку по-латыни?

— О! Неужели это представляет для вас какую-нибудь трудность? — вполне искренне удивился Фриц. — Насколько я успел заметить, латынь вы знаете великолепно. Ну назовите его так, как вам хочется.

— Дело не в том, насколько хорошо я знаю язык древних римлян, хотя я его, конечно, знаю неплохо. Латинские названия даются не по чьему-либо произволу, а в соответствии с определенной классификацией, первое слово обозначает вид, второе — род животного.

— А хотите, я вам помогу? Сейчас мы подберем ему научное имечко по всем правилам. Скажите мне, пожалуйста, а как звучит по-латыни «черепаха»?

— В основном «тестудо». Но есть виды, которые носят названия «кистудо», «эмис», «хелидра», «трионихида», «сфаргис» и «хелония». «Хелония мидас», к примеру, и есть гигантская черепаха [\[52\]](#).

— Вот мы и нашли ей имя!

— Верно! Но мы не можем назвать так нашу находку, поскольку и в наши дни еще существует вид, называемый «хелония мидас». А наш зверь гораздо больше.

— Действительно, это настоящий Голиаф среди черепах...

— Постой, постой! А ты хитроумный парень, Фриц. Да, имя для этого животного существует: гигантская хелония.

— Ей-богу, ну и чудачки вы, ученые! — сказал Фриц, пожимая плечами. — Зачем ей еще и латинское имя, как будто с нее недостаточно обычного? Тем более, что эта черепашища исчезла с лица земли еще вон когда — во времена Ноя, я бы так ее и назвал: «гигантская Ноева черепаха». Меня другое огорчает: жаль, что мясо ее не сохранилось. Эх, сколько бы из него вышло замечательных черепаховых супов! Увы!

— Да, судя по тому, что оба панциря отстоят достаточно далеко друг от друга, мяса там было предостаточно. Кстати, о мясе: вот теперь, когда мы нашли черепахе латинское имя, можно и пообедать. И побыстрее — работы нам предстоит еще достаточно много.

Они поели на скорую руку жареную рыбу, и Фриц с хирургом опять спустились в яму. Доктор работал очень усердно, как и до обеда, наверху, и не заметил, что с востока к ним начала приближаться группа всадников, человек так пятьдесят, а может, и больше... И почти одновременно с юга — пятеро других, но они были гораздо дальше от места исторических раскопок гигантской хелонии и смотрелись пока как маленькие, едва заметные точки на горизонте.

Первая группа состояла главным образом из индейцев, вооруженных луками, стрелами, длинными копьями и духовыми ружьями. Только один из них, судя по его виду, вождь, имел при себе ружье. По правую и левую руку от вождя скакали двое белых, на обоих были пончо с красно-голубыми полосами. Они были вооружены двустволками, револьверами и ножами. Один из них был знаменитый тореадор Антонио Перильо, а другой, постарше, — тот самый человек, который вместе с ним выслеживал Отца-Ягуара после званого вечера на квинте банкира Салидо.

Они пустили лошадей рысью вдоль опушки леса. Ехали молча. Наконец старший из белых поднял руку, придержал лошадь и, повернувшись к вождю, сказал:

— Что это? Да мы тут, оказывается, не одни! Там, у воды, кто-то копает землю. Видишь?

Индеец посмотрел в этом направлении и ответил по-испански (говорил он на этом языке вполне свободно, хотя и коверкал слова, но не подыскивал их):

— Хола! Белый у нашего источника и нашего тайника! Он разграбит его. Вайя! Туда!

Но белый, что постарше, остановил его жестом и сказал:

— Не надо так торопиться! Сначала надо за ним понаблюдать, разведать, с какой целью он тут копает, а потом уже нападать. Он все равно не сможет оказать нам никакого сопротивления.

— Если он тут один. Но один он или с целой компанией, мне безразлично. Я — великий вождь абипонов, и мое имя тебе известно. Так неужели ты думаешь, что Бесстрашная Рука испугается каких-то белых проходимцев!

— Я знаю, что Бесстрашная Рука — храбрый воин, и не хотел тебя обидеть. Но ты сам подумай: зачем этому человеку забираться в такую глушь, если не для того, что раскопать наш арсенал? Кстати, теперь я уже точно знаю, сколько еще человек здесь с ним. Вон, видишь, пасутся пять лошадей.

— Стойте, стойте! Он небольшого роста и одет в красное пончо. Невероятно... Если мои глаза меня не обманывают, то это тот самый полковник, который в Буэнос-Айресе выдавал себя за ученого из Германии.

— Тысяча чертей! Неужели такое возможно? — спросил пожилой белый.

— Я очень хотел бы усомниться в этом, но должен огорчить тебя — это он, вне всякого сомнения. Вне всякого сомнения. Пойми, он не просто похож на полковника, тут налицо полнейшее сходство. И потом, скажи мне: ну зачем безобидному ученому оружейный арсенал? А вот полковнику очень даже нужно его найти и забрать — чтобы мы не смогли вооружить индейцев, когда начнем военные действия. Этот негодяй Глотино постоянно путается у нас под ногами и перекрывает нам все пути. Пора с этим покончить! В Буэнос-Айресе пуля прошла мимо него, но здесь такого не повторится. Клянусь!

И он выхватил револьвер из-за пояса.

— Тихо! Не стоит так горячиться! — остановил его другой. — Сначала он должен рассказать нам, что он здесь делает и откуда ему стало известно про наш тайник. Кроме того, мы можем использовать его как заложника. Пользы от этого можно получить намного больше, чем от того, что просто пристукнуть его... — Он вдруг осекся и встрепенулся всем телом: — Что это, во-он там? — И он указал движением подбородка в сторону пяти движущихся точек на юге.

Все посмотрели в ту сторону, и Антонио Перильо сказал:

— Это может быть только капитан Пелехо, с которым мы должны встретиться здесь. Значит, все идет так, как задумано, хитрость удалась, и наш сообщник получил поручение инспектировать границы. Называется, доверили козлу капусту! Ха-ха! Теперь все укрепленные пункты вдоль

границы в наших руках. Как только наши союзники получат сигнал о выступлении, они смогут молниеносно захватить их. Думаю, медлить больше нельзя. — И он снова стал наблюдать за раскопками: — Вы смотрите, этот наглец полез прямиком в наш арсенал. Ну постой, негодяй! Окружить его! Вперед!

Фриц и хирург внутри пещеры все еще продолжали разбивать слой глины. И чем сильнее они ударяли, тем глубже куда-то в бездну уходил звук... Пройден еще фут, и они, наконец, уткнулись в... какие-то деревянные ящики. Они вытянули один, поднесли его поближе к свету в верхней пещере и открыли. В нем оказались аккуратно обернутые кожей бочонки и еще какие-то продолговатые, тоже тщательно упакованные предметы. Фриц развернул один из таких свертков: в нем оказалось ружье.

Да, доисторические животные тут уж были явно ни при чем...

— Какая неожиданность! Ружья! А в бочонках наверняка порох! — воскликнул Фриц и прокричал доктору наверх: — Идите скорее сюда, мы покажем вам нечто курьезное!

— Нечто курьезное? — ответил тот. — Фриц, ну как у тебя язык поворачивается называть так столь важный для науки предмет, как нижний панцирь гигантской хелонии?

— Это не панцирь, а совсем другой вид арматуры! Осчастливьте нас своим визитом, герр доктор, и вы сами получите большое удовольствие от него!

Моргенштерн отложил свою лопату и полез внутрь пещеры. Вот в этот-то момент Антонио Перильо как раз и произнес: «Вы смотрите, этот наглец полез прямиком в наш арсенал!»

Доктор Моргенштерн, когда увидел последние находки своих спутников, пришел в шок, о чем красноречиво говорило его изумленное лицо. Несколько минут он был не в силах произнести ни слова. Наконец растерянно пробормотал:

— Ружья? Ружья! Да, никакого сомнения: ружья...

Над головами у них раздалось громкое лошадиное ржание и послышались грубые голоса. Ученый поднял голову и увидел нескольких индейцев, которые навели на него свои духовые ружья, а с ними и двух белых, вооруженных револьверами. Один из них сказал вежливым до приторности, фальшиво заискивающим тоном:

— Сеньор, будьте так любезны, поднимитесь вместе с вашими товарищами к нам сюда. Только не советую вам пытаться оказать сопротивление, а то вы можете нечаянно лишиться жизни. Прямо тут...

Доктор Моргенштерн узнал говорившего.

— Антонио Перильо! — воскликнул он.

— Да, это я, — ответил тот. — Послушайте, вылезайте-ка побыстрее. А то мы вытащим вас сами и при этом можем испортить ваш костюм.

— Костюм — не главное мое достояние.

И он вылез из ямы, а за ним и оба его спутника. Увидев дону Пармесана, Перильо воскликнул:

— Хирург! И вы здесь? Сеньор, как вас угораздило попасть в такое дурное общество?

— Я вел сеньоров в Гран-Чако, — ответил дон Пармесан.

— Что им там нужно?

— Они собираются заняться там раскопками животных.

— Каких еще животных?

— Доисторических, живших много миллионов лет назад на этой земле.

— Красивые сказки! Сеньор Пармесан, до сих пор я знал вас как эксцентричного человека, который, несмотря на все свои причуды, все же обладает здравым смыслом в достаточной степени для того, чтобы не ввязываться в политику. Но с сегодняшнего дня мне придется, увы, изменить свое мнение о вас!

— «Ввязываться в политику»? О чем это вы? Я могу оперировать или ампутировать любой орган человека, а также зашить рану, если вам это требуется...

— Судя по вашему дурацкому недоуменному виду, вы совершенно не понимаете, что происходит, и хотите заморочить нам головы своими всегдашними штучками. Бросьте вы это! На этот раз номер у вас не пройдет. Но, может быть, вы действительно решили сменить скальпель на шпагу? Или вас кто-то ввел в заблуждение? Кстати, вы знаете, что ваши новые знакомые — очень опасные люди?

— Они опасные люди? Этого не может быть! Эти люди — ученые из Германии, ручаюсь!

— Ну тогда что вы скажете по поводу того факта, что вот сейчас, на ваших глазах, и при вашем, кстати, участии они совершают кражу чужого имущества.

— Какую еще кражу? — возмутился Фриц. — Мы не воры. А вот вы-то, уж точно, замешаны в преступлении, и посерьезнее, чем кража.

— Что вы имеете в виду?

— Покушение на жизнь моего хозяина, которого вы намеревались убить в Буэнос-Айресе.

— Ах, вот вы о чем! Право же, это вам будет весьма трудно доказать,

конечно, если дело вообще дойдет до доказательств. Думаю, что не дойдет никогда. А вот у нас, напротив, есть все доказательства вашего воровства. Поэтому объявляю вам, что отныне вы — наши пленники.

— Вы не имеете никакого права лишать нас свободы. Или вы иногда помогаете полиции?

— Речь не об этом! Во время мирной жизни действуют одни законы, а во время войны — совсем иные. Мы имеем все основания расстрелять вас. Но поступим с вами гуманно: сейчас придет офицер, который возьмет вас под стражу.

Пятеро всадников с юга приблизились к ним. Главный среди них, похоже, был тот самый капитан, с которым у наших путешественников вышло недоразумение в крепости Санта-Фе, едва не закончившееся самым печальным образом. Капитан приветствовал тореадора как старого друга крепким рукопожатием, потом пожал руку и его спутнику, сказав:

— Счастливы приветствовать сеньора Бенито, самого великого гамбусино ^[53] этой страны! Но кого я вижу вместе с вами? Этого тронутого умом немца, которого я принял за полковника Глотино по причине их невероятного внешнего сходства, и потом...

— Приняли за Глотино? — переспросил басом тот, кого назвали Бенито. — Но где вы встречались с ним?

И капитан Пелехо вкратце рассказал ему о том, что произошло в Санта-Фе, на что «великий гамбусино» заметил:

— Нет, нет, вы тогда, у трапа парохода, вовсе даже не ошиблись, недаром же в Буэнос-Айресе этот лжеученый останавливался у банкира Салидо, близкого родственника генерала Митре ^[54]. А в крепость Санта-Фе он проник с целью произвести разведку. Скандал с якобы путаницей двух разных людей — всего лишь обманный маневр, дымовая завеса, чтобы получше разглядеть, что и как в крепости. Прямо оттуда он направился сюда, к нашему арсеналу. Ну ничего, теперь-то он у нас в руках и не отвертится, расскажет, кто предал ему нас, указал, где именно мы храним оружие.

— Какая чепуха! — перебил его доктор Моргенштерн. — Я действительно ученый из Германии, и здесь мы раскапывали останки одного доисторического животного, а именно гигантской хелонии, имя это ему, между прочим, дал я, а вообще, чтобы вам было понятно, это огромная доисторическая черепаха. И кое-что мы уже раскопали, а на оружие наткнулись случайно, когда откапывали нижний панцирь черепахи.

— Ах вот оно что — вы нашли панцирь черепахи? И где же он?

— Да здесь же, здесь, — ответил ученый и указал рукой на то место в глубине ямы, где предполагал обнаружить панцирь.

— Сеньор, вы с ума сошли, наверное! Неужели вы не заметили, что в пещере сыро? Мы храним здесь порох и оружие, и, чтобы сырость не испортила весь наш арсенал, пропитали глину смолой. Этот защитный слой вы и приняли за панцирь гигантской черепахи.

— Сеньор, дело совсем не в этом, хотя пропитанная смолой глина действительно ввела нас в заблуждение на некоторое время. Но это частность, всего лишь совпадение. Я вам как ученый, занимающийся палеонтологией, могу с полным основанием заявить, что здесь мы имеем дело с останками древнего доисторического животного. Поэтому прошу вас покинуть место раскопок!

— Очень смешно! Очевидно, нам нужно поговорить с вами на латыни, чтобы вы хоть что-нибудь поняли! — «Великий гамбусино» понемногу выходил из себя. — Капитан! Займитесь этими двумя так называемыми немцами! Хирург неопасен, отдайте ему его лошадь и пусть едет на все четыре стороны!

Дон Пармесан не замедлил воспользоваться неожиданной амнистией. Покачиваясь в седле, он размышлял: «Какое-то всеобщее помешательство! Принять этого немецкого чудака, собирателя каких-то костей за полковника Глотино. Вот дураки! Впрочем, не такие уж дураки, раз замышляют, похоже, поднять вместе с индейцами восстание против правительства. Негодяи! Они ведь могут и убить этих немцев. А немцы — хорошие люди, и я должен их спасти. Но как?»

Глава VIII

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ИНКОВ

[55]

Размышляя так, он ехал куда глаза глядят. Его душевное состояние сейчас можно было сравнить с состоянием человека, который бродит по комнате из угла в угол, не в силах найти необходимое в трудной ситуации решение. Мысли, едва возникнув, теряются, путаются... А единственно верное решение чаще всего является как бы само собой, что называется, осеняет внезапно. Вот и дону Пармесану вдруг пришла в голову неожиданная мысль: надо разыскать Отца-Ягуара, все ему рассказать, и он поможет. Следов экспедиции Отца-Ягуара ему, конечно, уже не найти, тем более, что даже там, где они и были, уже скрыты вновь поднявшейся за это время травой, но хирург знал примерно направление, в котором следовало вести поиск. В ту сторону он и поскакал, пришпорив свою лошадь.

Примерно в двадцати километрах от того места, на котором произошли последние описанные мною события, на противоположном берегу Рио-Саладо находится лагуна Тостадо. Горы своими отрогами, покрытыми непроходимыми лесами, словно гигантскими зелеными щупальцами, дотягивались до самого берега лагуны. Здесь отроги заканчивались, а леса тянулись дальше вдоль течения Рио-Саладо, словно обрамляя ее зеленой полосой, и прерывались только в местах, где в реку впадали притоки и стекали ручейки из родников, бивших в пампе. Эти места и были теми воротами, через которые индейцы Чако проникали на территорию страны, чтобы совершать свои разбойничьи набеги.

Вдоль границы этого прибрежного леса во второй половине того же дня, когда происходили все описанные выше события, ближе к вечеру, шли не спеша, внимательно поглядывая по сторонам, явно ища что-то взглядом, два человека. Один из них был очень стар. Его лицо было словно специально составлено из бесчисленного количества складок и складочек. В остальном он состоял лишь из кожи и костей, другого материала Создатель, видимо, решил не тратить понапрасну на этого человека, которому судьбой предназначены были лишь странствия и приключения, но зато снабдил его недюжинным запасом энергии и силы: движения старика были порывисты и резки, как у юноши. Одет он был в штаны из мягкой, хорошо выделанной кожи и рубашку из того же материала. Рубашка была подпоясана на бедрах

узким ремешком, к которому был прикреплен нож. На ногах у него была чрезвычайно оригинальная, напоминающая сандалии, обувь. Было очень похоже на то, что он изготовил ее собственноручно. Голову старика украшала замечательная в своем роде шевелюра. Это были густые, длинные волосы, достававшие ему до пояса и абсолютно белые — как снег на вершинах Чако. Бороды и даже малейшего намека на нее у него не было. За спиной у него болтался ягдташ, сшитый из шкуры пумы. Но, кроме этой охотничьей сумки, виднелись и еще несколько интересных предметов: рог для пороха, замшевый мешочек, наподобие кошелька для свинца, и круглый железный шар. В руках он держал отличное ружье дальнего боя. Судя по всему, старик редко расставался с ним.

Его юный спутник был одет точно так же, и ягдташ у него за спиной был также из шкуры пумы. Волосы его, опять же очень длинные, но черные, блестящие, стянутые на затылке узлом, по контрасту с роскошной сединой были воплощением молодости. Лет этому молодому человеку было никак не больше восемнадцати, он был невысок, но мускулатура его казалась хорошо развитой, опытному глазу жителя пампы его походка, любое самое незначительное из движений сказали бы, без сомнения, о его врожденной ловкости и гибкости.

И старика, и юношу можно было с первого взгляда смело отнести к индейцам по крови, хотя юноша имел в своем облике черты, не свойственные этому этническому типу. Его черные глаза были расставлены не слишком широко друг от друга, скулы не выступали на лице такими подкожными камешками, губы казались бледными, а нос... таких носов у индейцев Южной Америки вообще не бывает — нос был маленьким и слегка вздернутым. Несмотря на то, что лицо парня покрывал густой бронзовый загар, оно все равно казалось гораздо более бледным, чем у других индейцев.

Итак, они ехали по узкой полоске свободной земли между водой лагуны и краем лесных зарослей и внимательно осматривались по сторонам... Вдруг юноша поднял руку (это означало «Внимание!»), потом вытянул ее перед собой и произнес на диалекте калышаки языка кечуа:

— Смотри, Ансиано! Кажется, вон то дерево — омбу! [\[56\]](#)

Произношение юноши ясно указывало на то, что он не местный, а его родина находится, пожалуй, очень далеко отсюда. Омбу (по-латыни *phytolacca dioеса*) — дерево с раскидистой кроной, напоминающее по форме своих листьев шелковицу. Но самое диковинное в этом дереве — его ствол, по обхвату равный стволу могучего столетнего дуба. У своего основания ствол омбу опирается на множество корней, извивающихся, как

змеи, и настолько твердых, что они прокладывают каналы в почве, пока совсем не погружаются в нее. На сплетение корней омбу хорошо присесть в жаркий полдень: над головой перешептывается листва, в тени от широкой, густой кроны создается особый микроклимат, помогающий путнику восстанавливать свои силы. Несмотря на монолитный с виду ствол, это дерево имеет очень рыхлую древесину, загорающуюся мгновенно, — и вот уже все дерево вспыхивает, как одна гигантская серная спичка. Разумеется, о каком-либо полезном для человека использовании этой древесины не может быть и речи, его сажают только ради островков тени, как донора свежести и прохлады в безлесной пампе, ну, может быть, отчасти и ради красоты.

— Ты прав, мой господин! — ответил юноше старик. — Омбу, под которым мы передохнем, почти не изменился со времен появления испанцев на этом берегу.

Хочу обратить ваше внимание на то, что употребленное стариком слово «господин» в обращении в данном случае к юноше не услышишь в речи обычных южноамериканских индейцев. Для них не только само это слово, но и понятие, которое оно обозначает, просто-напросто не существует. Вождь — это вождь, тут все понятно, но кто такой «господин» и почему белые люди часто обращаются так друг к другу, им неведомо.

Итак, они подошли к омбу и сняли с плеч свои сумки и оружие. Старик стал очень внимательно осматривать землю вокруг дерева. Там, где трава была как будто несколько выше, он остановился и произнес:

— Повторяю: ты был прав в своих догадках, господин. Мы на том самом месте. Если поднять здесь слой дерна, будет видно, где траве недоставало питания. Там, значит, и находится тайник. Итак, я начинаю его искать. Надеюсь, никто до нас не успел этого сделать.

Он встал на колени, вытащил нож и начал разгребать землю. Юноша захотел присоединиться к нему, но старик остановил его:

— О господин, предоставь мне заниматься этим одному Тебе судьбой предназначено повелевать, а работать должны твои подданные.

— И все же я должен помочь тебе, дорогой Ансиано. Совесть не позволяет мне бездельничать, когда ты, старик, работаешь.

— Старик? — переспросил с искренним недоумением Ансиано. — Ну какой же я старик? Мне только совсем недавно стукнуло сто лет, а все мои предки жили намного дольше.

И, не переставая копать, продолжал рассуждать вслух.

— Да-да, мой отец умер в сто десять, дедушка в сто одиннадцать, а прадедушка в сто двадцать лет. (Здесь я должен заметить, что среди

индейцев Кордильер тоже немало долгожителей.) А его праотцы участвовали в спасении членов семьи Великого Инки Атауальпы, павшего от рук испанцев. Твоим именем, Аукаропора, звали и одного из твоих предков, младшего сына Атауальпы, который родился на чужбине и поэтому был недостижим для головорезов Писарро. Наше великое и могучее государство было разрушено огнем и мечом в результате хитрости, обмана и предательства испанцев Пусть эти негодяи думают, что все инки исчезли с лица земли. А ты есть, ты — наш свет и надежда, последний из Сыновей Солнца. И значит, наступит время, когда мы заставим испанцев за все заплатить нам, а после того, как отомстим, заново возродим наше государство.

Юный Аукаропора слушал старика, лежа на траве — руки под головой — и глядя в высокое небо. По выражению его лица можно было понять, что мыслями он сейчас и здесь, и одновременно где-то очень далеко. Наконец, когда Ансиано закончил свою небольшую, но пламенную речь, юноша приподнялся на локтях и сказал:

— Ты уже много раз говорил мне о моем предназначении, и все равно я не могу в это поверить. Я верю тебе во всем, кроме этого.

— Как? Ты не веришь, что ты Инка, Сын Солнца? — Старик был поражен до глубины души.

— Нет, все не так, как ты думаешь, или, постой... может быть, я не совсем точно выразился. — Юноша волновался. — Сейчас я тебе все объясню. Нет, я не могу сказать, что твои слова вызывают у меня чувство недоверия, потому что ты всегда приводишь в их подтверждение убедительные доказательства, но всякий раз, когда я слышу все эти разговоры о былом величии государства инков и моем собственном предназначении, я ощущаю в своей душе что-то необъяснимое, какой-то протест, сопротивление: понимаешь, я не хочу считать себя не таким, как все остальные люди, выше их и вести себя в соответствии с этим якобы присутствующим мне превосходством над ними.

Старик встал с корточек, принял величественную позу и ответил юноше подчеркнуто торжественным тоном:

— Ты должен в это поверить, ибо будет величайшей несправедливостью, если останутся безнаказанными злодеяния испанцев и не отомщенными души невинно погибших. Ты должен возродить государство своих предков, и я не просто говорю это, я клянусь, что сделаю все возможное, чтобы так оно и было. Никто не догадывается о том, кто ты такой на самом деле, пока мы держим это в тайне. Когда же мы вдвоем и никто нас не слышит, будем говорить на языке наших предков, а в

присутствии посторонних будем пользоваться масками: я — бедный индеец, а ты — мой внук. Но, думаю, уже недалек тот час, когда мы навсегда сбросим эти маски за полной их ненужностью.

— Однако я одного все не пойму никак, Ансиано, зачем мне-то все это? Я был счастлив, живя в Испании как скромный и незаметный человек, я любовался ее городами, меня очаровали ее обычаи, а какие чудесные там живут люди, какую необыкновенную музыку они сочиняют и исполняют! Эти мелодии похожи на перестук сердец, и каждое сердце страстно ищет в музыке, танце любви и счастья... Я обожаю все в этой стране. Но ты вырвал меня из той жизни, привез сюда. Сначала я думал, что в этом действительно есть какой-то великий смысл. Но когда увидел эти города, пампу и ее жителей, понял, что нашим надеждам не суждено когда-либо исполниться.

— Не суждено? Почему?

— Потому что наши враги могущественны и очень хитры, а у нас нет такого средства, которое помогло бы нам лишиться их этих преимуществ.

— Могущественны и хитры! Вся сила их власти заключена в том, что они постоянно совершают подлости в отношении друг друга и рвут себе подобных на части, а их хитрость не имеет ничего общего с изобретательностью ума человеческого, это просто примитивное и наглое вероломство, которое они используют для унижения других людей. Оглянись вокруг, присмотри повнимательнее, к тому, что здесь творится. Тебе не кажется, что граждане этой страны доведены до крайности и вот-вот здесь грянут какие-то решительные перемены в жизни? Нам осталось ждать совсем недолго, и ты это знаешь, о, господин.

— Но где же я возьму солдат?

— Все индейцы пойдут за тобой! А они еще не разучились сражаться.

— Но они живут в нищете. Где я возьму столько денег, чтобы одеть, обуть, вооружить эту армию?

— Ты богат, богат, как никто другой на свете!

— Я? Богат? — переспросил юноша недоверчиво.

— Да, баснословно богат, — ответил старик. Тут он сделал многозначительную паузу, набрав в легкие воздуха, положил одну ладонь на свою сумку из шкуры пумы, а другую простер ниц и изрек тоном герольда при королевской особе: — Здесь, в этой земле, хранится оружие Инки, законным и единственным наследником которого ты являешься. После смерти твоего отца я остался единственным человеком, которому было известно это место, и вот сейчас настал момент, когда мы вскроем тайник. Итак, о господин мой, мы извлекаем оружие Инки на свет Божий!

Он разгреб землю и вытащил то, что много лет хранила в себе яма. Это были два кожаных колчана со стрелами, два длинных копья и два лука, один из них был сделан из почти прозрачного рога явно нездешней работы, с первого взгляда на него было заметно, что делал его большой мастер и великолепный художник. И наконец последнее, что извлек старик из ямы, была покрытая черным лаком булава, казавшаяся сделанной из полированного железа. Каждый из них взял себе по копью, по колчану и по луку Юному Инке старик передал лук из рога, а также булаву, которую приладил к его поясу с левой стороны, где обычно носят саблю или шпагу. То, как осторожно держал он булаву в руках и вообще обращался с ней, позволяло предположить, что эта булава — очень ценный предмет

Потом он сделал нечто для юноши неожиданное: поклонился ему до земли и сказал:

— Этот лук и эта булава, или уаманчай, на нашем языке, — все, что сохранилось от Сыновей Солнца, живших на земле до тебя. Владей ими и дорожи, о господин! А теперь вернемся к разговору о твоём богатстве. В войсках Сыновей Солнца все воины были вооружены, кроме другого оружия, тяжелыми, утыканными острыми зубцами булавами. Рядовые воины сражались булавами из бронзы, у полководцев было серебряное оружие, и булава Инки состояла из чистого золота. Уаманчай, которая висит сейчас на твоём левом боку, — та самая, которой владели только Верховные Инки!

— Неужели она из чистого золота? — спросил юноша, внимательно оглядывая и ощупывая булаву — Мне кажется, это железо.

— Нет-нет, это золото, просто оно покрыто слоем черного лака. Иначе и быть не могло, ты представь себе, что творилось бы на поле боя, если бы этот шар заблестел под лучами солнца. Возьми уаманчай в руки и почувствуй ее тяжесть. Все богачи мира по сравнению с тобой — нищие.

— Даже если она и на самом деле из золота, — ответил юноша, — оружием ее всерьез считать нельзя. Что значат тысячи уаманчай по сравнению с пятьюдесятью ружьями или одной-единственной пушкой! Да ровным счетом ничего! С того момента, как ты купил в Монтевидео вот эти два наших ружья, я надеюсь только на это оружие.

— Я не могу в это поверить! Звук выстрела выдаст тебя твоему врагу, а стрелы молчаливы. С их помощью ты всегда можешь рассчитывать на то, что застанешь врагов врасплох. Эх, жаль времени мало, можно было бы, конечно, еще долго говорить об этом, а сейчас нам пора в путь, к вечеру мы должны добраться до какой-нибудь воды, а то жажда меня, например, уже замучила, да и тебе, господин, я думаю, тоже хочется пить.

Они снова закопали в той же яме все свое оружие, кроме ножей, и вернулись к тому месту, с которого свернули к омбу.

Оба путника, несмотря на то, что каждый нес довольно тяжелый груз, шли довольно быстро и, казалось, совсем не чувствовали усталости. Наш столетний старец по этой части дал бы фору любому мужчине в расцвете лет. Кстати говоря, его имя по-испански означает не что иное, как старец, долгожитель.

Впереди виднелась полоса леса, указывавшая на то, что за ним наверняка находится река, а пока они шагали по пампе, поросшей низкой травой. Внимательно вглядываясь в деревья, оба искали глазами какой-нибудь просвет, указывающий на то, что там течет ручеек. И примерно через час обнаружили такой просвет в северной части леса. Он был очень узкий, шагов сорок в ширину, не больше. Они прошли по этому естественному зеленому коридору в зарослях совсем немного, когда юноша вдруг остановился, резко прижал ладонь к своим губам, а другой рукой молча указал своему спутнику на что-то вдаль. Несмотря на то, что Ансиано не уступал юноше в выносливости, хорошим зрением он похвастаться, увы, уже не мог. Но Ауке из затененной прогалины было очень хорошо видно все, что освещено солнцем и чего раньше они, может быть, просто не замечали.

— Что там? — спросил старик. — Ты увидел, как пробегает мимо мясо к нашему ужину?

— Нет, там не одно животное, их много.

— Где именно?

— Не очень далеко от нас.

— И что же это за звери?

— Лошади, а возле них люди.

— Лошади и люди? Кто же это может быть? Что им здесь нужно? И сколько их?

— Этого я не могу сказать, потому что я видел их всего несколько мгновений, а высовываться из нашего укрытия не стоит. Кто знает, что это за люди...

— Ты правильно сделал. И очень умно вдобавок! Мы находимся на исконной территории абипонов, наших смертельных врагов, никакая предосторожность не будет здесь излишней с нашей стороны. Куда они направлялись? К нам или от нас?

— Они не ехали, а стояли.

— Тогда я, пожалуй, выползу ненадолго отсюда, чтобы понаблюдать за ними.

— Позволь мне это сделать, дорогой Ансиано!

— Ну-ну, ты имеешь в виду, что я слишком стар для таких дел, но ты для них слишком молод и неопытен, что в данном случае более существенное обстоятельство. А кроме того, я обязан оберегать твою жизнь.

— Тогда мы поползем оба!

— Нет. Двое скорее привлекут внимание, чем один.

Они спорили еще некоторое время, и настойчивость старика в конце концов одолела упорство юноши. Он наказал ему ни в коем случае не уходить с этого места, а сам, прижавшись к земле всем своим тощим телом, бесшумно пополз вперед. Прошло чуть более получаса. Ансиано, так же, как и прежде, осторожно вполз в их укрытие и сообщил:

— Как я и предполагал, это абипоны. Их человек пятьдесят и при них еще табун, в котором примерно столько же лошадей.

— Но откуда у них лошади?

— Они их, конечно, украли.

— Как они вооружены?

— Копьями, луками со стрелами и духовыми ружьями.

— У них вполне могут быть и стрелы, отравленные ядом кураре. Что будем делать? Мы сможем пройти мимо них незаметно?

— Вряд ли это получится. В лес мы не сможем войти по причине его непроходимости, а других укрытий здесь нет.

— А если проползти под деревьями?

— Об этом и думать нечего. Я ведь несколько не преувеличивал, когда сказал, что лес непроходим. Лианы, переплетаясь между собой, образуют такую плотную массу, через которую невозможно ни пробраться, ни проползти, потому что ими забито все в этом лесу, вплоть до самой земли. Ну представь себе: смог бы ты проползти сквозь плотный клубок ниток? Вот и здесь то же самое.

— Значит, мы не сможем двигаться дальше?

— Нет, нам надо немедленно уходить отсюда, найти какую-нибудь другую прогалину, эта находится от них в опасной близости.

Они вышли из лесного коридора над ручьем под прикрытием леса в том месте, откуда индейцы не могли их заметить.

И они опять ехали по пампе. Вечерело. Раскаленный шар солнца клонился к западу. И вдруг слева от себя они заметили одинокого всадника, приближавшегося к ним галопом. И почти одновременно им бросилась в глаза темная линия, широкий след, тянущийся на северо-запад, по которому, очевидно, и ехал этот всадник. Инки остались стоять на месте.

Но юноша слегка растерялся.

— Что нам делать? — спросил он. — Может быть, пока не поздно, надо спрятаться от него?

— Это невозможно, — ответил Ансиано. — Он несется как ветер и догонит нас, даже если мы побежим. К тому же вряд ли нам стоит так уж сильно опасаться какого-то одинокого путника. Что он может сделать нам? А вот узнать, что он за птица, нам будет совсем нелишне.

— Я его тоже не боюсь, но вдруг он из абипонов?

— Нет. Когда он стал нас догонять, мы были давно вне поля их зрения. Впрочем, скоро мы увидим, кто это. Я почти уверен, что он окажется белым.

Через несколько минут стало ясно, что старик был прав. Всадник, конечно же, тоже их заметил, подъехал, поздоровался и спросил по-испански:

— Могу я узнать, сеньоры, откуда и куда вы направляетесь?

— Мы едем из Параны, направляемся в Тукуман, думаем попасть туда через Гран-Чако.

— Кто вы?

— Мы — индейцы, наше племя вряд ли известно вам, оно очень немногочисленно. С белыми у нас мирные отношения.

— Это меня радует. Я — доктор Пармесан-Руис дель-Иберио-де-Сагрунна-и-Кастельгвардьанте. Послушайте, а вы случайно не входите в число членов экспедиции Отца-Ягуара?

— Отца-Ягуара? Вы хотите сказать, что этот знаменитый Человек находится где-то недалеко отсюда?

— Да, я уверен в этом, потому что мне известны его планы. Но я никак не могу найти его. Хотя думаю, что вот эти следы, — и он указал кивком головы на цепочку следов от конских копыт на траве, — оставила его экспедиция. Я и мои двое спутников уже шли по ним, но потом мы вынуждены были отвлечься от этого ради раскопок останков доисторического животного. Увы, за это время трава просохла, но мне неожиданно повезло — я наткнулся на стоянку экспедиции, и дальше уже пошел по тем следам, что идут от нее.

— А не могли бы взять и нас с собой? — спросил старик.

— Охотно, но учтите, я спешу.

— Наши ноги неутомимы, не сомневайтесь!

Всадник и два его пеших спутника двигались по пампе с почти одинаковой скоростью. Но, несмотря на большой запас энергии у каждого, все же наступил такой момент, когда и они устали и остановились... Дон

Пармесан спросил своих новых попутчиков:

— Вам известно мое имя и обстоятельства моего появления здесь. Могу ли я узнать, как вас зовут?

— Мое имя — Ансиано, — ответил старик, — а моего внука зовут Аукаропора, если для вас это чересчур длинно, можете называть его просто Аука.

— Эту операцию с тремя последними слогами длинного имени можно условно назвать ампутацией, а ампутация — процесс, весьма неплохо знакомый мне. К вашему сведению, я по профессии хирург. Что вы можете сказать по поводу последствий операции коленного сустава? Как вы думаете, сможет пациент сразу же после него сделать хотя бы несколько шагов?

— С большим трудом, сеньор.

— С трудом? О, уверяю вас, вы ошибаетесь, сеньор Ансиано, напротив, он сделает их с большой легкостью. При условии, конечно, что он будет ставить ногу пра-виль-но, вот в чем все дело. Каждый шаг должен совершаться не как Бог на душу положит, а при определенном изгибе стопы, через определенные промежутки времени. Это довольно тяжелая работа, но если ее не выполнять, то не останется другого выхода, как отсечь ногу, и я готов сделать это в любой момент.

Старик откинул волосы со лба, чтобы лучше рассмотреть, что таится в глубине глаз этого странного человека, понять — шутит он или бредит. Но хирурга нимало не смутил этот пристальный взгляд.

— Вы, кажется, не верите мне? — нарочито небрежным тоном осведомился он, словно это выражение недоверия несколько его не задевало. — В таком случае, должен вам сказать, что я проводил такие операции, во время которых получал истинное удовольствие. Вы понимаете, что это означает? Кстати, а что вы думаете по поводу хирургического вмешательства в случае врожденного косолапия стопы?

— На этот счет мне нечего сказать вам, сеньор!

— Не сеньор, а дон. Да, именно дон. Знаете ли, я весьма родовитый аристократ, что видно хотя бы из моего полного имени, но вы можете звать меня просто дон Пармесан. Скажите, как давно вы видели Отца-Ягуара?

— Совсем недавно, и я не только видел его, но и разговаривал с ним.

— Прекрасно. Как вы полагаете, возьмется он за спасение двух немцев?

— Немцев? Кто это?

— Люди такие, родом из Германии.

— Я никогда о такой стране не слышал.

— Значит, следует признать, что ваши географические познания не слишком полные, сеньор Ансиано. Германия — страна, которая лежит на противоположном от нас берегу океана, западнее Испании, севернее России, южнее Англии и восточнее Италии ^[57]. Жители Германии обожают раскапывать доисторических животных. Как раз за этим занятием двух немцев и схватили абипоны.

— Абипоны? А где это случилось?

— По ту сторону Рио-Саладо и по эту сторону лагуны Тостадо.

— Абипоны забрались так далеко? Странно! Сколько их было?

— Около пятидесяти.

— О! Побольше, чем тех, что встретили мы в лесу.

— В лесу? Плохой знак для нас. Эти парни наверняка замышляют что-нибудь скверное. Надо поскорее найти Отца-Ягуара и выручить немцев.

И он рассказал своим новым знакомым всю историю, предшествовавшую пленению ученого и его слуги, разумеется, в собственной, довольно своеобразной интерпретации. Путники двигались точно по следам экспедиции Отца-Ягуара, время за разговорами шло довольно быстро, наконец они увидели на берегу небольшой бухточки сначала расседланных пасущихся лошадей, а потом и их вооруженных до зубов всадников, одетых сплошь в кожу. Один из них, самый высокий и широкоплечий, с длинной бородой отделился от группы своих спутников. Еще несколько шагов навстречу друг другу, и Ансиано узнал этого человека. Конечно же, это был не кто иной, как Отец-Ягуар, о чем он тут же сообщил на ухо хирургу.

Отец-Ягуар тоже узнал Ансиано и Ауку, и лицо его осветилось широкой искренней улыбкой. Не обращая ни малейшего внимания на хирурга, он воскликнул:

— Как я рад вас видеть, друзья мои! Но что привело вас в предгорья Чако?

Пожимая его руку, Ансиано ответил:

— Об этом потом, сеньор. Есть одно неотложное дело: надо спасти двух человек из плена. Но подробнее вам расскажет об этом дон Пармесан.

Отец-Ягуар повернулся к хирургу и сказал:

— Так это вы — дон Пармесан, хирург? Наслышан, наслышан... Так кто же эти люди, которые ждут моей помощи?

— Это два немца, они занимались раскопками останков доисторического животного.

— Двое немцев... Раскопками доисторического животного. Очень интересно. И какое же животное они раскапывали?

— Гигантскую хелонию.

— Никогда не слышал о таком, но некоторые познания в латыни дают мне основания предположить, что речь может идти о гигантской черепахе, не так ли?

— Совершенно верно, сеньор!

— А зовут этих немцев, случайно, не доктор Моргенштерн и Фриц Кизеветтер?

— Именно так.

— Надо же! А я думал, что они из Буэнос-Айреса все-таки не выедут.

— Ну что вы! Доктор Моргенштерн просто влюблен в палеонтологию, в частности, и в зоологию вообще. К сожалению, настолько, что ни о чем другом разговаривать с ним просто невозможно. В хирургии, например, он ровным счетом ничего не смыслит. А кстати, что вы можете сказать по поводу удаления рака языка одновременно с носовыми полипами? Это может...

— Оставим сейчас эту тему! Расскажите мне лучше, как именно произошло пленение этих двух немцев, и покороче, если можно!

Хирург насупился, но подчинился. Когда он закончил, наступила глубокая пауза. Все спутники Отца-Ягуара ждали, что он скажет. Он же, взглянув на одного из своих людей, спросил его:

— Что скажешь, Херонимо? Взятся бы ты за это дело?

Судя по такому обращению, мнение Херонимо Отец-Ягуар ценил высоко. С первого взгляда этот невысокий коренастый человек мог показаться типичным атаманом разбойников, по крайней мере, таким, каким мы представляем подобных людей по книгам, но у разбойничьего предводителя никогда не могло бы быть такого честного лица. Херонимо в ответ на вопрос едва заметно пожал плечами и ответил так:

— Сначала нужно решить, стоит ли нам вообще ввязываться в эту историю из-за людей, попавших в плен по причине собственной неосторожности и легкомыслия.

— Давай исходить из нескольких вещей. Во-первых, они — мои земляки, что для меня, как ты понимаешь, имеет некоторое значение. Во-вторых, этому доктору я, наверное, раз пятьдесят сказал, что ни в коем случае не возьму его в свою экспедицию. И все же он меня не послушался. Наверное,, я еще не очень хорошо разбираюсь в людях, если не предугадал этого его поступка. Так или иначе, но это мой просчет. В-третьих, доктор необычайно похож на полковника Глотино — ну просто не отличишь одного от другого, а это обстоятельство может стать для нас при определенных условиях роковым.

— Хорошо, если абипоны все еще там, но я в этом совсем не уверен.

— Их там уже, конечно, нет, — вставил старый Ансиано. — Прошу прощения, что я позволил себе вмешаться в беседу сеньоров, но у меня есть основания для такого вывода:

И он рассказал об абипонах, которых видел возле леса, и высказал предположение, что это были те же самые индейцы.

— А были среди них белые люди? — поинтересовался Отец-Ягуар.

— Нет.

— Так... Тогда это другая группа. Но я уже почти уверен, что они обязательно соединятся, если уже не соединились. Эти передвижения не могут быть случайными, очень вероятно, что индейцы готовятся выступить против правительства. Существование тайного арсенала оружия, на который наш милый ученый случайно наткнулся, приняв его защитный слой за панцирь своей «гигантской хелонии», это подтверждает. Теперь, когда они убедились, что доктор Моргенштерн — никакой не полковник Глотино, он стал для них чрезвычайно опасен, поскольку слишком много видел и слышал. В этой стране человеческая жизнь стоит ничтожно мало, а жизнь иностранца вообще ничего ровным счетом. Вы говорите, дон Пармесан, эспада Антонио Перильо среди них? Интересно, зачем там путается со своим револьвером этот отъявленный негодяй? Мне бы очень хотелось перемолвиться с ним несколькими словами. С капитаном Пелейо все ясно — он предатель по натуре, насколько мне известно. Но кто третий? Вы не могли бы описать его?

— Он высокого роста и мощного телосложения, но вам, я думаю, он все же уступит по всем физическим показателям.

— Какого он возраста?

— Старше всех остальных.

— Какую роль он играет в этой компании? И какое отношение имеет к припрятанному оружию? Как вам показалось: он подчинен капитану или, может быть, тореадору?

— Нет-нет. Пожалуй, можно сказать, что он держится как главный среди них. И разговаривает приказным тоном.

— А как вы думаете, кем он может быть: офицером, эстансьеро, гаучо?

— Нет, ни одно из этих занятий к его облику не подходит. Он похож на вольную птицу. Я бы предположил, что он может оказаться йербатеро, каскарильеро или гам... Да-да, я припоминаю, что капитан однажды назвал его... «великим гамбусино», вот как...

— А имени его при этом он не называл?

— Называл как будто, но я не обратил тогда на это никакого внимания.

Слова «великий гамбусино» как-то больше поражают воображение.

— «Великий гамбусино!» — воскликнул Херонимо. — А не Бенито Пахаро ли это?

— Вполне возможно, — сказал Отец-Ягуар. — Я никогда не встречался с ним, но много слышал об этом человеке. Теперь мы, по крайней мере, можем себе представить, с кем будем иметь дело. Эта компания, я уверен, готовит западню генералу Митре — человеку, которого я очень уважаю и высоко ценю. Да, мне непременно надо с этими людьми кое о чем потолковать. Но в первую очередь, конечно, следует освободить моих соотечественников. Я надеюсь, вы поможете мне? — обратился он к своим спутникам.

— Это само собой разумеется! — ответили те в один голос.

— Значит, я тогда изложу, как представляю себе все это дело. Думаю, обе группы индейцев уже соединились, и, скорее всего, именно в том месте, где видели одну из них Ансиано и Аука. Пленные находятся, конечно, там же. Скоро стемнеет, но это нам на руку, мы будем ориентироваться по их кострам. Кто какие роли должен будет исполнить при освобождении пленных, я пока сказать не могу, это надо будет решать по обстановке на месте. Вперед!

Глава IX

НОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Пылающее, как огромная капля раскаленного металла, солнце подкатилось уже почти к самому горизонту, когда они стали седлать лошадей. Безлошадным Ансиано и Ауке предстояло ехать на лошади у кого-нибудь из всадников за спиной. Племянник банкира Салидо обратился к своему ровеснику инке, стараясь придерживаться манер испанских идалго, вернее, вынесенного из старинных испанских романов собственного представления об этих манерах:

— Сеньор, позвольте мне предложить вашей милости сесть на мою лошадь.

На лице Ауки появилась едва заметная улыбка.

— Мне не хотелось бы, сеньор, как-либо затруднять вас, но я тем не менее принимаю ваше предложение, — ответил он. — Надеюсь, у меня уже в скором времени появится возможность ответить вам какой-нибудь равнозначной любезностью. Меня зовут Аука. А вас?

— Мое имя звучит по-испански как Антонио, а по-немецки Антон, называют меня и так, и эдак, поскольку я наполовину немец. Вы оказываете мне честь уже тем, что соглашаетесь ехать вместе со мной

И Аука сел на его лошадь сзади. Ансиано устроился за спиной у другого всадника. Солнце уже почти совсем скрылось за горизонтом. Наступили сумерки, которые в этих широтах длятся очень недолго.

Старый Ансиано и его, так сказать, впередсмотрящий ехали рядом с Отцом-Ягуаром. Антон Энгельгардт и Аука рядом с Херонимо. Молчали. Они держались опушки леса, но только как ориентира, скрывать следы копыт своих лошадей у них не было необходимости влажная от вечерней росы густая трава скрадывала полностью и отпечатки копыт, и шум от передвижения всадников. Но наступил момент, когда Ансиано насторожился, сделав остальным знак рукой придержать лошадей, и обратился к Ауке на испанском:

— Сын мой, мне кажется, та прогалина в лесу, из которой мы заметили абипонов, где-то уже совсем рядом. А как ты думаешь?

— Мне тоже так кажется, отец мой, — ответил юноша. — Даже в темноте я узнаю то высокое дерево, которое специально запомнил как ориентир, когда мы выезжали отсюда. Вход в прогалину уже недалеко

— И значит нам нужно сойти с лошадей. Стук их копыт может выдать нас, а мы ведь еще не знаем, пришла ли сюда уже вторая группа абипонов, пленившая двух немцев, или нет

Никто, в том числе и сам Отец-Ягуар, и не подумал возражать старику все уже поняли, что этот, видно, все на свете повидавший человек зря ничего не скажет Лошадей привязали к стволам деревьев и кустам

Молодой инка лег на землю, прижался к ней ухом замер и через несколько минут прошептал:

— Тихо, сеньоры, я, кажется, что-то слышу — Он опять прислушался и добавил: — Сюда едут какие-то всадники. Надо сделать так, чтобы наши лошади не заржали.

И опять все ему подчинились — зажали ноздри своим лошадям. Инка не ошибся. Вскоре можно было, уже не прижимая ухо к земле, расслышать не только стук лошадиных копыт, хотя и приглушенный травой, но и голоса двух тихо переговаривающихся между собой людей. Говорили по-испански.

— А мы не заблудимся в такой темени? — спросил один из них. — Не представляю, как мы сможем найти маленькую дырочку в таких густых зарослях!

— Антонио Перильо! — шепнул Отец-Ягуар Херонимо. — Я узнал его голос.

— Не к чему так беспокоиться, сеньор! — ответил эспаде его спутник. — Эти места я знаю как свои пять пальцев, найду по следу копыта любую лошадь. Мы не заблудимся. Здесь растет высокое дерево с развесистой кроной, за которым начинается лес. Сейчас мы его увидим.

И через некоторое время донеслась новая фраза:

— Вот оно, это дерево. От него надо, как по линейке, пройти несколько шагов вправо, там и будет прогалина.

И они снова растворились в ночи...

— Спасибо фортуне, позаботилась о нас, — сказал Херонимо, — мы ведь чуть было у того самого дерева не встали. А что теперь будем делать?

— Ждать! — твердо сказал Отец-Ягуар. — Пока все они не соберутся, нам лучше всего не шевелиться. Кстати, Херонимо, а тебе не показался знакомым голос второго всадника?

— У меня такое чувство, что я где-то однажды уже слышал этот голос, но я затрудняюсь сказать точно, где именно и кому он принадлежит.

— Ну так я тебе это скажу. Того, кто отвечал Антонио Перильо, зовут Эль Брасо Вальенте, или Бесстрашная Рука, это вождь абипонов.

— Карамба! Точно, это его голос! И он взял в плен тех немцев! Нет, этот ни за что не отпустит их по-хорошему.

— Вот тут ты как раз и ошибаешься, Херонимо, он способен на великодушные поступки. Когда-то мы с Бесстрашной Рукой были даже дружны, но те времена, увы, миновали безвозвратно, боюсь, что сейчас его действительно не уговоришь отпустить пленников добровольно.

— Я и говорю: надо заставить его сделать это.

— Силой его невозможно заставить что-либо сделать, он ведь не из тех простаков, кого без особых усилий можно вынудить плясать под твою дудку. И, вообще, я не считаю нужным непременно проливать кровь, когда можно достичь своей цели без особых усилий с помощью одной только хитрости.

— А! Догадываюсь, о чем ты: решил снова применить один из своих знаменитых фокусов?

— Да. Поможешь мне?

— Спрашиваешь!

— Итак, мы должны исходить из особенностей местности и их стоянки...

— Я, может быть, забегаю вперед, но скажи: а что мы будем делать, когда освободим их?

— Спокойно поскачем дальше.

— Да? А как же восстание, которое они готовят?

— А что восстание? Нас это не касается.

— Как это так? Нас не касается то, что затрагивает интересы нашего президента? Неужели ты сможешь спокойно смотреть на то, как его свергнут, а может быть, даже и убьют?

— До этого дело не дойдет. Хотя я и не знаю, кто стоит во главе мятежников, но думаю, что вряд ли какой-то не в меру вспыльчивый малый только на этом основании сможет тягаться с генералом Митре. Несерьезно все это, поверь мне.

— Возможно, даже очень вероятно, что именно так все и обстоит. В этой стране жизнь течет от революции до революции, многие из них были подавлены, подавят, без сомнения, и эту. Нас, может быть, и не касается, кто тут прав, а кто виноват, но ты же всегда был против любого насилия, а тут обязательно опять прольется кровь. Неужели ради того, чтобы предотвратить это, сохранить многим белым людям жизнь и свободу, не стоит вмешаться?

Отец-Ягуар вполне разделял благородное негодование своего товарища и тем не менее решил сделать еще одну попытку немного охладить его пыл:

— Но это же опасно для нас.

— Ну и что? А как же иначе? Нет, я тебя не понимаю, просто не узнаю. Ты же никогда не был трусом. А скажи — разве мы не рискуем, отправляясь ночью в лагерь свирепых абипонов, чтобы спасти двух твоих соотечественников? Отнюдь не исключено, что нас заметят, начнут стрелять. Ты что же, не ответишь тем, кто будет стрелять в тебя?

— Отвечу Но в данном случае это будет вынужденное с моей стороны действие Пойми, я в принципе против того, чтобы убивать людей, кто бы они ни были, индейцы или белые, но если на тебя нападают, не защищаться — глупо и так же глупо отказываться от осуществления благородной цели только из-за того, что ее нельзя достичь без перестрелки.

— Эти свои принципы, Карлос, которые ты вынес с севера, здесь лучше забыть Нет, они, разумеется, прекрасны. И их, конечно, вполне можно применять по отношению к добропорядочным в целом людям, которые кое в чем позволили себе немного согрешить. Но не по отношению же к этим индейцам! Они выходят по ночам из дебрей леса только для того, чтобы грабить и убивать спящих Они пользуются стрелами, пропитанными смертельным ядом, и, значит, не имеют права ни на сочувствие, ни на снисхождение. У меня руки чешутся показать им, что это такое — ссориться с Отцом-Ягуаром и его людьми!

— Ладно! Сначала мы освободим пленников, а там будет видно, что делать дальше

— Сколько человек ты возьмешь с собой?

— Еще не решил, но, скорее всего, тебя одного. Чем меньше народу в этом будет участвовать, тем легче мы достигнем своей цели

Отец-Ягуар и Херонимо разговаривали во весь голос, ни от кого не таясь, так что все их спутники прекрасно слышали каждое слово. У любого из них имелось собственное мнение относительно того, как лучше провести вылазку в стан врага, и каждый, естественно, хотел в ней участвовать, но никто и не подумал о том, чтобы как-то вмешаться в разговор или повлиять на решение Отца-Ягуара. Таков был негласный закон их равноправного сообщества сильных и мужественных людей, среди которых Отец-Ягуар был просто первым среди равных, и оспаривать это первенство они никогда не стали бы: оно было доказано делом

Старый Ансиано не был бы настоящим инкой, поддайся он влиянию этого закона

— Сеньор, мне кажется, вам ни к чему так рисковать. Возьмите нас с внуком. Вы же знаете, на что мы способны, — с достоинством заметил он.

Отец-Ягуар помолчал несколько секунд, потом задумчиво произнес:

— Да, я знаю: вы умеете неслышно подползти к дикой ламе, накинуть

сеть на кондора, когда он этого совершенно не ожидает, но я никогда не видел, чтобы вы незаметно подбирались к человеку. Ладно! Я все же возьму вас с собой, поскольку вы точно знаете то место, где они встали лагерем. Главное — нельзя недооценивать абипонов как противника, имейте в виду: они привыкли держаться всюду и всегда настороженно, а ночью они эту свою настороженность удваивают, их уши становятся не менее чуткими, а зрение не менее острым, чем у индейцев Северной Америки.

— Это мы знаем. Что из оружия нам надо взять с собой?

— Только ножи.

Оба инки сняли с себя все оружие, оставив только ножи на поясе.

Отец-Ягуар предостерег: длинные волосы Ансиано, могут зацепиться за ветви кустарника и выдать их всех. Молча Ансиано разделил свои волосы на две равные части и связал их узлом у себя под подбородком. Аука сделал то же самое.

Ансиано вошел в лес первым. На опушке Аука прошептал Отцу-Ягуару:

— Эх, если бы нам еще и лошадей раздобыть у абипонов! Для обоих ваших земляков, Ансиано и меня...

— Я тоже думал об этом, — ответил ему также шепотом великан.

— Тогда вы с Херонимо берете на себя людей, а мы с Ансиано раздобудем себе лошадей!

— Право же, молодой человек, не стоит так горячиться. Особенно в таком опасном деле, — твердо сказал Отец-Ягуар, напомнив мальчишке, кто тут главный.

Шли они очень тихо, держась все время опушки леса. Точнее сказать, шаги белых были слышны едва-едва, а вот шагов индейцев не было слышно вовсе. И вдруг все четверо резко остановились — по их лицам, до этого неразличимым в кромешной темноте, пробежал слабый луч света. Он исходил из центра большой поляны, вдающейся в лес, как морской залив в берег. На краю ее четко вырисовывались силуэты лошадей. Костров было шесть. Возле ближайшего из них сидело несколько индейцев. По их движениям было видно, что они изрядно озябли. И неудивительно: перепад дневных и ночных температур в предгорьях Чако составляет обычно градусов пятнадцать по Реомюру [\[58\]](#).

Отец-Ягуар, Херонимо, Ансиано и Аука поняли друг друга без слов: все четверо тут же легли на землю, вплотную прижавшись к ней. На ходу произошло перестроение в рядах маленького войска — теперь впереди был Отец-Ягуар. Его высветленная солнцем, ветром и водой кожаная одежда и

серебряная грива старика предательски белели в темноте, но, к счастью, те, кто сидел у костра, из-за близости к яркому пламени не очень хорошо видели то, что происходит в темноте.

Отец-Ягуар и Херонимо подползли уже совсем близко к лошадям. Но те никак не реагировали на приближение чужаков, продолжая спокойно пастись.

— До чего же они глупы! — шепнул Отцу-Ягуару Херонимо. — Лошади команчей никогда и никому не позволили бы приблизиться к себе, и их хозяева, уж конечно, заметили бы беспокойство животных.

— Ты видишь, сколько их? — спросил его Отец-Ягуар.

— Еще бы! Они развели такие костры, что видно все, как днем.

Индейцев на поляне, где горело шесть костров, собралось примерно около ста человек. Часть их была вооружена духовыми ружьями, копьями, луками и стрелами, часть — ружьями, хранившимися до сих пор в том самом тайнике, где доктор Моргенштерн искал свою пресловутую гигантскую хелонию. Возле одного из костров можно было разглядеть в окружении индейцев Антонио Перильо, капитана Пелехо и двоих белых солдат. Еще двое солдат сидели спиной к Отцу-Ягуару и Херонимо, а «великий гамбусино» лежал на земле, глубоко надвинув шляпу себе на лицо. Вновь прибывшие, изголодавшиеся в пути, только что получили по куску вяленого мяса, это было видно по тому, с какой жадностью они на него накинулись. Мясо, видно, было жестким, они буквально вгрызались в него и шумно двигали челюстями, пережевывая застревавшие в горле сухие куски. Из-за этого и слова, которые они нет-нет, да и произносили, отрываясь от еды, звучали очень громко.

Свет костра, возле которого сидели белые, падал на два дерева, к которым с помощью лассо были привязаны доктор Моргенштерн и его слуга.

Отец-Ягуар подал знак рукой своим спутникам. Это означало, что надо приготовиться: скоро действовать. Потом спросил шепотом у Ансиано и Ауки:

— Мы сможем зажечь огонь?

— Огонь? — удивленно спросил Херонимо. — Но зачем?

— Чтобы немного вспугнуть их. Я вижу, что Ансиано, к счастью, прихватил с собой свой пороховой рог.

— Да, сеньор, и он полон до краев.

— Прекрасно. Тогда послушай меня: вы с внуком обойдете лес с противоположной стороны, и ты проползешь по самой его опушке. Посмотри вон туда. Видишь эту высохшую прошлогоднюю траву? Она

загорится не хуже бумаги. Вот там и опорожнишь свой рог, а потом кинешь как можно дальше от того места, где стоишь, зажженную спичку в траву. И тут же — обратно к Ауке. Он же, пока ты ползешь, должен добыть для нас четыре седла, что будет, я думаю, не очень трудно, поскольку все кинутся гасить огонь. Ты понял меня?

— Все понял, сеньор, — ответил Аука. — Постараюсь не допустить ошибок.

— А Херонимо в это время займется лошадьми, у него это должно получиться, потому что он в любой обстановке действует всегда хладнокровно и быстро и в то же время очень осторожно. Моя задача — за те минуты, пока будет происходить вся эта кутерьма, вызванная нашим фейерверком, — освободить пленников.

— А кто возьмет тюки? — спросил Аука.

— Какие еще тюки? — удивился Отец-Ягуар.

— Те, про которые говорил человек, называющий себя хирургом.

— Если у нас будет на это время, не имею ничего против того, чтобы прихватить и эти тюки, несмотря даже на то, что ни книги, ни другие подобные им вещи в Гран-Чако как-то ни к чему.

— Сеньор, я уверен, что у нас вполне хватит для этого времени. Суматоха в лагере поднимется такая, что спохватятся они не скоро.

— Хорошо. Раз вы это предложили — вы это и сделаете, такое уж у нас правило.

Юноша не стал медлить и пополз по направлению к пленникам. Сделать это незаметно было весьма сложно: круг света от ближайшего костра достигал почти что границы леса, а на самом его краю рос такой густой кустарник, продраться через который было совершенно невозможно. То есть, иначе говоря, для ползущего человека оставалось лишь совсем узенькая защитная полоска. Но гибкому Ауке этого хватило, и вот уже через несколько минут он оказался за деревьями, к которым были привязаны доктор и Фриц. В это время у костра происходил такой разговор.

— Мы допустили ошибку, отпустив хирурга, — сказал человек в форме капитана. — Он выдаст нас.

— Ну и что за беда? — ответил ему Антонио Перильо. — Да любой здравомыслящий человек, послушав его хотя бы две минуты, непременно задастся вопросом: а можно ли вообще верить этому полусумасшедшему? А вообще-то, я лично ничего не имею против того, если он расскажет всем, кому можно, что это именно я обезвредил полковника Глотино.

— Если наши планы осуществляются, это, конечно, принесет вам определенную славу, а если нет — увы, только позор.

— Должны осуществиться, ведь ваш краснокожий приятель Бесстрашная Рука обещал нам свыше тысячи своих воинов.

— Я исполню то, что обещал вам, — с достоинством ответил на этот скрытый выпад индейский вождь, — если вы выполните мои условия.

— Но мы их выполнили.

— Да? Вы не показали мне все свои тайные арсеналы! А в тех, куда меня допустили, разве все оружие собрано?

— Не сомневайтесь.

— Допустим, это так. Но было еще одно важное условие с нашей стороны: мы ждем от вас поддержки в борьбе с нашими смертельными врагами камба ^[59], для этого ваши солдаты должны были перейти границу и встретиться с нами на берегу моря. Это условие будет выполнено?

— Разумеется. Я уже послал нескольких моих людей в форт Бранхо за подкреплением.

— Камба только и знают, что угождать белому правителю. А наш народ все время унижают. Как только мы нанесем по ним решающий удар, изменится соотношение сил, и все другие племена, которые до сих пор не знали, под чье крыло им лучше встать, примкнут к нам. И тогда у меня воинов будет ничуть не меньше, чем у белого правителя.

И разговор прервался на некоторое время.

Многие политики этой страны дорого дали бы за то, чтобы услышать все это, но для Отца-Ягуара этот разговор был просто неоценимо важен. Он с большим интересом продолжал бы слушать его и дальше, а с еще большим заглянул бы в лицо человека, который лежал на земле с противоположной от него стороны костра, в тени. Судя по некоторым косвенным признакам, это и был знаменитый «великий гамбусино». Но Отец-Ягуар не мог выждать, пока этот человек встанет или хотя бы сдвинет с лица глубоко надвинутую на него шляпу. В любой момент Ансиано мог зажечь траву, и сейчас нужно было думать прежде всего об освобождении доктора и его слуги.

Это было своего рода чудо; думаю, никто не смог бы объяснить, как большое тело Отца-Ягуара проскользнуло в зарослях, не задев ни одной веточки, но уже через несколько мгновений он стоял в листве позади доктора и Фрица и шептал им:

— Не оборачивайтесь! Я — ваш спаситель! Только, ради Бога, не оборачивайтесь.

Но доктор Моргенштерн был не из тех, кто может обуздать свое любопытство, несмотря даже на грозящую смертельную опасность: он все же сделал полуповорот головы. И Фриц, хотя у него вообще-то было

больше самообладания, чем у его шефа, не смог удержаться, тоже сделал, хотя и почти незаметное, но чрезвычайно характерное движение подбородком. Внимательного наблюдателя эти изменения в поведении пленников, естественно, насторожили бы, но, на счастье пленников, такового рядом не нашлось.

— Тихо! Ни звука! — донеслось из кустов. — Молчите и не двигайтесь. Я сейчас буду задавать вам вопросы. Вы отвечайте только «да» или «нет». Поднимаете правое плечо, это будет означать «да», а левое — «нет». Я Карл Хаммер, или Отец-Ягуар, с которым вы встречались у банкира Салидо в Буэнос-Айресе. Вы поняли меня?

Оба подняли правое плечо.

— Вы крепко связаны?

Ответом было «нет».

— Прекрасно. Я уже взял нож в руку. Мой спутник сейчас подожжет сухую траву. Все бросятся туда, и на несколько мгновений вы будете предоставлены сами себе. Понятно? — уточнил еще раз Отец-Ягуар.

Оказалось понятно.

— Так, хорошо. Слушайте дальше. Как только начнется суматоха, я перережу ремни, которые вас стягивают. Вы сразу же бегите вправо, там, за кустами, вы найдете четырех лошадей, чуть подальше на траве будут лежать четыре седла, каждый из вас возьмет себе по одному и...

Он не договорил. В той стороне, где должен был сейчас находиться Ансиано, блеснул язык огня и молнией пробежал по земле несколько метров... — ф-ф-ф-ф! — это вспыхнул порох, и столб пламени высотой локтей примерно в десять взметнулся в ночное небо.

На несколько мгновений все замерло. Но вот шок прошел, и все повскакали с мест, закричали, забегали... Один только вождь Бесстрашная Рука остался сидеть на прежнем месте как ни в чем не бывало.

— Накрывайте горящую траву пончо! — тоном полководца приказал он.

Однако эта мера не очень-то помогала. Сухая трава вспыхивала, как бумага, от малейшей искры, едва ее успевали погасить в одном месте, как огонь появлялся в другом. Беспokoйно метались лошади.

Отец-Ягуар подскочил к пленникам, перерезал спутывавшие их ремни, схватил одного за левую руку, другого — за правую, и втроем они побежали туда, где были привязаны четыре лошади. Возле лошадей их ждал Херонимо. Увидев бегущих, он воскликнул:

— Ну быстрее, быстрее же, тащите сюда седла. Думаете, легко мне удерживать этих горячих лошадок? Здесь стало очень опасно. Я увожу их!

Найдете меня сами!

Он вскочил на одну из лошадей и унесся прочь, уведя за собой весь свой маленький табун.

Отец-Ягуар схватил два седла со всей ременной упряжью впридачу...

— А как же мои книги? Мои книги! — закричал доктор, прижимая к себе один из своих тюков.

— А лопаты? А кирки? — добавил Фриц, взваливая себе на плечи второй тюк.

— Лопаты? Кирки? — переспросил Отец-Ягуар. — Да бросьте вы их!

— Ни за что! — ответил доктор. — Они мне необходимы.

Остается только догадываться, что ответил бы на эту, весьма в данный момент неуместную, принципиальность ученого не на шутку рассердившийся Отец-Ягуар, но в этот самый момент появились Ансиано и Аука и взвалили себе на плечи по седлу. Юноша бросил взгляд на недавно еще дремлющий лагерь. Там все были заняты исключительно борьбой с огнем. Но вдруг весь шум перекрыл чей-то мощный бас:

— Тормента! [\[60\]](#) Где пленники?!

Отец-Ягуар вздрогнул и застыл на месте, прислушиваясь к звукам этого голоса. На лице его читались тревога и какое-то мертвенное опустошение... Остальные, глядя на него, тоже приостановились.

— Они же сбежали! — пророкотал все тот же бас. — Кто-то перерезал ремни.

— Этот голос... — произнес задумчиво Отец-Ягуар. — Я уже где-то слышал его. Он...

Но ему не удалось закончить фразу. Бас начал отдавать приказы:

— Огонь погашен, все за оружие! Объясняю обстановку. Влево идти нет смысла, потому что оттуда начало гореть, в лес тоже соваться незачем: через такие заросли ни одна живая душа не продерется, значит, они могли уйти только вправо. Двадцать человек остаются возле лошадей, остальные — за беглецами!

Отец-Ягуар напряженно вглядывался туда, откуда доносился голос, но в беспорядочном мельтешении лиц, спин, лошадиных морд невозможно было разглядеть лицо того единственного человека, который его в данную минуту интересовал.

— Боже мой, Карлос, что с тобой? Почему ты не двигаешься с места? — спросил Херонимо.

— Этот голос... — повторил Отец-Ягуар словно под властью какого-то наваждения.

— Ах, подумаешь, голос! Да пусть тут хоть иерихонские трубы играют

— нам сейчас не об этом думать надо. Карлос, ты слышишь меня? Нужно быстрее уходить!

— Да, но я должен его увидеть, непременно должен, понимаешь.

И он безвольным движением рук опустил оба седла, которые до сих пор держал в руках, к земле...

«Так, — решил про себя Херонимо, — просто разговаривать с ним, видно, уже бесполезно, придется встряхнуть немного нашего любимого Карлоса». И он закричал во все горло:

— Опомнись! Ты что, с ума сошел? Если ты собственной жизнью не дорожишь, нас-то зачем подставлять? Мне пока, знаешь, как-то не хочется погибать ни за что ни про что, да и другим, я думаю, тоже. Если ты немедленно не одумаешься, на меня можешь больше не рассчитывать!

Он вскочил на лошадь и галопом унесся прочь.

«Он прав, — отрешенно подумал Отец-Ягуар. — Я что-то не то делаю. Надо уходить немедленно».

И несколькими широкими шагами он догнал своих товарищей по этому приключению. Несмотря на еще больше сгустившуюся ночную тьму, зоркие глаза Отца-Ягуара разглядели ученого, который выглядел довольно комично: маленький, испуганный, судорожно прижимающий к груди тюк с книгами, он еле передвигал ноги под его тяжестью. Но Отец-Ягуар не мог, к сожалению, ему помочь: ему срочно нужно было вернуться к своим людям. Сделав еще несколько неуверенных шагов, доктор Моргенштерн взмолился:

— Фриц! Фриц! Я больше не могу! Давай поменяемся тюками!

— Хорошо, — ответил Фриц. — Получите ключи от доисторического мира, а я возьму на себя печатную ученость. Однако вам, герр доктор, придется прибавить ходу, а то как бы нам не стали на пятки наступать.

Дальше они пошли быстрее, настолько быстро, насколько позволяла это делать их тяжелая ноша, но все же им не удавалось оторваться от своих преследователей на дистанцию, обеспечивающую им безопасность. А те неумолимо приближались... Прогредел один выстрел, следом другой, но, к счастью, обошлось без ранений. Заметив, что Ансиано и Аука повернули вправо, доктор Моргенштерн и Фриц сделали то же самое. Где-то совсем близко, чуть ли не прямо за спинами у них все тот же необычайно громкий и раскатистый бас произнес:

— Оставайтесь на месте, ваша милость, до тех пор, пока я не выстрелю.

— Гамбусино! — шепотом воскликнул доктор. — Я пропал!

— Ничего, ничего, не надо раньше времени опускать руки: еще не все

потеряно! — ответил ему Фриц. — У нас же есть превосходное подручное средство для борьбы с противником. Сейчас мы ему устроим небольшой сюрприз вот в этой ложбинке! Через нее наш громогласный голубчик непременно пройдет, никуда не денется!

Он отполз от доктора вместе с тюком книг и стал ждать, когда появится гамбусино. Как только его высокая фигура смутно обрисовалась во мраке, Фриц ловким движением подсунул ему под ноги тук. Великан споткнулся, перелетел через тук, упал, но самообладания тем не менее не потерял. Но как только он начал подниматься с земли, услышал повелительное:

— Стой, или буду стрелять! Я — Отец-Ягуар, и со мной мои люди!

Гамбусино пригнулся и, несмотря на угрозу, все же ползком-ползком продвинулся немного вперед и разглядел силуэты множества людей (даже очень темной ночью можно хорошо разглядеть любой предмет или человека, если смотреть на него снизу вверх) И вот, глядя на незнакомых ему людей именно с этой точки, гамбусино заметил, что все они одеты в одежду из кожи, а на головах у них широкополые шляпы, какие в пампе и прилегающих к ней районах встретишь крайне редко.

«Тысяча чертей! — подумал он. — Это действительно его люди! Попадись он мне где угодно, хоть в преисподней, не ушел бы от меня, но здесь и сейчас я — черт возьми! — не могу с ним связываться! Ладно, придется убратся, но он еще за все мне заплатит А этот сегодняшний его удар по мне будет для него и последним.»

Он вернулся к своим спутникам. И вовремя: они уже хотели идти по его следам

— Назад! — сказал гамбусино. — Ничего не получится

— Как это «не получится?» — изумился капитан Пелехо — Почему?

— А вы не догадываетесь о том, кто перерезал ремни, связывавшие наших пленников?

— Нет. А кто?

— Отец-Ягуар собственной персоной, вот кто!

— Не может быть! Это какая-то ошибка!

— Никакой ошибки! Я видел его людей собственными глазами и слышал его голос собственными ушами. Надо как можно скорее уходить отсюда, причем не бежать сломя голову, а уходить осторожно, потихоньку. Этот человек может напасть на нас в любой момент.

— Бросьте! У страха глаза велики.

— Как? Вы в это не верите? Но почему?

— Судя по всему, у него была одна-единственная цель — освободить

наших пленников, если бы он замышлял что-то иное, то, можете не сомневаться, давно бы это сделал.

— Вполне возможно, что вы и правы — на это раз у него была только одна цель, но кто может поручиться, что это так? Я все же знаю его несколько лучше, чем вы, и поэтому не могу себе позволить быть беспечным, это может слишком дорого обойтись всем нам, не только мне одному. Он меня тоже знает, правда, гораздо хуже, чем я его, впрочем, дело здесь вовсе не в том, знакома ли ему моя внешность, а в том, что мы с ним заклятые враги. Я уверен, что он тоже узнал мой голос. А раз так, он начнет преследовать меня, чего бы ему это ни стоило.

— Что вы хотите в связи с этим предпринять?

— То, что подсказывает мне здравый смысл. Как можно быстрее свернуть наш лагерь и убраться подальше от этих мест. Скоро рассветет, и к вечеру наступающего дня нам лучше быть на безопасном расстоянии от Отца-Ягуара.

— А мне кажется, что вы преувеличиваете эту опасность. Ну с какой стати Отцу-Ягуару рисковать, атакая нас?

— Но я же уже объяснял вам, что знаю отлично натуру этого человека. Так вот, исходя из своего опыта общения с ним, я повторяю еще раз, специально для вас, сеньор капитан: для Отца-Ягуара и большинства его людей не существует понятия риска как такового вообще, поймите же вы наконец.

Тут решил вставить свое слово и вождь абипонов:

— Если Ягуаром вы называете того, кто освободил пленников, я тоже скажу, что нам лучше уйти. И я знаю Ягуара. Только он мог так дерзко и хитро освободить пленников. Однажды я проклял его, пожелал ему смерти, и он об этом знает. Верно говорит гамбусино, надо уходить, здесь нам негде укрыться в случае нападения. Найдем другое место для лагеря, более удобное для того, чтобы отбиваться.

К этому уже нечего было добавить, а тем более что-то возражать на такие слова. Они стали седлать своих лошадей, и только тут заметили, что исчезли четыре лошади из резервных и оба тюка, принадлежавших пленникам. Но у них было еще достаточно много свободных лошадей, их хватило всем, и скоро они тронулись в путь, выстроившись на индейский манер — цепочкой: всадник за всадником, один в затылок другому.

Прогалина в зарослях становилась постепенно все шире и шире. Вообще говоря, углубляться в такие прогалины бывает порой опасно, очень часто они заканчиваются тупиком, и лучше ловушки нарочно не придумашь. Но вождь Бесстрашная Рука хорошо знал эти места и не мог

ошибиться. Вскоре они выехали в пампу. Здесь все всадники спешили и без какой-либо специальной команды образовали круг. Все понимали, что надо посоветоваться, обсудить создавшееся положение.

Этот импровизированный военный совет открыл вождь Бесстрашная Рука:

— Отец-Ягуар в темноте не мог видеть, в каком направлении мы уехали. Здесь мы в безопасности. Пусть сначала белые сеньоры выскажут все, что им хочется сказать о том, что нам делать дальше.

— Но только не надо слишком затягивать эти разговоры, — заметил гамбусино.

— Я поражен тем, до чего вы боитесь этого Отца-Ягуара, — снова начал подначивать гамбусино капитан Пелехо. — А не могло вам померещиться, что он был там со всем своим отрядом? А если был кто-то другой? В темноте, знаете ли, можно и обознаться, как говорится, все кошки серые.

— Отец-Ягуар в любой операции, которую проводит, всегда берет на себя самое трудное, и я уверен, что пленников освобождал именно он.

— В таком случае, он мог видеть всех нас и слышать то, о чем мы разговаривали у костра.

— Дьявол! Так, так так... Пленники были привязаны к деревьям у нас за спиной. Оттуда, из-за деревьев, всех нас было, безусловно, отлично видно. Ко мне лично это относится меньше, чем к другим: мое лицо ведь было под шляпой. Хотя теперь это уже не имеет никакого значения, раз меня выдал мой голос.

— Даже если он и не узнал вас по голосу, у него среди нас есть еще одна мишень — я, — произнес вождь абипонов.

— А из-за чего вы с ним враждуете? — спросил все еще не удовлетворивший свое любопытство Пелехо.

— Это было, когда мы вели очередную свою войну с племенем камба, а он тогда находился среди них. И однажды пришел к нам в качестве парламентаря, чтобы договориться о перемирии. Но для этого надо было кое-чем из трофеев пожертвовать, а нам этого не хотелось, и мы отослали Отца-Ягуара обратно ни с чем. Он ушел в гневе, а тут еще один из нас послал ему вслед отравленную стрелу, но она застряла в его куртке. Потом мы убили двух вождей камба и всех до одного мужчин, многих стариков, не щадили и детей. А женщин увели с собой. Тогда он стал во главе другого клана камба и пошел на нас.

— И кто же победил?

— Он. Ягуар владеет любым видом оружия лучше всех, кого я знаю.

Его гнев вдохновлял камба, и они тоже сражались, как звери, а он очень толково руководил ими. Они отобрали у нас обратно все, что мы отняли сначала у них. С тех пор мы с Отцом-Ягуаром и стали смертельными врагами. Поэтому нам нужны ружья и порох, мы должны доказать этим ничтожным камба, что абипоны — воины, а не мокрицы, а они без белого вождя — жалкие трусы. Если вы предоставите нам ружья и порох, то приобретете очень верных и надежных союзников на долгие времена.

— Вы получите то, что просите.

Тут нашел что вставить в разговор молчавший до сих пор Антонио Перильо:

— Если бы у него даже и не было причины враждовать с вами, повод для этого появился бы немедленно, как только он встретился бы со мной. Вы знаете про то, что случилось на корриде в Буэнос-Айресе, он унизил не только меня, но и других эспад. Если он попадет мне в руки, пусть не рассчитывает на снисхождение, тем более, что он еще и сторонник генерала Митре...

— Я много слышал об этом человеке, — сказал капитан Пелехо, — но никогда не имел с ним никакого дела. Поэтому, сеньоры, я и задаю вам так много вопросов. А кроме того, я уверен, что Отец-Ягуар пойдет по нашим следам в любом случае, даже если причины, по которым он ненавидит кого-то из вас лично, вдруг почему-то станут для него несущественными. Однако сделать это ему будет не так-то легко и просто.

— Почему? — спросил гамбусино.

— Следы в пампе быстро исчезают.

— Вы в самом деле так думаете, сеньор? В таком случае должен вам сказать, что вас никак нельзя заподозрить в том, что вы — опытный следопыт. Уверяю вас, для Отца-Ягуара не представляет особого труда даже на траве пампы прочесть суточной давности следы от копыт лошадей. Его ни в коем случае нельзя недооценивать: этот человек умеет видеть, что называется, на три метра под землей. Он умеет читать все, что написано на любых предметах, деревьях, камнях, даже на облаках. Я надеюсь, вы понимаете, что слово «написано» я употребляю не в буквальном его смысле.

— Значит, те, кого он искал, проскакали перед его взором на облаках, — нарочито напыщенным тоном сказал капитан, искренне веселясь при этом.

Но гамбусино не принял его иронии.

— Вы ничего не поняли! — довольно нервно сказал он. — Вам известно, что движение облаков зависит от направления ветра?

— Представьте себе, известно.

— Ну тогда попробуйте сделать логический вывод из этого факта и моих слов. Сеньор, у меня нет ни времени, ни, откровенно говоря, охоты рассказывать вам о приключениях, в которых Отец-Ягуар доказал, что читать любые следы где угодно он умеет отлично, тем более, что подобные приключения с его участием, я чувствую, нам с вами еще предстоит пережить вместе.

— Но мы проезжаем через пески, леса, низины, переходим реки вброд. Невозможно прочесть следы, оставленные на этом пути.

— Для большинства людей, согласен, невозможно, а для него это не слишком трудная задача. Вы можете мне возразить, что для этого требуются незаурядный ум, обширные и глубокие знания, а также немалый опыт, но у Отца-Ягуара все это есть. Не будем спорить, кто из нас прав, вы поймете это сами, когда Отец-Ягуар появится. Впрочем, это произойдет не слишком скоро. Я понял одну важную вещь. Сейчас он нас не преследует, вопреки моей недавней уверенности в этом. А знаете, по какой причине? Он точно знает, куда мы направляемся.

— Откуда он может это знать? Среди тех, кто посвящен в наш план, предателей нет.

— Но ведь Отец-Ягуар слышал наш разговор у костра!

— Ну и что? Мы не говорили ни о чем таком, что бы раскрывало наши планы, не упоминали никаких имен и названий мест.

— Вы так думаете? А тайные арсеналы, о которых вы сказали?

— Но мы же не говорили о том, где именно они находятся.

— Зато вы говорили, что надо отправить посыльных на границы, чтобы передать приказ солдатам идти к озеру.

— А я сказал, как называется это озеро?

— Нет.

— Ну и вот, пусть проедет по всем озерам, благо, их в Аргентине не так уж и мало.

— Этого ему не требуется делать. Он уже знает точно, какое именно озеро вы имели в виду.

— Каким образом он это мог узнать?

— От наших пленников, неужели не понятно? Их-то вы не стеснялись, когда говорили о наших планах.

— Черт! Но кто бы мог подумать, что все так обернется. Нельзя терять времени! Надо немедленно ехать к этому озеру Лос-Карандахес.

— Я буду не я, если Отец-Ягуар уже не в курсе всех наших планов. Но я все же попробую перехитрить его и направить по ложному следу. Значит,

так: мы шли с юга и, перейдя реку, двинулись дальше на север, а потом на северо-запад. Теперь нам надо вернуться назад, чтобы вновь перейти реку.

— Но это же огромный крюк!

— Никакого крюка. Надо сделать вот как: сейчас же сняться с этого места, найти другую прогалину в лесу и завтра утром выйти к реке, а дальше уже ехать вдоль нее. Скакать придется в таком же темпе, как на охоте с гончими. До самого вечера, потом надо отдохнуть часа два-три, а после этого и вернуться сюда уже другим путем.

— Но мы потеряем целых два дня на это!

— Ничего не поделаешь! Зато при этом мы проведем самого Отца-Ягуара.

— Но вы можете гарантировать, что это удастся?

— Разумеется.

— А я все же сомневаюсь в этом.

— Это потому, что вы все же не до конца понимаете, что происходит. Объясняю еще раз: Отец-Ягуар сможет начать преследовать нас только завтра утром, когда мы будем уже у реки. Поскольку он вынужден будет ехать медленно, чтобы внимательно изучать следы лошадиных копыт, то доберется к реке только к вечеру. И только через сутки он, возможно, сможет выйти к тому месту, куда мы вернемся, я говорю «возможно», потому что за то время, что будет разделять нас, следы пропадут. Тут весь фокус именно в этой разнице во времени.

— Вы в этом уверены, сеньор?

— Не был бы уверен, не говорил бы. Отец-Ягуар будет убежден, что мы вернулись туда, откуда шли сначала, перейдя вновь через реку. Он подумает, что мы испугались его, и в нем проснется тщеславие, которое имеет коварное свойство ослаблять рассудок даже таких хитроумных и многоопытных людей, как он, что нам в данном случае будет на руку.

— Да, это было бы чрезвычайно большой для нас удачей, только я, откровенно говоря, не разделяю вашей уверенности.

— Напрасно, все получится, но ладно, очень скоро вы убедитесь в том, что я был прав.

— И тогда мы сможем спокойно пойти в форт Тио, чтобы пополнить запасы провианта?

— Сможем.

Антонио Перильо не высказал никакого мнения на этот счет, а Бесстрашная Рука сказал:

— Гамбусино все хорошо продумал, его план мне нравится. Мы проведем Отца-Ягуара и укоротим ему руки. Сколько человек с ним?

— Точно я этого не могу сказать, — ответил гамбусино. — Насколько я мог разглядеть в темноте, их было что-то от двадцати до тридцати человек,

— У нас воинов десять раз по десять, но люди Отца-Ягуара гораздо более умело, чем наши, обращаются с оружием. Поэтому будет лучше, если мы еще до встречи с ними объединимся с другими отрядами абипонов. Я знаю не очень далеко отсюда другую прогалину, которая выведет нас к реке.

И они, не мешкая, тронулись в путь.

Глава X

ПИЯВКИ ДОНА ПАРМЕСАНА

Да, репутация, которой Отец-Ягуар пользовался в пампе, была действительно нешуточная. Могу себе представить, как поражены были бы гамбусино и Бесстрашная Рука, если бы узнали, чем был занят грозный Отец-Ягуар в тот момент, когда они проводили свой чрезвычайный военный совет, потому что он в это время... мирно спал.

Разумеется, сначала приняв все необходимые меры предосторожности: в трех местах вдоль прогалины он выставил посты из своих людей, чьей задачей было следить за всеми передвижениями противника. В его планы отнюдь не входило нападать немедленно: члены его экспедиции нуждались в полноценном отдыхе, и ему казалось, что сейчас для них нет ничего важнее.

Только после того, как все выспались, он попросил позвать к нему доктора Моргенштерна и Фрица. Разговор между ними шел на этот раз на испанском — чтобы все остальные могли быть в курсе того, о чем шла речь.

— Сеньор, — обратился к доктору Отец-Ягуар, — при всем моем безграничном уважении к вашим знаниям и вашему авторитету в научном мире, не могу скрыть от вас, что своим поступком вы поставили меня в тупик и даже рассердили. Отправиться сюда — более чем неблагоприятно с вашей стороны. Бог мой, ну почему вы не остались в Буэнос-Айресе?

— А что мне там делать? — ответил несколько не смутившийся ученый.

— Да все, что вы хотите и можете!

— Нет Там я могу делать далеко не все из того что хочу. В Буэнос-Айресе, видите ли, невозможно отыскать никаких, ну, ни малейших следов глиптононта, мегатерия или мастодонта, — совершенно серьезно возразил ему доктор Моргенштерн.

— Ну, если очень захотеть.

— Но правительство Аргентины, к сожалению, не позволяет вести раскопки в центре столицы.

— В таком случае, почему бы вам не попробовать вести их в пампе?

— Этим я как раз и намереваюсь заняться.

— Если я вас правильно понял, вы полагаете, что сейчас находитесь в

пампе?

— Да, в пампе, между рекой и лесом — «флувиусом» и «сильвой» по-латыни.

— Хорошо, о характерных особенностях пампы мы поговорим в другой раз, а сейчас ответьте мне на такой вопрос: как вы оказались там же, где и я?

— Я искал вас специально.

— Но я же сказал вам, чтобы вы этого не делали!

— Сеньор, каждый человек вправе сам решать, что ему делать, а чего не делать, — обиженно заявил приват-доцент.

— Да, но только не в Гран-Чако Мало того, что своим необдуманным поступком вы ставите меня и всех, кто здесь со мной, в затруднительное положение так вы еще и подвергаете смертельной опасности свою собственную жизнь и жизнь своего слуги.

— Вы так думаете? Но сеньоры, которые нас пленили пребывают в заблуждении, которое скоро рассеется, они просто путают меня с кем-то, вот и все.

— Вы, право же, просто на редкость беспечный человек Но я повторяю: ваша жизнь — в опасности!

— Моя жизнь, по-латыни «вита»? Не могу в это поверить.

— Знаете, кого вы мне напоминаете? — с долей сарказма произнес Отец-Ягуар — Благодушного, неторопливого, красивого серебристого карпа. Но карпу лучше всего плавать в специально вырытом для него пруду где никакая щука его не проглотит.

— Но вы же сами рекомендовали мне именно этот район как самый богатый останками доисторических животных!

— Я не отказываюсь от своих слов, но если вы будете искать останки доисторических животных в тайных арсеналах аргентинских заговорщиков, то я не дам и гроша ломаного за вашу жизнь! Я знаю, как вы попали в плен, об этом нам поведал бравый дон Пармесан, которому вы, кстати, обязаны своим спасением. Прошу вас, расскажите мне, что вы собираетесь делать дальше?

— Пожалуйста, у меня нет от вас секретов, Я собираюсь вернуться к той яме, в которой погребена моя гигантская хелония, и продолжить работу по извлечению ее останков. Потом погрузить их на лошадей и уехать отсюда. Даю слово ученого, что там находится действительно спинной панцирь гигантской хелонии, и его можно откопать, в чем эти господа, пленившие нас, к сожалению, мне наотрез отказали. При этом с ними, знаете ли, случилась странная метаморфоза. Я небольшой знаток

физиогномики [\[61\]](#), но мне показалось, что у них на лицах было написано, что они имеют какие-то тайные намерения воинственного характера, и вдруг это выражение, одинаковое у всех них, сменили какие-то детские улыбки!

— Откровенно говоря, я с большим трудом понимаю вас. Не хотите ли вы сказать, что они над вами смеялись?

— Смеялись? — переспросил доктор. — Нет-нет, я ведь сказал о мягких по-детски улыбках, а не о грубом хохоте. Сеньор, я, кажется, тогда, в Буэнос-Айресе, несколько переоценил ваши знания в палеонтологии. Ибо, если бы вы на самом деле обладали ими в достаточной степени, то вам и в голову бы не пришло, что над человеком, открывшим гигантскую хелонию, можно смеяться.

— Хорошо, расскажите мне тогда, что эти милые, улыбчивые люди делали с вами после того, как взяли в плен.

— Сначала мы ехали лесом, потом перешли вброд какую-то реку, потом снова ехали через лес, в котором встретили много других индейцев. Там мне и Фрицу дали по куску мяса. Как только мы немного поели, нас привязали к деревьям, потом пришли вы... Это все, что я могу рассказать вам, история, как видите, простая и вполне заурядная.

— Не сказал бы, — сказал Отец-Ягуар, с трудом сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

— Что вы! В ней нет ничего романтического. Пока мы ехали, я подумал, что неплохо было бы скрасить скучный путь беседой о доисторическом периоде развития животного мира, о пещерных медведях и мамонтах, но никто не захотел меня слушать.

— О, вот в это я охотно верю.

— Но, знаете, я не очень сильно огорчился, потому что, слушая, как они разговаривают, сделал одно интересное наблюдение, если, конечно, оно верное. Здесь, в этой стране, употребляется один диалект, в котором ощущается явное влияние немецкого языка: глаголы при смысловом связывании их с существительными произносятся подчеркнута энергично и резко. Язык прижимается при этом в верхнему нёбу.

— Неужели вы, герр доктор, просили их показывать вам глотки?

— Нет, конечно, не просил. Но они постоянно говорите на этом диалекте, и я совершенно отчетливо ощущал в нем эту резкость и энергию. На этом основании мы можем констатировать, что между верхним нёбом и языком...

— Достаточно филологических наблюдений, сеньор, умоляю вас! Я предпочел бы узнать побольше о содержании их разговора.

— Не знаю, чем вас может заинтересовать это содержание... Они говорили все больше о каких-то пустяках.

— Неужели только о пустяках?

— Честное слово, мне даже скучно стало! Да, велся вроде бы оживленный разговор, переходящий время от времени в спор, но он был ни о чем, так, пустая болтовня... Речь шла о революции, кавалерии, пушках, о набегам и поражениях индейцев — в общем, обо всякой чепухе. И ни слова — о науке.

— Ничего себе чепуха! Сеньор, я чувствую себя просто обязанным открыть вам глаза на мир, вас окружающий. Так вот, запомните хорошенько: революция, кавалерия, пушки, отступления, наступления и все прочее, что с этим связано, в жизни каждого человека — поймите, каждого, в том числе, и в вашей, — имеют громадное значение.

— В моей? Нет, в моей жизни — никакого, а в вашей — конечно, с этим я не могу не согласиться. У вас в голове как-то все это размещается, а в моей — только спинной панцирь моей гигантской хелонии.

— Что ж, разрешите поздравить вас с такой уникальной конструкцией головы!

— Премного благодарен. Но если вы так уж хотите знать подробности разговора между этими людьми, вам лучше всего расспросить об этом моего слугу Как всякий дилетант, он склонен придавать слишком большое значение разным несущественным мелочам и потому охотно фиксирует их в своей памяти

Фриц, уже успевший хорошо изучить натуру своего хозяина, не воспринял его последнюю фразу как колкость доктор нередко бывал бестактен, но отнюдь не из желания как-то задеть или унижить человека, а вследствие своей феноменальной отчужденности от проблем обыденной жизни Во всяком случае, Фриц радостно оживился, когда понял, что настал его черед исполнить свое соло в этой беседе, чего он давно и страстно желал. Он приосанился и сказал по-немецки:

— Герр Хаммер, доктор Моргенштерн сказал вам чистую правду я прекрасно запомнил весь этот разговор и отвечу на любой ваш вопрос. Если позволите я буду говорить на родном языке, ибо заставлять меня говорить с соотечественником по-испански — это то же самое, что дать мне хлеб и масло, но не дать ножа чтобы сделать бутерброд.

— Охотно разрешаю вам это, если вы так желаете — ответил Отец-Ягуар, рассмеявшись. — Но потом мы с вами перескажем всем остальным на испанском языке то, о чем будем говорить по-немецки, согласны?

— Конечно! Итак, подскажите мне, что вас особенно интересует,

чтобы ч знал, с чего начать.

— Меня интересует многое, но прежде всего ответьте мне пожалуйста, вот на какой вопрос: как вам показалось — с какой целью эти несколько белых примкнули к индейцам?

— Дружба между белыми и краснокожими просто так не возникает, — важно начал Фриц, — тут должна быть какая-то серьезная причина, не менее значимая, чем для науки панцирь нашей гигантской хелонии. Поэтому я и раскрыл глаза пошире, а уши поставил на макушку, когда оказался среди них. И еще я сказал себе: «Фриц, не урони чести уроженца Штралау на Руммельсбургском озере, еще никто, никогда и нигде не сумел провести твоих земляков!» Но эти парни никогда, видно, не слыхали о том, какие ловкачи живут в Штралау они и не подумали при мне сдерживаться. Итак, вот что я узнал: они направляются в Чако, чтобы спровоцировать абипонов на восстание против нынешнего правительства страны. Вождь Бесстрашная Рука, старик хитрый и дальновидный, намеревается извлечь из всего этого еще кой-какую выгоду для своего племени и ставит такое условие: он поможет белым только в том случае, если они сначала помогут ему взять верх над камба, с которыми у него очень давние счеты, то есть предоставят в его распоряжение оружие и солдат.

— Вот как! И что же белые, согласились выполнить это условие?

— Да! Солдатами командует некто капитан Пелехо. Это предатель по натуре. Его официальная миссия на границе Гран-Чако — инспекция отдаленных гарнизонов, но этот двурушник, используя данные ему правительством полномочия, разослал посыльных по всем гарнизонам с приказом нескольким, я думаю, достаточно многочисленным отрядам собраться в определенный день в определенном месте. Этих солдат он и поведет потом против камба.

— Действительно, хитро придумано! Ай да вождь абипонов! Он, конечно, главный стратег этой операции. Но откуда же в этих пустынных и безлюдных местах они возьмут оружие?

— О, для этих целей, как я понял, существуют тайные склады и хранилища. Там есть все, что нужно для военных действий: и оружие, и амуниция. Они намереваются навестить эти склады в ближайшее время. Пещера, в которой прилегла отдохнуть перед потопом наша гигантская черепаха, использовалась в качестве одного из таких складов.

— Послушайте, Фриц... — задумчиво сказал Отец-Ягуар, внезапно посерьезневший. — Рискну показаться вам неделикатным, и все же скажите мне откровенно: к тому, что вы мне рассказываете, не примешана ли случайно ваша собственная, извините, фантазия?

— Нет, потому что, хотя, как вы верно заметили, воображением я отнюдь не обделен, даже я не мог бы выдумать такой фантастический план.

— В таком случае, я с большим сожалением могу констатировать, что, если этот план осуществится, произойдет огромная трагедия. Тысячи индейцев погибнут, и только во имя того, чтобы несколько их белых сограждан стали богаче и продвинулись сразу на несколько ступенек по служебной лестнице. Кто стоит во главе этого предприятия?

— Это мне неизвестно. Но там, в лагере, как мне показалось, в роли адмирала эскадры был некий гамбусино.

— Слышали ли вы, как они его называли, откуда он родом, чем занимался раньше?

— Зовут его Бенито Пахаро, что по-немецки звучало бы как Бенедикт Фогель. Место его рождения осталось для меня загадкой, я не знаю также и того, перелетная он птица ^[62] или никогда не покидает своего гнезда, где жил раньше и где обитает теперь, а также сколько фунтов весит.

— Они говорили что-нибудь обо мне?

— Еще как! Ваше имя у них просто с языков не сходило.

— Интересно! Но, конечно, ничего хорошего они обо мне не говорили?

— Да, вы угадали... Вам, я так скажу, лучше не попадать в руки этих мерзавцев.

Несколько минут Хаммер молчал, размышляя. Потом вновь обратился к Фрицу:

— Может быть, вы припомните, как они называли то место, где должны будут соединиться отряды белых солдат из разных гарнизонов?

— Да, я помню это. Речь шла об озере Лос-Карандахес, или Пальмовом.

— А где оно расположено, они не говорили?

— Как будто нет.

— Странно, никогда не слышал о таком озере.

Отец-Ягуар обратился к своим спутникам с вопросом о том, не знают ли они, где находится это озеро. Никто из них этого не знал. Тогда он спросил то же самое у старого Ансиано, юного Ауки и даже у дона Пармесана, но и они относительно местонахождения озера ничего не смогли сказать.

— Может быть, оно находится внутри Чако, в пустыне? — потирая ладонью лоб, спросил Отец-Ягуар.

— Да-да, где-то там, — поспешил подтвердить это предположение Фриц.

— Значит, что-то они все-таки говорили об этом?

— Нет, но я вспомнил, что, когда они обсуждали да прикидывали, как будут транспортировать оружие, которое достанут из тайных складов, речь шла о том, что везти оружие придется по пустыне. А Пальмовое озеро — последний пункт маршрута, который они наметили. Следовательно, оно расположено в пустыне или на границе с ней.

— Не перестаю удивляться! Какая все-таки с их стороны беспечность — говорить о таких важных вещах в присутствии пленников. И эти люди еще собираются свергать правительство! Но ладно, Бог с ними! Еще какие-нибудь подробности о местах, где размещены тайные склады оружия, не припомните?

— Так-так... Они называли эти места, сейчас припомню, должно же в каком-нибудь укромном уголке моей памяти это остаться... А вот, вспомнил! Речь шла о четырех складах... Характерно, что все они расположены возле каких-то источников или водоемов, причем названия трех связывались с каким-нибудь животным, а четвертого — с какими-то близнецами... Значит, так, постараюсь вспомнить названия в том же порядке, в каком они их произносили. Ага, первый назывался Рыбный, про второй они говорили, что он полон пиявок, отсюда и его имя, третий находится на краю леса — там рядом болотистая лагуна, полная крокодилов, соответственно, значит, имя источника — Крокодилий, и четвертый, как я уже сказал, источник Близнецов.

Отец-Ягуар от радости оживился, как мальчишка, воскликнув:

— Здорово! Я знаю все эти места и бывал там не раз. Фриц, у вас просто великолепная память!

— Я очень рад, герр Хаммер, что вы дали такую высокую оценку моей памяти, потому что мы с ней в некотором роде — одно целое.

— А вы знаете: ведь один из этих водоемов и вам хорошо знаком, помните, в озерке возле пещеры, где вы нашли свою гигантскую хелонию, было, как вы сказали, много рыбы. Не иначе это и есть Рыбный источник. Интересно вот что: каждый из этих водоемов находится от другого на расстоянии примерно в полтора дня верховой езды. Будь у нас с собой карта, вы бы смогли убедиться, что они расположены на одной прямой. Я думаю, если продолжить эту линию на северо-запад, там мы и обнаружим таинственное Пальмовое озеро. Да, толково придумано. Во-первых, не ошибешься, когда будешь искать нужное место, во-вторых, у воды можно хорошо отдохнуть после долгого перехода. Теперь я знаю, что нам следует делать. Мы должны оказаться в разбойничьем гнезде на Пальмовом озере раньше индейцев.

— Мы сможем это сделать! — выразил свою готовность следовать приказам Отца-Ягуара Фриц, добавив: — Согласитесь, герр Хаммер, что гигантская хелония, инкогнито которой мы так бесцеремонно и грубо нарушили, все-таки помогла нам. Это добрый знак, значит, надо и дальше продолжать этим заниматься.

— Ничего не имею против, — ответил Отец-Ягуар. — Я даже могу доставить вас на то место, где обнаружил скелет гигантской лягушки, которая жила до Ноя. Он не взял ее в свой ковчег по единственной, я полагаю, причине: если бы она на него взошла, то больше уже никто не смог бы там разместиться.

Услышав упоминание о гигантской лягушке, совсем было приунывший доктор Моргенштерн снова воспрял духом:

— Если разговоры о революции и убийствах людей не обходятся без упоминания о доисторических животных, так и быть, я готов в них участвовать, — заявил он.

— Хорошо, дорогой доктор, — ответил ему Отец-Ягуар. — Но сейчас вам надо поспать. С вами дурно обращались в последние сутки, отдохните, постарайтесь восстановить свои силы, они вам еще понадобятся. Завтра мы встанем очень рано, еще до рассвета нам предстоит преодолеть большое расстояние на хорошей скорости. Но прежде чем пожелать вам спокойной ночи, я хочу выразить вам свою признательность за то, что вы спасли ваши орудия труда землекопов, несмотря на мой протест. Они пригодятся нам, когда мы будем раскапывать тайные склады оружия.

Доктор с несколько комичной церемонностью принял эту благодарность Отца-Ягуара, а после того, как он ушел, сказал своему слуге:

— Ты понял, Фриц? Зоопалеонтология приносит пользу всегда и везде, даже там, где и предположить нельзя. А скоро ты окончательно сможешь убедиться в том, что ни один человек на свете не может обойтись в своей жизни без науки, называемой по-латыни «сциенция».

И, преисполненный гордости за науку, маленький ученый заснул так крепко, как не спал с тех, как отправился в далекую от его родины Аргентину. Спали и все остальные, кроме часовых, конечно, сменявших друг друга каждые три часа.

Как только начало светать, они поднялись. Важно было выиграть время, и они не стали его тратить даже на то, чтобы перекусить. Отец-Ягуар отдал приказ двигаться по направлению к прогалине. Он был совершенно убежден в том, что ночью она была покинута индейцами, но на всякий случай все же выслал вперед несколько человек на разведку.

После того, как они убедились в том, что лагерь индейцев пуст, подали

условный знак остальным. Весь отряд Отца-Ягуара, за последние сутки выросший на целых пять человек, помчался теперь уже галопом. Скоро они обнаружили следы индейских лошадей, ведущие в пампу, из чего был сделан логически неоспоримый вывод: свой лагерь противник покинул еще накануне вечером. Поднималось солнце. И людей, и лошадей начала мучить жажда. К счастью, Отец-Ягуар вспомнил, что недалеко от этого места есть родничок, который выходит на поверхность земли всего лишь на какие-нибудь несколько метров, а потом она опять, как скупая старуха, сгребает в свою сухую, жесткую ладонь живительную струйку — никому, дескать, не дам, самой не хватает, и родничок пропадает... Каждый, кому подолгу приходится жить в местах малообитаемых, среди девственной природы, отлично помнит такие места, это настолько важно для человека, что его память запечатлевает окрестности родников с почти фотографической отчетливостью.

После того, как напился и люди, и лошади, они продолжили свой путь по следам индейцев и скоро вышли на место их кратковременной стоянки. Здесь остановились. Херонимо прильнул к земле, отогнул траву и внимательно осмотрел буквально каждый сантиметр оставшихся под травой, хотя почти уже совсем незаметных следов лошадиных копыт. Его очень удивило то обстоятельство, что следы опять шли к лесу. Индейцы, а с ними и белые, выходит, вернулись туда, но зачем?

— Они могли вернуться на прежнее место по двум причинам, — сказал Отец-Ягуар. — Или это элементарная и, в общем-то, безобидная хитрость, цель которой — просто заморочить нам голову, и более ничего, или, что гораздо вероятнее, хорошо продуманный маневр с далеко идущими целями.

— Я что-то не совсем понимаю, в какой мере элементарная хитрость может оказаться хорошо продуманным маневром? И как тут можно отличить одно от другого? — удивился Херонимо.

— Возможно, они хотят снова войти в лес в совершенно другом месте, через другую прогалину, потом обойти нас со спины и неожиданно напасть.

— Да, такое вполне вероятно. Они приняли твоего соотечественника за полковника Глотино, и не в их интересах упускать его. Ты полагаешь, они могут напасть на нас после того, как заметят, что мы покинули свой лагерь, да?

— Может быть, да, но, возможно, что и нет.

— Ты знаешь, я хвастаться не люблю, но тут как раз тот самый случай, когда я должен сказать, что они будут представлять для нас опасность, только если нападут внезапно. Наши пули все же всегда бьют точнее их

стрел.

— Если они и в самом деле захотят напасть на нас, то, мне кажется, все-таки не сделают это открыто. Но мы, однако, не должны успокаиваться на этот счет. Знаешь, мне все больше кажется, что эта компания вернулась специально для того, чтобы убедить нас, будто они двинулись к Пальмовому озеру.

— Но разве они способны действовать настолько обдуманно?

— Обдуманно, говоришь? Я бы не назвал умным того, кто держит меня за дурака. Они же знают, что доктор и его слуга прекрасно слышали, о чем они говорили, и, естественно, не один, так другой расскажет нам все.

— То есть, если я тебя правильно понял, ты считаешь, что нам надо двигаться и дальше в том же направлении, которое здесь прерывается, не возвращаясь по их следу назад?

— Нет, мы вернемся, но не так, как они, вероятно, ожидают. Я должен узнать, что они замышляют, и буду ехать по их следу так долго, пока не пойму, где тут собака зарыта. Если хочешь, можешь сопровождать меня.

Он созвал своих людей и объяснил им суть сложившегося положения. После этого они с Херонимо пустили лошадей галопом по следу индейцев. Ни разу не потеряв этого следа, они, в конце концов, оказались возле той самой прогалины в лесу, которой воспользовался противник... Здесь спешили. Огляделись. Никаких примет стоянки не было заметно, но следы лошадиных копыт вели к реке. Отец-Ягуар снова стал всматриваться в них, хотя за утро он делал это уже столько раз, что, кажется, мог бы узнавать следы каждой лошади в отдельности. Но ему не давала покоя эта странность маршрута, и он сосредоточенно искал какую-нибудь зацепку, подтверждающую или опровергающую его предположения. Наконец он сказал Херонимо:

— Если бы они собирались преследовать нас, то здесь непременно повернули бы налево и дальше пробирались бы вдоль границы леса обратно. Но этого они не сделали, а перешли реку. Значит, вывод напрашивается такой — они озабочены прежде всего тем, чтобы одурачить нас. Что очень глупо и самонадеянно с их стороны!

— Да уж, это совсем не комплимент для нас. Парни, видно, плохо понимают, с кем дело имеют. Как можно надеяться нас провести, если мы постоянно видели перед собой их следы?!

— А знаешь, Херонимо, ты ведь, дружище, не совсем прав, следы мы видели не постоянно... Вернее, не должны были бы видеть постоянно. Ведь мы вынуждены были скакать с гораздо меньшей скоростью, чем они, останавливались на ночь, а они выступили еще в темноте. Кроме

расстояния, нас разделяет очень большой отрезок времени, а за это время следы должны были бы исчезнуть. Они, однако, не исчезли. Нет, эти заговорщики явно хитрее, чем можно подумать, и, знаешь, никогда не стоит недооценивать противника. Но в конце концов, все это — игры, цель которых опять же задержать нас, а вот серьезный интерес у них один — поскорее добраться до Пальмового озера. Ну, тут мы еще посмотрим, у кого это быстрее получится. Возвращаемся!

Как только они добрались до своих, то объяснили им, что немедленно выступают к Пальмовому озеру с остановкой у источника, называемого заговорщиками «источником Пиявок», что находится в полутора днях пути верхом на северо-запад.

В дороге Отец-Ягуар то и дело посматривал на доктора Моргенштерна: его беспокоила бросающаяся в глаза неловкость тщедушного всадника. Но тот, однако, не показывал виду, что ему трудно, мужественно сносил все тяготы пути. За весь переход, до самой остановки на ночь ученый ни разу не пожаловался на усталость, если он и не обладал мастерством наездника, то, что называется, «держать удар» умел. Но когда пришло время слезать с лошади, он не смог этого сделать самостоятельно, от постоянной скованной позы в седле все мышцы доктора свело, и он напоминал теперь большого оловянного солдатика. Все испытывали к маленькому зоологу чувство жалости, но одновременно многих распирало изнутри и желание расхохотаться, самые рослые молодые парни, изо всех сил сдерживая смех, вынули ученого из седла и поставили на землю. Но стоять он не смог — тут же все такой же, в буквальном смысле слова, нестигаемый, он рухнул навзничь на землю, ударившись затылком. Но не больно, благо, что под ногами у них теперь был песок — они вступили в район пустыни.

Отец-Ягуар был искренне восхищен мужеством своего маленького соотечественника и с искренним участием спросил его:

— Ну почему же вы не сказали мне, что испытываете такие мучения? Мы бы ехали помедленнее.

— Благодарю вас, герр Хаммер, — ответил доктор Моргенштерн, с огромным трудом пытаясь перейти из лежачего положения в сидячее. — Благодаря этой скачке я сделал одно ценное для науки наблюдение: чем быстрее скачут наши лошади, тем меньше трясет всадников в седле. Кроме того, должен вам сообщить, что я взял на себя моральное обязательство не доставлять вам особых хлопот, поэтому жаловаться на что-либо с моей стороны — просто неприлично. И потом, я сгораю от нетерпения поскорее добраться до того места, где вы видели останки доисторической гигантской

лягушки. Мои ноги, как вы, должно быть, заметили, сильно затекли, но, я думаю, скоро наступит улучшение, по-латыни «эмендацио».

Улучшение наступило действительно довольно скоро, и даже без помощи дона Пармесана, на предложение услуг которого доктор Моргенштерн ответил решительным «нет».

Люди поужинали вяленным мясом и легли спать, а вот лошадям пришлось довольствоваться одной лишь водой, да и то в небольшом количестве, поскольку ее запасы были уже на исходе, а вокруг не росло ни травиночки. Спать легли рано, чтобы подняться с рассветом. И снова, едва забрезжило утро, они неслись по однообразному песчаному морю, которому, казалось, не будет ни конца, ни края... Но вот на горизонте выступила темная полоса. Отец-Ягуар, заметив ее, сказал:

— Вот там он и находится, этот источник Пиявок. Должно быть, человек, который обозвал его так, был чем-то сильно раздражен, но нам нечего об этом думать, главное, что там есть вода, а возле нее деревья, кусты, трава.

Отец-Ягуар хорошо знал, что говорил. Оказавшись в те времена в тех местах, напоминавших пустыню, можно было поневоле вспомнить Сахару, но там, где была вода, вы попадали в райский сад, ну, по крайней мере, в джунгли Бразилии. Кстати говоря, оазисы, поросшие буйной тропической растительностью, в Гран-Чако вовсе не редкость.

Именно таким оазисом, по форме напоминающим неправильный, но все-таки круг, и была территория вокруг источника Пиявок. Диаметр круга составлял несколько тысяч шагов, как это принято считать у путешественников. В центре оазиса было небольшое озерко с чистой водой, а источник, из которого оно наполнялось, бил из земли на краю леса. Прокладывая себе путь к озерку, вода вырыла в земле неглубокую канавку, в которую сваливались сухие листья, лепестки цветов, всякий другой лесной мусор. Это была прекрасная питательная среда для пиявок, они здесь водились действительно в несметном количестве. А вот в озерке не было ни одной пиявки, но зато много рыбы.

На ветвях деревьев, росших вдоль канавки, обитало такое множество певчих птиц, что их хор едва не заглушал голоса людей из экспедиции Отца-Ягуара, когда они вступили под своды благоухающих цветущих деревьев оазиса.

Все сразу бросились к озерку, стали захлеб поглощать его необыкновенно вкусную воду, потом напоили лошадей. Точнее сказать, все, кроме одного человека — дона Пармесана, который был поглощен созерцанием суетливой деятельности обитательниц канавы — пиявок.

— Какая находка! — воскликнул он, оторвавшись, наконец, от этого зрелища и обращаясь к доктору Моргенштерну. — Здесь за какие-нибудь полчаса смогли бы полностью излечиться от лихорадки сотни человек, я полагаю. Доктор, почему же вы совсем не радуетесь такой большой удаче?

— Простите, но я почему-то не испытываю никакого восторга при виде пиявок, именуемых по-латыни «хирудо».

— Это только оттого, дорогой доктор, что вы подвержены предрассудкам так называемой цивилизации. Вот если бы вы были современниками Адама и Евы, то вы поняли бы, какое это универсальное средство исцеления от всех болезней. Кстати, у меня такое впечатление, что на ваш язык и десны не помешало бы поставить штук двадцать-тридцать этих чудесных созданий, и тогда вы, без сомнения, убедились бы, что...

— Благодарю вас, сеньор, но я в этом не нуждаюсь

— Не сеньор, а дон Пармесан! — сухо поправил его хирург.

— Хорошо, дон Пармесан! Но все равно я не возьму в рот ни одной пиявки! Нет, никогда и ни за что!

— Нет? Но я ведь желаю вам добра, поймите. Ваш язык станет настолько толстым, что будет похож знаете на что? — на лягушку-быка.

— Должен заметить, дон Пармесан, что это не слишком-то милосердно — желать своему товарищу, чтобы язык его стал похож на лягушку-быка. К тому же, я совсем не уверен, что эти препротивные склизкие комочки принадлежат именно к тому виду, который называют медицинскими, или аптечными, пиявками.

— Они именно этого вида, и я могу вам это доказать.

Он взял ветку, опустил ее в воду канавы, подцепил ею одну пиявку и посадил ее себе на кисть руки. Пиявка тут же начала надуваться, на глазах превратившись в черный шар.

— Видите, видите? — с азартом воскликнул хирург. — Она работает. Могу представить еще одно доказательство. Пожалуйста, высуньте ваш язык! Я посажу на него пиявку.

— Опять вы о языке! Но почему вам для ваших экспериментов нужен именно мой язык?

— Потому, что это наиболее насыщенная кровеносными сосудами часть вашего тела.

— Тогда почему бы вам не воспользоваться вашим собственным языком? Кстати говоря, по-латыни именуемым «лингва»!

Дон Пармесан осуждающе покачал головой и сказал, растягивая слова:

— А я-то думал, вы настоящий исследователь, фанатик науки... А вы, оказывается, боитесь такого безобидного существа... Ну, ладно, я все равно

использую этот нечаянно предоставившийся нам счастливый случай: попрошу у ребят штуки три фляги, в которые посажу пиявок.

Так он и сделал.

Тем временем Отец-Ягуар с несколькими своими людьми обходил территорию оазиса. Это была, конечно, не просто прогулка: они внимательно прислушивались к звуку собственных шагов. Наконец они нашли то, что искали: в одном месте земля под ногами у них отозвалась гулким звуком, так отзывается пустота...

— Склад должен быть здесь, — сказал Отец-Ягуар.

— Я тоже так думаю, — отозвался на немецком Фриц, стоявший рядом с ним.

— Почему?

— Потому что это место выглядит точно так же, как и то, где мы раскопали гигантскую хелонию. Видите, трава здесь вдруг почему-то, непонятно почему, редет.

— Начнем копать. Вы одолжите нам ваши инструменты, герр Кизеветтер?

Фриц принес лопаты и сразу же воткнул одну из них в землю. Но Отец-Ягуар остановил его:

— Пойдите. На этот раз нельзя действовать так же, как вы действовали у Рыбного источника. Иначе мы разоблачим себя. После того, как мы все здесь закончим, у тех, кто приедет сюда после нас, не должно возникнуть никаких подозрений. Итак, как я припоминаю, вы рассказывали, что там в глинистой почве вас удивили странные вкрапления песка, не так ли?

— Да, и эти вкрапления обозначали вход в тайник.

Отец-Ягуар пригнулся к самой земле и скоро нашел то место, где выступал песок. Потом расстелил на земле свое пончо. И сам начал с предельной осторожностью копать в этом месте, аккуратно скидывая землю с лопаты на пончо.

Через несколько футов песок стал осыпаться, открылась яма... А за ней виднелась небольшая пещера, опять-таки очень похожая на ту, что находилась под Рыбным источником. Туда осторожно спустили как самых миниатюрных, а значит, наиболее подходящих для работы под низкими сводами пещеры доктора Моргенштерна и Фрица. Они работали лопатами уже, как опытные кладоискатели, и скоро наверх было поднято несколько кожаных мешков с землей. Наконец открылось содержимое пещеры: это были все те же ружья, мешки с порохом, обернутые кожей, ножи и разные другие необходимые при проведении военных операций предметы, а кроме

того, луки и стрелы. Ружей было около ста, а ножей раза в два больше.

— Наши друзья индейцы камба будут рады таким подаркам, — сказал Отец-Ягуар, когда весь этот арсенал; был извлечен на поверхность, и приказал: — Закопайте яму!

Комки земли, лежавшие на пончо, были вновь тщательно уложены на те же самые места, откуда были взяты. Последним был положен слой снятого дерна. Сверху кустики травы обильно полили водой. Теперь все здесь выглядело абсолютно так же, как и до появления здесь экспедиции Отца-Ягуара.

Все, не участвовавшие в этой операции, с увлечением занялись рыбной ловлей — кто закидывал сеть, а кто предпочел удочку — и весьма преуспели в этом занятии. В Аргентине каждый, кто собирается путешествовать по пампе, обязательно берет с собой рыболовные снасти: здесь довольно часто встречаются лагуны и озера, богатые вкусной рыбой.

Тут же стали ее готовить по старинному способу, который в Германии особенно популярен среди студенчества. У нас на родине рыбу, а если быть предельно точным, сельдь, приготавливаемую этим способом, студенты заворачивают в несколько плотных слоев бумаги и кладут на горячие угли. Когда бумага сгорает — сельдь готова. Наши путешественники поступили так же, с той лишь разницей, что вместо бумаги они использовали высохшие стебли тростника.

Ужин начался под разговоры о вкусовых достоинствах разных видов пресной и морской рыбы. В экспедиции Отца-Ягуара был один молодой человек — жизнерадостный, доброжелательный, в карман за словом не лез, словом, душа общества, все его искренне любили, а звали не по имени, а просто Шутник, по-испански Эль Пикаро [\[63\]](#). Вот и на этот раз Шутник своими остротами, словно дирижерской палочкой, вызывал один за другим взрывы смеха. Лошади, если бы умели смеяться, вполне могли бы разделить отличное настроение своих хозяев — трава в оазисе оказалась очень нежной и сочной.

Спать легли поздно. Отец-Ягуар выставил часовых, но приказа о том, чтобы на ночь привязали лошадей, отдавать не стал: они и сами никуда бы не ушли: вокруг оазиса, куда ни глянь, простиралось море безжизненного песка.

Утром наскоро позавтракали оставшейся от ужина рыбой, погрузили на вьючных лошадей оружие, добытое из тайника, запас воды и тронулись в путь все в том же направлении — на северо-запад, к Крокодилему источнику. Пескам, казалось, не будет конца. Несколько раз им встречались солончаковые озера, по берегам которых изредка пробивались сквозь

растрескавшуюся почву жалкие, чахлые растения. Заночевали в пустыне. Костра не разводили — ни дров, ни даже травы для него здесь не было. Поднялись, как это было заведено в экспедиции, еще до рассвета.

Тому, кто взялся бы во время пути наблюдать специально за доном Пармесаном, это занятие доставило бы огромное удовольствие. Он был целиком и полностью поглощен заботой о своих пиявках. Для того, чтобы они случайно не задохнулись, дон Пармесан не стал герметически плотно закрывать фляги с трепещущими в мутной воде юркими черными жгутиками. Он разорвал свой носовой платок и этими лоскутами обвязал горлышки фляг, а сами фляги привязал к доске и всю эту оригинальную конструкцию прикрепил себе на пояс. Фляги, тем не менее, так и норовили выскользнуть, и хирург хватался за них сначала то одной, то другой рукой, а потом в конце концов обхватил их обеими руками, бросив, естественно, повод, но при этом умудряясь все же как-то управлять своей не слишком-то сообразительной лошадейю. В общем, к тому моменту, когда экспедиция подъехала к Крокодилъему источнику, трагикомедия под названием «Путешествие дона Пармесана с пиявками», подходила к своему финалу. На исполнителя главной роли было невозможно глянуть без слез... И все же, собрав остатки своих сил, он осторожно, плавно, мягко снял одну за другой все фляги с пояса, потом спустился на землю. И упал! Но пиявки, как ни странно, не проявили по этому поводу ни малейшего беспокойства...

Название третьего источника было также вполне оправдано. Среди песков лежала довольно большая лагуна, наполненная мутной водой, с илистым, судя по этому обстоятельству, дном. Идеальное место для обитания крокодилов. По берегу лагуны росли тамаринды и древовидные кактусы. Этот пояс из деревьев был рассечен несколькими просеками, в которых лошади сразу же учуяли вкусную траву. В глубине одной из этих просек и бил из-под земли собственно источник, наполнявший своей водой лагуну, и в самом начале своего пути к лагуне вода эта была кристально-чистой, прозрачной и очень вкусной.

А мутной и грязной в лагуне ее делали сообразно своим нравам живущие в ней крокодилы. Почуввав приближение людей, множество из них высунули из воды свои жуткие пасти. Опрокидывая друг друга, напозая на спину один другому, они поползли навстречу нашим путешественникам.

— Сколько же их здесь! — удивился доктор Моргенштерн. — Господи! Тридцать! Сорок! Шестьдесят! Что ты скажешь по этому поводу, Фриц? — обратился он к слуге, за неимением рядом ученого коллеги.

— Что я скажу? Да ничего! Я как раскрыл рот от удивления, так только

что его и закрыл. Интересно, а чем они здесь питаются?

Ему ответил Отец-Ягуар, подъехавший к ним сзади.

— Если мы немного подождем, то сможем сами увидеть, как они это делают. Мы снова приблизились к Рио-Саладо и находимся на территории, которую река ежегодно во время сезона дождей затопляет. В это время они отъедаются. Потом для них наступает время поста, впрочем, в лагуне остается еще кое-какая рыбешка и прочая речная живность, но ее все же им не хватает. А когда они окончательно оголодают, то начинают воевать друг с другом. Как всегда, сильный побеждает слабого, большие поедают маленьких.

— А если маленьких не хватает?

— Тогда им не остается ничего другого, как... — он вдруг прервал свою речь — что-то в воде вдруг привлекло его внимание. — Да вот, смотрите!

Недалеко от берега медленно кружили, не сводя друг с друга воспаленно-злобного взгляда, два матерых самца. Время от времени один из них делал резкое движение тяжелым хвостом или головой. После каждого такого движения со дна лагуны поднимался столб воды, насыщенной илом. Наконец крокодилы, видимо, сочли ритуальный боевой танец окончанным и разинули во всю ширь свои отвратительные пасти, а еще через мгновение бросились друг на друга, сцепившись в один безобразный клубок. И тут появился третий хищник, тут же укусивший одного из сородичей — участников схватки. Укушенный издал такой звук, который нельзя назвать ни криком, ни воплем — но люди, стоящие на берегу и слышавшие этот звук, ощутили нечто похожее на то, как если бы вдруг приотворилась дверь, ведущая в преисподнюю. Через несколько минут поверженный боец был растерзан на куски...

— ...Они не знают, что такое жалость, — задумчиво сказал Отец-Ягуар, но тем не менее они трусы. Сейчас вы в этом убедитесь.

Он снял с плеча свое ружье и выстрелил. И тут же в воде закружилась карусель из крокодильих спин. Как только поднятый со дна ил снова осел, вода в лагуне приняла такой вид, как будто никакой живности тут никогда и вовсе не водилось. Только беспечные трясогузки сновали по берегу, выискивая в свежих выбросах ила что-то съедобное для себя. А на деревьях как ни в чем не бывало о чем-то с жаром сплетничали своими трескучими голосами ярко оперенные попугаи.

Фриц вскинул ружье и прицелился в одного из них.

— Стойте! — воскликнул Отец-Ягуар.

— Но почему? — удивился Фриц. — Разве плохо будет добавить к

нашему рыбному столу еще и рагу из птицы?

— Только в том случае, если у вас зубы такие же острые, как у крокодилов. Попугаи живут очень долго, мясо от этого нежнее не становится, да и в юном возрасте оно у них жесткое.

— Как у страуса? — Фриц припомнил свой недавний охотничий опыт.

— Примерно. Потерпите еще немного, скоро мы доберемся до наших друзей индейцев камба, и там вы сможете прекрасно поесть и отдохнуть, — обнадежил его Отец-Ягуар, одновременно давая понять, что пора заняться тем, ради чего, собственно, они сюда и прибыли.

Дальше все пошло тем же порядком, что и у источника Пиявок: нашли тайник, раскопали его, достали оружие и снова заделали вход в тайник, принявший прежний вид. Как только все закончили, развели костер. Снова балагурил Шутник. Немцы сидели своим кружком, разговаривая на родном языке.

Старый Ансиано и его воспитанник подошли к немцам, хотя ни тот, ни другой ни слова по-немецки не понимали. Эта была инициатива старика: ему хотелось, чтобы юный инка чаще бывал в хорошем обществе.

Понемногу разговоры улеглись, и все уснули. Лишь часовые ходили вокруг лагеря, время от времени разжигая небольшие костры, чтобы согреться.

Перед тем, как заснуть, дон Пармесан решил в последний раз взглянуть на своих дорогих пиявок. Они живо туда-сюда сновали во флягах. Хирург с чувством удовлетворения подумал, что они так хорошо себя чувствуют потому, что он им только после обеда дважды менял воду. Рядом ворочался во сне Фриц. Дон Пармесан поставил фляги с пиявками между ним и собой.

Ночь прошла спокойно, без каких-либо происшествий. Под утро на часы заступил Шутник. Из лагеря доносился нестройный хор храпов на все лады, ночная прохлада проникала под кожаную рубашку, ему было скучно и неудобно, и вдруг он понял, как можно развеселиться... Он наказал своему напарнику смотреть в оба и тихонько подобрался к хирургу, остановился, замер... Дон Пармесан крепко спал. Тогда Шутник открыл одну из его фляг с пиявками и... — ну вы, конечно, помните, что сапоги у хирурга были высокие, с широкими раструбами вверху, но сейчас они были спущены ниже колен — в эти-то раструбы Шутник и вылил содержимое двух фляг. Взяв третью, он подполз к Фрицу, подождал, когда тот в очередной раз повернется, и, изловчившись, вылил содержимое третьей фляги в одну из складок пончо. Потом он вернул фляги на место. И все это проделал почти бесшумно. Затем довольный вернулся на свой пост.

— Ну как, удалось? — нетерпеливо спросил его напарник.

— Удалось! — ответил, еле сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, парень.

— Представляю, что будет с доном Пармесаном, когда он проснется, — сказал его товарищ.

— Он никогда, бедняга, не догадается, как они выбрались из бутылок. И еще кое-кто поломает над этим свою бедную голову.

— Ты это о ком?

— О Федерико, слуге ученого.

— Вот его ты зря в это историю втянул, он славный и храбрый парень.

— Не только славный и храбрый, но и с юмором. Я думаю, он не станет на меня обижаться из-за безобидной шутки.

— Сколько должно пройти времени до того, как пиявки присосутся к их телам?

— Кто знает! Я же не врач, и мне никогда никто пиявок не ставил. Думаю, может, час пройдет, может, больше. Уже светает, так что, как только в лагере поднимется суматоха, мы сразу это увидим.

— Но мы должны разбудить всех еще до рассвета.

— Совсем не обязательно это делать. Я упросил Отца-Ягуара позволить людям на этот раз поспать подольше

Начало светать, в утренних сумерках уже проступил горизонт, и они ушли со своего поста, потому что их вахта была в эту ночь последней. Оба залегли неподалеку от жертв своей ночной забавы, внимательно за ними наблюдая.

Между тем пиявки прошли дистанцию, отделяющую их от тел хирурга и слуги ученого. И тот и другой спали крепко, но все же сквозь сон начали ощущать какое-то беспокойство и стали ворочаться все чаще и чаще, бормоча при этом что-то сердитое. Так прошло еще несколько минут. Шутник сказал:

— Все, больше мы ждать не можем. Надо будить ребят, а то уже совсем светло стало.

И они стали поднимать спящих. Когда Отец-Ягуар увидел, что уже совсем светло, он чуть за голову не схватился: да, он разрешил сегодняшним утренним часовым разбудить народ попозже, но не настолько же поздно! Только он собрался было отругать их, как его остановил совершенно дикий вопль маленького ученого:

— Фриц! Что это у тебя на лице? — И уже тише, пораженный, он констатировал: — Боже мой! Да это же пиявки! Одна у тебя на щеке, полатыни называемой «гена», еще две — на носу!

— Странно, а я ничего не чувствую, — пробормотал еще не совсем проснувшийся Фриц.

— Да вот же, на щеке! Ой, она тут не одна, их две! Надулись! — доктор с интересом стал рассматривать пиявок, забыв о Фрице.

А тот начинал приходить в себя. Медленно поднял руку, поднес ее к глазам и вдруг в ужасе закричал:

— Что это? Что это у меня на руке? Какая-то мерзкая черная груша к ней прилипла!

Действительно, пиявка, прилепившаяся к тыльной стороне ладони Фрица, напоминала по форме грушу. Он потряс рукой, но «груша» не отпадала.

Фриц поднес другую руку к своей щеке, ухватил присосавшуюся пиявку и с силой оторвал ее от себя. Естественно, с того места, где сидела пиявка, потекла кровь.

— Какая мерзость! — воскликнул Фриц по-немецки.

Аргентинцы поняли его без перевода. Они безудержно хохотали. Что поделаешь, эти добрые в общем ребята воспитывались не в аристократических салонах, им было невдомек, что не слишком-то прилично смеяться над зрелищем человеческого испуга и омерзения. А между тем Фриц обнаружил на себе еще двух пиявок — одну на шее, а другую за ухом. И тут проснулся дон Пармесан. Две пиявки сидели у него на коленях, но он не почувствовал этого и сразу же направился к Фрицу.

— Сеньор, — тоном врача, к которому на прием привели больного с запущенной болезнью, сказал дон Пармесан, — пиявки расположились у вас на лице, на шее и за ухом. Я сниму их. Будьте так добры, не нервничайте, ведите себя спокойно. Вы же знаете, что для меня это не представляет особого труда.

И он стал одну за другой отрывать пиявок, сидевших на Фрице. А тот, уже обретший душевное равновесие после шока, сказал ему смеясь:

— Дон Пармесан, вам и себя стоило бы прооперировать!

— Себя? — переспросил хирург удивленно. Он посмотрел на свои колени и воскликнул радостно: — Прекрасно! Они заползли ко мне из сапог! А я этого даже не почувствовал! Прекрасно! Одну минуточку, сеньор, сначала я все-таки с себя их сниму!

Это ему удалось легко, потому что пиявки уже насытились. Он взял их в руки, чтобы отправить обратно во фляги, и с удивлением констатировал:

— Пусты! Все три фляги пусты! Куда же делись мои пиявки?

Ответом ему был общий смех. И только Херонимо сказал вполне серьезно:

— Где пиявки? Сеньор, вы должны это ощущать. Они где-то на вашем теле. И нашему дорогому сеньору Федерико я бы тоже посоветовал внимательно осмотреть все свое тело.

И он подошел к Фрицу, быстро расстегнул его рубашку. Вся грудь немца была усыпана черными шевелящимися комочками.

— Вот это да! Да тут их целая колония! Сеньор, эти твари испытывают к вам особую привязанность!

— Я не в восторге от их любви! — сердито ответил Фриц, с нескрываемым отвращением глядя на свою грудь.

Подскочив к нему, дон Пармесан закричал:

— Стойте, сеньор, не двигайтесь! Сейчас я соберу их обратно во фляги.

— Ну, попадись мне в руки тот, кто это сделал! — уже не на шутку разозлившись, воскликнул Фриц. — Но я не дам им себя сожрать! Прочь с моего тела, подлые твари!

Но хирург крепко схватил его за руки.

— Подождите! Не надо этого делать! Прошу вас, обращайтесь с ними поделикатнее! Они должны остаться висеть на вас!

— Остаться висеть? Ну уж нет, дудки!

Он поднял руки, повел плечами и закричал:

— Да они всего меня облепили! Теперь я чувствую это!

— И меня! И меня тоже! — отозвался дон Пармесан.

— Они на руках, на ногах!

— И у меня, и у меня также!

— На спине!

— И у меня!

— Чудовища! Вампиры! Я разорву вас всех на мелкие кусочки!

Он разозлился уже действительно не на шутку и прямо-таки с яростью отрывал от себя пиявок.

Дону Пармесану это очень не понравилось. Он протянул руки к Фрицу и прокричал:

— Остановитесь! Вы же убиваете их! Стойте спокойно! Я сниму их с вас так осторожно, что вы получите от этого удовольствие!

— Остановиться? — переспросил возмущенный Фриц. — Но это же они первые на меня так подло напали!

— Ну какое это сейчас имеет значение! Вы же их уничтожаете. К тому же для вас самого сейчас этот процесс связан с мучениями. Подождите немного: когда они напьются крови, снять их будет совсем легко.

— Когда напьются? И как долго я должен ждать этого? Да они из меня,

пока я буду ждать, выкачают всю кровь! Нет, моя жизнь — знаете ли, не игрушка для них. Снимайте их немедленно!

— Сеньор, ваша милость, ну пожалуйста, вспомните о том, что наука требует жертв. Будьте так добры и...

— Немедленно, я сказал! Требуется жертв! Вы с ума сошли! Я не желаю становиться жертвой этих вампиров ради ваших дурацких теорий о пиявках!

Наконец дон Пармесан сдался и стал снимать пиявок с тела Фрица, стараясь каждую аккуратно протолкнуть в горлышко фляги. От волнения руки у него дрожали, и пиявки время от времени проскальзывали между его пальцами, шлепаясь на землю. Хирург судорожно начинал искать их в траве. При этом Фриц поносил его на все лады, а дон Пармесан отвечал ему проповедью о любви к науке вообще и к пиявкам в частности как ее помощникам. Со стороны все это выглядело очень смешно. Аргентинцы, казалось, уже вот-вот надорвут животы от хохота. Доктор Моргенштерн хотел было прийти на помощь своему слуге, но вдруг ему показалось, что все эта возня с пиявками идет как бы понарошку: недаром же вокруг стоял хохот, и он оставил свое намерение. Старый Ансиано и Аука стояли с серьезными лицами, но по их смеющимся глазам было видно, что они просто сдерживаются согласно понятиям индейцев о чувстве собственного достоинства.

Подошел Отец-Ягуар. Он догадался, кто именно организатор этого представления, и ясно дал понять это Шутнику, бросив на него суровый взгляд. Одного слова Отца-Ягуара было бы достаточно, чтобы прекратить веселье, но что-то мешало ему произнести это слово, возможно, то, что он лучше всех остальных в своей экспедиции знал, как необходима людям, находящимся подолгу в экстремальных обстоятельствах, разрядка. Но когда он понял, что Фриц и хирург собираются войти в воду Крокодильего источника, он все же вмешался, разъединил их своими сильными руками и сказал, против ожидания распалившихся противников, очень спокойно и мягко:

— Сеньоры, пора прекратить это. Шутка может закончиться печально.

— Шутка? — удивился Фриц. — Я и не подозревал, что эта история может оказаться шуткой! Хотел бы я посмотреть на этого шутника, когда на нем сидели бы пятьсот пиявок!

— Какие пятьсот? — воскликнул дон Пармесан. — Их было всего-то девяносто, по тридцать в каждой фляге.

— А, по-вашему, это мало? Боже мой! Девяносто пиявок покушались на мою жизнь! Они прокусили мои вены и хлебали во все горло

драгоценную немецкую кровь, как будто я карась какой-нибудь глупый! В каждой этой твари теперь, наверное, по полфунта моей крови, всего, значит, они у меня ее вылакали сорок пять фунтов.

— В человеке не более, чем десять фунтов крови, по-латыни «сангвис», — вставил Моргенштерн.

— Да целых десять фунтов «сангвис», вы представляете! — гневно повторил Фриц. — Кто вернет мне потерянное?

— Я! — ответил хирург горячо и отчасти заискивающе. — Я верну вам если не все, то большую часть того, что вы потеряли!

— Интересно, как вы это сделаете?

— Тут вокруг много убитых крокодилов. Вы можете напиться их крови.

Он говорил совершенно серьезно. И остался серьезным даже после нового взрыва хохота. Не смеялся один только Фриц, потому что он просто онемел от изумления. Прошло, наверное, с полминуты, прежде чем он вновь обрел дар речи и сказал, немного заикаясь:

— Ка... Ка... Как вы советуете мне поступить? Напиться крокодильей крови? Кажется, вы не понимаете, что для немецкого парня это совсем неподходящий напиток. Ну, ничего, я вам это разъясню!

Все поняли, что сейчас произойдет. Фриц уже сжал кулаки, но его остановил Отец-Ягуар.

— Пожалуйста, герр Кизеветтер, — сказал он, — давайте обойдемся без драки. Надо как следует осмотреть вас. Я помогу дону Пармесану.

И они втроем прошли за кусты, где Фриц был раздет догола. Очень скоро из-за кустов донеслись его истошные вопли, а потом вышел и он сам, голый до пояса, и жалобно запричитал:

— Сеньоры, взгляните на меня! Разве я похож теперь на человека? Я просто скелет, обтянутый кожей, и то не целой, а истерзанной в клочья!

Действительно, выглядел он ужасно: тело его было почти сплошь покрыто кровоточащими ранками.

Следом за ним из кустов вышел хирург. Он был в полном отчаянии.

— Все! Все они погибли! Кто вернет мне моих пиявок?

— А кто мне вернет мою кровь?

— Я думаю, вы квиты, — сказал Хаммер, медленно подходя к ним.

— И это вы называете «квиты»? — ответил ему Фриц. — Да разве капля моей крови может сравниться с десятью тысячами этих жутких тварей, червей каких-то, фу, не приведи Господи! Кто возместит мне то, что я потерял? Вернет мне вновь человеческий облик?

— Дон Пармесан.

— Ну, наконец-то прозвучало первое разумное слово за этот день. Но я все же не понимаю, как именно он это делает.

— Мне потребуется помощь, — сказал дон Пармесан.

— Я помогу вам, — сказал Шутник. — И сделаю это из сострадания к несчастным созданиям, умершим в расцвете своих лет.

— Моли Бога, чтобы ты дожил до расцвета своих лет, — сказал Отец-Ягуар, давая понять молодому человеку, что шутка шутке бывает рознь.

Наконец вся эта история стала клониться к финалу. Оба ее главных героя были помещены в воду и как следует вымылись под присмотром всей остальной компании — все-таки крокодилы были совсем рядом. Фриц потихоньку вновь обретал присущую ему великолепную способность смотреть на все с юмором.

— Благодарю вас, сеньоры! — сказал он аргентинцам. — Те незабываемые острые ощущения, которые я пережил с вашей помощью, убедили меня в том, что во мне еще достаточно жизненной силы. Дон Пармесан, вашу руку, дружище! Мы оба пострадали и должны помириться! Если бы вы покрепче привязали свои фляги, то ничего бы не случилось.

— Я заткнул их так плотно, как только мог, — ответил хирург и недоуменно покачал головой: — И все-таки я не понимаю, как они могли оттуда выбраться?

Произнося эти слова, он попытался взять одну из фляг в руки, но не смог сделать этого, она была прочно связана с двумя другими. И тут хирург заметил, что на всех трех флягах не было крышек. И воды в них тоже не было — ни капли.

Заметив его удивление, Шутник поспешил дать разъяснение:

— Дон Пармесан, все это объясняется очень просто: первая вышедшая на свободу пиявка развязала тряпку, которой было обкручено горлышко фляги, а последняя, понимая как существо высокоразвитое, что после себя надо все оставлять в порядке, снова связала все три фляги.

Все засмеялись. А хирург задумчиво посмотрел на него.

— Очень может быть, что именно так оно все и было, — сказал он. — Но не вы ли, сеньор, и были той последней пиявкой? В таком случае, обязаны теперь помочь мне.

— С большой охотой, сеньор, но только не сейчас, я вижу, что Отец-Ягуар уже седлает свою лошадь, — ответил ему парень.

Глава XI

АНТОН И АУКА НА ТРОПЕ ВОЙНЫ

В пути по пескам прошло еще полтора дня, и вот он, последний из четырех источников — хранителей военной тайны заговорщиков — источник Близнецов. Назван так он был потому, что здесь из земли бьют очень близко друг к другу два примерно равных по силе ключа, которые затем сливаются в один ручей, впадающий в озеро почти идеально круглой формы с изумительно чистым и гладким зеркалом. Диаметр его — более тысячи шагов.

Растительность вблизи озера напоминает о том, что экватор совсем близко: берега заросли тростником такуара ^[64], кое-где вымахавшем до десяти метров в высоту, дальше идет полоса лавровишневой поросли, в которой изредка мелькают отдельно растущие акации. Здесь можно было увидеть и так называемые крокодиловые пальмы, а там, где почва была достаточно влажной, — разросшиеся вширь и ввысь древовидные алоэ фантастических форм. На душе у усталого путника становится веселее, и, пораженный зрелищем этих великолепных куц, он забывает свою недавнюю скуку, навеянную монотонностью пустынного пейзажа. Среди деревьев снуют во множестве яркие, звонкоголосые птички, по преимуществу колибри. На сочной и густой траве то тут, то там виднеются свежие вмятины — это следы зверей, приходивших к озеру на водопой.

— Похоже, здесь мы сможем подкрепиться не только рыбой, — с воодушевлением гурмана, приглашенного на званый обед в дом, славящийся своей изысканной кухней, сказал Херонимо, рассматривая одну из цепочек таких следов: — По-моему, это след оленя.

— Похоже, пустыня кончилась, — отозвался в тон другу ехавший рядом с ним Отец-Ягуар, — олени распространенных в Аргентине видов обычно не заходят слишком далеко в пески. А колибри никогда не улетают на большое расстояние от джунглей, и, значит, мы можем смело предположить, что скоро начнется тропический лес или, по крайней мере, пампа. Но, имей в виду, Херонимо, там, где прошел олень, очень скоро может появиться и хищник. Надо быть постоянно настороже, однако и бояться его тоже не стоит, зверь, даже такой злой и коварный, как ягуар, сам боится человека.

Это настроение своего вожака — предвкушение новых приключений,

которые уже не за горами, разделяли и остальные члены экспедиции, а пока занялись кто чем — большинство отправилось на рыбалку, остальные — искать вход в очередной тайник оружия. Нашли его на этот раз очень быстро, несмотря на то, что оазис у источника Близнецов был куда обширнее оазиса у Крокодильего источника, и не менее быстро опустошили, благо опыт по этой части уже имелся. Теперь надо было решать, как погрузить всю эту массу оружия и амуниции на лошадей. Они и так уже выбивались из последних сил под тяжестью мешков из первых двух тайников, не говоря уже о том, что такая нагрузка, конечно, не могла не сказываться на их скорости.

Но гораздо больше Херонимо волновало сейчас другое.

— Нам нужно удвоить свое внимание и быть теперь гораздо осторожнее, чем до сих пор, — сказал он, обращаясь к самым бывалым членам экспедиции.

— Это еще почему? Разве и тут водятся пиявки? — изобразил из себя наивного простака Шутник.

— Да брось ты, наконец, свои смешки! — ответил ему Херонимо. — Не до того нам сейчас. Солдаты капитана Пелехо уже, вполне возможно, добрались до Пальмового озера.

— Херонимо, насчет того, что надо быть осторожным, ты полностью прав, это никогда не повредит в таких предприятиях, как наша экспедиция, но что касается солдат Пелехо, то я убежден, что их на Пальмовом озере еще нет, — сказал Отец-Ягуар.

— Почему ты так уж в этом уверен?

— Мы опережаем их по времени.

— А мне так не кажется, — ответил, с сомнением покачав головой, Херонимо. — После происшествия у Рыбного источника прошло пять дней. Этого времени вполне достаточно для того, чтобы солдаты смогли добраться от Матары, Качипампы или Миравильи до той местности, в которой, по нашим предположениям, находится Пальмовое озеро.

— Совершенно верно. Но солдаты будут идти также и из Крус-Гранде, и из Канделарии, а это, как ты знаешь, очень далеко, им при всем желании никак не успеть добраться за это время до озера.

— Насколько это вероятно или невероятно, мы узнаем позже, но солдаты из тех гарнизонов, которые я назвал сначала, уже вполне могут купаться в озере.

— Сомневаюсь, потому что им, во-первых, не до купанья, а во-вторых, и это самое важное в данном случае обстоятельство, для определения диспозиции им необходим грамотный и опытный офицер, умеющий

объединять разрозненные отряды и брать на себя ответственность в незнакомой обстановке, но такого офицера с ними нет. А кроме того, не забывай — там совсем рядом граница, за которой — враг. Я уверен: капитан Пелехо составил свои приказы таким образом, чтобы все отряды прибыли к озеру в один и тот же день и даже, может быть, час.

— Наверное, ты и на этот раз, как всегда, прав, — вынужден был признать неоспоримость логики своего друга Херонимо. — Значит, пока мы не берем в расчет то, что у Пальмового озера нас может ожидать неприятная встреча?

— Напротив! Гораздо более, чем солдат, нам следует опасаться индейцев. Относительно того, что мы не встретим их на Пальмовом озере, у меня как раз нет уверенности. Они ведь очень ждут прибытия обещанного им белыми оружия и наверняка уже давно выставили там по всей округе свои дозоры.

— Признаю, Карлос, твоя правда! Что же нам делать, учитывая все это?

— Я думаю так: остановимся на северном берегу озера, он не так опасен, как южный. Костров разводить не будем. Есть будем рыбу, которую зажарим заранее.

— Знаешь, а мне кажется, что и на северном берегу для нас будет не очень-то безопасно.

— Почему?

— Да потому, что скорее всего именно на северном берегу озера, как это обычно бывает, находятся источники, ну, и водопой для лошадей, само собой.

— Это так. Но я забыл сказать тебе вот что: Пальмовое озеро в этом отношении — особенное, там и на южном берегу есть источники, они, правда, не слишком крупные, но их там немало. И двойных источников, ну точно таких же, как здесь, там тоже предостаточно. И еще там есть широкая поляна, как будто специально созданная для лагерной стоянки. Кстати говоря, очень вероятно, что и на южном берегу этого озера тоже может обнаружиться какой-нибудь небольшой родничок — такое уж тут строение почвы.

— Карлос, а ты не допускаешь мысли, что из-за своего нетерпения они могут время от времени совершать контрольные рейды к тайникам с оружием, например, сюда?

— Нет, не допускаю. Белые в этой стране давно горьким опытом научены, что о таких вещах, как местонахождение тайника, да еще и с оружием, индейцам нельзя говорить ни слова, ни полслова. Единственный,

кто может быть в курсе местонахождения тайников, — вождь Бесстрашная Рука, но, учитывая то обстоятельство, что он ведет с белыми сложную дипломатическую партию, он, конечно, ничего своим соплеменникам не сообщит про тайники. Более того, именно он, я думаю, посоветует им держаться непременно и исключительно южного берега, опасаясь, чтобы они, не дай Бог, не наткнулись случайно на тайник.

— На это мне, откровенно признаюсь, нечего возразить, — признал Херонимо.

И тут раздался короткий, пронзительный, трижды повторившийся звук, от которого у всех невольно пополз мороз по коже.

— Карлос! Ты слышишь? — встревоженно спросил Херонимо, понизив голос.

— Слышу, слышу! Это ария ^[65], — ответил Отец-Ягуар, коснувшись своего затылка, словно хотел проверить, по-прежнему ли свободно вращается его шея, а потом дотронулся до головы.

— Ария, — подтвердили почти хором все остальные и тоже дотронулись до своих затылка, шеи и головы.

Что такое ария? Точно и определенно этого вам никто не скажет. Но то, что называют в Аргентине этим словом, а в других странах, может быть, как-то иначе, происходит следующим образом: сидите вы, скажем, за бокалом вина или чашкой чая, а рядом с посудой на столе стоит бутылка, фляга или чайник — все равно что, любой сосуд. И вдруг все это одновременно начинает звенеть и дребезжать. Иногда разбивается вдребезги, хотя никто этих предметов даже не касается. Право же, есть от чего впасть в озноб! У животных, присутствующих при этом, судорогой надолго сводит все части тела, нечто похожее испытывают и люди. Такова ария — явление, связанное, видимо, с взаимодействием различных электромагнитных полей, о котором упоминают в своих рассказах о пребывании в пустынных районах Аргентины очень многие исследователи и путешественники. Поэтому отнюдь не лишне, как только начинается эта самая ария, убедиться в том, что твоя шея еще вращается.

Откуда же исходил на этот раз тревожный звук? Многим показалось, что из пустых фляг, в которых раньше помещались пиявки дона Пармесана и которые он не стал снова заполнять. Они лежали в его седельной сумке. Хирург с опаской открыл сумку, лежавшую на земле рядом с седлом. Фляги были расколоты надвое. И еще слава Богу, что дело ограничилось только этим, во всяком случае, на этот раз ни у кого ни одного мускула не свело.

Доктор Моргенштерн впервые в своей жизни встретился с таким явлением и, естественно, тут же накинулся на Отца-Ягуара с вопросами.

Тот, пожав плечами, ответил:

— К сожалению, я не смогу дать вам на этот счет толковых объяснений. Потому что и сам, честно говоря, не знаю, что это такое. Одно могу сказать: в это время года ария случается чаще, чем в остальные, и то же самое можно сказать о ее силе.

Он замолчал и внимательно посмотрел на небо. Но на высоком голубом небосводе ничего примечательного заметно не было — ни единого облачка — намек на скорую смену погоды. В воздухе не ощущалось ни малейшего ветерка, и поверхность озера оставалась по-прежнему гладкой, как отлично выглаженная скатерть, а вода — прозрачной, как кристаллы хрусталя.

На землю опускался вечер. Они поели жареной рыбы из своих запасов. Костра не разжигали. Многие, насытившись, растянулись во весь рост прямо на траве, другие, открыли своего рода клуб завзятых острословов, как это часто у них бывало по вечерам. Душой компании, как всегда, был все тот же, уже известный нам Шутник.

Антон Энгельгардт и юный инка сидели несколько в стороне от всех остальных. За то короткое время, что довелось им провести вместе, юноши успели закрепить возникшую уже после первой встречи взаимную симпатию, им было и приятно, и интересно проводить время вместе, а после приключений на Крокодильем источнике они перешли на «ты». Внешне они казались очень непохожими друг на друга. Как вы, наверное, помните, Аука был черноволос, Антон же — белокур, столь же контрастными по отношению один к другому были и их характеры. Непосредственный, искренний, порывистый Антон, на лице которого читались очень привлекающие людей ясность души, чистота помыслов, доброжелательность, был человеком благородного склада души, для которого характерны сочетание храбрости и сердечности. Аука, напротив, был строг, серьезен, можно сказать, суховат, несмотря на нежный возраст; вел он себя в любой ситуации максимально сдержанно, у любого человека при общении с ним невольно возникало ощущение, что этого юношу гнетет какое-то тяжелое воспоминание, изба виться от которого он не в силах, а может, не считает нужным. Такие разные, юноши тем не менее сразу нашли общий язык и прекрасно понимали друг друга. Антон, нимало не смущаясь тем, что мог показаться своему суровому другу излишне чувствительным, выплескивал наружу то, что его занимало и волновало, а Аукаропора молча слушал его, не задавая лишних вопросов, и этого ему было вполне достаточно, чтобы сделать определенные и точные выводы из ситуации, изложенной Антоном. Впрочем, тот, кто присмотрелся бы к нему

повнимательнее, обнаружил бы, что этот кажущийся порой чересчур холодным и даже несколько чопорным молчун совсем не так уж холоден: в его глазах то и дело мелькали искры дружеского участия и заинтересованности.

Главной темой их разговоров был Отец-Ягуар. Антон восторгался им, называл героем. И Аука относился к нему с огромным уважением, но, когда его новый друг просил рассказать что-нибудь о прошлых подвигах Карла Хаммера, про которые ему было, без сомнения известно больше, чем Антону, он предпочитал отмалчиваться или высказывался приблизительно в таком роде:

— Ничего не могу тебе сказать Он разговаривал всегда только с моим дедом а наш обычай велит молодым отходить в сторону когда разговаривают старшие

— Ваш обычай? А к какому, собственно, народу или племени ты принадлежишь?

— Ни к какому.

— Но так не бывает.

— К несчастью, бывает Мой народ исчез, понимаешь, был, и нету. От него осталось лишь несколько семей, ведущих нищенское существование. Мы живем высоко в горах, там, где парят кондоры

— Но там же нет ни одного дерева, вообще никакой растительности! Как можно там жить?

— Мы едим мясо диких зверей, а воду берем из ручьев

— Если бы ты знал, как я мечтаю о такой жизни! Я бы охотно поменялся с любым из вас всем, что дала мне судьба просто так, потому что я родился в состоятельной семье, на то, что нужно завоевывать, добывать с риском для жизни! Расскажи мне, пожалуйста, еще что-нибудь про жизнь и дела своих соплеменников!

Аука задумался на несколько мгновений, потом ответил:

— «Про жизнь и дела»... Нет, знаешь, как-нибудь в другой раз... Ты только не обижайся, хорошо? А лучше всего будет, если ты побываешь как-нибудь в наших горах, посмотришь на все сам, поговоришь с людьми и попытаешься понять, кто мы такие и чем живем.

С этими словами он встал и отошел в сторону, давая понять своему другу, что не испытывает большого желания продолжать этот тягостный для него разговор. Антон, сам того не подозревая, растревожил рану в душе Ауки, но понял, что допустил какую-то бестактность, и замолчал, испытующе глядя на понурившегося в отдалении друга. Мало-помалу тот овладел собой и, вернувшись к Антону, улегся рядом с ним. Засыпали они в

полном молчании...

Среди ночи Антон вдруг почувствовал, что кто-то трясет его за плечо. Он хотел было вскрикнуть, но услышал слова, произнесенные ему на ухо шепотом:

— Тише! — Это был голос Ауки. — Ты, кажется, хотел стать похожим на Отца-Ягуара? Ну, так у тебя появился хороший шанс для этого. Пойдешь со мной?

— Куда?

— Не очень далеко. Оставь ружье здесь, а с собой возьми только нож и болас. Поползешь за мной Часовые не должны нас видеть.

И они поползли. Небо с вечера заволокли низкие облака, и темень стояла такая, что и в пяти сантиметрах ничего не разглядишь. Лишь изредка, когда молодой месяц проглядывал между облаков, можно было кое-что разглядеть. Главным ориентиром для них было озеро, по его берегу они и двинулись дальше, до тех пор, пока Аука не остановился и опять же очень тихо не произнес:

— Сейчас мы должны миновать часовых, а после этого сразу же поднимаемся с земли, понял?

— Да, — послушно ответил Антон.

Так они и сделали.

— А теперь посмотри как можно пристальнее на тот берег озера, — сказал Аука, как только они поднялись с земли. — Видишь там что-нибудь?

— Ничего не вижу, — ответил Антон.

— А справа?

— Тоже ничего.

— Жаль. Там расположились какие-то люди.

— Почему ты так решил?

— Я слышу шум, который доносится оттуда, правда, едва слышный. Время от времени над тем местом по небу как будто зайчики пробегают — это отблески костра.

— А я ничего не замечаю и не слышу.

— Но я, видишь ли, индеец...

— И что ты намерен теперь делать?

— Сначала нужно туда подобраться и разузнать, кто эти люди и что их туда привело. А там видно будет...

— А ты уверен, что Отец-Ягуар одобрил бы твои действия?

Аука положил руку на плечо Антона и ответил с достоинством:

— Я — сын этой страны и предан ей. Ты можешь не сомневаться: я не совершу ничего, что бы пошло ей во вред. Так ты идешь со мной или

остаешься здесь? Если решишь остаться, я тоже не пойду туда. Тогда, конечно, я расскажу Отцу-Ягуару о своих наблюдениях, но, мне кажется, глупо упускать такой шанс проявить себя.

— Я иду с тобой!

— Ну что ж, тогда дай твою руку! Я поведу тебя, поскольку, как мы только что выяснили, в темноте вижу лучше тебя.

Взявшись за руки, они медленно и осторожно двинулись дальше. Это было не так уж просто, потому что шли они не по тропинке, а между деревьями и кустами. Неожиданно лес кончился. Но Аука сказал:

— Это всего лишь небольшая полянка. Лес тянется поясом вдоль всего берега. Нам лучше пробираться по самому его краю, все-таки здесь немного светлее, чем под деревьями.

— Послушай, — сказал Антон, — а тебе не кажется, что так мы слишком сильно отклонимся в сторону от места, где сидят те люди?

— Если и отклонимся, то не очень сильно: лес здесь не должен быть слишком уж широк. Впрочем, можно еще точнее определить местонахождение тех людей, конечно, сидят у источника. Надо сначала его найти, а дальше уже идти по его течению

— Может быть, он течет где-то под деревьями?

— Может быть. Но люди сидят не под деревьями там разводить костер было бы и неудобно, и опасно. Держись крепче за меня! И вперед!

Они пошли быстрее. Начинало светать. Лес опять стал гуще. Аука резко остановился и прислушался.

— Что ты слышишь? — нетерпеливо спросил Антон

— Я думаю, это колокол...

— Колокол? Но поблизости нет и не может быть ни одной колокольни!

— Я имею в виду не церковный колокол. Пройдем еще немного вперед, и ты тоже его услышишь

Они прошли буквально несколько метров вперед, и Антон воскликнул:

— Слышу! Действительно, как будто что-то звенит -ну если не колокол, то, по крайней мере, колокольчик на шее у мадрины [\[66\]](#).

— Да, это не что иное, как колокольчик мадрины

— А разве в этих местах проходят тропы аррьерос? [\[67\]](#)

— Нет, насколько мне известно. И караваны торговцев здесь тоже никогда не ходят... Как все это странно! Знаешь, мне все больше кажется, что эти лошади принадлежат индейцам.

— Какого племени?

— М-м-м.. Пока не могу сказать. Но надеюсь, мы это скоро выясним.

— Но, послушай, если это индейцы, то они удивительно неосторожны. Все племена, живущие здесь, насколько мне известно, враждуют друг с другом. И в этой обстановке вешать предательский колокольчик на шею животному! Я такого просто не понимаю!

— Наверное, они уверены в том, что эти места абсолютно безлюдны, и не считают нужным остерегаться Лошадей они, скорее всего, тоже пустили попасться на свободе без всякого присмотра.

— Но как же они потом будут их собирать?

— Вот в этом-то все дело. Здешние индейцы коней не разводят, а воруют, а зачем вору знать, как управляться с табуном? Он привык получать готовое. Когда же этим конокрадам нужно собрать лошадей для какой-нибудь военной нужды, они поступают обычно очень просто — привязывают колокольчик на шею мадрине. Его звон слышен далеко. Часа через два все стадо в сборе. Нам в данном случае этот звон на руку. Ориентируясь по нему, мы будем совершенно точно знать, в какую именно сторону надо идти.

Итак, они пошли на звук колокольчика и скоро увидели несколько небольших костров, освещающих нижние части стволов деревьев. Остановились...

— Идем дальше? — спросил Ауку Антон.

— Да, но не сейчас. Сначала я должен проверить, не стоят ли возле лошадей часовые. А ты оставайся здесь, пока я не вернусь.

Антон остался один. Прошло четверть часа. Но юноша не испытывал ни малейшего беспокойства, настолько он верил в то, что с Аукой ничего плохого просто не может случиться. Через несколько минут он получил подтверждение своей уверенности. Появился Аука и шепотом сообщил своему другу:

— Никаких часовых там нет. А лошади настолько доверчивы, что не обратили на меня никакого внимания. Бродят, где им вздумается, только у мадрины передние ноги связаны, но и то слабо.

— Сколько там лошадей?

— Мне не удалось их сосчитать, но ясно, что много. Во всяком случае, возле мадрины крутилось их сразу несколько. Это меня порадовало.

— Почему?

— Потому, что они пойдут за ней куда и с кем угодно. Если эти индейцы — абипоны, как я думаю; мы уведем у них с помощью этого трюка вообще всех лошадей.

— Ты уверен, что это получится?

— Ты имеешь в виду, что нам вдвоем с этим не справиться? Но почему

бы и нет? Мы сделаем так: уведем с собой одну только мадрину, а уж кони сами пойдут за ней.

— Да, но как же быть с колокольчиком?

— Абипоны имеют привычку спать очень крепко...

— А часовые?

— Разумеется, они их выставят, но, я думаю, не слишком много — Они ведь чувствуют себя здесь, судя по всему, уверенно и спокойно! Впрочем, мы не будем полагаться на везение, а выясним для начала, сколько именно часовых они выставили. Я поползу первым, ты след в след за мной. Пошли!

Они доползли до края поляны и затаились под деревьями. Поляна была не слишком широкой, и два костра, горевшие на ней, освещали все вокруг. Неподалеку бил из земли родник. По обоим его берегам горело еще восемь костров, возле них юноши насчитали восемьдесят индейцев. На земле между ближайшими к ним кострами лежали шестеро связанных человек. Хотя юноши не смогли узнать в неверном свете костров, кто это конкретно, но им обоим показалось, что один из пленников абипонов имел европейские черты лица... Дальше были беспорядочно свалены копья, луки, колчаны со стрелами и духовые ружья. И только возле одного из деревьев они заметили прислоненное к стволу отличное боевое ружье. Около его приклада на земле было заботливо расстелено пончо. В лагере шли приготовления ко сну. Переговаривались индейцы между собой на каком-то довольно певучем наречии. Антон не понимал ни слова из того, что они говорили, и спросил у друга:

— Что это за племя? Я понял пока только одно — что они не кечуа.

— Это абипоны, наши злейшие враги. А вот тот, что повелительно жестикулирует, конечно, их вождь, и ружье, которое лежит на пончо, видимо, тоже его. Ну-ка, ну-ка, послушаем, что за приказы он отдает... Ага, он сказал им, что за ночь часовые сменятся трижды. А на вахту будут заступать по двое: один будет стоять возле лошадей, другой — возле пленников.

— А кем могут быть эти пленные? Если абипоны — наши враги, значит, пленные могут оказаться нашими друзьями?

— Верно.

— Эх, если бы мы могли освободить их!

Инка несколько мгновений молчал, напряженно вглядываясь в лица лежащих на земле пленников индейцев. Потом сказал:

— Это вполне возможно. Во всяком случае, я бы попытался... А что ты на это скажешь?

— Аука, я пойду за тобой куда угодно! — От охватившего его восторга Антон стал говорить гораздо громче, чем следовало в их положении. — Но как мы это сделаем? У нас ведь нет с собой ружей!

— Тише, тише... Они нам вовсе не нужны. Ты лучше вспомни слова Отца-Ягуара о том, что очень часто хитрость побеждает силу. По этому принципу я и предлагаю действовать.

— Согласен! Но объясни мне, что я конкретно должен делать.

— Погоди немного! Сначала пусть они улягутся спать. Потом нам надо посмотреть, погасят ли они костры. Одно дело — действовать в темноте, другое — при свете костра.

Он замолчал, потому что к пленным приблизился вождь абипонов. Он стал произносить в адрес лежавших на земле угрозы, подкрепляя их пинками ногой. Пленники, связанные по рукам и ногам, увертываясь от ударов, корчились на земле, как ужи на сковородке. Время от времени отблески костра ложились на их лица, и юноши убедились в том, что их первоначальное предположение было верным: один из пленников оказался белым. Увидев лицо другого, Аука взволнованно зашептал:

— Это вождь камба! Его зовут Эль Кранео Дуро, то есть Прочный Череп. Ты слышал когда-нибудь о нем?

— Нет, не приходилось.

— Это имя ему досталось после того, как он получил, можешь себе представить, восемь ударов подряд прикладом по голове и не умер после этого. Когда враги, посчитав его уже мертвым, удалились с места схватки, он встал с земли, покрутил немного головой и, как только к нему вернулась способность видеть и понимать что к нему, пошел по их следу. Это были все те же абипоны. А конец этой истории такой: никого из его врагов не осталось в живых. Вот так...

— Ты знаком с ним?

— Даже более того, мы с ним — давние хорошие друзья. Он часто бывал в нашем селении в горах, а я и Ансиано гостили среди людей его племени. Чтобы не объяснять тебе слишком долго, что он за человек, я скажу тебе только одно: я собственной жизни не пожалею ради его спасения.

— И я тоже! — воскликнул Антон.

Аука положил руку ему на плечо, внимательно и, как показалось Антону, с благодарностью посмотрел в глаза и сказал:

— Пока лучшее, что ты можешь сделать для него, — это лежать молча и не шевелиться.

Абипоны наконец улеглись на ночь, завернувшись в свои пончо,

ногами к огню. Заступила на вахту первая пара часовых. Один сразу же ушел к лошадям, другой стал ходить между кострами. Подул резкий, холодный ветер. Чтобы не заоченеть, часовой завернулся сразу в два пончо: одно окрутил вокруг бедер на манер женской юбки, другое надел себе на голову, оставив только узкую щель для глаз. Ветер становился все сильнее и временами неожиданно поднимал из тлеющих углей костров целые столбы искр, которые падали на пончо спящих и тут же гасли, задуваемые все тем же ветром, но, чем черт не шутит, могли и пожар наделать. Часовой заходил быстрее, поворачивая угли то в одном костре, то в другом. И только в один из тех, между которыми лежали пленники, наоборот, подбросил веток.

С того момента, как индейцы улеглись, прошло примерно полчаса. Кое-кто из них уже начал похрапывать. Сгоравший от нетерпения Антон не выдержал и прошептал на ухо Ауке:

— Не пора ли? Ты не боишься, что поднимется переполох среди наших, когда они заметят, что нас нет?

— Даже если это и случится, Ансиано, я думаю, сумеет их успокоить довольно быстро. Он хорошо знает меня и догадается первым, в какой стороне меня следует искать. Но ты прав: действительно пора начинать нашу операцию.

— Ты уже решил, что нам надо делать?

— Тут не требуется никакого решения, надо просто делать то, что само собой разумеется, и все... Я выманю часового сюда.

— А как ты это сделаешь?

— Увидишь. Слушай внимательно: я сейчас издам некий звук, а ты понаблюдай, не реагируют ли на него спящие. Для нас сейчас важно, чтобы они все дрыхли, что называется, без задних ног.

Он приложил обе свои ладони ко рту и издал тихий шорох, похожий на то, как если бы вдруг «заговорил» попугай, неожиданно проснувшись.

Ни один из индейцев не проснулся, но часовой застыл на месте как вкопанный и прислушался...

— Так... — сказал Аука. — Сейчас он у нас как миленький притопает сюда, прямо к нам в руки. Видел ли ты когда-нибудь, друг мой Антон, чтобы лежащий на земле человек нес караул?

— Нет.

— Вот и я тоже. А теперь быстренько отползи-ка примерно за два дерева отсюда и прижмись к земле, как лист опавший!

Антон отполз, и Аука еще раз издал все тот же звук под личиной попугая. Потом еще и еще раз... Часовой лег на землю и пополз. Похоже,

он действительно был уверен, по крайней мере, процентов на восемьдесят, что имеет дело с попугаем. Аука перекинул свою тяжелую булаву на левый бок и прохрипел голосом попугая в последний раз. И почти в то же мгновение бросился на индейца, пригвоздив его мощным ударом к земле, так что тот и пикнуть не успел.

— Мой Бог, а ты не убил ли его случайно? — с ужасом прошептал Антон.

— Не знаю... Скорее всего, он жив, просто пребывает в глубоком обмороке. Оставайся тут и не своди с него глаз. А если он очнется раньше, чем я вернусь, используй свой нож... Я знаю, как трудно тебе сделать это, но уясни для себя как следует одну вещь: мы сейчас находимся с ними в состоянии войны. А на войне как на войне. Во всяком случае, он, я уверен, не станет бездействовать, когда проснется. Его голос в данном случае для нас оружие страшнее ружья.

Он помолчал несколько мгновений, вглядываясь в лицо Антона. Тот выглядел растерянным. Потом пробормотал:

— Нет, если бы он на меня напал, я, конечно, смог бы...

Тогда Аука заявил, сумев придать своему шепоту властные ноты:

— Я требую, чтобы ты подчинился!

Инка открылся другу с совершенно новой стороны. Это был уже не скромный молчун, а настоящий повелитель. Озадаченный таким превращением, на этот раз промолчал Антон. Аука, однако, не стал требовать от него ответа. Может, счел, что приказ его будет непременно выполнен, а может, ему было просто некогда. Он торопливо снял с оглушенного абипона оба его пончо и надел их на себя точно таким же образом. Уже через минуту он ходил по лагерю, точь-в-точь как настоящий часовой.

Замерев от ужаса, Антон сидел возле индейца, поглядывая то на него, то на своего друга.

А тот наконец подошел к лежащим на земле пленникам. Никто из них не спал. Аука обнаружил, что, кроме Прочного Черепа, ему знакомы еще двое индейцев камба. Но белого, оказавшегося при ближайшем рассмотрении очень молодым человеком, он никогда раньше не встречал... Аука решил дать понять этому парню, что настроен по отношению к нему весьма доброжелательно, и заговорил на испанском, обращаясь к Прочному Черепу, хотя тот и демонстративно отвернулся:

— Эль Кранео Дуро сейчас сильно огорчен, но скоро его ждет большая радость. Если он сейчас мне ответит, я смогу говорить тише.

Прочный Череп повернулся лицом к нему и ошарашенно прошептал:

— Что, что такое ты сказал? Да ты, собака, никак вздумал посмеяться над нами?

— Возьмите себя в руки и говорите тихо, прошу вас. Это никакие не шутки. Я здесь для того, чтобы спасти вас.

— Ты, абипон?

— Я не абипон, я Аукаропора, сын твоего друга Ансиано, — перейдя к обычному для индейца любого возраста обращению на «ты» к человеку, заверил его Аука.

— Ты — Аукаропора?!

Вождь онемел от удивления, но все равно не поверил.

И тогда Аука распахнул пончо, которое было у него на голове.

— Ну как, теперь узнаешь меня? — спросил он.

— Да, ты сын нашего друга, значит, тоже наш друг. Но как же ты попал к абипонам, мальчик?

— Я не имею к ним ни малейшего отношения. Мы пришли в эти места с большим отрядом. Наш лагерь расположен по другую сторону озера. А здесь мы вдвоем с другом. Он там, — и Аука кивком показал в сторону деревьев, за которыми стоял Антон.

— А где сейчас Ансиано?

— Ты же знаешь: мы не расстанемся никогда. Но я не сказал ему, что иду сюда. Он остался там, в лагере.

— А что за люди в вашем отряде?

— Это люди Отца-Ягуара.

— Здесь Отец-Ягуар! Это очень хорошая новость, мальчик. Он самый смелый человек из всех белых, которых я знаю, но и ты тоже храбрый юноша. А где часовая?

— Мой друг присматривает за ним, пока тот отдыхает.

— Отлично! Нож с тобой?

— Да.

— Так пусти его быстрее в дело.

— Кто спешит, тот людей смешит. Прежде всего мы должны обговорить, что будем делать после того, как я перережу ремни, связывающие вас. Нам нужно уйти совершенно бесшумно — вот в чем дело. Если хоть один абипон проснется, — все пропало! В нашем лагере никто не знает, что мы ушли сюда. А начнут искать нас — опять же все пропало! Надо действовать как можно быстрее, но, несмотря на это, после того, как я перережу ремни, не вскакивайте сразу же резко, руки и ноги, я думаю, у вас порядочно затекли, полежите еще немного, а уже потом поднимайтесь, но очень осторожно.

Аука перерезая ремни и за те несколько мгновений, что пленники оставались неподвижными на земле, успел дать им еще один полезный совет:

— Все костры погашены, горит один только этот Мы не можем видеть врагов в темноте, потому что наши глаза привыкли к свету, но зато любой из них, если даже случайно приоткроет свои глаза, разглядит нас прекрасно. Поэтому будете уходить ползком по одному. Двигайтесь вон в ту сторону — он показал на деревья, за которыми находился Антон, — там вас встретит мой друг и отведет вас в лагерь Отца-Ягуара. Будьте предельно осторожны. Я пока еще немного похожу, как часовой, и проверю, все ли спокойно.

— Абипоны выставили только одного часового? — уточнил Прочный Череп.

— Нет, — ответил Аука. — Еще один стоит возле лошадей.

— С этим мы справимся, хотя у нас и нет при себе никакого оружия.

— Справитесь, конечно, Но ты лучше предоставь его мне, Прочный Череп. А оружие вам еще понадобится. Посмотрите: вокруг его сколько угодно. Выбирайте!

И тут впервые заговорил белокожий молодой человек:

— Лично я хотел бы вернуть себе свое ружье. Оно мне дорого, с ним у меня многое связано, но я дорожу им не только поэтому...

— А где оно? — спросил Аука.

— Лежит на земле около спящего вождя абипонов, он не расстается с ним. Но я буду не я, если не отберу ружье у негодя.

— Я совсем не знаю тебя. Можно ли полагаться на твою ловкость и осторожность? — вновь несколько свысока обратился к нему Аука.

Вмешался Прочный Череп:

— Аука, ты не можешь называть этого сеньора на «ты», потому что он офицер, а ты еще не стал настоящим мужчиной. Могу тебя успокоить: наш белый друг — не какой-то зеленый новичок на тропе войны и вполне может сам себе добыть оружие.

— И патроны к нему в придачу, — добавил тот, о ком шла речь, сверкнув белозубой улыбкой. — Собака — вождь абипонов забрал у меня также часы и компас. Я думаю, они ему без надобности.

— Хорошо, — сказал Аука, — делайте то, что считаете нужным, только постарайтесь никого не разбудить при этом.

— То есть мне нельзя ни на кого нападать, вы хотите сказать, юноша? — не согласился белый. — Но поймите меня: я не могу не рассчитаться с этим обнаглевшим абипоном, который посмел бить ногами

офицера. Не волнуйтесь, я все сделаю очень тихо, и после этого наглец будет спать гораздо дольше, чем собирался, когда укладывался на ночь.

Аука кивнул ему и вновь стал старательно изображать часового. Сначала внимательно оглядел спящих, потом подошел к вождю. Этот хитрец не просто положил ружье на землю около себя, а закутал его в свое пончо. Аука знаками объяснил это офицеру и вышел из круга света, как бы растворившись в темноте. Стоя там, тихо хлопнул в ладоши. Это был условный сигнал к тому, что можно начинать ползти. Первым двинулся с места Прочный Череп, за ним четверо камба, а замыкающим полз молодой офицер.

Его не удерживало даже предостережение Ауки о том, что ружье завернуто в край пончо, покрывающего тело вождя. «Да, — подумал юный инка, — Прочный Череп аттестовал его правильно, этот парень, видно, бывал и не в таких переделках и не знает, что такое страх». А тот полз просто-таки мастерски: не совершая ни одного лишнего движения, а каждое сделанное им было продуманно и бесшумно. Но вот он дополз до вождя и сразу же набросился на него, прижав к земле. Тело абипона безвольно обмякло в складках пончо. Офицер встал, держа в левой руке свое ружье. Все было сделано в какие-то доли секунды.

Когда они отошли немного от стоянки абипонов, офицер сказал с интонацией удовлетворенного мстителя, каковым он на самом деле, в общем-то, и являлся:

— Негодяй никогда уже не сможет пнуть ногой ни одного офицера! А теперь я хотел бы знать, что мы будем делать дальше.

Инка, вновь почувствовав себя в роли повелителя, жестом показал: за мной. И привел всех туда, где сидел над индейцем-часовым уже совершенно сам не свой от переживаемого волнения Антон. Он видел все, что произошло в лагере. К счастью, абипон до сих пор не очнулся, потому что в том состоянии, в котором пребывал Антон, он, конечно, не смог бы заставить замолчать индейца.

Аука сказал:

— Оставайтесь все здесь до тех пор, пока я не сниму второго часового возле лошадей.

— Не торопись, Аука, это мое дело! — воскликнул Прочный Череп.

Извини, друг, вовсе не твое, а мое! — вмешался в спор офицер. — Вчера эти собаки хотели меня утопить в озере. В наказание за такое преступное намерение они уже имеют труп своего вождя, хотя пока и не ведают об этом. Но, мне кажется, я еще не полностью расплатился с ними.

Эти слова были произнесены столь темпераментно, что Аука понял:

удержать парня будет абсолютно невозможно. И тот ушел, ступая мягко и неслышно, как ягуар, в направлении, которое указал ему Аука. Пока его не было, все напряженно прислушивались к любому звуку, однако ничего похожего на шум схватки не слышали. Так прошло примерно две минуты. И вдруг так же неслышно, как уходил, между деревьями возник офицер.

— Парень не успел произнести ни звука. А теперь давайте разбирать лошадей. Пусть каждый возьмет себе по одной, какая ему больше нравится.

— Нет, — перебил его Аука, — мы уведем всех до одной, но другим способом. Среди них бродит — слышите колокольчик — мадрина. За ней они пойдут, как утята за уткой.

— А этот парень далеко не глуп, хотя еще почти мальчишка! — воскликнул офицер, обращаясь к своим недавним товарищам по плену. А потом опять повернулся лицом к Ауке: — Так вы, молодой человек, говорите, что лагерь Отца-Ягуара разбит по ту сторону озера? Вы сможете его найти в такой темноте?

— Смогу, — ответил инка.

— Тогда отправляйтесь к ее милости госпоже мадрине, а мы зайдем всему стаду в тыл.

Сочетая дружеское обращение, опыт военного человека и взятую на себя добровольно роль командира, он говорил таким тоном, что не подчиниться его приказам казалось просто невозможным делом. Аука, хотя и сам мог, как все уже убедились, успешно командовать людьми, подчинился приказу совершенно спокойно, во всяком случае, не возразил ни слова. Подкравшись к мадрине, он несколькими точными движениями освободил ее передние ноги от пут, ловко запрыгнул лошади на спину, слегка пришпорил ее, и они медленно тронулись... Дальше все шло, как и было задумано: табун потянулся за своей предводительницей. Все пятеро камба и офицер сели на лошадей, замыкавших табун. Антон, сев на лошадь, тут же подъехал к своему другу. И не только потому, что хотел быть сейчас рядом с ним, он испытывал безотчетную антипатию по отношению к молодому офицеру. Следуя таким порядком, они объехали примерно половину озера по периметру. Но это был не совсем тот путь, которым Антон и Аука шли в лагерь абипонов, поэтому они держались опушки леса, а на лошадях в кромешной тьме там было не проехать. Пришлось обогнуть лес. И вот они, наконец, добрались до лагеря.

А там все было тихо и спокойно. Отец-Ягуар давно держался одного полезного в подобных путешествиях правила: он сам отправлял каждую новую партию часовых на пост, удостоверяясь при этом, все ли в порядке. Так все шло и теперь, с той разве что разницей, что на этот раз Отец-Ягуар

спал в промежутках между сменой часовых меньше, чем обычно: ему не давала покоя какая-то казавшаяся пока совершенно беспричинной смутная тревога... Впрочем, он скоро осознал, чем она вызвана: расколовшимися флягами. Он вспомнил, что всегда, когда происходило нечто подобное, вскоре резко менялась погода. К тому же и небо было затянуто тяжелыми тучами, теперь уже не такими, как вечером, когда месяц все же иногда проглядывал между ними, а сплошными, впечатление было такое, как будто землю накрыли сверху плотным ватным одеялом. Поднялся ветер, и он становился все сильнее и сильнее. Что могло за этим последовать, Карл Хаммер знал очень хорошо — гроза с ливнем. А ливни в Гран-Чако случались такие, что могли прибить человека к земле. Надо было заранее продумать, какие в этом случае надо принять меры. Оставаться под деревьями, в любое из которых могла ударить молния, опасно. Однако опасность пребывания во время грозы в открытой пампе или на берегу озера была не намного меньше. И Отец-Ягуар решил, что необходимо посоветоваться с самыми опытными из своих старых товарищей, и стал разводить большой костер. Как только он разгорелся, Отец-Ягуар стал будить своих спутников, и тут выяснилось, что пропали Антон и Аука.

Начали звать их, но ответа не получили. Отцу-Ягуару стало нехорошо: банкир Салило доверил ему своего племянника, а тут такое... В его голове уже начали мелькать самые страшные картины того, что могло произойти, но постепенно он успокоился и пришел к самому естественному и логичному в данном случае выводу: надо, взяв в руки факелы, пройти по следам ребят.

Сам Отец-Ягуар, Херонимо и Ансиано возглавили группу, отправившуюся на поиски. Сухие ветки исполняли роль факелов. При их свете они скоро убедились, что ребята ползком забрались в лес, причем сами, без чьего-либо принуждения, что несколько успокоило Отца-Ягуара. Сухое дерево сторело быстрее, чем они могли предположить, и участники поисков очутились в полной темноте. Они снова начали кричать, звать юношей по именам, но ответом был лишь яростный шум волнуемой сильным ветром листвы.

— Какая беспечность! — воскликнул Отец-Ягуар в сердцах. — Просто черт знает что! — Он почти разгневался, хотя обычно очень редко выходил из себя. — Я должен сообщить вам, друзья мои, что в этих местах полно ягуаров. А ребята легкомысленно оставили свои ружья в лагере!

— Вы напрасно ругаете их за легкомыслие, — сказал Ансиано. — Аука никогда не отличался легкомыслием, хотя он еще очень молод. Этот мальчик всегда хорошо понимал, что он делает и во имя какой цели. И если

он оставил свое ружье в лагере, то сделал это не просто так, а потому, что оно ему было не нужно или мешало.

— В такую ночь, как эта, ни один вид оружия — не лишний, — возразил на это Отец-Ягуар.

— Но оно может быть обузой в некоторых случаях, — продолжал настаивать на своем старик. — Ружье всегда мешает при ходьбе по лесу, а уж когда ползешь в стан врага...

— В стан врага? — перебил его Отец-Ягуар. — Да уж, да уж... Похоже, наши бедовые ребята действительно ввязались в авантюру, которая запросто может стоить им жизни. Бог мой! Как же помочь этим дуралеям?

— Постойте, — сказал Ансиано, — почему вы говорите, что это может стоить им жизни? Откуда вы это взяли? Вы хотя бы предполагаете, где они могут быть?

— Не предполагаю, а уверен, что точно это знаю. Взгляните вон туда, на противоположный берег озера. Видите чуть заметные отблески на воде? Это горят костры. Ребята их заметили, к сожалению, раньше нас, а дальше все решало юношеское самолюбие и азарт.

— Да, там горит костер, — согласился с ним Ансиано. — И очень возможно, что мальчики где-то возле него. Но если это так, то я могу вас успокоить: мой Аука никогда в жизни не потеряет головы, если видит перед собой врага.

— Это я тоже знаю, — ответил ему Отец-Ягуар. — Аука опытен и предусмотрителен, как взрослый, прошедший огонь и воду мужчина, но с ним Антон, в чьем благоразумии я совершенно не...

Он вдруг замолчал. Они уже подъезжали к своему лагерю, и зоркие глаза Отца-Ягуара разглядели, что возле него бродит... довольно большой лошадиный табун, А у костра, который он сам недавно разводил, грелись, протягивая к пламени заочневшие на ветру ладони, две фигуры, лицезреть которые он минуту назад хотел... больше всего на свете!

— Вы искали нас! А мы — вот они! — Этими словами встретил своего кумира улыбающийся во весь рот Антон.

Инка молча подошел к Ансиано и встал так, чтобы быть как можно более незаметным для окружающих. Он догадывался, что сейчас начнется: расспросы, что да как произошло, потом выяснится, кто какую роль сыграл в похищении табуна у абипонов, все начнут его нахваливать, а ему вовсе не хотелось быть в центре всеобщего внимания, он этого вообще не любил.

— Да, я вижу, что это вы... — ответил Антону искренне удивленный Отец-Ягуар. — Слава Богу! Но где вы были?

— На том берегу, у абипонов.

— У аби... — Отец-Ягуар, казалось, лишился дара речи от удивления.

— Да, у них.

— И как же вы посмели без моего разрешения...

— ...освободить из плена шесть человек и похитить целый табун лошадей, вы хотите сказать? — с наигранной строгостью неожиданно продолжил вопрос молодой голос, показавшийся знакомым Отцу-Ягуару.

Он обернулся и воскликнул:

— Как, и вы здесь, лейтенант Берано? Как вы оказались возле источника Близнецов? С какой целью?

— С такой же точно, как и во всех других местах, куда забирался пешком или в седле, — быть там, где мне в данный момент необходимо, вот и все.

— Лукавый вы, однако, парень, лейтенант, — ответил ему Отец-Ягуар. — Вы же знаете, что я жду от вас иного ответа. Хорошо. Я поставлю свой вопрос по-другому: куда вы отправитесь отсюда?

— Снова к абипонам, чтобы сражаться с ними. Вы со своими людьми, конечно, присоединитесь ко мне. Не так ли?

— Вы полагаете, что вопрос моего участия в ваших мстительных затеях давно и бесповоротно решен? Должен вас разочаровать — это не так.

— Но разве не само собой разумеется, что вы должны мне помогать?

— Должны? Само собой разумеется? Ни в малейшей степени.

И вдруг на его лице появилось выражение радости. Он увидел вождя камба. Они крепко пожали друг другу руки. Прочный Череп заговорил по-испански, но несколько скованно — ему явно не хватало запаса слов для выражения переполнявшей его радости, и нет-нет, да в его речи проскальзывали довольно комичные ошибки.

— Сеньор, я не могу передать, как я вам рад! Вы здесь, значит, нам не надо ничего бояться!

— Но кого вы боитесь, Прочный Череп?

— Абипонов. Они хотят со всех сторон напасть на камба.

— Я уже слышал нечто похожее, но думаю, что эти слухи не совсем соответствуют действительности. Но ты, кажется, думаешь так же, как лейтенант Берано?

— Да, сеньор, я и еще мои четыре камба, они там, с лошадьми. Абипоны взяли нас в плен, жизни тоже хотели забрать. Аукаропора и еще один мальчик спасли нас.

И тут внимание Отца-Ягуара переключилось на другое. Небо на юге у самого горизонта вдруг окрасилось быстро расплывшимся пятном

сернисто-желтого оттенка. Отец-Ягуар торопливо спросил:

— Сколько абипонов на той стороне?

— Семь или восемь раз по десять, — ответил вождь. — И лошадей они имели, наверное, столько же. Их водила мадрина.

— Не сомневаюсь, что об этом замечательном приключении можно еще долго рассказывать, но у нас нет для этого времени. Вождь, погляди на юг! Видишь желтое пятно на горизонте? Как ты думаешь, что оно может означать?

Прочный Череп немного подумал и медленно, словно еще продолжая раздумывать, сказал:

— Я давно его наблюдал, сеньор. Идет ураган, деревья ломает, поднимет огонь до неба. Лошади тоже знают ураган, они волнуются, на месте не ходят.

— «Не стоят» надо говорить, но это ладно. Главное, что я не знаю, как нам быть. Остаться в лесу — опасно, потому что здесь нам угрожают молнии, падающие деревья и так далее, выйдем в пампу — ураган поднимет нас в воздух, как сухие листья. К несчастью, мне не приходилось бывать раньше в этих местах. Буря в полную силу разгуляется, я так думаю, здесь часа через два. Нам нужно уходить отсюда немедленно!

— Я знаю тут все, сеньор. Знаю, где убежище.

— Какое место ты имеешь в виду?

— Асьенто-де-ла-Мортандад [\[68\]](#).

— Какое странное название. Я никогда прежде его не слышал, хотя об источнике Близнецов мне рассказывали. Значит, ты уверен, что мы успеем добраться до безопасного места еще до начала бури?

— Да.

— И ты знаешь туда дорогу?

— Я шел по ней десять по десять раз, мои камба тоже.

— Но найдете ли вы ее в такой темноте?

— В таких случаях мы никогда не ошибаемся сеньор. Скоро станет светлее. Небо наполнится огнем.

— Да, это я знаю. Подготовимся же к худшему. Главное, что нужно сохранить, — это оружие, если, не дай Бог, потеряем его — потеряем все.

Последние слова он адресовал свои товарищам. После этой фразы они с Прочным Черепом направились к лошадям. Животные были сильно возбуждены, и четверо камба с огромным трудом удерживали табун на месте.

Забегая несколько вперед описываемых событий, хочу сказать, что наличие у наших путешественников табуна скажется самым

благоприятным образом на их судьбах в час, когда на чаше весов окажется жизнь или смерть всего отряда, но сейчас Отец-Ягуар готов был едва ли не проклясть эту неожиданно свалившуюся на них обузу. Лошади были взнузданы, но не под седлом, однако, учитывая то обстоятельство, что все они были в состоянии крайнего волнения, метались, нечего было и думать о том, чтобы нагрузить их сейчас. Поэтому Отец-Ягуар рассудил так:

— Возиться с ними нам сейчас некогда, да и без толку это при таком, как есть, положении. Но мы возьмем их с собой. То есть позовем их, чтобы они шли за нами. Пойдут — хорошо, не пойдут — Бог с ними!

Индейцы и лейтенант Берано все же взяли под уздцы шесть самых хороших животных и сказали, что готовы каждый оседлать по лошади и вести, кроме того, еще по две лошади с помощью одного из известных им хитрых способов применения конской упряжи. Люди Отца-Ягуара в это время были поглощены погрузкой оружия на своих лошадях. Заметив это, лейтенант Берано поинтересовался у Отца-Ягуара, откуда у них взялось столько винтовок и всего остального.

— Все это мы откопали, — ответил ему Херонимо.

— Откопали? Где же?

— В разных местах, которые попадались нам по пути.

— Но это же то самое оружие, которое я давно ищу! Я конфискую его у вас!

— Какой вы, однако, приткий, лейтенант! На каком это, интересно, основании?

— На очень простом: оно принадлежит нам, потому что украдено из государственного арсенала.

— Вот как? Очень интересная сказка! Я вам советую рассказать ее Отцу-Ягуару. От него вы получите исчерпывающий ответ на ваши претензии, а я лучше пока воздержусь от комментариев к ним.

— Если я вас правильно понял, сеньор, вы мне не верите?

— Я верю только в то, что существует реально, что можно увидеть, пощупать, понюхать, в конце концов, но в слова, не подкрепленные никакими фактами, — нет уж, увольте! Покажите мне этот арсенал и этих мошенников, что, как вы утверждаете, украли оружие! Не можете? Ну тогда вам лучше переключить свое внимание на что-нибудь, сейчас более важное. Слышите шум и крики?

И он показал рукой на противоположный берег озера. Оттуда действительно доносился шум: вопли абипонов, обнаруживших труп своего вождя и пропажу лошадей Отца-Ягуар, разумеется, тоже слышал эти

вопли, но не стал сосредоточивать на них свое внимание: сейчас его больше всего заботили сборы экспедиции. И вот костры наконец были погашены, и они тронулись в путь. Впереди ехали камба.

Дорогу они знали прекрасно. И повели весь караван строго на север, где, по предположению Отца-Ягуара, должна была находиться большая по площади пустыня. Пустили лошадей не галопом, как обычно, а рысью, чтобы они не смешивались с лошадьми абипонов. Те послушно следовали за основной колонной. Подчинялись они, надо сказать, не столько воле людей, сколько собственному инстинкту самосохранения: ураганный ветер дул с юга.

Где-то через полчаса всадники сбавили темп скачки, чтобы не слишком утомлять животных. Желтое пятно на южном склоне небосвода преобразовалось теперь в полосы, словно нанесенные на небо мощным размашистым мазком гигантской руки. Мало-помалу в самой широкой их части стали проявляться очаги зловещего багрового цвета, похожие на нарывы. Еще через полчаса желтые полосы заняли собой весь горизонт на юге, потом образовали подобие неправильного треугольника, в центре которого возникло и стало быстро разрастаться темное пятно.

— Вот из этого пятна и появится буря, — сказал Отец-Ягуар доктору Моргенштерну.

— Она опасна для нас? — встревоженно спросил тот.

— Для нас — пожалуй, не слишком. Но разрушений она понаделает предостаточно, можете быть уверены. Когда ураган проходит по земле столбом высотой с хорошую гору, он валит густые леса и разваливает каменные дома, как карточные домики.

— Но где же нам в таком случае искать укрытие?

— В этом я полностью полагаюсь на вождя камба, он говорил мне, что отведет нас в одно поселение, где мы сможем в безопасности переждать бурю.

— Поселение? Значит, дома? Но вы же сами только что сказали нам, что ураган раскидывает дома, как карточные домики.

— Но Прочный Череп хорошо знает здешние поселки и соответственно те условия, которые в них имеются

— Да какое значение имеют эти условия? — вмешался в их разговор Фриц. — Я пережил несколько памперо, но, думаю, этот ураган всех их переплюнет. Да я бы сейчас за собственную жизнь не дал бы гроша ломаного. Поднимите глаза! Это что, по-вашему, небо? А, по-моему, это самый что ни на есть вход в преисподнюю. А может, и правда, все перевернулось, небо и ад местами поменялись? А мы тут еще чего-то

суетимся... При всем моем уважении к делам небесным вообще должен сказать, что эти багровые и желтые тона, в которые этот самый вход вдруг окрасился, мне жуть как не нравятся. Как там называется это поселение, куда этот индеец собирается нас отвести — Асьенто-де-ла-Мортандад, кажется? Ничего себе названьице! Очень милое! Все этим сказано — ни убавить, ни прибавить!

Небо стало совсем светлым. Треугольник, продолжая разрастаться, становился в своем основании все шире и шире. Еще через полчаса он заполнил собой уже половину горизонта.

Пошла местность, поросшая невысокой травой, время от времени на почве выступали небольшие холмики, постепенно их становилось все больше и больше, а сами они все крупнее и крупнее. И вот уже среди холмов замелькали скалы.

— Это обнадеживает, — сказал Отец-Ягуар, внимательно оглядев одну из скал. — Сейчас для нас лучшей защиты, чем северный склон высокой скалы, не придумаешь. Судя по тому, что ураганы здесь случаются достаточно часто, местные жители должны строить свои дома именно возле скал.

Отец-Ягуар, произнося эти слова, ну может, самую малость, что называется, играл на публику, но уж очень ему хотелось внушить уверенность своим товарищам, а он хорошо знал, насколько они доверяют и ему самому, и любому высказанному им суждению.

Проехав между двух больших холмов, они неожиданно попали в довольно широкую долину, с юга обрамленную скалистой стеной, а с севера огромным, поросшим лесом холмом с крутыми склонами. У его подножия рос невысокий кустарник, чередующийся с полянками сочной травы. К скале, как бы прося у нее защиты, жались несколько домиков. Это и был тот самый Поселок Истребления, куда они стремились.

Таких поселков раньше в Южной Америке было немало, встречаются они и в наши дни, правда, уже в меньшем количестве и далеки от процветания, но все-таки люди там живут, не покидают почему-то дикие, в общем-то, места. Может быть, потому, что каждый из таких поселков, как правило, стоит на обломках еще более древнего поселения. Европейские завоеватели континента не считались с аборигенами ни в чем. Они без всякой церемоний селились на их лучших землях — самых плодородных и живописных, утверждая свое право на них огнем и мечом, что, естественно, не вызывало у индейцев по отношению к пришельцам никаких других эмоций, кроме лютой ненависти. Ничего удивительного, что поселенцам приходилось все время обороняться. Выяснялись еще

какие-нибудь губительные для жизни здесь обстоятельства — например, что поселок, с точки зрения его снабжения товарами и продуктами и интересов торговли, расположен неудобно. Постепенно он приходил в упадок, кто-то не выдерживал и покидал обжитое место, но находились упрямцы, которые даже под страхом смертельной угрозы не бросали свои разоренные гнезда. Отчаянные это были головы, но, в конце концов, и они погибали от ядовитых стрел. Край снова, после короткого периода расцвета, дичал. Ветер заносил семена в щели между бревнами, кусты и деревья разрастались, как бурьян, напирая на стены домов. Лианы проникали под их перекрытия и балки, расправляя там свои широкие листья. И так вот изначально крепкий, добротный дом постепенно разрушался и сгнивал.

Такова была типичная, можно сказать, картина запустения поселков. А теперь я хочу сказать вам, что Поселок Истребления, несмотря на свое жутковато звучащее название, в этом смысле был совершенно не типичен. Он был возведен уже в новейшие времена и на совесть. Стены домов были выложены не из обычных в предгорьях Чако материалов, а из мощных стволов деревьев крепких горных пород. Крыши были покрыты камышом, укрепленным для надежности еще и тростниковыми, очень эластичными веревками. Эластичность, когда дело касается защиты от ураганного ветра, — немаловажное достоинство такого, в данном случае, конструктивного элемента крыш, как веревки: даже очень сильные порывы ураганного ветра не могут их разорвать. Дощатые стены таких домов тоже обладают неплохой способностью к сопротивлению урагану. Они почти сплошь увиты лианами, но это как раз тот самый случай, когда эти растения не разрушают, а укрепляют стены, потому что они растут под присмотром хорошего хозяина. Окон такие дома не имеют вовсе, а вход в дом — дверей. Дома со всех сторон окружены кустами вперемежку с деревьями весьма солидного возраста. У них настолько мощные корни, что и урагану не под силу выкорчевать такого зеленого богатыря.

Но вернемся к нашим героям и событиям, которые им предстоит пережить. Прочный Череп, едва подъехав к поселку, прокричал так, чтобы слышали все остальные:

— Прибыли, сеньоры! Скорее под крыши!

— Нет, нет, не торопитесь это делать, еще не время! — возразил ему Отец-Ягуар. — Тем, кто не хочет после урагана оказаться гол как сокол, лучше всего подчиняться моим приказам! Все соберитесь возле первого дома и никуда оттуда не уходите! А я скоро вернусь.

Он объехал все дома поселка со всех сторон, тщательно прикидывая,

сколько именно людей и лошадей разместится в каждом из них. И тогда отдал новый приказ:

— Лошадей не оставлять под открытым небом ни в коем случае: ураган унесет их. Мы укроем их в домах. Но сначала им нужно заткнуть уши!

— Это еще зачем? — недоверчиво спросил лейтенант Берано.

— Вам это непонятно? Что ж, пойдемте за мной, объясню.

Отец-Ягуар взял ружье и выстрелил в воздух. Лошади, нервы которых, видно, были уже на последнем пределе, взвились так, как будто на каждую из них бросилась пума, хотя звук выстрела на аргентинскую лошадь в обычных условиях не производит особого впечатления: она к ним привыкла с жеребьячьего возраста. Лейтенант вынужден бы признать, что Отец-Ягуар отдал верный приказ.

— Будьте внимательнее, здесь водится много змей! — добавил к прежним наставлениям одно предостережение Отец-Ягуар. — Значит, так: этот дом у нас первый, а всего их, как вы видите, шесть. Первый и второй занимают люди, лошадей заводите в остальные четыре. После этого соберите хвороста на костры, разожгите их, и все это надо делать очень быстро!

Сильный порыв ветра ворвался в долину. Он принес с собой огромные, тяжелые, но пока еще редкие капли дождя. Люди Отца-Ягуара, не обращая на них внимания, лихорадочно работали. Через десять минут все, что приказал им их предводитель, было выполнено. Лошади, которых, правда, не успели расседлать, стояли под крышами домов. Костры горели перед входами в них. Огонь пылал и в очагах двух домов, предназначенных для приема столь важных персон, каковыми казались жителям поселка наши путешественники. Туда же была внесена и вся поклажа экспедиции. И очень вовремя.

Небо снова сделалось непроглядно-черным. Со всех сторон неслись жуткие завывания, вопли, стоны, рев — как будто тысячи чертей собрались в долине и решили выяснить отношения друг с другом — причем все сразу. Стены домов подрагивали, но хорошо выдерживали напор ветра. И вдруг с крыш донесся страшной силы треск. В первый момент кое-кто подумал, что это упал на крышу обломок скалы, но на самом деле просто хлынул ливень — впрочем, «хлынул» — это, пожалуй, слишком слабо сказано: с неба обрушилась сплошная стена воды.

Грозно ревел несущийся по долине поток, этот рев перекрыл бы даже голоса чертей, если бы и на самом деле разверзлись бы врата ада. Сверкнула первая молния, за ней еще одна, еще, еще... Между их

вспышками уже с трудом можно было уловить перерыв, казалось, кто-то наверху бросает их на землю огромными охапками.

Любой человек знает, как выглядит молния. Только надо сделать одно необходимое уточнение: в обычную грозу. А что такое молнии, сверкающие во чреве урагана, к счастью, знают немногие. И не дай Бог никому узнать! Так вот, это — почти непрерывающаяся цепь огромной мощности электрических разрядов, мечущих во все стороны огненные шары с таким грохотом, что человеческий голос не в состоянии перекричать этот звук.

Так что нашим путешественникам пришлось, сидя на земляном полу, объясняться друг с другом при помощи жестов. Жутковато выглядела эта пантомима под раскаты грома!

Еще более жутко было тем, кто находился в момент урагана рядом с лошадьми. Ноги у большинства из них были связаны, но всех лошадей люди Отца-Ягуара просто не успели связать — и несчастные животные выражали свой испуг не только при помощи фырканья и ржанья, как их стянутые по ногам сородичи, они метались, вставали на дыбы, что было очень опасно не только для них самих, но и для окружающих их людей.

Раздался удар, оглушительная сила которого превосходила все остальные, но люди почему-то совершенно ясно, хотя и безотчетно, осознали, что это — заключительный аккорд урагана, объединивший землю и небо единой сплошной стеной огня. И вдруг наступила полная тишина... Но все по-прежнему молчали, наверное, по инерции... Отец-Ягуар встал со своего места, подошел ко входу в дом, выглянул наружу. Там текла теперь широкая полноводная река — наследство ливня. Отец-Ягуар, посмотрел на небо, полное звезд, и воскликнул:

— Слава Богу! Все кончилось!

— Да! Слава Богу! Благодарение его милости! — воскликнул доктор Моргенштерн, прижав к своему бледному лицу обе ладони. — Такого мне еще не приходилось переживать. Я испытал такой ужас, что просто не в силах его описать!

— Да уж! — поддержал его Фриц. — Господа, меня страшно интересуют два вопроса: во-первых, зачем мы вообще разводили костры и, во-вторых, как это так получилось, что в них не ударили молнии?

— Да! Наукой давно уже доказано, что костры притягивают электрические разряды во время грозы! — поддержал Фрица в свою очередь доктор Моргенштерн.

— Этого не могло случиться по той простой причине, что рядом находится лес, который притягивает электрические разряды гораздо сильнее. Господа, я бы с удовольствием рассуждал с вами на эту тему и

дальше, но сейчас меня гораздо больше волнует то, в каком состоянии после такой встряски пребывают наши лошади.

Он вышел из дома и оказался по колени в воде: там, где еще совсем недавно было сухо и пыльно, несся бурный поток дождевой воды. Зайдя в первый же дом, в котором были размещены лошади, Отец-Ягуар с удивлением констатировал, что они не выказывали ни малейших признаков беспокойства. Никаких достойных упоминания ушибов или ран на их телах он тоже не обнаружил — так, мелкие царапины от шараханья о стены, только и всего. На столь благополучный финал приключения во время урагана Карл Хаммер никак не рассчитывал, и у него непроизвольно поднялось настроение.

К своим товарищам он вернулся энергичный, улыбающийся, но никто не обратил на это особого внимания, потому что все затаив дыхание, как дети, слушали захватывающий рассказ лейтенанта Берано о его приключениях, тем более, что рассказчик он был отличный.

На звук шагов Отца-Ягуара лейтенант обернулся и воскликнул:

— Сеньор, вы появились очень кстати! Я сейчас как раз рассказываю о том, какие права я имею на оружие, которое присвоил ваш отряд.

— Присвоил? Меня, знаете ли, не устраивает такая формулировка. Мы взяли это оружие на сохранение — вот так будет точнее.

— Если вы позволите, я хотел бы знать, по какому праву?

— На этот раз, лейтенант, вы выразились уже точнее: именно, если я позволю. Извините, но я сначала отвечу вам вопросом на вопрос: а какое право вы имеете задавать мне подобные вопросы?

— Но я выполняю поручение самого генерала Митре!

— Ах вот оно что! Но какие вы можете предъявить нам доказательства, подтверждающие ваши полномочия?

— Какие именно доказательства вы предпочитаете получить?

— Разумеется, документы.

— Но как? Здесь? Документы? Какое нелепое требование! Или вы всерьез полагаете, что сюда, в Гран-Чако, ко мне регулярно отправляют нарочного с документами и распоряжениями командования?

— Но раз вы утверждаете, что действуете по поручению такого важного лица, как генерал Митре, у вас должны быть какие-нибудь бумаги, подтверждающие ваши полномочия! Иначе вам может поверить, уж извините, только очень наивный, если не сказать глупый, человек.

— Сеньор, я могу дать вам честное слово, что говорю чистую правду, а других доказательств у меня нет! Я надеюсь, вы понимаете, что честное слово офицера — не пустой звук! Если же нет, то...

И его рука потянулась к ножу на поясе, правда, не слишком решительно: пальцы на руке лейтенанта заметно дрожали.

— Оставьте эту игрушку в покое! — повелительным тоном воскликнул Отец-Ягуар. — Я не кровожадный человек, однако у меня есть правило: поднявший на меня нож знакомится с моим кулаком. Но, несмотря на то, что вы ведете себя вызывающе, я не стану применять по отношению к вам это свое правило, потому что я никогда не слышал, чтобы вы совершили поступок, задевающий чью-либо честь.

— Значит, будем считать, мы пришли к согласию?

— Да, и в то же время нет. Поймите меня правильно! Я доверяю вашему честному слову, но отнюдь не всему, что вы говорите: мне все же неясны ваши полномочия.

— Мне поручено разыскать украденное из арсенала оружие.

— Так. А вы уже знаете, кто его украл?

— Да. И даже отправил донесение об этом.

— И что дальше?

— Это решит генерал Митре.

— Прекрасно! Вот теперь я могу сказать, что мы пришли к согласию. Значит, картина в целом такова: вы разыскивали пропавшее оружие, и кое-что в связи с этим вам удалось выяснить, а я нашел тайные склады с оружием, но то ли это самое оружие, которое...

— Пожалуйста, прошу вас, не надо продолжать — это, несомненно, оно! — нетерпеливо воскликнул лейтенант. — Пока вы осматривали лошадей, я осматривал оружие и убедился в том, что оно из государственного арсенала. Кстати говоря, пропажу обнаружил не кто иной, как сам генерал. Не исключено, что в этом замешан начальник арсенала, хотя точных доказательств его вины у нас пока нет. Но как иначе могли исчезнуть с военного, охраняемого склада несколько сотен винтовок и огромное количество амуниции? Само по себе это чрезвычайное происшествие — доказательство того, что готовится антиправительственный мятеж. Кто стоит во главе мятежников, нам пока тоже до конца не ясно, но есть достаточно убедительные косвенные доказательства, что это может быть, например, известный в нашей стране эспада Антонио Перильо, во всяком случае, руку свою к этой краже он, безусловно, приложил. Этот, так сказать, ловкач вскоре после кражи, примерно через месяц, отбыл на берега Рио-Саладо, и не один, с ним были оружейные мастера, они везли с собой инструменты, массу оружия — все для того, чтобы якобы поупражняться в стрельбе, испытать новые образцы винтовок. Почему я говорю «якобы»? А потому, что, когда Перильо и

оружейники вернулись в столицу, никакого оружия с ними уже не было. Спрашивается, куда оно могло деться? Мы исходили из трех предположений: оружие продано, кому-то роздано или, наконец, припрятано, например, закопано в землю, что с самого начала казалось нам наиболее вероятным, потому что Перильо вез с собой «на стрельбы» также почему-то лопаты и кирки.

Прибыв в Гран-Чако, я сразу же стал искать индейцев из племени камба, и мне вскоре удалось встретить их вождя с четырьмя его воинами. Один из них рассказал мне, что совсем недавно видел возле источника Близнецов белых людей, что они там делали, он не знал, но это были явно не праздные путешественники. Прочный Череп тут же выразил готовность сопровождать меня туда. Но по пути на нас напали абипоны, которые, как понял из их разговоров вождь Прочный Череп, направлялись к Пальмовому озеру. Мы, конечно, не стали сдаваться без боя, отчаянно сопротивлялись, и я убил одного из абипонов, но силы были слишком не равны... Сегодня утром они собирались утопить нас в озере, но провидение послало нам на помощь двух ваших молодых людей. Я очень благодарен им и вам за наше спасение, но оружие, как государственное достояние, вы все-таки должны вернуть.

— Нет, сеньор, это пока еще не решено. Передайте сообщение о том, как развивались события, своему генералу. Как он решит, так и будет. А до тех пор я не могу вернуть вам ни оружие, ни амуницию, тем более, что они мне в данный момент очень нужны.

— Зачем?

— Чтобы вооружить камба и в союзе с ними ударить по врагам генерала. Я знаю о том, что готовят мятежники, несколько больше, чем вы, и готов все это рассказать вам.

По мере того, как его рассказ пополнялся все новыми и новыми подробностями, лицо лейтенанта становилось все более серьезным. Это несколько излишне прямолинейный молодой человек был большим патриотом своей страны, но, к сожалению, очень часто шел напролом там, где можно было бы действовать гораздо дипломатичнее, потому что служил интересам своей страны безраздельно и пылко. Но, столкнувшись с волей Отца-Ягуара, он все же счел за лучшее оговорить некоторые условия их совместных действий и попросил разрешения иногда, когда ему потребуется, покидать экспедицию, не ставя никого в известность о том, зачем ему это нужно. Такое разрешение ему было дано с условием, что он будет все же ставить Отца-Ягуара в известность обо всех своих отлучках как таковых, распространяться об их целях ему при этом будет совсем не

обязательно.

Они ударили по рукам, и Отец-Ягуар решил, что вот теперь-то самое время воздать, наконец, должное юным смельчакам, а сначала хотел выслушать подробный рассказ об их приключениях в стане абипонов. Но Аукаропора снова впал в состояние молчаливой меланхолии, и пришлось Антону отдуваться за двоих. Тот не пожалел красок, и все они пошли только на то, чтобы изобразить, что успех дела решили ум, хладнокровие и храбрость Ауки. А в заключение своей оды в честь друга Антон даже дал совет Отцу-Ягуару: при проведении каких-либо операций по возможности советоваться с юным талантом в области военной стратегии и тактики. Лейтенанта же он упрекнул в том, что тот убил двух человек без особой на то надобности. Завязался общий разговор. Все хвалили Ауку. И вдруг Ансиано поднял вверх указательный палец и с пафосом произнес:

— Ты показал своим героизмом, что ты на самом деле Эль Ихо дель Инка!

Все замерли... В полной тишине прозвучали лишь слова Отца-Ягуара:

— О! Моя интуиция меня и на этот раз не обманула. Этот юноша — потомок древних властителей Перу — он Сын Солнца, настоящий Инка!

Глава XII

РАССКАЗ ОТЦА-ЯГУАРА

Утро было таким тихим, ясным, безмятежным, что недавние события стали казаться теперь ночным кошмаром. Поток дождевой воды схлынул, над лесом поднялось облако пара, и невидимый хозяин долины вновь раскатал между кустами свой роскошный травяной ковер. Застрявшие в складках и углублениях мясистых, сочных стеблей капли воды отражали солнечные лучи, как маленькие линзы, и бросали играющие блики на кусты, дома, людей, животных... Лошади, как только вывели их из домов, накинулись на эту траву с такой жадностью, что стало совершенно ясно: о выступлении в путь сейчас не может быть и речи. К тому же животным нужно было еще и просто отдохнуть после ночной сумасшедшей скачки и пережитых страхов, тем более, что никто не знал, где им придется попасться в следующий раз. Люди, в том числе и сам Отец-Ягуар, тоже не очень хорошо себе представляли, в какую сторону теперь следует двигаться и вообще к чему быть готовыми. Сначала требовалось обсудить все возможные варианты дальнейшего развития событий.

Завтрак как-то естественно и незаметно перешел в общий совет. Каждый высказывал какие-то соображения, они принимались или отвергались. Вел себя загадочно только лейтенант Берано: он просто глаз не сводил со старого Ансиано, в то же время не обращая ни малейшего внимания на Ауку, героя дня и любимца публики в данный момент. Наконец Ансиано надоело быть предметом столь пристального внимания, он не выдержал и со свойственной ему прямоотой спросил лейтенанта:

— Вы все время смотрите на меня. У вас есть для этого какие-то особые причины?

— Есть, — ответил офицер.

— Могу я узнать, какие? Может быть, мы с вами где-то уже встречались?

— Нет, не в этом дело. Меня поразили ваши волосы, такие длинные, абсолютно белые... Они напомнили мне об одном скальпе, который я видел совсем недавно.

— Скальпе? Но что это такое — скальп?

— У индейцев Северной Америки есть обычай снимать кожу с головы своих врагов, чаще уже мертвых, но иногда и с живых, вместе с волосами.

Это и называется скальп, которым они потом гордятся как знаком своей воинской доблести. Это то же самое, что по-испански называется «пьяль дель кранео» [\[69\]](#).

— Какое же я имею отношение к тому скальпу?

— Не знаю, право, но это странное сходство... Тот скальп, о котором я упомянул, имел точно такие же, как у вас, длинные седые волосы.

Ансиано даже привстал от удивления, лицо его вытянулось, приняло тревожно-скорбное выражение.

— Говорите, волосы были точно такими же? — спросил он. — Очень странное сходство. — Но тут он вдруг подумал, что это какое-то недоразумение, да и и не волосы это вовсе могли быть. — Но у белых не бывает таких волос!

— И я никогда не встречал! Но опять-таки не в этом дело: Скальп скорее всего был снят с головы индейца.

— Североамериканского?

— Нет, южноамериканского.

— К какому племени он принадлежал?

— Этого я не знаю. Я задал точно такой же вопрос владельцу скальпа, но не получил от него вразумительного ответа.

— А где вы, говорите, видели эту «кожу с черепа»?

— В Буэнос-Айресе.

— У кого?

— У эспады Антонио Перильо. Я был как-то вместе с одним своим товарищем у него в доме. Комната была украшена всевозможными трофеями, в основном, трофеями корриды, но среди них был и этот странный скальп.

— Антонио Перильо, эспада! — воскликнул Отец-Ягуар. — Этот тот, о ком вы уже упоминали в связи с кражей оружия? Значит, мы еще столкнемся с ним... А не рассказывал ли он вам, как к нему попал этот скальп?

— Рассказывал. Он сказал, что сошелся в схватке не на жизнь, а на смерть с одним индейцем и победил его. И в качестве регалии за победу для себя снял с него скальп.

— Где происходила эта схватка? — почти задыхаясь от внезапно охватившего его волнения, спросил Ансиано.

— Где-то в южной пампе. Это все, что мне удалось тогда узнать.

— А... Нет, это не имеет никакого отношения к тому, о чем я подумал...

Он весь как бы погас, снова надел на свое выразительное лицо маску

сдержанности. Казалось, старик потерял всякий интерес к тому, что сообщил ему лейтенант Берано. А тот все никак не мог прервать свои воспоминания.

— Волосы на скальпе были роскошные, — задумчиво проговорил он, — ну в точности такие же, как ваши. Да, я вспомнил еще одну деталь: они были стянуты обручем, по которому было видно, что тот, кто его носил, был очень старым и очень бедным человеком.

— Обручем? — Ансиано вновь встрепнулся, — Как выглядел этот обруч? И почему вы решили, что носивший его на своей голове был очень беден?

— Обруч был сделан из простого железа. Видно, украшения из более ценных металлов были ему не по карману. Спереди на обруче красовалось изображение солнца, от которого отходили двенадцать лучей.

— Двенадцать лучей! — вскрикнул Ансиано. Потом помолчал секунду, словно решая что-то важное для себя, и объявил тоном королевского глашатая: — Сеньор, обруч был не из железа, а из чистейшего золота! Просто искусно окрашен под железо. Это было сделано для того, чтобы не привлекать к нему внимания алчных людей.

— Но откуда вы все это знаете? Вы что, были хорошо знакомы с этим человеком?

— Был ли я с ним знаком? Был ли... Ах, юноша, тот седовласый индеец, скальп которого вы видели, был моим повелителем, моим господином, великим человеком...

Ансиано, казалось, просто теряет рассудок. Глаза его лихорадочно блестели, он выхватил нож из-за пояса и стал размахивать им в воздухе. Лейтенант смотрел на старика с безмерным удивлением. А тот уже был готов рассказать этому случайному собеседнику все свои так до сего момента тщательно, так долго хранимые тайны. И тут вмешался Аука: он почувствовал, что Ансиано впал в состояние полного отчаяния, и поспешил на помощь старику.

— Остановись, отец! — воскликнул юноша. — Мы знаем точно только то, что этот несчастный был индеец. Сначала надо доподлинно узнать, как все произошло. Может быть, он пал в справедливой схватке, если нет — тогда это убийство. Несмотря на свой возраст, он был еще очень силен и храбр, казалось, старость не брала его. Нет, я все-таки никак не могу поверить, что его одолел какой-то там Антонио Перильо! Нет и еще раз нет! Его, конечно, убили...

— Это ясно, это ясно... — сказал старик. — Нам не нужно искать убийц. Перильо сам хвастался, что убил его. Мы с тобой теперь знаем, что

наши с ним дорожки непременно пересекутся. Ну попади он мне только в руки! Он будет держать ответ перед нами.

— Держать ответ?

— Да, пусть немножко подрожит от страха. А потом я нанесу ему ответный удар. — Инка-наследник престола поднял свою булаву-уаманчай и описал ею в воздухе круг вокруг своей головы. Он был взволнован и разъярен не меньше Ансиано, но лучше владел своими чувствами. А когда заметил, что все присутствующие пристально смотрят на него, взял себя в руки, вернулся и сел на свое прежнее место, а булаву положил рядом на траву.

Рассказ лейтенанта Берано взволновал не менее сильно, чем Ауку и Ансиано, и еще одного человека. Этим человеком был Отец-Ягуар. С того момента, как лейтенант впервые употребил слово «скаल्प», он напряженно прислушивался к каждому слову Берано, старика и Ауки. А когда разговор стих, подошел к Инке, сел рядом с ним, молча поднял с земли его булаву и стал внимательно ее рассматривать. Она выглядела не просто черной, а такой черной, словно материалом для нее послужила непроглядная ночь. Повертев булаву в руках и так, и этак, Отец-Ягуар положил ее на прежнее место и сказал:

— Право же, не стоит употреблять такой замечательный предмет на то, чтобы снять скаल्प с головы негодяя. Вам не стоит забывать, как вы совершенно справедливо заметили сначала сами, что неоспоримых доказательств того, что преступление совершил именно Антонио Перильо и убил он именно вашего соплеменника, а не какого-нибудь другого человека, похожего на него в такой же степени, как Ансиано, у вас все-таки нет. На самом деле очень похожих друг на друга людей на свете довольно много, встречаются даже полные двойники. Но я обещаю вам, что уже очень скоро мы узнаем абсолютно точно, кто был убитый и кто убийца.

— Не стоит тратить на это усилия, — ответил ему вместо Ауки Ансиано. — Обруч — такое доказательство, сильнее которого уже не найдешь.

— Может быть. Но я хочу сказать только, что сейчас надо переключить внимание на другое. Нам необходимо решить, в какую сторону двигаться отсюда дальше. — Отец-Ягуар произнес эти слова очень строгим тоном, одновременно дав понять Ансиано характерным кивком головы, чтобы тот воздержался от желания продолжить обсуждение темы убийства седовласого индейца.

— В любом случае, мы должны направляться в сторону Пальмового озера, — вставил лейтенант Берано. — Однако где-то вблизи него, но

немного не доходя, следует остановиться и произвести сначала разведку. Хотя я не уверен, что наши враги уже там, но предосторожность не помешает. Мы имеем дело с мятежниками и откровенными убийцами. Поэтому, прежде чем начинать действовать, должны узнать про их планы как можно больше.

— У вас, я чувствую, в голове уже созрел какой-то тактический замысел? — спросил Отец-Ягуар.

— Я кое-что придумал, скажем так. Вот послушайте! Итак, мы знаем, что абипоны вышли на тропу войны — точат ножи на своих старых врагов камба. Хорошо бы подавить это их намерение в зародыше. Я вполне отдаю себе отчет в том, что наших сил для этого явно мало. Вот еще что надо учесть: абипоны, как правило, люди злые по характеру, а уж по отношению к тем, на кого давно копят злость, просто одержимы ненавистью. В таком состоянии они вступают даже в открытый бой среди бела дня, хотя обычная их подлая тактика — нападать ночью, исподтишка. Кстати, в этом им нет равных, да плюс еще их отравленные стрелы, полета которых ночью не заметишь, а все индейцы в темноте видят не хуже кошек. Вывод: нам нужно подкрепление, и не только со стороны камба.

— Разумеется, — согласился Хаммер. — Да к тому же еще не известно, догадываются ли сами камба о том, что мы хотим попросить их о помощи.

Пришел черед вождю сказать свое слово. Все посмотрели на него.

— Мои камба пока ничего не знают о том, что вы собираетесь нападать. Мы много лет враждуем с абипонами, однако о том, что они опять собрались идти на нас войной, я узнал только от вас. Поэтому надо выступить как можно скорее: абипоны, став на тропу войны, начнут ее с разорения нашей самой богатой и крупной деревни.

— Почему ты так решил, вождь?

— Абипоны, которые взяли нас вчера в плен, говорили у костра не таясь — чего им было бояться связанных, жалких пленников?

— Та деревня, о которой ты говоришь, находится далеко отсюда?

— Возле воды, которую белые называют Арройо Кларо ^[70], до нее три дня хорошей ходьбы.

— А что ты скажешь о местах, через которые надо пройти по пути туда? Они обитаемы?

— Нужно пройти через большие леса, но среди них есть и плато, на которых расположены многочисленные деревни абипонов, но это не страшно, мы вполне сможем их обогнуть. Так или иначе, по какой бы дороге к Пальмовому озеру мы ни поехали, нам в любом случае пришлось

бы пробираться через вражескую территорию.

— Хм! — задумчиво пробормотал себе в бороду Отец-Ягуар. Несколько минут он смотрел в землю, а потом поднял голову и сказал: — И все же мне кажется, что более целесообразно идти сначала к Пальмовому озеру. А уже оттуда, после того, как мы проведем разведку, как верно заметил лейтенант Берано, надо двигаться к твоей деревне. Скажи мне, Прочный Череп, вот что: сможем мы уйти от Пальмового озера незаметно для абипонов?

— Обойти деревни, где они живут, несложно, однако, если мы встретим хотя бы одного из них, все пропало.

— Один нам не страшен, мы просто возьмем его с собой — в качестве пленника, конечно. Меня волнует гораздо больше другое: у нас кончается запас вяленого мяса. Места, в которых водится дичь, откуда в трех днях пути, а у нас нет времени, чтобы отправиться туда и поохотиться. Абипоны, насколько мне известно, держат коров... Каково расстояние отсюда до Пальмового озера?

— Полдня пути верхом.

— Отлично. Значит, выезжаем отсюда в полдень, а там будем уже к вечеру. Насколько я помню, все были согласны с тем мнением, что ехать прямо сразу к озеру — неосмотрительно. Скажи мне, ты знаешь кратчайший путь к месту, где протекает Прозрачный ручей?

— Мне знакомы каждое дерево и каждый куст, мимо которого мы пойдем!

— Значит, мы можем положиться на тебя полностью. Тем лучше. Итак, решено: в полдень выступаем.

Участники совета начали было расходиться, но тут заговорил доктор Моргенштерн:

— Господин Хаммер, я с большим уважением отношусь к вам, и ваши планы, я уверен, хорошо продуманы, но меня в этих местах тоже кое-что интересует и у меня имеются мои собственные намерения и планы, о которых я вынужден напомнить вам. Но прежде мне хотелось бы узнать вот что: в каком направлении отсюда надо идти к Прозрачному ручью?

— На северо-запад.

— Местность, по которой мы проследуем, будет равнинной или гористой?

— Гористой.

— Сеньор, в таком случае, я должен заявить вам, что возмущен! Вы же знали, что я отправился в эту страну вовсе не ради камба, а ради того, чтобы вести раскопки доисторических животных. А это можно делать

только на равнине. Поэтому я возражаю против намеченного вами маршрута.

— Простите, уважаемый герр доктор, но ваши возражения в данной ситуации, как бы это сказать помягче, не совсем уместны, — ответил приват-доценту Отец-Ягуар. — Придется мне кое-что объяснить вам: вам не следует вести здесь ваши раскопки вовсе не из-за камба, а по той простой причине, что вы можете быть в любой момент ограблены или даже убиты.

— И все же я требую, чтобы вы учитывали также и интересы науки — я не могу отказаться от поисков мастодонтов и мегатериев! Иначе я...

— Что иначе? — спросил Отец-Ягуар.

— Вернусь обратно, чтобы проводить мои исследования собственными силами.

— Я советую вам сначала осмотреться вокруг и все как следует взвесить. Вспомните ваше недавнее пребывание в плену. В следующий раз оно может закончиться далеко не так счастливо и благополучно.

— В этом вы правы. Однако под лежащий камень вода, как известно, не течет. Я должен еще раз попытаться найти останки доисторического животного. А кроме того, это путешествие, по-латыни «профекцио» или «пeregринацио», обошлось мне довольно дорого, и я не хотел бы, чтобы эти деньги оказались выброшенными на ветер.

Прочный Череп внимательно прислушивался к этому спору. Он не сразу понял, о чем идет речь, а уловив отчасти его смысл, счел нужным вмешаться.

— Сеньор говорит о раскопках и давно умерших животных. Не принадлежит ли он, случайно, к тем странным белым людям, которые ищут в пампе старые кости, потом отвозят их в большие города и там всем показывают?

— Ты угадал, вождь, — смеясь, ответил ему Отец-Ягуар, — именно к племени этих чудаков сеньор как раз и принадлежит.

— Тогда он не должен оставаться здесь и подвергать себя опасности попасть в плен к абипонам или даже быть убитым ими. Я знаю, где можно раскопать такие кости, не тратя время на поиски.

— Где же, где? — нетерпеливо спросил ученый.

— Таких мест много. Мимо одного из них мы недавно проехали. Это Пантано-де-лос-Уэсос [\[71\]](#). Уже одно его название говорит о том, что оно для вас просто сокровищница.

— О да! — с энтузиазмом ответил ему ученый. — Но скажите же мне побыстрее: кости каких животных находят в этом болоте?

— Этого я не знаю. — На мгновение он замолчал, собираясь с мыслями, потом сказал: — Сеньоры пришли сюда, чтобы помочь нам одолеть наших заклятых врагов. Я должен быть вам благодарен... Поэтому я должен сказать, что знаю одно место, где в земле сидит такой огромный зверь, каких я больше нигде и никогда не видел. Мы наткнулись на него случайно и хотели продать за большие деньги белым, которые ищут старые кости. Но вам я его просто подарю.

— Что? Как? Такой огромный зверь, которого вы больше нигде никогда не видели? — переспросил нетерпеливо Моргенштерн. — Что это за зверь? Может быть, глиптодонт?

— Не могу сказать. Я про такого зверя никогда раньше не слышал.

— Ну ладно! Насколько он велик? Какой длины, какой высоты?

— Этого я тоже вам не скажу, потому что мы не смогли разглядеть его целиком.

— О! Так это, значит, просто какие-то разрозненные кости?

— Нет, он там весь как он есть, в земле, неповрежденный ни чуточки. Мы хотели однажды его раскопать, да дошли только до большой спинной кости.

— Позвоночника, значит. И вы стали вытаскивать один позвонок за другим? — весь трепеща в ожидании разочарования, спросил ученый.

— Нет, мы же знаем, что целый зверь ценится намного больше, чем разобранный на части. Поэтому мы и не стали копать дальше, а присыпали это место землей.

— Bravo! Bravo! Это было очень разумно с вашей стороны! Я сгораю от нетерпения поскорее оказаться в этом месте и увидеть громадного зверя. Где находится Пантано-де-лос-Уэсос?

— От нашей деревни до него день езды.

— Сеньоры! — обратился доктор Моргенштерн ко всем остальным, — Я настаиваю на том, нет, я требую, чтобы мы немедленно снимались с места! Не понимаю, что мы здесь делаем так долго!

— Не торопитесь! — ответил ему Отец-Ягуар. — Спешить надо медленно. До полудня нам здесь еще очень многое предстоит сделать.

— О чем вы? Какие тут у нас могут быть дела?

— Как вы знаете, мы неожиданно разбогатели на целый табун лошадей, и у нас тяжелый груз. Как же не использовать такую подмогу? Для этого надо надеть на лошадей седла, приспособленные для перевозки тяжелой поклажи, потом соответственно погрузить на них оружие и амуницию.

— Но где вы возьмете такое количество грузовых седел? Разве у вас

есть с собой кожа или какой-то другой, подобный ей материал, который годится на седла?

— Материала вокруг предостаточно. Ничего хитрого нет в том, чтобы из веток, листвы, тростника и травы сделать грузовое седло, которое прослужит дня три. А из лиан, которых тут хоть пруд пруди, мы сделаем веревки и ими привяжем седла к спинам лошадей. Поскольку после этого груз придется на большее количество лошадей, чем до сих пор, мы сможем двигаться значительно быстрее. Но хватит слов, надо всем немедленно браться за дело!

Многие уже и без особых на то указаний, просто исходя из собственного опыта и здравого смысла, собирали ветки, рвали траву, что повыше, и ломали стебли тростника. Другие при помощи ремней связывали лошадей в караванную цепь. Третьи тут же сноровисто плели нечто, похожее на своеобразные циновки, — это и были грузовые седла, и очень скоро они были готовы. В полдень, как и намечалось, экспедиция тронулась в путь. Многие, покидая эту долину, приютившую и защитившую их от страшной беды, недоумевали: почему поселок, расположенный в таком благословенном Богом месте носит такое зловещее название?..

Впереди ехал Прочный Череп, а сразу же за ним двигался караван с грузом оружия. По обе стороны от каравана ехали всадники, следившие за тем, чтобы все было в порядке в этой длинной цепочке навьюченных животных. Плато, по которому они теперь ехали, несмотря на то, что находилось оно в границах Гран-Чако, очень напоминало пампу. Потом им стали попадаться островки песчаной почвы, и наконец пошли сплошные пески, а это, как сказал вождь камба, верный признак того, что Пальмовое озеро уже близко.

Отец-Ягуар на этот раз замыкал экспедицию. Правда, не один. Вскоре после того, как караван тронулся с места, к нему, по его приглашению, присоединились также Ансиано и Аука.

Как только они выровняли ход своих лошадей, Отец-Ягуар сказал Ансиано:

— Сегодня утром твой язык подвел тебя. Ты почти выдал свою тайну.

— А с чего это вы взяли, сеньор, что у меня есть какая-то тайна? Откуда вы можете знать про мои дела? — захорохорился старик.

— Я вовсе и не утверждаю, что что-то знаю, но моя интуиция меня редко подводит. Аукаропора тебе никакой не сын и не внук.

— Что это пришло вам в голову, сеньор Ягуар? Вы же сами называли его моим внуком!

— Ну это потому, что вы оба некоторое время довольно успешно

играли роли деда и внука, но потом у меня появилось сомнение в том, что это действительно так, постепенно оно крепло, а теперь я уже просто убежден, что между вами хотя и существует очень тесная связь, но она совсем не родственная! Знаешь, когда я пришел окончательно к этому убеждению? Когда увидел, как ты разволновался во время рассказа лейтенанта Берано из-за обруча, бывшего на волосах оскальпированного индейца, ну того самого обруча, что выглядел как железный, а был на самом деле золотым.

Ансиано молча опустил голову...

— Так вот, — продолжил Отец-Ягуар, — я встречал и другие предметы такого же вида по цвету и по материалу, что и тот обруч...

— Ну и что же это за предметы? Приведите какой-нибудь пример, — безуспешно пытаюсь придать своему голосу оттенок безразличия, спросил старик.

— Пожалуйста. Например, булава, которая висит на поясе у Ауки.

— Ну что вы, сеньор! Если бы она была из золота, мы с внуком были бы очень, очень богатыми людьми.

— Ага, понятно! Знаешь, можешь дурачить кого-нибудь другого, только не меня. Но я хочу, чтобы ты на всякий случай хорошо запомнил одну вещь: я — ваш друг и бояться меня не нужно. Пойми, я не пытаюсь выведать ваши секреты, а просто хочу предупредить тебя: если вы стремитесь сохранить свою главную тайну, вам надо вести себя поосторожнее. Вчера Аука этой булавой уложил индейца. Она, к счастью, выглядит после этого точно так же, как и раньше. Не исключено, что парнишке захочется пустить ее в ход еще не раз, в бою, например. Но надо иметь в виду, что от соприкосновения с чем-нибудь острым или твердым краска, покрывающая булаву, может кое-где отколоться или стереться.

После этих его слов юный инка, напряженно вслушивавшийся в этот диалог, взял свою булаву в руки, повертел ее туда-сюда и, покраснев, вернул на место. Но не произнес ни слова. Молчал и Ансиано.

Они пребывали в полной растерянности: не зная, что сказать, с одной стороны, они желали все же избежать полной откровенности, но, с другой, обманывать друга им тоже не хотелось. А Отец-Ягуар продолжил:

— Мне так же хорошо, как и вам, известно, кто тот единственный на свете человек, который обладает правом носить золотую булаву, или уаманчай, — это властитель Перу. Следовательно, Аука — его прямой наследник.

— Сеньор, вы, наверное, шутите с нами? — сделал последнюю слабую попытку свести разговор к пустяковому недоразумению Ансиано.

— Нет, нисколько не шучу. И, право же, не стоит вам тратить силы на то, чтобы ввести меня в заблуждение. Я умею хранить тайны, уверяю вас, но сейчас я скажу вам одну вещь — пусть она не покажется вам неожиданной и странной: я считаю, что вообще не надо делать какую-либо тайну из происхождения этого молодого человека.

— Нет, только не это!

— Но почему?

— Вы не представляете последствий, которые может иметь для нас открытие тайны.

— Не думаю, чтобы это могло вызвать вообще какие-нибудь последствия. Да, известно, что ваших предков уничтожали огнем, мечом и ядом. Это позорная страница в истории человеческой цивилизации. Но времена изменились, и ни одному человеку больше не угрожает смерть из-за его происхождения.

— Это вы так думаете, а нам кажется, что все обстоит как раз наоборот, — не поддавался Ансиано.

— Считай, как тебе угодно, Ансиано, но я повторяю: в том обстоятельстве, что Аукаропора является сыном Инки и, следовательно, сам — Инка, не заключено для него никакой опасности, но есть другое обстоятельство, которое может сыграть гораздо более серьезную роль в его судьбе...

— Что вы имеете в виду, сеньор?

— Очень опасно находиться в плену иллюзии относительно того, что происхождение Аукаропоры само по себе — гарантия каких-то перемен в жизни ваших соплеменников. Иллюзии, потому что этим надеждам вряд ли суждено когда-либо осуществиться, хотя они основаны, конечно, на вашей справедливой убежденности в том, что ваш народ и ваша страна достойны лучшей участи.

— Неужели наши надежды никогда не сбудутся?

— У вас нет никаких шансов на это, друг мой. Я понимаю вас, но вы слишком замкнулись на прошлом и не заметили того, что происходит в реальной жизни. Вы грезите наяву! Оставьте грезы для снов и мечтаний, не смешивайте их с действительностью. Это, пожалуй, все, что я хотел вам сказать. Далее вмешиваться в ваши дела у меня нет ни права, ни желания. Я только хотел бы уточнить одну деталь: кто был тот человек, скальп которого находится у негодяя Перильо?

Ансиано снова стал медлить с ответом, и Отец-Ягуар добавил:

— Я спрашиваю об этом не из любопытства, поверьте. У меня есть кое-какие соображения, связанные с определением личности убитого.

Ответь, пожалуйста, откровенно, Ансиано, это в твоих интересах.

— Но ответ на этот вопрос окончательно откроет нашу тайну.

— Хорошо, не хочешь открывать ее — пусть будет по-твоему. Но скажи мне, будь добр, хотя бы о том, где произошла схватка.

— Я не знаю точно, в каком именно месте это случилось.

— А в каком краю? Ведь эта местность все же как-то называется!

— Это мне, разумеется, известно, но вам там вряд ли приходилось бывать.

— Куда нас только не забрасывает порой шальная судьба...

— Тогда скажите мне: вы знаете место, которое зовется ущелье Смерти?

Отец-Ягуар вздрогнул, словно от какого-то уколвшего его память неприятного воспоминания, и ответил:

— Не только знаю, но и бывал там дважды. Я спускался туда из Салины-дель-Кондор.

— Да, Салина-дель-Кондор недалеко оттуда.

— Значит, ты убежден, что твой знакомый нашел свою смерть именно там?

— Да.

— На чем основан твой вывод?

— Я провожал его туда незадолго до того, как это случилось. Он оставил меня недалеко от ущелья и приказал обязательно дожждаться его.

— Приказал? Значит, он имел право тебе приказывать... Долго ты его ждал?

— Целых два дня. Потом я забеспокоился и отправился на то место, где он мог быть. Но там его не было. Я обошел тогда все окрестные долины, ущелья и вершины и опять не нашел никаких его следов. Вернувшись домой, я попросил друзей помочь мне в поисках, что они и сделали, но и это ничего не дало. Мы искали несколько месяцев, но не нашли ничего, ни малейшего намека на то, что он мог тогда побывать там, где мы проходили. — Он опустил голову, помолчал немного и продолжил: — Только сегодня утром я узнал, что его убили.

— У тебя есть какие-то подозрения относительно того, кто убийца?

— Да, есть одно.

— И на чем оно основано? Расскажи мне это, пожалуйста.

— У него было при себе несколько очень ценных вещей, из-за которых корыстный человек мог пойти не только на грабеж, но и на убийство.

— Что это были за вещи?

— Этого я не могу сказать.

— Можешь не говорить, я и так догадываюсь, что у него было при себе золото.

— Сеньор, мне не понятно, на чем основано ваше предположение...

— Я убежден, что ваш знакомый носил с собой... м-м-м... не знаю точно, что это было, скажем так, некие предметы, принадлежавшие Инке, и сделаны эти предметы были из золота или серебра.

— Откуда вы это взяли?

— Я давно хотел рассказать тебе об этом. Кстати, обрати внимание: я с тобой гораздо более откровенен, чем ты со мной.

Отец-Ягуар сделал небольшую паузу, готовясь начать свой рассказ, но тут заговорил молчавший до сих пор Аукаропора:

— Ансиано, мне кажется, ты несправедлив в своем отношении к сеньору. Он наш друг, а ты не доверяешь ему. Я уверен, что он никогда никому не расскажет то, что узнает от нас.

— Спасибо за поддержку, мальчик, — сказал Отец-Ягуар. — Я в общем-то знаю почти все из того, что вы мне можете сообщить, за исключением некоторых подробностей, но они-то, правда, могут оказаться важнее всего остального, что известно мне об этой истории. Ладно, лучше сначала я сам кое-что вам покажу.

Он расстегнул свою кожаную безрукавку и снял с шеи висящий на шнурке небольшой плоский предмет — это был сосуд из золота не больше трех дюймов ^[72] в диаметре.

— Сосуд для росы! — воскликнул Ансиано. — В него жрецы собирали капли росы из сердцевинок священных цветов! Это была утренняя жертва Солнцу.

— Вот этого я не знал, — сказал Отец-Ягуар.

— Сеньор, это поистине бесценный сосуд!

— Значит, твои предки были инками.

— Да, — ответил Ансиано.

— И некоторые из них были властителями нашего народа, — добавил к этому Аукаропора. — А я — единственный наследник их престола, но это известно лишь нескольким доверенным людям.

— Я так и думал. Сокровища вашего рода должны принадлежать тебе?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Потому, что ты знаешь о предназначении этого жертвенного сосуда.

— А как он попал к вам? — спросил Ансиано.

— Я нашел его.

— Где?

— Между Салиной-дель-Кондор и Барранкой-дель-Омисидио [73].

— Там, именно там он и должен был находиться! Когда это произошло?

— Пять лет назад.

— Вы можете вспомнить, в какой фазе тогда находилась луна?

— Я могу точно сказать это. Были дни полнолуния.

— Верно, по-другому и быть не могло. Именно в ночь полнолуния отец имел обыкновение спускаться в ущелье.

Последние слова Ансиано относились к Инке... Юноша взял в ладони жертвенный сосуд, бережно поднес его к своему лицу и поцеловал. Глаза его заволокла влажная пелена... С усилием выдохнув из себя воздух, он сказал:

— Этот сосуд был с моим отцом в последние часы его жизни. Сеньор, прошу вас: отдайте его мне! Мы можем дать вам за него нечто гораздо более ценное.

— О чем вы? Естественно, эта вещь принадлежит вам, и только вам.

— Благодарю вас! Но скажите: в тот день, когда вы нашли этот сосуд, вам не попадалось на глаза никаких других необычных, на первый взгляд, предметов?

— Попадалось, и очень много! Но не столько необычных, сколько, я бы сказал, жутких.

— Что вы сказали? Как они выглядели? Почему они показались вам жуткими? — разволновался Аука.

— Может быть, лучше не будем об этом?..

— Нет, рассказывайте, я хочу знать все-все, сеньор, не надо меня щадить! Не сомневайтесь: у меня хватит самообладания, чтобы перенести даже самое страшное известие. Что же еще вы нашли тогда?

— ...Его самого.

— Его самого? Вы хотите сказать, его тело?

— Да, его останки.

Инка опустил глаза на свое седло. Ни один мускул на его лице не шевельнулся, но он очень сильно побледнел. Ансиано несколько раз торопливо подносил ладонь к глазам, потом смотрел на небо — так смотрят, когда хотят сдержать слезы... Теперь они ехали молча, но уже не рядом, а один за другим. Наконец Ансиано нарушил молчание:

— Он был мертв? Или в нем оставалось еще немного жизни?

— Нет, душа уже покинула его тело.

— А как он погиб?.. — Ансиано было трудно сразу сформулировать мучивший его вопрос, но, собравшись с духом, он все же спросил: —

Скажите, как вам показалось: он умер своей смертью или был побежден в честном поединке?

— Нет, поединка там не было, иначе остались бы следы на земле. Он пал жертвой убийцы, подлого негодяя, пославшего пулю ему в спину.

— Представляю, как он лежал на земле, и его длинные, роскошные волосы...

— Волос не было, друзья мои... С него сняли скальп...

Ни Аука, ни Ансиано не промолвили ни слова, словно оба разом начисто лишились способности вообще что-либо воспринимать. Первым пришел в себя старик.

— Расскажите... — с трудом выдавил он из себя. — Расскажите нам, как все это случилось. Мы должны знать все, до мельчайших подробностей! Ведь скальп, которым хвастается Перильо, — его скальп...

— Мне почти нечего рассказывать. Я думаю, для вас не имеет особенного значения то, зачем я отправился в те места и что там делал... Так вот, в Салину-дель-Кондор я приехал на своем муле, чтобы немного отдохнуть после долгого пути. Ночью было дело, но полная луна светила так, словно повесили ее на небе именно над Салиной-дель-Кондор. Мул накинудся на траву, а я достал свой кусок мяса... И тут услышал стук копыт по земле. Я обернулся и увидел одинокого всадника, спускавшегося по склону скалы. Заметив меня, он приостановился на мгновение, а потом дал шпоры своей лошади и умчался прочь.

— Он что же, не произнес ни одного слова, даже не поздоровался с вами?

— Нет, он не сказал ни слова, и я не стал его удерживать: мне это было просто незачем, тем более, что за этот краткий миг я успел заметить, как по его лицу пробежало выражение презрения ко мне. Еще я успел заметить, что на нем — обычная одежда аргентинских гаучо, а за спиной болталось ружье. На крупе лошади лежало скатанное пончо, но сверток был слишком велик для одного только пончо. В него явно было завернуто что-то еще. Но что именно, я не знаю. Около полудня на следующий день, когда мой мул уже как следует отдохнул, я поехал дальше, к Барранке-дель-Омисидио. Примерно на полпути туда я заметил, что на земле лежит человеческое тело. Вокруг головы оскальпированного мертвого человека растеклась большая лужа крови... — Здесь Отец-Ягуар сделал небольшую паузу. — Я осмотрел тело. И обнаружил пулевое отверстие в спине.

— А как был одет убитый?

— Вся его одежда была сделана из кожи, можно сказать, точно такая же, как та, что сейчас на мне, за исключением разве что некоторых деталей.

— Да, он должен был быть одет именно так. Что-нибудь еще лежало возле его тела?

— Нет, ничего не было с ним рядом. Его ограбили. Когда я перевернул его тело на спину, то заметил, как что-то, лежавшее до этого момента под телом, блеснуло в луже крови. Вот этот самый жертвенный сосуд, как оказалось... С тех пор, как он попал ко мне в руки, и до сегодняшнего дня я с ним не расставался.

— А что вы сделали с телом?

— Я отнес его в ближайшую щель между скалами и заложил сверху камнями. Кровь засыпал песком. После этого попытался было пойти по следам его убийцы, но потом вынужден был прекратить преследование.

— Но почему, сеньор? Я не понимаю вас! — Ансиано был почти возмущен.

— Это не имело никакого смысла. Когда я увидел этого всадника, было раннее утро, только начинало светать. В полдень я выехал из Салины-дель-Кондор и лишь несколько часов спустя нашел тело. И все же, пока еще было светло, я шел по следу, но ничего существенного не обнаружил, к тому же почва там каменистая, лишь кое-где попадаются небольшие песчаные участки, а травы нет совсем: и днем-то почти ничего не разглядишь, а ночью, хотя и при полной луне, и подавно. Утром я встал с намерением продолжать преследование, однако скоро убедился, что это невозможно. Под ногами теперь были сплошь одни камни, ни крупинки песка. Я призвал на помощь весь свой опыт и всю свою интуицию, но прошло уже слишком много времени...

— Жаль, сеньор, очень жаль... А скажите, что бы вы сделали с этим негодяем, если бы догнали его тогда?

— Я поступил бы, исходя из конкретных обстоятельств. Но одно с самого начала решил для себя совершенно твердо: этот убийца заслуживает самой суровой кары.

— А вы могли бы найти то место, где погребли тело?

— Да, я вижу это место так ясно, как будто оно сейчас у меня перед глазами.

— Я слышал, вы с вашими людьми намеревались перейти через перевал. В каком направлении вы будете двигаться?

— Я хотел идти на север, но в этом случае нам нельзя будет сделать ни малейшего отклонения от маршрута. Впрочем, теперь это уже не имеет никакого значения: если желаете, я отведу вас туда, где похоронил Инку.

— Разумеется, желаем. Его надо перезахоронить со всеми подобающими его высокому положению ритуалами и почестями.

— Извините, что я продолжаю настаивать на своей точке зрения по поводу этой печальной истории, но мне кажется, было бы большой несправедливостью по отношению к убитому Инке скрывать от людей то, что у него есть наследник. Наследник трона, но и наследник, кстати говоря, огромных ценностей. Я надеюсь, хоть какая-то их часть сохранилась?

— Да, сохранилась, — сказал Аукаропора. — Нашим предкам удалось спасти немало ценностей, когда испанцы начали вывозить их к себе на родину. Все эти сокровища были спрятаны в горах, окружающих Барранкудель-Омисидио. Мы же почти нищенствовали, и отец, чтобы добыть средства на жизнь, стал регулярно навещать тайник, брал из него каждый раз немного золота, которое потом продавал. Происходило это всегда в полнолуние...

— Ты знаешь, где находится тайник?

— Конечно, знаю.

— Ты был ли там уже после того, как погиб отец?

— Был, но не открывал тайник, потому что у меня нет на это права.

— Пока нет, — уточнил Ансиано. — Прежде чем Аукаропора вступит в свои права наследника, Земля со дня его рождения должна сделать восемнадцать полных оборотов вокруг Солнца. До этого великого дня осталось ровно две недели.

— Но, чтобы вступить в права Верховного Инки, насколько я знаю, наследник должен уже владеть драгоценным томагавком.

— Отец передал ему томагавк перед тем, как уйти в последний раз к Барранке-дель-Омисидио. У нас было еще несколько небольших вещичек из золота, которые мы продали, и этого хватило, чтобы совершить путешествие в Испанию и вернуться обратно, а томагавк хранится в надежном месте в нашем поселке в горах. Да, времени прошло немало. Нам всегда казалось само собой разумеющимся, что никто, кроме Верховного Инки, не может заглянуть в тайник, но вопрос, который вы задали Ауке, смутил меня... Так вы полагаете, что убийца или убийцы могли проникнуть в тайник?

— Это совсем не исключено.

— Скажите, сеньор Ягуар, — продолжил задумчиво Ансиано, — а вы не хотели бы посчитаться с Антонио Перильо?

— Нет

— А с кем-нибудь другим из его спутников?

— Тоже нет, но это желание наверняка обуревают сеньора Моргенштерна.

— Не думаю, чтобы этот маленький сеньор мог жаждать чьей-то

крови, — возразил умудренный жизнью старик. — Поэтому я прошу вас помочь мне найти убийцу

— Я ничего не имел бы против, если бы убедился в том, что он действительно убил человека.

— Но лейтенант Берано не похож на человека, который может солгать или хотя бы преувеличить.

— Конечно, он не солгал и ничего не выдумал. Я верю ему. Но с тех пор, как я видел этого человека в Салине-дель-Кондор, прошло несколько лет, к тому же длилось это всего несколько секунд. Случай свел меня с ним еще раз, и было это совсем недавно, в Буэнос-Айресе, но я все же не могу быть уверен, что это один и тот же человек.

— Вы разговаривали с ним при встрече в столице?

— Да, я напомнил ему о Салине-дель-Кондор, то есть не то, чтобы о чем-то конкретном в связи с тем, что там случилось, просто произнес это название и подождал его реакции. Он испугался. Это было совершенно явно заметно. Жестокие и безнравственные люди, надо заметить, очень часто на поверку оказываются трусами, но именно из трусости, боясь разоблачения или мести, они идут на самые страшные преступления. Сейчас Антонио Перильо на пути к Пальмовому озеру. Я обещаю тебе, что помогу взять его в плен. А дальше можешь делать с ним, что хочешь.

И Отец-Ягуар натянул поводья, дав понять, что разговор окончен. Еще через мгновение он уже скакал по направлению к голове их растянувшейся колонны. Ему показалось: после всего, что было сказано, Ансиано и Ауже необходимо побыть вдвоем, чтобы прийти в себя и как следует обдумать все, что они узнали за этот день.

Глава XIII

У ИНДЕЙЦЕВ КАМБА

Итак, они направлялись, как было решено, к Прозрачному ручью.

Лошадей опять пустили во весь опор. Отец-Ягуар решил уточнить у Прочного Черепа:

— Далеко ли отсюда до ближайшей деревни абипонов?

— Если дальше будем ехать так же быстро, как сейчас, то доберемся туда сразу после того, как стемнеет.

— Темнота нам на руку Мы незаметно минуем деревню и станем лагерем где-нибудь не особенно далеко от нее.

Путь пролегал через пустыню, и обширные участки пампы с густой, сочной травой чередовались участками песка, но постепенно трава становилась все выше и гуще, потом пошел подлесок, и наконец они въехали в лес, состоящий из высоких деревьев с мощными стволами. Отец-Ягуар по каким-то ему одному ведомым признакам безошибочно находил в лесу естественные просеки, и благодаря этому они двигались без задержек.

Закатилось солнце, и сразу же на небе засияла россыпь ярких звезд. Их света было вполне достаточно для того, чтобы ориентироваться в лесу. Примерно через три четверти часа после заката члены экспедиции услышали очень странные звуки, которые донес ветер. Они очень напоминали кошачьи крики, которые перемежались с хлопками, похожими на те, что получают при выбивании ковра.

— Что это может быть? — спросил Фриц своего хозяина.

— Не знаю, но такие звуки не могут издавать человеческие существа, — ответил доктор Моргенштерн. — Какие невероятные тоны и обертоны у этих воплей, какая экзотическая звуковая окраска! Вряд ли человеческое горло способно на такое!

— Тут вы ошибаетесь, дружище! — сказал Отец-Ягуар. — Абипоны очень свободно могут издавать подобные вопли. У них необычайно эластичные и чутко вибрирующие голосовые связки. Меня больше волнует их значение. То, что мы с вами только что слышали, — их боевой клич.

— А хлопки что означают? — спросил Фриц.

— Это удары по боевым барабанам.

— Никогда раньше не слышал подобных звуков! И не встречал таких барабанов!

— Это примитивные, но своеобразные инструменты, они делаются из выдолбленных и высушенных тыкв, над отверстием которых натягиваются шкуры каких-нибудь зверей. Эти удары-сигналы означают, по крайней мере, две вещи: «пора вооружаться» и «сюда идут белые». Что ж, очень ценная для нас информация. Однако надо разузнать поточнее, сколько воинов находится в этой деревне.

Отец-Ягуар передал приказ по колонне остановиться и подозвал к себе Херонимо и Шутника. Они пошли в разведку вдвоем. Не было их почти час. Отец-Ягуар уже начал было слегка волноваться, но тут как раз и появились Херонимо и Шутник. Причем не одни: каждый из них вел по быку. Как интенданты они сработали на славу, но и как разведчики с не меньшим успехом: выяснили, что сама по себе деревня не слишком велика — в ней постоянно жило самое большее человек сто, включая женщин и детей — но тем не менее они насчитали там не менее сотни вооруженных мужчин, из чего сделали вывод, что прибыли эти люди сюда, несомненно, по чьему-то приказу из ближайших деревень.

— Пока все идет как нельзя лучше для нас! — сказал Отец-Ягуар, выслушав Херонимо и Шутника. — Во-первых, стало ясно, что мы правильно выбрали маршрут. Во-вторых, быки эти нам очень пригодятся. А то, что мы за них не заплатили, не должно отягощать нашу совесть, потому что абипоны тоже, так сказать, позаимствовали их у кого-то. Теперь надо двигаться дальше!

Что касается ситуации с кражей быков — да, именно с кражей, если называть вещи своими именами, — то тут Карл Хаммер был полностью прав. Аргентинское правительство, озабоченное тем, как удержать абипонов от разбойничьих набегов, регулярно безвозмездно передавало им, или — можно и так сказать — дарило, лошадей и коров, хотя, если быть уж совсем точным в определениях, просто задабривало воров, но это звучало бы, наверное, слишком откровенно. Однако правительство поступалось принципами нравственности и законности, можно сказать, впустую: абипоны как воровали, так и продолжают воровать чужой скот. И никто на самом деле не знает, что нужно сделать, чтобы прекратить это безобразие.

Через полчаса быстрой езды Отец-Ягуар отдал приказ спешиться и разбить лагерь. Место, в котором они остановились, было со всех сторон окружено густыми зарослями, так что они могли развести здесь костры, не опасаясь, что огонь выдаст их. Оба быка были разделаны. Каждый из членов экспедиции получил столько мяса, сколько могла везти его лошадь. Из остального было приготовлено обильное вкуснейшее жаркое. В общей трапезе не принимали участие лишь двое — юный инка и преданный ему

Ансиано. Они просто не ощущали ни голода, ни жажды, будучи все еще под впечатлением рассказа Отца-Ягуара об убитом Инке.

Лошадей пустили пастись. Но Отец-Ягуар не стал полагаться всецело на колокольчик мадрины и приставил к ним двух охранников. После сытного ужина все, кроме, естественно, часовых, погрузились в глубокий сон. В лагере бодрствовали лишь три человека: все те же Инка и Ансиано, да еще доктор Моргенштерн. У него из головы не выходил тот загадочный доисторический зверь, о котором рассказывал Прочный Череп. Маленький ученый несколько раз приказывал себе заснуть и прикладывал огромное старание, чтобы выполнить свой приказ, но разыгравшееся воображение не давало покоя его мозгу, рисуя перед его мысленным взором захватывающие дух картины, одна фантастичнее другой.

Как только начало светать, тронулись в путь. Характер местности, по которой они теперь скакали, все время менялся, однако эта смена пейзажей происходила словно в заданном кем-то ритме: за густым лесом неизменно следовали большие поляны, на которых располагались индейские деревни, а за ними опять шел лес.

Стены своих хижин абипоны сооружали из камыша или каких-то других местных растений и сухих веток, а крыши покрывали этим же материалом. Внутри хижин никаких перегородок не было. Естественно, быт в таких жилищах был самый примитивный. Но что касается выращивания растений, то тут, напротив, абипоны стремительно постигали приемы культурного земледелия и выращивали завидные урожаи. На небольших полях вокруг деревни росли кукуруза, просо, маниока, бобы, киноа ^[74], томаты, арахис, батат, дыни и тыквы.

Разумеется, наши путешественники держались как можно дальше от деревень. К счастью для них, ни накануне, ни на второй день пути навстречу им не попалось ни одного абипона. Если вы помните, в этом случае они заранее решили брать всех встречных в плен и дальше везти с собой, но все же лучше было бы, чтобы они совсем не попадались: мало ли каких можно ожидать подвохов при неожиданной встрече с врагом, пусть и немногочисленным или даже одиночкой, тем более если находишься на его территории. Некоторые деревни выглядели почти или полностью безлюдными, что лишний раз свидетельствовало: абипоны перешли на военное положение.

К вечеру второго дня они благополучно миновали территорию абипонов и вступили на территорию камба. Уже утром следующего дня подъехали к их деревне. Прочный Череп велел созвать всех мужчин боеспособного возраста и объявил им об опасности, грозящей их народу,

после чего раздал всем им оружие и приказал идти к Прозрачному ручью. Деревням камба, расположенным вдали от троп, обычно используемых абипонами, можно сказать, ничто не угрожало, но те, которые находились в непосредственной близости от них, оказались в очень большой опасности. Это поняли не только воины, но и старики, женщины, даже дети: собрав самое необходимое из своих пожитков, они потянулись вслед за мужчинами к Прозрачному ручью.

В первой половине третьего дня пути отряд достиг большого, но мелководного озера с топкими берегами. Там, где почва была более или менее твердой, казалось бы, могли вполне нормально чувствовать себя деревья и кустарники, но вместо них тут росли лишь камыш и тростник, достигавший местами метров пяти в высоту, не меньше.

Доктор Моргенштерн покачивался в седле, пребывая в состоянии глубокой задумчивости и лишь изредка бросая рассеянные косые взгляды на эти камышовые дебри. Но подъехавший к нему Прочный Череп вывел его из этого безмятежного состояния всего несколькими словами, произнесенными на ухо:

— Сеньор, это и есть Пантано-де-лос-Уэсос!

Если бы маленького ученого в этот момент ударил электрический разряд, он, наверное, тоже бы подпрыгнул, но все же не так высоко, как после слов вождя камба, — это его антраша было достойно циркового наездника. И снова, начисто забыв, что не он здесь главный, прокричал:

— Сеньоры, остановитесь! Слышите, стойте!

Он постарался крикнуть во всю мощь своих легких, и это возымело действие: его слова услышали в обоих концах колонны. Люди приостановились в недоумении. Но подъехал к доктору один лишь Отец-Ягуар. И сказал тоном, не терпящим возражений:

— Нет, так дело не пойдет! Время сейчас для нас гораздо более драгоценно, чем кости животных, и мы не станем терять его.

— О как вы заблуждаетесь, герр Хаммер! — возразил ему приват-доцент. — Но если вы не хотите ждать, пока я буду заниматься раскопками, то я и Фриц останемся здесь вдвоем! Возможно, здесь покоится мастодонт, поэтому никакой современный слон не сможет сдвинуть меня отсюда ни на дюйм!

Отец-Ягуар давно понял, что этому упрямому фанатику все равно напрямую ничего не докажешь, и решил пойти на небольшое тактическое отступление.

— Хорошо, оставайтесь, — сказал он. — Но не более, чем на полчаса, а потом догоните нас. Раз уж вождь взялся вас в этом деле опекать, я

думаю, он распорядится о том, чтобы вам помог кто-то из его воинов. — И он выразительно посмотрел на Прочного Черепа.

Доктор получил под свое начало одного из четверых камба, составлявших окружение вождя. Общительный Фриц обрадовался тому, что их с доктором маленькая компания расширяется.

Камба направился прямо к озеру, огибая по дороге все топкие места, без сомнения, давно и хорошо ему известные. Доктор и Фриц ехали за ним следом. У самой воды камба спешил, привязал лошадь к кусту и сказал нечто, что, по логике происходящего, должно было бы означать какое-то предложение спутникам, но они почти ничего не поняли из его слов, потому что не знали его языка. Лишь несколько произнесенных им по-испански слов все же позволили доктору и его слуге догадаться, что говорит индеец не о чем ином, как об этом самом месте — Пантано-де-лос-Уэсос, но и только...

— Могу ручаться, — сказал доктору Фриц, — что наш уважаемый господин проводник говорит не по-китайски и не по-турецки. И это обстоятельство требует от нас начать поиски взаимопонимания.

— Пантомима — прекрасный способ взаимопонимания, Фриц! — сказал доктор Моргенштерн. — К этому средству, называемому по-латыни «перидия», я прибегал уже не раз, и всегда с успехом.

— Ну, а если я вдруг передам смысл того, что мы захотим сказать, неточными жестами или, наоборот, точными жестами неверный смысл?

— Значит, тебе не знаком язык жестов... Но все же это не страшно: просто повторяй за мной все то, что буду делать я, и все.

Когда индеец увидел, что оба его спутника тоже привязали своих лошадей, он кивнул им и шагнул в заросли тростника. Это могло означать только одно: «Идите за мной!» Потом он стал беспокойно вертеть головой то направо, то налево, подкрепив на этот раз свои действия двумя испанскими словами: «Пресаусьон! Крокодилос!» («Внимание! Крокодилы! [75]»)

— Что? Здесь водятся крокодилы? — сказал Фриц. — Хотелось бы поглядеть на одного из них. Меня он не испугает.

Но едва он произнес эти слова, как тут же отскочил с криком ужаса с того места, на котором только что стоял: из тростника высунулась страшная голова. Называется, накликал беду: эту был крокодил. Маленькими злобными, налитыми кровью глазками он посмотрел на нахала и разинул свою пасть во всю ее ширину... Раздался звук, похожий на то, как если бы резко и с большой силой при них начали ломать пару толстых досок.

— Он... был... пра... прав... — с трудом отдышавшись, выговорил

Фриц, когда оказался на безопасном расстоянии от пасти крокодила.

— Не бойся его, — сказал доктор. Ему самому, когда он был занят своим любимым делом, любая опасность была нипочем. — Эти животные далеко не так агрессивны, как мы себе обычно представляем, на самом деле они, можно сказать, вялые, инертные существа. К сожалению, они не очень хорошо пахнут, но этот запах — единственная настоящая неприятность, которую они могут причинить человеку.

— Мне кажется, запах вкупе с зубами, — по-своему уточнил слова хозяина Фриц. — Но если выбирать из двух зол, я бы предпочел вдыхать даже этот, бр-р-р, мерзкий запах, чем оказаться между этими зубками!

Они шли теперь по заросшему камышом, небольшому выступу суши, своего рода маленькому полуострову, вдававшемуся довольно далеко в озеро. Судя по тому, что на нем росли также деревья и кусты, почва здесь была далеко не болотистая.

— Эврика! — воскликнул доктор Моргенштерн. — Под деревьями в некоторых местах земля была вскопана, возле этих мест валялось множество костей разного вида и размера. Что же касается их целостности, то и в этом отношении они выглядели тоже по-разному: попадались совершенно целые и крепкие, но и сломанных и тронутых гнилью было немало. — Фриц, иди скорее сюда! Ты посмотри только на эти кости! Вот это удача! Я и подумать не мог, что мне попадутся останки живого существа, жившего в тот период, когда ты не мог существовать!

— Вы знаете, герр доктор, должен признаться откровенно, я несколько не в обиде на господу Бога за это. Наоборот, нахожу весьма разумным то, что я еще ни разу с ними не встречался. А то вместо гигантской хелонии раскапывали вы бы сейчас мой изящный скелет.

— Ах, ну до чего же ты любишь чепуху молоть! — воскликнул доктор, бережно укладывая кости одну к другой. — Нам в руки попали подлинные свидетельства предшествующего периода развития жизни на Земле! Вот, пожалуйста, ты только взгляни на эту черепную кость! Я думаю, это не что иное, как ос окципитус ^[76] мегатерия. Надо все эти кости упаковать. Мы возьмем их с собой. Вечером я займусь их классификацией. — Закончив разговор с Фрицем, он повернулся в другую сторону и спросил, обращаясь к индейцу: — Дорогой друг, когда вы бывали здесь раньше, то находили кости только на этом месте или в других местах?..

Тут он обнаружил, что говорит в пустоту: индейца рядом с ними не было. Доктор и Фриц внимательно огляделись по сторонам, но ничего не заметили, зато услышали голос своего проводника — он явно звал их к себе.

— Зовет! — сказал Фриц. — Пойдемте?

— погоди немного! Я еще не все тут осмотрел, — ответил доктор.

— Ладно, схожу к нему один, надо все-таки выяснить, чего это он там раскричался.

И он ушел. Доктор с головой погрузился в сортировку костей и не заметил, что его слуга вернулся очень быстро. Ученый поднял голову от костей только тогда, когда услышал его взволнованный голос:

— Посмотрите, что я принес!

Фриц держал в руках огромную и отлично сохранившуюся берцовую кость. Доктор Моргенштерн в первый момент при взгляде на эту кость просто онемел, а потом с непередаваемым пафосом воскликнул:

— Какое блестящее открытие! Это же ос феморис [77] глиптодонта! Одна эта кость стоит всех тех, что мы собрали здесь.

— Вот как? В таком случае, я вас поздравляю: там, где я ее обнаружил, еще полным-полно костей, точно таких же, как эта, и всяких других!

— Скорее, скорее пойдемте туда! — нетерпеливо воскликнул ученый. И ринулся в камыши.

Вскоре оттуда донесся непонятного происхождения шум, а затем — крик. Фриц бросился на помощь. Но первым, кого он увидел, был индеец, который усердно жестикулировал руками, показывая, мол, «скорее туда, туда!». Еще через пять, или шесть шагов перед Фрицем Открылась загадочная картина: в небольшой бухточке, похожей более на узкую канаву, берега которой поросли камышом и тростником, никого не было. Фриц похолодел от ужаса. Но в первый момент от волнения он просто не заметил за зарослями своего хозяина. Да и не мудрено: тот стоял по пояс в тине. К нему приближался крокодил, но, к счастью, очень медленно, потому что ему трудно было маневрировать своим грузным туловищем в тесных пределах канавы. Доктор изо всех сил работал руками и ногами, но в результате только все глубже погружался в топкую грязь. Фриц, мгновенно оценив ситуацию и сообразив, что надо делать, поднял свое ружье, рубанул им наотмашь по тростнику, проделав таким образом амбразуру в зарослях, и навел дуло ружья точно между глаз крокодила. Грохнул выстрел. Вдогонку ему — второй. Огромное безобразное тело чудовища взмыло вверх и рухнуло, покрыв все вокруг грязью. Фриц закричал:

— Ура! Их полку убыло! Кит готов, теперь надо вытягивать Иону [78]. Герр доктор, держитесь за приклад ружья, да как можно крепче!

Доктор ухватился за приклад, а Фриц начал его тянуть, но алчная трясина не собиралась так просто, за здорово живешь, выпускать из своих

объятий жертву. На помощь Фрицу пришел камба. Совместными усилиями им удалось вытащить ученого.

Но выглядел он ужасающе... Вонючая темно-коричневая смрадная жижа струями стекала с него, лицо искажала гримаса, вызванная то ли пережитым только что страхом, то ли отвращением. Фриц решительно сдернул пончо с плеч доктора и проворчал в своей обычной иронично-доброжелательной манере:

— Не каждый соблазн достоин того, чтобы тут же на него поддаваться. Я же советовал вам идти не прямо, а налево.

— Но индеец подал мне кивком головы знак, что надо идти в ту сторону... — виновато пробормотал смущенный доктор Моргенштерн, одновременно стряхивая грязь со своих брезгливо отставленных далеко вперед ладоней.

— Кивок головой еще не взмах руки! — категорично заявил Фриц. — Одной пантомимы для полного взаимопонимания, оказывается, все же маловато. А вот для того, чтобы вляпаться неизвестно во что, вполне достаточно. Теперь мне, чтобы вернуть ваш прежний человеческий облик, надо долго вас отмывать, отскребать, а потом сушить на солнышке. Но, знаете, у меня возникла одна идея...

— Что за идея, Фриц? Не томи, — жалобно и нетерпеливо произнес доктор.

— Мы с вами одеты были одинаково, фигуры наши тоже похожи, нам надо поменяться одеждой, вот и все.

— Нет, нет, Фриц: так дело не пойдет. Моя одежда слишком мокрая и грязная, по-латыни «удус» и «лимосус», чтобы я мог меняться с тобой, у тебя-то все в порядке.

— Так, значит? Значит, вам кажется, что если хозяин вымок до нитки, а его слуга остался сухим, — это в порядке вещей? Не согласен! На том самом месте, где мы подошли к озеру, вода очень чистая. Вот там я и отстираю как следует ваши рубашку, брюки и пончо, а заодно и уравнию наши костюмы в их правах. До сих пор я всегда подчинялся вам, неужели вы не можете один-единственный раз ответить мне тем же?

Доктор Моргенштерн не очень понял, что значит «уравнию наши костюмы в их правах», но когда спустя некоторое время Фриц вернулся, держа в руках два совершенно мокрых комка одежды, все стало ясно: его находчивый и остроумный слуга одним махом снял все этические сомнения своего хозяина. Приват-доцент протянул ему свою руку и сказал:

— Фриц, ты спас мне жизнь. Надеюсь, что когда-нибудь смогу ответить тебе тем же.

— Договорились! Если в следующий раз я провалюсь в трясины к крокодилам, вы меня вытаскиваете, и мы будем квиты! Ладно, а как насчет костей, из-за которых вы пережили это приключение?

— Их... их... мы на время оставим.

Фриц был поражен. Даже мотнул головой, словно хотел проверить: уж не сон ли это и его ли хозяин произнес эти слова. Но нет, это происходило наяву и воодушевление зоопалеонтолога в самом деле стало намного ниже, чем прежде, если не сказать, совсем пропало. «Да уж, — подумал Фриц, — ничто так не способствует пробуждению в человеке здравого смысла, как нечаянная встреча с крокодилом». Но все же он отвел хозяина на то место, куда посылал его перед злополучной встречей с кровожадным пресмыкающимся. И тут он был поражен еще раз. Доктор абсолютно спокойно, можно даже сказать равнодушно, словно только ради соблюдения проформы спросил его:

— Как ты думаешь, никто не утащит отсюда эти кости, пока нас здесь не будет?

— Никто. Тут вокруг одни индейцы, а на кой, извините за выражение, ляд им эти кости? Кроме того, вождь Прочный Череп прекрасно знает, что вы намереваетесь здесь раскопать скелет древнего животного, и, я думаю, из уважения к вам запретит своим индейцам унести отсюда хоть одну, даже самую маленькую, косточку.

— Вот и славно. Я вернусь сюда когда-нибудь непременно, но уже с большой экспедицией. А что, не пора ли нам ехать дальше? По-моему, полчаса, отпущенные нам герром Хаммером, давно истекли.

Они вернулись к лошадям и, дав им шпоры, понеслись во весь опор вдогонку за отрядом Отца-Ягуара. По времени их разделяли часа два спокойного хода, но резвые лошади домчали доктора, его слугу и индейца к цели куда быстрее. Доктор ни словом ни с кем не обмолвился о своем приключении в болоте, и Фриц счел за лучшее тоже помалкивать об этом происшествии.

К полудню ландшафт вокруг них сильно изменился. Пошли невысокие, пологие, но вытянутые в длину, волнообразные холмы, которые пересекали долину то в одном направлении, то в другом. Между холмами довольно часто мелькали небольшие озера или пруды, над которыми возвышались возведенные довольно давно, судя по их виду, дамбы, которые очень часто были со всех сторон обсажены кустами. Попадались и ямы довольно правильной круглой формы, стены которых сплошь поросли травой. Это были заброшенные пруды. Такая однообразная декорация тянулась на многие мили, пока наконец на горизонте не появился лес. Когда

путешественники подъехали к нему ближе, обнаружилось, что они взяли курс очень удачно: прямо перед ними в густых дебрях просвечивал коридор широкой прогалины. Ее лента была хорошо видна еще и потому, что прогалина все время шла в гору. Отец-Ягуар, который на время уступил свое право руководить выбором маршрута экспедиции Прочному Черепу, обратился к нему с недоуменным вопросом:

— Послушай, почему бы нам не остановиться в долине? Или ты считаешь, что мы лучше устроимся на этой горе?

— Да, потому что у нее довольно пологие склоны и много низин, повыше есть и довольно широкая долина, называемая Балье-дель-Лаго-Десекадо ^[79]. Это хорошее укрытие: долину окружает густой лес, в котором все деревья связаны между собой, как паутиной, лианами. Не то, что целый отряд, там и один-то всадник не пройдет мимо нас незамеченным. А пешему понадобится целый день на то, чтобы с помощью ножа и топора пройти путь, который он обычно проходит за четверть часа.

— А что, разве этот лес нельзя объехать?

— Можно. Но он так далеко тянется в обе стороны, что для того, чтобы объехать его, потребуется целый день, не меньше.

А долину можно пересечь за полчаса, и я знаю, в каком месте это сделать лучше всего, чтобы выйти снова в расщелину, ведущую уже вниз. Как только спустимся с горы, сразу начнется пампа.

— И как далеко оттуда до твоей деревни?

— Мы будем там еще до наступления темноты.

— Значит, если я тебя правильно понял, каждый, кто хочет пройти в твою деревню кратчайшим путем, должен непременно пересечь долину Высохшего озера?

— Да.

— Прекрасно!

— Чему ты так рад?

— Тому, как мы сможем использовать все преимущества этой долины против наших врагов.

Они въехали в просеку Ветви росших по обеим ее сторонам высоких деревьев сплелись в некое подобие крыши, и получился своего рода туннель, обилие света в конце его ясно указывало на то, что там находится довольно большое, не заросшее деревьями пространство. Преодолев не слишком трудный пологий подъем, путешественники выехали к огромному котловану овальной формы. Тот его склон, около которого они остановились, была почти размыт бьющим из-под земли родником, поэтому глубина здесь была небольшая, а вода скатывалась дальше, в более

глубокое место, где образовался небольшой естественный пруд. Противоположный склон котлована, был, напротив, довольно крут и порос таким густым лесом, что издали он казался сплошной монолитной стеной, только по игре всех оттенков зелени можно было догадаться, что это все же растительность.

Отец-Ягуар приказал всем стоять на месте, а сам объехал вокруг котлована. Вернулся обрадованный.

— Места, более подходящего для засады, нарочно не придумаешь, — сказал он.

— Что? Вы хотите устроить здесь засаду? — воскликнул лейтенант Берано. — Да это было бы огромной глупостью... я хотел сказать, ошибкой.

— Меня радует, сеньор, что вы все же не произнесли слово, которым хотели, видимо, задеть меня, — очень серьезно ответил ему Отец-Ягуар. — Я, видите ли, не привык к тому, чтобы мои действия критиковали в подобной манере. Вы еще плохо меня знаете, друг мой. Я никогда не считал, что раз я что-то высказал, то никто уже не вправе это мнение оспорить. Итак, почему вы считаете, что засада была бы ошибкой?

— Если мы ее устроим именно здесь, противник сотрет нас в порошок.

— Каким образом?

— Сеньор, меня удивляет ваш вопрос. Я как-никак офицер и вполне отдаю себе отчет в том, что говорю.

По лицу Отца-Ягуара пробежала едва заметная усмешка. Однако ответил он несдержанному молодому человеку вполне спокойно:

— Но я действительно не понимаю, почему это нас здесь можно стереть в порошок. Неужели для того, чтобы это понять, требуются какие-то специальные военные знания?

— Совершенно не обязательно. Требуется всего лишь здравый смысл обычного человека.

— Вот уж в этом, извините, я никак не смогу удовлетворить ваше желание, поскольку человек я, можно сказать, необычный, такая уж у меня судьба. Но не кажется ли вам, что в нашем случае было бы разумнее все же максимально использовать мои недостаточные знания, чем перевоспитывать такого немолодого уже человека, как я?

А лейтенант уже, что называется, «завелся» и не понял иронии.

— Оглянитесь вокруг! — нервно возразил он. — Мы же зажаты со всех сторон холмами, нам будет некуда отступать, если противник начнет нас теснить.

— Нет, вы меня не убедили, — опять же спокойно ответил ему Отец-Ягуар, — нам будет некуда отступать, «если противник начнет нас

теснить». Если! Остановимся на этом слове, которое вы сами произнесли. Вход в долину, как вы знаете, не слишком широк, через него одновременно сюда могут проникнуть человек шесть, ну, семь, но не больше ни в коем случае. А кроме того, эти деревья не пробьют ни пуля, ни стрела. Нас только полсотни, но мы, я уверен, сможем сдержать напор даже тысячи воинов противника. Неужели вы не видите всех этих преимуществ?

Лейтенант на этот довод ничего не ответил. И тогда Отец-Ягуар продолжил:

— Пойдем далее. Вы говорите, что мы зажаты со всех сторон холмами, хотя вернее было бы сказать, окружены ими. Но вы, что же, полагаете, что, как только в долину вступит противник, эти холмы специально для него раздвинутся?

Лейтенант пожал плечами.

— Впрочем, — добавил к уже сказанному Отец-Ягуар, — у меня что-то пропало желание оспаривать у противника право расположиться в этой долине. Пожалуй, я даже поспособствовал бы ему в этом.

— Это еще с какой стати? — ошарашенно спросил лейтенант Берано.

— С такой, чтобы успокоить его, по-военному говоря, усыпить бдительность. А теперь я задам вам вопрос, но предупреждаю, что он на засыпку: скажите, у вас есть хотя бы приблизительное представление о том, когда сюда могут прибыть абипоны?

— Да кто это может знать заранее?

— Вы так считаете? А между тем не составляет особого труда это установить. Как нам известно, белые мятежники, объединившиеся с абипонами, послали своих солдат из разных гарнизонов к Пальмовому озеру. Штука в том, что и сами они должны прибыть туда не позже и не раньше, чем эти солдаты. Далее. Чтобы ввести нас в заблуждение, они возвращались назад, к Рио-Саладо. На это у них ушло два дня. Даже если дальше они двигались так же быстро, как мы, все равно два дня — это два дня. Но им непременно потребуется и еще один день остановки — надо же собрать индейцев из разных мест всех вместе, чтобы проинструктировать их. Кроме того, надо вот еще что учесть: не все абипоны ездят верхом, некоторые из них предпочитают всем другим способам передвижения хождение пешком. Но, по замыслу мятежников, все они должны быть на лошадях. Следовательно, им надо будет добыть еще и лошадей. На это уйдет четвертый день. Подведем предварительные итоги. Итак, мы опережаем противника, как минимум, на четыре дня. Значит, мы можем ожидать появления противника здесь на четвертый день, начиная с сегодняшнего, и успеем как следует подготовиться к его приему.

— Однако преимущество даже в четыре дня пути еще не гарантирует победы в сражении, — нашелся лейтенант Берано. — И вообще никакого значения не имеет, если мы позволяем противнику догнать себя.

— Но, сеньор, неужели вам не ясно, что это так или иначе, но произойдет неизбежно? И разве вы не видите того, какая прекрасная западня здесь создана самой природой?

— Западня? Смотри для кого. Для нас — да, здесь самая настоящая западня.

Отец-Ягуар уже открыл рот, чтобы в очередной раз возразить молодому человеку, но тут в их спор вмешался доктор Моргенштерн:

— Ради Бога, не поймите меня неправильно, сеньоры, но я чувствую себя обязанным вмешаться в вашу беседу. С вашей стороны, сеньор Берано, было бы огромной ошибкой не принять во внимание мнение Отца-Ягуара. Это означало бы, что вы не используете ту сторону деятельности вашего духа, которую называют работой ума. Западню, или ловушку, по-латыни «лагнеус», о которой говорит герр Хаммер, здесь очень легко устроить.

— Что? И вы тоже собираетесь устраивать западню?

— Разумеется.

— Тогда объясните мне, ради Бога, каким образом?

— С большой охотой, сеньор! Мы прячемся в лесу, выпускаем противника в долину, а потом закрываем вход и выход из нее. Таким образом, противник попадает в окружение. Ну, а дальнейшее, как говорится, дело техники. Надеюсь, теперь вам все понятно, по-латыни «перспикуус»?

Лейтенант был взбешен. Какой-то коротышка, ученый недотепа вздумал поучать его! И он прокричал:

— Оставьте свое мнение при себе!

— Но вы же сами просили меня разъяснить вам, каким образом должна быть устроена западня.

— Я подразумевал нечто совершенно иное. У меня к вам есть просьба на будущее: увольте меня, ради Бога, от ваших разъяснений. Я сам знаю, что мне нужно делать.

— А у меня другое впечатление относительно вас, — сказал Отец-Ягуар. — Я, знаете ли, небольшой любитель споров, особенно когда в них нет необходимости. К тому же, как я понял, вас не переубедишь, поэтому я предлагаю ехать дальше. Мы успеем еще о многом переговорить по пути к Ясному ручью.

Эти слова прекратили наконец бесплодный и бессмысленный спор. Лейтенант, естественно, остался при своем мнении и стал держаться, как

нахохлившаяся, настороженная птица. Его угнетало то, что он, порученец самого генерала Митре, вынужден терпеть такое обращение со стороны каких-то жалких дилетантов в военном деле.

Гора, на которую они поднялись, издалека казавшаяся похожей на кеглю, оказалась при ближайшем рассмотрении весьма вытянутой, в общем, она сильно походила на запятую, длинный хвост которой заканчивался ручьем. Ручей, падая с высоты маленьким водопадом, устремлялся на равнину.

Лес тоже постепенно как бы сползал с гор на равнину, становясь все более редким. Наконец началась пампа, и наши путешественники, дав сначала своим лошадям вволю попасть на траве, пустили их галопом.

В ловком маленьком наезднике, который ехал рядом с Фрицем Кизеветтером, теперь никто бы не узнал того неуклюжего, страшно напряженного от испуга человечка, каким выглядел доктор Моргенштерн в первые дни пути по пампе.

— Фриц, — обратился он к слуге, — мне кажется, твоя одежда еще сырая, и ты легко можешь простудиться от переохлаждения.

— Вы ошибаетесь, герр доктор, — ответил тот, — моя одежда уже совершенно сухая, а знаете, что ее высушило? — радость от того, как вы здорово поставили на место этого фанфарона лейтенанта.

— Значит, ты думаешь, что я был прав? — обрадовался ученый.

— Безусловно! Человек, который, как этот аргентинский офицер, уж слишком погружен в свою профессию, не видит ничего дальше собственного носа.

— Но очень неприятно то, что он так разозлился на меня.

— Еще бы! Я видел это, но счел за лучшее не вмешиваться. Мы ничего не сможем противопоставить его злости. Да и нужно ли это? Те, кто преследует такую высокую цель, как поиски останков гигантских доисторических животных, не должны придавать значения подобным мелочам.

— Фриц, я, кажется, допустил ошибку, — выдавил из себя приват-доцент, опустив голову и тяжело вздохнув.

— Не стоит так расстраиваться из-за этого лейтенанта!

— Я вовсе не из-за него переживаю, а из-за тех костей, которые оставил лежать в болоте вместо того, чтобы увезти их с собой.

— Но что с ними там страшного случится? Как лежали, так и будут себе полеживать.

— Но ты же слышал, что по нашим следам идут абипоны. Значит, они непременно пройдут через болото и еще неизвестно что после этого

останется от костей. Боюсь, для науки они уже не будут представлять серьезной ценности.

— Маловероятно, чтобы этих дикарей заинтересовали какие-то кости. Что им делать с ними?

— Я имею в виду не самих абипонов, а белых, которые сейчас действуют заодно с ними.

— Хм! Вы думаете, эти заговорщики могут заинтересоваться костями? Да у них же совсем другое на уме!

— Могут. Они знают, что эти кости представляют огромную ценность для науки, и могут прихватить их с собой для того, чтобы потом с выгодой сбыть.

— Я вас утешу, если скажу, что этого не произойдет? А я думаю именно так. Потому что, если бы они занялись костями, во-первых, им пришлось бы еще дольше здесь задержаться, а во-вторых, вернуться назад, чтобы отвезти громадные кости туда, где им бы уже ничто не угрожало. Но ни то, ни другое, насколько мы знаем, отнюдь не входит в их планы. Значит, можно сделать вывод: до поры до времени они их трогать не будут, а вернуться за ними когда-нибудь позже.

— Но что это меняет для нас?

— Многое, потому что мы в результате окажемся победителями.

— Победенными или победителями — не в этом суть, а в том, что эти люди, к сожалению, еще вернуться сюда за костями. В этом я абсолютно уверен.

— Раз вы так считаете, герр доктор, мне не остается ничего другого, как согласиться с вами. Но так это или не так на самом деле — какая разница, ведь все равно уже ничего не изменишь.

— Почему же не изменишь?

— Что вы хотите этим сказать?

— Что нам с тобой нужно вернуться на болото, чтобы унести хотя бы самые ценные кости.

— Об этом и речи быть не может, господин доктор.

— Почему же?

— Потому что мы попадем прямо в руки врага.

— Совершенно не обязательно. Ты же слышал, наверное, как Отец-Ягуар говорил о том, что нас от них отделяют целых четыре дня пути!

— Слышал, но все равно ничего не получится, потому что Отец-Ягуар ни за что не позволит нам покинуть экспедицию.

— Согласен, официального разрешения нам от него ни за что не получить, поэтому мы и не будем его спрашивать.

— Ну это совсем другое дело!

— Фриц, я не понял: ты согласен меня сопровождать или нет?

— Хм! Мне надо немного подумать.

— Вот как? А я надеялся, что ты мне верный товарищ!

— Да вы правильно думали, господин доктор, можете во всем полагаться на меня.

— Я опять тебя не совсем понял, хитрец. А скажи мне прямо и откровенно: может быть, ты просто-напросто трусишь?

— Кто трусит? Я трушу? Я — уроженец Штралау на Руммельсбургском озере? — пропыхтел Фриц. — Такого мне еще никто не говорил!

— Тогда почему это тебе вдруг понадобилось «немного подумать»?

— Я ничего не боюсь, но мне нужно спросить свою совесть, правильный ли поступок я собираюсь совершить. А совесть не позволяет мне предпринимать что-либо, не посоветовавшись с Отцом-Ягуаром.

— Но разве мы от него зависим или давали обязательство ему подчиняться?

— Нет. Но в сложившихся обстоятельствах было бы неразумно не ставить его в известность о наших планах.

— А если я попрошу тебя поехать со мной?

— Герр доктор, если вы мне прикажете, я выполню любой ваш приказ. Но если попросите — это совсем другое дело. Сначала я должен убедиться в том, что то, о чем вы просите меня, совпадает также и с моим желанием. И вот я спрашиваю себя об этом и отвечаю сам себе, что мое главное и основное желание состоит в том, чтобы никогда не отказывать вам в ваших просьбах.

— Вот она, истинная верность, по-латыни «фиделитас»! Итак, я могу на тебя положиться?

— Целиком и полностью! Но позвольте и я вас спрошу, пока вы не приняли еще окончательное решение: а вы действительно хотите вернуться на болото?

— Если быть совершенно честным, то могу сказать прямо, что после всего, чем ты со мной поделился, я засомневался. Сначала я должен убедиться в том, что обстоятельства благоприятствуют моим намерениям.

— А скажите мне, как вы собираетесь вывезти оттуда кости?

— Господи, почему я должен об этом думать? Это я предоставляю тебе, ты ведь такой находчивый и сообразительный.

— Да, но в данном случае моей находчивости недостает вагона на колесах. В крайнем случае она может обойтись парой гужевых лошадей.

— Но у нас их нет?

— Как это нет? Разве мы недавно не разбогатели на целый табун, в котором, по-моему, больше восьмидесяти лошадей?

— Но они же не принадлежат непосредственно нам с тобой.

— А кто это сказал? Мы были при том, когда они появились в нашей экспедиции. Если рассуждать по справедливости, то лошади должны быть поделены между всеми ее участниками. Значит, мы должны получить на двоих четыре лошади. Поэтому совесть не будет меня мучить, если я возьму себе нескольких, ну и, само собой, прихватим грузовые седла к ним в придачу. А больше нам ничего и не нужно.

— А ты найдешь обратный путь, мы не заблудимся?

— Да там, где я побывал хоть однажды, я знаю все, как свои пять пальцев! Меня другое волнует.

— Что же?

— Эти чертовы крокодилы! А вдруг в следующий раз я не смогу так же быстро, как тогда, прийти вам на помощь?

— Я буду предельно внимателен в следующий раз. Обещаю тебе это.

— Отлично! Договорились! Как только какая-нибудь из этих бестий появится рядом с вами, сразу же зовите меня! А я все время буду где-нибудь рядом.

Пока они вели этот разговор, пейзаж вокруг опять изменился: в пампе появились небольшие островки леса, которые выглядели так, словно за ними ухаживал человек. А вдали замелькали пашни, за ними — крыши. Это были два стоящих неподалеку один от другого небольших поселка индейцев камба, которые путешественники объехали, не останавливаясь. Ближе к вечеру, миновав редкий лесок, они выехали к лагуне, по берегу которой тянулись довольно далеко ряды хижин. Они стояли цепочками по обоим берегам ручья, вытекавшего из леса. Это и был Прозрачный ручей, а деревня возле него — своего рода столица камба.

По лагуне сновало несколько лодок, доверху наполненных только что выловленной рыбой. Возле домов видны были сады и поля, на которых работали рядом со взрослыми их дети. Но как только они заметили приближающуюся колонну, эта безмятежная мирная картина мигом сменилась всеобщим оживлением, раздались радостные крики. Мужчины, передав друг другу по цепочке несколько слов, вдруг все как-то одновременно заволновались, засуетились, потом разбежались по своим хижинам, но очень скоро появились вновь, и каждый держал в руках духовое ружье. Вождь камба Прочный Череп издал приветственный клич. И его соплеменники ответили ему громкими радостными возгласами,

потом, не выпуская из рук оружия, окружили колонну и начали подпрыгивать и пританцовывать, что, по всей видимости, было важной составной частью церемонии приветствия гостей деревни, точнее ее началом. Но вслед за бурной прелюдией последовала пауза: ждали, пока соберутся все жители деревни, многие из которых находились в это время в лесу. Чтобы созвать и их на общий сход, был подан сигнал из оригинального музыкального инструмента. Он состоял из бамбуковой палочки, на которую в качестве мундштука была надета выдолбленная изнутри ветка. Звук из этой дудки вышел неожиданно низкий, грубоватый и в общем глухой, но, как ни странно, хорошо слышимый далеко окрест: множество криков раздалось из леса в ответ на этот сигнал. А вскоре показались и бежавшие отовсюду люди.

Очень скоро собрался большой отряд или, если хотите, маленькое войско — человек так триста с лишним, выстроившихся перед пришельцами в две шеренги. И началась наконец главная часть церемонии приветствия — мужской танец, в котором сначала у танцоров двигались только руки и головы, а ноги оставались на месте, потом они стали переступать ногами, делая небольшие шажки вперед — назад, вперед — назад. Ритм танца нарастал, но медленно, постепенно, словно специально для того, чтобы показать внимательному зрителю все оттенки темперамента воина камба. И вот под ликующие крики женщин наступил апофеоз представления — воины взяли в руки свои луки, духовые ружья и ножи. В этот момент Прочный Череп привстал в седле и выкрикнул, указав на Карла Хаммера:

— Отец-Ягуар!

На секунду повисла мертвая тишина — знак трепетного почтения к тому, о ком сказал вождь, а потом началось нечто невообразимое. Взрослые люди, и мужчины, и женщины, вопили от радости и прыгали, как дети, а уж сами дети вели себя, ну просто как маленькие черти на празднике непослушания. Все хотели дотронуться до Отца-Ягуара, пожать его руку. Когда волнение наконец улеглось, хозяева и гости, все вместе, двинулись к деревне. Сначала шли воины камба, по трое в ряд, за ними толпой — дети, а замыкали шествие гости.

Деревня состояла из более чем восьмидесяти хижин, глинобитные стены которых были увенчаны тростниковыми крышами. В садах возле домов росли очень красивые, видимо, тщательно культивируемые цветы, на полях — не только зерновые культуры, но и овощи, что было в общем не удивительно: известно, что камба едят очень мало мяса. Между полями и лесом простиралось пастбище, по которому бродили коровы и лошади.

Путешественники спешили. Прочный Череп произнес обращенную к соплеменникам речь, в которой красочно обрисовал все, что ему пришлось за последнее время пережить, а также гневно заклеил подлых абипонов, вышедших на тропу войны с камба. После него несколько слов сказал Отец-Ягуар. Он сообщил только, что экспедиция готова передать дружественным камба лошадей и оружие, на что ответом были, естественно, крики восторга. Пока шло это всенародное ликование, лейтенант Берано не преминул недовольным тоном заметить Отцу-Ягуару, что никто не имеет единоличного права дарить захваченных в качестве общего трофея экспедиции лошадей, а уж тем более раздавать оружие, принадлежащее государству. Но тот никак не отреагировал на эти слова.

Смеркалось. Путешественники расседлали лошадей, напоили их и пустили на пастбище. А несколько быков оттуда, напротив, были приведены поближе к уже разведенным кострам. Животные предназначались на ужин гостям.

Казалось, камба совсем не тревожит угроза нападения абипонов. Но это было в общем-то объяснимо: во-первых, они знали, что враги еще далеко, а во-вторых, уверенность в своих силах в них вселяло присутствие Отца-Ягуара, широкую известность которого в Гран-Чако эти дети природы понимали как его -всесилие.

Мясо было приготовлено по способу, которым пользуются гаучо. Запивали его перебродившим соком из плодов чаньяра [\[80\]](#). И все это заедали лепешками из кукурузной муки, испеченными в горячей золе.

После ужина все белые, а с ними и Прочный Череп сели кружком: надо было обсудить, что делать дальше. Все согласились с тем, что первым должен сказать свое слово Отец-Ягуар, вернее, почти все — кроме лейтенанта Берано, впрочем, это никого не удивило: еще были свежи в памяти их недавние разногласия. И Отец-Ягуар, нимало не смутившись особым мнением молодого офицера, начал последовательно, со всеми деталями излагать свой план.

Раздать оружие, по его мнению, следовало с утра пораньше. Сотня воинов камба должны были с этим оружием спуститься в долину Высохшего озера и у входа в нее дожидаться абипонов, а после того, как те расположатся на склоне котлована, покинуть свое укрытие и перекрыть вход. Остальные камба должны будут спрятаться за деревьями в лесу до того момента, когда понадобится их участие в боевых действиях. Конечно, всего заранее никогда не предусмотреть, а тем более во время проведения военной операции; могут возникнуть какие-то непредвиденные обстоятельства, поэтому камба должны расположиться таким образом,

чтобы в случае необходимости они могли быстро передать друг другу по цепочке новый приказ.

Все, кроме опять же лейтенанта Берано, согласились с этим планом. Пока шло его обсуждение, он молчал, но как только оно закончилось, он придвинулся к Отцу-Ягуару и сказал ему тихо, но твердо:

— Сеньор, ваш план, безусловно, очень хорош на словах: в том случае, если он осуществится, будет хорош и на деле. Я от души вам этого желаю, поверьте, но у меня есть большие сомнения в том, что мои пожелания сбудутся.

— Поживем — увидим, — подчеркнуто хладнокровно ответил ему Отец-Ягуар.

Это хладнокровие снова, как и в прошлый раз, в долине, словно подстегнуло амбиции молодого офицера до градуса кипения.

— Но солдат познается в атаке, а не в засаде! — воскликнул он. — Нападающий всегда имеет огромное преимущество перед тем, кто обороняется, хотя, я понимаю, этот закон войны лично вам, может быть, и неизвестен.

— Я знаю это не хуже вас, сеньор!

— Ну и почему же тогда вы не решаетесь напасть первым?

— Я сделаю это, но сначала заманю противника в западню.

— Это неправда. Потому что у вас вовсе нет необходимости заманивать противника так глубоко в долину. Достаточно выйти ему навстречу и тут же атаковать. Но вы почему-то не решаетесь на это. Бойтесь или не хотите рисковать, да? Но, в таком случае, с вашей стороны наиболее честным поступком в данной ситуации была бы передача прав командира мне, потому что я знаю, как можно победить, несмотря на риск.

— И несмотря на пролитую кровь! Вернее сказать, на огромное количество пролитой крови! Если бы мне было безразлично, сколько моих людей погибнет в этом бою, что ж, тогда я бы, конечно, повел* их в такую атаку.

— Даже если бы противник превосходил вас численностью?

— Даже и в этом случае. Но хватит пустых слов и безумных идей! Бессмысленной гибели моих людей я никогда не допущу! И вообще, знайте: любой вид убийства, в том числе и на войне, мне глубоко претит.

— Ах, так вы, оказывается, бережете жизни бедных абипонов?

— Да, и наши, и их жизни.

— Но это... Это же просто чушь! Или огромное заблуждение. Но в любом случае я протестую! Потому что эти бессовестные, должны быть, вы слышите, должны быть уничтожены все, до последнего.

— Но почему, сеньор?

— Вы еще спрашиваете! Пойдите, пойдите... А вы, случайно, не заодно ли с ними? А что вы вообще делаете в нашей стране?

— Нет, это что вы в ней делаете? Почему вы вообразили себя безраздельными хозяевами ее просторов? Разве ваши предки, а не предки тех индейцев, которых вы преследуете, определяли испокон веков, как жить людям на этой земле? И вы никогда не убедите меня в обратном! Потому что вы не понимаете одного: делая ставку на уничтожение абипонов, вы приводите в движение целую цепь будущих кровавых столкновений между людьми из-за ненависти к себе подобным. Вы считаете себя патриотом Аргентины, но именно вы, впрочем, я несправедлив, конечно, не вы один, а все вам подобные ввергаете эту страну в бессмысленную кровавую бойню, которая может стать бесконечной! Но я понимаю, реальная жизнь не похожа на пастораль в розовом саду. Люди всегда будут сталкиваться между собой, потому что всегда будут из-за каких-то противоречий, возникающих между ними по разным причинам, ненавидеть друг друга. Но, раз уж эти столкновения неизбежны, я хочу сделать так, чтобы при этом не пролилось ни капли крови.

— Я тоже за это, но одобряю только ту часть ваших рассуждений, которая касается нашей стороны.

— По-вашему, это реально? Бросьте, вы же неглупый парень и прекрасно понимаете, что так не бывает, потому что не может быть никогда. Абипоны умеют драться, и недооценивать их было бы большой глупостью. Вот почему я хочу пойти на переговоры с ними и в результате их заключить перемирие.

— Перемирие? Сеньор, это вам нашептывает дьявол, или... вы сами дьявол! Ни о каком перемирии не может быть и речи!

— Итак, мы выяснили, — тоном профессора, завершающего лекцию для студентов, подвел итог этому спору Отец-Ягуар, — что имеем диаметрально противоположные точки зрения на вопросы войны и мира, а также гуманизма как такового. К моему, добавлю, сожалению, сеньор! Мне очень неприятно, что вы мыслите так же, как Антонио Перильо и его сообщники. Впрочем, он не только мыслит так, но и действует. И уничтожая краснокожих, не пренебрегает при этом возможностью половить лично для себя рыбку в мутной воде. Но пока я жив, я буду мешать ему и ему подобным делать и первое, и второе.

— За свои слова надо отвечать, а тем более за свои поступки. Неужели такая простая мысль, сеньор, никогда прежде не приходила вам в голову?

— Хотел бы я посмотреть на того, кто посмеет меня привлечь к так

называемой ответственности!

— А если этот человек, окажется, например, генералом или президентом?

— Мы находимся в Гран-Чако, а не в Буэнос-Айресе. Земля, на которой вы сейчас стоите, принадлежит камба, и кстати, президент Аргентины признает их право на это. Впрочем, думаю, слушая вас, камба могут навсегда потерять доверие к президенту и белым людям вообще.

— Вы передергиваете факты. Пока они ведут себя лояльно по отношению к правительству, им ничто не угрожает.

— Но они миролюбивы по природе своей, а вовсе не потому, что соблюдают какие-то правила игры.

— Ладно, прекратим этот разговор. Скажите мне лучше еще раз: вы твердо решили поберечь индейцев?

— Я не шутил.

— В таком случае, ставлю вас в известность о том, что буду этому всячески мешать.

— Что ж, попытайтесь.

— Я не попытаюсь, а сделаю это.

— Это означает, что вы хотите пойти против моей воли и нарушить мои приказы? Я вас правильно понял?

— Я не вижу здесь никого, чьи приказы были бы для меня обязательными к исполнению, — заносчиво заявил лейтенант Берано.

— Да вы, видно, забыли, что мои люди спасли вам жизнь! — ответил на этот уже совершенно нахальный демарш со стороны офицера Хаммер. — Ну так запомните тогда, на всякий случай, то, что я вам сейчас скажу. Тот, кто нарушит мою волю и прольет здесь хоть каплю крови, немедленно сам получит пулю!

— Вы это серьезно, сеньор? — спросил лейтенант. — Да знаете ли вы, кто я такой и что я здесь делаю?

— Для меня вы обыкновенный лейтенант, и не более того, но что касается качеств вашего характера, то тут я могу добавить, что вы весьма властный и кровожадный человек. А я тот самый Отец-Ягуар, которого индейцы считают совестью белых людей. Понимаете, совестью? Я всегда что говорю, то и делаю. Вы очень жаждете крови, но, учтите, это может быть только ваша собственная кровь, и ничья больше!

На этих словах он резко повернулся и зашагал прочь. Лейтенант произнес ему вдогонку несколько весьма нелестных слов, и это словоизвержение продолжалось бы, возможно, еще некоторое время, если бы не Херонимо, который выхватил свой нож из-за пояса и сказал ему:

— Сеньор, немедленно замолчите! Еще одно непочтительное слово в адрес нашего друга, и вы познакомитесь с этим клинком! Вы раздуваетесь от важности потому, что носите чин лейтенанта. Просто с ума можно сойти, что за птица такая к нам случайно залетела! Да будет вам известно: на родине Отца-Ягуара не на словах, а на деле любой лейтенант значит побольше, чем генерал вашей армии!

Да... Никто не ожидал, что военный совет закончится таким вот образом.

Хаммер мерил шагами главную улицу деревни в попытке хоть как-то успокоиться. Молодой месяц едва-едва рассеивал ночную тьму, но Отец-Ягуар все же смог заметить, что лошади и быки ведут себя довольно необычно. И те и другие образовали небольшие круги, только лошади сомкнули свои головы внутри круга, а быки, наоборот, вовне. Это означало, что первые готовятся защищаться копытами, а вторые — рогами. Не иначе где-то рядом появился какой-то хищник, и довольно крупного размера. Отец-Ягуар прокричал в сторону деревни:

— Внимание, сеньоры! За оружие! Здесь ягуар!

Его звучный голос был хорошо слышен в деревне, но не только там. И два человека, находившихся в данный момент на другом краю пастбища, тоже хорошо его слышали. Впрочем, не будем понапрасну интриговать, эти два человека, лиц которых в темноте никто бы не различил, были Антон Энгельгардт и инка. За последние несколько дней они невероятно сдружились и не расставались друг с другом, казалось со стороны, ни на одну минуту. Антон постоянно рассказывал Ауке о Германии — родине своих предков и о других странах, обо всем, что там есть интересного и замечательного. Знания Антона по части географии, истории и этнографии и вообще всего, что составляло характерные особенности той или иной страны, были удивительно обширны и глубоки: он мог подробно, с превосходным знанием предмета, о котором шла речь, рассказать о различных конфессиях ^[81], формах правления, личностях правителей и сражениях, в которых те отличились или потерпели поражение. Но чем больше слушал Аука своего друга, тем молчаливее и задумчивее становился сам. Все, что с таким воодушевлением рассказывал ему Антон, убеждало его только в одном: мечта, которой он жил до сих пор, всего лишь мечта, и ничего более, ею навсегда и останется... История не знала примеров возрождения великих народов, переживших катаклизмы, подобные тем, что выпали на долю его народа. Ему, конечно, хотелось поделиться этими своими мыслями с Ансиано, но он не хотел лишний раз причинять боль старику.

А на другом краю пастбища они оказались, можно сказать, случайно: просто шли, разговаривая, и не заметили, как оказались довольно далеко от лагеря, где в это время шел военный совет, на который их по причине нежного возраста не пригласили. Антон, сам не зная почему, прихватил с собой нож и револьвер, у Ауки тоже имелся нож за поясом, а его булава висела, как всегда, на левом боку.

Они узнали голос Отца-Ягуара

— Какой ужас: ягуар в деревне! — встревожился Антон.

— Нет, голос доносился не из деревни, а с противоположного края пастбища. Надо немедленно возвращаться!

И они пустились в обратный путь почти бегом. Аука, как и Отец-Ягуар, сразу же обратил внимание на «круговую оборону» быков и сказал Антону:

— Надо еще прибавить шагу. Так быки ведут себя только тогда, когда зверь уже совсем близко.

Пройдя еще немного, они увидели и лошадей, на свой лад приготовившихся защищаться. Наклонив головы к центру своего круга, они то и дело нервно взбрыкивали задними ногами, поднимая копыта довольно высоко. Подходить к ним близко было опасно, и ребята решили обойти лошадей с разных сторон, держась от них на определенной дистанции, а попутно и внимательно осмотреть окрестности. Антону в этом смысле повезло больше: он почти сразу заметил на траве вытянутый силуэт какого-то животного, неясный при слабом свете месяца. Сначала он подумал, что это может быть отбившийся от стада теленок или жеребенок. Но тут животное поднялось на ноги, и с замиранием сердца Антон понял, что это — ягуар. И почти в ту же секунду зверь прыгнул ему навстречу. Пытаться убежать было бы бессмысленно, все равно это было невозможно: ягуар способен развивать скорость курьерского поезда. Антон остался на месте, выхватил правой рукой револьвер и взял в левую нож. Никакого страха в эту минуту он, как ни странно, не ощущал, его душевное состояние было более всего похоже на то, что принято называть воодушевлением.

— Аука! — прокричал он. — Ягуар!

Выскочил Аука, Антон выстрелил, ягуар бросился к нему — и все это произошло в одно короткое мгновение. В следующее Антон ощутил, как сверху на него навалилось что-то тяжелое, в лицо пахнуло жарким дыханием разъяренного зверя. Прямо перед глазами оскалилась жуткая пасть. «Все, это конец», — мелькнуло в мозгу юноши. И тут раздался звук, похожий на тот, с каким топор входит в колоду для рубки мяса. Ягуар резко поднял все четыре лапы, как если бы его вдруг сложили пополам, и,

обмякнув, свалился с тела Антона. Антон попробовал шевельнуть рукой или ногой, но это у него не получилось, собственное тело не слушалось его. Это был шок. Антон отрешенно посмотрел в небо, и тут вместо месяца увидел лицо Ауки. На нем было написано сострадание.

— Ты не ранен? — тихо спросил инка.

— Надеюсь, нет, — ответил Антон. — А что с ним?

— МерТВ. Он познакомился с моей уаманчай.

Антон вдруг ощутил ток крови по жилам и стал медленно-медленно подниматься с земли. Он действительно был цел и невредим, чего никак нельзя было сказать о его костюме. Антон обнял друга и сказал:

— Господи, Аука, ты спас мне жизнь! Не знаю, как я смогу тебя отблагодарить за это.

— Твоя дружба — лучшая для меня награда. А теперь пошли к нашим.

— А что будет с ягуаром?

— Пусть остается здесь, камба потом подберут его.

Но они не успели сделать и шага, как появился Отец-Ягуар. Он спешил им на помощь. Увидев распростертого на земле ягуара, он все понял, удивился этой картине, но виду не подал и обратился к ребятам спокойным, невозмутимым тоном, как к равным себе по охотничьему мастерству:

— Самка. Взрослая, примерно пяти лет. И какая крупная! Просто на редкость огромная. — Глаза Хаммера загорелись, и, забыв о взятом сдержанном тоне, он воскликнул, уже не скрывая своего восторга: — Аука — ты молодец! Какой точный и сильный удар! Ты раскрыл ей череп. Вот тебе моя рука! С этой ночи ты стал мужчиной.

Надо ли говорить, что значили для юноши эти слова и крепкое рукопожатие человека, которого он безмерно уважал? Аука был счастлив, и этим, я думаю, все сказано.

Они возвратились в деревню. Там их встретили, понятное дело, как героев. Тут же нашлось множество желающих доставить в деревню трофей удачной охоты, и вскоре великолепная шкура ягуара уже была повешена для просушки. По всем законам, принятым и у белых охотников, и у индейцев, шкура принадлежала Ауке, но тот от нее отказался, сказав, что дарит ее своему другу на память об их совместном приключении. Эти его слова вызвали одобрителный шепот.

В деревне стало вдруг многолюдно и оживленно: прибыли воины из близлежащих деревень, в которые Прочный Череп посылал своих гонцов. Светало. К деревне с разных сторон тянулись цепочки людей. Многие воины прихватили с собой семьи, а заодно и весь домашний скарб — они

знали, что абипоны никого и ничего не пощадят. Всего собралось более шестисот воинов, молодых и крепких. В каждой деревеньке камба, как бы мала она ни была, есть свой вождь, называемый кацик, и все они получили оружие, чтобы потом раздать своим воинам. Отец-Ягуар распорядился, кроме того, передать им еще и восемьдесят лошадей, тех самых, что Антон и Аука увели у абипонов. Всех вновь прибывших надо было накормить, и жители деревни не пожалели для них своих припасов, предусмотрев также и то, что надо было еще дать им с собой еду в дорогу.

Глава XIV

В ЖЕРТВУ КРОКОДИЛАМ

На следующее утро Отец-Ягуар, Аука и Ансиано отправились на разведку. Больше всего Карла Хаммера волновало то, какой именно дорогой идут абипоны по направлению к деревне, от этого зависела диспозиция его, если можно так выразиться, войска, впрочем, назвать так его людей и присоединившихся к ним камба — не слишком уж большое преувеличение. Разведка, надеялся он, подтвердит его планы относительно засады в долине Высохшего озера, но не исключено было также, что она их, напротив, опровергнет, хотя это было все же маловероятно. На время своего отсутствия Отец-Ягуар главным назначил Херонимо, что, естественно, не могло не вызвать недовольства лейтенанта Берано.

Как только разведчики скрылись, доктор Моргенштерн отозвал Фрица в сторонку и тихо сказал ему:

— Они удалились очень вовремя для нас. А то я уже начал опасаться, что у нас вообще ничего не получится — от Отца-Ягуара ничего ведь не скроешь, он все видит и все слышит.

— Я все же не уверен, что мы поступаем верно, мне становится как-то не по себе от одной только мысли о том, что Отец-Ягуар рассердится на нас. Но вы, доктор, как я понимаю, не собираетесь отступить от своего плана?

— Ни в коем случае. И знаешь, чем дальше, тем больше я укрепляюсь в мысли, что было бы глупо упускать этот шанс — королевский подарок судьбы. Но меня очень смущают твои колебания, неужели ты бросишь меня на произвол судьбы?

— Что вы говорите? Вы меня поражаете, хозяин! Неужели вы могли подумать, что я способен на такое?

— Прекрасно, твой ответ меня радует. Значит, решено — уходим?

— Да: Но когда?

— Когда? Почему ты об этом спрашиваешь, ты что, считаешь, что днем это сделать невозможно?

— Невозможно, потому что у Херонимо отличный нюх, как я успел заметить, и уши постоянно на макушке, мимо него и птичка незамеченной не пролетит. Мы сможем уйти только ночью.

— А сколько лошадей, ты считаешь, нам нужно взять с собой?

— Две ездовых и две для транспортировки груза. Больше не нужно. Для упаковки костей надо взять побольше ремней. Но вам не стоит беспокоиться об этом, я один все сделаю.

Но тем не менее доктор весь день занимался различными приготовлениями перед их уходом, а можно сказать, и побегом из экспедиции, стараясь делать все как можно более незаметно для постороннего глаза. Вечером ученый лег спать пораньше, а Фриц дождался темноты и осторожно вывел из лагеря лошадей, не забыв прихватить и седла. Как только он убедился в том, что все в лагере заснуло, разбудил хозяина. Дальше все шло по плану доктора: они оседлали лошадей и незаметно отъехали. Когда деревня осталась далеко позади, во всяком случае, за пределами слышимости, Фриц громко рассмеялся и сказал:

— Представляю, какой поднимется переполох, когда утром они обнаружат, что мы исчезли! Эх, как я хотел бы узнать, что они предпримут для того, чтобы мы могли снова осчастливить их общество своим присутствием!

— А это совсем нетрудно себе представить. Но какое это имеет для нас значение? Меня, например, совершенно не волнует то, что они будут делать. Вот что будем делать мы, если костей на том месте, где мы их оставили, не окажется?

— Да куда они денутся?!

— Ты считаешь, они не исчезнут оттуда?

— Уверен.

— Мне нравится твоя уверенность, но как бы нам не заблудиться, лунного света мне лично далеко не достаточно для того, чтобы разглядеть окрестности как следует

— А я на месяц и вовсе не полагаюсь, — заявил Фриц. — Моя собственная память надежнее. Мне кажется, что я знаю этот путь так хорошо, как будто я лет двадцать служил в этих местах почтальоном.

Да, уверенности в себе Фрицу было не занимать, но было бы еще лучше, если бы к ней не примешивалась и некоторая доля излишней самоуверенности. Когда они подъехали к лесу, окружавшему болото, то он предстал перед ними глухой и абсолютно непроницаемой для слабого лунного света стеной. Им оставалось лишь одно — ждать восхода солнца. Но нетерпение, охватившее доктора Моргенштерна, не позволяло ему бездействовать, и они стали искать вход в лес наугад, тыкаясь то туда, то сюда. Так прошло часа два. Они не нашли ни малейшего просвета между деревьями, но зато наткнулись на следы лошадиных копыт, хорошо сохранившиеся в густой траве. Здесь проехало трое всадников, и это были,

без всякого сомнения, Отец-Ягуар, Аука и Ансиано. Идя по этим следам, ученый и его слуга очень скоро наткнулись на ручей. Возле него они сделали небольшую остановку, позволив лошадям наесться травы и напиться свежей воды, и продолжили свой путь, по-прежнему придерживаясь нити лошадиных следов. В одном месте, где они были видны особенно отчетливо, Фриц наклонился к земле и, внимательно изучив отпечатки лошадиных копыт, сказал:

— Если я не ошибаюсь, то, значит, ошибается наш знаменитый Отец-Ягуар, но если прав он, то мне будет очень стыдно.

— Ничего не понял, — откликнулся приват-доцент. — Что ты имеешь в виду?

— Он ушел влево, на мой взгляд, слишком далеко. Надо брать гораздо правее.

— Скорее всего, ошибаешься ты, а не он Отец-Ягуар — не из тех, кто может сбиться с пути, называемого по-латыни «виа» или «траменс».

— Согласен, Отец-Ягуар, конечно, не из рассеянных людей, однако все мои пять чувств и даже отчасти шестое в один голос твердят мне, что прав в данном случае я. А не могло получиться так, что у него появилась какая-то иная цель вылазки?

— Нет. Он исходил из того, что противник идет по нашим следам, отставая от нас по времени на четыре дня, следовательно, он должен был настичь абипонов где-то возле нашего болота или даже чуть дальше.

— Ну, если это так, то, значит, у меня не все в порядке с глазомером. Когда мы проезжали здесь в прошлый раз, долина была у нас прямо перед носом. А теперь, если придерживаться этих следов, получается, что она находится где-то гораздо левее. Нет, все-таки Отец-Ягуар явно отклонился в сторону.

— Не думаю. Он никогда не ошибается.

— Что ж! Возможно, ошибаюсь я. Но жизнь покажет, кто на самом деле прав. А пока нам надо решить, в какую сторону двигаться дальше.

— Будем по-прежнему придерживаться следов. И, без сомнения, скоро выедем к болоту, где мы нашли кости.

— Хорошо, я парень дисциплинированный, поэтому беспрекословно подчиняюсь вашей воле. Надеюсь, мы не попадем впросак.

Несколько часов они провели в пути и вот, наконец, оказались на таком месте, о котором можно было со всей определенностью сказать, что они уже проезжали его. Но потом пошли пески, на которых разглядеть следы было уже невозможно, и они несколько приуныли... Но потом решили придерживаться прежнего направления, несмотря на то, что местность

казалась им теперь совершенно незнакомой. Прошло еще какое-то время, и Фриц, придерживав слегка свою лошадь, сказал:

— Мы едем все же явно не туда, куда нужно. Сейчас мы находимся, пожалуй, уже очень далеко от болота.

— Ну и что! — не согласился с ним доктор Моргенштерн. — Раз Отец-Ягуар выбрал такой путь, значит, он самый удобный и самый короткий, только и всего.

— Удобный для него, но не для нас, особенно если учесть, что планы его могли измениться.

— Знаешь, Фриц, может, ты и в самом деле прав... В таком случае мы теряем драгоценное время. Что же делать, дорогой мой?.. Может, нам лучше вернуться в долину Высохшего озера?

— Ни в коем случае. Будем рассуждать логически: мы сильно отклонились влево, значит, нам нужно вернуться назад и взять гораздо правее, вот и все, и мы окажемся как раз в том месте, насчет которого поэт любил повторять: «У родника дитя сидело». Если в результате мы не выедем к болоту, вы сможете увидеть потрясающее зрелище: я сам себя съем вместо телячьей котлеты.

Фрицу не пришлось, однако, приводить в исполнение эту жуткую самоугрозу: совершив предложенный им маневр, он и доктор в конце концов выехали все-таки к болоту. Но пока они странствовали, наступил вечер.

Они спешили и, ведя лошадей в поводу, отправились к тому месту на краю болота, где видели особенно много костей.

— Через какой-то час совсем стемнеет, — заметил Фриц, — значит, нам надо поторапливаться, если мы хотим уехать отсюда с грузом еще сегодня.

— Ты полагаешь, нам надо уехать отсюда непременно еще сегодня вечером?

— Нам нельзя оставаться. Вот-вот здесь могут появиться абипоны.

— Вот была бы потеха, если бы они застали здесь нас с вами. Да... Но я предпочитаю веселиться другими способами, без их участия.

— Прежде чем здесь появятся абипоны, мимо должен проехать Отец-Ягуар. Как только он их заметит, сразу же повернет назад и проедет снова мимо нас.

— Так должно было бы быть. Но мы с вами уже убедились, что Отец-Ягуар действует теперь, исходя из каких-то неизвестных нам соображений. Ладно, скоро все само собой выяснится. А пока самое правильное для нас — засучить рукава, да только не слишком увлекаться работой, подлые

крокодилы не дремлют, хотя и любят прикинуться неподвижными, как бревна.

Это было весьма своевременное напоминание: поверхность болота кишмя кишела крокодилами совсем близко от берега. Ученый и его слуга начали энергично собирать и связывать ремнями кости, которые лежали в прежнем положении, было видно, что никто за прошедшее время к ним не прикасался. Однако процесс шел все же гораздо медленнее, чем хотелось Фрицу, и только из-за того, что доктор Моргенштерн постоянно что-то ему объяснял, перемежая пространные сведения о доисторических животных просьбами обращаться с драгоценными реликвиями с максимальной осторожностью и аккуратностью. На некоторых костях было слишком много грязи, и оба немца начали то и дело бегать к воде, чтобы отскрести и смыть ее. Поглощенные этим занятием, они перестали замечать то, что происходило вокруг. А происходило там нечто очень важное для них... Они огляделись по сторонам только тогда, когда порыв ветра донес до них человеческие голоса. Спрятавшись в тростнике, доктор и его слуга приготовились наблюдать, что будет дальше... Однако ничего ровным счетом не происходило и никого не было видно. Тогда они прошли еще немного вперед и спрятались между ветвями кустарника, из-за которых прекрасно можно было разглядеть всю округу.

Параллельно берегу, но на довольно значительном расстоянии от него, двигалась группа людей, часть их была на лошадях, часть шла пешком. Судя по некоторым их действиям они, без сомнения, собирались разбить лагерь. Вдруг всадников двенадцать-четырнадцать прищипорили своих лошадей и оторвались от остальных. Один из них был индеец, остальные — белые. Возле зарослей тростника они спешили и начали что-то искать, скорее всего чьи-то следы. Когда между нашими палеонтологом и его слугой и «следопытами» расстояние сократилось шагов до сорока, стало уже возможно различить черты их лиц.

— Боже, какие люди! Вот так рождественский сюрприз! — воскликнул вдруг Фриц. — И почему это жестокая судьба заставила нас так долго быть в разлуке! «Ах, какое счастье снова видеть вас!» — сказал бы я сейчас вон тем ребятам, если бы только мог. А вы, герр доктор, узнаете их?

— К сожалению, они мне знакомы, — ответил ученый. — Если только мои глаза не ошибаются, это Антонио Перильо, а рядом с ним капитан Пелехо.

— Вот и мне сдается, что это они самые и есть, голубчики. А вон тот длинный малый разве не напоминает вам громилу, которого все они называют «великим гамбусино»? Герр доктор, герр доктор, посмотрите

туда! Это же абипоны... Человек восемьдесят примерно на глаз, но, может, и побольше. Ну и супец заварился в этом котелке! Хорошо бы нам посолить его как следует, да еще и перцу туда! А знаете, чьи следы они ищут? Наши! Заметили наших пять лошадей, вот и всполошились.

— Фриц, надо бежать!

— Да уж не помешало бы нам сейчас взять руки в ноги. Только куда бежать-то? Вперед к этим мерзавцам или назад к крокодилам?

— Увы, деться нам некуда, твоя правда. Остаемся здесь. Может, они нас и не заметят. Скоро станет темно... по-латыни «калигинозус» или «обскурус», и мы тогда убежим.

— Без того, чтобы минут пять пробыть в воде, у нас это в любом случае не получится.

— Ты считаешь, это опасно?

— По меньшей мере, неприятно.

— Тогда давай, на всякий случай, заранее продумаем, что мы сможем им ответить, когда они спросят, что мы тут делаем.

— Было бы совсем неплохо, если бы их интересовало только это, и больше ничего. Но, сдается мне, их сейчас гораздо больше интересует Отец-Ягуар и известно ли камба о готовящемся на них нападении. Кроме нас с вами, им больше не с кем тут побеседовать на эти животрепещущие темы. Беседа будет проходить так: сначала они нас привяжут к чему-нибудь твердому, потом немножко порежут, после этот подвешат, в таком положении отравят и только после всего этого убьют. Мы предали своих друзей, и нам нечего рассчитывать на их благородство и помощь. Господи! У нас нет даже оружия, оно осталось во вьюках на лошадях. Ну вот: кажется, они нашли-таки наши следы. Приготовьтесь, герр доктор, скоро мы узнаем, как оно там, в раю.

А «следопыты» пока еще не разобрались окончательно в следах, поскольку свежие наслоились на старые. Но в конце концов им удалось отличить одни от других. Вперед вышел гамбусино, раздвинул ветви кустов и...

— О чудо! Кого я вижу! — с приторно-сладкой интонацией воскликнул он. — Это же наши старые знакомые! Приветствую вас, сеньоры! Какими судьбами? Неужели вы и здесь раскопали гигантскую черепаху? Поистине вы фанатики старых костей. Мне очень жаль, что судьба лишает вас возможности заняться вплотную их изучением, ну да ничего, скоро ваши собственные будут ничем не хуже тех.

И он зашелся неприятным высоким смехом, а остальные поддержали его своим грубым гоготом. Обоих немцев связали и отвели к их лошадям.

Вокруг них образовался круг. На глазах доктора Моргенштерна и Фрица их сумки были снова опустошены, во второй раз, кстати, если вы помните. При этом гамбусино рассказывал некоторым своим спутникам предысторию взаимоотношений пленников и их с Перильо.

— Мы оставили им жизнь только потому, — самодовольно пояснял он, — что я действительно начал верить в то, что такой придурок, какого этот «зоолог» из себя изображал, не может быть полковником Глотино. А теперь он, как видите, шныряет по территории камба, и у меня уже не осталось никаких сомнений, что мнимый ученый именно полковник и есть. Но на этот раз ему нечего рассчитывать на выручку Отца-Ягуара. Сеньоры, скажите, вы согласны отдать его в мои руки?

— Да! Да! Да! — дружно подтвердили все окружающие.

— Благодарю вас! Но сначала он даст мне одну справочку. Мне очень хочется знать, где сейчас пребывает Отец-Ягуар.

— Он идет по вашим следам, — ответил вместо доктора Фриц, чтобы отвлечь внимание гамбусино на себя.

— Что ты вмешиваешься в чужой разговор, лакей несчастный? Но так и быть, я согласен на то, чтобы ты заменил своего хозяина в качестве моего собеседника, если ты более сговорчив. Ты можешь спасти себе жизнь, если скажешь правду. Итак, было ли тебе известно заранее о том, что Отец-Ягуар собирается освободить вас?

— Нет, — прозвучал ответ.

— Он шел по нашим следам на следующий день?

— Да.

— Как долго?

— Это я не знаю, потому что он в тот раз не брал нас с собой.

— Почему?

— Он сказал, что мы ему не понадобятся.

— А что, собственно, ему нужно в Гран-Чако?

— Он и его йербатерос хотели собирать чай.

— В каком именно месте?

— Этого я не знаю. Он вообще не посвящает нас в свои планы.

— Сколько человек в его экспедиции?

— Человек двадцать.

— Значит, говоришь, они — йербатерос... С какой же тогда стати они собирают чужое оружие и лошадей?

— Отец-Ягуар предполагает, что банкир Салидо сможет хорошо заплатить ему за это.

— Так я и думал! А что делаете вы в этих местах?

— Мы давно знали, что в Гран-Чако часто находят останки древних животных, за этим и пришли к болоту, в котором покоится полно старых костей.

— Встречали ли вы где-нибудь камба?

— Нет, нигде не встречали. Когда мы вчера проходили через их деревни, все они были совершенно пусты.

— А почему, как ты думаешь?

— Откуда я могу это знать, сеньор?

И тут великан гамбусино вышел из себя. Его огромный тяжелый кулак обрушился на плечо хрупкого малыша Фрица. Удивительно, но тот устоял на ногах и даже не пошатнулся, только слегка побледнел. Наклонившись к самому его лицу, громила с яростью прохрипел:

— Ты или полный болван, или отъявленный мошенник! Но мне плевать на то, кто ты есть на самом деле! В любом случае, ты заслуживаешь того же, что и твой хозяин. Довольно нас дурачить! Тебе не удалось провести нас: именно от тебя мы знаем теперь, что Отец-Ягуар идет по нашим следам, а не впереди нас, чего мы боялись, чтоб ты знал, больше всего. — Он повернулся к своему окружению. — Эй, парни! Привяжите-ка этих двоих молодцов покрепче к двум деревьям. Они вздумали шутить с нами! Ничего, сейчас они узнают, как шутит тот, кто, в отличие от них, умеет шутить!

Обоих немцев тут же схватили и привязали к деревьям. После этого «великий гамбусино» отвел несколько человек в сторону, и они о чем-то зашептались. Время от времени их разговор прерывался взрывами грубого хохота. Для пленников этот смех ничего хорошего не предвещал...

Наконец самозванные палачи обо всем договорились, и «великий гамбусино» вихлявой походкой, даже как будто слегка пританцовывая, подошел к немцам.

— Поскольку мы тут, в полевых условиях, несколько ограничены в своих возможностях и не можем предоставить таким почтенным сеньорам, как вы, различные виды казни на выбор, — издевательским тоном произнес он, — то вы... пойдете на ужин крокодилам! Хотите — зовите на помощь, но в этом случае советую обратиться прямо к самому черту, потому что только он один и может сейчас выручить вас!

Доктор, весь кипя от охватившего его негодования, собрался было ответить негодяю, но Фриц быстро прошептал ему по-немецки:

— Молчите, герр доктор, ради Бога! Не тратьте слов понапрасну!

— Но, Фриц, если я не объясню этому человеку, что он ошибается и я вовсе никакой не полковник, то они нас действительно могут прикончить!

— Да ему плевать на любые ваши объяснения!

— Тогда мы пропали...

— Погодите падать духом. Если они не скормят нас крокодилам прямо сию минуту, мы будем спасены.

— Господи, да ты бредишь, Фриц! Кто нас может спасти?

— Отец-Ягуар, конечно, кто же еще?

— Исключено! Он сейчас далеко отсюда.

— А мне так не кажется.

— Что-о-о? Объясни-ка, что значат твои слова!

— Да как раз в тот момент, когда этот проклятый гамбусино замолк наконец, в камышах, вон за тем узеньким рукавом воды, мелькнула знакомая фигура нашего славного земляка. Я сначала подумал: померещилось, а он махнул мне рукой. И тут же исчез, присел, наверное, за камышом.

— Но ты... ты не мог обмануться? Темно ведь уже...

— Я никогда в таких вещах не ошибаюсь. Это был высокий, широкоплечий человек и одет точно так же, как Отец-Ягуар, — в кожаную рубашку и такие же штаны.

— Ну да, во что же еще ему быть одетым, как не в кожу? Да так одеваются вообще все белые в этих местах, кстати, и те, что собираются нас казнить.

— Нет-нет, я не мог ошибиться. Зачем бы тогда ему прятаться?

— Вот тут ты, пожалуй, прав. Негодяям тут прятаться незачем. Что ж, будем надеяться...

— Будем. Это ведь наше единственное спасение.

Немцы говорили между собой хотя и на непонятном для окружающих языке, но мимика их была достаточно красноречива, они не сдерживались, потому что их палачи в это время отошли, чтобы что-то сказать абипонам, очевидно, известить их о том, какое интересное зрелище им в скором времени предстоит увидеть. Индейцы побросали все свои дела (а они были заняты обустройством лагеря) и обступили пленников, непрерывно зубоскаля над ними. Бенито Пахаро, он же «великий гамбусино», некоторое время молча наблюдал за этой сценой со стороны, как бы выжидая момента, когда интерес публики, пришедшей на представление, достигнет своего апогея и он сможет вступить на арену происходящего в качестве исполнителя главной роли. Наконец он, видно, решил, что такой момент настал, и громогласно объявил:

— Освободите место, мы начинаем! Разведите вон под тем деревом костер. Сейчас вы увидите, как эти два мошенника будут у нас дергаться,

как жуки на булавке.

Дерево, на которое в качестве плахи указал «великий гамбусино», стояло у самой воды, и, пожалуй, половина его кроны окуналась в болото. Костер разожгли для того, чтобы отпугнуть крокодилов, маячивших в воде невдалеке от берега.

— Они вернутся очень скоро, не беспокойтесь! — вновь издевательским тоном произнес Бенито Пахаро. — Ваше знакомство состоится всенепременно! Но вы можете ускорить наступление этого долгожданного момента. Как только вы соблаговолите изъяснить свое желание поближе познакомиться с этими милыми, безобидными существами, мы тут же и начнем. Ну, я жду только вашего слова.

Но доктор Моргенштерн и Фриц не удостоили злодея-фигляра ответом. И он продолжил:

— Если вы опасаетесь, что крокодилы проглотят вас самым примитивным способом, то напрасно, способ, который мы специально для вас выбрали, позволит создать очень эффектную картину. Мы подвесим вас к самым толстым веткам на ремнях таким образом, чтобы вашим приятелям из болота можно было без особых хлопот и суеты откусывать по кусочку... от ваших, увы, бранных тел.

Обоих немцев бил нервный озноб. И настолько сильный, что это было весьма заметно, как ни старались доктор и его слуга скрыть дрожь. Их вид вызвал бы сочувствие у любого нормального человека, но у тех, кто в этот момент окружал пленников, искать его было бы бессмысленно. Зато среди них нашелся один человек, которому даже такой страшный вид казни, как поедание живых людей крокодилами, показался чересчур мягким, и был это не кто иной, как наш старый знакомый Антонио Перильо, эспада. Он подошел к гамбусино и сказал:

— Этот мерзавец, прикидывающийся немцем, однажды уже ушел от моей пули. То есть по справедливости ему положено умереть дважды. И этот наш счет к нему он сегодня должен оплатить. Крокодилы сожрут его моментально, а он обязан сначала помучиться. Ну, и этот, кто он там ему — слуга, что ли, — тоже должен разделить его участь. А как же? Такая преданность нуждается в признании.

— Ну, и что ты предлагаешь? — спросил гамбусино.

— Его надо повесить вверх ногами и на таком расстоянии от воды, чтобы крокодилы едва-едва могли дотянуться до его «ученой» головы.

— Но разве тогда крокодилы смогут разорвать его на части? — удивился Бенито Пахаро,

— До поры до времени, до поры до времени, — дважды повторил одно

и то же выражение загадочным тоном эспада. — Они должны испытать страх смерти в полной мере, пусть он заставит их оцепенеть, превратит в жертвенных баранов, и тогда мы ослабим ремни...

Это предложение вызвало одобрение, и начались последние приготовления к казни.

— Чудовищно! — прошептал доктор Фрицу на ухо. — И это люди? По-моему, крокодилы, и те гуманнее, по крайней мере, они бы без всяких садистских выкрутасов просто съели нас, и все.

— Ну уж нет, — ответил ему слуга, — не согласен, сейчас нам на руку их изощренные пытки, из-за нее они тянут время. Наберитесь мужества и терпения, герр доктор! Повторяю, я абсолютно уверен, что Отец-Ягуар где-то рядом и не оставит нас в беде.

Наступила ночь. Лишь отсветы костра пробежали время от времени желто-розовыми и кроваво-багровыми пятнами по кустам и зарослям камыша, поверхности болота, выхватывая время от времени то одну, то другую приподнятую над поверхностью болота крокодилью голову, но уже в двух шагах от места, где разворачивались все эти события, стояла кромешная, непроглядная тьма. Были взяты четыре лассо, и двое индейцев вскарабкались на дерево, перекинули лассо через стволы самых мощных ветвей и обвязали ими эти стволы, после чего спустились с дерева.

Пленников отвязали от деревьев и связали им руки за спиной концами лассо, потом пропустили ремни им за спинами, и несколько самых сильных мужчин потянули за другие концы лассо. Пленники взлетели в воздух, стукнувшись о ствол дерева, но тут же опустились, потому что ветви прогнулись под весом их тел. Ремни лассо по инерции то скручивались, то раскручивались, что возбуждающе действовало на крокодилов, которые тут же зловеще защелкали челюстями. Некоторые из них стали подпрыгивать, совершая неуклюжие пируэты своими безобразными туловищами, но никак не могли ухватить зубами тела обреченных.

То, что испытывали в эти минуты оба немца, обычными словами описать невозможно. А индейцы подняли такой рев, что за ним было трудно расслышать еще какой-либо звук. Это продолжалось примерно полчаса или даже больше, пока их глотки не охрипли. И в полной тишине прозвучал резкий голос Антонио Перильо:

— Нет, нет, не надо опускать ремни, еще рано!

Должно быть, кто-то из индейцев попытался это сделать без команды, по собственной инициативе.

— Но у нас нет времени тут стоять, — возразил эспаде другой из них. — Лагерь еще не готов. Давайте побыстрее кончать с пленниками.

— А кто тебя держит здесь? — ответил ему заносчивый Перильо. — Иди и делай свою работу, если тебе так не терпится. Но тогда, уж извини, ты не увидишь представления.

И тот остался. Но многие все же ушли, а на смену им пришли другие. Но потом постепенно толпа разошлась. В конце концов у воды не осталось ни одного зрителя: все-таки обустройство лагеря по своему значению в сознании индейцев, да и белых тоже было важнее, чем зрелище того, как мучаются пленники. И это обстоятельство в итоге спасло жизнь доктору Моргенштерну и его слуге Фрицу.

Тот человек, силуэт которого Фриц заметил в камышах, был действительно Отец-Ягуар. У болота он оказался потому, что был уверен: противник непременно пройдет здесь. А ехал к нему кружным путем по одной очень простой причине — чтобы не попадаться противнику на глаза на открытом месте.

Здесь мы вернемся немного назад во времени. Разведка удалась, Отец-Ягуар узнал о передвижениях абипонов и их белых союзников все, что его интересовало. Пора было возвращаться, как вдруг Ансиано заметил свежие следы лошадиных копыт на земле. Аукаропора тщательно изучил их и пришел к выводу, что на лошадях, оставивших эти следы, ехали белые люди. Отец-Ягуар и Ансиано согласились с ним, а чуть позже поняли, что это могли быть только доктор Моргенштерн и его слуга Фриц. Следопыты приняли во внимание такие детали, как то, что всадников было двое, и оба очень небольшого роста, так и то, что они вели за собой еще трех лошадей, по всей вероятности, нагруженных какой-то тяжелой поклажей.

— Нам придется вмешаться, — сказал Отец-Ягуар своим спутникам, — наши друзья в опасности.

— Оставив Ауку возле лошадей, они с Ансиано отправились под прикрытием зарослей камыша к болоту. Отец-Ягуар снял свою шляпу и зажал ее зубами, а на голову себе пристроил охапку камыша. Таким же сооружением украсилась и седовласая голова Ансиано. Благодаря такой маскировке им удалось подойти совершенно незамеченными к тому месту на берегу болота, где разворачивалось представление с крокодилами. Улучив момент, Отец-Ягуар встал во весь рост: ему важно было дать знать пленникам, что помощь идет к ним. Как мы уже знаем, этот сигнал был принят Фрицем. Ансиано этот его шаг показался крайне безрассудным, и он немного поворчал по этому поводу, потому спросил опять-таки ворчливым тоном:

— Что они собираются делать с этими двумя недотепами?

— Сейчас узнаем. Выдерни камыш, который перед твоими глазами, из

земли.

— А они не заметят, что заросли поредели?

— Это невозможно. Им все равно со стороны будет казаться, что камыш стоит сплошной стеной. Тут законы оптики работают, ну, это долго объяснять, одним словом, так нам будет лучше видно, что там у них делается.

Ансиано выполнил этот совет. Оба видели, как самый рослый и, судя по его манерам, обладающий определенной властью человек созвал остальных на короткое совещание, но не слышали, о чем именно они договариваются, и разглядеть его лица в сумерках тоже не смогли. И вдруг Отец-Ягуар вздрогнул, как от удара током, и вскрикнул. Будь негодяи чуть повнимательнее и не будь они заняты своим разговором, этот крик, несомненно, выдал бы Карла Хаммера и Ансиано, но, к счастью, все обошлось.

— Что случилось? Что такое? — встрепнулся старик.

Хаммер ничего не ответил, как замороженный, не сводя блестящих глаз с фигуры высокого.

Ансиано повторил свои вопросы, но в ответ получил только тяжелый, взволнованный вздох. Наконец Отец-Ягуар произнес:

— Посмотри на того вон великана, что говорит сейчас что-то с иезуитским выражением лица доктору и его слуге. Ты, конечно, видишь его впервые, но...

— Нет, я вижу его не в первый раз.

— Что? Это правда? Ты уже где-то встречал его? Откуда ты знаешь его?

— Его в этих местах всякий знает.

— Имя, назови его имя!

— Бенито Пахаро, его еще часто называют «великим гамбусино».

— О Господи! Все знают его, и только мне он ни разу не попадался прежде на глаза, хотя я уже целый год хожу за ним по пятам, чтобы посчитаться с этим мерзавцем.

Конец фразы он произнес так громко, что Ансиано боязливо ухватил Отца-Ягуара за рукав.

— Тише, тише, сеньор! Что с вами? До сих пор я знал вас как самого осторожного человека на свете, но сейчас вы едва не выдали наше присутствие. Почему вы так разволновались?

— Есть на то свои причины.

Карл Хаммер произнес эти слова как бы против своей воли, они, что называется, вырвались из самой глубины его существа, но он тут же

спохватился, приказав себе молчать. Ансиано понял это по скрежету его зубов. Этот весьма знаменательный для дальнейших событий разговор происходил в тот момент, когда индейцы взяли лассо и подошли к дереву, склонившемуся над водой.

— Они хотят повесить пленников! — воскликнул Ансиано.

— Очевидно, да, — ответил Отец-Ягуар.

— Но тогда мы не сможем их спасти!

— Может так случиться...

— Нельзя терять времени! Но что мы можем вдвоем против этой банды?

— Спокойнее, Ансиано. Время у нас еще есть. Как я понял, они хотят повесить пленников не как обычно вешают людей, а за ноги, вниз головой, и непременно над самой водой. Значит, им нужно еще найти подходящие суки.

Тем временем приготовления к казни, уже описанные мною выше, продолжались.

— Боже мой! — воскликнул Отец-Ягуар. — Они хотят предварительно устроить им еще и жуткую пытку! Смотри, они их вешают на такой высоте, чтобы эти твари не сразу смогли их достать.

— Какая изощренная жестокость, сеньор! Вы только посмотрите, в какое волнение пришли крокодилы! Что будем делать?

— Пока ничего. Надо еще немного подождать.

— Но бедняги могут за это время отдать концы!

— Сейчас, вот именно сию минуту, мы ничего не можем для них сделать! Положение наших друзей ужасно, врагу такого не пожелаешь, но их жизни в данный момент никакая непосредственная опасность не угрожает.

— Эх, кинуться бы сейчас в самую гущу этих негодяев и быстро раскидать их!

— Терпение, Ансиано! Этим мы им все равно не поможем, а только сами пропадем.

Ансиано скрепя сердце подчинился.

А вот теперь мы с вами возвращаемся к тому самому месту нашего повествования, с которого начали описывать второй план событий.

Итак, над болотом вниз головами раскачивались двое несчастных немцев, а на берегу было пусто.

— Сеньор, пора действовать! — прошептал Ансиано на ухо Отцу-Ягуару.

— Оставайся на месте! Ты что, хочешь, чтобы все пропало?

— Но злодеи уже ушли!

— Ты уверен в том, что здесь не осталось ни одного из них?

— Темно, но мы же видели, как они уходили...

— Это еще ничего не значит. Я знаю, что они ушли достаточно далеко.

Кроме того, им надо еще обустроить лагерь, но, пока горит этот костер на берегу, они могут видеть нас и издалека. Сначала надо дождаться момента, когда он наконец погаснет.

— Да пожалуй ты прав и кроме того, они могли оставить часовых где-то возле того самого дерева.

— Ну на этот-то случай у нас с тобой есть ножи. Их желание потянуть время чтобы помучить своих пленников перед смертью в данный момент нам на руку

— Сеньор я бы не стал так уж обольщаться на этот счет они хорошо знают нас и могут ожидать, что там где мучают наших друзей, мы можем появиться в любой момент А вдруг слуга доктора сказал им что видел тебя здесь?

— Я допускаю, что он может пойти на любые жертвы чтобы спасти своего хозяина, которому беспредельно предан но с его стороны было бы огромной глупостью сказать им, что я здесь А Фриц отнюдь не глупец.

Заполыхали один за другим костры в лагере. Он был устроен на довольно значительном расстоянии от болота. Отсветы от лагерных костров позволили Отцу-Ягуару увидеть, что место казни со стороны лагеря практически не просматривается из-за полосы кустов, которые, словно ширма, перегораживали вид на болото Индейцы сновали по лагерю туда-сюда, не забывая время от времени подкидывать камыш и сухие ветки деревьев в костры. Терпение Ансиано истощилось, он взмолился:

— Сеньор, если мы сейчас же не начнем действовать, я наделаю каких-нибудь глупостей! Отсюда до наших подвешенных спутников всего несколько прыжков. Перерезаем ремни и тут же обратно!

— Ну, это действительно глупость, и больше ничего! Как только ты полоснешь ножом по ремням лассо, Моргенштерн и Фриц упадут прямо в пасти к крокодилам.

— Ох, какая досада: об этом я действительно и не подумал! Нет, нам надо забраться на дерево, чтобы подтянуть их, наоборот, повыше!

— Сначала надо бы убедиться в том, выдержат ли ветви такую нагрузку мы-то с тобой тоже кое-что весим, особенно я. Нет, надо по-другому действовать, с помощью лассо, хотя это и дольше получится. Потом, есть еще одна причина, по которой я не хотел бы перерезать ремни. Гамбусино должен остаться в убеждении, что его пленники свалились в

болото.

— Почему?

— Об этом потом Мы действительно больше не можем выждать. Смотри, они разделяют мясо. Значит, мы располагаем только тем временем, которое уйдет на его приготовление и поедание а они голодные и быстро все это умнут.

Абипоны собрались на ужин в одном месте на склоне холма. Костер на берегу болота догорал. Отец-Ягуар выпрыгнул из-за камышей и по-кошачьи бесшумно подбежал к дереву. Старик проделал то же самое с не меньшей ловкостью. Дальше нельзя было терять ни секунды.

Отец-Ягуар взял свое лассо, быстро-быстро скрутил его в несколько колец и произнес так, чтобы Моргенштерн и Фриц услышали его.

— К вам пришла помощь! Не делайте никаких движений, пока не почувствуете, что стоите на твердой почве.

Хаммер метнул лассо, и в ту же секунду оно обвилось тело доктора, потом он обратился к старику:

— Залезай на сук, развяжи ремни, на которых он висит, но постарайся удержать его тело на весу некоторое время, пока я не оттяну его своим лассо на берег.

Ансиано все так именно и сделал. Совершив кульбит в воздухе, тщедушное тело доктора, оказалось наконец на берегу. Взмах ножа, и его руки стали свободны. Ученый тут же бросился к своему спасителю, но едва он открыл рот, чтобы произнести слова благодарности, как тот остановил его.

— Ни слова! Лассо еще на вашем теле.

Он имел в виду в данный момент не свое лассо, а то, которым доктора связали абипоны. Освободив ученого от этих пут он подал знак Ансиано и вместе они точно тем же способом что и в первый раз, сняли со зловещего приболотного эшафота Фрица. После этого Отец-Ягуар сказал:

— А теперь надо с помощью этих индейских лассо изобразить печальные последствия падения их жертв в эту обитель крокодилов — И он ловким движением своей огромной ладони стянул ремни в один узел, имитируя их хаотично-естественное спутывание, и перерезал всю эту путаницу ножом, стараясь сделать линию отреза рваной. После этого ремни были опять привязаны к суку точно такими же узлами, какими их завязали индейцы.

Итак все было сделано так, как задумано, и очень быстро, во всяком случае, быстрее, чем прозвучал бы прочитанный вслух мой текст, посвященный этому эпизоду.

А в лагере тем временем ужин был в разгаре. Проголодавшиеся мужчины, получив по сочному куску мяса, забыли, кажется, обо всем на свете. Но вдруг Бенито Пахаро, закатив от наслаждения глаза, случайно заметил, что костер под деревом у воды больше не горит, и послал человека снова разжечь его. Тот вернулся очень быстро, выкрикивая на ходу:

— Сеньор, вы не представляете, что случилось! Крокодилы сожрали пленников!

Все повскакали со своих мест и, прихватив с собой в качестве факелов горящие поленья, устремились к болоту. Картину с обрывками лассо, которую я уже описал, дополнили, словно специально подыгрывая беглецам, несколько крокодилов, курсировавших вдоль берега. Они метали столь кровожадные взгляды на подбежавших людей, что у большинства из индейцев не возникло ни малейших сомнений по поводу версии о том, что пленники уже сожраны этими жуткими тварями. Но не все были так доверчивы.

— Не нравится мне это! — сказал Антонио Перильо. — Очень уж похоже на побег. Кто бы мог подумать, что им в их положении удастся сбежать?.. Тут явно не обошлось без посторонней помощи, но кто мог им в этой ситуации помочь?

— Нет-нет, голодные крокодилы вполне могут выпрыгнуть на такую высоту, поверьте мне, — возразил ему капитан Пелехо.

— Вряд ли! — высказал свое мнение гамбусино. — Парни висели все же очень высоко. Мне тоже кажется, что кто-то перерезал лассо, и они сбежали.

— Хм, — да чего гадать? Снимем лассо и посмотрим, как они выглядят вблизи, — предложил эспада.

Однако тщательный осмотр места обрыва кожаных ремней тем не менее не позволил им сказать твердое «да» версии о побеге: Отец-Ягуар не оплошал: место обрыва выглядело именно так, как будто его рвали зубами крокодилы.

— Да, голодные крокодилы действительно прыгают не хуже цирковых акробатов, — сказал гамбусино. — Эти коротышки-немцы, видно, пришлись им по вкусу, а крокодилы, видно, вошли во вкус, еще хотят человечинки, не уходят. Так или иначе, но с врагами покончено, они получили то, что заслужили.

— Ничего не имел бы против, если бы не одно обстоятельство, — сказал Антонио Перильо. — Все это произошло слишком быстро, подозрительно быстро. А крокодилы появились здесь, возможно, просто потому, что погас костер, который до сих пор отпугивал их.

Но на этот раз скептик эспада остался в одиночестве со своим мнением, никто его не поддержал.

Между тем пленники и их освободители, обойдя вокруг болота (идти ночью через камыши было очень опасно) добрались до того места, где их ждал с лошадьми Аука. Увидев всех четверых целыми и невредимыми, он страшно обрадовался.

Доктор и Фриц до сих пор молчали, наконец доктор, глубоко вздохнув, решился заговорить и обратился к Отцу-Ягуару на немецком:

— Мы выполнили ваше требование и молчали. Теперь, я думаю, можно говорить! Герр Хаммер, это было так страшно! Описать невозможно словами, как страшно! До сих пор у меня дрожит, кажется, каждая клеточка моего тела.

— И у меня! — добавил Фриц. — До сих пор я не знал, что такое страх, а теперь вот...

— Вы заметили знак, который я подал вам из камышей? — спросил Отец-Ягуар.

— Да, — ответил Фриц, — я заметил вас и, хотя видел ваш силуэт всего какое-то мгновение, сразу понял, что вы не оставите нас в беде.

— Конечно, не оставлю, несмотря даже на ваше в некотором роде предательство по отношению ко мне, беглецы! Ну ладно, не будем об этом. Скажите-ка мне вот что: вас допрашивали?

— Меня допрашивали, — ответил Фриц. — Но я ничего им не сказал.

— А обо мне спрашивали?

— Вы интересовали их в первую очередь, а еще больше то, где именно вы сейчас находитесь. Но мне кажется, я убедил этих негодяев, что вы идете по их следам.

И Фриц уже более подробно рассказал о допросе.

— В этом вы оказались молодец, сумели заморочить им головы и не проговорились ни разу, — сказал ему Отец-Ягуар. — Но поведайте мне еще одну вещь: кому это из вас пришла в голову идея вернуться к болоту?

— Тут моя вина, — признался доктор Моргенштерн. — Я не мог забыть о костях, что остались здесь. Они не шли у меня из головы никак, и я понял, что не избавлюсь от этого наваждения, пока снова не окажусь здесь.

— Но разве вам не было известно, что сюда же двигаются и абипоны?

— Мы надеялись управиться со своими делами еще до их появления здесь.

— Какая удивительная беспечность! Ладно, нам пора уходить отсюда, остальное доскажете по дороге. К сожалению, лошадей у нас больше нет.

Но вы с Фрицем выглядите еще весьма бледно. Поэтому вас мы посадим в седла, а я и Ансиано пойдем пешком.

— Нет, лучше я, — позволил себе вмешаться в разговор Аука, — вы и мой Ансиано имеете...

— Кончаем обсуждение! — прервал его Хаммер. — Будет так, как я сказал. Поверь, у меня есть для этого веские основания.

Он освободил руки ученого и его слуги от связывавших их ремней. И не выбросил их, а спрятал в свою сумку, чтобы абипоны случайно не нашли эти прямые улики побега.

Он был убежден, что враги теперь двинутся, никуда не сворачивая, прямо к Высохшему озеру, и решил идти туда же, но, разумеется, параллельным курсом. Доктор Моргенштерн, Фриц и инка сели в седла и тронули поводья, а они с Ансиано шли рядом, меряя землю широкими, упругими шагами.

Вскоре взошла луна, стало немного светлее, и тут старый Ансиано заметил, что Отца-Ягуара, похоже, гнетет какая-то тяжелая мысль: он как-то весь сгорбился, что было ему вообще-то несвойственно, выражение его лица было отрешенно-задумчивым. Минуты шли за минутами, но он не произносил ни единого слова, лишь иногда грустно вздыхал, и еще был слышен время от времени скрежет его зубов, видно, мучила его какая-то тяжелая мысль, бередила его ярость... Наконец Ансиано решился нарушить гнетущее молчание. Прямодушный старик за всю свою жизнь так и не научился пользоваться всякими там приемами косвенных расспросов, а кроме того, был всегда чист в своих помыслах, что, как он думал, не давало возможности окружающим заподозрить его в неделикатности. Поэтому он задал свой вопрос в лоб:

— Вас что-то гнетет, не хотите ли поделиться тем, что у вас на сердце, со мной?

— Да, ты должен тоже знать это, — задумчиво произнес Отец-Ягуар, — завтра, я думаю, не только ты один, все увидят его подлинное лицо, лицо негодяя, которого я безуспешно искал много лет.

— Если бы вы сказали мне, что ищите его, я бы уже давным-давно доставил его к вам.

— Но у меня до сих пор не было никаких доказательств того, что гамбусино и тот, кого я разыскиваю, — одно и то же лицо.

— Но теперь-то они наконец появились?

— Да. Я узнал. И прежде чем увидел, узнал по голосу. Я вообще-то лучше запомнил почему-то его голос, а не облик. Я услышал этот голос, когда мы освобождали моих соотечественников, но тогда кругом был лес,

его эхо, что ни говори, искажает все-таки звуковую окраску голоса. Но я постарался получше запомнить этот голос. А теперь, когда я его вновь услышал и увидел лицо негодяя...

— Он ваш враг?

— Не просто враг, а злейший враг, и я у него тоже в таком же ранге среди всех прочих врагов хожу, уверен в этом. Надеюсь, уже завтра я смогу с ним по квитаться.

— Кровь за кровь?

— Да. Он убил моего брата на севере. Мне пока не хочется рассказывать, как именно это случилось, но с тех пор я и хожу седой. В Южную Америку я попал потому, что преследовал его. Потом узнал, что его родина — Аргентина, я пересек эту страну вдоль и поперек, но до сих пор все мои поиски были напрасны. И вот наконец нашел негодяя.

— Вы берете на себя этого, а я должен посчитаться с другим, — прищурившись, сказал старик.

— С кем?

— С эспадой. Мне надо задать ему один вопрос: откуда у него скальп, который он показывал лейтенанту Берано? Посмотрим, что он на него ответит... Значит, сеньор, вы думаете, что завтра они оба будут у нас в руках?

— Уверен в этом. А сейчас оставь меня, пожалуйста, Ансиано. Мне надо побыть одному.

Глава XV

ТАЙНА ТОРЕАДОРА

Костры в лагере погасли, сон сморил и индейцев, и белых. Лишь возле лошадей взад-вперед прохаживался часовой. Но бодрствовал в лагере не только он один, не спали также гамбусино Бенито Пахаро, эспада Антонио Перильо и капитан Пелехо. Надо заметить, что между капитаном, с одной стороны, и гамбусино с эспадой — с другой сложились особые отношения, в чем-то очень похожие на отношения лейтенанта Берано с Отцом-Ягуаром. Как и лейтенант Берано, капитан считал себя во всем, что касается ведения военных действий, естественно, опытнее каких-то штафинок, но те отнюдь не собирались признавать его приоритет в этой области и уж тем более никогда не позволили бы ему командовать ими. Это капитан понимал хорошо, но знал он также и то, что вести какие бы то ни было баталии в Гран-Чако — далеко не то же самое, что организовать разбойничий налет на противника. Но попробуй убеди в чем-нибудь этих самодовольных мужланов, если они и слушать не желают профессионала, дескать, сами с усами, не первый год с ружьем имеем дело. Споры не прекращались, но они, как правило, ничем не кончались, и у капитана все накапливалась и накапливалась обида и злость на своих компаньонов. Еще его страшно раздражало то, что абипоны прислушивались к указаниям гамбусино с гораздо большим вниманием, чем к его собственным. Чем больше капитан вникал в суть этих указаний, тем чаще его охватывала тревога: он ясно видел, что эти самозванные военачальники не могли оценивать верно истинное положение дел, но, что было по-настоящему опасно, и вовсе не желали ни во что толком вникнуть и разобраться, упиваясь сиюминутной властью над покорными им до поры до времени индейцами. Капитан стал держаться отчужденно, но гамбусино и Пелехо, заметив это, отплатили ему той же монетой и начали, в свою очередь, с подозрением относиться к нему. Они демонстративно игнорировали его мнение во время их военных советов, о чем-то договаривались втайне от него, и очень часто замолкали при его появлении, несмотря на то, что до этого момента вели между собой весьма оживленную беседу. Постоянные напряженные отношения со спутниками наконец надоели капитану, и он решил откровенно объясниться с недавними единомышленниками, ставшими вдруг едва ли не противниками.

В день, о котором мы только что рассказали, он встретил солдат, прибывших к Пальмовому озеру, возглавил их отряд и привел его к тому самому болоту, где немцы искали кости древних животных. Навстречу ему вышли гамбусино и эспада и последний менторским тоном произнес:

— Сеньор капитан, завтра вы должны показать себя в составе отряда, который отправится к деревне камба и атакует ее. Вам предоставляется право дать инструкции на этот счет.

— Мне — дать инструкции?! — переспросил слегка ошарашенный Пелехо. — Но подобные инструкции, по-военному говоря, приказы, имеет право отдавать лишь тот, кого солдаты признают своим командиром! Иначе это всего лишь благие пожелания, то есть пустой звук.

— То есть вы хотите сказать, что я в данном случае должен передать вам свои полномочия командира, так, что ли? — вскипел гамбусино.

— Да, вы поняли меня верно, сеньор, именно это я и хотел сказать. Иначе нарушается принцип единоначалия.

— Значит, кто же, по-вашему, должен отдавать приказы нашим воинам?

— Разумеется, я, поскольку среди вас я — единственный, кто носит воинское звание, к тому же, смею заметить, довольно высокое.

— Я давно знаю, что это ваше заветное желание. Завтра нам предстоит серьезное сражение, и вы можете проявить себя при подготовке к нему. Но я прошу, сначала внимательно ознакомьтесь с этим вот документом.

Вынув из сумки небольшую металлическую капсулу, он достал оттуда свернутую трубкой бумагу, развернул ее и отдал капитану. Тот стал читать ее при свете костра.

— Ну, так кто же из нас здесь командует? — торжествующе спросил гамбусино, когда капитан поднял глаза от бумаги.

— Вы... Я должен подчиняться вам...

— То-то же! И не вы один, но и все, кто непосредственно подчиняется вам. Раз вы признали мои права, я позволю себе употребить свой авторитет на то, что на время отстраню вас от ваших обязанностей. Итак, вы сопровождаете нас и дальше, не проявляя никакой инициативы, и, как только я отдам новый приказ, вы должны подчиниться ему без каких бы то ни было возражений.

— Сеньор! — возмутился на этот раз капитан. — Кто дал вам право разговаривать со мной в таком тоне?

— Я не обязан в этом отчитываться перед вами. Вы должны подчиняться мне беспрекословно, и этим все сказано. Если вы не примете это условие, то за последствия я не отвечаю. Мы находимся на тропе

войны.

— Отлично, сеньор! Я готов выполнять любое ваше распоряжение! — воскликнул капитан откровенно ерническим тоном, едва сдерживая свой гнев.

И, чтобы случаем не наговорить чего-нибудь лишнего, пошел прочь от костра. Немного походил в темноте взад-вперед, напряженно ища ответа на очень интересовавший его вопрос, — почему именно сегодня гамбусино так обнаглел, но так и не нашел его. Немного остыв, капитан решил вернуться к костру. Огонь уже был погашен. Несмотря на это, он все же разглядел, что гамбусино и эспады уже не было на прежнем месте. Тогда капитан улегся рядом со своим капралом и, заметив, что тот не спит, тихонько спросил его:

— Где этот наш новый «полковник», а может, уж не знаю, даже «генерал»?

— Они с Перильо пошли к болоту, чтобы там без посторонних свидетелей обсудить свои планы.

— Что тут происходило, пока я отсутствовал?

— Ничего особенного, кроме того, что гамбусино продемонстрировал свою безграничную власть над всеми нами.

— И убедил вас в этом?

— Да, убедил, он показал документ, дающий ему это право и подписанный вице-президентом Конфедерации. Мы обязаны подчиняться ему.

— Значит, я вам больше не командир, так, что ли?

— Сеньор капитан, я сказал только, что мы, солдаты, обязаны подчиняться этому приказу, а неподчинение может стоить любому из нас головы.

— Безумие! Кто бы мог представить, что наступят такие времена, когда командовать солдатами сможет всякий проходимец!

Он завернулся в пончо и попытался заснуть. Однако уязвленное самолюбие человека, привыкшего командовать, не давало ему успокоиться, он забыл, что сам был мятежником и, в общем-то, не имел никакого морального права злиться на своих подчиненных. Хотя, пожалуй, подобная мысль не пришла бы ему в голову никогда: он был чрезвычайно честолюбив, а с этим походом в Гран-Чако связывал определенные, небезосновательные надежды на быстрое продвижение по службе, и вот — на тебе, вместо нового чина и регалий — холодный душ унижения. Обида подтолкнула его к еще одной мысли: что, собственно, могли иметь против него эти два проходимца — гамбусино и Пелехо? А ведь они явно что-то

скрывали. Надо попытаться разузнать как-то, где тут собака зарыта... Стоп, стоп! Лучше случая, чем эта ночь, все равно не придумаешь! Так... все спят, и капрал уже начал похрапывать. Капитан решительно откинул пончо и осторожно, практически бесшумно пополз в ту сторону, где, по его предположениям, должны были находиться оба его обидчика. Через несколько метров оглянулся, прислушался, присмотрелся к тому, что происходило в лагере. Ни звука... Прекрасно! Он пополз дальше, и вскоре уже был в камышах на берегу болота. Сначала он ничего, кроме шелеста сухих стеблей, не слышал, потом до него донесся разговор двух людей, но слов было не разобрать, они старались говорить негромко. Капитан подполз поближе к беседующим Пахаро и Перильо. Первое, что он расслышал уже отчетливо, были слова, сказанные гамбусино:

— Я совершенно не верю в это! Да, ремни были разорваны, но пусть мне покажут хоть полсотни таких разрывов, меня это все равно ни в чем не убедит, потому что я хорошо знаю: крокодил может в момент оторвать человеку ногу, но перегрызть узкие кожаные ремни — нет, конечно. У него просто челюсти не так устроены, чтобы это получилось, вот и все.

— А я не вижу в этом ничего особенного и не хочу ломать над этим голову, — ответил ему Перильо. — А не преувеличиваешь ли ты, Бенито? Ну кто в такой глуши мог их освободить? Сделать все это в какие-то считанные мгновения, да еще обставить все так, что, кроме вас, все в это поверили, мог только очень хладнокровный и хитроумный парень. Откуда ему взяться здесь?

— Да бродит сейчас в этих местах один такой ловкач...

— Ты имеешь в виду Отца-Ягуара?

— Разумеется, его, кого же еще?

— Но он же сейчас находится далеко отсюда, как сказал этот нахальный коротышка, слуга этого типа, который называет себя ученым.

— Если ты помнишь, я говорил тебе уже, что не верю в их смерть. Так почему я должен верить словам этого слуги? А тем более его хозяину. Если это и в самом деле полковник Глотино, у него хватит ума на то, чтобы попытаться провести нас, как оно, скорее всего, и произошло. А теперь попробуем исходить из того, что эти два обманщика навешали нам лапши на уши, тогда вполне возможно предположить, что они имели при этом определенную цель: скрыть, что Отец-Ягуар идет вовсе не по нашим следам, а впереди нас. И, следовательно, получается, что этот проклятый немчура в курсе всех наших планов.

— Черт возьми! Выходит, мы должны готовиться к защите, а не к нападению! Этот Отец-Ягуар наверняка уже предупредил всех камба или

даже составил из них войско. Да и парни, что всегда при нем, — не промах, сам черт им не брат.

— Я согласен с тобой, на всякий случай, надо соблюдать максимальную осторожность. Если он действительно где-то рядом, то, значит, только выжидает случая, чтобы напасть.

— Однако мы нигде не видели его следов.

— Ошибаешься. Один точно видели.

— Какой? Почему я ничего не заметил? Он, наверное, был очень слабый, едва заметный?

— Да нет, такой ясный, что яснее и быть не может. Я имею в виду эти пустые, как будто вымершие деревни, через которые мы проезжали.

— И это ты называешь следом?

— А что это, по-твоему, если не след? Индейцы покинули свои дома не просто так. Но почему? Думаю, из страха перед нами. Как будто узнали, что мы придем, да что там, они были уверены, что придем, в этом не может быть сомнений. А теперь ответь мне: кто мог сообщить им о нашем приближении?

— Не представляю.

— Я убежден: это сделал все тот же Отец-Ягуар! Конечно, я не могу утверждать, что знаю это точно, но моя интуиция до сих пор никогда меня не обманывала.

— Признайся, Бенито, что это пришло тебе в голову только что, — со скептической миной на лице сказал эспада. — Почему же раньше ты ничего об этом не говорил?

— Дело в том, что подозрения-то на этот счет давно бродили в моей голове: как только я увидел наши опустошенные тайники, то сразу же подумал об Отце-Ягуаре, но нельзя было исключать и того, что это сделали индейцы, случайно наткнувшись на них. Но теперь, после этого необъяснимого исчезновения наших пленников — а я по-прежнему ни на йоту не верю в то, что их съели крокодилы, — участие Отца-Ягуара во всех этих делах лично у меня не вызывает никаких сомнений.

— Нет, я не представляю, как практически он мог это сделать. Ремни лассо ведь как висели, так и висят над крокодилыми пастями.

— Ты просто недостаточно хорошо знаешь этого человека, он и не на такие фокусы способен. Недаром же индейцы Северной Америки дали ему такое звучное, на свой лад, имя. Во-первых, надо принять во внимание, что этой чести удостоивается далеко не всякий белый, а во-вторых, оно говорит само за себя: «Сверкающая Рука». Тут подразумевается его удивительная ловкость и умение стрелять без промаха, но и все другое, что требуется в

бою или походе, этот парень делает не хуже. Да и прозвище «Отец-Ягуар» ничем «Сверкающей Руке» не уступает.

— Если ты прав, то это означает, что мы в большой опасности, наверняка он возглавит отряды камба и нападет на нас: и это может произойти в любой момент.

— А вот тут я не соглашусь с тобой. У него было пока слишком мало времени, чтобы как следует подготовиться к настоящему сражению. Отец-Ягуар никогда не станет бросаться в бой очертя голову, он отнюдь не авантюрист. Но я нисколько не сомневаюсь в том, что он со своими людьми где-то поблизости и наблюдает за нами, потому что он все делает грамотно и толково, а сейчас ему необходимо произвести глубокую разведку. Нам надо спешить, к вечеру мы должны быть у Прозрачного ручья, а ночью атаковать деревню.

— А если в этой деревне камба вооружены?

— В таком случае все, что мы затеяли, — напрасные усилия, и со всеми нашими надеждами можно будет распрощаться.

— Дьявольщина! Мы потратили на этот поход столько сил и средств! Мало того, что мы прослышем после неудавшегося путча никчемными людьми, так еще ведь и без гроша в кармане окажемся!

— Погоди паниковать. Идем ва-банк! Ну, а если вдруг фортуна повернется к нам задом, что ж, начнем все сначала, я вернусь в горы, на рудники, снова за золотишком и серебришком, а тебе никто не помешает вернуться к твоему ремеслу тореадора.

— Меня такая перспектива, знаешь ли, вовсе не воодушевляет. Я уже не слишком-то молод для того, чтобы бегать за быками по арене, и очень хорошо чувствую, что мои мускулы утратили свою былую гибкость и силу, кости размягчились, а суставы, наоборот, затвердели. Я, увы, стал слишком хорошей мишенью для быков!

— Но если не арена, что тогда тебя ждет? Опять ринешься в какую-нибудь авантюру?

— А для чего? Чтобы в один прекрасный день кто-нибудь нашел мой скелет в Кордильерах? Ха! Я, по-твоему, похож на идиота? Нет, я еще испытаю свою судьбу в другой области, у меня есть неплохие шансы для этого.

— И что это за область?

Тореадор некоторое время помедлил с ответом, словно взвешивая каждое свое слово, потом зашептал с видом заговорщика:

— Я пока не посвящал в это еще ни одного человека, но тебе скажу, раз уж так сложились обстоятельства, кто знает, может, завтра я умру, —

так вот, мне было бы очень жаль, если бы вместе со мной умерла и моя тайна. Ты мой лучший друг, и тебе я ее открою.

— Ты страшно заинтриговал меня!

— Я говорю о сокровищах, о настоящих несметных сокровищах, местонахождение которых знаю только я один.

— О сокровищах? Слушай... а ты, как бы это сказать... тебя никогда прежде не подводило твое воображение? Ну, одним словом, ты сейчас в здравом уме?

— Нет-нет, я вовсе не в бреду, сокровища на самом деле существуют, это чистая правда! В доказательство своих слов я могу предъявить один предмет, который, впрочем, прекрасно тебе известен.

— Какой предмет ты имеешь в виду?

— Скальп с длинными белыми волосами, который ты видел в моем доме.

— А... скальп того индейца, который хотел напасть на тебя, а ты его прикончил?

— Тот самый. Только действительная история, с ним связанная, на самом деле не совсем совпадает с той, что я тебе до сих пор рассказывал: не индеец напал на меня, а я на него.

— Дьявол! Вот оно что! На этот раз у меня нет никаких сомнений, что ты говоришь правду. Знаешь, я всегда подозревал что эта темная история на самом деле имеет совершенно другую подоплеку, чем та, о которой ты всем так охотно рассказывал. Значит, напал вовсе не он на тебя, а ты на него, и его скальп каким-то образом связан с несметными сокровищами. Означает ли это, что убитый индеец был их владельцем?

— Да!

— Дьявольщина! Растолкуй мне все еще раз, и выразишься пояснее. Ты, насколько я знаю, не слишком-то богат. Но почему, если ты теперь, можно сказать, единственный владелец этих сокровищ?

— В том-то и дело, что пока я до них еще не добрался. У меня есть всего лишь несколько предметов, взятых из той сокровищницы. Их я нашел на теле индейца после того, как убил его.

— Но он успел сообщить тебе, где находится все остальное?

— Нет.

— То есть ты не знаешь, где нужно искать эти пресловутые сокровища?

— И да, и нет, я знаю, где они находятся, и в то же время не знаю этого.

— Послушай, не говори загадками!

— Я имею в виду, что знаю само место, где лежат сокровища, но как туда попасть, что находится рядом, вокруг — представления не имею.

— Это равносильно тому, что ты не знаешь вовсе ничего о том, где они лежат. Ну и зачем мне сдались такие сокровища, которые невозможно найти? А может, они вообще — плод твоего воображения?

— Они существуют, и я могу присягнуть, что это действительно так.

— Ну где же, где они? Хоть какие-то ориентиры тебе известны?

— В горах, в ущелье, которое называется Барранка-дель-Омисидио.

— О, это место мне хорошо известно. О нем ходят слухи, что там был убит последний Инка.

— Это чистая правда, потому что это тот самый индеец, которого убил я. И свои сокровища он спрятал именно там.

— Хм! Вообще-то я наслышан о том, как богаты были инки... А все предметы, которыми пользовался верховный правитель этого народа, должны были быть только из чистого золота. Испанцы в свое время отправляли отсюда к себе на родину целые корабли золота и серебра. Впрочем, возможно, это всего лишь легенды. Но ты рассказывай, рассказывай все, что тебе известно об этом!

— Но сначала ты дай мне клятву, что никому ни слова об этом не скажешь!

— Это само собой разумеется, кабальеро по-иному и не поступает! Но, чтобы успокоить тебя, я могу сказать, что я клянусь: буду нем, как рыба!

— Хорошо, тогда слушай! Это было в то время, когда я гастролировал в Чили, где провел много боев и завоевал немало наград, но как всегда, все спустил в кутежах. Ну, ты же знаешь мою натуру: не могу удержаться, чтобы не погулять как следует после славных дел. Так вот: в ту пору, когда все это случилось, я жил прекрасно, ел и пил в свое удовольствие, много играл, но однажды мне сильно не повезло, я проигрался в пух и прах, остался без единого гроша в кармане и вынужден был даже наняться слугой к одному богатому купцу из Мендосы, чтобы добраться до дома. Я, кажется, уже говорил тебе, что он туда так и не добрался, а вот почему, это уж особый разговор... можешь думать, что хочешь.

И он злорадно хохотнул. Гамбусино все понял: этот Перильо прикончил купца где-то по дороге, позарившись, понятное дело, на имущество того. А эспада после небольшой паузы продолжил:

— Итак, я остался в горах совершенно один. Был вечер, когда я въехал в Барранку-дель-Омисидио. Если ты бывал там, то должен знать, что это очень неприветливое место. Я предпочел бы, конечно, двинуться дальше, в Салину-дель-Кондор, но уже стемнело, а дорога туда была опасной. Я

нашел камень, за которым можно спрятаться от ветра: привязал поблизости своего мула и улегся спать.

— И ты мог спокойно спать?

— А почему бы и нет?

— А купец из Мендосы?

— А, ты намекаешь на то, что ко мне должно было явиться его окровавленное привидение? Но, знаешь ли, я не дитя и не баба. Тот, кто мертв, мертв навсегда и не может никуда являться. Однако действительно в тот вечер я никак не мог уснуть, хотя и совсем по иной причине.

— А, понимаю! Индеец тебя потревожил, не так ли?

— Да, было полнолуние, луна сияла, что тебе люстра хорошая, на небе — ни облачка. Послышались шаги, я прислушался. Приближался какой-то человек, не замечающий пока ни меня, ни моего мула. Потом он остановился и стал смотреть на луну. В этот момент я смог как следует рассмотреть его лицо в лунном свете. Это был старик, но особенный какой-то, в нем совершенно не было заметно следов одряхления — наоборот, он казался сильным и даже, я бы сказал, красивым, хотя и немолодым мужчиной. За плечами у него висел лук, на боку колчан со стрелами, за пояс был заткнут нож, это было все его вооружение. Никаких вещей другого назначения при нем тоже не было. Замечательные у него были волосы, длинные, до колен, и белые, как снег, а на голове их схватывал обруч. Стоял он на одном месте довольно долго, не сводя глаз с луны, и что-то тихо шептал, похоже было на то, как будто он молился. Дождавшись, пока луна достигнет высшей точки своей траектории на ночном небе, седовласый пошел дальше.

— А ты за ним следом, конечно? — спросил гамбусино.

— Я хотел это сделать, но происходило все это почти на самом краю обрыва. Индеец начал спускаться вниз, но мне, чтобы следовать за ним, для начала неплохо было бы изучить это место, чего, как ты, наверное, догадываешься, я не сделал заранее. Поэтому я всего лишь подполз к краю обрыва и глянул вниз. У меня невольно поползли мурашки по телу... Каменная стена уходила вниз почти отвесно. Я не заметил на ней ни малейшего углубления, в котором могла бы поместиться стопа человека, но индеец тем не менее спускался вниз как по лестнице. Его шевелюра в лучах луны отсвечивала серебром на самом дне ущелья. Кто он был? Что здесь ему было нужно? Почему он не стал дожидаться наступления дня, чтобы спуститься в ущелье без риска для жизни? И где остался его мул? А может, он настолько беден, что у него нет даже мула? Сколько я ни думал над этими вопросами, у меня даже предположений никаких на этот счет не

появлялось. Всю ночь я пролежал на краю пропасти, ожидая его возвращения. Старик появился только под утро, с мешком за спиной. Выбравшись на ровное место, он поднял руки к солнцу, словно приветствовал восходящее светило, постоял так несколько секунд и пошел дальше, не заметив меня. Но скоро он скрылся с моих глаз, поднявшись на скалу, которая была гораздо выше того места, где я находился.

— Ну, на этот-то раз, я надеюсь, ты пошел за ним?

— Еще бы! Я быстро отвязал своего мула, вскочил на него и направился вслед за ним. Очень скоро я оказался на той высокой скале, где он исчез из поля моего зрения. Это место было входом в широкую долину. Индеец был уже там. Я пришпорил своего мула, чтобы поскорее догнать этого загадочного старика. Въехав в долину, я заметил, что на противоположном ее краю имеется скалистый коридор, ведущий в другую долину. Вот у самого начала этого коридора я и догнал седовласого, оставаясь по-прежнему незаметным для него. Но тут меня выдал своим ржанием мой мул. Индеец резко обернулся на этот звук и, увидев меня, бросился бежать, да с такой прытью, какой, казалось мне, никак нельзя было ожидать от старого человека. Я пришпорил мула еще раз. Индеец метнулся вправо, потом влево, но спрятаться ему было совершенно негде: коридор, связывавший две долины, был именно коридором — узкая тропа, отвесные стены. А до входа во вторую долину надо было еще добежать. Я крикнул ему:

— Стой! А то буду стрелять!

Но он не подчинился этому требованию. И тогда я выстрелил. Пуля чиркнула о скалу совсем рядом с ним. Индеец остановился и оглянулся. Не выпуская двустволку из рук, я шагнул ему навстречу. Тогда он спросил меня:

— Сеньор, что я вам сделал, что вы стреляли в меня?

— А почему ты убегал от меня, когда я приказал тебе стоять на месте? — ответил я.

Он расправил плечи, весь как-то подтянулся, тряхнул своей шевелюрой, словно лев гривой, и произнес надменным тоном, словно был, по меньшей мере, принцем королевской крови:

— С чего это вы взяли, что можете мне приказывать?

При этом его глаза сверкнули. Но сверкание исходило не только от них. Груз, который он нес на спине, был завернут в сеть, и сквозь ее дыры в лучах утреннего солнца полыхнул... как будто блеск золота. Он пошевелился, и я понял, что груз действительно состоит сплошь из чистого золота. Я выстрелил, и он упал на землю. Отчего и почему я поступил в

этот момент именно так, а не иначе, я не отдавал себе в этом отчета и тогда, не могу это объяснить и сейчас. Но дело было сделано.

— Ты выстрелил ему в грудь? — спросил гамбусино.

— Прямо в сердце. Он, как только я вскинул ружье, сделал обманное движение, но у меня реакция оказалась все же лучше: я уловил его намерение и выстрелил в него снизу. И попал прямо в сердце. Сеть развязалась и соскользнула с груза. На землю выкатилось несколько небольших золотых предметов. Это были какие-то сосуды и другие мелкие предметы непонятного мне назначения. Я снял свое пончо с седла и завернул в него золотые вещички...

— И, конечно, сразу же покинул Барранку?

— Нет. За последние дни пути мы с моим мулом не встретили никакой воды, ни одного, даже самого маленького, ручейка. У меня-то, конечно, было несколько глотков воды для себя, но мул не смог бы идти дальше, если бы не напился в самое ближайшее время. Я знал, конечно, как и ты, наверное, знаешь, что недалеко от Салины-дель-Кондор есть несколько источников. Ну вот я и решил сначала отправиться туда, а уже потом вернуться за сокровищами.

— Но прежде ты снял с убитого скальп?

— Снял. Но опять-таки не могу сказать, почему это вдруг мне пришло в голову. Меня охватило какое-то непонятное, странное состояние, в котором смешались всякие разные яркие эпизоды из уже пережитого, хранящиеся в моей памяти, впечатления, вынесенные из разных путешествий. И сквозь эту сумятицу вдруг пробивается какой-то голос, который настойчиво требовал: «Сними скальп! Сними скальп!» Не понимаю, почему я с тобой говорю, как на исповеди? Ну ладно. Раз уж так вышло, скажу еще и то, что не последнюю роль тут сыграло мое тщеславие: вспомнил я, что видел во многих частных собраниях среди разных диковин скальпы индейцев, и захотелось мне тоже иметь свой, да еще с такой редкостно красивой шевелюрой. Я снял кожу с его головы и завернул скальп в пончо.

— Вот, значит, как все было, — задумчиво сказал гамбусино, затем помолчал немного и добавил: — А ты знаешь, я бы не взял скальп с собой...

— Почему это?

— Он легко может выдать тебя с головой...

— Хотел бы я знать, каким образом?

— Очень просто. Он — ведь очень редкий, можно сказать, уникальный скальп. Ну много ли ты видел на свете людей с такими, как у него,

волосами? А ведь у этого индейца были родственники, друзья, знакомые, а среди них наверняка найдется кто-нибудь, кто тоже знает о кладе. Об этом ты не подумал? Ну что ты скажешь им, если они тебя спросят, откуда у тебя этот скальп? Я бы на твоём месте ни за что и никогда никому не рассказывал об этом приключении, и, уж конечно, не показывал бы сам скальп.

— Да ладно тебе меня пугать! Эта история случилась ведь уже достаточно давно, несколько лет назад.

— И все же осторожность не помешает. Я не просто так тебе это говорю. Видишь ли, мне встречался старый индеец, у которого была очень похожая шевелюра, и попался он мне не где-нибудь, а здесь, в горах. Это сходство вряд ли случайно, скорее всего, убитый тобой незнакомец и похожий на него старик — родственники. А если этот старый индеец как-нибудь случайно услышит про скальп и разыщет тебя, а? Что будешь делать?

— Как его зовут, ты знаешь?

— Его все называют Ансиано, но я думаю, это скорее прозвище, чем имя, потому что он весьма почтенного возраста, ему уже больше ста лет. Но держится он весьма бодро, не хуже сорокалетнего, по крайней мере. Хитер и сообразителен.

— Я его не знаю, и он меня, надеюсь, тоже. Он беден или богат?

— Беден.

— Значит, он ничего не знает о сокровищах и твои опасения сильно преувеличены.

— Вполне возможно. Но меня беспокоит еще кое-что... Ладно, рассказывай дальше про ту ночь! Мы остановились на том, что ты снял с убитого индейца скальп.

— Дальше... Дальше все получилось не совсем так, как я ожидал. Не успел я обогнуть верхом на муле скалу, как тут же наткнулся на какого-то белого парня. Он вполне мог быть очевидцем случившегося. Единственное, что вселяет в меня надежду, — это то, что ночь была хоть и ясная, но все же разглядеть меня хорошо он никак не мог, тем более, что я дал оттуда деру.

— Какая глупость с твоей стороны! И почему же ты не убил свидетеля?

— Я бы не успел это сделать, потому что он схватился за ружье раньше меня. Мне удалось беспрепятственно скрыться с этого места, и через полчаса мы с моим мулом были уже у ручья. Попив свежей воды и остудив горячий лоб, я ощутил, что во мне просыпается, ну знаешь, то, что люди называют иногда шестым чувством, и это самое чувство мне

подсказывает, что попавшийся мне так некстати белый парень обязательно пойдет за мной по пятам.

— Ну, а кроме шестого чувства, что еще заставило тебя так подумать?

— Да то, что он наверняка наткнется на труп и захочет найти убийцу.

— Уж это точно. Послушай, а ты помнишь, как он выглядел?

— Лица не разглядел, слишком было мало времени для этого, да и темнота, повторяю, мешала, могу сказать только, что это был не мальчик, потому что голова у него — седая.

— А ты не разглядел, случайно, какая у него фигура?

— Тоже нет — он сидел на земле. Но судя по его облику в целом — ну, там, какие у него руки, ноги, голова — он человек явно не маленького роста, за это я могу поручиться.

— Да... — скептически протянул гамбусино. — Сочувствую тебе. Оставить в живых единственного свидетеля своего преступления! Этот парень может объявиться в любой момент и обвинить тебя в убийстве. По моему, ты должен найти его еще до того, как у него возникнет такое желание. Тебе так не кажется, а, приятель?

— Кажется, но боюсь, что он меня опередил.

— Что? Ты встретил его снова?

— Мне показалось однажды, что это был он, тот самый парень... Он посмотрел на меня с угрозой, и во взгляде его читалось еще нечто такое, что другие люди, как бы они меня ни ненавидели, не могли ко мне питать.

— Ты это о ком? Я его знаю?

— Да, знаешь. Я говорю об Отце-Ягуаре.

— Дьявольщина! Снова этот проклятый Отец-Ягуар!

И Перильо рассказал Бенито Пахаро о встрече с Отцом-Ягуаром в кафе в Буэнос-Айресе и про то, как тот вроде бы ни с того, ни с сего напомнил ему о Салине-дель-Кондор. Он так разволновался, рассказывая, что стал говорить вдруг очень громко. Разбуженные звуком его голоса, зашевелились некоторые их спутники, спавшие у костра. Но гамбусино не обратил на это никакого внимания, он волновался не меньше своего приятеля эспады и тоже очень громко спросил Перильо:

— А как он был одет, тот парень, которого ты встретил в горах?

— И рубашка, и штаны на нем были из кожи, а на голове — шляпа с широкими полями.

— Хм, Отец-Ягуар одевается именно так, когда он отправляется в горы. Да, у нас появился еще один повод держаться подальше от него. Ну, рассказывай дальше! Что случилось потом?

— Я гнал мула галопом целый день и целую ночь, останавливаясь

очень редко и то лишь на несколько минут Старался, как только мог, замести следы как можно тщательнее. Мне это удалось. Но я понимал, что возвращаться в Барранку за золотом сразу же было бы очень опасно, хоть несколько недель, да надо было выждать. За это время я съездил в Чикану, и там мне посчастливилось встретить старых приятелей, которые помогли сбыть золотишко. Они купили его у меня, не задавая лишних вопросов. Карманы, набитые деньгами, не давали мне покоя, и я отправился в Сальту, где, конечно же, снова сел за игорный стол, а встал из-за него снова бедняком. Мне едва-едва хватило оставшихся грошей, чтобы собрать кое-какие вещи, проще сказать, самое необходимое для новой поездки к Барранке.

— И как ты на этот раз туда съездил?

— Увы, безрезультатно! — Эспада вздохнул и продолжил: — На том месте, где я оставил убитого индейца, и косточки было не найти, все растащили кондоры. Потом я еще несколько раз возвращался на это место, излазил его вдоль и поперек, но все впустую. А ценности, я уверен, где-то там спрятаны. Больше им негде быть.

— Это вполне вероятно. Я думаю, в одиночку ты просто не в силах был успешно вести их розыск. Тут надобны и сноровка, и опыт, которые достигаются многолетними упражнениями в таких делах, чтобы добиться каких-то результатов.

— Да я и сам это понимаю, вот поэтому и хочу сколотить для поисков сокровищ надежную компанию из бывалых парней. Я надеюсь, ты согласишься войти в нее?

— Я согласен, но должен тебе сразу сказать, что, чем раньше мы начнем поиски, тем будет лучше. От случайностей не уберешься, любой, понимаешь ли, может наткнуться на сокровища, а ты останешься с носом, хотя и взял грех на душу из-за них. И знаешь, раз наш поход на камба принял такой поворот, что в результате него мы можем потерять последнее, то не лучше ли нам будет плюнуть на все эти индейские междоусобицы и путчи и заняться верным делом — поисками сокровищ?

— Погоди, я должен подумать, твое предложение застало меня врасплох.

— Подумаем вместе. Итак, главный вывод, который можно сделать из твоего рассказа, таков — мы ни в чем не можем быть уверены на сто процентов, но вероятность того, что сокровища там, все-таки гораздо выше, чем вероятность их отсутствия. Это первое существенное в данном случае соображение. А второе заключается в том, что хотя у нас и нет никаких доказательств или намеков на то, где конкретно следует искать

сокровища, но отправная точка для поисков все-таки имеется.

— Что ты имеешь в виду?

— Сразу видно, что тебе не хватает сообразительности. Это, конечно, задачка не для среднего ума. Ну ладно, давай опять думать вместе. Итак, некий индеец спустился в ущелье с одной стороны и довольно быстро покинул его, поднявшись по противоположной стене. Почему он так сделал — вот в чем вопрос. Отчего не поднялся тем же путем, что спускался?

— Ну... скорее всего потому, что путь по другой стене был легче.

— Ничего подобного. Спускался он днем, и по стене, которая не представляет особой сложности для человека, часто бывающего в горах, а вот поднимался ночью, и по очень опасной стене. Следовательно, для него это было необходимо. Где-то в этой стене вход в сокровищницу! Там, на месте, оглядевшись внимательно, я бы наверняка нашел еще какие-нибудь доказательства того, что это так. А теперь я задам тебе такой вопрос: на что претендуешь ты и на что позволишь надеяться мне?

— Ты имеешь в виду то, какая доля сокровищ будет принадлежать тебе, а какая — мне?

— Да.

— Две трети — мои, остальное — твое.

— Ты, конечно, первый их открыл, не спорю! Но без моей помощи ты никогда в жизни до них не доберешься. Почему же, в таком случае, ты должен получить в два раза больше меня? Нет, справедливее будет, если мы разделим между собой все поровну.

— Об этом пока рано рассуждать. У нас есть еще время в запасе.

— Да, время еще есть. Казалось бы. Но на самом деле его может и не быть совсем, если наш поход против камба потерпит фиаско. В этом случае нам придется отступать в горы. И, спасаясь от врагов, я хотел бы знать уже точно, что мне надо делать и ради чего предстоит стараться и подвергать свою жизнь опасности. Кстати, об опасности: чем дальше, тем больше мне не дает покоя предчувствие скорой встречи с Отцом-Ягуаром. Он явно где-то рядом и наверняка выслеживает нас. Надо бы обойти вокруг лагеря.

Капитан Пелехо понял, что лучше ему убраться отсюда подобру-поздорову, пока эти двое не начали осматривать ближайшие кусты. Ему удалось скрыться с места незамеченным и вернуться в лагерь, никого не разбудив. Но если бы он задержался еще ненадолго, то услышал бы чрезвычайно интересное для него окончание разговора:

— Минуточку! — сказал Антонио Перильо Бенито Пахаро, поднимавшемуся с земли, чтобы начать свой обход. — Если завтра, как ты предполагаешь, Отец-Ягуар нападет на нас и нам придется подняться в

горы, кто еще пойдет с нами?

— Что за вопрос? Нам с тобой больше никто не нужен.

— А я бы предпочел отправиться туда с несколькими спутниками.

— Почему?

— Там опасно.

— Но ты же был там один, и ничего страшного с тобой не произошло!

— То, что никого со мной тогда не оказалось, было чистой случайностью. Мы представления не имеем, что нас там ждет. Провести поиск вдвоем мы сможем, а вдруг, чтобы откопать сокровища, наших с тобой сил окажется слишком мало?

— Однако тот индеец ходил туда в одиночку!

— Ну, так он и нес-то всего несколько небольших предметов. А нам, я чувствую, понадобится рабочая сила.

— С которой мы должны будем поделиться?

— Нет.

— То есть как это «нет»? Никто не станет помогать нам без того, чтобы не пообещали какую-то долю.

— Вот это ты верно заметил: именно пообещали. Но это еще совсем не значит, что он должен непременно получить от нас то, на что рассчитывает.

— Что ты имеешь в виду?

— А ты не догадываешься? Так и быть, объясняю: я с превеликим удовольствием расплачусь с каждым из них пулей в лоб или ударом ножа в сердце.

— Ах, вот оно что? Ну это другое дело.

— Слава Богу, наконец-то до тебя дошло! Так что — берем помощников?

— Ну, раз ты этого хочешь, берем.

— Договорились! А теперь решим, из кого будем выбирать. Может, возьмем солдат?

— Нет, эта идея мне не по душе.

— Тогда, может, абипонов?

— Не надо!

— Ну тогда кого же?

— А почему ты считаешь, что вообще надо выбирать непременно из тех, кто под рукой? Путь до ущелья Смерти отсюда не близкий, и мы скорее окажемся там, если поскачем только вдвоем. Белых мне бы не хотелось убивать... Индейцы — еще ладно... Но абипонов не стоит брать в компанию, потому что мы поедем по их территории. Нет, нам нужно нанимать помощников из какого-нибудь другого племени, их должно быть

к тому же не слишком много, а то, знаешь ли, всех не перестреляешь. Впрочем, избавиться от индейцев мы сможем и другим способом.

— Это верно. Но сейчас меня больше волнует другой вопрос — удастся ли нам удрать от наших нынешних спутников?..

— А почему это должно нам не удалиться? Камба ударят вот-вот. Чем больше наших людей ввяжется в этот бой, тем лучше для нас. Остальные тут же разбегутся кто куда, и никому до нас не будет никакого дела.

— А я думаю о том, что солдаты не должны и не станут в бою покидать своего командира. Но командир-то у них — ты. А может, в связи с этим обстоятельством лучше поручить командование этому неврастенику капитану Пелехо?

— Ха-ха! Вот тут-то пуля и найдет наконец этого заносчивого парня. Будет, право же, забавно, когда выяснится, что наш поход потерпел неудачу под командованием такого знаменитого «профессионала». А мы с тобой кто были в его глазах, вспомни? Да просто глупцы и трусы, испугались, видите ли, загадочного исчезновения пленников, ну и раздули из мухи слона. Ладно, утро вечера мудренее, там будет видно, что делать дальше.

И он встал-таки на этот раз с земли. Обошел лагерь, как хотел, но ничего подозрительного не заметил и, успокоенный, лег спать.

Глава XVI

СХВАТКА В ЛЕСУ

Лагерь проснулся и ожил с первыми проблесками рассвета на ночном небе. Абипоны из окружения вождя знали дорогу к Высохшему озеру очень хорошо, поэтому они и возглавили колонну. Гамбусино и эспада ехали в одном ряду с индейцами, преследуя свою цель: по возможности, первыми обнаружить следы Отца-Ягуара, если, конечно, гамбусино не ошибся в своих предположениях. Но, как всегда, немец перехитрил их — он следовал к той же цели несколько южнее.

Из почти восьмисот воинов этого довольно странного по своему составу войска лишь полсотни передвигались верхом, поэтому на преодоление пути до долины Высохшего озера у неимоверно растянувшейся колонны ушло почти полдня. Но вот показалась темная полоска прилегающего к озеру леса, и гамбусино, указав на нее рукой, спросил у Бесстрашной Руки:

— Это тот самый лес?

— Да, сеньор, — ответил вождь абипонов.

— А как выйти на его противоположный край?

— Это можно сделать, только если обойти лес, потому что он непроходим.

— Нет, мы не можем тратить на это время, потому что сегодня вечером мы должны выйти к деревне камба, а ночью напасть на нее. Скажи мне, в этой долине есть какая-нибудь вода?

— Есть ручеек, который впадает в небольшое озеро.

— Вот там мы и передохнем.

Последние слова насторожили капитана Пелехо, который как раз в этот момент подъехал к голове колонны. И он счел необходимым вставить, как военный человек, одно существенное, на его взгляд, замечание:

— Сеньор, создавшаяся ситуация требует от нас максимальной осторожности и осмотрительности. А вы хотите нас повести в долину прямо через эти лесные Дебри, где наш отряд вполне может ожидать вражеская засада.

Гамбусино ответил ему с раздражением:

— А вы думаете, я этого не представляю, так, что ли? Не хуже вас понимаю, но готов пойти на это не от хорошей жизни. Мы направляемся в

долину через лес, а если встретим там врага, он будет опрокинут.

— Это легче сказать, чем сделать, и я хотел бы вам посоветовать...

— Я не нуждаюсь ни в чьих советах, а уж в ваших — менее всего! — окончательно потерял терпение гамбусино. — Держите свое мнение при себе, пока я не спрашиваю его у вас!

Капитан резко повернулся, ничего не ответив на Эту тираду, явно провоцирующую его на скандал, и отъехал в сторону. Колонна вновь пришла в движение.

Вскоре они заметили на земле следы лошадиных копыт, которые исходили откуда-то слева от них и вели напрямиком в долину. Гамбусино придержал свою лошадь, спрыгнул на землю, наклонился и, внимательно осмотрев следы, сделал вывод:

— Здесь проехало несколько всадников, а с ними рядом шли несколько пешех. Но это еще не повод для беспокойства. Эти люди пришли сюда с юга, в то время, как мы — с востока, следовательно, они не могут знать о нас.

Капитан Пелехо, разумеется, не мог разделить этого оптимизма, по его мнению, больше смахивавшего на беспечность, тем более, что гамбусино не позаботился даже о том, чтобы выслать вперед разведчиков. Но, помня о недавней стычке, от которой еще не успел остыть, промолчал. Однако, когда они подъехали уже к самой границе леса, все-таки не выдержал и заметил:

— Я бы на всякий случай выслал вперед нескольких разведчиков, надо проверить, спокойно ли в долине.

— Я ведь, кажется, уже говорил вам, что даже хочу, чтобы лес оказался наполнен врагами, — процедил сквозь зубы гамбусино, — а если вам страшно, можете вернуться назад, мы как-нибудь переживем ваше отсутствие.

— Вот именно, — добавил эспада, — нам не нужны трусы.

— Сеньор, вам не кажется, что вы задеваете мою честь офицера? — срывающимся голосом спросил разволновавшийся капитан.

— Думайте, что хотите! Мне это безразлично! — ответил Перильо.

— Хорошо, тогда я скажу вам все, что я про вас думаю! Вы специально ведете в дебри этих ничего не подозревающих людей, чтобы их здесь всех перебили, а вы после этого смогли бы спокойно заняться своими грязными делишками. Я имею в виду сокровища древних инков в Барранке-дель-Омисидио.

Он никогда не стал бы так открыто и так неосторожно говорить о том, что у него на уме, если бы не охватившее его волнение, капитан просто не

владел собой. На гамбусино и эспаду на несколько секунд, казалось, напал столбняк, потом они переглянулись. Первым нашелся Бенито Пахаро.

— Ха... Ха-ха... Да вы, кажется, бредите, сеньор! — сказал он. — Что за безумные фантазии вас одолевают? Откуда вы это взяли?

— В свое время вы узнаете об этом, обещаю! А я прекращаю давать вам советы, поскольку они вам действительно совершенно ни к чему.

Лошади капитана как будто передалось его состояние: во время этого разговора она нетерпеливо перебирала ногами, даже пыталась встать на дыбы. Наконец он дал ей шпоры и отъехал. Гамбусино и эспада глядели ему в спину тяжелыми взглядами еще некоторое время, потом первый прошептал, вернее, прошипел со злостью:

— Этот мерзавец вчера подслушал нас, не иначе! Что делать будем, а?

— Заставим его замолчать. Навеки... И чем раньше мы это сделаем, тем больше будет гарантий, что он не успеет еще кому-то растрепать нашу тайну.

— Верно! Настал последний день его жизни. Этот наглец еще смеет давать мне советы! Кстати, насчет возможного нападения в лесу: мы с тобой останемся у входа в долину, а эти, — и он кивком показал на серую массу абипонов, — пусть маршируют дальше. Если камба действительно уже подстерегают нас, сдадимся, и все.

Так они и сделали. Как только они достигли входа в долину, остановились, приказав индейцам идти дальше. Однако Бесстрашная Рука решил взять инициативу на себя и, приказав своему окружению следовать за ним, проехал галопом вперед. Но очень скоро вернулся и сказал:

— В долине никого нет. Мы можем двигаться дальше.

— Тогда вперед! — скомандовал гамбусино. Но сам по-прежнему не сдвинулся с места. Вождь же, не подозревая ни в малейшей степени о коварных замыслах своего белого компаньона, направился снова во главу колонны.

Редко ошибался в своей жизни Бесстрашная Рука, считанные, можно сказать, разы, но произошел как раз тот самый редкий случай.

Как вы, мои уважаемые читатели, наверное, помните, Отец-Ягуар, покидая деревню камба, передал Херонимо свои полномочия командующего вместе с планом военных действий. И Херонимо повел шестьсот камба к Высохшему озеру. Тут-то и обнаружилось исчезновение доктора Моргенштерна и его слуги. Их следы вели все в ту же долину. Если эти два чудака, подумал Херонимо, попадут в руки абипонов, то они вполне могут выдать нас, хотя бы по свойственному им недомыслию, а уж если их начнут пытаться... Поэтому он решил все-таки не вступать в долину, пока не

вернется Отец-Ягуар. Его войско расположилось лагерем у выхода из долины, возле ручья. Разумеется, он не забыл выставить часовых, занявших прекрасные наблюдательные посты за скалами.

Рано утром часовые заметили приближение пяти человек — троих всадников и двоих пеших. Как только Херонимо узнал об этом, он тут же сам отправился на пост за скалами. Пятеро неизвестных приближались. Постепенно их силуэты становились все более четкими...

— Да это же... Отец-Ягуар, Аука, Ансиано, а с ними и оба немца! — воскликнул Херонимо, в одной фразе перейдя от неуверенности к полной уверенности.

Надо ли говорить о том, с какой радостью они были встречены! Первое, что сказал Отец-Ягуар, когда разомкнулись дружеские объятия, было:

— Я надеюсь, все наши воины находятся где-то рядом?

— Да, и все готовы к бою, — ответил Херонимо.

— Где же они?

— Там, откуда мы пришли, у ручья.

— Почему вы не стали входить в долину?

— Потому что твои земляки могли открыть врагам наши планы. Это вполне могло случиться, если бы они попали в руки абипонов и те стали бы их пытаться. Поэтому я принял решение до твоего возвращения ничего не предпринимать. Я правильно поступил или нет?

— Правильно. Я и сам сделал бы то же самое в данной ситуации.

И они отправились дальше в лагерь у ручья. Снова повторялась сцена радостной встречи. Доктор Моргенштерн и Фриц, потупившись, старались держаться как можно более скромно и незаметно. Но остаться в тени ям все же не удалось.

— Сеньоры! Что это случилось с вами, по какой такой причине вы вдруг утратили свои приличные манеры? Уйти и не попрощаться — где это видано? А мы ведь беспокоились: куда вы подевались, что с вами стало? Ведь вас же могла проглотить какая-нибудь глупая гигантская черепаха! — так приветствовал своих приятелей неподражаемый хирург.

Доктор Моргенштерн ничего не ответил ему, зато Фриц в очередной раз продемонстрировал свое умение вести легкую словесную пикировку:

— Ну, сеньор, это для нас не страшно. Мы же знаем, что вы в любой момент одним точным движением можете рассечь ее чрево и освободить нас!

— Да, это так, — важно подтвердил дон Пармесан, по-прежнему совершенно невосприимчивый к иронии, когда речь заходила о его

профессиональной квалификации, и перешел на другую тему: — Вы, конечно, отправились к болоту добывать кости динозавров?

— Да, — ответил Фриц, — но вышла незадача: мы надеялись, что роль фонарщика для нас исполнит полная луна, а она, скупердяйка, выставила на этот раз только свою четвертинку.

— Тем не менее, насколько я понимаю, — продолжил хирург, — ничего страшного с вами, к счастью, не случилось. А мы так беспокоились, что вы попадете в руки этих ужасных абипонов! Да, а где же ваши лошади?

— Увы, их сожрала глупая гигантская черепаха! — с преувеличенно скорбной миной на лице заявил Фриц. — Да, если бы там был такой знаменитый хирург, как вы, можно было бы еще успеть спасти несчастных животных! А теперь — что поделаешь...

Фриц продолжал бы шутить и дальше, но вдруг у него в голове мелькнуло одно весьма серьезное соображение, и он, оборвав беседу с доном Пармесаном, направился к своему хозяину, которой сидел на земле, прислонившись к стволу толстого дерева, и заговорил с ним по-немецки, что, по установившемуся между ними правилу, стало своеобразным сигналом о том, что разговор пойдет сугубо конфиденциальный.

— Он мне уже несколько поднадоел, — сказал Фриц, кивком показывая на дону Пармесана, — и что я, право, вообще с ним связываюсь, давно ведь знаю, что до чокнутых шутки доходят очень плохо... Ну ладно, я вот что хотел сказать: на самом деле, мне очень жаль, что мы потеряли лошадей. Но что меня удивляет, так это то, что Отец-Ягуар отнесся к этому совершенно равнодушно! А вам так не показалось?

— Погоди! Ему сейчас просто не до этого!

— К сожалению, это так. Но вы не расстраивайтесь Я уже заразился вашей страстью к древним костям, и вот какая забавная штука — они с некоторых пор не выходят у меня из головы. Словом, я все беру на себя и непременно верну лошадей.

— Нет, Фриц, так дело не пойдет. Я не могу принять от тебя такой жертвы.

— Почему?

— Это, видишь ли, задевает мою честь, по-латыни «гонор». Взвалив эту проблему на тебя, я потеряю уважение к самому себе.

— Что? Как это? Какой наглец посмеет утверждать, что вы недостойны уважения? Никто, даже ваши враги! А то, что вы сами о себе думаете, никого не касается. И вообще, вам надо поменьше думать о разных бытовых и практических проблемах. Я же ваш слуга, вы забыли? Вы же мне как раз за это и платите, мой господин!

— Оставим эту тему, дорогой Фриц! Я не сомневаюсь в твоей преданности. Не стоило вообще все это затевать. Глупость вышла...

— Не стоило? Это еще вопрос. Ладно, я понял, вас беспокоит то, что в глазах наших спутников мы теперь выглядим недотепами, к тому же бессовестными, так? Так! Но я знаю способ, которым мы сможем восстановить свое пошатнувшееся реноме в этом достойном во всех отношениях обществе.

— И что это за способ?

— Мы должны проявить чудеса храбрости.

— В бою, ты имеешь в виду?

— Именно в бою.

— Знаешь, такая перспектива меня что-то не слишком вдохновляет. Нет, я не трус, но я вовсе не хочу проливать ни свою, ни чью-либо кровь, по-латыни «сангвис».

— Вот как! Вы хотите проявить великодушие по отношению к людям, собиравшимся кинуть нас на съедение крокодилам? Не согласен. Было бы просто непростительным грехом оставить этих типов жить на земле. Даю вам слово, что уничтожу без всякой жалости любого из них, как только он попадет в мои руки.

— А можно обойтись при этом без кровопролития?

— Вполне. Хороший удар может свалить человека и без кровопролития.

— Может быть, может быть... Знаешь, скажу откровенно, как только я вспоминаю об этих негодях — Бенито Пахаро или Антонио Перильо, мои пальцы сами собой сжимаются в кулак, по-латыни «пугнус», хотя, повторяю, я совсем не кровожадный человек.

— Так и должно быть. Положитесь во всем на меня и следуйте моему примеру. Я тоже, кстати говоря, не людоед.

Пока Фриц пытался поднять боевой дух своего хозяина, остальные их спутники-белые собрались в кружок, чтобы послушать рассказ Отца-Ягуара о том, что ему удалось разведать. Он заключил его такими словами:

— Я убежден, что они сами идут к нам в руки. Нам не следует торопиться. Но человек сто, я думаю, следует выслать им навстречу в качестве авангардного отряда. Их поведет Херонимо. Лагерь мы перенесем в долину, командовать там буду я, заняв позицию в самом центре. Как только враги появятся, я сам выйду им навстречу и потребую сдать.

— Не делай этого, Карлос, не делай! — воскликнул Херонимо. — Это не отвага, а безрассудство.

— Ни в малейшей степени!

— Это ты сейчас так думаешь!

— Нет, я абсолютно уверен, что опасность мне не угрожает. Дело в том, что среди тех, кто командует нашим противником, есть офицер, человек не без чести и совести, не то, что эти двое — гамбусино Бенито Пахаро и эспада Антонио Перильо. Пахаро, как я имел случай убедиться, законченный негодяй, а Перильо наверняка немногим от него отличается. Как только офицер поймет это, он, несомненно, попытается каким-то образом отколоться от них. Вот с ним-то я и хочу провести переговоры, в результате которых, надеюсь, до драки дело не дойдет.

— А если они не поверят тебе или вообще не захотят с тобой разговаривать?

— Пусть будет, что будет, но свой долг я исполню.

— Нет, ты все-таки неисправимый идеалист. Неужели они тебе позволят вести какие-то проповеди? Да они просто тут же схватят тебя и, может быть, тут же, прямо на месте, убьют!

— Па! Это не так-то просто сделать. Если они пойдут на это, я немало народу уложу на месте, ты знаешь, и они, надеюсь, знают тоже, что я могу это сделать. А выстрелы в этом случае будут для вас сигналом к выступлению.

— Ага, а ты в это время будешь у них в лапах. Нет, это слишком рискованно, слишком вызывающе.

— «Рискованно и вызывающе» — это слишком слабо сказано, безумие — вот что это, — подключился к их беседе лейтенант Берано. — Я уже высказывал сеньору Ягуару свое мнение на этот счет, но он проигнорировал его. Не понимаю, чего ради мы должны щадить этих мерзавцев? Абипоны зверски жестоки, а насчет белых, которые связываются с ними, можно заранее, даже не затрудняя себя поисками доказательств, сказать, что они, конечно же, негодяи. Нет, миндальничать с ними — глупо, открывать по ним огонь следует немедленно, в ту же секунду, как только они появятся в поле нашего зрения.

— Я же запретил вам это, и вы вынуждаете меня еще раз повторить этот запрет! — тоном, не допускающим возражений, сказал Отец-Ягуар, потом продолжил, но уже с более мягкой интонацией: — Вы выслушали мое мнение. Я надеюсь помирить два до сих пор постоянно враждовавших племени. Кроме того, я бы хотел, чтобы Бенито Пахаро и Антонио Перильо остались живы, во всяком случае, я прошу не стрелять в них без моего на то особого приказа.

— А если я все же выстрелю? — не сдавался лейтенант.

Хаммер сурово сдвинул брови на переносице (для людей, хорошо его

знавших, это было признаком того, что он вне себя от гнева) и сказал:

— В этом случае вся ответственность за начатое кровопролитие падет на вас, я же получаю моральное право послать пулю в вас как его зачинщика.

— Как? Вы собираетесь меня убить? Убить? Вы, такой убежденный и непогрешимый гуманист?

— Нет, не убить, а покарать. Это вы берете на себя роль убийцы, нарушая мой приказ, и я обязан остановить вас во имя спасения жизней сотен людей. Впрочем, убивать вас совсем не обязательно, у меня имеется другое средство, с помощью которого я смогу заставить вас вести себя более разумно.

— Что же это за средство?

— Очень простое. Я прикажу вас связать и заткнуть вам рот, только и всего.

— Нет, вы не посмеете так обойтись с офицером.

— Ничего, посмеем. И никаких моральных принципов при этом вовсе не нарушим. Вы забываете, что мы спасли вам жизнь, а вы, благородный сеньор, вместо того, чтобы отблагодарить нас, хотите нарушить мои планы.

— Что ж, сеньор, должен признать, что во многом вы правы. Умолкаю, но поймите, мне же обидно быть связанным, как преступник, и изгнанным, как...

Не договорив последнюю фразу, он резко повернулся и зашагал прочь. Но отойдя на несколько шагов, почувствовал, что минутная слабость прошла и в нем опять закипает прежняя ярость. Он поднял вверх руку со сжатым кулаком и гневно пробормотал, обращаясь не к кому иному, как к самому себе:

— Подчиниться этому человеку! Еще неизвестно, кто он такой, бродяга какой-то, а обращается со мной, лейтенантом, как... как генерал с рекрутом. Он, видите ли, не желает кровопролития. Ну, не желает, и все гут! Пусть себе! А я все равно буду делать то, что хочу и обязан по долгу службы. Эти индейцы заслуживают только уничтожения. Ну неужели же мне, офицеру, подчиняться этому слабоумному сопливному гуманисту без роду без племени! Он сказал, что началом атаки будет выстрел. Очень хорошо! Этот выстрел сделаю я!

Отец-Ягуар, конечно, не слышавший этого страстного монолога, счел разговор на военном совете законченным и направился к дереву, под которым сидели доктор Моргенштерн и его слуга,

— Вот и пришло время выяснить наши точки зрения. Итак, я готов выслушать вас.

— Прекрасно! — ответил вместо ученого его слуга. — Мы хотим быть там, где будет наиболее опасно, в самой гуще сражения.

— Почему? Вас вдруг стала одолевать жажда подвига?

— Вдруг? Видит Бог, я никогда не был трусом. Мы осознаем, что виноваты перед вами, и хотим как-то загладить свою вину. Дайте нам этот шанс! Поймите, мы пережили страшное потрясение. Каковы негодяи: взять и подвесить живых людей вниз головой над этим крокодильим притоном! Я полон жажды мести, как кот, которому надоели нахальные воробьи, и хочу как можно быстрее оказаться в самой гуще этих воробьев в человеческом обличье, чтобы от них во все стороны полетели пух и перья. Я знаю, что герр доктор вполне разделяет мои чувства.

— Нет, то, о чем вы говорите, невозможно.

— Но почему?

— По очень простой причине: у вас не будет такой возможности. Неужели вы полагаете, что я всерьез рассчитываю на вас как на воинов?

— Ну конечно!

— Увы, должен откровенно признаться, мне это никогда бы и в голову не пришло. За то время, что вы находитесь среди нас, вы, уж извините, делали одни только глупости, и я совсем не уверен в том, что вы извлекли из всего случившегося какие-то полезные уроки для себя.

— Герр Хаммер, — обиделся Фриц, — а вам не кажется, что вы задеваете мою честь? Я ведь могу потребовать от вас сатисфакции.

— Этого, пожалуйста, требуйте сколько угодно, но только не своего участия в бою. Что-то вы очень разгорячились... Ну ладно, пожалуй, поручу-ка я вам стоять на посту, чтобы вы, не дай Бог, еще какую-нибудь глупость не выкинули.

— Что? На каком посту? — спросил сбитый с толку Фриц.

— Будете охранять лошадей, которых мы не возьмем с собой в долину.

— Охранять лошадей! — со стоном протянул Фриц. — Герр доктор, что вы можете сказать на это?

— Я против этого предложения, — ответил ученый, — мы хотим драться, потому что мы не трусы и готовы доказать это любому, кто сомневается в нашей храбрости!

— Охотно верю, — ответил ему Отец-Ягуар, — но до сих пор ваша храбрость для нас была опаснее вражеской. Поэтому я и поручаю вам дело сугубо мирное.

— И вы думаете, мы справимся с этим вдвоем? Я не знаю, обладаю ли я талантом, необходимым для выполнения данного поручения... — растерянно проговорил доктор Моргенштерн.

— Нет-нет, я поручаю это дело не только вам двоим, с вами будут еще шесть камба. Но скажите мне, герр доктор, я могу на вас в данном случае положиться целиком и полностью?

— Разумеется, несмотря на то, что мы по-прежнему горим желанием участвовать в бою, но раз вы вменяете нам другую обязанность, по-латыни «оффициум», мы принимаем ее на себя.

— Прекрасно! Ваша задача в общем не слишком сложна, главное — быть все время начеку, чтобы ни одна лошадь не убежала в долину.

И он ушел. А Фриц все еще никак не мог примириться с отведенной ему унижительной, как он считал, ролью и остро нуждался в единомышленнике.

— Герр доктор, — обратился он к хозяину, — вы ведь учились в университете.

— Да, и не в одном, я закончил три университета, — ответил Моргенштерн.

— И вот теперь вам предоставлено «почетное право» пасти лошадей! Неужели вам нравится использовать свое прекрасное образование таким образом?

— А что я мог поделаться в данном случае?

— Как? Разве вы не ощущаете себя задетым за живое? Все же перевернуто с головы на ноги: невежественные индейцы — и те сражаются, а ученый человек, зоолог, приставлен к лошадиным хвостам, как простой неграмотный пастух!

Доктор Моргенштерн нахмурился, подумал несколько секунд, потом ответил так:

— С этой точки зрения я пока еще не рассматривал данную ситуацию. Но, разумеется, мне не хотелось бы никому давать повод считать, что у меня не хватает мужества.

— Да что там «повод»! Все именно так о нас и подумают.

— Но это же для нас почти унижение!

— Почти! Да не почти, а самое что ни на есть сильнейшее унижение, больше которого для мужчины и быть-то не может!

— В таком случае, я должен непременно требовать сатисфакции.

— Конечно! Вы должны драться с обидчиком на дуэли! Я бы с удовольствием пошел к вам в секунданты, если бы только был уверен в том, что это не пойдет вам во вред.

— Почему же это может мне повредить?

— Почему? Да потому, что Отец-Ягуар просто высмеет нас обоих, только и всего. А что мы сможем этому противопоставить? Да ничего,

совершенно ничего. Но есть другой способ восстановить нашу репутацию и заставить Отца-Ягуара принести нам свои извинения.

— Что ты имеешь в виду?

— А надо вести себя так, как будто он нам ничего не поручал и вообще с нами не разговаривал. Пусть за лошадьми присматривают камба, а мы пойдем в бой.

— Но он же сразу заметит нас.

— А вот и нет, мы сделаем все по-умному и скрытно.

— Но у нас нет никакого оружия!

— А оно нам и не потребуется. Он ведь не хочет кровопролития. Ну ладно, мы тоже не вампиры какие-нибудь, сделаем, как он хочет. Срежем в лесу толстые суки и сделаем из них хорошие дубины. Ну, вот, берем мы, значит, эти дубины и неожиданно для всех прорываемся с ними вперед, а потом лупим ими направо-налево всех подряд. Крови нет, но враг отступает. Увидев такую картину, Отец-Ягуар должен будет ощутить угрызения совести и просто не сможет не извиниться перед нами. Ну, как вам мой план?

— Он кажется мне неплохим. Мое уязвленное до боли самолюбие подсказывает мне, что я должен с ним согласиться. Самолюбию требуется лечение, по-латыни «инстаурацио».

— Ну, конечно, требуется! А какое «инстаурацио» вам могут предоставить лошади? Итак, мой план принимается?

— ...Погоди, твой план, бесспорно, отличный, но я ведь обещал Отцу-Ягуару остаться возле лошадей.

— Но давайте разберемся. Это ведь с его стороны был только благовидный предлог, чтобы удалить вас с поля сражения. Неужели же шесть камба не смогут присмотреть за этими лошадьми? Что за ерунда! Да прекрасно смогут! Ну вы же знаете этих краснокожих. Представьте, что они будут говорить о нас, когда увидят, что нас нет среди сражающихся!

— Черт возьми, ты совершенно прав, Фриц! — воскликнул доктор Моргенштерн. — Индейцы назовут нас не иначе как старыми бабами. Все, Фриц, я принимаю твой план и готов начать действовать!

— Отлично! Мы будем драться, как львы, или, если хотите, как тигры! Особенно против тех, кто посмеет усомниться в нашем мужестве. Их жизнь с этого момента не будет стоить и гроша ломаного!

В который раз красноречие Фрица оказалось сильнее доводов разума. Увы.

Тем временем в войске Отца-Ягуара происходили некоторые перестроения. Все белые и примерно восемьдесят камба оседлали

лошадей, чтобы под предводительством Херонимо отправиться в долину. Здесь воины рассредоточились по ее краям, чтобы не оставить следов на мягкой траве в центре долины, и стали ожидать дальнейших событий. А они могли развиваться, напомню, по двум вариантам: либо в результате переговоров будет заключено перемирие, либо первый выстрел послужит сигналом для начала сражения.

Еще пятьдесят краснокожих стояли в засаде у скал, своего рода каменных ворот в долину, готовые прийти на помощь своим братьям в любой момент. Они были разделены проходом в долину на два примерно равных по численности отряда. Отец-Ягуар находился в отряде, стоявшем справа.

Оба нарушителя его приказа, заметив это, естественно, примкнули к отряду, стоявшему слева.

Кроме двух маленьких немцев, был еще один белый, которого обошли при распределении достойных ролей в предстоящем сражении, — лейтенант Берано. Отец-Ягуар не питал никаких иллюзий относительно того, что этот бретер мог вдруг ни с того, ни с сего перемениться, однако в решающий момент все же переборол свои амбиции и сам подошел к лейтенанту.

— Сеньор, — обратился он к молодому человеку довольно строго, — я не отказываюсь ни от единого из своих слов, произнесенных в наших спорах, но сейчас я хочу задать вам всего один вопрос: желаете ли вы, несмотря на все наши разногласия, принять участие в этом сражении, если оно состоится?

— Да.

— В таком случае, я прошу вас с этой минуты быть постоянно около меня.

— Зачем?

— Мне будут нужны советы специалиста в военном деле.

— Но до сих пор вы, как мне помнится, нисколько не нуждались в моих советах!

— Потому что таковы были объективные обстоятельства, а теперь они изменились, только и всего.

— Ах, вот оно что! Я вас понял, сеньор! Вовсе не советы мои — человека, которому вы не доверяете, вам требуются, а просто нужно, чтобы я был постоянно у вас на глазах, а то, не дай Бог, еще ударю в спину! Ну, так ведь вы думали? Признайтесь честно! Хорошо, не признавайтесь, если это как-то ущемляет ваше самолюбие, я и так уверен в своей правоте. Но относительно моей порядочности можете не сомневаться, я никуда от вас

не отойду, но по собственной воле, а не по вашей!

И он замолчал. Его лицо приняло столь непроницаемое выражение, что вряд ли у кого-нибудь при взгляде на него могли возникнуть предположения в неискренности последних слов бравого лейтенанта. На самом деле он думал только об одном: когда, в какой именно момент лучше всего произвести тот самый сигнальный выстрел...

На противоположной стороне прохода в долину другой человек пребывал в таком же нетерпении. Это был Фриц, с усердием остругивавший одолженным у индейца ножом свою дубину, аналогичное орудие для своего господина он уже изготовил.

— Ну вот, — сказал он самому себе, закончив работу, — у того, кто получит на память удар этим прекрасным орудием возмездия, не останется времени, чтобы рассыпаться в благодарностях. — Только изготовление этого грозного оружия могло отчасти успокоить Фрица, еле сдерживающего свое нетерпение, минуты казались ему часами, и он обратился к доктору: — Почему это время тянется так медленно, а терпение, наоборот, сгорает, как порох? Неужели эти абипоны не могут двигаться немножко быстрее?

— Да. Это ожидание совершенно невыносимо.

— Если бы знать, когда они появятся! Подняться, что ли, повыше? Метров с двух высоты их, по-моему, уже можно будет заметить.

— Пожалуй. Но туда очень трудно будет забраться, кусты там совершенно непроходимы.

— Нет, надо все-таки попытаться. Мы же с вами оба маленькие и легкие, не то что некоторые, сложенные, как... гигантская хелония!

— Прощу тебя, ни слова больше об этом животном! Мне слишком больно теперь любое упоминание о нем.

И они стали взбираться на скалу. Это оказалось, в общем-то, менее сложно, чем представлялось снизу, однако потребовало от них, конечно, некоторых усилий. Но вот, наконец, совершенно измотанные, с дрожащими от напряжения руками и ногами, ученый и его слуга выбрались на небольшую площадку и осмотрелись. Очень скоро на горизонте они заметили медленно движущуюся полосу, это и были долгожданные абипоны.

— Наконец-то! — воскликнул Фриц, потирая руки. — Что скажете, герр доктор?

— Я рад, что ожидание кончилось.

— Я тоже. «Но страшен этот дар богов, когда свободный от оков, лавиной с каменных вершин летит он, неба вольный сын», как сказал

Шиллер в своей «Песне о колоколе». Эти слова поэт относил к огню, но и я сейчас в таком состоянии, что готов воспламениться в любую секунду. О, как я хочу поскорее увидеть физиономии этих убийц!

Абипоны приближались. Их уже можно было пересчитать с точностью, правда, довольно приблизительно, но уж за то, что их не меньше, чем полсотни, можно было ручаться. Они подъехали еще ближе... Да, их было пятьдесят человек, черты их лиц становились видны все более резко...

— Узнаете того, кто едет в центре? — воскликнул Фриц, обращаясь к доктору Моргенштерну. — Наш старый знакомый!

— Да, это гамбусино Бенито Пахаро.

— А того, кто справа от него, тоже узнаете?

— Как же можно его не узнать? Это знаменитый в Аргентине эспада Антонио Перильо.

— А слева от гамбусино?

— Вождь абипонов Бесстрашная Рука.

— Тоже порядочный негодяй, получающий удовольствие от того, что затягивает петлю лассо на горле человека.

Между тем происходило следующее. Разведчики, высланные вперед Бесстрашной Рукой проверить долину, вернулись к отряду, доложив, что врага нигде не обнаружили. И отряд двинулся к маленькому озерку на дне котлована Высохшего озера. Только когда последний из индейцев, шедших пешком, прошел через расщелину в скалах, служивших воротами в долину, показались всадники. Замыкал эту цепочку гамбусино.

— Эх, как жаль, что он так далеко! — воскликнул Фриц, имея в виду гамбусино. — С каким удовольствием я бы сейчас щелкнул его по носу!

У кустов, среди которых лежали немцы, были длинные, гибкие ветви, достававшие до самой земли, покрытой сетью трещин. И вот настал момент, когда гамбусино на своей лошади оказался точно под нашими двумя мстителями среди этих ветвей. Но сверху, из-за сплетения сучьев, очертания его фигуры лишь едва-едва просматривались. Доктор наклонялся все сильнее, сильнее, чтобы рассмотреть гамбусино, но он недооценил сухость и хрупкость почвы: в некий критический момент зыбкая опора не выдержала, и вниз стремительно покатались первые сухие комочки, за ними — целый пыльный поток — начался оползень, и ученый, влекомый его силой, пополз вместе с ним прямо на головы въезжавших в долину врагов.

— Стойте, стойте! — закричал ничего не соображающий Фриц, забыв об осторожности. — Куда вы? Нам туда не нужно!

Он успел ухватить своего хозяина за ноги, но не удержал его, и их тела, сплетясь в единый клубок, покатались вместе. Их хлестали ветви, они ударялись о камни и стволы, в конце концов, это падение закончилось... у ног лошади гамбусино.

Тот, хоть поначалу и опешил от удивления, но, придя в себя, не преминул издевательски приветствовать немцев:

— Что это? Кто это нас так торжественно встречает? Ба, да это же наши старые знакомые!

— Вот это да! — воскликнул ехавший рядом с ним Антонио Перильо. — Чертовщина какая-то! Это же наши вчерашние пленники, которых съели крокодилы!

— О, дружище, ты удивлен, потому что не знаешь еще, с какими уникальными магами и волшебниками нам посчастливилось иметь дело: они умеют бесследно исчезать, а затем сваливаться людям на голову прямо с неба! Эй, господа мошенники, — обратился он к несчастным, распростертым на земле, окровавленным немцам, не подающим никаких признаков жизни, — вы живы или нет?

Он соскочил с лошади и прикладом своего ружья попробовал дотронуться до Фрица. А тот, собрав остатки своих сил, приподнялся, и, не обращая ни малейшего внимания на гамбусино, обратился к своему господину:

— С удачным вас приземлением, герр доктор! — Прозвучало это, откровенно говоря, не слишком-то весело, потому что боль не скроешь никаким бодрячеством, но Фриц уже, что называется, закусил удила. — Все ли части вашего скелета на месте? — продолжил он. — Не нашлось ли таких заблудших, что отбились от общего стада?

Ученый с трудом приходил в себя. Открыв глаза, он несколько секунд осматривался замутненным взглядом, потом ответил Фрицу:

— Кажется, все мои кости целы, но голова раскалывается.

— Еще бы! Когда катишься с такой горки, голове достается в первую очередь!

— А... Значит, и ты испытываешь то же самое...

— Молчать! — заорал взбешенный гамбусино. — Здесь разговаривать буду я! И учтите, это будет для вас очень серьезный разговор! Куда вы исчезли вчера вечером?

— Мы ушли сюда, — с самым невинным выражением лица ответил ему Фриц.

— Это я вижу! Но кто вас отвязал?

— Никто.

— Кончай врать, мошенник! Это тебе может очень дорого обойтись! Самим вам было бы не отвязаться!

— Но мы же смогли, и это оказалось совсем нетрудно.

— Послушай, нахалов, которые ведут себя со мной так же, как ты, я умею приводить в чувство. Но если ты такой тупой, то, так и быть, объясняю: я хочу знать, кто вас освободил?

— Ничем не могу быть вам в этом смысле полезен, а если вы меня не поняли, повторяю, в свою очередь, для вас: мы выпутались из ремней.

— Как?

— О, вот уж это, извините, наш маленький секрет.

— Я заставлю тебя его раскрыть!

— Зачем вам зря стараться? Я все равно ничего не скажу. А то вдруг вы снова захотите нас повесить. Как же нам тогда убежать?

— Так ты еще будешь надо мной издеваться, придурок? Ладно, это тебе зачтется как особая заслуга. Только весь твой идиотский героизм ничего не стоит. Я и так знаю, кто вас освободил, — Отец-Ягуар.

— Ах, оказывается, вы лишены любопытства. Жаль, жаль... Попозже я, возможно, и рассказал бы вам, кто был наш освободитель на самом деле.

То, что произошло после этой фразы, уложилось в несколько секунд. Фриц неожиданно резко вскочил на ноги, крепко ухватил доктора Моргенштерна за руку и рванул вместе с ним через скальный проход в долину. Антонио Перильо выхватил револьвер, но Бенито Пахаро остановил его, сказав:

— Это излишне. Наши воины уже там, и выстрел в тылу их напугает.

— У меня только что камень с сердца свалился, — сказал эспада, — скоро мы узнаем, как произошло это их загадочное исчезновение, и, я надеюсь, повесим обоих мошенников снова. Надо догнать их!

И они тоже устремились в скальный проход. Капитан Пелехо, не вмешивавшийся в этот разговор, замыкал троицу. И вот, миновав ворота, они въехали в долину. Первое, что они успели заметить, — это то, как исчезают в кустах оба немца. Они уже приготовились дать шенкелей своим лошадям, но тут...

— Тысяча дьяволов! — воскликнул гамбусино. — Это же Отец-Ягуар!

Да, перед ними был не кто иной, как сам Отец-Ягуар, человек, которого он и Антонио Перильо боялись по-настоящему, потому что не могли не понимать и не признавать его превосходства над собой буквально во всех отношениях. За спиной их смертельного врага вырисовывался небольшой отряд. Стоя лицом к лицу с врагом, начинаешь соображать с необычайной скоростью, но плодами своей сообразительности негодяям

воспользоваться не удалось: прогремел выстрел. Отец-Ягуар сразу понял, кто стрелял и почему.

А сейчас мы вернемся немного назад во времени. Отец-Ягуар среди тех, кто был в засаде, оставался наиболее спокойным. И даже когда в долину въехал сам вождь абипонов и сердца всех камба учащенно забились, он даже не вздрогнул. Мимо них проехали вначале индейцы, потом белые и, наконец, Пахаро, Перильо и Пелехо... Когда Отец-Ягуар увидел этих троих, он наклонился к лейтенанту Берано и сказал ему на ухо:

— Оставайтесь здесь до моей особой команды. Если же услышите, что я выстрелил, можете начинать стрелять по абипонам.

И он устремился навстречу врагам.

С минуту, наверное, злейшие враги молча смотрели в глаза другу другу. Неожиданно грянул одинокий выстрел. Стрелял, конечно, лейтенант Берано, и целился он не в кого-нибудь, а в самого вождя абипонов. Бесстрашная Рука резко откинулся всем корпусом назад и вывалился из седла. Воцарилась зловещая пауза. Но уже через полминуты долину огласил жуткий вой абипонов. Казалось, вот-вот даже скалы начнут вибрировать от этих нечеловеческой окраски звуков. Отец-Ягуар, подъехав к лейтенанту, прокричал ему в лицо:

— Негодяй, предатель, убийца! Как вы посмели нарушить мой приказ?

— Я здесь никому не подчиняюсь, — ответил лейтенант, глупо артачась.

— И даже Богу, сказавшему «не убий»? Но вы не просто переступили через эту божью заповедь, из-за вас теперь погибнут сотни людей!

С обеих противостоящих сторон раздались хлопки первых выстрелов. Но даже на первый взгляд потерь было больше, и намного больше, на стороне абипонов. Они несколько растерялись, и в это мгновение раздался бас гамбусино:

— Бегите, спасайтесь! Вы окружены!

И он, подав пример индейцам, повернул свою лошадь. Антонио Перильо и капитан Пелехо тут же последовали за ним. Заметив этот маневр, Отец-Ягуар сказал лейтенанту Берано:

— Сейчас на ваших глазах погибло по меньшей мере сто человек. Я уже говорил вам, что виновный в смерти такого количества людей неизбежно должен понести кару. Своего мнения я не изменил.

Он выхватил револьвер, приставил его к виску лейтенанта и выстрелил. Осечки не случилось...

Совершив эту казнь во имя высшей справедливости, Отец-Ягуар быстро оглядел всю долину, в данном случае, поле сражения. Прогремел

новый залп камба, который для абипонов был еще более губительным, потому что они даже не видели тех, кто стрелял. Но куда же девалась тройца вражеских «полководцев»? К Отцу-Ягуару подъехал Херонимо, а за ним — старик Ансиано, сказавший:

— Сеньор, здесь только что был Антонио Перильо, убийца моего повелителя Инки, но ему удалось сбежать. Я должен его догнать.

— Я с тобой! — сказал Отец-Ягуар. И прежде чем начать погоню, спросил у Херонимо: — Ты видел, куда скрылись три белых всадника, появившиеся в долине последними?

— Он повернули влево, к сожалению, мы не смогли их догнать, потому что в этот момент мы были без лошадей.

— Постарайся остановить это бессмысленное кровопролитие к тому времени, когда я вернусь!

И он дал шпоры своей лошади. Ансиано поскакал за ним.

С того момента, как гамбусино устремился прочь из долины, прошло не более двух минут, а силуэты троих всадников уже маячили на горизонте. В панике удирая от Отца-Ягуара, они развили поистине бешеную скорость.

— Мы вряд ли сумеем догнать их на чужих лошадях, — скептически заметил Ансиано.

— Нет, мы их догоним, мы должны их догнать! Пришпорь как следует свою клячу!

Расстояние между тремя негодьями и их преследователями сокращалось, но, к сожалению, не так быстро, как хотелось последним. И тогда Отец-Ягуар вынул из-за пояса нож и со всего размаху вонзил его в тело своей лошади. Ансиано не верил своим глазам, да и никто из людей, хорошо знавших Отца-Ягуара, не поверил бы своим глазам. Случившееся было просто невероятным: он, человек, искренне любивший животных и никогда их не обижавший, нанес рану, причинил боль четвероногому существу! Но такова была сила ненависти, овладевшей им. Той ненависти, что граничит с умопомрачением. И Ансиано сделал то же самое, словно утратив собственную волю от шока, который вызвал у него в эти минуты поступок Отца-Ягуара. Обожженные болью лошади понеслись быстрее. Дистанция между беглецами и преследователями стала неумолимо быстро сокращаться.

— Сейчас хорошо было бы подстрелить их лошадей! — прокричал на всем скаку Ансиано.

— Сделаем! — ответил ему тоже на скаку Отец-Ягуар.

— Неужели?

— Ты еще не знаешь, как я стреляю!

Они чуть придержали лошадей, чтобы удобней было целиться.

— Подстрелите их лошадей как можно скорее, сеньор! — сказал старик.

— Не дави на меня! — ответил разгоряченный погоней Отец-Ягуар.

— Не понял, что значит «не дави»?

— Стрелять в них вот именно сейчас было бы большой глупостью с моей стороны.

— Но, сеньор, без лошадей они сразу окажутся у нас в руках!

— Как раз наоборот. Они успеют скрыться в лесу. А он здесь такой густой, что преследование станет практически невозможным. Я вообще не понимаю, почему они до сих пор этого не сделали. Но они все же не совсем круглые дураки, в конце концов, догадаются, что лес сейчас для них — лучшее укрытие. Поэтому надо постараться отсечь их от леса и выгнать в открытую пампу.

И Отец-Ягуар направил свою лошадь к опушке леса. Гамбусино, эспада и капитан скакали не вплотную друг к другу, между ними были расстояния разной величины. Лучшая лошадь была у капитана, соответственно он и держался впереди остальных. За ним ехал эспада, а замыкал троицу гамбусино, лошади которого приходилось особенно тяжело из-за большого веса ее седока. В какой-то момент гамбусино понял, что преследователи вот-вот настигнут их, и его первого... И тогда он сделал то же самое, что Отец-Ягуар: ударом ножа подстегнул теряющее силы животное. Догнав капитана, он крикнул ему:

— Сеньор, спрыгните с лошади, она нужна мне!

— Не смейте командовать мною! — ответил капитан.

— Мне некогда объяснять тебе, придурок, зачем это надо! Прыгай, кому говорят!

Капитан и не подумал подчиниться ему. И тогда гамбусино выстрелил в него. Капитан Пелехо взмахнул руками, истекая кровью, и упал с лошади. Бенито Пахаро, ухватив поводья его лошади, притянул их к себе.

— Вы видели, что произошло? — воскликнул потрясенный Ансиано, обращаясь к Отцу-Ягуару. — Он решил убить одного из своих спутников!

— Это он сделал для того, чтобы завладеть его лошадью. Это чудовище привык ради достижения своих гнусных целей ходить по трупам.

Они доехали до того места, где лежал Пелехо. Но он не был мертв, а только ранен. И, увидев склонившихся над ним людей, пробормотал:

— Я все вам объясню... Не оставляйте меня здесь, сеньоры, сжальтесь...

Отец-Ягуар и Ансиано, к сожалению, не могли оказать ему помощь

немедленно, потому что сейчас гораздо важнее для них было догнать гамбусино и эспаду. Они теперь скакали бок о бок. Обернувшись, гамбусино грязно выругался, а потом сказал:

— Дело дрянь! Мерзавцы хотят отсечь нас от леса. Быстро забирай все, что можешь, из своей сумки, прыгай с лошади и чеши вон к тем кустам! Встретимся там!

Перильо все так и сделал. И вскоре они оба уже были за барьером зарослей. Тореадор устремился дальше в дебри, но гамбусино, взяв его за рукав, задержал напарника:

— Ты что, думаешь Отец-Ягуар настолько глуп, что пойдет напрямиком на наши пули? Нет, сюда он не сунется, так что не спеши, отдохни, нам теперь надо как следует пораскинуть мозгами.

И все же они заняли оборонительную позицию, улегшись с ружьями наизготовку. Но все было тихо, никаких признаков приближения преследователей не наблюдалось.

— Видишь, я был прав, — сказал гамбусино, — не сунутся они сюда.

— Что ж, прав и прав, очень хорошо, но мне кажется, не в этом дело. Я вообще, откровенно говоря, не понимаю, чего это мы их так испугались? Нас же было трое, а их двое.

— Ты говоришь так только потому, что плохо знаешь Отца-Ягуара. А я тебе скажу, что он — лучший стрелок из всех, кого я видел, а я водился, как ты, наверное, догадываешься, с парнями, которые прошли огонь, воду и еще кое-что пострашнее.

— Хорошо, ты меня убедил, подождем здесь, пока они уйдут, и сразу же — дальше!

— Какой ты, однако, прыткий! А где наши лошади?

— Да вон же, вон, бродят совсем неподалеку.

— Да я вижу их не хуже тебя. Только Отец-Ягуар их нам не оставит. Придется нам, как пить дать, тащиться к Барранке-дель-Омисидио на своих двоих.

Прогремело два выстрела. Это Хаммер уложил покинутых седоками лошадей, как совершенно правильно предположил Бенито Пахаро. И насчет того, что Отец-Ягуар поостережется приближаться к лесу, он тоже угадал. Но бедный Ансиано! Когда Хаммер объяснил ему, что надо прекратить погоню потому, что они становятся для засевших в лесу отличной мишенью, старик совсем пал духом.

— Неужели мы их упустим? — спросил он растерянно.

Отец-Ягуар ответил не сразу. На лицо его набежала тень мрачного раздумья, он опустил голову, на щеках его заходили желваки, он

заскрежетал зубами и сказал, произнося слова через коротенькие паузы, словно каждое из них давалось ему с огромным трудом:

— Нам не остается ничего другого, как прекратить преследование.

— Но как же это? Почему? Я ведь должен отомстить Антонио Перильо!

— А я — Бенито Пахаро! Но сейчас наше положение таково, что малейшая оплошность с нашей стороны, да просто даже какая-нибудь непредвиденная случайность могут стать для нас роковыми.

— Надо что-то придумать! Сеньор, вы же такой изобретательный, такой хитроумный, неужели вы не сможете переиграть этих тупых убийц?

— Дело не в этом. Наберись немного терпения. Нам необходимо выждать, пока они удалятся отсюда, а потом уже мы пойдем по их следам. При таком раскладе у нас будет гораздо больше шансов на удачу, а сейчас у нас их вообще, пойми, просто ноль. Кроме того, нам необходимо вернуться к нашим товарищам. А далеко эти двое все равно не уйдут. Пешком, я имею в виду.

И после этих слов Хаммер двумя меткими выстрелами уложил лошадей негодяев, к чему гамбусино, хорошо изучивший своего противника, как мы уже знаем, был готов и отнесся стоически.

— Возвращаемся к капитану Пелехо. Возможно, он еще жив, этот парень наверняка знает много всего такого, что для нас сейчас крайне важно.

И он повернул свою лошадь. Но Ансиано последовал за ним не сразу: сначала он погрозил кулаком в ту сторону, где, по его предположениям, могли затаиться враги.

Когда они подъехали к капитану, он нашел в себе силы даже приподняться, хотя и потерял много крови, которой пропиталась вся трава вокруг него. Отец-Ягуар и Ансиано спешили и склонились над Пелехо. Лицо его было без единой кровинки, глаза глубоко запали, он силился произнести какие-то слова, но это давалось ему с огромным трудом. Словом, капитан был уже, что называется, «не жилец». Из последних сил он зажимал свою рану в груди, но кровь все равно сочилась быстрыми струйками между его посиневшими пальцами... И все же первое, что сделал Отец-Ягуар, это распорол его мундир и осмотрел рану. Никаких шансов выжить у капитана не было, и он понял это по выражению лица своего недавнего противника.

— Оставьте, это... сеньор... — еле слышно пробормотал он. — Эта пуля уже забрала мою жизнь...

— Вы — мужественный парень, капитан, — сказал Отец-Ягуар. — И я

не стану скрывать от вас, что жить вам осталось... несколько минут. Может быть, вы хотите как-то облегчить свою совесть перед смертью? А если у вас есть какое-то желание, обещаю, что я его непременно выполню...

— Же... Желание... Да! — неожиданно энергично ответил капитан Пелехо, и в глазах его мелькнула какая-то недобрая искра. — Отомстите за меня этому проклятому гамбусино, сеньор...

— Обещаю вам это. Тем более, что и у меня есть свой личный счет к этому мерзавцу. Но помогите и вы мне. Знаете ли вы что-нибудь о планах гамбусино и эспады?

— Для них... — Капитан снова сложил руки на своей ране, заткнув ее, что дало ему еще несколько мгновений жизни. — Для них весь этот поход и сражение с камба не имеют никакого значения. Во всяком случае, в последнее время, когда они думают только лишь о большом богатстве, спрятанном в горах...

— Где именно?

— Где-то в районе Салины-дель-Кондор, в каком-то ущелье.

— А поточнее вы не могли бы сказать?

— Силы покидают меня. В голове все помутилось, Сейчас, сейчас...

— Может быть, они упоминали о Барранке-дель-Омисидио?

— Да... Да!

— Там спрятаны какие-то сокровища?

— Да, и огромной ценности. Это сокровища инков...

— Откуда гамбусино узнал о них?

— Ему рассказал эспада. Он выследил одного индейца, который в ночь полнолуния спускался в Барранку, а утром вернулся оттуда с несколькими ценнейшими золотыми вещицами.

— Когда это случилось?

— Этого я не знаю.

— Что было дальше с этим индейцем?

— Он убил его... ограбил... и снял с него скальп...

Хаммер взглянул на Ансиано. Тот молчал, храня непроницаемое, словно у изваяния, выражение лица. И Отец-Ягуар снова спросил капитана:

— Был ли Перильо в Барранке после убийства индейца?

— Был... Но ничего не нашел. Вот поэтому-то он и взял в компанию гамбусино. Тот все же немного поумнее его будет...

Умиравший проговорил что-то еще, но голоса его уже совсем не было слышно. Ладони его, как ватные, медленно отвалились от раны, глаза напряженно глядели в одну точку. Потом судорога пробежала по всему его телу, и он замер. Уже навеки...

— Господи, как же устроен мир! — сказал Отец-Ягуар. — Вот умер человек, а я не могу не думать о том, что он мятежник и предатель и получил от судьбы справедливое возмездие. И это действительно так.

— По крайней мере, одно доброе дело он сделал, — отозвался Ансиано. — Теперь мы точно знаем, что Антонио Перильо — убийца моего господина. Я буду идти по его следу и днем и ночью, как собака-ищейка, пока не найду и не растерзаю!

— Теперь, после того, как мы узнали, что они стремятся в Барранкудель-Омисидио, нет смысла идти по их следам. Мы отправимся туда же, куда и они, но своим путем, и дождемся их там.

— А если они окажутся там раньше нас?

— Это невозможно. Разве ты забыл, что у них нет лошадей?

— Но это вовсе не значит, что они не смогут раздобыть себе где-нибудь случайно других лошадей.

— Это ты верно заметил. И все же я уверен: из ста возможных вариантов дальнейшего развития событий в девяносто девяти мы прибудем на место раньше них! Возвращаемся в долину! К сожалению, у нас нет времени, чтобы по-человечески похоронить капитана Пелехо, но его лошадь надо тем не менее забрать.

И он, изловив лошадь капитана, привязал ее поводья к упряжи своей лошади, а Ансиано в это время снял с убитого его оружие.

Когда они вернулись в долину Высохшего озера, там все было спокойно, во всяком случае, у входа в долину. Но в этой тишине ощущалось что-то странное... Командовал отрядом, занявшим позицию перед каменными воротами — скальным проходом в долину, — Прочный Череп. Когда Отец-Ягуар спросил его, как обстоят дела, вождь ответил так:

— Все получилось так, как вы и предполагали, сеньор, мы победили.

— Я что-то не очень хорошо тебя понимаю. Скажи мне тогда вот что: вы стреляли?

— Да, несколько раз, — с тем выражением лица, с которым нашкодивший мальчишка врет учителю, желая преуменьшить свою вину, ответил Прочный Череп.

— Но почему?

— Абипоны всегда были и остаются нашими заклятыми врагами. И они настроены были уничтожить всех нас, до последнего человека.

— Но вы же могли одержать над ними победу без единого выстрела. Как же это вышло? Я ведь приказал Херонимо избегать кровопролития! Ансиано, пойдем взглянем, что они там натворили.

И они, пришпорив лошадей, быстро миновали каменные ворота в

долину. Увы, им открылась совершенно не та картина, которую ожидал увидеть Отец-Ягуар. Камба заняли круговую оборону, готовые открыть огонь в любую минуту. Неподалеку от правой скалы, обозначающей вход в долину, там, где до своего неожиданного отъезда стоял сам Отец-Ягуар, теперь кружили на лошадях Херонимо и остальные белые. Доктор Моргенштерн и Фриц были также среди них.

Абипоны столпились возле маленького озера: сносили в одно место убитых, ухаживали за ранеными. Едва ли половина из них уцелела. Если до сих пор у Хаммера оставалась все-таки небольшая надежда, что, может, все обошлось действительно несколькими убитыми, то теперь она рухнула, и на том месте в его душе, где лежали обломки этой надежды, начал подниматься страшный, неудержимый гнев.

— Херонимо! — во всю силу своих легких прокричал он. — Почему не выполнен мой приказ?!

— Я ничего не мог поделать с камба, — ответил тот виновато.

— Да, я понимаю, что все это спровоцировал выстрел это злосчастного дурака лейтенанта Берано, убившего верховного вождя абипонов. Но еще не поздно остановиться. Пошли к ним парламентаря. Только без оружия!

Как только парламентар ушел, Отец-Ягуар обратился к доктору Моргенштерну. По-немецки, естественно, потому что разговор предстоял откровенный и малоприятный, и аргентинцам совершенно не обязательно было быть в курсе разногласий земляков. Отец-Ягуар спросил ученого:

— Объясните мне, пожалуйста, герр доктор, как это так вышло, что вы оказались здесь, да еще, как я понял, после того, как снова побывали в руках врага? Какая причина заставила вас нарушить мой приказ?

— Причина заключается в нашей храбрости, по-латыни «фортитудо» или «стренуитас» [\[82\]](#).

— А я думаю, что она заключается в вашей поистине удивительной безалаберности и нежелании думать об общих интересах, а не только о своих собственных! Было бы, право, странно, если бы вы в конце концов не оказались в плену! Какой-то, знаете ли, странной разновидностью храбрости вы обладаете: она приносит нам одни только неудачи.

— Вы не правы, герр Хаммер! — вмешался Фриц. — Храбрость, она и есть храбрость, у нее не бывает разновидностей. А почему вы, собственно говоря, решили, что мы были в плену?

— Хм! Значит, я ошибся и вы с гамбусино просто вели светскую беседу, так, что ли?

— Во всяком случае, в плен он нас не брал. Напротив, это мы привели его в ловушку.

— Вы привели его в ловушку? Ладно, пошутили и хватит! Учтите, отныне вы и шагу не сделаете без моего ведома, дорогие земляки! Вообще-то с вами следовало бы обойтись поосторожнее, но благодарите Бога, что сейчас у нас есть заботы поважнее: начинаются переговоры с абипонами. Видите, ко входу в долину приближается Прочный Череп, а с другой стороны, из скального прохода, выезжают индейцы из окружения погибшего вождя абипонов.

И Отец-Ягуар поспешил присоединиться к Прочному Черепу. Обратившись к абипонам подчеркнуто корректным и доброжелательным тоном, он объяснил им прежде всего, что вождь Бесстрашная Рука погиб в результате нелепой случайности, по вине глупого и злого человека, уже казненного за это. Затем он привел массу аргументов в пользу того, что в интересах абипонов заключить мир с камба, союз же с гамбусино и ему подобными грозит им одними только бедами и несчастьями, в чем они уже смогли и сами убедиться. Его слова произвели впечатление на абипонов: уж что-что, а действие альтернативы «выгодно — невыгодно» они понимали, к тому же им отчасти льстило то, что о примирении с камба их просит такой легендарный в Гран-Чако человек, как Отец-Ягуар, и, посоветовавшись, они решили, что самое разумное — заключить мир с камба.

Итак, инцидент можно было считать исчерпанным. При этом камба не потеряли ни одного воина. А кое-что даже и приобрели: лошадей и быков, принадлежавшим абипонам, а еще раньше, естественно, белым людям, у которых они были украдены. Эта контрибуция была также оговорена на переговорах, которые блестяще провел Отец-Ягуар.

Глава XVII

МЕЧТА ДОКТОРА МОРГЕНШТЕРНА СБЫВАЕТСЯ

Решение о перемирии вызвало равное чувство облегчения и у одной, и у другой еще недавно враждовавших между собой сторон. Но, что касается открытого выражения эмоций, тот тут получились две совершенно противоположные картины. Что, в общем-то, естественно: все же одни ощущали себя победителями, а другие побежденными. Камба веселились и на все лады восхваляли мудрость Отца-Ягуара. Абипоны же, обходясь минимумом слов, сидели возле своих убитых и ухаживали за ранеными. Ночь и те, и другие собирались провести в долине, наутро же абипоны должны были уйти из нее, оставив только тех, кто не мог самостоятельно держаться в седле, на попечение камба, чтобы потом, по истечении времени, необходимого для выздоровления, вернуться за ними. Такова была еще одна договоренность бывших врагов.

Но мы, кажется, совсем забыли о нашем «знаменитом» хирурге доне Пармесане, а между тем он испытывал большое воодушевление, сравнимое разве что только с тем чувством, которое испытывает цирковой борец перед выходом на арену, где его ожидает именитый соперник. Вдохновляемый этим чувством, приподнятым, если не сказать, радостным тоном дон Пармесан предложил абипонам свою помощь. Однако на тех не произвели никакого впечатления отличные саморекомендации дона Пармесана, а радость в голосе и вовсе вызвала неприязнь. Ему было с суровой откровенностью сказано, что абипоны не доверяют белым врачам и, вообще, сами отлично знают, как надо лечить раненых.

— Нет, вы только подумайте, — возмутился хирург, обращаясь к доктору Моргенштерну, — этим дикарям, оказывается, не требуются услуги прекрасного специалиста. Они же, невежды, не понимают, что, если вовремя не ампутировать раненые конечности, гангрена может распространиться на все тело человека! А ведь я мог бы ампутировать все, что угодно, и сделать это просто блестяще!

— Я не сомневаюсь в этом ни в малейшей степени, — ответил ему ученый, давно понявший, что бесполезны любые попытки умерить пыл этого хвастуна.

— Какая жалость, что не ранен ни один из образованных людей, ну,

хоть вы, например, — не унимался дон Пармесан.

«Он положительно не понимает, что несет», — подумал доктор Моргенштерн, но вслух не стал ничего говорить, а просто повернулся и пошел куда глаза глядят, только чтобы быть подальше от этого «чокнутого», как называл хирурга Фриц.

Наступил вечер, и в лагере появились женщины камба вместе со своими старшими детьми. Пришли они встревоженные, но уже через несколько минут обнимали своих мужей и отцов, смеялись, а некоторые даже плакали от счастья. Вскоре разгорелось множество костров. Наступило время ужина, для кого, можно сказать, праздничного, хотя пища была самой обыкновенной, а для кого и печального...

Несмотря на то, что никто, казалось бы, больше не угрожал людям, расположившимся в долине на ночь, Отец-Ягуар распорядился все же выставить у скального прохода в долину двух часовых: береженого, как известно, Бог бережет. Но индейцы, которым это было поручено, стоя у холодных скал и глядя на веселье у костров, быстро заскучали, а потом, перекинувшись несколькими фразами, решили: нечего им тут делать, перестраховался Отец-Ягуар, ясное дело! Ничего никому не сказав, они вернулись в лагерь и тут же спокойно уселись возле одного из костров. Как выяснится впоследствии, это была роковая оплошность.

Пролежав около часа в кустах, не на шутку напуганные близостью к ним Отца-Ягуара, гамбусино и эспада наконец решились высунуть головы из зарослей.

— Никого! — констатировал Бенито Пахаро с некоторым удивлением.

— Да, они ушли, — подтвердил сказанное компаньоном Антонио Перильо.

— Ну и ладно! Не очень-то нам нужно сейчас свидание с ними! — попытался пошутить расхрабренный гамбусино, но тут же снова посерьезнел: — А что, если они где-нибудь притаились и только и ждут, чтобы мы вышли из леса?

— Это вряд ли. Лошадей-то в эти дебри и силой не заведешь.

— Не скажи! На опушке леса попадаются иногда небольшие полянки, где вполне можно спрятать двух лошадей.

— Да? А где ж ты раньше был с этим своим знанием опушки? наших лошадей ты почему-то не стал там прятать!

— Да потому, дурья твоя башка, что счет времени тогда шел на секунды, понял? Впрочем, и сейчас еще можно получить пулю в два счета. Поэтому подождем, пока стемнеет, а потом вернемся к Высохшему озеру.

— Ты что, с ума сошел?

— Нисколько!
— Да нас там сразу же схватят!
— Не кипятись! Мне пришла в голову одна очень интересная мысль...
— Ну, и что это за мысль? Уж поделись ею со мной, будь так любезен!
— Мысль простая: лошадей у нас нет, а в долине их полным— полно!
— Но соваться сейчас туда — чистое безумие!
— Да ты не трусь, кабальеро! Проникнуть туда гораздо проще, чем тебе кажется!

— Очень в этом сомневаюсь!
— Уж поверь мне! Я-то этих индейцев хорошо знаю. Значит, объясняю, что там сейчас происходит: камба пьют и веселятся как дети, потому что наших союзничков они всех до единого перебили, в этом а уверен. Вряд ли у них хватило ума выставить часовых, а если и нашелся умник, который догадался это сделать, часовые скорее всего спят на посту. Да в такой обстановке увести двух лошадок — плевое дело!

— А если они окажутся без седел?
— Ну ты совсем ничего не соображаешь! Отец-Ягуар подстрелил наших лошадей. Это ты хоть видел?

— Видел, ну и что?
— А то, что должен был заметить и то, что ни седел, ни упряжи он с них не снял. Вот тут он как раз и промахнулся! Так что все, что нужно для того, чтобы оседлать лошадь, у нас будет.

Перильо попытался было привести еще какие-то соображения насчет того, что лучше зря не рисковать, но гамбусино и слушать его не хотел — куда там, его уже охватил азарт, подогреваемый грезами о большом богатстве. Стемнело, и они выбрались из своего укрытия и двинулись в сторону Высохшего озера. В темноте они затратили на этот путь, наверное, вчетверо больше времени по сравнению с тем, за которое добирались от него, но вот наконец до них стал доноситься характерный шум лагеря.

— Прислушайся! — воскликнул гамбусино. — Я был прав, они празднуют победу. И Отец-Ягуар тоже где-то среди них.

— А может, все-таки не стоит туда соваться? Пелехо был прав, когда предупреждал насчет того, что осторожнее надо быть, когда имеешь дело с этим человеком.

— Ни слова больше об этом ничтожном офицеришке! Он еще, видите ли, хотел командовать! Надеюсь, тебе подобная дурь не придет в голову. Так вот, слушай мою команду — отсюда ни шагу! А я — на разведку

И он уполз. Вернулся неожиданно скоро, минут через десять, и ликующе прошептал: «Как я и думал, часовых нет! Пошли!»

Он взял эспаду за руку, а сам пошел впереди. У самого скального прохода в долину они немного замедлили ход: довольно ровная поверхность каменных громад служила как бы зеркалом для отблесков костров; пришлось им свернуть немного в сторону, чтобы не засветиться в буквальном смысле этого слова. Огибая скалу, гамбусино прошептал:

— А, вот на этом самом месте два немецких коротышки скатились под копыта моей лошади. Они, небось, думают, какие они ловкачи, что сбежали тогда от нас, а на самом деле это я им позволил бежать, все равно, думаю, вреда от них нам уже никакого, что пули зря тратить? Но, видно, сама судьба желает чтобы наши дорожки опять пересеклись.

— Ты, кажется, жалеешь, что тогда не прикончил их? Да брось ты о них вообще думать!

— Это еще почему?

— Понимаешь, каждый раз, когда мы их встречали, они вели себя как-то нелепо, по-дурацки, как будто комедию ломали. Полковник Глотино даже под маской другого человека никогда не стал бы себя так вести. Неужели ты не видишь, что это самые что ни на есть натуральные придурки, поэтому черт с ними!

— Да мне вообще-то теперь тоже кажется, что они придурки самые настоящие. Но какое все-таки поразительное сходство: у ученого и Глотино — просто одно лицо, не говоря уже о росте! К тому же, знаешь, полковнику абсолютно незачем самому отправляться в Гран-Чако, когда он может поручить это какому-нибудь преданному и опытному офицеру. И тем не менее, как только эти немцы нам опять попадутся, я постараюсь их прикончить. Надоели: все время путаются у нас под ногами. Ладно, сейчас не до них! Ты посмотри только, какие люди тут нас встречают!

И он указал в сторону того костра, у которого сидел человек, выделявшийся среди всех мощным телосложением.

— Это Отец-Ягуар, ты хочешь сказать?

— Он самый! И сейчас эта собака получит мою пулю!

Гамбусино вскинул свое ружье. Но эспада изо всех своих сил потянул приклад к себе.

— Не стреляй! — воскликнул он. — Твой выстрел выдаст нас!

— Ты что, думаешь, я такой дурак, что сам этого не понимаю? Это я так, примерился, руки, понимаешь ли, чешутся. Нет, раньше, чем мы не раздобудем лошадей и не будем иметь возможности сразу же после выстрела удрать, я стрелять не буду. Давай-ка поскорей займемся лошадьми!

Когда они подползли к тому месту, где паслись лошади, гамбусино

пришла в голову неожиданная идея.

— Здесь мы, пожалуй, можем себе позволить пострелять. Это будет имитация нападения.

— Да ты что? Не видел, сколько абипонов они тут уложили?

— Видел, видел. А где, скажи мне, те абипоны, что остались в живых?

— Ушли, наверное...

— Ты так думаешь! Как они это могли сделать, интересно? Отец-Ягуар расположил людей в лагере так, что по внешней его границе находится человек сто камба, не меньше. Нет, абипонам сквозь этот заслон никак не пройти. Слушай, я только одного не понимаю: если бы абипоны хотели прорваться через этот заслон, убитых среди них было бы гораздо больше.

— Но они могли быть сброшены в воду.

— Не думаю! Камба не такие дураки, чтобы портить бесценную в данных условиях воду, и...

Он неожиданно замолчал, оторопев при виде открывшейся перед ним невероятной картины. У костра сидели рядом как ни в чем не бывало еще вчера злейшие враги, абипоны и камба.

— Они, они вместе... — прошептал совершенно потерявший от изумления способность связно говорить гамбусино. — Сидят рядом как ни в чем не бывало...

— А тебе не померещилось?

— Нет, посмотри-ка вон туда сам. Глазам не верю!

— А что тут такого особенного? Абипоны проиграли сражение, и все оставшиеся из них в живых сдались на милость победителя.

— Сдались на милость победителя? Ты, видно, плохо знаешь индейцев. Это совершенно исключено. Нет, они не пленники. Хотя бы потому, что руки у них не связаны.

— С ума сойти можно! Правда! Это все штуки мошенника Ягуара, не иначе. Только он мог примирить абипонов и камба.

— Но абипоны, мне кажется, еще легко отделались, они ведь были нападающей стороной.

— О, Отец-Ягуар дьявольски умен. Он понимает, что слишком большие потери в этом случае непременно возбудили бы жажду мести и новую вражду. Держу пари, что камба даже ничего не отобрали у абипонов и, так сказать, даровали им прощение, не преминув, конечно, заметить, что их потери в этом сражении — наказание за все их былые грехи.

— Что-то не очень мне верится в такое всепрощенчество камба!

— Если бы тут не был замешан Отец-Ягуар, я бы тоже в это не поверил. Дело в том, что это не первый случай, когда он мирит заклятых

врагов. Как ему это удастся — черт его знает! Красноречив, собака, умеет найти к этим дикарям подход. Я тебе больше скажу: любой путч обречен на неудачу, если Отец-Ягуар задумает его расстроить. Впрочем, какое нам теперь дело до путча? У нас ведь есть цель поважнее, а, Антонио? А вот, кстати, и две лошадки двигаются прямо к нам. Ну прямо как по заказу. Моя — правая, твоя — левая.

И они осторожно поползли к лошадям. Те были хотя и без седел, но с уздечками. Уздечки помогли конокрадам: ухватившись за болтающиеся ремни снизу, они смогли, только самую малость приподнявшись из травы, беспрепятственно увести животных. Уже у каменных ворот в долину, гамбусино сказал:

— Ну вот видишь, как у нас все славно получилось. Значит, теперь действуем так: как только доберемся до Тукумана, там пересаживаемся в дилижанс. На нем мы доедем до Сальты быстрее, чем верхом.

— А дальше?

— Там купим мулов, от которых в горах больше толку, чем от лошадей.

— Это мне известно, но где мы возьмем деньги на покупку мулов? У меня, например, сейчас нет ни гроша за душой.

— Как будто в моих карманах что-нибудь есть! Но зато у меня в Сальте имеется приятель, который с большой охотой снабдит нас всем необходимым в долг.

— Как его зовут?

— Родриго Серено.

— Ага, и он — экспедитор, который живет в пригороде, на улице, ведущей на Инжуй?

— Да, он — владелец большой гостиницы, дает напрокат лошадей и мулов, а кроме того, у него есть, пожалуй, еще штук двадцать разных интересных занятий.

— Да, это именно тот парень, который и мне знаком.

И они понеслись галопом к тому месту, где лежали их подстреленные Отцом-Ягуаром лошади, чтобы снять с них седла.

Прошло совсем немного времени, и двое камба отправились к каменным воротам у прохода в долину, чтобы сменить часовых. Не обнаружив никого на посту, они тем не менее не подняли тревогу и ничего не сказали Отцу-Ягуару, должно быть, потому, что расслабились в атмосфере общего веселья у костра. И даже когда Отец-Ягуар сам вскоре подошел к ним специально для того, чтобы проверить, все ли в порядке на посту, они не обмолвились ни словом об исчезновении своих

предшественников. Двух пропавших лошадей тоже никто не хватился: они принадлежали абипонам, а пасли их камба, и все получилось, как по пословице «у семи нянек дитя без глазу» — и та, и другая сторона думали, что беспокоиться об их охране должна не она.

Веселье у костров растянулось аж за полночь. Почти все белые были там в роли виновников торжества, во всяком случае, так вели себя по отношению к ним благодарные индейцы, я говорю «почти все», потому что были среди них два человека, которые старались держаться в тени и разговаривать шепотом. Это были доктор Моргенштерн и его верный Фриц. А разговор между ними шел следующий.

— Как вы думаете, — спросил Фриц, — сколько еще будет длиться эта пьянка?

— Не могу тебе ничего сказать по этому поводу. У меня нет подобного опыта, — ответил доктор Моргенштерн. — В певческом обществе Ютербогга я не мог его приобрести.

— Да, право, жаль, что в Ютербогке не умеют так гулять, а то мне уже надоело смотреть на это, хотелось бы знать, когда они закончат. Кстати о пении, герр доктор! Вот вам прекрасный шанс продемонстрировать всем свой голос, здесь, в Гран-Чако, ценятся хорошие голоса, особенно баритоны. Почти так же высоко, как хорошие волосы, крепкие зубы и отчаянная храбрость.

— А что, по-твоему, мы в их представлении не достаточно храбрые люди?

— Увы...

— Увы? Как? Мы же с тобой добровольно присоединились к авангарду сражающихся и даже поднялись на скалу, чтобы первыми встретить врага. Разве это не храбрость?

— Хм! Вы хотите услышать откровенный или дипломатичный ответ?

— Ну, разумеется, откровенный!

— Тогда, значит, так: мы вели себя не столько храбро, сколько опрометчиво.

— Опрометчиво, по-латыни «препроперус»? Но почему ты так думаешь, дружище?

— Потому что мы слишком суетились насчет того, чтобы проявить себя, тогда как это было нам вообще запрещено.

— А ты думаешь, на проявление смелости нужно чье-то разрешение? Ну нет, я свободный человек и ни в чьих разрешениях на этот счет совершенно не нуждаюсь.

— Я — тоже. Однако я не могу игнорировать тот факт, что, состоя у

вас на службе, должен выполнять прежде всего вашу волю. Но Гран-Чако диктует свои правила. Здесь командует Отец-Ягуар, и мы вынуждены с этим считаться.

— Знаешь, Фриц, я рад за тебя, что ты прозрел. Но позволь тебе напомнить одну маленькую деталь нашего последнего приключения: кто, если не ты, был инициатором смелой акции по неразрешенному проникновению в ряды сражающихся?

— А я этого вовсе и не отрицаю. Но намерения у меня были самые искренние и благородные. Я только хотел, чтобы мы оба отстаивали свою честь и вдобавок добыли каждый себе немного славы. Эх, да что говорить... Досадно! Откуда мне было знать, что на верху скалы земля пропеклась, как яичница, и посыплется, как мука из рваного куля? Если бы мы не скатились так нелепо к ногам лошади гамбусино, все еще могло для нас повернуться по-другому. Мы бы доказали Отцу-Ягуару, кто мы такие!

— Так, можешь не продолжать. Я вижу, что ты все же не сделал никаких серьезных выводов из всей этой истории. Мы действительно наделали глупостей.

— Да, мы опозорились, хотя у нас были при себе прекрасные дубины. Жаль, что уже ничего не изменишь...

— Да, не изменишь. Грустно. Я не знаю, сумеем ли мы когда-нибудь смыть с себя этот позор...

— И у меня на душе кошки скребут, ни о чем другом, кроме как о нашем последнем позорном приключении, и думать не могу. Но я все же пытаюсь что-то придумать. Итак, вы хотите восстановить свою поруганную честь. А может, нам устроить какую-нибудь потасовку при луне?

— Не шути так! Для меня вся эта история слишком серьезна. Существует, видишь ли, довольно распространенное заблуждение относительно того, что ученые, дескать, способны только рыться в книгах, а в реальной жизни от них никакого толку. Все мои поступки, совершенные на глазах этих людей, с которыми свела нас судьба здесь, в Гран-Чако, я совершал как будто нарочно именно для того, чтобы они смогли лишний раз удостовериться в том, что все профессора — недотепы и вообще как будто и не мужчины вовсе. Поэтому сейчас я в таком состоянии, что готов пойти на самое отчаянное дело, если только это не какая-то глупость.

— Я помогу вам найти такое дело, да и выполнить его, конечно, тоже. А что касается шанса, то в Гран-Чако этих шансов сколько угодно, они просто, в воздухе носятся, их нужно только поймать. Выберите, какой из них вам больше по душе, и вперед!

— Хорошо, Фриц, по рукам!

— По рукам! Но ваша рука, я считаю, должна нас направить на то, чтобы мы все же навестили нашу гигантскую хелонию и...

— Нет, — прервал его доктор Моргенштерн, — это не тот случай, где требуется авантюрный подход в хорошем смысле слова «авантюра». Панцирь гигантской хелонии — не совсем подходящее место для демонстрации смелости. Пойми, все, что касается доисторических животных, для меня очень серьезно.

— Не сомневаюсь. Но неужели это отношение перевешивает для вас чувство позора, которое вы только что испытали?

— Да, даже и его, несмотря на всю его глубину. К тому же, знаешь, у нас скоро может появиться новый подобного же рода объект. Помнишь, Прочный Череп говорил нам, что знает место, где находятся останки некоего гигантского животного?

— Но хорошо ли они на самом деле сохранились?

— Судя по его рассказам, скелет в неплохом состоянии, как я это себе представляю. И, чтобы сохранить его для науки, я готов бороться с любым, самым грозным врагом не на жизнь, а на смерть.

— Но на вашем месте, герр доктор, я бы на всякий случай еще раз порасспросил вождя камба насчет этого скелета, — сказал Фриц, кивком показывая на приближающегося к ним Прочного Черепа.

— Помните ли вы то, что рассказывали мне о скелете гигантского древнего животного? — спросил его доктор Моргенштерн.

— Да, — ответил тот. — Можете не сомневаться, что это правда. Я никогда не обманываю своих друзей. До места, где он лежит, от деревни у Ясного ручья — всего день пути верхом.

— Давайте сразу выясним вот что: сколько вы хотите получить за то, что отведете меня туда и поможете провести раскопки?

— Нисколько. Я дарю вам этот скелет. Ваши товарищи сделали для нас так много, что я был бы подобен койоту, если бы потребовал от вас какую-то плату Вам и так придется здорово потратиться на вьючных лошадей.

— И когда мы сможем туда отправиться?

— Мне тут надо еще кое-какие неотложные дела уладить с абипонами... Но послезавтра, я думаю, мы сможем тронуться в путь.

— А что это за животное? Глиптодонт, мегатерий или, может быть, мастодонт?

— Ой, не спрашивайте меня об этом, я таких слов и не слыхивал-то никогда до того, как познакомился с вами.

И он направился к Отцу-Ягуару. Тот поинтересовался, о чем у них шел

разговор с доктором Моргенштерном, и когда узнал, то сказал, по-доброму усмехнувшись.

— Этот человек живет только одним — своей страстью к изучению доисторических гигантских животных. Я уважаю людей одержимых. Несмотря на то, что доктор Моргенштерн доставил мне немало неприятностей и ненужных хлопот, я помогу ему. Скажи, Прочный Череп, какую примерно часть скелета этого животного, к которому ты поведешь доктора, вы раскопали?

— Мы отрыли его голову и много костей на спине...

— Позвоночник

— Вам лучше знать, как эти кости называются. Ну, в общем, мы раскопали их до самого хвоста. А уходя, все это место снова засыпали и прикрыли тем, что было под рукой.

— А как ты думаешь, новые раскопки потребуют много труда?

— Да нет, мы все делали так, чтобы было легко копать. Мы же хотели заработать на этих костях.

— А сколько времени, по твоим прикидкам, потребуется для того, чтобы раскопать скелет полностью?

— Ну, если за дело возьмется человек восемь — десять, то за несколько часов, я думаю, они управятся с этим делом.

— И у вас есть какие-то инструменты для раскопок?

— Да, есть, но они отличаются от ваших инструментов. Мне кажется, наши больше подходят для такого дела.

— Значит, ты пообещал доктору, что вы выедете туда послезавтра?

— Да, послезавтра.

— Отлично. А не можешь ли ты завтра предоставить мне десять человек со всеми вашими инструментами? Я хочу устроить доктору сюрприз: раскопать скелет полностью к моменту вашего приезда туда.

— Конечно, я дам вам все, что нужно для раскопок. Кроме инструментов, еще ремни для связывания костей. А поведет вас воин, который хорошо знает дорогу туда. Вам еще потребуются разные распорки, чтобы не повредить кости в дороге. Для этого очень хорошо подойдет бамбук. Его там полно.

Доктор Моргенштерн долго не мог уснуть в эту ночь, представляя себе послезавтрашний день и так, и этак, воображение ученого рисовало то картину его триумфа, а то кошмар безрезультатных поисков. Но он был не единственный, кому не спалось. Многие абипоны не сомкнули глаз, некоторые из них потому, что никак не могли смириться с неожиданным и позорным для их племени, как они считали, исходом сражения, другим не

давали заснуть раны. В эту ночь умерло еще немало истекавших кровью воинов-абипонов.

Рано утром Отец-Ягуар и Херонимо возглавили отряд из десяти камба и тронулись в путь, никому в лагере не сказав ни слова о том, куда они едут и зачем.

А лагерь был озабочен другим: куда было девать трупы умерших абипонов? Чтобы похоронить их чин чин, требовалось довольно много времени и сил. И тут кто-то вспомнил о выходе из положения, который давно, еще сразу же после окончания сражения, предлагал Херонимо, — кремировать умерших где-нибудь за пределами долины. Так и сделали. Кремация заняла всю первую половину дня. Затем здоровые и легко раненые абипоны собрались уходить, оговорив специально еще раз одно условие — их тяжело раненым товарищам должен быть обеспечен хороший уход. Уходили здоровые воины пешком, поскольку их лошадей камба в конце концов по обоюдному согласию забрали в качестве трофеев. Из оружия им были оставлены только ножи, без которых в лесных дебрях Гран-Чако выжить невозможно.

После ухода бывших врагов камба задумались. Конечно же, их всех страшно тянуло домой, к родным очагам, но нужно было заботиться о раненых абипонах. В итоге всех размышлений и обсуждений было решено оставить возле раненых нескольких особенно умелых по части ухода за ними человек, а, чтобы выздоровление абипонов шло как можно более успешно, специально для них были даже сооружены своего рода больничные палаты — легкие хижинки из тростника и хвороста. С хижинами провозились до темноты, потом развели костры, и пиршество прошлой ночи было продолжено. На следующее утро доктор Моргенштерн и Прочный Череп стали собираться в дорогу. Все белые, не задавая лишних вопросов, сочли своим долгом присоединиться к ученому, впрочем, ими двигало не только чувство долга — все они были настоящими искателями приключений и за последние пару дней уже заскучали без опасных и неожиданных происшествий.

Путь экспедиции теперь лежал на север, через леса и пустыни. Лишь к вечеру они добрались до соленого озера, лежащего на равнине и окруженного деревьями и кустарником.

— Это где-то здесь? — срывающимся от волнения голосом спросил Моргенштерн вождя абипонов.

— Нет, не здесь, но уже недалеко отсюда — спокойно ответил тот.

— Так быстрее поедem туда!

— Наберитесь терпения! Сейчас уже слишком поздно. Солнце вот-вот

скроется за деревьями Все равно в такой темноте мы копать не сможем

— Я до утра не выдержу, просто сгорю от волнения, и все Знаете, сегодня у меня есть особое право как можно скорее увидеть этот скелет

— Почему?

— Сегодня — день моего рождения, по-латыни «нагалис»

— Сеньор, я все понял и покажу вам это место еще сегодня. Но мы отправимся туда все же не сию минуту Сначала мы должны набрать достаточно хвороста для костра, а потом сделать заготовки для факелов, если вы хотите хоть что-нибудь там разглядеть среди густой листвы

Начали собирать хворост, но дело шло гораздо медленнее, чем этого хотелось бы доктору Моргенштерну и Фрицу Тогда ученый решил показать всем пример расторопности Шаг за шагом, и он оказался довольно далеко от лагеря, руки его едва обхватывали огромную охапку хвороста Во время этой вынужденной паузы он вдруг неожиданно вспомнил о том, что Херонимо за последние несколько часов не попадался ему на глаза ни разу, и подумал, что надо будет непременно сказать об этом Отцу-Ягуару но, когда вернулся в лагерь оглядев всех собравшихся у костра, обнаружил, что и того тоже нет в их отряде. А также и Прочного Черепа.

— Ох, не нравится мне это, — поделился он со своим слугой выводом, который сделал в результате своих наблюдений, — наверняка они задумали что-то против нас. Ну ладно, это выяснится потом, а пока я больше всего на свете хочу оказаться на том месте, где лежит скелет ископаемого животного. Ну куда же подевался Прочный Череп?

— Да не волнуйтесь вы так! — прошептал Фриц. — Тише едешь, дальше будешь. И вождь сейчас найдется, отошел он куда-то на минутку, только и всего. Я вам другое скажу я не буду принимать участия в раскопках.

— Господи, почему?

— Потому что хочу увидеть это божье создание при свете дня Полюбоваться им как следует, рассмотреть во всех деталях, а ночью что разглядишь? Кучу земли, и больше ничего.

Появились Прочный Череп и Херонимо, державшиеся как ни в чем не бывало. Но это вовсе не успокоило ученого, потому что речь у костра зашла об ужине, а это означало новую задержку Ужинали все с большим аппетитом, но доктору Моргенштерну кусок не лез в горло Нервы его, казалось, были на пределе. И вдруг где-то совсем близко раздался выстрел. Ученый аж подскочил, завопив:

— Кто стреляет? Неужели абипоны?

— Нет, сеньор, — ответил ему Херонимо, — этот выстрел — сигнал к

тому, что мы можем идти к тому месту, куда вы так страстно и неудержимо стремитесь. Следуйте за мной, прошу!

Он взял ученого за руку и шагнул в темноту. Остальные тоже взялись за руки Фриц оказался в паре с Прочным Черепом. При свете дня эта процессия наверняка показалась бы кому-то комичной: взрослые мужчины, взявшись за руки, бредут по лесу пара за парой — ну разве не потеха? — однако в действительности это была просто необходимая в данном случае мера безопасности, и более ничего. Вот так они и шли некоторое время, пока Херонимо не произнес во весь голос:

— Сеньор Моргенштерн, прошу вашего внимания! Наступает самый торжественный момент вашей жизни! В день вашего рождения вы стоите на том самом месте, где много тысячелетий назад объект вашей страсти ученого прожил последний день своей жизни и уснул вечным сном! Судьбе было угодно, чтобы он воскрес под вашими руками именно в этот день! Поздравляем!

— Позд-рав-ля-ем! Позд-рав-ля-ем! — повторили остальные.

Вспыхнул огонек справа, потом слева, тут, там, еще и еще... и вот уже весь лес наполнился мерцанием чуть подрагивающих маленьких язычков пламени. Желтоватые, гладкие стволы бамбука умножали эти огоньки тусклыми золотыми каплями отраженного света. Завороженный волшебным зрелищем, Моргенштерн стоял, застыв, как изваяние, не в силах вымолвить ни слова. Но это был еще не предел сказочного ночного торжества в девственном лесу. Вдруг чьи-то сильные руки подняли в небо щит из бамбука, и по буквам, выложенным на нем тоже из бамбуковых веток, стремительно побежало пламя, образовав светящуюся надпись: «С днем рождения!»

— Какое чудо, Фриц, как красиво! — воскликнул доктор Моргенштерн. — Но где, где же он?

— Хм, — пробормотал Фриц, в котором неожиданно разыгралась обычно не свойственная ему подозрительность. — Как бы все это насчет скелета доисторического зверя не оказалось розыгрышем Но, Боже мой, что это?

Буквы догорели, погасли маленькие огоньки, но вместо них вокруг вспыхнуло множество мощных факелов, а за ними загорелись два больших костра, между которыми стоял во всей своей красе... полный скелет гигантского доисторического животного! словно вдруг перенесенный сюда из какого-нибудь знаменитого европейского музея естественной истории. Он опирался на сложную бамбуковую конструкцию. Рядом со скелетом стоял широко улыбающийся Отец-Ягуар, а за его спиной — десять камба. Но Моргенштерн не замечал никого из них. Его широко раскрытые глаза

были прикованы к скелету, он протягивал дрожащие руки к воплотившейся вдруг наяву мечте всей его жизни, веря и не веря в то, что видит это не во сне, а наяву. Казалось, маленький ученый может задохнуться от счастья, но после глубокого вздоха он все-таки сумел выдохнуть воздух из легких и прошептал: «Ме... га... те... рий...»

Произнесенное вслух слово, словно магическое заклинание, сотворило чудо с ним самим — вернуло доктору энергию. Совершив невообразимый прыжок, он в одну секунду оказался у скелета, стал обнимать, целовать его кости... Череп мегатерия он прижимал к своей груди нежно, словно это было его любимое дитя. По лицу Моргенштерна расплылась блаженная улыбка. Фриц, никогда прежде не видевший таким своего хозяина, испугался не на шутку и воскликнул:

— Опомнитесь! Придите в себя! Вы так можете сойти с ума!

Доктор посмотрел на него совершенно спокойно, но словно бы сквозь него, и отрешенно, ни к кому конкретно не обращаясь, чуть-чуть нараспев произнес:

— Дорогой Фриц, я бесконечно счастлив! Ты не представляешь, что значит для меня этот гигантский ленивец!

— Нет, что касается меня, то я не стал бы связывать счастье всей своей жизни с каким-то ленивцем. У меня и самого лени хоть отбавляй.

— Посмотри, какой у него прекрасный, гладкий, круглый череп! — продолжал, не слушая его, ученый.

— Да, он кругленький и, похоже, крепенький, но почему это он такой маленький по отношению к туловищу? Как будто к телу великана прилепили головку младенца.

— Какая форма у его коренных зубов! Они почти идеально цилиндрические!

— Но их у него что-то маловато! У меня и то больше.

— Мегатерию их много и не требовалось. У него, к твоему сведению, не было также резцов и клыков.

— Ага, я понял: в его времена в моде, наверное, была совсем другая пища. Бедняга! Он бы ни за что не выжил с такими зубами сейчас.

— У него были короткие, широкие ступни!

— Ну, короткие, ну широкие — что тут особенного? Не чулки же шелковые ему на них натягивать.

— Какие длинные у него когти!

— Да, пожалуй: если бы и я себе такие отпустил, то уж точно превратился бы в настоящего ленивца.

— А какой огромный! От носа до хвоста в нем по меньшей мере

четыре, а в высоту три с половиной метра!

— Ну и что, так ведь именно за эти размеры его и зовут гигантом, что, по-моему, слишком большая честь для него. Леня ему чем-то другим заниматься, наверное, было, вот он и рос во все стороны без всякого удержу.

Наконец нарочитый сарказм Фрица сработал: доктор стал сердиться на него и вышел благодаря этому из действительно дурацкого блаженного состояния.

— Слушай, твое невежество, в конце концов, вызывающе! Ты ни в малейшей степени не представляешь себе всего совершенства и красоты пропорций этого гиганта!

— Вот это правда! Насчет красоты у меня другие понятия. Для меня образец совершенства — розы, и поэтому я никак не могу назвать гигантского ленивца красивым.

— До Всемирного потопа были совсем другие понятия о красоте, понимаешь? Я тебя умоляю, не притрагивайся ни к одной косточке! Ни в одном музее мира нет такого полного скелета доисторического мегатерия.

— О, вам не стоит об этом беспокоиться. Я бы сейчас предпочел совсем другую косточку — с хорошеньким кусочком мяса на ней, и тоже не маленькую!

— Фриц, мне очень жаль, но я вынужден сказать тебе, что ты — идиот. Для науки ты потерян, видимо, навсегда.

— Должен сознаться, если бы вы не интересовались всякими ископаемыми гигантами до такой степени, они бы не значили для меня ровным счетом ничего. Кстати, а что вы станете делать с этим мертвым монстром?

— Что за вопрос! Я заберу его отсюда.

— Куда?

— На родину, домой.

— Неплохо придумано. Хотя, если опять разразится потоп, то он вполне сможет и сам донести этот скелет до Ютербогга. Это сберегло бы нам много сил и средств. Впрочем, на нем можно неплохо заработать. Вы не думали об этом?

— Нет, подарю его какому-нибудь университету или не слишком пока знаменитому музею, который впоследствии назовут моим именем.

— О, в таком случае, у меня есть одна пустяковая просьба: пусть случайно не присоединят мое имя к вашему. Фриц Кизеветтер не желает, чтобы его славное имя люди связывали с каким-то ископаемым. А вы подумали о том, что для того, чтобы доставить это чудище домой, вам

потребуется целый корабль?

— Скелет можно аккуратно разобрать на составные части, как следует упаковать в несколько ящиков — и в таком виде он благополучно доберется до Германии. Надеюсь, в этом ты мне поможешь?

— С большой охотой! Но если вы заодно захотите и меня разобрать на составные части, предупреждаю, что я буду сопротивляться. Так когда нужно начать эту работу?

— Я бы хотел начать прямо сейчас, но это, к сожалению, невозможно, потому что для этого еще многое нужно подготовить. Какой город отсюда ближайший?

— Тукуман. — Это сказал подошедший к двум своим землякам Отец-Ягуар. — Я весь в вашем распоряжении, герр доктор.

— Что вы имеете в виду? — спросил вполне искренне ничего не понимающий ученый.

— Послезавтра мы будем в Тукумане. Там я смогу предоставить вам все необходимое. Несколько камба, которых мы возьмем с собой, будут у вас носильщиками.

— Но вы, наверное, не планировали себе таких дел, это же для вас большая обуза.

— Я все предусмотрел заранее, — мягко улыбнувшись, ответил Отец-Ягуар. — Скажите мне лучше: вы осмотрели скелет как следует? Мы ничего тут не напутали, собирая кости?

— Это удивительно, но все на месте, в точности так же, как до Всемирного потопа.

— Должен вам сказать, что, когда мы закончили раскопки, здесь лежала просто груда костей.

— Как? Так это вы его раскопали?

— Раскопали, а потом собрали, неужели вы до сих пор этого не поняли? Или вы думали, что Всемирный потоп специально сделал поворот на этом самом месте, оставив в неприкосновенности на поверхности земли это животное специально для вас?

— Но... в таком случае... вы — не кто иной, как профессиональный, притом высокой квалификации, геолог и палеонтолог, — воскликнул пораженный доктор Моргенштерн.

— Может быть, я хотел бы стать одним из этих специалистов, но, увы, не стал, тут вы, к сожалению, ошибаетесь. Я — всего лишь скромный любитель в этих областях науки. Однако могу вас заверить, что насчет упаковки и транспортировки частей скелета вы можете совершенно не беспокоиться и положиться целиком на меня

— Я уверен в этом, раз за дело берется сам Отец-Ягуар. Но из Тукумана вы отправитесь куда-то еще?

— Да, есть у меня кое-какие планы на этот счет.

— И куда вы поедете, если не секрет?

— К Барранке-дель-Омисидио.

— Как бы я хотел побывать там с вами! Увы, это теперь для меня невозможно. И для Фрица тоже.

— Я все понимаю, и мне тоже очень жаль, что мы расстаемся, но перед отъездом я прикажу камба оказывать вам всяческое содействие.

После этих слов он повернулся и, кивнув ученому и его слуге на прощанье, удалился.

Доктор Моргенштерн в десятый, в двадцатый, в сотый раз осмотрел все до одной косточки скелета мегатерия, затем стал рассказывать о каждой из них Фрицу, разводившему в это время костер. Доктору и в голову не пришло задуматься о том, с чего это вдруг Отец-Ягуар вообще затеял все эти раскопки, он как бы не заметил того, что все, что сделал Отец-Ягуар в этой связи, было сделано в его честь и ради осуществления его мечты. Что поделаешь, все одержимые люди по-своему эгоистичны.

В лагере Отец-Ягуар сказал Херонимо, что теперь они могут отправляться дальше, добавив с некоторой грустью, что отныне ученый и его слуга уже не будут угрожать их интересам своими очередными фокусами.

— Если я тебя правильно понял, — спросил друга Херонимо, — судя по тому, что ты хочешь ехать через горы, мы направляемся не сразу в Сальту, а поедем туда через Тукуман?

— Да, через Тукуман. Это необходимо по многим соображениям. Одно из них — то, что наши лошади уже порядком вымотаны и не годятся для тех испытаний, которые еще ожидают нас впереди. В Тукумане мы продадим их, а дальше поедем на дилижансе. Лошади, которых запрягут в дилижанс, это, знаешь, что такое? Настоящий памперо! А в Сальте мы купим мулов для гор.

— У кого?

— У Родриго Серено, он — парень добросовестный и отлично содержит своих животных, предназначенных на продажу. Благодаря этому мы опередим гамбусино и сможем как следует подготовить все, чтобы ни он, ни Антонио Перильо не смогли застать нас врасплох.

— А кого-нибудь из камба мы возьмем с собой?

— Нет, мы вполне обойдемся без них, я думаю. А вот Ансиано и Аука обязательно поедут с нами.

— А ты не забыл, что половина нашей экспедиции намеревалась остаться в Чако, чтобы собирать чай?

— Они еще успеют это сделать. Сейчас я очень нуждаюсь в них. Надо поймать, наконец, этих двух самых больших негодяев, которые когда-либо жили на земле.

— А что будем делать с доном Пармесаном?

— О, вот уж в его-то обществе я не испытываю ни малейшей потребности. Надо будет сказать ему, чтобы он оставался здесь и помогал доктору Моргенштерну и Фрицу.

Итак, роли были распределены, и все улеглись спать. Доктор Моргенштерн опять долго не мог сомкнуть глаз, но, поскольку он не спал ни минуты прошлой ночью, сон в конце концов одолел его снова разыгравшееся было воображение. Но проспал он всего пару часов. Еще не рассеялся утренний полумрак, когда он вновь пробрался к своему ненаглядному мегатерию, чтобы точно обмерить каждую его косточку и все размеры занести в свою записную книжку.

Но вот солнце встало, и ожил лагерь. Пора было отправляться в путь. Перед уходом люди Отца-Ягуара выполнили просьбу ученого — соорудили над скелетом защитный навес из бамбука и тростника.

По пути в деревню камба у Прозрачного ручья доктор Моргенштерн мало-помалу вышел из состояния радостной эйфории, вернулся к привычному ходу мыслей, и тут его словно обожгло чувство стыда: как же так, камба сделали ему такой роскошный подарок, Отец-Ягуар постарался превратить вручение этого подарка в бесподобный праздник, а он этого даже как будто и не заметил? Какая вопиющая неблагодарность с его стороны! Ученый даже покраснел. Но было еще не поздно исправить ошибку, и он рассыпался в благодарностях и извинениях перед Прочным Черепом. А тот вовсе и не был обижен на ученого. У индейцев свои, порой отличные от европейских понятия об этике поведения, но неблагодарность с их точки зрения — грех, как и у христиан, в общем-то, серьезный. И в то же время они всегда готовы понять человека, потерявшего вследствие какого-то сильного переживания контроль над собой. Снисходительно улыбнувшись в ответ на многословные тирады доктора, вождь камба сказал, что его люди с радостью помогут сеньору доставить кости гигантского ленивца в тот порт, который он назовет.

Отец-Ягуар сдержанно прореагировал на все заверения земляка в искренней благодарности: его сейчас гораздо больше волновали предстоящие события, и он откровенно сказал об этом Моргенштерну. Дон Пармесан, уже получивший и, как ни странно, понявший намек на то, что

его участие в продолжении экспедиции Отца-Ягуара не совсем желательно, решил выяснить, каковы его шансы остаться при докторе Моргенштерне.

— Сеньор, — издали начал он, — я убедился в том, что мое искусство в Гран-Чако ценится, к сожалению, гораздо меньше, чем в городах или пампе. Ну, вы же знаете, — добавил он, глядя на удивленное лицо доктора Моргенштерна, — я — знаменитый хирург... Мою честь, видите ли, задевает то, что мои знания и постоянная готовность оперировать, ампутировать и так далее, не находят здесь должного применения. И поэтому я решил покинуть экспедицию Отца-Ягуара. Я остаюсь с вами.

Доктор ничего ему не ответил.

— Сеньор, вы меня поняли? Вы согласны? — несколько растерянно спросил тогда его хирург после небольшой паузы.

— Конечно. Ваше общество мне весьма приятно, по-латыни «перамознус» или «пергратус».

О своем «решении» дон Пармесан тут же с гордостью истинного кабальеро сообщил Отцу-Ягуару. Тот, проклиная в душе лицемерие этикета, все-таки произнес несколько принятых между воспитанными людьми в таких случаях слов насчет того, что ему, дескать, очень жаль и так далее, испытывая на самом деле, конечно же, чувство облегчения от того, что наконец избавился от хирурга.

На следующее утро вся деревня вышла проводить Отца-Ягуара и его экспедицию. Прощание было искренним и сердечным. Небольшой отряд под предводительством Прочного Черепа провожал белых в качестве почетного эскорта. Двое воинов-камба должны были поехать с Отцом Ягуаром до самого Тукумана, чтобы потом доставить ученому те предметы, которые купит там Отец-Ягуар на деньги и по инструкции доктора Моргенштерна. Около полудня они достигли границы территории камба, и Прочный Череп со своими воинами, тепло, но сдержанно распрощавшись с Отцом-Ягуаром, повернул назад, к долине Высохшего озера, чтобы проведать, как там дела у раненых абипонов и соплеменников, которые за ними ухаживают. Поскольку доктору Моргенштерну и Фрицу делать в лагере было совершенно нечего, вождь камба попросил их подождать, пока он с несколькими своими воинами не съездит в лагерь и обратно, на что оба немца охотно согласились.

И тут навстречу им попался один воин камба. Он сообщил, что в лагере все спокойно, раненые выздоравливают. Были еще кой-какие мелкие новости, и одна из них встревожила вождя: обнаружилось, что загадочным образом исчезли две лошади абипонов.

— Но, может быть, вы просто ошиблись, когда считали их? — высказал свое сомнение Прочный Череп воину.

— Нет, лошадей у нас осталось после сражения тридцать пять и седел, само собой, столько же, а теперь у нас два седла лишних. Лошади пропали поздно вечером или ночью.

— И как ты думаешь, куда они делись?

— Их скорее всего украл гамбусино.

— Этого не может быть. У ворот в долину стояли двое часовых.

— А ты поинтересуйся у этих часовых, где они были ночью. По моему, они сидели у костра. Так что лошадей украл, конечно, гамбусино. Я еще, знаешь, почему так решил: мне подумалось, что надо все-таки похоронить капитана Пелехо или хотя бы прикрыть его труп ветками, и я отправился туда, где он лежал. Когда я похоронил его, то заметил валявшиеся на земле совсем недалеко трупы лошадей гамбусино и эспады, и они были без седел — ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю...

— Я тебе больше скажу. Поискав человеческие следы на траве возле убитых лошадей, я нашел их! Они шли от опушки леса, а затем, уже от трупов лошадей, уходили в долину. Что ты на это скажешь?

Вождь глубоко задумался, низко опустив голову. А когда поднял ее, сказал:

— Если все так, как ты рассказываешь, то это могли быть только гамбусино и эспада.

— Ну да! Но ты понимаешь, что это грозит Отцу-Ягуару большими неприятностями, если не хуже? Когда он уехал из Чако?

— Сегодня утром.

— Значит, гамбусино опережает его на три дня пути, на целых три дня!

— Но Отец-Ягуар собирался добираться на лошадях только до Тукумана, а там пересесть в дилижанс, гамбусино же скорее всего идет через леса и пески в Сальту.

— Сомневаюсь. Он тоже далеко не дурак. А что если и он вместо Сальты отправился в Тукуман?

— Да, тогда дело плохо. Надо послать человека к Отцу-Ягуару, предупредить его. Но сначала я хотел бы поговорить с часовыми, которые должны были в ту ночь охранять вход в долину.

Прочный Череп дал шпоры своей лошади, и все последовали его примеру, в том числе и доктор Моргенштерн и Фриц, встревожившиеся не меньше вождя.

Когда они прибыли в лагерь у озера, доктор спросил своего слугу:

— Фриц, как тебе кажется, сколько времени может оставаться мой мегатерий целым и невредимым под той крышей, которую мы над ним соорудили?

— Как минимум, несколько месяцев, а может, даже и целый год. Но почему вы спрашиваете об этом?

— Мне не дает покоя одна мысль...

— Какая?

— Ты не забыл еще, как мы с тобой хотели найти хоть какой-нибудь шанс, чтобы проявить свою храбрость?

— Не забыл.

— Очень хорошо. Этот шанс у нас появился.

— Что вы имеете в виду?

— Отцу-Ягуару угрожает опасность, по-латыни «перикулум».

— Это я понял, но чем мы-то в данном случае можем ему помочь?

Фриц лукавил. Он прекрасно понимал, что имеет в виду его хозяин. Просто он думал в этот момент не столько о необходимости помощи Отцу-Ягуару, сколько о безопасности доктора Моргенштерна.

— Фриц, я поражен, что ты задаешь мне такой вопрос. — удивился тот. — Мы обязаны герру Хаммеру всем, буквально всем, ведь он не раз спасал нам жизнь, рискуя собственной. Нет, я не узнаю тебя!

— А, теперь, кажется, начинаю понимать. Мы его освободим, так?

— Да, если это потребуется.

— Следовательно, мы должны поехать за ним?

— Разумеется.

— Но вождь ведь хотел послать к нему своего человека. Он предупредит герра Хаммера, и все будет в полном порядке. Наша помощь там не потребуется.

— А что, если посланец вождя не найдет его в Тукумане? Я тебе скажу, что: он спокойно вернется в свою деревню, потому что сочтет, что свой долг он на этом выполнил. Мы же на этом не остановимся и не успокоимся, пока не вырвем Отца-Ягуара из лап гамбусино. Или ты думаешь по-другому?

— Нет, я думаю так же. Кстати, я и раньше, откровенно говоря, был не очень-то уверен в благополучном исходе дела, которое затеял герр Хаммер.

— Да и я, признаюсь, тоже. Но я одного пока не понял: ты согласен или не согласен выручить его?

— Хм. Я бы охотно согласился на это, если бы не одно обстоятельство...

— Какое?

— Мегатерий.
— Его дальнейшая судьба пусть тебя не волнует, это — мое дело.
— Хорошо, как скажете, так я и поступлю. Я заранее согласен с вами во всем.

— Договорились! Едем в Тукуман.
— А вождь камба нас отпустит?
— А разве он имеет право нас удерживать или приказывать нам что-то?

— Нет, конечно, но он легко может найти повод для того, чтобы задержать нас.

— Я надеюсь, что он на это не способен.
— Я тоже. И все же у нас нет никакой необходимости нарушать его планы и тем самым вызывать его неудовольствие, гораздо большего мы добьемся, если применим хитрость.

— Что еще ты придумал на этот раз?
— Мы убедим вождя, что забыли сказать Отцу-Ягуару о каких-то очень важных вещах, которые он должен приобрести для лучшей сохранности мегатерия в дороге. Поэтому нам необходимо поехать в Тукуман вместе с его воином. Таким образом, мы получим официальное разрешение на отъезд. А там видно будет.

— Что ж, неплохо придумано. Фриц, твоя изворотливость часто бывает очень полезна. Из тебя вышел бы хороший дипломат. В любом случае мы должны немедленно отправляться в Тукуман.

— Не уверен, что в любом. Я считаю, что нам надо ехать только в том случае, если мы убедимся, что опасность, угрожающая герру Хаммеру, существует в реальности, а не является плодом чьего-то воспаленного воображения.

Фриц все еще надеялся на то, что индеец, рассказавший вождю камба о похищении лошадей, что-то напутал. Но оба часовых, с которыми переговорил Прочный Череп, сознались, что покинули свой пост у входа в долину в ту ночь, когда исчезли лошади.

Итак, около полуночи оба немца и один камба покинули лагерь в долине Высохшего озера, взяв курс на Тукуман.

Глава XVIII

ГОСТИ СЕНЬОРА СЕРЕНО

Аргентинский город Сальта, полное название которого Сан-Мигель-де-Сальта, расположен в густонаселенной долине реки Лерма, которую пересекает, кроме того, множество бегущих с гор ручьев и речушек. Через эту долину проходят оживленные торговые пути в соседнюю Боливию. Сеньор Родриго Серено, экспедитор из Сальты, имел среди путешественников отменную репутацию, что ни в малейшей степени не было преувеличением. Он обеспечивал всем необходимым экспедиции, отправляющиеся в Боливию. Имение его располагалось вблизи северных ворот города и, я уверен, располагается там и сегодня, потому что то, чем занимается Серено, — промысел неизбывный и доходный, особенно в местах, где люди много путешествуют. В этом обширном владении все было поставлено так, чтобы путник смог здесь хорошо отдохнуть, решить все возникшие у него проблемы с животными, будь то лошади или мулы, запастись провизией и так далее. В доме сеньора Серено, довольно просторном и выходящем своим фасадом прямо на дорогу, одну половину занимала его семья, другая же служила гостиницей для проезжающих. На некотором отдалении от него располагались многочисленные конюшни и склады, принадлежащие также сеньору Серено.

Был поздний вечер. Горожане — завсегдатаи ресторанчика при гостинице — уже покинули его, путники, проживающие в гостинице, ушли спать. В безлюдном зале сеньор Серено сидел в полном одиночестве за пустой стойкой бара и подсчитывал дневную выручку. Послышался звук приближающихся шагов. Сеньор Серено поднял голову и одновременно быстрым движением набросил платок на пачки сложенных купюр — от греха подальше. Распахнулась дверь, и в ресторанчик вошли двое.

— Добрый вечер! — приветствовали они экспедитора, сопровождая свое приветствие крепкими рукопожатиями. Это были гамбусино и эспада.

Прежде чем что-нибудь сказать, гамбусино осмотрелся по сторонам и прошелся туда-сюда по залу. От его острого взгляда не укрылось истинное значение натюрморта с платком на стойке бара, и он расхохотался:

— Прячете от нас денежки, сеньор Серено? С каких же это пор вы держите меня за человека, не заслуживающего доверия?

— О, к вам это не относится! — ответил хозяин, машинально

поправляя уголки платка. — Я же не знал, кто сюда направляется. А вам я говорю: добро пожаловать, располагайтесь и заказывайте все, что хотите! Родриго Серено к вашим услугам.

— Принесите нам что-нибудь поесть, все равно что, на ваше усмотрение, и две бутылки вина. И еще нам нужна провизия про запас, на неделю. Учтите: мы собираемся в горы, а на охоту времени у нас нет, так что всего должно быть вдоволь.

Через несколько минут тарелки с едой и две бутылки вина уже стояли перед гамбусино и эспадой. С выражением хлопотливой озабоченности на лице хозяин тут же опять удалился и вскоре принес большую корзину, наполовину заполненную разной едой. Поставив ее на пол, он подсел к своим гостям, молча уплетавшим долгожданный ужин. Готовили у сеньора Серено отлично, впрочем, и все остальное делали не хуже. Убедившись, что стряпня его поваров оценена по достоинству, любопытный не в меру экспедитор решил, что сейчас самое время завязать беседу, и для начала осведомился:

— Откуда прибыли сеньоры?

— Из Тукумана, — ответил гамбусино, сделав небольшую паузу, потому что предпочел сначала проглотить аппетитный кусок мяса.

— Вечерним дилижансом?

— Да. Только что.

— Сегодня вы переночуете у меня?

— Пару часов поспим, пожалуй, а потом уедем.

— На лошадях?

— Нет, нам нужны мулы.

— Понятно. Для таких кабальеро, как вы, у меня есть все необходимое.

— А сколько вы хотите за мулов?

— Они стоят не больше двадцати боливаров [\[83\]](#) каждый.

Это была очень невысокая по тем временам цена. К тому же за товар хорошего качества. Однако гамбусино, рассмеявшись в лицо радушному хозяину, сказал:

— Но у меня сейчас временные финансовые затруднения.

— Ничего страшного. До сих пор вы еще ни разу ничего не брали у меня в долг.

— Договорились! Мы заплатим вам, когда вернемся. А сейчас позаботьтесь о хорошей лагерной стоянке для нас, а то, знаете, этот дилижанс из нас все внутренности вытряс. Мы хотели бы уснуть прямо тут, в этом зале. Да, погодите еще минуту! Скажите нам прежде всего, не

околачиваются ли где-нибудь поблизости индейцы мойо, а если нет, то где можно их быстро найти?

— Мойо, конечно — смелые и находчивые ребята, это все знают, но доверять им полностью ни в коем случае нельзя и полагаться на них тоже. По крайней мере, я бы этого делать ни за что не стал.

— Потому что вы их плохо знаете, а у меня есть друзья среди них, — ответил Бенито Пахаро.

— Ну тогда ищите их на Гуанакотале, они там сейчас охотятся.

— Я не могу тратить свое время на это, потому что мне нужно совсем в другую сторону

— Куда именно?

— Я уже сказал вам, кажется, что мы направляемся в горы, и больше вам знать ничего не нужно. Ваши деньги вы в свое время получите, а остальное вас не касается

— Понял, извините меня, сеньоры, я пойду.

На этом не слишком любезная беседа завершилась, и действительно очень усталые гамбусино и эспада завалились спать на ложа, приготовленные заботливым сеньором Серено из вороха одеял и пушистых шкур в углу зала. Хозяин еще не успел погасить все лампы, как гости его уже всю храпели.

Вскоре после полуночи сеньор Серено начал их будить со словами:

— Сеньоры, поднимайтесь! Вам пора в путь!

С большой неохотой, но гамбусино и эспада все-таки поднялись. Еще не протерев глаз, каждый из них получил в руки от расторопного хозяина по небольшому калебасу чая мате и поджаренному куску хлеба. Поев, они вышли за хозяином во двор дома, где стояли наготове два мула. На них уже была надета упряжь, а по бокам свешивались огромные сумки с провизией. Хозяин на самом деле постарался, и за свое старание хотел получить совсем немного — всего лишь доброе слово.

— Вы довольны, сеньоры? — спросил он. — Плату за упряжь я с вас не возьму, я просто одалживаю ее вам на время, только не забудьте, пожалуйста, ее потом вернуть.

— Животные отличные! — ответил гамбусино. — А упряжь мы вернем через неделю, самое большее — через восемь дней. Будьте здоровы!

— Всего хорошего! Счастливого пути!

И они расстались

Ровно через сутки после прибытия в Сальту гамбусино и эспады начало сцены в ресторанчике, описанной в этой главе, снова повторилось, с

той только разницей, что в зал вошли уже не двое человек, а целая, можно сказать, толпа — двадцать шесть мужчин, одетых с головы до ног в кожу и до зубов вооруженных, в широкополых шляпах. Хотя последнее не совсем точно: на головах двоих из них не было никаких шляп, а их длинные волосы сзади были по-индейски связаны тонкими кожаными ремешками. Один из этих двоих был очень юн, другой, напротив, — глубокий старик. Думаю, вы уже догадались, кто были эти путешественники.

Хозяин сначала несколько растерялся, стараясь, на всякий случай, подойти поближе к заветной кучке бумажек под платком, потом, всмотревшись в лица одного, второго, понял, что большинство из них он когда-то уже встречал, только не мог вспомнить, когда и где. Главным среди них был, конечно, высокий, широкоплечий, седовласый и белобородый человек, это Родриго Серено понял с первого взгляда. Его богатый жизненный опыт и многолетнее общение со всякого рода искателями приключений подсказали ему также, что эти парни — из тех, что сами без особой нужды никого задевать не станут, но постоять за свои интересы всегда сумеют.

— Дайте нам лучшего вина, сеньор Родриго, — сказал белобородый, — тринадцать бутылок.

— Вы знаете мое имя, сеньор? — удивился хозяин. — Может быть, мы с вами уже где-то встречались?

— Не напрягайте свою память, не надо, — ответил белобородый. — Просто я считаю своим долгом, приезжая куда-нибудь, где раньше не бывал, первым делом узнать имя человека, к которому собираюсь обратиться с какой-либо просьбой.

— Но могу ли и я, в свою очередь, узнать, как мне вас называть, сеньор?

— Мое имя Хаммер, однако я не настаиваю на том, чтобы вы называли меня именно так, — с достоинством, но несколько загадочно ответил белобородый.

Хозяин счел за лучшее воздержаться пока от дальнейших вопросов и направился к двери в кладовую за заказанным вином. Но седобородый остановил его просьбой:

— А не могли бы вы, сеньор Родриго, принести нам хорошо прожаренного асадо кон куэро?

— Как пожелаете, сеньор! Сколько порций?

— Столько, чтобы двадцать шесть сильно проголодавшихся мужчин могли как следует наестся. А потом, будьте так любезны, покажите нам ваших мулов, мы купим их у вас тоже двадцать шесть.

Двадцать шесть мулов! Да еще двадцать шесть хороших кусков мяса с кожей и тринадцать бутылок старого, самого ценного его вина! Неплохое дельце — радовался Родриго Серено Стрелой он помчался на кухню, где приказал своим поварам как можно быстрее приготовить любимое жаркое всех аргентинских гаучо из лучших кусков мяса, а потом на двор — лично осмотреть требуемых двадцать шесть мулов. После его осмотра на коже животных, кажется, и пылинки не осталось. Вернувшись в ресторанчик, он дал понять своим гостям, что готов любезно выполнить любую их просьбу по первому же требованию.

Но, похоже, они не имели намерений требовать чего-то еще. Сидели молча, в несколько скованных позах Любопытство просто распирало Родриго Серено, он пытался строить в уме различные догадки насчет того, кто эти люди и что за предприятие они затеяли, но сам не мог ни на одной из своих версий остановиться. Поерзав от нетерпения на стуле некоторое время, не смея нарушить тишину, он наконец с вкрадчивой осторожностью нарушил тишину

— Сеньоры, я вижу, вы в Сальте проездом, поэтому мне бы хотелось узнать ваши имена. И еще — откуда вы прибыли.

— Из Тукумана, — ответил белобородый.

— Но не дилижансом?

— Нет.

Сеньору Серено было в общем-то вполне понятно, что его новые гости совсем не расположены к светским беседам, но такой уж он был человек, что не мог удержаться, чтобы не делать все новых и новых попыток завязать беседу. Слава Богу, у него все же хватило благоразумия сообразить, что задавать вопросы напрямую больше не следует, и он предпринял более тонкую попытку вызвать этих загадочных людей на разговор, с несколько нарочитой рассеянностью заметив:

— Ах да, я и забыл вам сказать, что вчера же был день прибытия дилижанса... С ним прибыли два сеньора, посетившие мой скромный дом. О, это были очень знаменитые сеньоры. Вы удивились бы, если бы узнали их имена.

Отреагировал на эту тираду только один человек из вновь прибывших, но зато это был тот, из кого не надо было вытягивать слова клещами, — уже известный нам по предыдущим главам Шутник.

— Мы уже удивлены, — сказал он, для большей убедительности своих слов высоко подняв брови. — Но совсем не тем, чем вы думаете. Вы ведь слывете самым немногословным и сдержанным человеком во всей Аргентине. Но, оказывается, молва не всегда права.

— О, вам не стоит сомневаться в моей сдержанности, — с самым серьезным видом ответил экспедитор, не уловивший иронии в словах Шутника. — Я говорю на самом деле очень мало и очень редко, но те сеньоры, которые рекомендовали меня как человека немногословного, очевидно, под словами вообще понимают одни только грубые слова. Но сейчас я не могу молчать, потому что должен сообщить вам очень важную новость — вчера здесь побывал знаменитый эспада Антонио Перильо.

Озабоченный только тем, чтобы с как можно большим эффектом преподнести это сообщение, Родриго Серено даже не заметил, какое впечатление оно произвело на его гостей. А они переглядывались, обмениваясь улыбками. У всех было одинаковое мнение: перед ними тщеславный до смешного человек, обожающий знакомиться со знаменитостями, к тому же совершенно не разбирающийся в людях. Белобородый заметил снисходительно:

— Признаться, я удивлен. Неужели вы всерьез считаете Антонио Перильо знаменитостью? Впрочем, это ваше сугубо личное дело, но на свете есть много людей, которые гораздо больше заслуживают право на какую-то известность и даже славу.

— Не стану спорить, сеньор. Но, честное слово, Антонио Перильо — очень известный человек. Хотя я тоже знаю двух человек, знаменитых еще более, чем Антонио Перильо.

— И кто же они? Назовите, пожалуйста, их имена.

— Охотно. Это Отец-Ягуар и один гамбусино, которого иногда так вот и называют очень уважительно, как бы с большой буквы — Гамбусино, дескать, «великий гамбусино», но вообще-то его зовут Бенито Пахаро.

Белобородый заметно оживился. На губах его мелькнула улыбка.

— А вы знакомы с ними лично?

— Отца-Ягуара я, к сожалению, никогда не встречал, но гамбусино часто бывает у меня. Он, кстати, и познакомил меня с Антонио Перильо.

— Что? Так они вчера, значит, побывали у вас оба? А откуда они прибыли?

— Из Тукумана, дилижансом. Примерно в это же время. Они купили у меня двух мулов, провизии на неделю и вскоре после полуночи уехали.

— Куда?

— К индейцам мойо, которые сейчас охотятся на Гуанакотале.

— Скорее всего вы ошибаетесь, сеньор. У вас был не гамбусино.

— Он. Могу вам поклясться, что это был точно он. Дело в том, что все, что я им предоставил — то есть провизию, мулов, не считая ужина и ночлега, они пока мне не оплатили. Я вообще-то в кредит никому ничего не

отпускаю и никогда бы этого не сделал, если бы не был уверен, что имею дело именно с Бенито Пахаро и не кем иным

— Ну хорошо, допустим. Скажите, они торопились?

— Да, конечно, поэтому и спали всего-то пару часов.

И экспедитор поспешил на кухню, чтобы приглядеть, как там идет приготовление асадо кон куэро.

Отец-Ягуар, а я думаю, что никто из моих читателей даже не усомнился, что белобородый — именно он, и никто другой, сказал тому, кто сидел с ним рядом, негромко, но придав своему голосу такие интонации, чтобы сказанное слышали все:

— Я очень хотел бы усомниться в том, что этот хвастливый болтун говорит правду, но, по всей видимости, он все же не обознался: здесь были те, кого мы преследуем. Что скажешь, Херонимо?

— Мне непонятно, где они так быстро нашли новых лошадей, ведь ты же подстрелил тех, на которых они от нас удирали в пампе. Это какая-то загадка! Но раз это были, как уверяет экспедитор, они самые, то, значит, лошадей они себе где-то достали.

— Безусловно. Надо благодарить судьбу за то, что она привела нас в этот дом и мы узнали, куда направляются эти негодяи, и как хорошо, что мы все-таки не стал дожидаться следующего дилижанса на Сальту, как хотели сначала, а обошлись тем, что сменили лошадей. Давай теперь спокойно разберемся, какая у нас получается картина в связи с неожиданно поступившей новостью. Получается, что гамбусино опережает нас примерно на сутки. Но он вынужден будет потратить еще какое-то время на поиски индейцев мойо, сделав порядочный крюк ради этого. Наше преимущество — мы знаем, где именно они сейчас находятся.

— А что хочет гамбусино от индейцев мойо?

— Станный вопрос! — ответил Хаммер. — Они с эспадой ведь собираются искать сокровища инков в ущелье Смерти. Для этого требуется довольно много времени. Провизии не наберешься на такой срок. Поэтому, во-первых, им потребуются люди, которые станут заниматься охотой. Во-вторых, они не могут не учитывать следующее обстоятельство: большую опасность для них представляют случайные свидетели поиска сокровищ, следовательно, нужна охрана, которая не подпускала бы и близко к ним путников, привлеченных звуками ударов кирками по камню, доносящимися из ущелья.

— Но не кажется ли тебе, что здесь для них кроется еще большая опасность? Я имею в виду наличие нежелательных свидетелей. Индейцы ведь без труда могут сообщить, чем там занимались двое белых,

выставивших их зачем-то, не объяснив зачем, на охрану территории вокруг ущелья, про которое они наверняка слышали какую-нибудь легенду, связанную с сокровищами инков.

— Могут, но ты, прости меня, недооцениваешь всего коварства и низости гамбусино. Он готов идти к своей цели в буквальном смысле слова по трупам, жаден этот тип просто патологически, а ему же еще надо расплачиваться чем-то с индейцами, не забывай об этом. Я уверен, он планирует поступить так: как только сокровища будут у него, он перестреляет одного за другим всех мойо.

— Да, до сих пор я не встречал подобной низости, хотя негодяев и мерзавцев всякого сорта на своем веку, увы, повидал предостаточно. Гамбусино, конечно, человек, совершенно бессовестный, это так. Но я не думаю, чтобы он был способен на такое чудовищное злодейство, о котором ты говоришь. Все-таки индейцы ему помогают.

— Что? Ты готов поверить, что он способен на какие-то добрые чувства? — воскликнул пораженный до глубины души Отец-Ягуар. — Хорошо, послушай тогда, что я тебе сейчас расскажу. Я никогда раньше не говорил тебе об этом, как-то, знаешь, к слову не пришлось, но мой брат когда-то мыл золото в Соединенных Штатах... Там золотоискателей называют проспекторами. — После этого, в общем, странного для их беседы уточнения, показывавшего, однако, как сильно волнуется Хаммер, он вздохнул и продолжил: — Да, так вот: моему брату однажды очень повезло — он нашел сказочно богатую жилу. Но тут явился Бенито Пахаро и убил его самым зверским образом... Ну, а все золото пропало вместе с ним. Вот тогда я и поседел. Я долго шел по следам этого убийцы, и они привели меня в Аргентину, но здесь я долго никак не мог его настигнуть. Совсем недавно он в очередной раз ускользнул из моих рук. Так что, когда мы с ним встретимся, наконец, для одного из нас наступит последний час его жизни, не знаю только — для кого.

— Для него! Для него! Не сомневайтесь, Отец-Ягуар! — раздалось со всех сторон.

— Тихо! — воскликнул Отец-Ягуар. — Не шумите! Никто не должен слышать, о чем мы тут говорим. Бенито Пахаро убил из-за золота моего брата и собирается теперь ограбить сокровищницу инков, пролив новую кровь ни в чем не повинных людей. Он понесет за все кару от моей руки!

В зал вошел с сияющим видом Родриго Серено, а за ним двигались цепочкой несколько его слуг, которые несли на подносах распространяющие клубы дивного запаха куски асадо кон куэро. Но гости даже под впечатлением этих запахов и вида их любимого лакомства не

стали разговорчивее, наоборот, как будто еще больше посуровели. Ничего не понимающий экспедитор, однако, на этот раз счел за лучшее не делать новых попыток завязать с ними беседу. Когда все было съедено и выпито, гости вышли во двор — посмотреть на мулов. Осмотр, проходивший при свете факелов и фонарей, их более чем удовлетворил. Тут же и отобрали двадцать шесть животных. После этого Отец-Ягуар спросил у хозяина:

— Сколько вы хотите за них?

— По сорок боливаров за каждого, сеньор, — ответил тот. — Вы можете справиться у кого угодно, это самая низкая сейчас цена

— А провизией вы не сможете обеспечить дней на восемь?

— Да, конечно.

— Прекрасно. Соберите все, что, на ваш взгляд, может нам пригодиться, и принесите в ресторан.

Хозяин промолчал, что было в данном случае не чем иным, как знаком согласия, но на самом деле ему было просто не до разговоров, он в уме лихорадочно подсчитывал, какой же доход принесет ему сегодняшний день после того, как он нахально, не моргнув глазом, удвоил цену мулов по сравнению с той, что запросил с гамбусино и эспады.

Упряжь была принесена в ресторан вместе с сумками с провизией. На все сборы после ужина ушел час, и, когда все наконец было сделано, Отец-Ягуар сказал экспедитору, что готов с ним рассчитаться. Родриго Серено взял кусок мела и начертил несколько цифр прямо на столешнице. Его лицо при этом сияло

Отец-Ягуар спросил его:

— А за сколько вы вчера продали мулов гамбусино?

— За сорок боливаров, — без запинки ответил Серено.

— Ну что ж! Могу вам сказать, что вы ошиблись, когда приняли меня за простофилю. Я заплачу вам только половину той суммы, что вы тут так красиво нарисовали, и наличными, а не в кредит, как вчерашняя парочка. А если вам этого покажется мало, то мы купим мулов и все остальное подешевле у кого-нибудь другого в городе, я думаю, еще этой же ночью.

— Сеньор, это невозможно! Вы предлагаете слишком низкую цену, — заскулил хозяин, вмиг потерявший весь свой напускной лоск — Я и так теряю по десять боливаров на каждом муле.

— Замолчите! Вы, должно быть, приняли нас за иностранцев. Чтобы объяснить наконец вам, что за глупости вы тут говорите, я назову вам свое имя, которое мне дали в этой стране: Отец-Ягуар.

Экспедитор выпучил на него глаза, попятился назад, произнося дрожащим голосом:

— Ка... кое чу... до... Отец-Ягуа-а-ар!

— Ну, так что! — засмеялся Хаммер. — Сойдемся на двадцати боливарах, а?

— Да... Да... — пролепетал несчастный, — нет, я делаю вам скидку, пятнадцать — ведь мой дом посетил сам Отец-Ягуар.

— Нет, я не торгую своим именем, вы получите по двадцать боливаров за каждого мула, как я уже вам сказал.

Он вскрыл карман на своем поясе, достал оттуда золотые монеты и отсчитал нужную сумму. Родриго Серено стал подобострастно благодарить немца, дрожащими руками принимая деньги. Взяв каждый по седлу, люди Отца-Ягуара покинули дом добросовестного в делах, но жадноватого экспедитора.

Несмотря на только что перенесенный удар по его репутации, хозяин тем не менее любезно проводил гостей во двор, после чего созвал всех своих работников, так что проводы экспедиции Отца-Ягуара получились, можно сказать, торжественными: все желали им счастливого пути и махали на прощанье руками. Как только исчез из виду последний всадник, сеньор Серено гордо выпятил грудь и сказал с пафосом:

— Сегодня моему дому была оказана высокая честь. Известно ли вам, кто был тот седовласый и белобородый сеньор, который, несмотря на свой возраст, взлетает в седло, как юноша? Отец-Ягуар это был, понимаете, сам Отец-Ягуар! Мой Бог, если бы он еще раз осчастливил мой дом своим посещением, я бы продал ему мулов даже по десять боливаров за каждого. Отец-Ягуар! Запомните это событие и расскажите о нем каждому, кого встретите в городе!

Он действительно был до такой степени воодушевлен, что готов был уже потребовать, чтобы его люди на самом деле немедленно, даже несмотря на ночь, шли и рассказывали всем и каждому в городе о грандиозном событии в жизни их хозяина. Но слуги предпочли отправиться спать, что было несравненно более разумно, конечно.

Сеньор Серено, однако, и не подозревал, что два события, столь сильно всколыхнувшие его существование, будут еще иметь продолжение. Наутро, едва он открыл глаза, ему доложили, что прибыли двое новых гостей, судя по всему, иностранцев. Но сеньор Серено не испытывал никакого особого почтения к иностранцам — Отец-Ягуар был как исключительная личность не в счет — поэтому он не стал торопиться распаковать вновь прибывшим свои объятия, а сначала выпил свой привычный с утра мате из серебряного стаканчика. Вальяжной походкой — еще бы, как еще мог держаться, можно сказать, почти приятель самого

Отца-Ягуара — он приблизился к двум невысоким людям в ярко-красных пончо. Сеньора Серено несколько озадачило то обстоятельство, что оба незнакомца были до зубов вооружены. Но особенно долго удивляться иностранцы ему не дали. Один из них нетерпеливо спросил:

— Я имею честь видеть перед собой хозяина этого дома сеньора Родриго Серено?

— Да, сеньоры, это я, — ответил экспедитор.

— Значит, мы не ошиблись и прибыли именно в тот дом, по-латыни «домус» или «эдифициум», в котором можно купить мулов?

— Совершенно верно. А кроме мулов, здесь вы можете купить также и все остальное, в чем у вас есть нужда.

— Мы нуждаемся сейчас в еде и питье, и довольно остро нуждаемся.

— О, я готов предоставить сеньорам все, что они только пожелают

Хозяин гостеприимно распахнул перед незнакомцами, к которым интуитивно начинал испытывать расположение, двери своего ресторанчика, выдвинул для них два стула возле одного из самых удобно расположенных столиков и пригласил сесть. И все же в его фразах, обращенных к новым гостям, в самой интонации, с которой они произносились, порой проскальзывала ирония. Привыкший видеть среди своих клиентов в основном людей атлетически сложенных, широкоплечих, с грубоватыми, обветренными лицами, сеньор Серено не мог всерьез воспринимать двух этих хрупких маленьких человечков, несмотря на то, что они были с головы до ног все увешаны оружием. Но они не обращали никакого внимания ни на интонации хозяина, ни на него самого. Гораздо больше их интересовал сейчас горячий мате и кусок поджаренного хлеба, полагающийся к нему

Заинтригованный донельзя странным обликом незнакомцев и серьезностью их поведения, сеньор Серено и на этот раз сам выступил в роли официанта. Принеся все требуемое, он сел напротив них и задал давно заготовленный вопрос:

— Нельзя ли узнать: сеньоры предполагают задержаться в Сальте или нет?

— Мы уедем сразу же после того, как получим мулов, — ответил ему Фриц.

— А откуда вы прибыли? — продолжил свои вопросы хозяин.

— Из Тукумана.

— Тоже из Тукумана. И, насколько я понимаю, тоже не дилижансом?

— Нет. Мы добирались сюда верхом, воспользовавшись лошадьми с почтовых станций. Но вы дважды произнесли слово «тоже». Что, у вас

побывал кто-то еще, прибывший тоже из Тукумана, и не дилижансом?

— Вчера мы принимали большое общество, прибывшее из Тукумана верхом, а позавчера — двух сеньоров, добравшихся к нам все из того же Тукумана, но, правда, уже дилижансом. А можно узнать, куда вы направляетесь, сеньоры?

— Сначала в Салину-дель-Кондор. Но мы не знаем туда точного пути. Мы, кстати, хотели просить вас помочь нам подыскать проводника, который сможет отвести нас туда.

— Почему нет? Я с удовольствием найду такого человека для вас, особенно если вы хорошо заплатите за это. У меня есть один парень, который не раз уже поднимался на Салину, он отведет вас туда. Он сейчас как раз возле мулов, которых вы, наверное, тоже захотите осмотреть немедленно. Там и договоритесь с ним, я думаю.

Пеон, о котором шла речь, был не слишком-то надежным человеком, и его хозяину это было прекрасно известно, но тем не менее он его рекомендовал незнакомцам как проводника, просто чтобы продемонстрировать им, какой у него универсальный сервис: и тебе еду любую, и мула, и проводника — что хочешь. Договорились приезжие и пеон быстро, не торгуясь, проводник брал недорого. По-другому вышло с мулами. Хозяин запросил на этот раз по пятьдесят за каждое животное. Немцы, конечно, представления не имели, сколько на самом деле стоят животные, и заплатили требуемую сумму безропотно. Естественно, они так же, как и их предшественники в этом доме, приобрели, кроме мулов, также всю упряжь и провизию. Пока вещи и продукты упаковывали в соседней комнате, доктор Моргенштерн спросил у хозяина:

— Сеньор, а те люди, что прибыли из Тукумана к вам вчера и позавчера, знакомы вам?

— Разумеется. Они ведь очень знамениты!

— А могу я узнать их имена?

— А почему бы и нет? Я буду счастлив и горд сообщить вам, какие сеньоры удостоили меня своим вниманием. Позавчера я принимал самого Бенито Пахаро и с ним еще одного сеньора.

— Гамбусино? Значит, мы идем по верному следу, по-латыни называемому «семита» ^[84] или «вестигиум» Можете не называть мне имя его спутника, я и так его знаю: это Антонио Перильо. Я прав?

— Да, и это знаменитый эспада. Ох, неужели вы знакомы с ним?

— Лучше, чем вы можете думать. А кто были те господа, что побывали у вас вчера?

Экспедитор ответил не сразу. Несколько секунд он напряженно

вглядывался в лица незнакомцев. В голове его вертелась лишь при этом одна и та же мыслишка: «Они знакомы с Бенито Пахаро и Антонио Перильо! Осторожнее — эти коротышки не так просты, как, на первый взгляд, кажутся». Хитрец счел за лучшее ответить вопросом на вопрос:

— Вы сказали о каком-то следе? Вы имели в виду след гамбусино?

— Да.

— И вам известно, куда он направляется?

— Абсолютно точно.

— Ну тогда вы должны поторопиться, потому что он тоже спешил. Но еще больше спешили вчерашние сеньоры. Их больше двадцати человек, а главный у них — знаменитый Отец-Ягуар. Ну его-то вы вряд ли знаете.

— Ошибаетесь. Мы с моим слугой Фрицем тоже состояли в его экспедиции.

— Что? Следовательно... Следовательно: раз вы — члены экспедиции Отца-Ягуара и преследуете гамбусино, он тоже преследует его.

— Вы угадали. Тут речь идет об одном очень интересном деле, полатыни «негоциум», которое имеет для нас огромное значение. Я имею в виду...

Фриц решил, что настало время ему вмешаться, и перебил своего господина:

— ...месторождения серебра, открытые, говорят, недавно в горах, и все названные господа спешат именно туда, чтобы удостовериться, так ли это на самом деле или только слухи.

— Я поздравляю вас, сеньоры! — воскликнул экспедитор с дурацким пафосом, свойственным его речи вообще, как мы с вами уже успели убедиться. — Предприятие, за которое берутся Отец-Ягуар или Бенито Пахаро, не может не быть успешным. Я надеюсь, вы, когда будете возвращаться, не преминете заглянуть ко мне на огонек еще раз. Я безмерно уважаю всех троих героев и восхищаюсь ими. И прошу вас: передайте им также, что я продал вам мулов дешевле, гораздо дешевле, чем вы собирались заплатить мне. А это чистая правда. Ну вы же ведь уже заплатили мне по пятьдесят боливаров? Заплатили. А я уступаю их вам по тридцать. А разницу я вам сейчас же верну, верну обязательно, не беспокойтесь...

Немцы ничего не поняли из хитроумных словесных вывертов сеньора Серено, но это их, впрочем, нисколько не занимало. Доктор Моргенштерн молча взял деньги и нерешительно положил их в карман, не пересчитывая их. А напрасно. Потому что Родриго Серено вернул ему все деньги. В последний момент у него вдруг возникло опасение, что, когда в экспедиции

Отца-Ягуара зайдет речь о том, по какой цене и когда Серено продавал мулов, вполне может случиться, что все его махинации выйдут наружу. И пойдет тогда о нем дурная слава по всей стране. А этого он, понятное дело, никак не мог допустить. Нет уж, пусть лучше повсюду узнают о его неслыханной щедрости. Он обратил внимание доктора Моргенштерна на то, что вернул все деньги, само собой попросив его непременно сообщить об этом Отцу-Ягуару.

Итак, все приготовления были завершены. Проводник уже давно томился в ожидании команды об отправлении в путь. Доктор Моргенштерн и его слуга сели на своих мулов, а пеон уже давно был готов. И они покинули владения Родриго Серено.

Глава XIX

НЕЧАЯННЫЕ ВСТРЕЧИ

Кордильеры, или Анды, как их называют в Южной Америке, как известно, имеют ступенчатое строение. Тот, кто двигается на запад в Чили или Перу, поднимаясь в Анды с восточной стороны, последовательно минует несколько климатических поясов, соответствующих ступеням гор.

Первая ступень в геологическом смысле состоит из самых молодых отложений и достигает высоты 1600 метров. Здесь — царство тропиков. Пышную растительность изредка прерывают поляны, поросшие густой, сочной травой. На второй ступени можно подняться уже до высоты 2900 метров. На этой ступени умеренный климат, леса здесь не менее густые, хотя растительность в них совершенно иная, чем ступеню ниже, здесь произрастают в основном различные виды хинных деревьев. Следующая ступень, называемая по-испански «Кабесерас-де-лос-валес» ^[85] (высокогорные долины), — это уже уровень 3300 метров. Такая высота — сама по себе защита для редких растений, при виде которых сердце любого ботаника забилось бы учащенно. И здесь лес, хотя и не очень высокий, стоит еще сплошной стеной, что, конечно, тоже защищает растения от уничтожения. На следующей ступени, называемой по-испански «Пуна» ^[86], можно подняться до 3900 метров. Деревья здесь стоят уже по отдельности, а между ними целые заросли целебных трав (генитаны, валерианы и так далее). Сюда животные, обитающие в горах, приходят за лекарствами, безошибочно находя в горной аптеке траву, нужную для исцеления от той или иной болезни. На Пуне трава в целом уже не такая сочная, как ниже, за долгие периоды засухи она порой совершенно высыхает, а в сезон дождей опять наливается живительной влагой. Следующая, последняя по высоте ступень Анд по-испански называется «Пуна брава» ^[87]. Между горными вершинами, взметнувшимися в небо на высоту более 3900 метров, проходят перевалы, через которые пролегает путь всех путешественников, а также геологов и горнодобытчиков: Пуна брава очень богата полезными ископаемыми. Здесь очень часто идет град или даже снег в самый разгар лета, а зимой бушуют снежные бури.

Там, где на границе Кабесеры и Пуны сходятся также границы Аргентины и Боливии, по восточному склону тянется обширный лес, состоящий из деревьев *Cinchona-calisiya*. На полянах, изредка пересекающих

густой лес, ставят свои хижины индейцы племени мойо. Чуть выше расположено плоскогорье Гуанакоталь, на котором они охотятся, а еще выше — там, где уже территория Пуны бравы, высокогорное плато, называемое Салина-дель-Кондор из-за бьющих здесь из-под земли соленых на вкус минеральных источников.

Барранка-дель-Омисидио, или ущелье Смерти, находится еще выше Салины. К нему ведет тропа, которая начинается на территории Чили, поднимается к Салине, а далее ведет к Сальте. Там, где сходятся границы Аргентины и Боливии, эта тропа сливается с другой, становится шире и превращается в уже, можно сказать, дорогу, ведущую на север, в Перу. Правда, европеец вряд ли назвал бы эту все-таки тропу дорогой. Ступая по камням и песку, вьючные животные не оставляют на этой тропе никаких следов, так что отыскать ее по очень хитрым приметам могут только бывалые путешественники, все прочие обречены в поисках тропы плутать здесь целые дни, а может быть, и недели, пока случайно не наткнутся на какой-нибудь караван.

Вот на такой именно случай и рассчитывал тот пеон из Сальты, которого немцам рекомендовал Родриго Серено. Местности этот человек толком не знал, так что и проводником его в настоящем смысле этого слова назвать нельзя было никак. Он вел своих нанимателей уже полдня, неожиданно делая резкие повороты то влево, то вправо, а потом снова влево, вправо, и все сначала... В одном надо отдать ему должное: он очень внимательно осматривал окрестности, правда, делал он это потому лишь, чтобы не открылась вдруг его некомпетентность. Как только он натыкался на следы, оставленные копытами лошади какого-нибудь случайно занесенного сюда всадника, лицо его тотчас принимало выражение крайней озабоченности и важности, но как только он понимал, что это все-таки еще не тропа, опять тушевался и сникал.

Доктор Моргенштерн, погруженный в свои мысли, не замечал никаких странностей в поведении проводника, но от зоркого глаза Фрица это не ускользнуло. В конце концов он счел необходимым сказать своему господину по-немецки:

— А вам не кажется, что этот малый не слишком-то хорошо знает эти места?

— Нет, не кажется, а что?

— Присмотритесь к тому, как он себя ведет. То суетится, а то напряжен, как будто его судорога сводит, — так ведут себя обычно люди, не очень уверенные в себе, и именно поэтому мы все время мечемся в разные стороны.

— Это я заметил, но мы же всегда возвращаемся на то место, откуда уехали, если направление взято неверно.

— Да вот то-то и оно, что кружим без всякого толку, нет, этот дядя определенно заблудился, вот что я вам скажу.

— Это в высшей степени неприятно, или «инамоэнус», как говорили в Древнем Риме. Если этот человек назвался проводником, то он обязан знать дорогу.

— Логичное предположение, но дело в том, что мы-то имеем дело с человеком, который и не подозревает, что существует на свете логика. Ну вы присмотритесь к нему повнимательней! Он же совершенный дикарь.

Это было верное наблюдение. Лицом пеон был диковат, можно было даже, пожалуй, сказать, что в его внешности присутствовало нечто разбойничье.

Они подъехали к месту, с которого перед ними открылись, две неширокие долины — слева и справа. Проводник остановился, осмотрелся и наконец дал понять, что надо свернуть, чем переполнил чашу терпения Фрица. Он отбросил прочь все приличия и заорал:

— С какой стати? Вы что, потеряли дорогу?

— Как вы можете так думать, сеньор? — виноватым тоном стал оправдываться пеон. — Я же знаю, где мы находимся.

— О, вот в этом я несколько не сомневаюсь. Вы, так же, как и мы, прекрасно знаете, что мы находимся в Андах, но в каком именно их пункте, вы нам сказать вряд ли сможете.

— Я знаю эту дорогу, как свои пять пальцев, и еще ни разу в жизни не заблудился, — поняв, что терять ему уже нечего, с отчаянным нахальством заявил проводник.

— Ах, вот как! Значит, вы до сих пор считали, что просто не способны заблудиться. Так вот: должен вас огорчить — такими способностями вы все же обладаете, и, должен заметить, вы — редкий путаник!

— Вы хотите меня унижить, сеньор! — вскипел «кабальеро». — В таком случае, я возвращаюсь!

— А вот это у вас, мой милый, вряд ли получится!

— Почему это?

— А потому, что мул, на котором вы, сеньор, имеете честь восседать, принадлежит не вам, а нам.

— А я вот возьму и не верну его вам!

— Не говорите глупостей! Или вы не видите, что мы вооружены? В здешних местах не принято задавать вопросы о том, кто и почему стреляет, да будет вам известно. Обещаю, что непременно пошлю вам вслед пулю,

как только вы повернете своего мула обратно. Я не шучу, учтите. Так что вперед, любезный, только вперед!

Пеон счел за лучшее не связываться с этим не в меру горячим немцем и направил своего мула в долину, лежащую слева. Доктор Моргенштерн и Фриц — за ним.

Долина имела множество изгибов и заканчивалась узким глубоким ущельем, которые в Северной Америке называют каньонами.

Пеон придержал своего мула, поняв, что в этих местах он никогда раньше не бывал и ущелья этого в глаза не видел. Поразмыслив несколько минут над тем, что же ему делать дальше, решил, что самое разумное в его положении — честно сознаться немцам в своей ошибке. Подъехав к ним, он сказал:

— Сеньоры, мы поехали в неверном направлении. Надо было ехать прямо, а не сворачивать влево. Необходимо вернуться!

— Старая песня! Так я и думал! — недовольно пробурчал Фриц. — Но теперь-то вы хоть знаете, какое направление — верное?

— Да! Дело в том, что мы слишком сильно взяли влево, нам надо вернуться и повернуть направо.

— Если это так, то я буду очень рад, потому что мне кажется, что...

Он замолчал, потому что издали донесся какой-то неясный шум.

— Что это? — спросил Фрица доктор Моргенштерн. — Как ты думаешь?

— Я пытаюсь понять... Похоже на стук копыт...

— Значит, я вывел вас на правильную дорогу! — воскликнул пеон, повернув к спутникам просиявшее лицо.

— Если даже так, то вышло это совершенно случайно, — охладил его Фриц. — Вы, как я теперь понимаю, с самого начала вели нас наобум. Надеюсь, теперь-то мы, наконец, узнаем, в какой части Нового Света находимся.

Доктор Моргенштерн, Фриц и пеон находились в этот момент в таком месте, где ущелье в очередной раз изгибалось. Из-за поворота показались трое всадников. Первый, судя по его облику, был аррьеро, или погонщик мулов. За ним шел тяжело навьюченный мул. Второй всадник, следовавший за этим мулом, имел внешность довольно редкую для Аргентины — он был светловолос и сероглаз, высок ростом, хотя одет так же, как одевается большинство жителей Латинской Америки. Третий, заключавший эту небольшую процессию, по виду, также как и первый, был типичный аррьеро. Догадаться о том, что это за компания, не составляло особого труда: скорее всего, путешествующий блондин, возможно, прибывший в

Аргентину из Европы, нанял этих двух аррьеро в качестве проводников, вот и все. Еще несколько минут, и эта догадка скорее всего подтвердится или будет слегка откорректирована, но ни в коем случае не опровергнута, думал про себя Фриц, спокойно разглядывая встречных.

— Кого я вижу! — воскликнул вдруг аррьеро, ехавший последним. — Это же Мальсесо, пеон сеньора Родриго Серено из Сальты!

— Да, это я! — ответил несколько растерянно пеон. — А откуда вы меня знаете?

— Я бывал у вашего хозяина не раз, там видел вас и узнал, как вас зовут. А вы нанялись проводником к этим сеньорам, которые с вами?

— Да, я у них проводник.

— О небо! Как же вы решились на это? Не всякий аррьеро возьмется за такую работу.

— Я знаю горы гораздо лучше, чем вам кажется! — ответил пеон заносчиво. — Во всяком случае, не хуже вас! А кроме того, мы не собирались идти через перевал

— Ах, вот оно что! Так вы путешествуете только по эту сторону Анд! Тогда, конечно, другое дело! Но учтите, вы уже миновали Пуну и вышли на дорогу, которая ведет на Пуну браву, но в совершенно безлюдное место. Могу я спросить, куда же вы все-таки хотите попасть?

— Туда, куда и направляемся В Салину-дель-Кондор.

— В Салину? Как и мы! И вы, значит, думаете что едете именно туда?

— Ну конечно!

— Вы ошибаетесь, сеньор! Мы едем из Перу в Сальту И следовательно вы находитесь на неверном пути.

— Вы в этом уверены?

— Разумеется! В этих местах всего две дороги. Одна — та, на которой мы (с вами сейчас находимся а другая начинается в Чили, проходит мимо Салины-дель-Кондор и сливается с этой в том месте, которое вы миновали полдня назад.

— Мне это известно!

— Да? И вы не заметили, что заблудились? Когда вы отправились в путь?

— С восходом солнца.

— Сначала вы шли в верном направлении, но странно, что несмотря на это, все же пропустили то место, где дороги сливаются. Там вам надо было свернуть влево, а вы поехали прямо.

— Так я и думал! — вмешался Фриц. — Мы сделали огромный бесполезный крюк зря потратили, наверное три четверти дня.

— Нет гораздо меньше сеньор, — мягко перебил его аррьеро. — Дорога, которая вам нужна, проходит отсюда строго на запад. Если вы будете придерживаться направления на солнце то часа через три выедете на нее.

— Хм! — задумчиво пробормотал Фриц. — Как нам повезло, что мы встретили вас! Насколько я понял горные тропы не открываются кому попало. — И он покосился на злополучного проводника.

— Да, это так — ответил аррьеро. — Анды открывают свои секреты только тому кто сначала исходит их вдоль и поперек.

— Да-да, теперь я это понял окончательно хотя опасался заблудиться здесь с самого начала. Но потом подумал, ничего кривая все равно выведет. Не вывела. И вот мы, трое иностранцев и проводник, который оказался на самом деле полным профаном очутились сами не знаем где Я боюсь что эту пресловутую дорогу мы вообще уже никогда не отыщем.

— Это вполне вероятно — добродушно рассмеявшись, ответил аррьеро. — Мне кажется самое лучшее сейчас для вас вернуться вместе с нами к тому месту где две дороги сливаются и уже оттуда двигаться туда, куда вам нужно. Там я объясню вам все более подробно да вы и сами все поймете когда окажетесь там.

— Значит вам известна дорога в Салину-дель-Кондор?

— Могу пройти по ней ночью с завязанными пазами.

— Это замечательно, но нам это вряд ли чемнибудь поможет Мы уже потеряли три четверти дня а если пойдём с вами в обратный путь то потеряем времени намного больше.

— А это для вас имеет большое значение?

— Да в том-то все и дело В Салине нас ждут люди, с которыми мы давно договорились о встрече. Может быть, вы кого-то из них даже и знаете, во всяком случае, об Отце-Ягуаре наверняка что-нибудь слышали, а?

— Отца-Ягуара я знаю очень хорошо. Это наверное самый известный человек в Андах. Так значит он сейчас в Салине?

— Да.

— Он там охотится?

— Охотится? Возможно и охотится — ответил Фриц и задумчиво добавил — Но не на зверей а на людей. Точнее, нелюдей — двух законченных мерзавцев

— Que cosa! ^[88] Охотится на людей. Он что хочет их наказать за что-то?

— Да.

— А кто они?

— Позвольте мне не отвечать на этот вопрос Отец-Ягуар будет недоволен если эта история станет всеобщим достоянием.

— Хорошо, хорошо, не отвечайте. Но я охотно помог бы вам. Участвовать в таком приключении — это ведь честь для меня! А вы будете принимать в нем участие?

— Само собой.

— Да, но если вы будете возвращаться вместе с нами, вы не успеете попасть в Салину ко времени. Я с удовольствием показал бы вам кратчайший путь туда, но в данном случае я человек подневольный, нас нанял сеньор, которого мы сопровождаем и обязаны доставить его в Сальту. — Он на секунду замолчал, глубоко задумавшись, потом вздохнул и произнес: — Нет, все-таки самое лучшее для вас — ехать с нами.

Светловолосый иностранец в продолжение всего этого разговора напряженно к нему прислушивался, одновременно испытующе поглядывая то на доктора, то на его слугу. Казалось, он старался понять, о чем идет речь. Когда аррьеро произнес последнюю свою фразу, он достал часы, посмотрел на них и обратился к нему.

— Значит, если я правильно все понял, вы можете помочь этим сеньорам вовремя попасть туда, куда им нужно, до наступления сумерек?

— Ну да, могу.

— А скажите... с той дороги, по которой вы их поведете, можно потом свернуть на дорогу, ведущую в Сальту?

— Конечно, можно.

— В таком случае вы сможете помочь сеньорам, не оставляя меня. Потому что я еду с вами. А три часа, которые на это уйдут, я думаю, два таких опытных проводника, как вы и ваш друг, завтра наверстают без особого труда. Ночь нам, очевидно, придется провести всем вместе, ну, а завтра утром мы втроем спокойно возьмем курс на Сальту.

Доктора Моргенштерна растрогало это неожиданное проявление дружеского участия со стороны человека, который видит их впервые в жизни. Подъехав к иностранцу, он с нотками восторга в голосе произнес:

— Сеньор, мы высоко оценили проявленное вами благородство. Сами мы никогда бы не осмелились просить вас ради нас идти на такие жертвы, а может, даже и подвергать себя риску. Чтобы оградить вас от него, мы, как воспитанные люди, должны были ответить отказом на ваше предложение, но наше положение до такой степени отчаянное, что мы не станем делать вид, будто не хотим воспользоваться вашим благородным порывом. Хотим, но понимаем также, что просто обязаны отплатить вам самым достойным

образом — нашей дружбой и всеми нашими силами. Кстати, разрешите представиться: я...

— О, прошу вас, не надо называть свое имя, — улыбаясь, сказал иностранец. — Поймите меня правильно: недостойным людям я бы никогда не стал помогать. Просто вы мне симпатичны, и это для меня гораздо важнее, чем ваши, не сомневаюсь, очень достойные и, возможно, звучные имена. Поверьте, я умею ценить дружбу и готов быть вашим другом, нисколько не сомневаюсь, что ваше прошлое и настоящее заслуживают уважения, но такой уж странный я человек: мне кажется, дружба между людьми чище и глубже, если они не оглядываются мысленно на прошлые заслуги, имеющиеся у каждого из них. А завтра поутру, когда будем расставаться, мы и представимся друг другу.

Он пожал руку несколько ошарашенного доктора Моргенштерна, впервые в жизни столкнувшегося со столь своеобразной трактовкой дружбы, и повернулся к аррьеро, спросив его о том, что одинаково волновало сейчас их всех:

— Мы едем вперед или поворачиваем?

— Поворачиваем.

Иностранец вернулся на свое место между вьючным мулом и вторым аррьеро, и маленькая экспедиция тронулась в путь. Замыкал ее опозорившийся пеон сеньора Серено, все время молчавший с тем характерным, как бы навсегда застывшим выражением лица, которое бывает у приговоренных к суровому наказанию преступников.

Примерно через четверть часа дорога стала подниматься в гору и привела путников на небольшое плато, на западной оконечности которого возвышалась горная гряда. Аррьеро, возглавлявший маленький отряд, остановился, чтобы лишний раз сориентироваться на местности. Внимательно оглядев все растущие вокруг деревья, потом скалы, он нашел то, что искал, — естественный коридор между ними, по которому можно проехать на мулах, и сказал светловолосому иностранцу.

— Все даже лучше, чем я мог ожидать. По этому проходу мы проедем без всякого труда.

И он тронул поводья своего мула. Плато плавно переходило в узкую долину, постепенно все более расширяющуюся и упирающуюся в конце концов в крутую, на первый взгляд, почти отвесную каменную стену, над которой возвышалась огромная гора. Ее вершина была совершенно лысой, но на склонах кое-где зеленели островки растительности, довольно свежей, поскольку сезон дождей закончился совсем недавно. Но никаких речушек или ручьев поблизости заметно не было. У самого подножия горы рос

густой кустарник. К нему и направились оба аррьерос, чтобы набрать хвороста для костра.

Доктор Моргенштерн воспользовался остановкой, чтобы завести беседу с иностранцем, так располагающим к себе всех окружающих. А вот у Фрица сердце к обаятельному путешественнику почему-то не лежало, он все время спрашивал себя: кто этот путешественник, откуда он взялся здесь, что ищет, но Фриц старался быть объективным, а незнакомец, нельзя было не признать, производил убедительное впечатление человека, который готов оказывать бескорыстную помощь людям в любой ситуации. Чтобы как-то отвлечься от мучивших его подозрений, Фриц пришпорил немного своего мула и выехал вперед. Залюбовавшись величественной горной панорамой, он пришел в хорошее расположение духа и сказал по-немецки, обращаясь к своему господину:

— Не было бы счастья, да несчастье помогло! Благодаря этому путанику дядюшке пеону, мы познакомились с такими симпатичными людьми! Мы ему еще должны быть благодарны за эту встречу, хотя он вполне мог бы завести нас в Лапландию или на Северный полюс — с него станется.

— На Северный полюс вы вряд ли попали бы, потому что никаких дорог туда вовсе нет.

Эти слова — ответ Фрицу — прозвучали на чистейшем немецком языке, но произнес их не доктор Моргенштерн, а... загадочный иностранец. Не успели доктор и его слуга прийти в себя от изумления, как он продолжил:

— Моя радость от встречи с вами возросла ровно вдвое после того, как я узнал, что вы — немцы.

— Да, мы — немцы, — ответил ему доктор. — Но вы тоже владеете нашим родным языком, причем превосходно! Вы специально его изучали? Или, может быть...

— Разумеется, — рассмеявшись, ответил иностранец. — Немецкому языку я учился прежде всего у своих родителей.

— Значит, вы тоже немец?

— Да, и горжусь этим.

— Вы родились в Германии или здесь?

— В Германии.

— И я тоже! Я, признаться, был не согласен с вами в душе, когда вы сказали, что не хотите до поры до времени знать, кто мы такие, но решил пойти вам навстречу. А теперь, поскольку выяснилось, что мы — земляки, я все же, с вашего позволения, представлюсь. Доктор Моргенштерн из

Ютербогга! А в Аргентину прибыл для того, чтобы заняться палеонтологическими изысканиями.

— И я также, — вставил Фриц. — Меня зовут Фриц Кизеветтер, родом я из Штралау на Руммельсбургском озере. А что касается наших изысканий, то мы раскопали уже гигантскую хелонию, а потом мегатерия.

— В этом я, к сожалению, ничего не понимаю, — ответил немец. — Мое имя Энгельгардт, а занимаюсь я... — в общем, можно сказать, что я — то, что люди обычно называют рантье.

— О, если бы я жил на собственные сбережения, то люди назвали бы меня не иначе, как «ходячий скелет», — рассмеялся Фриц, — А можем мы узнать: вы постоянно проживаете в прекрасной Аргентине или нет?

— До сих пор я жил не в Аргентине, а в столице Перу Лиме, но недавно продал свое дело и хочу в скором времени вернуться в Германию.

— Сделка была удачной?

— Достаточно удачной, учитывая нынешнюю ситуацию в экономике Перу, — ответил Энгельгардт, несколько удивленный бесцеремонностью вопроса.

— О, это меня чрезвычайно радует. Потому что если бы я занялся бизнесом, то получил в качестве барыша один только шиш с маслом, а раз вы довольны полученной суммой, значит, у вас было хорошее, прибыльное дело.

— Но чем вы занимаетесь, герр Кизеветтер?

— Вы хотите знать, кто я такой? Никто, просто уроженец Штралау, и боле ничего. То есть на все руки от скуки. Временно я практикант, участвующий в палеонтологических изысканиях под руководством доктора Моргенштерна, а в данный момент мы вместе с ним по совместительству с нашей научной деятельностью преследуем двух самых больших негодяев, которых когда-либо носила земля.

— Кто эти люди?

— Некто, кого часто называют просто «Гамбусино», как будто это его собственное имя, такой, дескать, он великий золотоискатель, среди всех гамбусино — самый умелый и удачливый, а второй известен тем, что убивает на арене невинных животных, он — тореадор, еще точнее — эспада, и зовут его Антонио Перильо, и его имя известно очень многим в Аргентине.

— Это имя я тоже слышал и даже читал об этом человеке в газетах. Он выступал у нас в Лиме, но я не любитель корриды и не хожу в цирк. Так почему же вы называете этих двоих негодьями?

— Чтобы дать вам полный ответ на этот вопрос, надо рассказать такую

длинную историю, что ее изложение продлилось бы до завтрашнего вечера. Ну в общем так: этот Перильо, которого мы раньше никогда и в глаза не видели, преследует нас повсюду и уже не раз пытался убить.

— Неужели такое возможно? Вы не шутите случайно?

— Какие там шутки! В тот самый день, как доктор прибыл в Аргентину и навестил банкира Салидо, Перильо совершил первое свое покушение на его жизнь.

— Салидо, говорите вы? А в каком городе это случилось?

— В Буэнос-Айресе.

— Значит, вы с ним знакомы?

— Да, и он — милейший человек, — сказал доктор. — Я был ему представлен и пользовался его гостеприимством, пока находился в Буэнос-Айресе.

— И долго вы жили под крышей его дома?

— Нет, несколько недель.

— А вам не приходилось слышать, чтобы сеньор Салидо упоминал когда-нибудь мое имя? — взволнованно спросил Энгельгардт.

— Постойте, постойте, когда вы сказали, что ваше имя — Энгельгардт, у меня появилось ощущение, что я его уже где-то слышал...

— Но вы могли слышать его и в Германии. У нас на родине полно Энгельгардтов.

— Нет, нет, это было определено в Аргентине, но где точно, не могу вспомнить. Фриц, а ты не припомнишь ли, дружище, где мы могли слышать фамилию Энгельгардт?

— Энгель... Энгель... — задумчиво пробормотал, глядя себе под ноги, Фриц. — А, вспомнил, вспомнил! Вы жили в Лиме, и у вас было свое дело. Вы случайно не владелец банка?

— Да, я жил в Лиме и до самого последнего времени владел одним из самых крупных банков в столице Перу.

— У вас супруга, так?

— Так.

— И два сына?

— И это верно.

— Один из них гостил недавно у банкира Салидо в Буэнос-Айресе?

— И это верно.

— Все так, как я и думал! Мы не могли сразу вспомнить, где слышали эту славную фамилию, потому что мальчика называли только по имени — Антон. Доктор, что вы на это скажете, вот до чего мир тесен: герр Энгельгардт — не кто иной, как родной папа нашего юного героя Антона.

Доктор, открыв от удивления рот, переводил взгляд с Фрица на Энгельгардта, с Энгельгардта на Фрица, не в силах вымолвить ни слова... Наконец, покачав отрицательно головой, сказал:

— Нет, Фриц, здесь скорее всего какое-то недоразумение или совпадение. Отец того Антона Энгельгардта, которого знаем мы, действительно банкир, но я бы не стал отождествлять его с герром Энгельгардтом, которого мы видим в данный момент перед собой.

— Почему же?

— Потому что тот человек, насколько мне известно, вовсе не собирался продавать свое дело и отправляться в путешествие через Анды.

— Нет, нет, я уверен, что никакого недоразумения тут нет, — с горячностью запротестовал Фриц, а герр Энгельгардт утвердительно закивал головой в подтверждение этих его слов.

Но это не убедило доктора Моргенштерна, даже наоборот: его сомнение перешло в подозрительность, и, прищуриив глаза на манер этакого пронизательного сыщика, с видом превосходства над всеми окружающими он произнес:

— Не думаю, чтобы отец нашего Антона, зная, что его сын, по-латыни «пуэр» или «филиус», вот-вот прибудет домой, отправился в подобное путешествие.

— Как? — спросил Энгельгардт ошарашенно. — Антон собирался вернуться домой?

— Да, и не только собирался, но и отправился в путь к дому.

— Мой сын? Нет, тут что-то действительно не так, возможно, вы правы, речь идет о другом Антоне Энгельгардте. Но как же это?.. Второй банкир по фамилии Салидо, может, и существует в природе, я не могу этого знать, но в Буэнос-Айресе второго такого человека точно нет...

— Вот именно.

— Так что тут не может быть никаких сомнений, — уверенно заявил Энгельгардт, — поскольку сеньор Салидо — дядя именно того юноши, который вам знаком, следовательно, это все-таки мой сын, и никто иной.

— Но почему вы тогда уехали из Лимы? Почему не остались ждать сына дома? Вам же было хорошо известно о том, что Антон покинул Буэнос-Айрес и направляется домой через Анды! — не унимался доктор Моргенштерн.

— Я знал, что у него было такое намерение, но о том, что он выехал, — не знал. А перед тем, как выехать из Лимы, я послал сеньору Салидо телеграмму, в которой просил его задержать Антона.

— События иногда, знаете ли, опережают самые срочные депеши, —

ответил сочувственным тоном доктор, которому, вероятно, надоело наконец разыгрывать из себя сыщика. — Очевидно, телеграмма пришла тогда, когда Антона уже не было в Буэнос-Айресе. Но в таком случае мне непонятно другое: почему банкир Салидо не телеграфировал вам немедленно об этом в Лиму?

— Да это-то как раз понятно... Кто может поручиться за своевременную доставку телеграмм во время войны.

— Бог мой! Какой войны?

— Как это какой? Между Чили и Перу. А вы что же, ничего не слышали об этом?

— Абсолютно! От вас впервые слышим.

— Странно! Должно быть, вы пребывали последние дни на Луне...

— Нет, мы были в глубине Гран-Чако, а это почти то же самое, что на Луне. Новости туда доходят не скоро.

— Дело в том, что все коммуникации, связывающие Перу с Аргентиной, проходят через территорию Чили. Моя телеграмма сеньору Салидо в Буэнос-Айрес была отправлена еще до начала военных действий и оказалась, как я теперь прекрасно понимаю, одной из последних депеш, прошедших по каналам связи нормально. А ответная телеграмма, которую, я несколько не сомневаюсь, Салидо мне отправил, пришла как раз на момент военной заварухи, вот почему она и не дошла. Так... Наконец-то все стало понятно. Бог мой, а я-то до сих пор пребывал в уверенности, что Антон находится в доме своего дяди в полной безопасности!

Пока шел этот волнующий всех разговор, трое немцев даже не заметили, как немного отстали от остальных. После всего, что уже было сказано, разговор продолжили Энгельгардт и Фриц, причем обмен вопросами, ответами и репликами шел в молниеносном стиле, почти без пауз, доктор Моргенштерн же тем временем погрузился в свои мысли.

— Ну и дела! — воскликнул Фриц. — Война между Перу и Чили, потерявшаяся телеграмма, а вы и Антон оба в Андах, но не вместе! Ах ты, Господи, ну почему вам не сиделось в Лиме, зачем вы продали свое дело?

— Обстоятельства, мой друг, бывают властителями наших желаний часто помимо нашей воли. Эта война грозила мне потерей всего моего состояния, не только дела, но и дома и всего остального, чем я владею, так что из двух зол я выбрал меньшее. Мы фактически бежали из Лимы. Жену с младшим сыном я отправил в Германию морем, благо нашелся у меня хороший знакомый, даже, можно сказать, друг — капитан одного недавно спущенного на воду судна, а сам отправился в горы. Кто бы мог подумать, что все так получится, Бог мой! Где теперь мой мальчик? Какие люди его

окружают? Жив ли он? Я в отчаянии!

Фриц положил руку на плечо Энгельгардту и сказал, постаравшись придать своему тону выражение спокойной уверенности в том, что все еще будет хорошо:

— Успокойтесь! Помните, что за человек сеньор Салидо. Ну, конечно же, он никогда и ни за что не станет связываться с людьми ненадежными, с сомнительной репутацией, и уж тем более не доверит им своего племянника.

— Да, да, я знаю, что брат моей жены — человек осторожный и постарается сделать все как можно лучше, но в данном случае он не владеет ситуацией, вот в чем все дело. Кто знает, что может произойти в пути! Да все, что угодно. Но даже если переход через Анды закончится для моего сына вполне благополучно, и он доберется до Лимы, что дальше? Нас нет, и никто ему не скажет, где мы... а его еще к тому же, вполне вероятно, могут призвать в армию, он ведь уже достиг призывного возраста.

— Вот на этот счет вы можете совершенно не волноваться! Ваш сын еще не пересек границу Перу, и, я думаю, не пересечет, во всяком случае, до тех пор, пока не кончится эта война. Люди, с которыми он сейчас, конечно, не допустят этого.

— Но почему вы так уверенно об этом говорите? Вы что, знаете этих людей?

— Знаю, и весьма неплохо.

— Скажите же мне, кто они и где сейчас находятся?

— Они — это двадцать с лишним мужчин, прошедших Огонь и воду, а ведет их человек по имени Отец-Ягуар. Вам это имя, данное ему местными жителями, о чем-нибудь говорит? Даю вам честное слово: с ними ваш сын как за каменной стеной!

Выражение напряжения и тревоги сошло наконец с лица Энгельгардта. Он схватил обе руки Фрица и стал радостно трясти их, воскликнув:

— Значит, он с Отцом-Ягуаром! В Салине-дель-Кондор, совсем рядом от меня! Какое удачное совпадение обстоятельств или даже больше — веление судьбы!

— Это не совпадение! — взял слово доктор. — Я тоже уверен в том, что ваш сын находится рядом и уже завтра утром вы сможете его обнять, но благодарить за это вы должны не случай, а ваше собственное доброе сердце. Если бы вы равнодушно проехали мимо нас, то еще долго ничего не знали бы о сыне. Но вы этого не сделали, и судьба вознаградила вас.

— Расскажите мне, пожалуйста, где и как вы общались с моим сыном.

— Мы познакомились в Буэнос-Айресе, в доме сеньора Салидо. Во второй раз встретили его в составе экспедиции герра Хаммера, или Отца-Ягуара, на берегу Рио-Саладо и оттуда отправились все вместе в Гран-Чако.

— Как? Вы были там? Бог мой, у Гран-Чако такая жуткая слава! С вами там ничего страшного не происходило?

— Кое-что происходило, и порой это были довольно неприятные происшествия.

— Эти неприятные происшествия коснулись также и моего сына?

— Нет, его нет, потому что он находился под хорошей защитой, полатыни «патронициум» или «тутела». Но он тем не менее сумел отличиться. Если хотите, мы расскажем вам, как это было.

— О, конечно, конечно!

Но только доктор раскрыл рот для живописания подвигов юного Энгельгардта, как Фриц остановил его движением руки, сказав:

— Не сейчас, только не сейчас, господа! Мы и так здорово отстали от остальных. Надо спешить. Мы можем разговаривать и по дороге, а уж когда разобьем лагерь, сделать это сам Бог велит.

Правота Фрица была признана всеми в виде пришпоривания мулов.

Долина, зажата между двумя горами, постепенно поднималась, а потом уровень ее снова понижался. На гребне холма на фоне багрового в отблесках заката неба четко вырисовывались силуэты двух аррьерос и пеона: они остановились, поджидая отставших. Как только те подъехали, вся группа устремилась вперед со скоростью ветра. Солнце садилось. Высоко в небе кружил кондор. Аррьеро, ехавший впереди, показал на него и сказал:

— Он ищет свое гнездо. Нам тоже надо выбрать себе место для стоянки, пока еще что-то видно, через полчаса стемнеет окончательно.

— Значит, нужную нам тропу мы найдем еще не скоро, — грустно сказал Энгельгардт.

— Мы в нескольких минутах езды от нее.

— А от того места, где можно будет заночевать?

— А это все рядом. Но, к сожалению, нам придется отклониться на север, тогда как до сих пор, если вы заметили, мы с вами ехали точно на юг. Будьте готовы к тому, что мы потеряем довольно много времени.

— На север — значит, в Салину-дель-Кондор?

— Да.

— Прекрасно. Я передумал. Мы едем не в Сальту, а поднимаемся в горы.

— Сеньор, я ничего не понимаю! Что заставило вас изменить

решение?

— Причина для этого у меня такая серьезная, мой друг, что серьезней и быть не может. Мой сын сейчас находится в Салине-дель-Кондор, а не в Буэнос-Айресе. Об этом я только что узнал.

— Понимаю.

В этот момент они выехали к довольно обширному песчаному участку долины. Аррьеро, ехавший впереди, соскочил с мула, наклонился к земле и сказал:

— Сеньоры, взгляните сюда: это следы от копыт, хотя уже и давно оставлены на этом песке, читаются еще неплохо. Вот она, тропа на Салину. Пройдем по ней сколько успеем до наступления ночи!

Он пустил своего мула галопом, остальные последовали его примеру. Песчаный участок закончился, и они оказались у подножия горы, испещренной глубокими трещинами. Аррьеро приостановился и, указав на одну, особенно большую, щель среди камней, сказал:

— Вот здесь мы и остановимся. Это пещера, у которой два входа. Ветер туда, однако, не проникает, возле костра, закутавшись в пончо, мы сможем выспаться не хуже, чем на каком-нибудь ранчо.

Пещера, кроме двух входов, точнее, двух больших щелей в своих стенах, имела еще одну оригинальную особенность: у нее не было пола, если можно так выразиться, то есть ровного, прочного основания. «Пол» составляли две каменные плиты, находящиеся на разном уровне, так что одна заходила краем на другую. Несмотря на наличие двух больших отверстий, сквозняка в пещере не было благодаря тому, что по форме внутренность пещеры представляла собой полусферу. Недалеко от одного из входов в пещеру росла невысокая, но густая трава, которую мулы тотчас начали с аппетитом поедать. Их освободили от упряжи, связав лишь передние ноги таким образом, чтобы они смогли попасться, но уйти куда-то далеко — нет.

Вскоре в пещере уже пылал костер, а из седел, положенных под голову, и пончо были устроены удобные и даже, пожалуй, уютные постели. Хвороста путники заготовили столько, чтобы костер смог не угасать несколько часов.

Впервые за день они поели, а после ужина доктор Моргенштерн угостил всех сигаретами, которыми он запасся в Сальте. Сигареты были даже на выбор, поскольку у Энгельгардта тоже был с собой их запас, правда, небольшой. Под сигаретный дым и начались рассказы доктора Моргенштерна и Фрица об Антоне с того самого момента, как они познакомились с ним в Буэнос-Айресе. Лица всех разгладились,

смягчились: от костра шло физическое тепло, от людей — душевное, даже мрачный проводник-неудачник и то как будто бы подобрел.

Человек так устроен, что, когда ему хорошо, он почему-то, увы, становится неосторожным. Наш случай не был исключением: никто не подумал о том, что перед входом надо было выставить часового. Одно скажу по этому поводу — Отец-Ягуар никогда бы так не поступил.

Как странно, право, порой складываются обстоятельства: среди сидевших в пещере шести человек трое говорили об Отце-Ягуаре с восхищением и благодарностью, а в это же самое время рядом с ними находились два самых ненавидимых и презираемых им человека, два его злейших врага — гамбусино Бенито Пахаро и эспада Антонио Перильо. Оставим их ненадолго возле пещеры и вернемся на некоторое время назад.

Если вы помните, Бенито Пахаро и Антонио Перильо собирались разыскать на Гуанакотале индейцев мойо, которых хотели нанять для путешествия к ущелью Смерти. Но сразу они их найти не смогли, а между тем съестные припасы, взятые у Родриго Серено в долг, подходили к концу, что делало необходимость отыскать мойо еще более острой.

Но еще больше их волновало сейчас другое: как бы сделать так, чтобы и овцы были сыты, и волки целы, то есть чтобы индейцы не догадались о том, что, собственно, делают в ущелье Смерти их наниматели. Гамбусино, надо отдать ему должное, был не настолько самонадеян, чтобы недооценивать природную сметку индейцев, что свойственно, увы, многим белым людям, и заранее предостерег своего напарника:

— Эти местные проходимцы довольны сообразительны и проницательны, на мякине их не проведешь. Я думаю, нам надо придумать какой-то повод для наших поисков, возможно, связанный с религией, пожалуй, это единственное средство, с помощью которого мистификация может получиться. А тебе не пришло в голову чего-нибудь еще в этом роде?

— Мне нравится твоя идея. Но что ты скажешь насчет варианта с торжественной клятвой?

— Это неплохой вариант. Значит, объясним им все так. смертельная опасность, нависшая над нами, заставляет нас дать страшную клятву, которую Бог примет благосклонно только в том случае, если мы дадим ее в ущелье Смерти без каких-либо свидетелей

— Да, но как мы объясним им то, что должны поднять наверх из ущелья какой-то груз?

— Слушай, у тебе вообще как с головой-то? Я разве тебе не говорил, что все они должны, как только мы поднимем груз, умереть? Работы в этом смысле будет у нас немного, потому что мы найдем человек шесть или

восемь, не больше.

Мойо,. ничего не подозревавшие о намерениях двух негодяев, радушно встретили их, провели к вождю, который стал расспрашивать гамбусино и эспаду об их намерениях. Он высказал готовность сам сопровождать их к ущелью Смерти, но, быстро переглянувшись между собой, гамбусино и эспада, перебивая друг друга, заговорили о том, что это, дескать, слишком большая честь для них, они не могут ее принять и так далее. Но вождь не принял этих возражений и велел позвать лучших своих воинов, не спрашивая их о том, хотят они или нет отправляться к ущелью Смерти.

В результате еще семеро мойо, кроме вождя, покинули Гуанакоталь и отправились к ущелью Смерти. К вечеру первого дня они вышли на узкую тропу, ведущую в Салину-дель-Кондор, по ней ехали до наступления сумерек, а когда стемнело, гамбусино приказал разбить лагерь, но Острие Ножа, вождь мойо, сказал:

— Скоро поднимется сильный северный ветер, нам нужно найти другое место для лагеря, хорошо защищенное от этого ветра.

— Ты знаешь такое место?

— Да, я как-то давно приметил тут неподалеку одну пещеру с двумя входами.

— Так веди нас скорее туда!

Ехали они цепочкой, возглавлял которую Острие Ножа. И вдруг он придержал своего мула, шепнув несколько слов воину, который ехал сразу же за ним, тот — следующему...

— Что случилось? Ты заметил какие-то признаки опасности? — спросил гамбусино тоже как мог тихо, несмотря на свой бас.

— Да, я заметил отблеск костра. В пещере кто-то развел огонь.

— Там люди?

— Да, там, где горит костер, всегда найдется хотя бы один человек, который его разводил, — дал своего рода философский ответ вождь.

— Кто бы это мог быть?

— Увидим. Подержите моего мула. А ты, — сказал Он, обращаясь уже к мулу, — оставайся на месте и стой спокойно!

Примерно через полчаса он вернулся и сообщил:

— Перед входом в пещеру пасутся мулы, а внутри нее у костра сидят шесть человек.

— Индейцы? — спросил гамбусино.

— Белые.

— Как они вооружены?

— Очень хорошо.

— Что делают?

— Разговаривают друг с другом. Трое говорят по-испански, а трое других на таком языке, которого я не понимаю.

— Это странно, даже очень, я бы сказал, странно. Я должен сам на них взглянуть.

— Я пойду с тобой, — сказал эспада.

— В этом нет никакой необходимости.

Но тем не менее эспада слез с лошади, и они, крадучись, ступая очень осторожно, двинулись на свет костра вдвоем, один вслед другому. Возле самого входа в пещеру легли на землю и поползли.

— Слушай, а если кто-то из них вдруг случайно высунется из пещеры, он не заметит нас, как думаешь?

— Думаю, нет, по одной простой причине: глаза, которые долго смотрят на огонь, в темноте некоторое время совершенно ничего не видят.

Они приподнялись и, сделав несколько шагов, очутились возле узкой щели между камнями, через которую были видны лица троих из сидящих у костра, это были оба аррьерос и пеон-проводник. Остальные сидели к ним спиной, но зато их было хорошо слышно. Гамбусино внимательно прислушался к незнакомой для него речи и через несколько минут жестом дал знать своему спутнику, что пора возвращаться. Когда они отошли от пещеры на такое расстояние, чтобы их разговор невозможно было услышать оттуда, Перильо спросил гамбусино:

— Ты узнал его?

— Кого?

— Пеона сеньора Серено из Сальты.

— Узнал.

— Я тоже. Но двух других в первый раз вижу.

— Судя по тому, как они одеты, оба этих парня — аррьерос. Я уже встречал их где-то в горах, но не знаю, как их зовут. Слушай, а как ты думаешь, на каком языке разговаривали трое других? Я могу сказать лишь то, что это точно не французский, не португальский и не английский.

— Мне приходилось слышать, как разговаривают друг с другом немцы из Буэнос-Айреса, и мне сейчас показалось, что эти трое белых произносят слова из этого языка.

— Дьявол! Немецкий! Тогда это могут быть...

— Не спеши с выводами! В пещере есть еще один вход. Надеюсь, оттуда лица этих троих видны получше. Пошли!

Они пригнулись и стали пробираться ко второму входу в пещеру.

Гамбусино, помянув еще раз про себя дьявола, убедился, что его

подозрения насчет того, кто такие эти трое немцев, были небеспочвенны. Доктор Моргенштерн и Фриц сидели по отношению к нему точно в профиль, третий немец — лицом, но его гамбусино не знал. Ему оказалось достаточно лицезрения двух первых, чтобы от распиравшей его злости едва не задохнуться. Когда они отползли от пещеры на несколько метров, он произнес яростным шепотом:

— Снова нам поперек дороги встали эти проклятые немцы! Заговорены они, что ли? А ты узнал их?

— Ну конечно! Я не ошибся, значит, когда предположил, что это немецкий язык.

— О чем ты думаешь! Лучше скажи-ка мне, как они попали в эту пещеру?

— Им черт помог!

— Не иначе! А нам он заодно голову заморочил, а то бы мы ни за что не приняли одного из них за полковника Глотино, и все же эти ребята — далеко не такие простодушные, какими хотят казаться, ты заметь: как только мы начинаем что-то затевать, они непременно встают у нас на пути, как будто узнают об этом заранее.

— Но это еще не самая большая опасность, которую несет с собой их появление.

— Что ты имеешь в виду?

— Почему-то всегда, как только они нам попадаются, очень скоро появляется и Отец-Ягуар. Я уверен, он и сейчас где-то недалеко отсюда.

— Твоя правда. Но я надеюсь, что хотя бы Отцу-Ягуару черт не помогает.

— А вот это известно только им двоим с чертом, и никому больше. Кстати, ты пересчитал седла, которые лежат на полу в пещере?

— Да, там лежат шесть седел для верховой езды. У костра сидело тоже шесть человек. Следовательно, Отца-Ягуара здесь никак быть не может.

— Что будем делать? Поскачем дальше? Ладно, это мы с тобой обсудим потом, а сейчас я должен сочинить благодарственную записочку для этих немецких коротышек.

Гамбусино задумался на минуту, глядя остановившимся взглядом перед собой, и наконец произнес:

— Я думаю...

— ...что надо дать им уйти и на этот раз? — продолжил эспада, научившийся наконец понимать с полуслова своего компаньона по грязным делам.

— Да, не следует их задерживать. Сами по себе они не представляют

для нас никакой опасности. Ну, убьем мы их, а что толку? А вот если проследим, куда они направляются, то, я уверен, доберемся и до самого Отца-Ягуара.

— Так, значит, ты думаешь, что мы должны таскаться за ними, куда бы им не взбрело в голову отправиться?

— Хм. Это вообще-то, конечно, выглядело бы глуповато, но в этой истории для нас с тобой имеется еще одного интерес.

— Какой?

— Они богаты...

— Ты думаешь?

— А как же! Тот, кто предпринимает такие путешествия, должен иметь кое-что в кармане. Но есть и еще один повод для того, чтобы последить за ними. Тебе знаком третий немец?

— Нет.

— А ты бывал когда-нибудь в Лиме?

— Он что — оттуда?

— Да. У меня нет никаких сомнений, что это именно тот человек, которого я там когда-то знал. Слышал ты когда-нибудь имя Энгельгардта?

— Неужели ты имеешь в виду тамошнего банкира-миллионера?

— Именно его, того самого.

— Ага, я тебя понял. Хорошая мысль! Если у нас ничего не получится с сокровищами, мы, по крайней мере, сможем получить компенсацию за свой поход в Анды с помощью выкупа за его жизнь, так?

— Вот-вот! Много мы с него, пожалуй, не возьмем, всего лишь половину его состояния, заплатит — освободим, так уж и быть.

— Как это «освободим»? А если он наведет на нас полицию? Нет, это было бы глупостью! Пусть сначала заплатит, а потом... — в расход его! Согласен? Поможешь? Найдем мы сокровища или нет — еще вилами на воде писано, а тут — верное дело.

— Ты прав, полностью прав. Так значит, мы берем его в плен, а что будем делать с двумя немцами-коротышками?

— Ну на что они годятся? Прикончим.

— А индейцы? Ты забыл о них? Как мы тут спрячем концы в воду?

— Можно сделать так, что они будут молчать, как будто воды в рот набрали.

— Почему ты в этом так уверен?

— Мы возьмем банкира себе, а им отдадим коротышек и скажем, что эти иностранцы очень богаты.

— Идет. Пока суд да дело, мы сможем делать, что пожелаем.

— Да-да, а потом, кстати, когда все будет кончено и с теми, и с другими, состояние коротышек достанется опять же нам.

— Но как быть с этими двумя аррьерос и пеоном? Задерживать их здесь? Какой в этом толк? Все равно с них ничего не возьмешь. А отпустим их, они нас выдадут...

— А мы не сделаем ни того, ни другого.

— Как это?

— Все решат три пули или три удара ножом.

— Да, скор ты на расправу! Но это правильно, иначе ничего у нас не выйдет. Но остается еще вопрос: как к этому отнесутся индейцы?

— Поддержат нас, я уверен. Пойду, на всякий случай переговорю с ними. Жди меня здесь!

Вернулся гамбусино не один. С ним были вождь мойо и шесть его воинов, седьмой остался при мулах.

— Они согласны, — прошептал Бенито Пахаро. — Банкир — наш, коротышки достаются им. Но они не хотят никого убивать. Аррьерос и пеона придется убирать нам самим, так что бери-ка ты оружие в руки.

— Ладно. Когда мы этим займемся?

— Немедленно.

— Как будем действовать?

— Мы с тобой подползем к ним с той стороны, где сидят аррьерос и пеон, а индейцы — с другой. Как только прогремят наши выстрелы, они бросятся на немцев, разоружат их и свяжут. Все! Пошли!

Уже возле самого входа в пещеру гамбусино прошептал эспаде:

— Я беру на себя аррьерос, а ты — пеона. Стреляем им в головы, как только я произнесу «три», понял?

— Да, — спокойно ответил Перильо и взял ружье на изготовку.

— Целься! Итак, раз, два, три!

Несчастные, ничего не подозревающие аррьерос и пеон были убиты, а немцы связаны и обезоружены. После этого индейцы быстро обшарили трупы, забрав у них все мало-мальски ценное, а потом вынесли их наружу, бросив возле входа в пещеру как попало.

Пролитая кровь возымела своеобразное действие на вождя Острие Ножа: он всячески старался подчеркнуть, что относится к гамбусино с большим почтением. С угодливостью лакея он быстро развел костер, сложенный особым образом, специально для того, чтобы при его свете гамбусино и эспада могли показаться пленникам в полный рост.

И те не преминули воспользоваться возможностью произвести на своих врагов дешевый устрашающий эффект.

— Добро пожаловать в горы! — произнес деланно-торжественным тоном гамбусино. — Счастлив приветствовать вас здесь! Мне всегда приятно видеть вас. Как поживаете, господа?

— Благодарю вас, сеньор, очень хорошо, — ответил Фриц совершенно спокойно, потому что сразу решил: что бы ни случилось, эти мерзавцы не увидят его испуганным и униженным.

— Ах вот как? Даже очень хорошо?

— Да. Если бы вы знали, что сейчас творится у меня на душе, то, пожалуй, стали бы мне завидовать.

— На что мне знать про состояние вашей душонки? Меня гораздо больше интересует ваш кошелек. Как он — полон или нет? Короче: вы богаты?

— Очень.

— Значит, вы сможете заплатить выкуп за свою жизнь?

— Какие тут могут быть сомнения!

— Но денег при вас, я так понимаю, нет?

— К сожалению. Ими распоряжается мой банкир.

— Ничего страшного. Вы дадите мне доверенность на право распоряжаться вашим вкладом. А как обстоят финансовые дела вашего спутника?

Приват-доцент слышал этот вопрос, но, в отличие от Фрица, не мог заставить себя спокойно вести беседу с негодяем, его слуга понял это и ответил за него на свое собственное усмотрение:

— О, он не богаче церковной крысы, горсть боливаров в кармане — вот и все его состояние.

— Тогда он умрет. Я не так богат, чтобы дарить кому попало жизнь без выкупа.

— А зачем ему умирать? Я же заплачу за него, как делал это уже не раз. Какая требуется сумма?

— Десять тысяч боливаров за вас обоих, и учтите: это очень дешево по нынешним временам.

— Прекрасно! Вы получите эти деньги! Распорядитесь принести сюда чернила, перья и хорошую бумагу. Я напишу доверенность на ваше имя.

— Можете не спешить! Во всяком случае, я вас не тороплю, сначала мне нужно посоветоваться вон с тем сеньором. — И он кивнул в сторону Энгельгардта.

— Узнаете меня, сеньор Энгельгардт? — спросил он банкира, заискивающе и одновременно нагло глядя тому в глаза.

— Нет, — ответил банкир.

— Нет? Жаль, право. Но ничего, вы еще успеете познакомиться со мной как следует, а если, по примеру этого маленького сеньора, благо разумно расскажете мне о том сколько у вас денег, наше знакомство может оказаться взаимно приятным и...

— Во сколько вы оцениваете мою свободу? — прервал это издевательски-приторное словоизвержение Энгельгардт.

— Это зависит от размера вашего состояния. Я не грабитель какой-нибудь и не требую всего, что вы имеете, но на определенный процент, я думаю, я вправе рассчитывать, скажем, на...

На этот раз его прервал вождь мой, прошептав ему на ухо:

— Сеньор, мы здесь не одни. Один из моих воинов видел какого-то человека, пробиравшегося к пещере ползком.

— Но он не мог принять зверя за человека?

— Нет, сеньор, это был человек. Как только он понял, что замечен, вскочил на ноги и бросился наутек.

— А вы не пытались догнать его?

— Догнать? Да тут такая темень, что хоть выколи глаза!

— Какая досада! Надо уходить немедленно! Черт его знает, кто этот разведчик!

— Кто же еще, как не Отец-Ягуар! — с видом человека, фатальное предчувствие которого наконец-то сбылось, произнес подошедший к ним Антонио Перильо.

— Нет, кто угодно, только не он, потому что он-то уж непременно напал бы на нас сразу, чтобы немедленно отбить своих приятелей. Впрочем, может, я и ошибаюсь, и он замышляет против нас какую-то сложную игру, но ничего у него не получится, мы сумеем обвести этого умника вокруг пальца.

Он приказал загасить костер в пещере и отдал очень тихо приказ отвести мулов пленных и убитых к своим животным, а затем доставить в лагерь и связанных немцев. Собравшись в одном месте, увеличившийся отряд почти сразу же тронулся в путь. В наступившей тишине послышался стук копыт. Всякому, кто прислушался бы в этот момент к нему, стало бы ясно, что ехала целая группа всадников, но не по направлению к Салинедель-Кондор, а в противоположную сторону. Возле пещеры, где только что прогремели роковые выстрелы, больше не раздалось ни звука...

А совсем недалеко от нее, опершись о каменную стену, стояли двое — Ансиано и Аука.

— Они заметили тебя, поэтому и удрали так быстро! — произнес старик. — Но мы еще сможем их догнать, о мой господин!

— Не стоит, дорогой Ансиано! Они только и мечтают пустить нас по ложному следу, но мы же не позволим себя провести, а? Наши ноги быстрее копыт их мулов. Нам надо как можно скорее найти Отца-Ягуара, это — сейчас самое главное.

И оба инки растворились в ночи. С поручением, которое им дал Отец-Ягуар, они справились. Именно он приказал им провести разведку в окрестностях Салины, чтобы обнаружить местонахождение негодяев Пахаро и Перильо. У Карлоса Хаммера в отношении них уже имелся определенный план военных действий: добраться до ущелья Смерти прежде, чем это удастся им, и расставить своих людей по всему его периметру.

Глава XX

ЗАВЕЩАНИЕ ИНКИ

Барранка-дель-Омисидио, или ущелье Смерти... Невольно вздрогнешь, произнося эти два слова. Потом подумаешь: скорее всего такое название — преувеличение, дань местным суевериям, и не более того, мало ли на свете мест, названия которых тоже связаны со всякими ужасами, однако на самом деле ничего сверхъестественного в них не происходит. Но что касается Барранки-дель-Омисидио в Андах, то здесь как раз тот самый случай, когда название «ущелье Смерти» точно отражает, если не историю, то характер места, которому принадлежит. Солнечные лучи, способные оживить казалось бы, любой ландшафт, здесь бессильны: им никогда не скрасить этой мрачной, безотрадной картины — столько в ней кроется зловещей угрюмости. Ущелье стерегут лишенные каких-либо признаков растительности суровые горы-великаны, чуть ниже острые скалы протянули к небу свои крючковатые уступы-пальцы, словно грозя кому-то. Но и в небольших долинах между ними не найдешь ни травинки, не увидишь пробегающего зверя, даже ящерицы избегают заходить в это мертвое царство.

То, что называется собственно ущельем, — каменный разлом в земной коре — недоступно для всадников на лошадях. Кое-где на стенах и дне ущелья, а чаще всего на его краях встречаются довольно чахлые растения, их выступающие между камнями и сухими комьями земли сухие корни могут служить хорошим топливом для костра. Возле края ущелья тянется неширокая ровная каменная полоса, по которой может пройти мул, но о том, чтобы спуститься верхом на животном в глубь ущелья, не может быть и речи: его стены совершенно отвесны, а дно усыпано острыми камнями. Передвигаться здесь можно только пешком, но и это далеко не всякому удается.

Среди скал, окружающих ущелье, выделяется одна, секрет которой известен далеко не всем: она похожа на карниз, нависающий над одной из отвесных стен ущелья, под которым имеется выступ, где вполне может удержаться человек. Это отличное укрытие для того, кто хочет что-то разведать, сам оставаясь незамеченным. Примерно шагах в пятидесяти от этой скалы и разбила свой лагерь экспедиция Отца-Ягуара. Задумчиво глядя на карниз, он произнес, обращаясь к Херонимо:

— Вот здесь и лежал Антонио Перильо, когда выслеживал Инку, прежде чем убить его.

— Почему ты уверен, что именно здесь?

— Покойный капитан Пелехо довольно точно описал мне это место перед своей смертью.

— Да, похоже, все именно так и было, как он говорил. Инка — и Херонимо указал рукой в глубь ущелья — поднимался примерно оттуда, значит, где-то там и должны быть спрятаны сокровища.

На этот раз они вели речь о сокровищах инков, ни от кого не таясь. Моральное право на это им предоставили не кто-нибудь, а старый Ансиано и юный Аукаропора: в последние дни они совершенно открыто говорили обо всем, что до сих пор составляло тайну, известную лишь им двоим. После того, как они узнали людей Отца-Ягуара с самой лучшей стороны, их отношение к этим парням можно было исчерпывающе охарактеризовать двумя словами — полное доверие. Ансиано открыл также Отцу-Ягуару и Херонимо, что знает точно, где расположена сокровищница.

— А Ауке это место известно? — спросил его Хаммер.

— Пока нет. Но, поскольку ему уже исполнилось шестнадцать лет, я должен очень скоро, согласно воле его покойного отца, открыть ему эту тайну.

— Ты посвящен в нее полностью?

— Нет, всего не знаю и я. Могу показать туда дорогу наследнику Инки, но на этом мои полномочия кончатся.

— А сокровища покоятся, наверное, в земле, в какой-то яме?

— Нет. Они лежат в пещере, точнее, в старой штольне, которую пробили наши предки в поисках золота и серебра, но, ничего не найдя, забросили ее, а вход в штольню засыпали. Однако место это все же не было забыто, и перед тем, как бежать из Перу, отец Ауки пришел сюда с преданными ему людьми и спрятал сокровища в штольне. Враги, однако, вскоре настигли всех их. В живых остались двое — сам Инка, отец Аукаропоры, и мой родственник, его приближенный. Теперь посвященных в эту тайну инков, кроме нас двоих, больше нет. Повторяю: мне известно, где находится вход в пещеру, но я никогда не был внутри нее. Туда имел право входить только отец Аукаропоры. Если Аука возьмет меня с собой в пещеру, то вместе с ним я впервые увижу сокровища.

— Конечно, я возьму тебя с собой, дорогой мой, верный Ансиано! — воскликнул Аукаропора. — Ты заменил мне отца, и все, что принадлежит мне, — твое.

— Благодарю тебя! — ответил старик. — Мне ничего, кроме твоей

любви, не нужно. Впрочем, у меня есть еще одно желание, об исполнении которого я хотел бы тебя просить.

— Какое? Говори!

— Ты получаешь право войти в пещеру в том возрасте, который подразумевает, что беспечность ранней юности уже преодолена, что ты стал настоящим мужчиной-воином. Это условие было придумано не просто так. Дело в том, что в любой заброшенной штольне довольно опасно находиться, а в этой, я точно знаю, уже при входе человека подстерегает какая-то большая опасность. Но какая именно — мне не известно. Твой отец хотел рассказать мне об этом, но не успел.

— А ты не догадываешься о том, что бы это такое могло быть?

— Догадка-то у меня одна есть, но доказательств, что она верна, — никаких. Ну, ладно, слушай: тебе ведь, конечно, известны предания наши предков о том, что здесь в горах, в совсем тайном убежище, прячется великий Огонь, который может дремать несколько столетий, а потом, превратившись в жидкую пылающую реку, сжигать все на своем пути. Вспоминая некоторые подробности из наших бесед с твоим отцом, когда он говорил о пещере, я пришел к выводу, что ее охраняет именно этот Огонь, и он уничтожит всякого чужака, попытавшегося войти в штольню, не имея на то никаких прав.

— Но, если твоя догадка верна, туда опасно входить, пожалуй, любому человеку, независимо от его прав.

— Верно. И именно потому, что опасно, я хочу дать тебе один совет: возьми с собой Отца-Ягуара. Он самый мудрый и опытный среди нас.

— Ты знаешь, я и сам хотел его об этом просить. И еще я хотел бы, чтобы среди тех, кто первым увидит сокровища вместе со мной, был и мой друг Антонио.

И он выразительно посмотрел на Антона Энгельгардта, как бы задавая ему безмолвный вопрос: «А не боишься ли ты идти со мной?» Антон прочел этот безмолвный вопрос в глазах друга и ответил:

— Я ничего не боюсь. Этот подземный огонь опасен только в том случае, если он войдет в соприкосновение с другим огнем, то есть если в пещере зажечь факел, этого можно избежать, если соблюдать осторожность.

— Разумно! — поддержал юношу Карл Хаммер и обратился к Ансиано: — Так вы хотите обследовать пещеру уже сегодня?

— Да, сегодня.

— То есть еще до прибытия сюда наших врагов?

— Именно так.

— Я бы воздержался от этого. Мы не сможем побывать там, совсем не оставив следов, а они насторожат негодяев.

— Но разве у нас не будет времени замести эти следы, сеньор? Гамбусино появится здесь вряд ли раньше, чем через сутки.

— И все же лучше не спешить. Мы же не знаем, что за находки ожидают нас в пещере и что этому будет сопутствовать. Вполне может оказаться, что все гораздо сложнее, чем мы сейчас предполагаем.

— Возможно, вы и правы, — ответил Ансиано, — но мы не знаем, что за индейцы придут вместе с гамбусино. Некоторые из вождей мойо — мои друзья, другие из них враждуют с нами. Если придут враги, я могу погибнуть в схватке, и кто тогда покажет Ауке вход в пещеру с сокровищами?

— Ты можешь не участвовать в этой схватке.

— Сеньор, что вы такое говорите! — воскликнул Ансиано. — Неужели вы на самом деле думаете, что я смогу усидеть на месте со сложенными руками, когда здесь появится убийца моего господина? Можете лишить меня чего угодно, но только не возможности отомстить.

— Хорошо! Я понимаю, что ты сейчас думаешь и чувствуешь. Поступай, как считаешь нужным, я не вправе принуждать тебя. А сейчас я хотел бы обратить внимание вот еще на что: наши запасы провизии пока еще не исчерпаны, но нам нужно чем-то кормить мулов. Здесь корма для них нет, спуститься в Салину мы тоже не можем, следовательно, нам остается только одно: поискать другое место, где для мулов найдется корм и вода.

— Насчет этого можно особенно не беспокоиться, сеньор. Всего в часе езды отсюда есть подходящее ущелье. Кроме меня и Аукаропоры, никто не знает этого места, и я отведу вас туда.

— Но смогут ли мулы пройти по этому ущелью?

— Лошади не смогли бы, а мулы пройдут. Плохо только то, что мы не знаем, сколько времени у нас осталось до появления здесь врагов.

— Я думаю, что достаточно, я даже уверен в этом. Следующая важная сейчас для нас задача — выяснить, дружелюбны ли вам те мойо, которых нанял гамбусино, или же нет. В первом случае дело обойдется, понятно, без схватки, а вот во втором нам придется быть предельно осмотрительными, поэтому нужно заранее как следует все продумать, составить стратегический план возможной схватки. Но прежде всего ты отведешь людей и мулов в то ущелье, о котором говорил, а мы с Аукой и Антоном будем ждать твоего возвращения здесь.

Как только экспедиция под предводительством Ансиано скрылась из

их глаз, Отец-Ягуар спросил Ауку:

— А ты смог бы сам, без Ансиано, попытаться найти эту штольню?

— Нет, — ответил сын и наследник верховного Инки. — Я не сомневаюсь, мой отец так замаскировал вход в нее, что, не зная каких-то особых примет и условных опознавательных знаков, его невозможно найти.

— А я хочу попробовать! Значит, действуем так: я спускаюсь в ущелье, а вы остаетесь здесь, потому что отсюда прекрасно просматривается все вокруг, если кто-то неожиданно появится, вы дадите мне знать об этом, только и всего.

И он, осторожно ставя ноги в выемки на скалах, а руками цепляясь за небольшие выступы, стал спускаться. Аука и Антон напряженно смотрели ему вслед. Когда Отец-Ягуар был уже далеко внизу, Аука сказал, покачив головой:

— Ему не найти этого места. Он, конечно, замечательный человек и настоящий герой, но вход в штольню замаскирован так хитро, что даже он его не найдет.

Антон, заметив на лице друга неволью появившуюся скептическую усмешку, сказал:

— Зря, между прочим, усмехаешься. Отец-Ягуар говорил очень уверенно, а он слов на ветер не бросает. Я верю: он найдет вход в штольню, и еще сегодня ты станешь богат, очень богат, во много раз богаче моего отца. Скажи, а действительно у твоих предков было так много золота и серебра, как об этом говорят и пишут в книгах?

— Гораздо больше. Когда испанцы стали преследовать и грабить инков, все сокровища были упрятаны в землю и разные потайные места, но в основном зарыты. В земле лежат огромные ценности, если перевести их стоимость на деньги, я думаю, это будут миллионы миллионов, и они не должны никому... приносить вред...

— Бог мой, о каком вреде ты говоришь? Разве ценности нельзя использовать во благо, а не во зло?

— Эти только во зло, в том-то все и дело. Сокровища инков несут на себе проклятие, потому что из-за них погиб мой народ. Если бы инки были бедны, испанцы и не тронули бы их. А тебе известно, как подло был обманут ими один из моих предков?

— Нет, я ничего об этом никогда не слышал.

— Его схватили закованные в железо воины и привели к своему предводителю, Писарро. Дело было в огромном зале. Писарро взял свой меч и его острием провел черту на стене, сказав: «Твоя свобода стоит ровно столько, сколько золота и серебра вмещает в себя весь зал до этой черты».

Инка выполнил это требование, но Писарро не сдержал своего слова. Тогда инки наполнили зал во второй раз до отметки на стене, но их снова обманули. И этот подлый человек называл себя христианином, который пришел на нашу землю, по его словам, затем, чтобы проповедовать истину и любовь!

— Огромный зал, дважды заполненный золотом и серебром! Невероятно! Неужели такое может быть?

— Ты удивлен? Неужели ты никогда ничего не слышал о сокровищах, которые были найдены в храмах Солнца в Куско и Чукиту, в храмах Гуанакаури, Качи и Биликаноты ^[89] и других святых для инков местах, называемых также уаками? ^[90] Только в храме Солнца в Куско было более четырех тысяч жрецов и прислужников. Все его двери держались на массивных золотых столбах, а окна были украшены изумрудами и другими драгоценными камнями. Стены храма были облицованы золотыми пластинами, в центре его стояли фигуры бога и богини из чистого золота, а рядом с ними — фигура правившего в то время Инки из чистого серебра. Все остальное пространство заполняли бесчисленные вазы и всякого рода другие сосуды тоже из золота и серебра. В окружающих храм горах било пять источников. Вода от них текла к храму по золотым трубам и поступала в золотые и серебряные бассейны, предназначенные для хранения питьевой воды, для омовения сосудов и купания жертвенных животных. Рассказывать дальше, или ты уже получил представление о богатстве инков?

— Нет, нет, не надо! Мне стало страшно. Слушай, а ведь создавали все эти великолепные здания, фигуры и предметы из золота и серебра, наверное, прекрасные художники. Расскажи мне лучше об этом!

— Да, искусство процветало в государстве инков, хотя мне трудно дать тебе более или менее точное представление о нем, оно очень отличалось от европейского, аналогия тут может быть только одна — высокий вкус и большое мастерство.

— А в каком состоянии была наука?

— Я вырос в горах, среди людей, далеких от научных интересов, поэтому не могу рассказать тебе о состоянии науки в государстве инков, ее достижениях и открытиях, но мне известно, что среди инков было много очень умных и хорошо образованных людей. Возможно, тебе приходилось слышать когда-нибудь о тех, кого называли кипу-камайоки.

— Да, это были распространители письменности инков, но ваша письменность, насколько мне известно, основывалась не на буквах и

словах, как европейская, а на так называемом узелковом письме. Допускаю, что кое-что по этим узелкам на веревочках можно было понять, но мне не очень верится, что эти, так сказать, записи можно было читать с таким же успехом, как книги и газеты.

— Да, узелковое письмо — кипу — освоить нелегко, не у каждого это получается. Поэтому в основном кипу-камайюки сами и занимались этим, к ним обращались все остальные, кому нужно было передать или прочитать какое-нибудь послание. В кипу-камайюки людей избирали, и этой чести удостаивались лишь самые умные, благородные и надежные. В каждой деревне среди кипу-камайюков был, кроме того, наставник-камайюк, в чьи обязанности входило готовить смену носителям грамотности, обычно они находили эту смену прежде всего среди своих собственных детей и внуков. Мой Ансиано — родом из такой именно семьи и имеет своих учеников, которых он обучил читать и считать.

— И ты — один из них?

— Ну конечно. Как потомок правителей инков, высоко ценивших искусство и науку, я обязан был знать узелковое письмо и научился читать по клубкам веревок с узелками так же легко и просто, как по словам, написанным или напечатанным на бумаге. Мой отец придавал большое значение моему обучению, потому что он верил: наступит день, когда наше государство возродится, и я стану...

Он неожиданно замолчал, словно что-то перехватило ему горло, и опустил голову, целиком погрузившись в свои невеселые мысли. Но через несколько минут перевел дыхание и продолжил:

— Но эти его мысли передал мне не он сам, а уже Ансиано. Признаться, я не очень верил в идею возрождения государства инков до тех пор, пока не узнал тебя.

— Пока не узнал меня? — переспросил удивленный Антон.

— Да Хотя ты и не подозревал, что открыл нам целый новый мир. Лучшим местом на земле до знакомства с тобой я считал вот эти горы и лесные дебри, их окружающие. Я знал, что я — инка, а все другие народы казались мне, ну если не враждебными, то все же очень далекими от меня. Но ты рассказал мне так много и так ярко о разных странах и людях, населяющих их, что мой внутренний мир невероятно обогатился под влиянием этих рассказов, и я понял, что никакой исключительности в моей судьбе нет, я — просто обыкновенный мальчишка, даже если находятся люди, готовые называть меня «Сыном Солнца». Я грезил, но после встречи с тобой очнулся, и познание реальной жизни теперь нахожу гораздо более ценным занятием, чем обладание всем золотом мира. История моего народа

подошла к концу, как ни печально для меня это признавать, но с фактами не поспоришь. Я хочу изучать все то, что уже известно тебе, и идти дальше, стать хотя бы в чем-то таким же, как те выдающиеся люди, о которых ты мне поведал. Поэтому у меня возникло желание покинуть эти горы и отправиться туда, где я смогу расширить свои познания. Надеюсь, что Отец-Ягуар даст мне хороший совет на этот счет. До сих пор я не мог себе позволить учиться, но теперь у меня появятся средства для учебы, и это главное, что заставляет меня искать сокровища. Если же моя цель почему-либо неосуществима, тогда и поиски эти бессмысленны, и последней точкой в истории моего народа останется его гибель.

Он произнес этот свой монолог с интонацией глубокого раздумья, как говорят о чем-то глубоко выстрадавшем и очень серьезном. Закончив говорить, Аука встал с земли и молча, ступая очень медленно, отошел в сторону. Антон не стал его останавливать: он чувствовал и хорошо понимал, что творится сейчас на душе у друга, и не хотел ему мешать.

Через некоторое время Аука вернулся к тому месту, где продолжал сидеть на земле глубоко задумавшийся Антон, но теперь у молодого наследника неслыханного богатства было уже совершенно иное, чем прежде, выражение лица. Он протянул руку другу и сказал:

— Помнится, ты говорил, что хочешь из Лимы отправиться на родину своего отца, в Германию. А меня возьмешь с собой?

— О, об этом я и не смел мечтать! — ответил Антон.

— Но сначала я должен посоветоваться насчет этого с Отцом-Ягуаром и Ансиано. Без старика я не могу никуда уехать.

— Здорово! Я уверен, он согласится и отправится за тобой хоть на край света.

— Но ты забываешь, что он все-таки очень стар и вряд ли уже когда-нибудь выучит немецкий.

— Это он-то старей? Да он моложе многих, кто считает себя в расцвете лет. А что касается немецкого, то плавание нам предстоит довольно долгое, уроки немецкого его только скрасят.

В этот момент Отец-Ягуар появился из-за скал на краю ущелья, и одновременно послышался рев мулов. Это вернулся Ансиано, ведя в поводу четырех животных.

— Отец-Ягуар уже побывал внизу, — сообщил старику Аука.

— Вот как! — удивился тот и, повернувшись к Хаммеру, спросил его: — Вы там все осмотрели? И, конечно, ничего не нашли?

— Па! Ты полагаешь, это невозможно? Хорошо, полезем туда вместе, и ты увидишь, ошибся я или нет, но мне кажется, я нашел вход в штольню.

— Где?

— На самом дне ущелья.

Они связали мулам ноги и начали спускаться. Спуск был сложным и опасным: то и дело у них из-под ног выскакивали маленькие камешки, и любой из них мог вызвать настоящий камнепад. Отец-Ягуар шел впереди и, прежде чем сделать очередной шаг, проверял палкой, надежен ли камень, лежащий у них на пути. Наконец они достигли дна ущелья. И здесь Отец-Ягуар сразу направился в большому, выдающемуся вперед на несколько метров выступу в стене, подошел к нижнему его тупому углу, показал рукой на землю под ним и сказал тоном не сомневающегося в своей правоте человека:

— Это здесь. Ну, что скажешь, Ансиано, дружище: прав я или нет?

Старик от изумления несколько минут не мог произнести ни слова.

— Да, сеньор, вы правы, — ответил он наконец несколько оторопело. — Но откуда вы могли это узнать? Неужели вы из тех кого называют всевидящими и всезнающими людьми?

— Отнюдь. Да и для того, чтобы найти вход в штольню, никаких особых знаний не требуется.

— Вы скромничаете сеньор. Теперь я понимаю почему ваши враги так уверенно твердят повсюду, что от вас ничего не скроешь.

— Нет право не понимаю, что тут особенного. Ладно, расскажу как это получилось. В течение часа примерно я внимательно изучал все вокруг, но главное я знал точно, что именно мне нужно найти — вход в штольню. Далее. Штольня никак не может располагаться в стене только у самого дна ущелья. Это первое важное для поисков соображение. Второе: вход в нее должен быть как-то замаскирован человеческими руками, в данном случае, камнями, никакого другого материала здесь для этого не найдешь. Тот, кто это делал, должен был безусловно, позаботиться о том чтобы, когда вернется сюда без особого труда смог найти это место следовательно, уложить камни каким-то особым образом. А теперь взгляни вон туда тебе не кажется что эти четыре камня совершенно точно обозначают углы квадрата?

— Да, это квадрат и должен быть.

— Они, конечно довольны громоздки и тяжелы эти камни, но все же не настолько, чтобы сильный мужчина не смог сдвинуть их с места.

— И это верно сеньор.

— Однако если присмотреться внимательно к камням, то можно заметить, что только три из них — монолиты, а четвертый состоит из множества хорошо подогнанных друг к другу небольших камней, вели

чиной примерно с мужской кулак.

— Вы и это заметили?

— Заметил И даже понял, в чем тут секрет. Угол сложенный из мелких камней — это обозначение того края крыши над штольней, взявшись за который эту крышу можно приподнять.

— Все именно так, как вы говорите, сеньор, — прошептал потрясенный Ансиано. Похоже, он опять вернулся к мысли о том, что Отец-Ягуар — всевидящий и всезнающий человек.

— Друг мой, не понимаю, почему ты так удивлен. Это же так просто — надо только уметь логически рассуждать, вот и все. Вход в штольню должен быть обязательно чем-то закрыт. Каменная плита для этой цели никак не подходит, потому что одному человеку ее никогда не сдвинуть. Больше всего для этого подходит какая-нибудь большая шкура. Ее можно забросать мелкими камнями и все будет выглядеть вполне естественно.

— Да, сеньор вход теперь накрыт шкурой. Когда-то его закрывали камни, уложенные на бревна, но они сгнили. Когда мой господин был здесь как-то и обнаружил это, ему не оставалось ничего другого, как убить своего мула, снять с него шкуру и ею накрыть вход в штольню. Но ваша проницательность поистине потрясает. Приподнимаем шкуру?

— Не вижу причин чтобы этого не сделать.

И они стали собирать мелкие камни, покрывающие шкуру. Когда камни были уже в одной куче, им показалось, что под руками у них — лист металла, до такой степени продубилась и стала жесткой шкура мула. Наконец яма-вход в штольню была открыта.

— О, да тут не одна штольня, тут целая шахта! — воскликнул Отец-Ягуар

— Нет, одна штольня, только вход в нее идет строго перпендикулярно поверхности земли, — сказал Ансиано и, взяв небольшой камешек, бросил его в отверстие. Знаком показал, чтобы Отец-Ягуар прислушался к звуку падающего камня, и, когда тот стукнулся о стену ямы в последний раз, сказал. — Ну, вот видите, здесь совсем неглубоко, яма не глубже среднего человеческого роста. Где-то на этой глубине есть поворот и дальше начинается горизонтальная штольня. Я спускаюсь.

— Но чем ты будешь освещать себе путь?

— Об этом уже позаботился мой господин. Там должны лежать свечи.

Осторожно, понемногу погружая свое гибкое, поистине, как у юноши, тело, Ансиано спустился в яму Почувствовав под ногами твердую почву вытянулся во весь свой рост. Пальцы его рук доставали до верхнего края ямы. Хаммер кинул ему вниз спички. Когда Ансиано зажег свечу, в яму

спустился Аукаропора, за ним — Антон Энгельгардт и замыкающим был Отец-Ягуар.

Штольню при свете свечей они обнаружили довольно быстро. Она оказалась шире, чем можно было предположить, а через несколько метров еще больше расширялась. Четыре человека могли чувствовать себя в этом каменном коридоре вполне свободно. Они осмотрелись и заметили небольшой деревянный кольшек, вставленный в щель в стене. От него тянулся не очень длинный, сантиметров в тридцать, шнур, весь покрытый узелками, от которых ответвлялись другие, небольшие, шнурки, в свою очередь, также покрытые узелками.

— Кипу! — радостно воскликнул Ансиано, взяв в руки этот шнур. Он был сплетен из волокон, окрашенных в три разных цвета. Краски на шнуре были блеклыми, но все же различимыми.

— И ты можешь расшифровать это послание? — спросил Отец-Ягуар,

— Да, сеньор. Это кипу предупреждает нас о том, что мы не должны зажигать больше свечей, пока не прочтем второе кипу, которое ждет нас дальше. Скорее туда!

Аука тоже изучил кипу и пришел к тому же выводу, что и его учитель. Между тем потолок штольни стал значительно ниже, и высоким Отцу-Ягуару и Ансиано пришлось пригнуться. Стало трудно дышать. Так они прошли шагов пятьдесят, и штольня опять раздвинула перед ними свои стены во все стороны: они попали в некое подобие комнаты локтя четыре в ширину, семь — в длину и столько же в высоту. Пол в «комнате», однако, не был ровным: посреди него зияла довольно глубокая расселина. Но искатели сокровищ не обратили на нее ни малейшего внимания, потому что тут было много всего другого, что властно приковывало к себе их взоры.

Вся «комната» была уставлена вдоль стен прекрасными кубками, вазами различных форм и размеров, небольшими фигурками, изображающими богов инков, и статуями, изображающими Сыновей Солнца в натуральную величину, а также другими предметами, о назначении которых можно было только догадываться. Понятно было только одно: все они были сделаны либо из золота, либо из серебра, даже слабый свет свечей это обнаруживал. Когда глаза их привыкли к полумраку, они заметили также и множество украшений, символически изображавших Солнце, Луну и звезды, а кроме того, много оружия. Да, все это могло принадлежать только правителям, людям королевской крови, а не простым смертным!

Это были дары, которые подносились к ногам Сыновей Солнца в знак признания их могущества и преклонения перед Солнцем, давшим им силу

и власть. Бывали годы, когда в сокровищницы верховных правителей поступало по четыре тысячи центнеров золота и серебра, и весь этот драгоценный металл давала инкам их богатейшая земля, хотя труд добытчиков, без усталы мывших в реках и ручьях песок, стоил ничтожно мало.

Сложные, но сходные чувства владели нашими искателями сокровищ. Все четверо были поражены, заморожены, почти ослеплены этим великолепием и одновременно испытывали благоговение, сознавая, что видят перед собой не только следы огромного богатства, но и трагедии целого народа и его цивилизации. Первым пришел в себя Отец-Ягуар. Из состояния почти гипнотического транса его вывела мысль простая и трезвая — где-то рядом кроется опасность, связанная с подземным «великим Огнем», о котором упоминал Инка, погибший от руки бандита Перильо. Он внимательно огляделся по сторонам и ничего не заметил. Тогда он взял свечу из рук Ансиано и осмотрел все вокруг еще раз. И увидел, что на небольшой высоте от пола на каменных столбах установлены узкие глиняные желобки, наполненные бело-желтой массой, похожей на воск. От этих желобков во все стороны на небольшое расстояние тянулись нити все той же массы.

— Это светильники, — сказал Ансиано, — но зажигать их нельзя, прежде чем мы не прочитаем второе кипу. Оно должно быть где-то тут, совсем рядом...

Они поискали клубок с узелковым посланием и нашли его очень скоро. Правда, это был не клубок, а своеобразная искусно сделанная плетенка, центр которой составляли туго натянутые веревки с узелками, напоминавшие книжные строчки. Веревки были разноцветные, одни толще, другие тоньше, и усеяны сотнями узелков различных размеров. Несколько минут Ансиано всматривался в эту плетенку, а потом сказал:

— Вы видите, что это письмо очень длинное и очень важное, но здесь его нельзя прочесть, света свечи маловато для того, чтобы различить цвета веревок.

— Значит, при свете солнца ты прочтешь это послание?

— Конечно.

— Тогда поднимаемся немедленно.

— Как? Оставив здесь сокровища?

— Да. Мы не можем ничего предпринимать, пока не узнаем точно, что содержится в этом письме. Сейчас поднимать отсюда сокровища опасно. И откуда может исходить эта опасность, мы пока не знаем. Одно неверное движение может привести нас к гибели.

Ребята, — обратился Отец-Ягуар к юношам, — если хотите остаться здесь — оставайтесь, пожалуйста, но ничего не предпринимайте, пока мы не выясним, что сказано в письме.

Ансиано не сделал ни шагу, он был охвачен противоречивыми чувствами, не в силах отвести взгляд от золота и серебра. Аука взял кипу в руки, внимательно изучил его и произнес взволнованно:

— Это кипу содержит завещание моего убитого отца. Оно мне дороже всех этих сокровищ. Пусть они остаются здесь, а я поднимаюсь наверх!

В конце концов наверх поднялись все четверо. Ансиано и юный Инка начали чтение. Это оказалось более сложным делом, чем в случае с первым найденным ими здесь кипу. Прошло часа полтора, прежде чем Ансиано и Аука смогли сказать хотя бы что-то о содержании узелкового послания. Было уже три часа пополудни, а пришли они в ущелье в одиннадцать утра. Хаммер не стал дожидаться окончания чтения и сказал:

— Все. Здесь становится опасно. Любой, кто заглянет в ущелье сверху, может заметить нас. Уходим. Наверху вы сможете продолжить свою работу.

Наверху они снова замаскировали вход в штольню, и это место стало выглядеть в точности так же, как до их прихода сюда. Потом они поднялись на край ущелья. Вокруг него, судя по спокойному поведению мулов, все было по-прежнему тихо. Аука и Ансиано, присев возле них на землю, продолжили расшифровку кипу. Не прошло и получаса, как они закончили свою работу: теперь им было известно значение каждого узелка.

— Еще внизу я предположил, что это завещание моего отца, — сказал Аука, — но то, что в нем содержится, не угадали ни сеньор Хаммер, ни я. Ансиано, будь добр, прочти вслух завещание!

Старик стал на колени, но умудрился при этом тем не менее сохранить гордую осанку и трепещущими от волнения длинными загорелыми пальцами стал перебирать узелки и узелочки, произнося с расстановкой:

— Аукаропоре, моему сыну, последнему Инке... Когда ты прочтешь это кипу, я буду уже мертв... И наш народ тоже... У меня нет надежды на его возрождение... Ты никогда не станешь повелителем инков... Наш народ погиб из-за золота и серебра... Ты желаешь себе подобной судьбы?.. Если ты будешь беден, то сможешь жить и делать все, что хочешь... Металл, даже драгоценный, не может дать подлинного богатства, по-настоящему богат только тот, у кого есть душа и сердце... Надеюсь, тебе это понятно более, чем твоим предкам... Я прошу тебя, а не приказываю... Это золото принадлежит тебе: ты можешь взять его, но не бери... Если ты возьмешь его, станешь его рабом, если сможешь пренебречь им, останешься свободным человеком... У тебя есть золотая булава Инки... Продай ее, и

этих денег тебе хватит на то, чтобы получить образование, стать достойным человеком... Не ищи удовольствия в праздности... Если жажда богатства в тебе все же сильна, возьми это золото, но остерегайся огня из желобов!.. А если ты выберешь вместо богатства достоинство и счастье, оставь металл в земле... Пусть сокровищница будет разграблена теми, кому не дано понять, в чем истинное богатство человека... А ты тогда зажигай вторую свечу и скорее вон из штольни!.. Делай выбор, как тебе поступить, сам, но прежде, чем его сделать, хорошо подумай!.. В твоих жилах течет кровь повелителей великого народа, и никто не вправе приказывать тебе... Постарайся принять верное решение — у тебя это должно получиться... Моя душа сейчас с тобой и никогда тебя не покинет, сделай так, чтобы она обрадовалась... Принимай решение, достойное сына своего отца!

Не вставая с колен, Ансиано выжидательно посмотрел на молодого Инку. Антон и Отец-Ягуар тоже не сводили глаз с юноши. Оба они находились под глубоким впечатлением от услышанного, с одной лишь разницей — к тому, что думал по этому поводу Отец-Ягуар, примешивалась некоторая доля недоумения: практичная натура немца, независимо от его воли, протестовала против фактического лишения Ауки наследства и того, что его покойный отец требовал, чтобы сын добровольно пожертвовал богатством. А Аука не обращал ни малейшего внимания на их реакцию, стоя прямо, подняв голову к небу, он неотрывно смотрел на солнце, приближавшееся к темной черте горных вершин и скал, которые скроют его на ночь. Еще несколько минут, и лучи солнца померкнут до утра. А сияние золота должно померкнуть навсегда... Вот последний луч солнца быстро пробежал по скалам, хранящим тайну сокровищ, словно замыкая эти скалы на засов, и край раскаленного шара скрылся за горой. Но Аука продолжал до боли в глазах смотреть на тот кусочек неба, где еще полыхали багровые отсветы заката. Серьезное лицо юноши выглядело отрешенно-прекрасным. Никто не решался потревожить его. Наконец Аука повернулся к Ансиано, взял у него из рук кипу, скатал его в рулон и, спрятав его под своей кожаной охотничьей рубашкой, произнес:

— Вставай, отец! Я больше не Инка! Сыновья Солнца покинули землю вместе со своими сокровищами, а я повинуюсь твоей воле и твоему духу, который доверил мне самому принять верное решение! Я возвращаю золото земле как награду за твое благословение и начинаю другую жизнь!

Перед глазами Отца-Ягуара и Антона взметнулась седая грива Ансиано. Когда волосы обладателя роскошной шевелюры после этого резкого порыва улеглись на его острые плечи, они увидели, что с выражением величайшего счастья на морщинистом лице старик сжимает

своими руками руки Ауки.

— Боги вознаградят тебя за это решение, сын мой! Другого я от тебя не ожидал! Никакие сокровища не сравнятся с тем, что бьется в твоей груди! — воскликнул старик.

Отец-Ягуар отнюдь не разделял его чувств.

— Как? Неужели ты оставишь здесь погребенными под скалами все сокровища? Ты хорошо подумал? — обрушил он свое до сих пор сдерживаемое недоумение на юношу.

— Да, я все обдумал, взвесил и принял решение, — спокойно ответил тот.

— Понимаю. В твоей жизни только что произошли чрезвычайно важные события, тебя охватили эмоции. Но о решениях, которые принимается под властью эмоций, люди, как правило, потом сожалеют. Ты представляешь, какая жизнь тебя ждет если ты откажешься от отцовского наследства?

— Его завещание лежит у меня на груди, возле самого сердца.

Они разговаривали явно на разных языках. Но Отец-Ягуар не успокаивался:

— Неужели тыпустишь на волю подземный огонь, который пожрет сокровища?

— Да, я сделаю это.

— Безумец! Извини, но я чувствую, что в таком случае мой долг объяснить тебе одну простую вещь: ты можешь благодаря этим сокровищам сделать много хорошего для других людей, осчастливить их! Да, ты имеешь право отказаться от наследства, но лишить других людей возможности воспользоваться ими — нет.

— Но сокровища принадлежат мне, а не им, поэтому я могу делать с ними все, что захочу. Я уничтожу их, потому что тем людям, о которых вы говорите, я собираюсь отдать нечто большее и лучшее.

— Нет, нет, это все-таки чистое безумие. Я отказываюсь подчиняться такому решению! Более того, я буду ему сопротивляться!

Последняя фраза прозвучала угрожающе. Аука взял в руки свою золотую булаву, поднял ее вверх и произнес:

— Сеньор, я уважаю и люблю вас, но в данном случае значение имеет только моя воля, и ничья больше! А если вы будете ей сопротивляться, как говорите, то сначала вам придется попытаться отобрать у меня этот символ власти в честном поединке.

Хаммер гордо вскинул голову, кровь ударила ему в лицо. Он хотел уже было дать зарвавшемуся юнцу язвительный ответ, чтобы поставить его на

место, но вместо этого произнес почему-то вполне дружелюбным тоном:

— Я не то хотел сказать, мой юный Инка. Твое решение можно признать поистине мужественным и достойным восхищения при условии, что тебе известно, что такое деньги, какой силой и властью в обществе они могут обладать. Но я, честно говоря, сомневаюсь, что это тебе известно. Впрочем, этот наш спор не имеет пока никакого значения в данном случае, потому что ты еще не сделал того, о чем говоришь.

— Я сделаю все, о чем говорю! Вот сейчас пойду и зажгу огонь в штольне.

— Да, и тем самым выдашь наше присутствие в ущелье, а убийце своего отца позволишь уйти безнаказанным.

Аука несколько мгновений смотрел на него молча, а потом ответил:

— Вы правы, сеньор, надо подождать. Ущелье Смерти — очень подходящее место для того, чтобы покончить с негодьями, так что не будем до поры до времени нарушать их планов.

— Вот и хорошо! — кивнул Хаммер обрадованно. — Но нам непременно надо узнать точно, когда они появятся здесь. Хорошо бы провести разведку. Не хочешь этим заняться?

— Хочу, — ответил Аука. Он был польщен таким доверием, ему и в голову не пришло, что Отец-Ягуар просто-напросто хочет отослать его подальше от ущелья, чтобы он не смог исполнить свое опрометчивое, как казалось немцу, намерение. А дело обстояло именно так, впрочем, как станет ясно из дальнейших событий, разведка в тот момент была далеко не бесполезной.

Но Отец-Ягуар, обрадовавшись, что его хитрость не раскусили, продолжил:

— Ты должен отправляться на разведку немедленно и, имея в виду, пешком, верхом тут не везде проедешь, а на своих двоих проберешься куда угодно.

— Я готов, сеньор, идти в разведку прямо сейчас.

— Прекрасно! Итак, сначала ты вернешься в Салину-дель-Кондор, куда гамбусино наверняка уже добрался, и, если это так, он непременно там заночует.

— А что делать, если его там еще нет?

— Тогда тебе придется дожидаться его там. Есть там одна пещера с двумя входами-выходами. Она лежит прямо на пути с Гуанакоталья, где он нанимал индейцев мойо. Это очень удобное для ночевки местечко. Ни один путешественник, если у него имеется хоть капля здравого смысла, не минует эту пещеру. Так что искать его следует в ней или возле нее.

— Я знаю, где находится эта пещера, — вмешался в их разговор Ансиано, — и хочу помочь моему господину. Вы позволите мне это сделать, сеньор?

— Весьма охотно! — ответил Хаммер. — Ум хорошо, а два, как известно, — лучше! И четыре глаза видят больше, чем два.

— А где мы с вами встретимся потом?

— Вы вернетесь сюда же под утро. Ночью я навещу своих парней, а утром мы все здесь будем ждать твоего донесения.

Отец-Ягуар описал Ансиано самый короткий путь, по которому можно было вернуться из ущелья Смерти в Салину-дель-Кондор, и они разошлись в разные стороны: инки начали спускаться в долину, а немцы, прихватив с собой также двух мулов, оставшихся без всадников, двинулись в направлении лагеря экспедиции.

А теперь вернемся к событиям, описанным в предыдущей главе, но посмотрим на них уже как бы в другом ракурсе. Итак, Аука и Ансиано обнаружили бездыханные тела пеона и двух аррьерос возле пещеры. Подождав немного и не дождавшись появления на месте преступления убийц, они пришли к выводу, что те уже покинули пещеру. Плохо было то, что бандиты костра, по причине недостатка древесины, не разводили, а в кромешной ночи определить, в какую сторону они направились, было делом невозможным. Разведчики стали тогда напряженно вслушиваться в тишину, но это тоже ничего им не дало, и они решили вернуться.

Когда Аука сообщил Отцу-Ягуару о том, что за зловещую находку обнаружили возле пещеры, тот глубоко задумался, сопоставляя и перебирая добытые разведчиками факты, которых было немало и в то же время для выяснения полной картины происшедшего явно не хватало. Итак, им теперь было известно, что троих человек негодяи лишили жизни, а троих оставили в живых. Кто были двое мужчин очень небольшого роста в красных пончо — догадаться было нетрудно: другую такую пару вряд ли найдешь на всем белом свете, но вот кто был третий, которого взяли в плен вместе с ними — непонятно. И наконец, самая важная загадка, оставшаяся не разгаданной — это то, принадлежали ли индейцы мойо, нанятые гамбусино, к дружественным инкам кланам или нет. На всякий случай Отец-Ягуар выставил в нескольких местах вокруг лагеря наблюдательные посты из своих людей.

Едва рассвело, в ущелье въехали гамбусино, эспада, восемь индейцев и трое их пленников. Было хорошо заметно, что гамбусино пребывал в состоянии лихорадочного возбуждения. Алчность — вот что его подстегивало. Индейцы не успели еще снять поклажу со спин мулов, как он

уже начал отдавать все новые и новые приказы касательно того, что им следует делать дальше. Сам он собирался спуститься в ущелье немедленно после того, как уйдут индейцы, а пленников взять с собой, поскольку они как заложники в данном случае представляли тоже кое-какую ценность для него, а доверить их индейцам он не мог. Ноги пленников на время спуска он оставил свободными, а на дне ущелья снова связал. После этого они с эспадой отправились на поиски входа в сокровищницу инков.

Судьбе было угодно, чтобы пленники оказались возле самого входа в штольню, более того, их привязали как раз к тем трем из четырех камней, которые обозначали углы шкуры, прикрывающей этот вход. Как только гамбусино и эспада отошли от них, Фриц сказал:

— Вот мы и у цели... Не хватает только Отца-Ягуара, который бы пришел и освободил нас.

— Все в господней воле! — тяжело вздохнул Энгельгардт. — Мне кажется, они убьют нас, как только получат выкуп.

И, словно возражая самому себе, покорности судьбе, выраженной в этих словах, он напряг мускулы спины. Ощувив прилив злости, появившейся одновременно с этим усилением, он сделал еще одно, и камень, к которому он был привязан, сдвинулся с места...

— Я думаю, они не посмеют нас убить, — сказал доктор. — Мы уже несколько раз были у них в плену, но до убийства, по-латыни «омисидиума», дело не доходило.

— Конечно, потому что они просто не успевали это сделать. Всякий раз Отец-Ягуар вовремя приходил нам на помощь, — внес уточнение Фриц. — Если сейчас этого не произойдет, можете не сомневаться — нам крышка.

— Боже праведный! — воскликнул банкир. — Лежать тут со связанными руками-ногами, как дикий зверь, когда твой сын находится где-то рядом!

При этом восклицании Энгельгардт снова сдвинул камень. Теперь он лежал уже не на углу шкуры, которая начала потихоньку сползать, и сильнее всех это почувствовал своей спиной доктор Моргенштерн. О своем странном новом ощущении он тут же сообщил окружающим:

— Мне кажется, я куда-то проваливаюсь...

— Я был бы рад провалиться в тартарары! — откликнулся окончательно разбушевавшийся Энгельгардт. — Но сначала надо высвободить хотя бы одну руку, чтобы разрезать эти проклятые ремни и стереть в порошок негодяев!

Он продолжал сгибать и разгибать спину, подтягивать ноги, отчего

камень в такт его движениям продолжал трястись и передвигаться.

— Напрасно стараетесь, — мрачно сказал Фриц. — Уж мы-то с доктором знаем: узлы, завязанные гамбусино, не так легко развязать. Правда, герр доктор?

— К сожалению, — подтвердил тот. — От попыток их развязать они сжимаются только сильнее, и рукам становится все больнее. Однажды он привязал нас к дереву и... Что это?.. Небо!.. Боже мой!.. А-а-а-а!

Произошло то, что и должно было произойти вследствие движения камня: упал камень, к которому был привязан банкир, и ученый свалился в яму

— Что случилось? Куда это вы без нас? — удивился Фриц, которого способность шутить не покидала даже в самые тяжелые минуты, как мы знаем. — Неужели на экскурсию в преисподнюю? Или в первобытный мир?

— Мне сейчас не до шуток! — донеслось из ямы. — Я свалился в какую-то жуткую яму, по-латыни «пуэтус». Мое тело висит над глубоким провалом, по-латыни «вораго» или «баратрум», веревка, которой я привязан к камню, зацепилась за что-то, и, если она оборвется, я пропал!

Доктор весил немного — фунтов девяносто, не больше, но камень был, пожалуй, с центнер весом. Грохот, вызванный его падением, был слышен довольно далеко. Неудивительно, что его услышали и гамбусино с эспадой. Они вернулись к месту, где оставили своих пленников и вытащили доктора Моргенштерна из ямы. При этом один из углов вновь потревоженной шкуры резко поднялся вверх.

— Что это? — спросил Перильо. — Кожа, которой была прикрыта яма! Значит, это...

— Замолчи! — заорал гамбусино и тихо добавил: — Похоже, мы у цели. Но эти, — он кивком показал в сторону пленных, — не должны видеть, что мы тут делаем. Надо убрать их отсюда!

Они оттащили немцев подальше от провала и тут же вернулись обратно к нему. Найти теперь все четыре угла шкуры не составило никакого труда. Глаза гамбусино засверкали огнем алчности, когда он сказал эспаде:

— Все правильно! Нам повезло, черт возьми! Ну-ка давай, спускайся вниз, а я тебе посвечу!

Перильо начал спускаться. Но ни он, ни гамбусино сначала не обратили внимания на то, что от ямы отходит боковая штольня, поэтому пережили несколько довольно неприятных минут, когда, ничего не обнаружив в яме, почувствовали себя чуть ли не обведенными вокруг

пальца, словно кто-то что-то обещал им. А когда в конце концов наткнулись на штольню, то руки их затряслись, речь стала сбивчивой. Надо ли говорить, что сделалось с ними при виде сокровищ? Гамбусино завопил иступленно:

— Вот они! Вот они! Миллионы! Ты мне по гроб жизни обязан!

— Нет, ты мне! Ты — мне! Мне! — ответил ему не менее истощенным воплем эспада. — Надо все это оценить поточнее! Послушай, тут повсюду торчат какие-то фитили в глиняных желобках. Наверное, это система освещения, чтобы сокровища сверкали еще ярче. Я зажгу их?

— Давай!

И Перильо поджег один за другим несколько фитилей. По сокровищнице разлился мягкий теплый свет. Глазам негодяев открылась картина, великолепие которой едва не заставило их задохнуться. Но длилась эта картина всего лишь минуту-две, не больше. Пламя фитилей вдруг стало дергающимся, потом приобрело голубоватый оттенок, потом, пробежав по желобкам, заставило вспыхнуть множество новых фитилей, и от них поднялись снопы огненных искр до самого потолка. Жуткое зловоние заполнило помещение. Теперь горело уже бесчисленное множество фитилей в желобках.

— Что это? — спросил Перильо нервно, охваченный ужасным предчувствием. — Кто зажег их? — проорал он срывающимся голосом.

— Действительно, что это? — переспросил отрешенным тоном гамбусино. — Я знаю — это наша погибель. Немедленно уходим отсюда! Фитили — защита от непрошенных гостей, вот что это такое. Давай...

Его голос заглушил треск, с которым из желобков вырвались огненные струи. На мгновение стало светло как днем. Огненные искры стали падать на одежду негодяев.

— Бежим! — заорал Бенито Пахаро и бросился к выходу. Перильо — за ним. Одежда на них теперь уже горела вовсю. Но у них не было возможности и времени сбить этот огонь. Они метались то вправо, то влево в поисках выхода. И тут раздался звук, которого они никогда прежде не слышали, но в значении которого почему-то не усомнились: это содрогалась земля, это давали выход своему гневу ее недра.

— Я горю, я погибну в огне! — истерически закричал Перильо.

— Я тоже, — с дьявольским спокойствием ответил ему Пахаро, продолжая, однако, рваться к выходу.

— Спаси меня! Погаси это пламя!

— Отстань! Сейчас не до этого! Вот-вот взорвутся скалы!

И вдруг перед гамбусино открылся выход из штольни. На поверхность

он выполз из последних сил. Торeadор, уцепившись за его ноги, тоже сумел это сделать. Пока они ползли, от соприкосновения с землей пламя, пожиравшее их одежду, поутихло, теперь она, можно сказать, не горела, а только тлела. Но первый порыв слабого ветерка оживил огонь, и грозные его язычки вспыхнули с новой силой... Негодяи лихорадочно закружились, пытаясь сбить пламя.

И тут из глубины штольни снова донесся характерный звук разлома земных недр, потом еще и еще раз, он становился все более громким и грозным. Стены ущелья стали шататься. Из ямы пополз густой темный дым, как будто там выпустила пар сотня локомотивов. Вслед за тем раздался грохот, похожий на то, как если бы под землей прокатилась тысяча гигантских кегельных шаров. Потом стало тихо, но дым не прекратился. Наконец он заполнил все ущелье сгустками серых бесформенных облаков. В тишине раздавались только бешеные вопли гамбусино и эспады, катавшихся по земле.

А что же делал все это время Отец-Ягуар — главное действующее лицо всех происходящих в этом романе событий?

Он находился в десяти минутах ходьбы от ущелья, когда вернулись Ансиано и Аука. Старик доложил:

— Сеньор, семерых мойо ведет вождь Острие Ножа. Это наш друг. Я могу с ним переговорить, если нужно. Нужно?

— Да, но только сделай это так, чтобы гамбусино ничего не заметил.

— Он ничего не увидит и не услышит, потому что сразу же, как только они прибыли сюда, спустился с Перильо и пленными в ущелье.

— А ты полагаешь, что Острие Ножа захочет с нами разговаривать?

— Захочет. Я уверен также в том, что он сразу же, как только я расскажу, кто эти люди, которые его наняли, перейдет на нашу сторону.

— Хорошо, отправляйся тогда к нему, а мы немного отстанем, чтобы у тебя было время все ему сказать в спокойной обстановке.

Когда Отец-Ягуар и остальные его спутники приблизились к ущелью, навстречу им вышли, шагая рядом, Ансиано и Острие Ножа. Старик взял руку вождя и, подняв ее, сказал:

— Сеньор, это наш друг, и он счастлив, что такой знаменитый человек, как вы, предлагает ему быть на своей стороне.

— А твои воины согласны сражаться на нашей стороне? — сразу приступил к делу Хаммер.

— Да, сеньор.

— Отлично. Имена двух сеньоров в красных пончо, взятых в плен, мы знаем. Но кто третий пленник?

— Один очень богатый сеньор из Лимы. Его имя Энгельгардт, он банкир.

— Отец! Это мой отец! — вскрикнул Антон, но тут же помотал головой, как бы стряхивая с себя наваждение. — Но нет, этого не может быть! Что ему делать тут?

— Он направлялся к своему сыну в Буэнос-Айрес.

— Тогда это все-таки он! Скорее к нему на помощь!

Взмахнув ружьем, он бросился к ущелью и вскоре исчез в нем. Остальные хотели последовать за ним, но Отец-Ягуар остановил их:

— Спокойно! Не все сразу! Шесть человек должны занять посты вокруг ущелья. Никто посторонний не должен видеть того, что здесь сейчас происходит и еще произойдет.

Когда нашлось шесть человек на роль часовых, остальные подошли к краю ущелья и заглянули в него. Сквозь пелену серого дыма они увидели две отчаянно мечущиеся горящие фигуры людей и услышали грохот, доносящийся из разверстого входа в штольню.

— Эти собаки все-таки нашли сокровища и зажгли огонь в штольне, — мрачно констатировал Хаммер. — Все пропало.

Тем временем Аука, последовавший сразу же за другом, несмотря на приказ Отца-Ягуара, уже догонял его, но на время потерял в дыму.

— Отец! Отец! — раздался голос Антона.

Аука бросился на этот голос.

Антон, стоя на коленях, целовал лицо связанного светловолосого человека, а его дрожащие руки в это время пытались развязать ремни, стягивавшие руки пленника. Аука достал свой нож и стал помогать другу, разрезая ремни.

Остальные, кто успел тоже спуститься в ущелье, не обратили никакого внимания на эту трогательную сцену, потому что их взгляды были прикованы к двум корчащимся и дергающимся опаленным фигурам, уже наполовину трупам, издающим душераздирающие вопли. Кто-то, движимый состраданием, попытался было прийти им на помощь, но тут раздался голос Отца-Ягуара:

— Отойдите! Они должны получить по заслугам!

И, отвернувшись от негодяев, Хаммер бросился к Энгельгардту, обнял его, потом подошел к доктору и Фрицу, которых ребята уже тоже успели освободить от пут, и с притворным гневом произнес:

— Какого черта вы опять путаетесь у нас в ногах! Ну почему вам не сидится на месте? Неужели даже ваш дорогой мегатерий, такой гигантский и такой доисторический, не может вас удержать?

— А вот не может! — ответил ему задорно Фриц. — Пока по этой земле ходят гигантские мерзавцы.

— Но не вы их изловили, а опять они вас!

Но находчивого слугу доктора было не так-то легко смутить.

— С нашей стороны это была только игра в поддавки, — ответил он, — мы сделали все для того, чтобы они взяли нас в плен, притащили сюда и погибли сами в адском огне, что давно заслужили.

— Послушай, парень, да ты, никак, вздумал мне голову морочить?

— Герр Хаммер, я же родом из Штралау на Руммельсбургском озере, если вы не забыли об этом. А если забыли, спросите об этом у моего господина, правда, не знаю, помнит ли он хоть что-то после того, как имел несчастье провалиться в эту злосчастную дыру.

— Да-да, — подтвердил приват-доцент, — Фриц говорит чистую правду, — земля поплыла подо мной, я потерял точку опоры и...

— Вы все-таки на редкость нелепый человек, — перебил его Хаммер. — Любую вещь, по-латыни «рес», все, что угодно, вы можете перевернуть с ног на голову. Мое терпение, по-латыни «плакабилитас» [\[91\]](#), или «клеменция» [\[92\]](#), а также «мансуэтуда» [\[93\]](#), по отношению к вам иссякло. Видеть вас больше не хочу, знать не желаю!

Моргенштерн как стоял с открытым ртом, словно на него напал столбняк, когда Хаммер оборвал его на полуслове, так и остался стоять, только теперь он онемел по другой причине: Отец-Ягуар, оказывается, знал латынь!

А тот, довольный произведенным эффектом, весело расхохотался, дав понять, что его гневная тирада от начала до конца — дружеский розыгрыш.

Тем временем огонь на одежде гамбусино и эспады был все же погашен, и теперь они, жалкие, терзаемые невыносимой болью, беспомощно озирались, вглядываясь в лица своих врагов-спасителей, но все же врагов, на снисхождение которых, знали они, им рассчитывать не приходилось, ни одного самого ничтожного шанса у них на это не имелось.

— Бенито Пахаро, узнаешь ли ты меня на этот раз? — спросил гамбусино, еле сдерживая гнев, Карлос Хаммер.

— Да, — ответил тот сдавленным голосом, задыхаясь от дыма. — Я убийца твоего брата. Застрели меня... Но как можно скорее!

— Это было бы слишком большой милостью для тебя. Сколько загубленных человеческих жизней на твоей совести? Только вчера ты убил троих. Я отомстил за смерть брата, а судья тебе — Бог, он справедлив, и я не стану предвосхищать его суд. Ты свободен и можешь идти на все четыре

стороны.

— Убей меня! Убей! — с истеричной яростью завопил гамбусино.

— Нет!

— Будь ты проклят! Я сам отправлюсь к чертям в преисподнюю!

Дальнейшее произошло в считанные секунды. Пахаро кинулся к Антону, выхватил у него из рук двустволку и выстрелил себе в голову. Наповал... Отец-Ягуар наклонился к Ауке и тихо сказал ему, указывая на жалкого до безобразия Антонио Перильо:

— Это убийца твоего отца. Он — твой.

— Его жизнь принадлежит мне! — воскликнул доктор Моргенштерн, — этот мерзавец еще в Буэнос-Айресе покушался на мою жизнь и потом не отказался от планов моего убийства, по-латыни «трусидацио».

Но никто не обратил внимания на эти его слова, всех захватила подлинная трагедия, разворачивающаяся на их глазах. Но ее главное действующее лицо, молодой Инка, повел себя неожиданно. Вглядевшись в лицо негодяя, он сказал:

— Я не хочу быть жестоким ни к кому, и к этому человеку тоже. Пусть он не мучается, а умрет сразу.

И он направил дуло своего ружья на эспаду. Тот упал на колени.

— Не убивай меня! Не стреляй! Оставь мне жизнь! — канючил Перильо.

— Хорошо, поживи еще немного, все равно через два-три дня умрешь как собака! — с презрением к трусу ответил Аука, опустив ружье, и пошел прочь. На его лице была написана брезгливость.

И все окружающие тут же забыли о ничтожном тореадоре. Гораздо важнее сейчас было узнать, что происходит в недрах земли. Оттуда доносились один за другим подземные взрывы, и при каждом из них из-под земли вылетал дым. Нечего было и думать о том, чтобы вновь проникнуть в сокровищницу, тем более, что сами сокровища уже были все равно погребены под обломками породы, и даже если бы подземная стихия вдруг ни с того ни с сего успокоилась, добраться к ним все равно было бы невозможно. Несмотря на то, что все прекрасно это понимали, никто не испытывал ни досады, ни печали, наоборот, лица всех были радостно оживлены. Улыбаясь, Аука сказал Отцу-Ягуару:

— Сеньор, вы видите теперь, что все решило провидение? Провалилась земля, но завещание Инки, моего отца, осталось целым и невредимым у меня на груди. Его последнее желание и его воля исполнились.

Ущелье стало заполняться падающими сверху камнями, и все поднялись наверх. В лагере еще долго не утихали разговоры обо всем происшедшем, каждый старался припомнить что-то особенно яркое и поразительное из событий этого дня. А главные его герои обсуждали вопрос, можно сказать, житейский: решали, в каком именно учебном заведении Германии предстоит получить образование Сыну Солнца. Его золотую булаву можно было продать за большую сумму, по 1400 марок за фунт, так что будущее Ауки в материальном смысле было обеспечено совсем неплохо.

После насыщенного волнующими событиями дня всех очень быстро сморил сон. Всю ночь из ущелья доносились протяжные стоны и завывания Антонио Перильо. Наутро по его скрюченной позе и полной неподвижности тела стало понятно, что несчастный расстался-таки с жизнью. Несколько человек спустились на дно ущелья, и трупы обоих бандитов были похоронены под обломками камней.

Экспедиция взяла курс на Сальту и далее Тукуман, чтобы вернуться к дружественным камба и наконец спокойно заняться вместе с ними сбором чая мате. Энгельгардты, отец и сын, сначала намеревались расстаться с экспедицией в Тукумане, но потом решили продолжить с друзьями их путешествие к камба.

Там отряд уже дожидался дон Пармесан. Когда он узнал обо всем, что произошло в ущелье, то очень сожалел, что ему не довелось быть на месте этих событий.

Скелет мегатерия был аккуратно разобран на части, груз уложили на спины вьючных лошадей. Пора было расставаться с участниками экспедиции Отца-Ягуара, остававшимися в Гран-Чако для сбора чая. Прощание вышло очень сердечным, и после него под предводительством Карлоса Хаммера, знаменитого Отца-Ягуара, банкир Энгельгардт, его сын, доктор Моргенштерн, Фриц Кизеветтер, Аука и Ансиано направились в Буэнос-Айрес.

Прошли годы. Благодаря своему мегатерию, доктор Моргенштерн стал очень знаменит в научных кругах, но не почил на лаврах. Время от времени вместе с верным Фрицем они отправлялись в новые путешествия в разные места земного шара в поисках стоянок древнего человека. В ближайшее время с этой же целью они собираются отправиться в Сибирь. Аука, окончив в Германии специальную школу, стал егерем, чем старый Ансиано, по-прежнему не покидавший его, был чрезвычайно доволен. Бывший банкир из Лимы Энгельгардт спокойно жил в своем живописном поместье на берегу прекрасного Рейна. Недалеко от него Антон и его брат создали

свое винодельческое хозяйство, приносящее неплохой доход.

Все они часто писали другу другу, и ни одно письмо не обходилось без того, чтобы значительное место в нем не заняли воспоминания о событиях, пережитых в Аргентине, когда разворачивалась вся эта история, названная мною.

«Завещание Инки».

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Бой быков, бой быков! (исп.).

Аргентинская Конфедерация — официальное название Аргентинской Республики в конце XIX в. В прошлом веке в этой стране почти непрерывно шла борьба за то или иное устройство государства — федеративное или унитаристское. В зависимости от перевеса той или иной политической партии менялось и название государства.

Диктатор Лопес — речь идет о Франсиско Солано Лопесе, захватившем власть в Парагвае после смерти своего отца, выдающегося политического деятеля Карлоса Антонио Лопеса (1790-1862).

Парагвайская война — эту войну в 1865-1870 гг вели против Парагвая Аргентина, Бразилия и Уругвай (Притязания Ф.-С. Лопеса на Уругвай стали причиной войны.) В защиту Уругвая выступила сначала Бразилия, потом к ней присоединилась и Аргентина. За четыре года военных действий Аргентина потеряла не менее 40 тысяч человек на полях сражений и около 200 тысяч — в результате эпидемии холеры. Первое время действия аргентинских войск носили вялый, нерешительный характер. Только после вступления в должность вновь избранного президента Фаустино Доминго Сармьенто (1811-1888), в 1868 г, ход войны резко изменился. Аргентинская армия стала действовать гораздо решительнее, и союзные войска одержали быструю победу, приведшую к падению, а затем и смерти диктатора Лопеса.

3

Поместье, имение (исп.).

4

Помещик, владец асиенды (исп.).

Пампа — южноамериканская равнина (расположенная, главным образом, в Аргентине) с субтропическим климатом, черноземными почвами и степной растительностью.

6

Черт побери! (исп.).

Гаучо — аргентинский пастух, житель пампы.

Голиаф — библейский великан, здесь это имя употреблено в переносном значении, то есть гигант, могучий человек.

Бумажный талер — под «талером» в европейских государствах, где говорят на немецком языке, понимались серебряные монеты, курсировавшие в XV-XIX вв. В Англии, а потом и в Северной Америке слово «талер» употреблялось как синоним слова «доллар», здесь речь идет как раз о долларах США.

Глиптодонты — ископаемые млекопитающие кайнозойского (см прим 11) времени, родственные современным броненосцам; их тела были покрыты костным панцирем.

Мегатерий — род ископаемых млекопитающих, гигантский наземный ленивец, имели массивное туловище — длиной до 6 м. и короткие ноги, были травоядными.

Мастодонты — ископаемые млекопитающие из группы хоботных, сходные с современными слонами; вымерли уже в современную геологическую эпоху.

Фрейлиграт, Фердинанд (1810-1875) — немецкий поэт, виднейший представитель романтизма.

Буэнос-Айрес — Когда в 1535 г испанцы заложили свой опорный пункт на берегу Ла-Платы, они дали этому поселению пышное и очень длинное название Сьюдад-де-ла-Сангитиссима-Тринидад-и-Пуэрто-де-Нуэстра-Сеньора-ла-Вирхен-Мария-де-лос-Буэнос-Айрес. Перевод этого пространного топонима звучит так: «Город Пресвятой Троицы и порт Госпожи Нашей Девы Марии от добрых ветров». Это было связано с тем, что закладывалось поселение в праздник Святой Троицы, при этом испанцы молились о ниспослании им доброго ветра в паруса их каравелл. Однако со временем возникло и другое толкование сокращенного названия города. Испанское слово «aire» может означать и «воздух», и получалось так, что основатели Буэнос-Айреса просили у своей небесной покровительницы здорового «воздуха» (т. е. климата) на месте своего поселения, что, в общем, не противоречило истинному положению вещей, и потому новое толкование прижилось.

Гран-Чако — обширная равнина в Южной Америке. Ее южная часть принадлежит Аргентине, северная долгое время являлась предметом споров между Боливией и Парагваем. В результате войны 1932-1936 гг. парагвайцы получили три четверти этой территории.

Черт возьми! (исп.).

Йербатерос — это сборщики чайного листа, которые бродят по девственным лесам в предгорьях Анд в поисках дикого парагвайского чая, славящегося своим неповторимым вкусом (прим. авт.).

Слово «сендадор» в Аргентине обозначает то же самое, что в Северной Америке «скаут» (прим авт.).

Живодером — от исп. *desollador*.

Имеется в виду великий немецкий поэт Иоганн Фридрих Шиллер (1759-1805).

Кода — (ит. *coda*, букв — хвост) — заключительный раздел музыкального произведения, закрепляющий его главную тональность и развитие музыкальной темы.

Самниты — италийские племена, населявшие центральную часть Апеннин — Самниум, здесь имеется в виду тип вооружения римских гладиаторов, перенятый у воинов этих племен.

Фракийцы — общее название племен, проживавших по обоим берегам Дуная, в Южных Карпатах и Родопах, вплоть до северного побережья Эгейского моря. Здесь также имеется в виду тип вооружения гладиаторов.

Ретиарий — гладиатор, вооруженный трезубцем и сетью, исполнял своего рода роль рыбака, задачей которого было опутать сетью и пронзить трезубцем мурмиллона, другого гладиатора, («рыбку»).

Фридлиндер, Людвиг (1824-1909) — профессор Кенигсбергского университета Упоминаемая книга написана им в 1862-1871 гг. Марквардт, Иоахим — немецкий историк, автор фундаментальных трудов по истории Древнего Рима.

Имеется в виду Клавдий Нерон Друз Старший (39-0 до н. э.), брат римского императора Тиберия, совершивший в 11 г до н. э. удачный завоевательный поход в Германию.

Гамбусино — золотоискатель (исп.).

Чинчильеро — охотник на шиншилл (исп.).

Каскарильерро — сборщик коры дерева каскариль, или хинного дерева (исп.).

Парана — здесь имеется в виду город, расположенный на левом берегу одноименной реки, напротив Санта-Фе.

Эстансия (исп.) — поместье, имение, синоним слова «асиенда».

Буквально: «всадник, рыцарь, дворянин, кавалер» (исп.), здесь употреблено в значении — «кавалер»; применяется обычно для обращения к лицам дворянского сословия.

Болас (мн. ч.; ед. ч. — бола; исп.) — букв. «шары».

Удаление (лат.).

Научное название парагвайского чайного дерева (мате).

Температура в 80 градусов по шкале Реомюра соответствует точке кипения воды, то есть 100 градусам по шкале Цельсия.

Здесь имеется в виду одно из значений этого слова, то есть отлов быков с помощью лассо.

Идиосинкразия — повышенная чувствительность к определенным веществам.

Мужской род (лат.).

Женский род (лат.).

В данном случае слово «кабальеро» употреблено не в значении «рыцарь, дворянин», а в значении «джентльмен, человек чести».

Биллион — миллиард (10 в девятой степени), хотя обычно в немецкой литературе так называют единицу следующего разряда — триллион (10 в двенадцатой степени).

Дон Пармесан переименовывает немецкое имя Фриц на испанский лад.

40

Мясо с кожей (исп.).

Жак, Амеде (1813-1865) — французский философ, профессор парижской Эколь Нормаль, издатель оппозиционного журнала «Свобода мысли»; закрытого после монархического переворота Луи-Наполеона. Оказавшись в своей стране в роли диссидента, ученый эмигрировал в Южную Америку, где занялся преподаванием (преимущественно в Монтевидео), умер в Буэнос-Айресе.

Эндемик — эндемичное растение — вид, род или семейство растений, свойственных только какому-то одному региону.

Сладкая река (исп.).

Солоноватая река (исп.).

«Мы подберемся к нему, как Давид к филистимлянам» — автор имеет в виду известный библейский эпизод, рассказывающий о покорении царем Израиля и Иудеи Давидом филистимлян, враждебного евреям населения Ханаана: «И спросил Давид Господа идти ли мне против филистимлян, и предашь ли их в руки мои? И Он отвечал ему не выходи навстречу им, а зайди им с тылу и иди к ним со стороны тутовой рощи; и когда услышишь шум как бы идущего по вершинам тутовых деревьев, то двинься, ибо тогда пошел Господь пред тобою, чтобы поразить войско Филистимское И сделал Давид, как повелел ему Господь, поразил филистимлян» (Вторая книга Царств, 5. 23-25).

Пампасовый олень (*blaslocervus campestris*) или гуасуй (исп.) — животное из рода зачаточнорогих оленей, длиной 110см, высотой 70 см, с толстой грубой шерстью красновато-бурого цвета «Живет маленькими семьями, прекрасно бегают защищается отчаянно, но скоро делается ручным В известное время от этого оленя исходит такая вонь, что достаточно дотронуться до него чем-нибудь, и эта вещь будет пахнуть невыносимо в течение нескольких недель. Мясо молодых оленей приятно на вкус» (А. Э. Брэм. Жизнь животных).

Вальпургиева ночь — Вальпургия (нем Вальггургис) родилась в Англии, в VIII в, но потом переселилась в Германию, католическая праведница, после смерти объявлена святой Ее могила привлекала многочисленных паломников, поэтому день ее памяти (1 мая) в народе отмечался как праздник Согласно легенде, в ночь с 30 апреля на 1 мая на горе Броккен (в горах Гарца) собирались ведьмы и колдуны, устраивали дикие пляски и замыслили всяческие козни против людей.

Грибница (лат.).

Комедия дель арте (ит.) — комедия масок, основу которой составляла актерская импровизация, основной жанр итальянского народного театра. В современном театре сохранились элементы комедии дель арте в виде импровизационных интермедий, вставляемых в основное действие спектакля.

Игра слов. По-немецки слово «Schild» означает в зоологической лексике «панцирь», в общеупотребительной — «щит», «козырек». Слово же «Schildbuerger», то есть «житель Шильды» — языковая идиома, означающая гражданина вымышленного города, все жители которого совершают только глупые поступки, то есть это недотепы, дуралеи, простаки, непроходимые глупцы.

По-немецки слово «черепаха» звучит как «Schildkroete».

Chelonia, или Testudines — латинское название всего подкласса черепах К Май упоминает латинское название пресноводных черепах (Emys), кожистых черепах (Sphargidae) сухопутных черепах (Testudo), каймановых черепах (Chelydra).

Гамбусино — 1) Золотоискатель; 2) авантюрист (исп.).

Митре Бартоломе (1821 -1906) — выдающийся аргентинский государственный деятель, военачальник, историк, литератор С 1862 по 1868 гг. был президентом страны.

Слово «инка» употребляется обычно в трех значениях, для обозначения 1) вообще индейцев-кечуа, 2) представителей династии правителей империи Тауантинсуйу, называемых также Сыновьями Солнца (в этом случае традиционным является написание слова с прописной буквы — «Инка»), 3) верховного правителя Тауантинсуйу («Сапа Инка») Первое значение, широко употребляемое в XIX и начале XX века, сейчас вытеснено названием «кечуа» или самоназванием «руна» (люди) В тексте романа «Завещание Инки» это слово употребляется как в значении просто «индеец инка» так и в значении «верховный правитель народа инков».

Омбу — быстрорастущее дерево, встречается в Аргентине, Уругвае, Парагвае, на юге Бразилии и в Перу. Ствол его не имеет годовых колец, т. к. состоит из рыхлых волокнистых слоев, число которых достигает нескольких сотен. Раскидистые ветви омбу простираются метров на пятнадцать, а то и больше. Дерево дает густую тень, отпугивает насекомых: ни муравьи, ни мухи, ни комары, ни москиты не докучают людям, отдыхающим в тени омбу. Аргентинцы любят омбу больше всех прочих деревьев, что отражено в многочисленных преданиях, мифах и литературных произведениях. Омбу интересно еще тем, что не относится к групповым видам — отдельные деревья растут друг от друга на расстоянии многих километров. Никто еще не видел омбу, пораженное болезнью, сгнившее или высохшее от старости. Вряд ли справедливо сравнение автора наземных корней омбу с извивающимися змеями, корни этого дерева напоминают скорее оплывшую кору. К. Май ошибается, когда пишет о горючести омбу. Наоборот, известно, что это дерево не страдает от пожаров, поскольку его ствол и ветви на восемьдесят процентов состоят из воды. Сухое омбу, правда, и в самом деле сгорает быстро и не давая жара — как газетная бумага.

Разумеется, дон Пармесан все путает.

15 градусов по Реомюру соответствует 12 градусам по Цельсию.

Камба (устар. — камбасы) — группа племен народа гуарани, населявшие в описываемое К Маем время западные районы Гран-Чако; впрочем, под этим названием камба были известны больше среди соседних племен; самоназвание — чиригуано.

Вот беда! (исп.).

Физиогномика — искусство определять характер незнакомого человека, руководствуясь чертами его лица.

Каламбур — птица по-немецки «фогель», а по-испански «пахаро».

Словарный перевод этого слова — «плут, пройдоха, мошенник», хотя в данном случае, исходя из характера персонажа, слово «шутник» точнее.

Такуара — так в Аргентине называют разновидность бамбука (букв. «крепкий тростник»).

Одно из местных названий аномальных непознанных явлений природы, принятых в Аргентине.

Мадрина — буквально крестная или посаженная мать (исп.) у аргентинских коневодов кобыла, исполняющая роль вожака табуна.

Аррьерос — погонщики вьючных животных (исп.).

Поселок Истребления (исп.), буквально: «Место Массовой Смерти».

69

Кожа на черепе (исп.).

Прозрачный ручей (исп. — прозрачный, светлый, чистый, ясный).

Болото Костей (исп.).

Дюйм — равен 2,54 см.

Ущелъем Смерти (исп.).

Киноа — дикая гречиха (исп.).

Крокодилы — речь в данном случае идет о распространенных почти по всей Южной Америке широколобых кайманах (*Caiman latirostris*) или весьма сходных с ними кайманах-жакаре (*Caiman jacare*)

Затылочная кость (лат.).

Бедренная кость (лат.).

Иона — один из библейских пророков, получивший от Бога наказ отправиться в Ниневию, столицу Ассирии, и угрожать стране близкой гибелью за грехи ее жителей. Пророк пытался уклониться от выполнения своей миссии и бежать на корабле. В пути судно настигла буря, и моряки решили пожертвовать Ионой. Оказавшегося в воде пророка проглотил посланный Богом кит, во чреве которого Иона усердно молился Творцу, выпрашивая прощение. Через три дня пророк был отпущен Богом и «отрыгнут» китом на сушу.

Долина Высохшего озера (исп.).

Чаньяр — южноамериканское дерево из семейства бобовых, с колючими шипами и желтой корой, со сладкими съедобными плодами.

Различные конфессии — здесь имеются в виду различные направления западной христианской церкви: правоверное католичество, протестантство, а также разнообразные ответвления реформаторского вероучения.

Strenuitas — деятельный характер, рвение, усердие, бодрость, проворство (лат.).

Боливар — здесь: золотая монета, имевшая в XIX в. хождение в Боливии, по курсу конца XIX в 10 боливаров соответствовали 40, 5 немецкой марки.

Semita — основные значения: узкая дорожка, проселочная дорога, тропа (лат.), но в поговорках может означать «верная дорога».

Буквально: «изголовья долин» (исп.).

Пуна — предгорье Анд (буквально «Пустынная местность» (исп.).

Дикая, или суровая, Пуна (исп.).

Вот это да! (исп.).

Из приведенных автором названий общеизвестна только Куско, бывшая столица империи инков. Остальные названия в той или иной мере искажены. По-видимому, подразумеваются селения Уанкайо, Качи-Уаси и Чикитанта, где обнаружены архитектурные памятники инкского и более раннего периода. Правда, под Качи можно понять и Кориканчу (инкское *Coricancha* означало «Золотая ограда»), величественный дворцовый комплекс в Куско, бывший самым крупным зданием в городе и называвшийся сначала Инти-Канча — «Дом Солнца», поскольку в нем размещался храм бога Солнца, впоследствии храм был обнесен стеной, украшенной золотыми пластинами.

Уака — индейская могила (исп.), а также — зарытый клад.

Placabilitas — склонность к примирению, отходчивость (лат.).

Clementia — ласковость, снисходительность, кротость, мягкосердечие (лат.).

Mansuetudo — кротость, мягкость (лат.).